ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 3 2022

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 3 2022

Главный редактор:
чл.-корр. АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г. Атанасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Удэ); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф. (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, член-корр. РАН, д.и.н. (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Казань); **А. Самзун**, д-р. (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Р.Р. Хайрутдинов**, к.и.н. (Казань); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственный редактор номера:
канд. ист. наук *С.Г. Бочаров*

Редакционная коллегия номера:

Е.В. Асташенкова, к.и.н. (Владивосток); **С.Г. Бочаров**, к.и.н. (Севастополь); **И.О. Гавритухин** (Москва); **З.В. Доде**, д.и.н. (Ростов-на-Дону); **Ю.А. Зеленеев,** д.и.н. (Йошкар-Ола); **И.Л. Измайлов**, д.и.н. (Казань); **В.П. Кирилко**, к.и.н. (Симферополь); **В.Л. Мыц**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **К.А. Руденко**, д.и.н. (Казань); **Ф.Ш. Хузин**, д.и.н., проф. (Казань); **З.Г. Шакиров**, к.и.н. (Казань); **Л.В. Яворская**, к.и.н., доцент (Москва).

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором
Адрес редакции, издателя:
420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Телефон: (843)236-55-42
Адрес учредителя:
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
E–mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru
Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий
«Почта России»
Выходит 6 раз в год

Журнал издан при поддержке Фонда президентских грантов, Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, ГАУК СО «Исторический парк «Моя история», АНО «Живая история», АНО «Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия», ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

Учредитель: Академия наук Республики Татарстан
© Академия наук Республики Татарстан, 2022
© Журнал «Археология Евразийских степей», 2022

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIIA EVRAZIISKIKH STEPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 3 2022

Editor-in-Chief:
Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov,** Doctor of Historical Sciences, Prof., Academic of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocaru**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin,** Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Ramil R. Khayrutdinov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Kazan); **Anaick Samzun,** Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland).

Executive Editor:
Candidate of Historical Sciences **Bocharov Sergei G.**
Editorial board:

Elena V. Astashenkova, Candidate of Historical Sciences (Vladivostok); **Sergei G. Bocharov,** Candidate of Historical Sciences (Sevastopol); **Igor O. Gavritukhin** (Moscow); **Zvezdana V. Dode,** Doctor of Historical Sciences (Rostov on Don); **Yuriy A. Zeleneev,** Doctor of Historical Sciences (Yoshkar-Ola); **Iskander L. Izmailov,** Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir P. Kirilko,** Candidate of Historical Sciences (Simferopol); **Victor L. Myts,** Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Konstantin A. Rudenko,** Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Fayaz Sh. Khuzin**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Kazan); **Zufar G. Shakirov,** Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Liliya V. Yavorskaya** Candidate of Historical Sciences (Moscow).

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Editorial Office Address:
Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru

© Tatarstan Academy of Sciences, 2022
© Archaeology of the Eurasian Steppes Journal, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Сибирь и Дальний Восток

Артемьева Н.Г., Артемьева П.А. *(Владивосток, Россия)*
Бронзовая гиря с девизом правления Хана Хубилая из Приморья 8

Дьякова О.В. *(Москва, Россия)* Даурские памятники Приамурья 19

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. *(Кемерово, Россия)*
Предметы крепления колчана к поясу из погребений
развитого средневековья в Кузнецкой котловине 28

Центральная Азия

Раимкулов А.А. *(Самарканд, Узбекистан)*
Древние и средневековые кочевнические города Кашкадарьи (Узбекистан) 36

Мирзаахмедов С.Д. *(Ташкент, Узбекистан)* Ранние рабаты-каравансараи Бухары
на границах кочевой степи (по материалам городища Пайкенд) 44

Искандерова А.Д., Султанова М.Н. (*Самарканд, Узбекистан)*
Орнаментация глазурованной керамики Хорезма (XIII–XIV вв.) 57

Усманова Э.Р. *(Караганда, Казахстан)*, **Ускенбай К.З.** *(Алматы, Казахстан)*,
Кожа М.Б. *(Туркестан, Казахстан)*, **Панюшкина И.П.** *(Тусон, США)*,
Соловьева Л.Н. *(Москва, Россия)*, **Ахатов Г.А.** *(Алматы, Казахстан)*
Мавзолей Джучи-хана: реалии, легенды и обряд 74

Сайпов С.Т. *(Нукус, Узбекистан)*
Кухонная посуда Южного Приаралья в золотоордынское время 81

Калменов М.Д., Бижанова А.Е. *(Уральск, Казахстан)*,
Ашыгалиев Б.М. *(Казань, Россия)* Исследования сельских поселений
округов золотоордынских городов Запада Казахстана (на примере городища Жайык) 90

Марыксин Д.В. *(Алматы, Казахстан)*, **Попов П.В.** *(Астрахань, Россия)*,
Крыгин А.П. *(Алматы, Казахстан)* Работы на городище Кызылкала в 2021 году
и предварительный анализ керамического материала 98

Русланов Е.В. *(Уфа, Россия)* Мавзолей Бэндэбикэ – статусный погребальный памятник
с территории улуса Шибана: история изучения и окружающий контекст 106

Харламов П.В. *(Оренбург, Россия)* Уникальные предметы вооружения
эпохи средневековья из Оренбургской области 114

Иванов В.А. *(Уфа, Россия)* Кочевники Золотой Орды и окружающий их мир:
парадигма взаимовосприятия 125

Лапшина И.Ю. *(Волгоград, Россия)* К вопросу о локализации Ак и Кок Орды 132

Средняя Волга

Винничек В.А., Винничек К.М. *(Пенза, Россия)*,
Дидюлин А.В. *(Самара, Россия)* К вопросу об этническом составе населения
Верхнего Посурья и Примокшанья в золотоордынское время 138

Губайдуллин. А.М. *(Казань, Россия)*
О градостроительстве в Булгарском улусе Золотой Орды 149

Бадеев Д.Ю. *(Москва, Россия)* Ремесленные районы гончаров в золотоордынском Болгаре 157

Куклина А.А. *(Казань, Россия)* К вопросу о различиях местной гончарной керамики
Болгара раннего и позднего золотоордынского периодов 163

Бугарчев А.И., Шайхутдинова Е.Ф. *(Казань, Россия)*
Нумизматический комплекс из с. Рождествено (Татарстан)
по материалам Музея археологии РТ Института археологии АН РТ 169

Руденко К.А. *(Казань, Россия)*
Пойменные поселения Западного Закамья в XI – начале XV в. и кочевники 175

Гисматулин М.Р. *(Ульяновск, Россия)*
Материалы Муранского могильника в коллекции УОКМ 181

Газимзянов И.Р. *(Казань, Россия)*, **Хохлов А.А.** *(Самара, Россия)*
Краниологическая характеристика антропологических материалов из погребений грунтового могильника Самарской Луки «Жигули – I» (Самарская область, Ставропольский район) 190

Зиливинская Э.Д. *(Москва, Россия)*
Благоустройство и санитария в золотоордынских городах 196

Нижняя Волга

Волков И.В. *(Москва, Россия)*
Некоторые картографические и нарративные источники об Укеке 204

Дрёмов И.И. *(Саратов, Россия)*, **Круглов Е.В.** *(Волгоград, Россия)*
Курган 5 могильника Кривая Лука XVI и проблема ассимиляции монголов в Золотой Орде 243

Козлов Д.А. *(Саранск, Россия)*
Накладки аскизского типа из мордовского погребения №6 Аткарского могильника 249

Кубанкин Д.А. *(Саратов, Россия)*
Золотоордынский город Укек по данным археологических исследований 2005–2021 гг. 264

Валиев Р.Р., Ситдиков А.Г. *(Казань, Россия)*
Результаты разведочных исследований в окрестностях Увекского городища в 2018–2019 гг. 272

Доде З.В. *(Ставрополь, Россия)* Мамлюки и Золотая Орда сквозь призму текстильной находки 2021 года на Увекском городище 280

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. *(Казань, Россия)*
Железные предметы с Багаевского селища (часть 2) 288

Пигарёв Е.М. *(Йошкар-Ола, Россия; Казань, Россия)*
Формирование на Нижней Волге столичного центра Улуса Джучи в эпоху правления хана Узбека (анализ нумизматического материала) 295

Соловьёв Д.С. *(Астрахань, Россия)*, **Котеньков С.А.** *(Москва, Россия)*
Находки раннесредневековых пифосов-кувшинов в дельте Волги 304

Бездудный В.Г., Вафина Г.Х., Мирсияпов И.Ю., Овечкина Л.В. *(Казань, Россия)*, **Пигарев Е.М.** *(Йошкар-Ола, Россия; Казань, Россия)*, **Ситдиков А.Г.** *(Казань, Россия)* Предварительные итоги исследований неконтактными методами Лапасского комплекса мавзолеев 314

Список сокращений 326

Правила для авторов 327

CONTENT

Siberia and the Far East

Artemieva N.G., Artemieva P.A. *(Vladivostok, Russian Federation)*
Bronze Weight Inscribed with Kublai Khan's Era Name from Primorye 8

Diakova O.V. *(Moscow, Russian Federation)* Daurian Monuments of the Amur Region 19

Ilyushin A.M., Suleymenov M.G. *(Kemerovo, Russian Federation)*
Quiver Belt Fasteners from Developed Middle Age Burials in the Kuznetsk Basin 28

Central Asia

Raimkulov A.A. *(Samarkand, Uzbekistan)*
Ancient and Medieval Nomadic Cities of Kashkadarya (Uzbekistan) 36

Mirzaakhmedov S.D. *(Tashkent, Uzbekistan)*
Early Rabat-Caravansarais of Bukhara at the Borders of the Nomad Steppe
(based on Paikend settlement materials) 44

Iskanderova A.D., Sultanova M.N. (*Samarkand, Uzbekistan)*
Ornamentation on Glazed Ceramics of Khorezm (13th–14th CC.) 57

Usmanova E.R.*(Karaganda, Kazakhstan)*, **Uskenbay K.Z.** *(Almaty, Kazakhstan)*,
Kozha M.B. *(Turkestan, Kazakhstan)*, **Panyushkina I.P.***(Tuson, USA)*,
Solovieva L.N. *(Moscow, Russian Federation)*, **Akhatov G.A.** *(Almaty, Kazakhstan)*
Juchi Khan Mausoleum: realities, legends and rituals 74

Sainov S.T. *(Nukus, Uzbekistan)*
Kitchen Ware from Southern Aral Sea Region in the Golden Horde Period 81

Kalmenov M.D., Bizhanova A.E., *(Uralsk, Kazakhstan),*
Ashygaliev B.M. *(Kazan, Russian Federation)* Studies of Rural Settlements
in the Areas of Golden Horde Cities in West Kazakhstan (on the example of Zhaiyk settlement) 90

Maryksin D.V. *(Almaty, Kazakhstan)*, **Popov P.V.** *(Astrakhan, Russian Federation)*,
Krygin A.P. *(Almaty, Kazakhstan)* Activities at Kyzylkala Settlement in 2021
and Preliminary Analysis of Ceramic Material 98

Ruslanov E.V. *(Ufa, Russian Federation)* The Mausoleum of Bendebike:
High-Status Funeral Monument from the Territory of the Shiban Ulus:
study history and context 106

Kharlamov P.V. *(Orenburg, Russian Federation)*
Unique Medieval Armament Items from Orenburg Oblast 114

Ivanov V.A. *(Ufa, Russian Federation)* The Golden Horde Nomads and the Surrounding World:
a mutual perception paradigm 125

Lapshina I.Yu. *(Volgograd, Russian Federation)* The Localisation of Ak and Kok Horde 132

Middle Volga

Vinnichek V.A., Vinnichek K.M. *(Penza, Russian Federation)*,
Didyulin A.V. *(Samara, Russian Federation)* The Issue of the Ethnic Structure
of the Population Of The Upper Sura and Moksha Regions in the Golden Horde Period 138

Gubaidullin A.M. *(Kazan Russian Federation)*
Urban Planning in the Bolgar Ulus of the Golden Horde 149

Badeev D.Yu. *(Moscow, Russian Federation)*
Potters' Districts in Bolgar of the Golden Horde Period 157

Kuklina A.A. *(Kazan, Russian Federation)*
Differences Between Early and Late Golden Horde Ceramics from Bolgar Settlement 163

Bugarchev A.I., Shaykhutdinova E.F. *(Kazan, Russian Federation)*
Numismatic Complex from Rozhdestveno Village (Tatarstan) Based on the Materials
of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan of the Institute of Archaeology
of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan 169

Rudenko K.A. *(Kazan, Russian Federation)* Floodplain Settlements of the Western Trans-Kama in the 11th – Early 15th Centuries and the Nomads 175

Gismatulin M.R. *(Ul'yanovsk, Russian Federation)* Materials from the Muran Burial Ground in the Collection of the Ulyanovsk Regional Museum of Local Lore 181

Gazimzyanov I.R. *(Kazan, Russian Federation)*, **Khokhlov A.A.** *(Samara, Russian Federation)* Craniological Characteristics of Anthropological Materials from the Burials of Zhiguli-I Subsoil Burial Ground in Samara Luka (Samara Oblast, Stavropolsky District) 190

Zilivinskaya E. D.*(Moscow, Russian Federation)* Amenities and Sanitation in Golden Horde Cities 196

Lower Volga

Volkov I.V. *(Moscow, Russian Federation)* Cartographic and Narrative Sources Related to Ukek 204

Dremov I.I. *(Saratov, Russian Federation)*, **Kruglov E.V.** *(Volgograd, Russian Federation)* Krivaya Luka XVI, Mound 5 and the Issue of Assimilation of the Mongols in the Golden Horde 243

Kozlov D.A. *(Saransk, Russian Federation)* Askiz Type of Plates from Mordovian Burial No. 6 of Atkar Burial Ground 249

Kubankin D.A. *(Saratov, Russian Federation)* The Golden Horde City of Ukek Based on Archaeological Investigations of 2005–2021 264

Valiev R.R., Sitdikov A.G. *(Kazan, Russian Federation)* Results of Explorations in the Vicinity of Uvek Settlement in 2018–2019 272

Dode Z.V. *(Stavropol, Russian Federation)* Mamluks and the Golden Horde Through the Prism of Textile Found at Uvek Settlement in 2021 280

Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B. *(Kazan, Russian Federation)* Iron Objects from Bagaevka Settlement (Part II) 288

Pigarev E.M. *(Yoshkar-Ola, Russian Federation; Kazan, Russian Federation)* Formation of the Capital Center of the Ulus Of Jochi in the Lower Volga During the Reign of Uzbek Khan (analysis of numismatic material) 295

Soloviev D.S. *(Astrakhan, Russian Federation)*, **Kotenkov S.A.** *(Moscow, Russian Federation)* Early Medieval Pithos-Jugs Discovered in the Volga Delta 304

Bezdudny V.G., Vafina G.Kh., Mirsiyapov I.Yu., Ovechkina L.V. *(Kazan, Russian Federation)*, **Pigarev E.M.** *(Yoshkar-Ola, Russian Federation; Kazan, Russian Federation)* , **Sitdikov A.G.** *(Kazan, Russian Federation)* Preliminary Results of Non-Contact Studies of the Lapas Complex of Mausoleums 314

List of Abbreviations 326

Instructions for Authors 327

Сибирь и Дальний Восток

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.8.18

БРОНЗОВАЯ ГИРЯ С ДЕВИЗОМ ПРАВЛЕНИЯ ХАНА ХУБИЛАЯ ИЗ ПРИМОРЬЯ

© 2022 г. Н.Г. Артемьева, П.А. Артемьева

В статье рассматриваются вопросы, связанные с выделением признаков, характерных для монгольского периода на чжурчжэньских памятниках Приморья. Вопрос о поселениях юаньского времени на территории Дальнего Востока является актуальным. До последнего времени критерием для выделения юаньского слоя на археологических памятниках Приморья являлось наличие глазурованной керамики зеленого цвета и черепицы с треугольными отливами и изображениями драконов. Археологический материал, полученный на чжурчжэньских памятниках, показал, что данные признаки не являются определяющими для выделения монгольского периода. На сегодняшний день единственным точным подтверждением человеческой активности на территории Приморья в юаньский период является обнаруженная здесь в 70-х гг. XX в. бронзовая гиря с девизом правления хана Хубилая. В связи с тем, что информация о данной находке до сих пор не была опубликована, целями исследования в данной работе стали введение в научный оборот новых эпиграфических данных и постановка вопроса об определении индикаторов юаньского времени на памятниках государства Восточное Ся. Согласно письменным источникам, после пленения в 1233 г. основателя данного государства, монголы ушли, оставив на его территории сто с лишним всадников. Восточное Ся стало вассалом монгольской империи Юань и в таком положении продолжало свое существования еще долгое время. После прихода к власти династии Юань прежние присоединенные административные территории Ляодунского полуострова и Приморья были ликвидированы и стали районом, находящимся под непосредственным управлением монголов. В этот период в Приморье, вероятно, появляются монгольские военные поселения, представлявшие собой новый тип укреплений. В настоящее время к ним можно отнести городище Батюки. Анализ исследованных находок показывает, что для отнесения археологического материала к индикаторам монгольского присутствия, необходимо наличие только хорошо датируемых предметов, к которым относятся эпиграфические памятники.

Ключевые слова: чжурчжэни, монголы, средневековая археология, эпиграфика, гиря, индикаторы культуры, династия Юань, империя Цзинь, государство Восточное Ся, Дальний Восток, Приморский край.

BRONZE WEIGHT INSCRIBED WITH KUBLAI KHAN'S ERA NAME FROM PRIMORYE

N.G. Artemieva, P.A. Artemieva

The paper addresses issues related to determining the typical signs of the Mongolian culture in the territory of the Jurchen settlements in Primorye. Research of the settlements dated back to the period of the Yuan Dynasty located in the territory of the Far East is a highly topical issue. Until recently, green glazed ceramics and roof tiles with triangular drips and decorative dragon ornaments have been considered as remarkable features for defining the Yuan cultural layer on the archaeological sites of Primorye. The archaeological material collected at Jurchen settlements has proved that these attributes are not conclusive in identifying the Mongol period. Nowadays, the only artifact that can be regarded as feasible evidence of the Mongolian activity in the territory of Primorye in the Yuan period is a bronze weight inscribed the Kublai Khan's era name that was excavated in the 1970s. Considering that the information about this find has not yet been published, the goals of the research featured in this article are to introduce into scientific discourse new epigraphical data, and raise an issue of determining the markers indicative of the Yuan Dynasty at the sites of the Eastern Xia State. According to the written sources, after the capture of the state founder in 1233, the Mongols moved away and left the state under control of a hundred odd equestrians. The Eastern Xia became the Mongols' vassal state and remained in this state for many years. When the Yuan Dynasty was established, the Mongols cancelled the former Jurchen administrative units in the invaded territories of the Liaodong Peninsula and Primorye, and the area was now under direct governance of the Yuan Dynasty. In Primorye, it presumably was the period when the Mongols

began to build military settlements that represented a new type of fortification constructions. Nowadays, the archaeological site of Batjuki can be regarded as an example of such type of constructions. An analysis of the studied finds demonstrates that the attribution of archaeological material to indicators of Mongolian presence requires well-dated artifacts, which include epigraphical objects.

Keywords: the Jurchens, the Mongols, Medieval archaeology, epigraphy, weight, cultural markers, the Yuan Dynasty, the Jin Dynasty, the Eastern Xia State, the Far East, Primorye.

Введение

В научных кругах уже ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что выделенный четверть века назад на территории Российского Дальнего Востока период с 1215–1233 гг. приходился на время существования государства Восточного Ся. За это время определены характерные черты этих памятников, разработаны критерии их функционального назначения, установлено расположение Верхней столицы – г. Кайюань на месте Краснояровского городища, а также изучены особенности самобытной материальной культуры. Среди обилия археологического материала обнаружены находки, которые дали возможность поднять вопрос об этапах существования государства Восточное Ся, которые не ограничивались 1233 г. Прежде всего, это эпиграфические находки с указанием времени их выпуска, который выходил за официальные временные рамки существования государства. К таким эпиграфическим материалам относится панцирная пластинка с регистрационной надписью «1-й месяц 11-го года Датун», (февраль-март 1234 г.), обнаруженная на Краснояровском городище. Данная надпись позволила сделать вывод, что город продолжал свое существования после официального падения государства Восточного Ся (Артемьева, 2015).

Известно, что с 1234 г. в период, предшествующий созданию монгольской империи и в годы правления династии Юань, государство Восточное Ся продолжало свое существование в статусе вассала Юань (Чжао Минци, 1985). Этот процесс продолжался сравнительно долгий период времени, в течении которого положение государства характеризовалось рядом особенностей, которые заключались в том, что Восточное Ся, будучи в политической зависимости, сохраняло определенные границы и военные силы, назначало чиновников, осуществляло государственное управление, и к тому же продолжало представлять собой реальное государственное образование. Со времени основания династии Юань (1271 г.), после уничтожения Западной Сун и объединения всего государства, Восточное Ся с его прежним положением независимого государства очевидно не могло больше продолжать свое существование. Присоединенные административные территории Ляодунского полуострова и Приморья были ликвидированы и стали районом, находящимся под непосредственным управлением империи Юань (Ван Шэньжун, Чжао Минци, 1990, Чжан Тайсян, 1982).

Проблема выделения монгольских поселений на территории Приморья

Вопрос о существовании монгольских поселений на территории Приморья всегда был актуален. Э.В. Шавкунов, основываясь на данных письменных источников, первым выдвинул предположение о возможности нахождения в низовьях р. Туманган и по р. Суйфун монгольских поселений или колоний, подтвердив эту гипотезу данными топонимики (Кычанов, Шавкунов, 1964; Шавкунов, 1963; Шавкунов, 1965). Он пытался выделить на средневековых памятниках материал, относящийся к с юаньскому периоду. К данному времени были отнесены фрагмент толстостенного сосуда покрытого зеленой поливой с рельефным узором; фрагменты сосудов с темно-бурого, оливкового и буро-малинового цветов, обнаруженные на Осиновском поселении (Шавкунов, 1963, л. 25–26); фрагмент кровельной черепицы с капельником, на котором изображен дракон, из коллекции раскопок кургана в с. Никольском в 1885 г. Ф.Ф. Буссе; концевые диски с изображениями драконов и отливы с растительным орнаментом из Кокшаровского 1 городища (Галактионов, 1983, л. 7, рис. 20). Данным периодом также были датированы и поселение на правом берегу р. Суйфуна (р. Раздольная), напротив пос. Раздольного; и земляной вал, перегораживающий всю долину р. Суйфун в районе этого поселка (Кычанов, Шавкунов, 1964, с. 639) и редуты - небольшие укрепления возле городищ, которые могли быть сооружены монголами в качестве опорных пунктов для штурма чжурчжэньских укреплений (Шавкунов, 1965, с. 117-118).

Основная находка, которая могла подтвердить присутствие монголов в Приморье, – это гиря (НМ70-ПМ1) с девизом правления хана Хубилая (рис. 1), которая была передана

Рис. 1. Бронзовая гиря (НМ70-ПМ1) с девизом правления хана Хубилая
Fig. 1. Bronze weight (НМ70-ПМ1) with a motto of the rule of Kublai Khan

Э.В. Шавкунову в 1970 г. жителями с. Николаевка, Михайловского района. Данные об этой уникальной находке не были опубликованы, поэтому целью данной работы является введение в научный оборот нового археологического материала, а также вопросам, связанным с выделением индикаторов юаньского времени на чжурчжэньских памятниках Приморья.

В китайской литературе юаньские бронзовые гири по форме делят на два типа. 1 – гири шарообразной формы. В верхней части таких гирь имеется квадратное или круглое ушко с отверстием. Серединная часть представляет собой шар или напоминает по форме среднюю часть барабана, стянутую внизу опоясывающим элементом. В нижней части большинства гирь данного типа имеется основание. 2 – гири, серединная часть которых представляет собой гексаэдр (шестигранник). В верхней части также расположено ушко с круглым отверстием, в нижней – шестиугольное ступенчатое основание (Лян Шуан, 2020).

Оба типа использовались одновременно на всем протяжении истории династии Юань, но количество гирь второго типа значительно превышает количество гирь шарообразной формы.

Гиря, обнаруженная в Приморье, относится к первому типу. Она сделана из бронзы. Ее нижняя часть отбита. Она имеет крепление трапециевидной формы высотой 1,6 см с квадратным отверстием. Общая высота гири около 10 см (сохранившая часть 7,6 см). Вес около 700 гр. (сохранившаяся масс 605 гр.). С двух сторон гравировкой нанесена иероглифическая надпись: 至元八年一月 (*zhiyuan ba nian yi yue*, «первый месяц восьмого года эпохи Чжиюань»). Восьмой год эпохи Чжиюань – 1271 г., данный девиз правления использовался ханом Хубилаем с восьмого месяца 1264 г. по 1294 г. Интересно, что иероглиф 权 (quan, цюань) помимо значения «гиря, гирька», также переводится как «власть, сила, авторитет». В сунской империи при смене девиза правления было принято изготавливать новые гири, и, возможно, правители династии Юань переняли их систему, что является свидетельством эталонного характера данной гири (Цай Мин, 1985).

В «Истории мер и весов Китая» говорится: «В летописных источниках нет записей о системе мер и весов династии Юань, должно быть, использовались прежние стандарты, принятые в Сун. В таком случае юаньскую систему мер и весов могли именовать сунской, в связи с отсутствием различий» (У Чэнло, 1993) Из этого можно заключить, что династия Юань унаследовала весовые нормативы, принятые в сунский период. Развитие государственного устройства на основе феодальной эксплуатации также способствовало изменениям в системе мер и весов.

Династия Юань занимает особое место в истории системы мер и весов в Китае. Будучи государством, основанным представителями малочисленных народов, в Юань были распространены китайский и персидский языки, а также монгольское квадратное письмо, в связи с этим в надписях на юаньских гиря, помимо китайских иероглифов, встречаются также монгольское квадратное письмо, монгольское письмо уйгурского типа и персидские письмена.

Надписи на юаньских бронзовых гирях, как правило, расположены в серединной части. Их наносили и при отливке, и способом гравирования. Отлитые письмена, в свою очередь, делятся на сделанные насеченными иероглифами (阴文, yinwen, иньвэнь) и вырезанные рельефно (阳文, yangwen, янвэнь). Содержание иероглифических надписей в большинстве своем включает год изготовления гири (например, 大德四年 (dade si nian, дадэ сы нянь, «четвертый год эпохи Дадэ», т.е. 1300 г.)), место отливки или выпуска (например, 滦州路 (luanzhoulu, луаньчжоулу, «губерния Луаньчжоу»), название ведомства. Также встречаются иероглифы, подтверждающие, что гиря изготавливалась под правительственным надзором и прошла необходимую проверку (например, 官造 (guan zao, гуань цзао, «государственное производство»). В зависимости от размера и веса гири, могли указываться весы, на которые она была рассчитана (например, 十五斤秤 (shiwu jin cheng, шиу цзинь чэн, «весы на 15 цзиней»)), а также вес самой гири (например, 半斤锤 (banjin chui, бань цзинь чуй, «гиря в полцзиня»)). На серединной части гири также встречаются и другие отдельные иероглифы (Лян Шуан, 2020).

В период существования династии Юань центральное правительство и местные власти придерживались строгих нормативов при изготовлении и применении приборов, относившихся к системе мер и весов. Во втором году Чжунтун (1261 г.) Хубилай издал указ «О доведении до всеобщего сведения эталонов [мер] *доу* и *ху*», установил стандарты для измерительных приборов и официально ввел единую систему мер и весов. Будучи центральным органом власти, чжуншушэн (中书省, zhongshusheng, «центральный секретариат») приказал министерству финансов, заведовавшему населением и земельными налогами, обнародовать весовые стандарты для бронзовых гирь и ввести единую систему мер и весов по всей стране с целью облегчить сбор налогов (Сун Лянь, 1976).

В кодексе «Юань дяньчжан» (元典章, yuan dianzheng, «Законы династии Юань») говорится: «[Измерительные] приборы должны быть заранее на время изъяты чиновниками, каждый следует проверить, установить номер и вернуть.» Здесь имеется в виду, что местные власти получали на временное пользование такого рода «приборы», чтобы привести их в соответствие со стандартной системой мер и весов, в процессе стандартизации они тщательно поверялись, нумеровались и по окончании процедуры возвращались владельцам. Данная запись свидетельствует о том, что местные органы власти не имели права по своему усмотрению устанавливать вес бронзовых гирь, а должны были производить их в соответствии с нормативами для измерительных приборов, установленными центральным аппаратом.

Династия Юань ввела четырехступенчатую систему административно-территориального деления, состоящую из губерний (路, lu, лу), областей (府, fu, фу), округов (州, zhou, чжоу) и уездов (县, xian, сянь). На местах губернии были подконтрольны провинциям (省, sheng, шэн); области, округа и уезды были подчинены губерниям. Судя по иероглифическим надписям на бронзовых гирях, найденных в разных местах, право разрешения на их выпуск принадлежало губерниям. Подконтрольные им области, округа и уезды при производстве гирь должны были получить соответствующие полномочия и разрешения от губернских правительств. Весовые эталоны по прямому приказу министерства провинциального уровня централизованно производились в столичной губернии Дадулу (大都路, dadulu), где находилась резиденция императора.

В монгольский период бронзовые гири, отлитые на территории одной губернии, главным образом использовались в пределах ее

территории. Из чего можно заключить, что Приморье должно было входить в губернию династии Юань.

История Дальнего Востока России периода XIII–XIV вв. в письменных источниках освещена очень слабо. Долгие годы это объяснялось тем, что именно здесь монголы, разгромив чжурчжэней, превратили данную территорию «в далекую захолустную окраину обширной монгольской империи Юань», потерявшую политическое и экономическое значение (Кычанов, Шавкунов, 1964, с. 639). Гораздо позже к изучению этого периода Дальнего Востока обратился А.Р. Артемьев. Занимаясь позднесредневековой археологией и изучая этнокультурную историю Забайкалья и Приамурья в эпохи Юань и Мин в раннее новое время (XIII–XVII вв.), он убедительно доказал, что в конце XIII в. монгольское влияние распространяется на Приамурье и Приморье. В низовьях реки вблизи современного с. Тыр, в землях «диких чжурчжэней» монголами была возведена крепость, где находился восточный наместник императора (Артемьев, 2005а, Накамура, 2015, с. 233–238; Накамура, 2015а, с. 389).

В Приморье А.Р. Артемьев начинает изучение памятников юаньского времени (Артемьев, 2005). К монгольскому периоду он относит два городища – Кокшаровка 1 и Батюки. Первый памятник датировался по фрагментам обнаруженной черепицы, второй – по фортификационным сооружениям, которые не имели аналогий среди средневековых памятников Приморья (Артемьева, 1987). Исследование городища Батюки дало возможность выявить на этом памятнике особенности планировки и фортификации, но коллекция вещей практически ничем не отличалась от собственно чжурчжэньского материала времени существования государства Восточное Ся (1215–1233 гг.). Возможно, это объясняется тем, что чжурчжэни одними из первых были втянуты в завоевательные походы монголов. Известно, что уже в 1213 г. они были представлены в их армии 46 бригадами (Д'Оссон, 1937, с. 97). Наибольшие заимствования в комплексе вооружения монголо-татарских воинов именно чжурчжэньского происхождения (Артемьев, 2004). Таким образом, отряды, оставленные монголами как в Приморье, так и в Приамурье, определенно состояли из чжурчжэней и только возглавлялись монголами, и то, по-видимому, не всегда. Известно, что монголы широко использовали у себя на службе сдавшихся им цзиньских военачальников, предоставляя им все полному власти во вверенных районах. Им присваивались высокие звания. Монголы рассматривали таких военачальников как «товарищей по оружию» и представляли им те же права (Гончаров, 2006). Китайские звания, присваемые таким военачальникам, с точки зрения монголов, не имели смысла, и применялись ими лишь постольку, поскольку они имели вес в глазах самих перебежчиков, подчиненного им населения и противника.

Дальнейшие исследование дали возможность предположить, что городище Батюки – это памятник юаньского времени, на территории которого располагался монгольский военный гарнизон. Во внутреннем городе прослежена планировка негражданской администрации с дворцовыми сооружениями. Здесь видны черты военного укрепленного пункта с выделением центральной части и жилищ-казарм вокруг нее. Во внутреннем городе могла находиться ставка монгольского гарнизона (Артемьева, 2019).

Безусловно, необходимо поднимать вопрос об административном управлении территорией Приморья в период правления династии Юань и вводить новые материалы как из письменных, так и из археологических источников по этой проблеме. Однако, необходимо крайне осторожно подходить к вопросу интерпретации средневекового материала. В последнее время стало уделяться большое внимание проблеме выделения в чжурчжэньских комплексах артефактов, маркирующих монгольское время (Дьякова, 2016, 2018; 2019; Дьякова, Болдин, 2017). Ее решение должно основываться на достаточно убедительных материалах. Для выделения индикаторов материальной культуры в археологии всегда существовал определенный подход, дающий возможность выделения признаков, характерных для новой культуры (Типология основных …, 1984; Мартынов, Шер, 2002). Исторический опыт нашей науки и многолетняя практика исследований показывают, что очень трудно выделять индикаторы времени, не подвергнув их всестороннему анализу. Даже используя для датировки данные радиоуглеродного анализа, необходимо иметь репрезентативную выборку, а не результаты трех-четырех образцов.

Выделенные на сегодняшний день девять индикаторов монгольского времени на памятниках государства Восточного Ся (Дьякова, 2018) можно объединить в четыре группы – жилища, керамика, стеклянные изделия и

оружие. Особенно репрезентативными для определения основных признаков являются первые две группы, т. е. жилища и керамика, которые всегда были основными признаками при выделении культуры. Обнаруженное на Осиновском поселении жилище № 1 не может быть отнесено к жилищу с каменным фундаментом. Это наземная каркасно-столбовая постройка с каном внутри. Жилище ничем не отличается от чжурчжэньских жилищ XII–XIII в. (Артемьева Н.Г., 1998). Ориентация этого строения входом на юг – также не является показателем культурной принадлежности. Кроме Э.В. Шавкунова, на данном памятнике проводили работы В.И. Болдин и Ю.Г. Никитин (Шавкунов, 1963, 1973; Болдин, 1979; Никитин, 1987). На поселении раскопано 6 жилищ, относящихся к трем строительным горизонтам (Никитин, 1990, с. 80). К верхнему строительному горизонту были отнесены жилища 1, 2, 3, 5. Все они наземные, прямоугольные в плане, площадью 40–60 кв. м, входом ориентированы на юг, юго-восток. Внутри жилищ находились трехсекционные каны.

Керамика с зеленой, темно-бурой и оливковой глазурью, по которой Э.В. Шавкунов в 1963 г. предварительно датировал Осиновское поселение периодом XIII–XIV вв., юаньской эпохой (Шавкунов, 1963, л. 25–26; 1965), характерна и для чжурчжэньских памятников, как и сосуды с коричневой росписью по светлому фону (цычжоу). Фрагменты посуда голубовато-серого цвета с подглазурованным орнаментом, выполненным темно-коричневой краской, найденные в пещере Малая Пенсау и на городище Батюки – это остатки корейской посуды более позднего времени (конец XIX – начало XX в.) (Жущиховская, 2017). Фрагменты сосудов с кобальтовой росписью никогда не встречались на Шайгинском городище, так и на других средневековых памятниках Приморья.

Комплект оружия в виде железной булавы и пламевидных (?) наконечников стрел[1] (не понятно о каких наконечниках идет речь) также вызывает сомнения в возможности причисления их к индикаторам монгольской культуры. Плоские срезни были отнесены А.Ф. Медведевым к монгольскому периоду, выделенному на древнерусских городах (Медведев, 1966). На дальневосточных памятниках этот тип наконечников появляется еще до монголов, поэтому считать его монгольским именно для средневековых памятников Приморья нельзя. Хорошо известно, что основные формы наконечников монгольской стрелы середины XIII в. появились задолго до монгольских походов. Этому вопросу было уделено большое внимание А.Р. Артемьевым, убедительно доказавшим, что монголы заимствовали многие предметы вооружения у чжурчжэней (Артемьев, 1989, 1996; 2004).

Особое сомнение вызывает адекватность сравнения стеклянных изделий, обнаруженных на средневековых памятниках Приморья с подобными вещами из Кара-Карума. Этот город был основан монголами в период XIII-XIV вв., когда у чжурчжэней производство стекла было широко развито и предметы из стекла и стеклянной пасты имели широкое хождение. Наоборот исследователи Кара-Карума, напротив, считали, что многие предметы материальной культуры попали на территорию этого памятника от чжурчжэней, а также изготавливались привезенными из Китая ремесленниками и мастерами. Почти все типы бус, обнаруженные при раскопках Кара-Карума, встречались еще в домонгольскую эпоху у разных народов (Дневнемонгольские города, 1965, с. 135, 306).

Таким образом, приведенные выше девять индикаторов монгольского времени на чжурчжэньских памятниках Приморья, на наш взгляд, не выдерживают критики. Выделяя определенные культурные маркеры на основе аналогий, нельзя забывать, что при смене династий, материальная культура долго продолжала существовать как эпохальная. «Монгольский след» хорошо прослеживается на древнерусских памятниках, в материальной культуре городов Поволжья, то есть там, куда попадает приток нового населения, несшего с собой пласт дальневосточной культуры. На памятниках государства Восточного Ся нельзя выделять монгольские индикаторы на массовом материале, т.к. это ведет к серьезным ошибкам в интерпретации археологического источника.

Как отмечалось ранее, при выделении памятников юаньского времени на территории Приморья, необходимо уделять особое внимание планиграфии и фортификации городищ (Артемьева 2019). Привлечение археологического материала как индикатора монгольского присутствия может быть использовано только на хорошо датированных предметах.

Заключение

Империя Цзинь была разгромлена монголами в 1234 г., а династия Юань пришла к власти в 1271 г. С 1292 г. на территории Северо-Восточного Китая по приказу хана Хубилая

было учреждено 5 темничеств и 7 губерний, откуда военная и гражданская администрация осуществляла власть монгольского хана над войсками и местными племенами. В состав темничества Одоли (Одари), вероятно, входила часть южного Приморья, т.к. это темничество находилось примерно в 180 ли (90 км) к западу от р. Хуньчунь (История Дальнего Востока, 1989, с. 639). Таким образом, можно сделать вывод, что около полувека в Приморье не существовало административного управления. Тем не менее, созданное накануне падения империи Цзинь чжурчжэньского государства Восточное Ся позволило сохранить целостность этнического состава населения и самобытность культуры. Основатель государства Пусянь Ванъну с самого начала своего правления избрал политический курс, направленный на сохранение самостоятельности и независимости от монголов. Чтобы обеспечить сберечь спокойствие на границах своего государства, выиграть время для накопления сил с целью сохранения чжурчжэньского этноса, Пусяня Ваньну признает власть монголов, послав к Чингиз-хану своего сына Тегэ. Тонкая дипломатическая игра Пусянь Ваньну дала возможность государству Восточное Ся официально просуществовать до 1233 г. Именно в этот год монгольские войска, пройдя через Корё, захватывают Южную столицу Восточного Ся, где в то время находился Пусянь Ваньну. Согласно записям, в «Юань ши», Пусянь Ваньну был схвачен в 1233 г., а монгольские войска отошли, оставив в Восточном Ся, уже захваченном монголами, сто с лишним всадников (Ван Шэньжуна, Чжао Минци, 1990; Чжао Минци, 1985). Но, судя по находкам, государство Восточное Ся в вассальном положении продолжало существовать до образования империи Юань, а затем его территория была включена в состав монгольского государства. Эпиграфическая находка – бронзовая гирька с девизом правления хана Хубилая, выпущенная в 1271 г. (обнаруженная вблизи с. Николаевка, Михайловского района Приморского края) на сегодняшний день является единственным подтверждением факта активной жизнедеятельности на этой территории в юаньский период.

Примечание:

[1] У А.Ф. Медведева наконечников под таким названием нет (Медведев А.Ф., 1966).

ЛИТЕРАТУРА

Артемьев А.Р. Вопросы происхождения защитного вооружения татаро-монголов в литературе 80-х годов // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР / Отв. ред. Э.В. Шакуров. Владивосток, 1989. С. 48–52.

Артемьев А.Р. Вооружение татаро-монгольских воинов в походе на Волжскую Булгарию и Русь в 1236–1241 гг. // 100 лет гуннской археологии: Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Гуннский феномен. Тез. докл. Ч. 1 / Отв. ред. С.В. Данилов. Улан-Удэ, 1996. С. 87–88.

Артемьев А.Р. Проблемы выделения монголо-татарского комплекса вооружения среди древнерусских материалов XIII в. // Восточная Европа в Средневековье: к 80-летию В.В. Седова / Ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов, Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2004. С. 143–152.

Артемьев А.Р. Городище Батюки – памятник юаньского времени в Приморье // Интеграция археологических и этнографических исследований / Отв. ред. М.А. Корусенко. Омск: Наука, 2005. С. 86–89.

Артемьев А.Р. Буддийские храмы XV в. в низовьях Амура. Владивосток: ООО «К и Партнеры», 2005а. 202 с.

Артемьева Н.Г. Разведочные работы в Приморском крае // Археологические открытия 1985 года. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. С. 223.

Артемьева Н.Г. Строительные горизонты Краснояровского городища // Интеграция археологических и этнографических исследований / Отв. ред. М.А. Корусенко. Владивосток, Омск: ОмГПУ, 2000. С. 148–149.

Артемьева Н.Г. Столичное ведомство Шаофуцзянь Восточного Ся // Вестник ДВО РАН. 2001. № 3. С. 91–100.

Артемьева Н.Г. 20 лет исследований Краснояровского городища - Верхней столицы государства Восточное Ся (1215–1233 гг.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 2 (79). С. 218–230.

Артемьева Н.Г. Новые результаты исследования городища Батюки – памятника юаньского времени в Приморье // Россия и АТР. 2019. № 1(103). С. 24–42.

Артемьева Н.Г., Ивлиев А.Л. Новые факты в пользу отождествления Краснояровского городища с Верхней столицей государства Восточное Ся // Тез. докл. международной научной конф. «ДВ России в контексте с мировой историей: от прошлого к будущему» / Гл. ред. В.Л. Ларин. Владивосток: ДВО РАН, 1996. С. 101–102.

Артемьева Н.Г., Ивлиев А.Л. Новые эпиграфические находки из Уссурийска // РА. 2000. № 2. С. 165–172.

Артемьева Н.Г., Ивлиев А.Л. Печать Еланьского мэнъаня // Вестник ДВО РАН. 2000а. № 2. С. 109–114.

Болдин В.И. Отчет об археологических исследованиях на Осиновском поселении Приморского края, Михайловского района в 1979 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 7766. 36 л.

Ван Шэньжун, Чжао Минци. История Восточного Ся. Тяньцзинь гуцзи чубаньшэ, 1990. 304 с.

Галактионов О.С. Отчёт об археологической разведке в Приморском крае в 1983 // Архив ИА РАН. Р-1. № 10177. 85 л.

Гончаров С.Н. Об одной традиции в истории средневекового Китая (Иноземные завоеватели в Китае X–XIII веков и зависимые от них государства) // О Китае средневековом и современном. Записки разных лет / Ред. А.А. Кокошин. Новосибирск: Наука, 2006. С. 9–20.

Д'Оссон К. История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана. Т. 1. Иркутск: Восточносибирское областное издательство, 1937. 295 с.

Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. 370 с.

Дьякова О.В. Монгольский след в пещере Малая Пенсау в Приморье // 46-я науч. конференция «Общество и государство в Китае. Т. XLVI. Ч. 2. М.: Ин-т востоковедения, 2016. С. 199–08.

Дьякова О.В. Археологические индикаторы монгольского времени на чжурчжэньских памятниках Приморья // Stratum plus. 2018. № 6. С. 295–308.

Дьякова О.В. Горные городища Восточного Ся в Приморье (Фортификационные и стратиграфические особенности) // Поволжская археология. 2018а. № 2 (24). С. 65–84.

Дьякова О.В., Болдин В.И. Осиновское поселение: стратиграфия и культурная идентификация // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 113–118.

Жущиховская И.С. Бытовая посуда корейцев Приморья 1860-х – 1930-х гг.: этнокультурный аспект // Россия и АТР. 2017. № 2. С. 141-153.

Ивлиев А.Л. Изучение истории государства Восточное Ся в КНР // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий (Доклады V сессии научно-проблемного совета археологов Дальнего Востока) / Отв. ред. В.Д. Леньков. Владивосток: ДВО РАН, 1993. С. 8–17.

История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века / Отв. ред. А.И. Крушанов. М.: Наука, 1989. 376 с.

Кычанов Е.И., Шавкунов Э.В. Дальний Восток в XIII–XIV в. // Материалы по древней истории Сибири (Материалы 1 тома «История Сибири») / Ред. А.П. Окладников. Улан-Удэ (б/и), 1964. С. 639–648.

Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. М: Высшая школа, 2002. 238 с.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука. 1966. 154 с.

Ли Цзяньцай. О некоторых проблемах Восточного Ся // Миньцзу яньцзю. 1985. № 3. С. 4–10.

Лян Шуан. Хэнань боугуань цан юаньдай тунцюань шанси = Художественный анализ юаньских бронзовых гирь, хранящихся в Хэнаньском музее // Лицай (Шоуцанбань), 2020. Вып. 9. 梁爽：《河南博物馆藏元代铜权赏析》，《理财（收藏版）》，2020，第9期.

Накамура К. О деятельности чжурчжэней в монгольскую эпоху // Средневековые древности Приморья. Вып. 3 / Отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2015. С. 227–421.

Накамура К. Взаимоотношения между монгольской империей и аборигенными народами Нижнего Амура и Сахалина // Средневековые древности Приморья / Отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2015а. Вып. 3. С. 389–395.

Никитин Ю.Г. Некоторые итоги исследований Осиновского селища // Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока: происхождение, периодизация, датировка культур / Отв. ред. О.В. Дьякова. Владивосток, 1990. С. 79–91.

Никитин Ю.Г. Отчет об археологических исследованиях на Осиновском средневековом поселении в Михайловском районе. Приморский край. 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12371. 155 л.

Сун Лянь. Юань ши. Бэньцзи ди сы. Шицзу и = История династии Юань. Бэньцзи 4. Ши-цзу 1. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1976. С. 4578. 濂 / 赵埙 / 王祎:《元史·本纪四·世祖一》，中华书局，1976, 共4578页.

Типология основных элементов традиционной культуры / Отв. ред. М.В. Крюков, А.И. Кузнецов. М.: Наука, 1984. 254 с.

У Чэнло. Чжунго дулянхэн ши = История мер и весов Китая. Шанхай: Шанъу иньшугуань,1993. С. 392–395. 吴承洛:《中国度量衡史》，商务印书馆，1993年，共392页.

Цай Мин. Шэньчжэнь боугуань юаньдай тунцюань цзи сянгуань вэньти таньтао = Исследование юаньской бронзовой гири из коллекции Шэньчжэньского музея и связанных с ней вопросов // Вэньбо, 2021. Вып. 2. С. 80–84 с. С. 5–7. 蔡明：《深圳博物馆藏元代铜权及相关问题探讨》，《文博》，2012年，第2期 80–84, 共 5–7 页.

Чжан Тайсян. О местонахождении города Кайюань в начале эпохи Юань // Сюэси юй таньсо. 1982 № 1. С. 142–144, 118.

Чжао Минци. Исследование о Верхней столице Кайюань государства Восточное Ся // Шэхуй кэсюэ чжаньсянь. 1985. № 3. С. 203–212.

Шавкунов Э.В. Отчет об археологических исследованиях на юге Приморского края в 1963 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 2678. 85 л.

Шавкунов Э.В. Следы пребывания монголов в Приморье // Записки Приморского филиала ГО СССР. Владивосток: ДВ кн. изд-во, 1965. Т 1 (XXIV). С. 116–118.

Шавкунов Э.В. К характеристике жилищ чжурчжэней по материалам археологических исследований 1963–1966. // Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). Владивосток: Изд-во ДВНЦ АН СССР, 1973. С. 72–89.

Информация об авторах:

Артемьева Надежда Григорьевна, кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой археологии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); artemieva_tg@list.ru

Артемьева Полина Александровна, старший лаборант Сектора средневековой археологии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН(г. Владивосток, Россия); tomboy800@gmail.com

REFERENCES

Artem'ev, A. R. 1989. In Shakurov, E. V. (ed.). *Novye materialy po srednevekovoi arkheologii Dal'nego Vostoka SSSR (New Materials on Medieval Archaeology of the Far East of the USSR).* Vladivostok. 48–52 (in Russian).

Artem'ev, A. R. 1996. In Danilov, S. V. (ed.). *100 let gunnskoj arheologii: Nomadizm – proshloe, nastojashhee v global'nom kontekste i istoricheskoj perspektive: Gunnskii fenomen (100's Anniversary of Hsiung-nu Archaeology. Nomadism-past, Present in Global Context and Historical Perspective. The Phenomenon of the Hsiung-nu)* 1. Ulan-Ude. 87–88 (in Russian).

Artem'ev, A. R. 2004. In Makarov, N. A. Chernetsov, A. V. Lopatin, N. V. (eds.). *Vostochnaia Evropa v Srednevekov'e: k 80-letiiu V.V. Sedova (Eastern Europe during the Middle Ages: Dedicated to the 80th Anniversary of V. V. Sedov).* Moscow: “Nauka” Publ., 143–152 (in Russian).

Artem'ev, A. R. 2005. In Korusenko, M. A. (ed). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies).* Omsk: “Nauka” Publ., 86–89 (in Russian).

Artem'ev, A. R. 2005. *Buddiyskie khramy XV v. v nizov'yakh Amura (Buddhist Temples of the 15th Centuries in the Lower Amur).* Vladivostok: “K i Partnery” Publ. (in Russian).

Artem'eva, N. G. 1987. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya 1985 goda (Archaeological Discoveries 1985)*. Moscow: “Nauka” Publ., 223 (in Russian).

Artem'eva, N. G. 2000. In Korusenko, M. A. (ed). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies).* Omsk: “Nauka” Publ., 148–149 (in Russian).

Artem'eva, N. G. 2001. In *Vestnik Dal’nevostochnogo Otdeleniya RAN (Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)* 3, 91–100 (in Russian).

Artem'eva, N. G. 2015. In *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda (Bulletin of the Russian Foundation for Humanities)* 79 (2), 218–230 (in Russian).

Artem'eva, N. G. 2019. In *Rossiya i ATR (Russia and Asia–Pacific Region)* 1 (103), 24–42 (in Russian).

Artemieva N.G., Ivliev A.L. 1996. In Larin, V. L. (ed.). *DV Rossii v kontekste s mirovoy istoriey: ot proshlogo k budushchemu (The Far East of Russia in the Context of the World History: from the Past to the Future).* Vladivostok: Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, 101–102 (in Russian).

Artem'eva, N. G., Ivliev, A. L. 2000. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 165–172 (in Russian).

Artem'eva, N. G., Ivliev, A. L. 2000a. In *Vestnik Dal'nevostochnogo Otdeleniya RAN (Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)* 2, 109–114 (In Russian).

Boldin, V. I. 1979. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na Osinovskom poselenii Primorskogo kraya, Mikhaylovskogo rayona v 1979 g. (Report on Archaeological Studies at the Osinovo Settlement of Primorsky Krai, Mikhailovsky District in 1979).* Archive of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR. Fund R-1, dossier 7766 (in Russian).

Van Shjen'zhun, Chzhao Minci. 1990. *Istoriia Vostochnogo Sia (The History of Eastern Xia)*. Tjan'czin' guczi chuban'shje (in China).

Galaktionov, O. S. 1983. *Otchet ob arkheologicheskoi razvedke v Primorskom krae v 1983 (Report on archaeological exploration in Primorsky Krai in 1983).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossier 7766 (in Russian).

Goncharov, S. N. 2006. In Kokoshin, A. A. (ed.). *O Kitae srednevekovom i sovremennom. Zapiski raznyh let (On Medieval and Modern China. Notes of Different Years).* Novosibirsk: "Nauka" Publ,. 9–20 (in Russian).

D'Osson, K. 1937. *Istoriia mongolov ot Chingis-hana do Tamerlana. (The history of the Mongols from Genghis Khan to Tamerlane.* 1. Irkutsk: "Vostochnosibirskoe oblastnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

In Kiselev, S. V. (ed.). 1965. *Drevnemongolskie goroda (Early Mongol Towns).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

D'iakova, O. V. 2016. In *Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae (Society and the State in China)* T. XLVI. Part. 2. Moscow: "Institut vostokovedeniya" Publ., 199–208 (in Russian).

D'iakova, O. V. 2018. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 295–308 (in Russian).

D'iakova, O. V. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 24 (2), 65–84 (in Russian).

D'iakova, O. V., Boldin, V. I. 2017. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noy Azii (Actual Issues of Archaeology and Ethnology of Central Asia)*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Science Center SB RAS Publ., 113–118. (in Russian).

Zhishchikhovskaya, I. S. 2017. In *Rossiya i ATR (Russia and Asia–Pacific Region)* 2, 141-153 (in Russian).

Ivliev, A. L. 1993. In Len'kov, V. D. (ed.). *Novye materialy po arkheologii Dal'nego Vostoka Rossii i smezhnykh territoriy (Doklady V sessii nauchno-problemnogo soveta arkheologov Dal'nego Vostoka) (New Materials on the Archaeology of the Russian Far East and Adjacent Territories (Reports of the 5th Session of the Scientific and Problematic Council of the Archaeologists of the Far East))*. Vladivostok: "DVO RAN" Publ., 8–17 (in Russian).

In Krushanov, A. I. (ed.). 1989. *Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR s drevneyshikh vremen do XVII veka (History of the Far East of the USSR from Ancient Times to the 17th century)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kychanov, E. I., Shavkunov, E. V. 1964. In Okladnikov, A. P. (ed.). *Materialy po drevney istorii Sibiri (Materialy 1 toma «Istoriya Sibiri») (Materials on the Ancient History of Siberia (Materials of the 1st Volume "History of Siberia")).* Ulan-Ude. 639–648 (in Russian).

Martynov, A. I., Sher, Ya. A. 2002. *Metody arkheologicheskogo issledovaniya (Methods of Archaeological Research).* Moscow: "Vysshaya shkola" Publ. (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII—XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th—14th Centuries)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Li, Tszyan'tsay 1985. In *Min'tszu yan'tszyu (National Studies)* 3, 4–10 (in Russian).

Lyan, Shuan. 2020. In *Litsay (Shoutsanban') (Finance (Collector's Edition))* 9 (in Chinese).

Nakamura, K. 2015. In Artem'eva, N. G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Primor'ya (Medieval antiquites of Primorye)* 3. Vladivostok: “Dal'nauka” Publ., 227–421 (in Russian).

Nakamura, K. 2015. In Artem'eva, N. G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Primor'ya (Medieval antiquites of Primorye)* 3. Vladivostok: “Dal'nauka” Publ., 389–395 (in Russian).

Nikitin, Yu. G. 1990. In D'yakova, O. V. (ed.). *Problemy srednevekovoy arkheologii Dal'nego Vostoka: proiskhozhdenie, periodizatsiya, datirovka kul'tur (Issues of Medieval Archaeology of the Far East: Origins, Periodization and Dating of Cultures)*. Vladivostok, 79–91 (in Russian).

Nikitin, Yu. G. 1987. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na Osinovskom srednevekovom poselenii v Mikhaylovskom rayone. Primorskiy kray. 1987 g. (Report on Archaeological Studies at the Osinovo Settlement of Primorsky Krai, Mikhailovsky District in 1987).* Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossier 12371 (in Russian).

Sun, Lyan'. 1976. *Yuan' shi. Ben'tszi di sy. Shitszu i (Istoriya dinastii Yuan'. Ben'tszi 4. Shi-tszu 1.) (Zhao Xun. Wang Yi: "Yuan Shi, Benji IV, Shizu I").* Pekin: “Zhonghua Book Company” Publ. (in Chinese).

In Kryukov, M. V., Kuznetsov, A. I. (eds.). 1984. *Tipologiya osnovnykh elementov traditsionnoy kul'tury (Typology of the Major Elements of Traditional Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

U, Chenlo. 1993. *Chzhungo dulyankhen shi = Istoriya mer i vesov Kitaya.* Shankhay: “Shan"u in'shuguan'” Publ., 392–395 (in Chinese).

Tsay, Min. 2021. In *Ven'bo (Wenbo)* 2, 80–84 (in Chinese).

Chzhan, Taysyan. 1982. In *Syuesi yuy tan'so (Study and Research)* 1. 142–144, 118 (in Russian).

Chzhao, Mintsi. 1985. In *Shekhuy kesyue chzhan'syan' (Social Sciences Front)* 3, 203–212 (in Russian).

Shavkunov, E. V. 1963. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na yuge Primorskogo kraya v 1963 g. (Report on Archaeological Studies in the South of Primorsky Krai in 1963).* Archive of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR. Fund R-1, dossier 2678 (in Russian).

Shavkunov, E. V. 1965. *In Zapiski Primorskogo filiala GO SSSR (Proceedings of the Primorsky Branch of the Geographical Society of the USSR)* 1 (XXIV). Vladivostok: “DV kn. izd-vo”, 116–118 (in Russian).

Shavkunov, E. V. 1973. In *Materialy po istorii Dal'nego Vostoka (istoriya, arkheologiya, etnografiya, filologiya) (Materials on the History of the Far East (History, Archaeology, Ethnography, Philology)).* Vladivostok: “Izd-vo DVNTs AN SSSR” Publ., 72–89 (in Russian).

About the Authors:

Artemieva Nadezhda G. Candidate of Historical Sciences. Candidate of Historical Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; artemieva_tg@list.ru

Artemieva Polina A. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; tomboy800@gmail.com

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК: 930.26:008 (571.63) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.19.27

ДАУРСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПРИАМУРЬЯ

© 2022 г. О.В. Дьякова

Первые сведения о народах Амура появились в середине XVII в. в отчетах русских первопроходцев Для дауров указывалось проживание по Амуру и Зее. Отмечалось наличие у дауров городков и крепостей, военно-административной системы под управлением местных князей. В отличие от тунгусо-маньчжуров дауры не являлись коренными жителями Приамурья. Их переселение на Амур расценивалось как военно-политический акт династии Юань, которым отводилась функция монгольских оккупационных войск. В Западном Приамурье обнаружена серия археологических памятников, определенные как даурские. Установлено, что городища даурского типа относятся к долинным, имеют квадратную форму с 1–2–3 валами, угловые башни и рвы. Вблизи даурских городков располагались поселения и грунтовые могильники. Самые ранние даурские городки и могильники датируются периодом монгольской династии Юань (1271–1368). Поздние даурские памятники датируются XVII в. В период китайской династии Мин (1368–1644) монголоязычные дауры проживали параллельно с аборигенными тунгусо-маньчжурскими племенами.

Ключевые слова: дауры, городки, фортификации, Приамурье, монголы, Юань, Мин, Цин.

DAURIAN MONUMENTS OF THE AMUR REGION

O.V. Diakova

The first information about the Amur peoples appeared in the mid-17th century in the reports of Russian pioneers. For the Daurians, accommodation was indicated along the Amur and Zee. It was noted that the Daurians had towns and fortresses, and a military-administrative system under the control of local princes. Unlike the Tungus-Manchus, the Daurians were not the indigenous inhabitants of the Amur region. Their relocation to the Amur was regarded as a military and political act of the Yuan Dynasty, which was assigned the function of Mongolian occupation troops. A series of archaeological sites identified as Daurian has been discovered in the Western Amur region. It has been established that the settlements of the Daurian type belong to the valley type, and have a square shape with 1–2–3 ramparts, corner towers and ditches. Settlements and underground burial grounds were located near the Daurian towns. The earliest Daurian towns and burial grounds date back to the period of the Mongolian Yuan Dynasty (1271–1368). The late Daurian monuments date back to the 17th century. During the Chinese Ming Dynasty (1368–1644), the Mongol-speaking Daurians lived in parallel with the aboriginal Tungus-Manchu tribes.

Keywords: Daurians, towns, fortification, Amur region, Mongols, Yuan, Ming, Qing

Первые сведения о даурах появились в середине XVII в. в «расспросных речах», «сказках» и «отписках» казаков и первопроходцев – В.Д. Пояркова, Е. П. Хабарова, О. Степанова и др., в которых указывались места проживания по Амуру и его притокам монголоязычных дауров, тунгусо-язычных дючеров, гогулей, наток, ачанов и палеоазиатов-гиляк. Даурские городки, крепости, селения отмечены по реке Джи (Зеи), впадающей в Шилкар (Шилка) или Маму (Амур). Основным занятием дауров были хлебопашество и разведение скота. Населением управляли местные «князьки». Форма правления носила хорошо организованный административно-военный характер. Р.К. Маак и Л.И. Шренк считали, что переселение дауров на Амур являлось следствием войны монголов Чингисхана и чжурчжэней империи Цзинь (1115–1234). Монголоязычные кидани регулярно создавали на Северо-Востоке много проблем не только чжурчжэньской империи Цзинь, но и монголам. Амурские территории требовали досмотр и контроль. Поэтому целесообразность переселения киданей в статусе монгольских оккупационных войск очевидна. Генетические исследования, проведённые китайскими учёными, показали, «что все люди этнической группы даур являются потомками киданей» (Цыбенов, 2011, № 8, с. 238–245). В Приамурье дауры появились не ранее первой трети II тысячелетия и проживали в «Зазейском крае» до середины XVII века. При династии Цин (1644–1912) их переселили обратно вглубь Маньчжурии. Информация о местах расположения даурских городков в Приамурье сохранилась в материалах Р.К. Маака, С.В. Максимова, Г.Ф. Миллера, Ф.Ф. Шперка, К.И. Максимовича, А. Кауфмана, А.А. Алябьева, Н.Д. Свербеева, А.В. Ки-

риллова, В.И. Огородникова. В настоящее время целенаправленно в историческом плане даурской проблемой занимается Б.Д. Цыбенов, реконструировавший по лингвистическим материалам расселение даурских родов (Цыбенов, 2011, с. 238). К археологическому изучению культуры дауров приступили только в первой трети XX века. Впервые даурский тип городищ в Приамурье выделил Г.С. Новиков-Даурский, отнесший к нему 16 городищ: Самодонское, Буссеевское, Второе Петропавловское, Сергеевские-I-II, Новопокровское, Лазарет, Второе Миловановское, Михайловское, Китайские окопи, Коврижeнское, Китайский городок, Натальинское, Троицкое, Семиозерское, Мазановское. Г.С. Новиков-Даурский писал: «Среди многочисленных археологических памятников, находящихся в Амурской области, выделяется особый вид небольших городищ, имеющих оригинальную форму и почти одинаковые размеры. Это четырехугольные площадки размером от 800 до 1200 кв.м, огражденные валами и рвами, часто двойными, а иногда даже тройными, с замысловато устроенными входами, большей частью с южной, реже – с восточной или северной стороны. По углам площадки возвышаются холмики с ямами наверху, по-видимому, остатки оснований башенок. Башенка, находящаяся в северо-западном углу, обычно больше остальных и всегда выдается из плана четырехугольника. Влево от входа на площадку, обычно в двух-трех метрах от внешнего рва, находится небольшая яма. Около таких городищ всегда имеются следы селищ. Здесь часто находят черепки глиняной посуды, грузила для сетей, кости домашних и диких животных, обожженные камни» (Новиков-Даурский, 1953, с.67). Во второй половине XX –начале XXI вв. к обследованию городищ обращались многие исследователи (Сапунов, Зайцев, 1993; Дьяков, 1999; Сапунов, Болотин, 1989 и др.). В результате по письменным и археологическим источникам было выявлено более 30 даурских городищ и составлена карта (рис.1) (Дьякова, Зайцев, Шевченко, 2019, с. 87–98). Ареал дислокации городищ охватывал бассейн Верхнего и Среднего Амура. По геоморфологической характеристике городища представлены долинным (равнинным) типом с чётко выраженной формой в виде квадрата или прямоугольника с размерами сторон: 35×35; 40×40; 50×50; 65×65; 40×35; 75×70; 60×65; 100×100 м (рис. 2, 1–3). Фортификации представлены 1–2–3 валами с угловыми башнями; рвами; простым входом с восточной, западной, южной, юго-восточной стороны. Вблизи даурских городков, согласно исследованию В.И. Дьякова, находились грунтовые могильники и селения (рис. 2). На городищах практически отсутствовали находки, что подтвердили в 2021 году стационарные исследования Д.П. Волкова на Сергеевском городище. Данные факты свидетельствуют, что это даурские городки. Именно при переселении дауров в Приамурье единовременно выстраивались однотипные городки, форма которых отличалась от укреплений аборигенного тунгусо-маньчжурского населения. При обратном переселении дауров династией Цин в XVII в. вглубь Маньчжурии на месте оставлялись только ненужные вещи. В 2020 году Д.П. Волковым было выдвинуто предположение, что даурские городки это не жилые городища, а «ритуальные комплексы, связанные с погребальным обрядом определённого слоя позднесредневекового населения» (Волков, 2020, с. 330). Но этому противоречат исторические источники. Факт переселения дауров на Амур зафиксирован в китайских документах того времени. Даурские городки описали русские первопроходцы в XVII в. с указанием имён князьков. Ситуационный план памятников Прядчино, снятый в 1993 году В.И. Дьяковым, включал городок, могильники и поселение, что указывает на единый взаимосвязанный комплекс (рис. 2) (Дьяков, 1993). В Китае известны ритуальные комплексы, но они имеют строгую иерархию, архитектурные и планиграфические параметры, отличающиеся от даурских городков. И если в даурских городках материал отсутствует, то погребальные памятники этого времени насыщены им. В 1972, 1977 гг. В.И. Болдиным и А.Л. Ивлиевым обследованы грунтовые могильники Озеро Дюльдино и Озеро Круглое. Памятники определенны как «даурские могилы» и датированны по присутствию в могиле голубого фарфорового чайника с кобальтовой росписью «не ранее конца XIV, а вернее начала XV века» (Ивлиев, 1995, с. 55–60*)*. Доказательств отнесения могил к даурам не приводилось, но датировка памятников обоснована. Отнесению захоронения к даурским (вскрыта одна могила) противоречат комбинированные серьги, входящие в тунгусо-маньчжурский этнографический комплекс, и западная ориентация погребённого, в то время как монголам присуща северная ориентация. В 1984 г. автор этих строк по просьбе Амурского областного краеведческого музея работала с археологиче-

Рис. 1. Археологическая карта городищ «даурского типа» бассейна реки Амур (Россия): 1 – Лавкаев городок (крайне западный); 2 – Даурский городок (управляемый зятем Лавкая); 3 – Даурский городок Якса (управляемый Албазихой); 4 – Даурский городок (под управлением Атуя); 5 – Чапин (Чипин) городок; 6 – Дасаулов городок; 7 – Городок князя Чурончи; 8 – Гогударов городок (три смежных городка, принадлежавшие Гуйгудару, Олгемзе и Лотодию); 9 – Даурское селение князя Емарды (селения князцов Шангамона и Ундая); 10 – Городища даурское на Самодоне; Большое Озеро; 11 – Буссевское городище; 12 – Бибиковское городище; 13 – Сергеевские городища– 1, 2,4; 14 – Миловановские городища 1,2; 15 – Михайловское городище; 16 – Новопокровские городища 1–6; 17 – Игнатьевское городище; 18 – Мазановское городище; 19– Практичи, городище – 1; 20 – Городище Большая Сазанка; 21 – Городище Воронжа; Маньчжурка; 22 – Натальинское городище; 23 – Великокнязевское городище; 24 – Прядчинское городище; 25 – Толгин городок (старый Айгун); 26– Орловское городище; 27– Молдакит городище; 28 – Семиозерское городище; 29 – Троицкое городище; 30 – Новоандреевское городище; 31 – городище Маньчжурка.

Fig. 1. Archaeological map of the hill forts of the 'Daurian type' from the Amur River basin (Russia): 1 – Lavkaev town (the Far West); 2 – Daurian town (managed by Lavca's in–law son); 3 – Daurian town named Yaksa (managed by Albazikha); 4 – Daurian town (managed by Atui); 5 – Chapin (Chipin) town; 6 – Dasaolu town; 7 – town of Prince Thuronci; 8 – Gogudarov's town (three adjacent towns owned by Guigydar, Algamse and Lotodie); 9 – Daurian village of Prince Emardy (village of Princes Sangamon and Undai); 10 – Daurian town on Samodon; Bolshoe Ozero; 11 – Bussevskoye settlement; 12 – Bibikovskoye settlement; 13 – Sergeevsky settlements 1, 2,4; 14 – Milovanovsky settlements 1,2; 15 – Mikhailovskoye settlement; 16 – Novopokrovsky settlements 1 – 6; 17 – Ignatievskoye settlement; 18 – Mazanovskoye settlement; 19 – Practichi settlement – 1; 20 – Bolshaya Sazanka settlement; 21 – Voronja settlement; Manjurka; 22 – Natalinskoye settlement; 23 – Velikoknyazevskoye settlement; 24 – Pryadchinskoye settlement; 25 – Tolgin town (Staryi Aigun); 26 – Orlovskoye settlement; 27 – Moldakit settlement; 28 – Semiozerskoye settlement; 29 – Troitskoye settlement; 30 – Novoandreyevskoye settlement; 31 – Manjurka settlement.

скими коллекциями и среди средневековых памятников, значившимися как чжурчжэньские, выявила комплексы, материал которых не соответствовал тунгусо-маньчжурской (мохэ-бохайско-чжурчжэньской) атрибутике. В число таких артефактов входили серьги в виде знака вопроса, монгольские типы железных наконечников стрел, обилие костяных ромбовидных в сечении наконечников стрел, сосуды с подглазурной кобальтовой росписью, погребения с северной ориентировкой головы. На этом основании серия археологи-

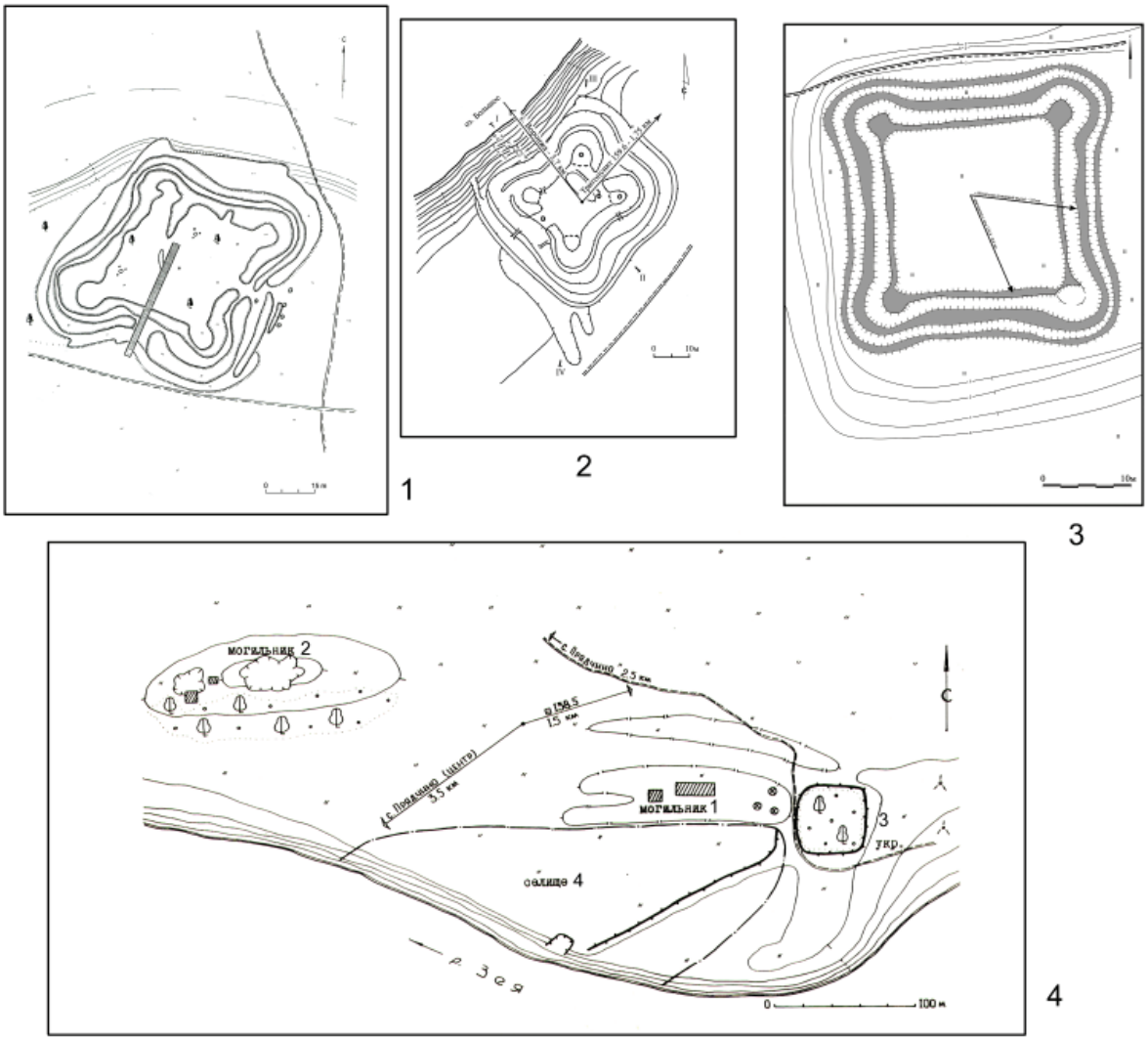


Рис. 2. Планы даурских городков: 1– Прядчинское городище; 2 – городище Воронжа; 3 – Игнатьевское городище; 4 – План местности с расположением могильников и городища Прядчино (по В.И. Дьякову) (1–2 – грунтовые могильники; 3 – поселение; 4 – даурское укрепление).

Fig. 2. Plans of Daurian towns: 1– Pryadchynskoye settlement; 2 –Voronja settlement; 3– Ignatievskoye settlement; 4 – Plan of the area with the location of burial grounds and Pryadchino settlement (after V.I. Dyakov) (1–2 – ground burials; 3 – settlement; 4 – Daurian fortification.

ческих памятников (Марковский могильник, городище Круча, Кучугуры, Молдакитский клад, Чигири, Дубовый мыс) была датирована монгольским (династия Юань – 1271–1368 гг.), минским (1368–1644) и маньчжурским (династия Цин – 1644–1911 гг.) временем и поставлена проблема их этнокультурной принадлежности: прежнее ли это тунгусо-маньчжурское население, оказавшееся под гнетом монголов, принесших и внедривших новый ремесленный комплекс, или это какие-то вкрапления (локальные образования) новых этносов, в частности, монголоязычных дауров, переселенных в Приамурье (Дьякова, 1986, с. 226–243). Спустя несколько лет данные разработки стали платформой для объединения таких памятников во владимировскую археологическую культуру (Сапунов, Болотин, 1989, с. 43–47, Болотин, 1996, с. 84–101). Но полноценного выделения культуры, подкрепленного стационарными исследованиями до сих пор не состоялось. О погребальной традиции позднесредневекового населения Приамурья известно преимущественно из стационарных раскопок Владимировского и Прядчинского могильников, проведенных Б.С. Сапуновым, Д.П. Болотиным, Г. Литовченко, В.В. Сухих. Хотя, согласно опубликованной информации, исследования в разное время проводились на 10 могильниках: Владимировском, Каникурганском, Прядчинским I-II, Марковском, Егорьевском, Семиозерском-I-II, Бибиковском, Гродековском, где в общей сложности вскрыто 16 погребений, содержащих 29 костяков (рис. 3). По ландшафтной характеристике

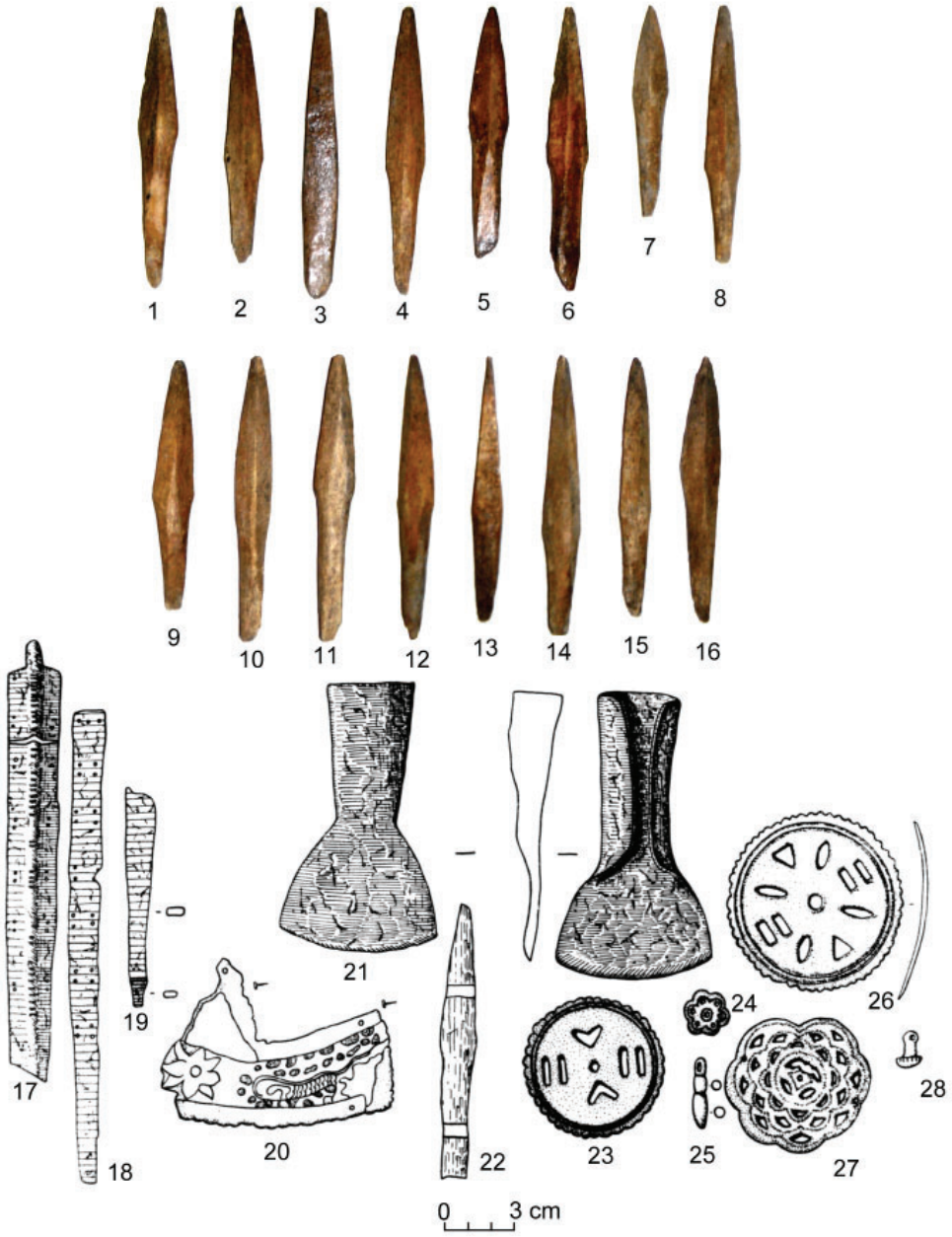


Рис. 3. Могильник Прядчино: 1–16 – костяные наконечники стрел; Молдакитское городище: 17–19 – железные пластины шлема; 20– ажурная бронзовая пластина; 21– тесло; 22– костяной наконечник стрелы; 23–24, 26–27– бронзовые бляхи; 25, 28– бронзовые пуговицы.

Fig. 3. Pryadchino burial ground: 1–16 – bone arrowheads; Moldakitskoye settlement: 17–19 – iron helmet plates; 20 – bronze openwork plate; 21– adze; 22 – bone arrowhead; 23–4, 26 and 27 – bronze badges; 25, 28 – bronze buttons.

позднесредневековые некрополи рёлочные, т.е. расположены в речных долинах на песчаных возвышенностях. По типу грунтовые, ямные. По способу погребения – ингумации с положением погребённого на спине, выпрямленными ногами, руками вдоль туловища, головой на юго-запад (тунгусо-маньчжурская традиция) или северо-восток (монгольская традиция). Встречены одиночные, парные и коллективные (тройные) захоронения. Внутримогильные конструкции представлены рамами-гробами и гробами-обкладками (Сапунов, Болотин, 1989, с. 44–45). Поскольку авторами опубликована только суммарная характеристика, а полевые отчёты и описи, в силу разных причин, либо не сохранились, либо оказались недоступны, то далее автор предлагает характеристику материала м*огильник Круча*, расположенного в с. Марково Благовещенского района Амурской области, материалы которого присутствуют в Амурском областном краеведческом музее. Памятник впервые обследован и частично раскопан в 1928 году Г.С. Новиковым-Даурским: «В

земле берегового яра в разных местах торчат куски сгнившего дерева, кости, черепки. В одном месте потоком дождевой воды образована ниша, в которой оказались кости человека, сгнившее дерево и угли. Некоторые кости были обожжены, а череп, почти совершенно обугленный, развалился в руках на куски. В другом месте из обрыва торчали обломки берцовых костей, а дальше обнаружились кости ступней человека. По положению костей можно судить, что скелет лежал на спине, в вытянутом состоянии, ногами на восток, головою на запад, на глубине 50 см, без гробницы. На береговом откосе были найдены кости мужского костяка и 25 костяных наконечников стрел, 2 железных фибулы оригинальной формы, сломанный надвое железный нож и мелкие куски окиси железа. Костяные наконечники лежали в траве и казались склеенными в пучок, но рассыпались при прикосновении. Скелет лежал на спине, с вытянутыми по бокам руками, головой на с е в е р, ногами на юг. Возле головы и ног лежали сгнившие чурки круглой формы более 15 см, а на них – доска толщиной менее 10 см. Дерево сгнило и, вытянутое из земли, быстро высыхало и разваливалось на куски. Под скелетом дерева не было – он лежал на мелком речном песке. При костяке были найдены следующие предметы: а) железный наконечник стрелы долотовидной формы, лежавший между ребрами левой стороны груди; б) с левого бока, чуть выше поясницы – железная пряжка и костяная пластинка с дырками на концах, орнаментированная с одной стороны кружками и черточками; в) на одном из пальцев левой руки – кольцо из железной проволочки в виде спирали в полтора оборота; г) на щиколотках ног – железные браслеты, от которых сохранились лишь части, лежавшие поверх костей, а от частей, лежавших под костями, не осталось и следа; д) в ногах с внешней стороны погребения, возле чурки найден железный нож маньчжурской формы. В слое песка, на глубине 5–7 см ниже костей, под тазом лежал фрагмент шейки глиняного сосуда, но, видимо, он никакого отношения к инвентарю погребения не имеет, так как в том же слое песка были подобраны ещё 3 или 4 таких же черепка в других местах обрыва, за пределами данного погребения. В земле над гробницей нашлись два мелких черепка, которые попали сюда, видимо, случайно. Кисти правой руки при костяке не оказалось, она была снесена водой» (Новиков-Даурский, 1961, с. 35–36). Характеристика сохранившегося материала: *Серьги* выполнены из бронзовой проволоки диаметром 0,1–0,2 см и имеют форму вопросительного знака. Длина серег различная: 6 серег – 2–3 см, 1 серьга – 8 см. На стержень нанизано по одной шаровидной стеклянной бусине, на одну самую крупную серьгу – две бусины. Внизу бусины закреплены витками (петелькой) проволоки и свободно вращаются. *Стеклянные бусы* представлены: одной бусиной цилиндрической формы (короткая трубочка), одной оранжевой ребристой, восемью шаровидными, бисером голубого и белого цветов, выполненных навивкой стеклянной нити на стержень. Полные аналогии им обнаруживаются в Каракоруме. *Бронзовые предметы* представлены тремя пластинами. Одна имеет длину 18 см, ширину 4,5 см. Полотно состоит из плоских кружков, образующих вертикальные и горизонтальные ряды. По центру кружки разделены горизонтальной полосой. Низ пластины окаймлен полукольцами, как бы соединяющими два ряда. Верх пластины ограничен бордюром с отверстиями для крепления к плоскости железными штырёчками, от которых остались окислы. Две других пластины подпрямоугольной формы с декором из простых вписанных крестов. Длина пластин – 7 см, 9 см, ширина – 7 см. *Кольца* представлены двумя экземплярами. Одно выполнено в виде спирали из 1,5 витков, в сечении уплощенно-овальное; второе кольцо замкнутое, круглое в сечении. *Железное кольцо* – незамкнутое, диаметр 2,2 см, в сечении прямоугольное. *Керамические изделия* обнаружены ниже погребённого на 5–7 см в слое песка, являются традиционными для культуры амурских чжурчжэней. Среди них фрагменты лепных «типично мохэских» сосудов троицкого облика, т.е. с вафельным орнаментом на стенках и налепным валиком под венчиком; а так же серая, изготовленная на ножном круге посуда – фрагмент дольчатого сосуда с вертикальным желобком, трубчатые венчики, боковые стенки со штампованными мотивами орнамента, состоящие из вписанных ромбов, горизонтальных елочек, поясов вафли. Следовательно, могильник Круча оказался расположен на месте более древнего памятника, принадлежавшего культуре амурских чжурчжэней, верхняя граница которой датируется XII–XIII вв. Сравнение типового состава предметов этих двух комплексов делает очевидным, что первый комплекс представляет традиции амурских чжурчжэней, второй –монгольсков (дауров). Любопытную ситуацию выявляют

детали погребального обряда. Установлено, что одно погребение совершено по способу кремации. Причем сжигание покойного производилось на месте в неглубокой яме. Сгорел череп и некоторые кости. Головой покойный был ориентирован на запад, лежал на спине в вытянутом положении. Погребен был без гроба. Такой способ захоронения появляется в мохэской культуре Приморья на некрополе Монастырка-3 и бытует в могильниках культуры амурских чжурчжэней (Медведев, 1982). Второе погребение имеет принципиальное отличие, позволяющее думать, что оно этнического характера. Это захоронение совершено способом трупоположения. Покойный уложен на спину, ноги вытянуты, руки располагались вдоль туловища. Голова, что чрезвычайно важно, ориентирована на север. Как известно, северная ориентировка покойных в средневековых мохэских и чжурчжэньских могильниках Приамурья и Приморья не встречается. Она характерна и возводится исследователями в число этнических признаков для монголов (Именохоев, Коновалов, 1985, с. 79). В этом погребении внутримогильный интерьер отличен от чжурчжэньского. Впервые встречается выше головы и за ногами умершего скамейка, сооруженная из доски и двух чурок. Несколько иначе располагаются украшения и металлические детали одежды. Впервые встречаются ножные железные браслеты. У амурских чжурчжэней браслеты отмечены только для рук. Обычно в средневековых погребениях не встречаются кольца для пальцев. В этом же погребении на одном из пальцев левой руки обнаружено кольцо из железной проволоки в виде спирали. Отсутствует в погребении керамическая посуда, тогда как для мохэсцев и чжурчжэней она обязательна. Обнаружение долотовидного наконечника, характерного для амурских чжурчжэней, между ребрами погребенного позволяет эту ситуацию расшифровать таким образом: убитый был монголом (дауром) и убили его, видимо, местные жители. Но чужеродец похоронен на одном кладбище с чжурчжэнями. Подобное сочетание монгольских и чжурчжэньских захоронений зафиксировано и на *Владимировском могильнике*: в могилах № 1–4 прослежена тунгусо-маньчжурская традиция, с ориентацией головы на юго-запад; в могилах № 5–6 – монгольская, с ориентацией головы на северо-запад. Тунгусо-маньчжурскую традицию погребения № 2 так же подтверждает обнаруженная в нём челюсть собаки, являвшейся для чжурчжэней культовым животным. Таким образом, погребения с северной ориентацией головы, артефакты: серьги в виде знака вопроса; железные наконечники стрел пламевидного типа; костяные наконечники стрел; стеклянные изделия, аналогичные по форме и составу каракорумским, бронзовые грибовидные пуговицы и др. предметы появляются в Приамурье в юаньское время (1271–1368) и бытуют длительное время, включая минский (1368 – 1644 гг.) и цинский периоды (1644–1912).

ЛИТЕРАТУРА

Болотин Д.П. Владимировская культура позднего средневековья в Приамурье // Проблемы этнокультурной истории Дальнего Востока и сопредельных территорий / Отв. ред. С.Б. Сапунов. Благовещенск: БГПИ, 1993. С. 84–101.

Волков Д.П. Проблема интерпретации городищ даурского типа в Западном Приамурье // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. II / Ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 330–331.

Дьяков В.И. Археологические работы в Приморском крае и Амурской области в 1993 г. / Архив ИА РАН. Р-1, № 18197.

Дьякова О.В. Материальная культура населения Приамурья в XIII-XVII вв. // История и культура восточной и юго-восточной Азии. Ч. 2 / Отв. ред. С.В. Волков. М.: Наука, 1986. С. 226–243.

Дьякова О.В., Зайцев Н.Н., Шевченко В.В. Даурские городки Приамурья // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20-28 мая 2019 г.). Вып. 9. Ч. 1 / Отв. ред. О.А. Шеломихин. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. С. 87–98.

Ивлиев А.Л. Позднесредневековые памятники в окрестностях с. Семиозёрка Амурской области // Традиционная культура Востока Азии: археология и культурная антропология / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: БГПУ, 1995. С. 5–60.

Именохоев Н.В., Коновалов П.Б. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи / Отв. ред. П. Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, 1985. С. 69–86.

Медведев В.Е. Средневековые памятники острова Уссурийского. Новосибирск: Наука, 1982. 218с.

Новиков-Даурский Г.С. Приамурье в древности // Записки Амурского областного музея краеведения и общества краеведения. Т. 2 / Науч. ред. В.П. Малышев. Благовещенск: Амур. кн. изд-во, 1953. С. 3–25.

Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки. Благовещенск: Амурское кн. изд., 1961. 190 с.

Сапунов Б.С., Болотин Д.П. Материальная культура позднего средневековья на Верхнем Амуре / Материалы по средневековой археологии Дальнего Востока и Забайкалья. Препринт / Отв. ред. В.Д. Леньков, А.М. Певнов. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 43–47.

Сапунов Б.С., Зайцев Н.Н. Средневековые городища Амурской области // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий: (Доклады V сессии Научно-проблемного совета археологов Дальнего Востока) / Отв. ред. В.Д. Леньков. Владивосток: Дальнаука, 1993. С. 46–51.

Цыбенов Б.Д. Даурские роды в XYII веке // Вестник Бурятского госуниверситета. 2011. № 8. С. 238–245.

Информация об авторе:

Дьякова Ольга Васильевна, доктор исторических наук, профессор, зав. Лабораторией археологии Приамурья, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); emelianova49@mail.ru

REFERENCES

Bolotin, D. P. 1993. In Sapunov, S. B. (ed.). *Problemy etnokul'turnoy istorii Dal'nego Vostoka i sopredel'nykh territoriy (Problems of Ethnocultural History of the Far East and Adjacent Territories).* Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical Institute Publ., 84–101 (in Russian).

Volkov, D. P. 2020. In Makarov N. A., Derevianko A. P., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22th) All-Russia Archaeological Congress in Samara)* II. Samara: Samara State Pedagogical University Publ., 330–331 (in Russian).

D'yakov, V. I. 1993. *Arkheologicheskie raboty v Primorskom krae i Amurskoy oblasti v 1993 g. (Archaeological work in the Primorye territory and the Amur region in 1993).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R–1, dossier 18197 (in Russian).

D'yakova, O. V. 1986. In Volkov, S. V. (ed.). *Istoriya i kul'tura vostochnoy i yugo-vostochnoy Azii. Ch. 2 (History and Culture of East and South-East Asia. Part 2).* Moscow: "Nauka" Publ., 226–243 (in Russian).

D'yakova, O. V., Zaytsev, N. N., Shevchenko, V. V. 2019. In Shelomikhin, O. A. (ed.). *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy IX mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Blagoveshchensk – Kheykhe, Tyan'tszin', Pekin, 20-28 maya 2019 g.). Vyp. 9. Ch. 1 (Russia and China: history and prospects of cooperation: Materials of the IX International Scientific and Practical Conference (Blagoveshchensk - Heihe, Tianjin, Beijing, May 20-28, 2019). Issue. 9. Part 1)*. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., 87–98 (in Russian).

Ivliev, A. L. 1995. In Zabiyako, A. P. (ed.). *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii: arkheologiya i kul'turnaya antropologiya (Traditional Culture of East Asia: Archaeology and Cultural Anthropology).* Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., 5–60 (in Russian).

Imenokhoev, N. V., Konovalov, P. B. 1985. In Konovalov, P. B. (ed.). *Drevnee Zabaykal'e i ego kul'turnye svyazi (The Ancient East and its Cultural Context)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 69–86 (in Russian).

Medvedev, V. E. 1982. *Srednevekovye pamyatniki ostrova Ussuriyskogo (The Medieval Monuments of the Island of Ussuri).* Novosibirsk: Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Novikov-Daurskiy, G. S. 1953. In Malyshev, V. P. (ed.). *Zapiski Amurskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya i obshchestva kraevedeniya. T. 2 (Notes of the Amur Regional Museum of Local History and company of Local History. Vol. 2).* Blagoveshchensk: "Amurskoe kn. izd." Publ., 3–25 (in Russian).

Novikov-Daurskiy, G. S. 1961. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki (Historical and archaeological essays).* Blagoveshchensk: "Amurskoe kn. izd." Publ. (in Russian).

Sapunov, B. S., Bolotin, D. P. 1989. In Len'kov, V. D., Pevnov, A. M. (eds.). *Materialy po srednevekovoy arkheologii Dal'nego Vostoka i Zabaykal'ya. Preprint (Materials on the Medieval Archaeology of the Far East and Transbaikalia. Preprint)*. Vladivostok: "DVO AN SSSR" Publ., 43–47 (in Russian).

Sapunov, B. S., Zaytsev, N. N. 1993. In Len'kov, V. D. (ed.). *Novye materialy po arkheologii Dal'nego Vostoka Rossii i smezhnykh territoriy: (Doklady V sessii Nauchno-problemnogo soveta arkheologov Dal'nego Vostoka) (New Materials on Archaeology of the Far East of Russia and Adjacent Territories (Of V Session of the Peer Review of Archaeologists of the Far East)).* Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 46–51 (in Russian).

Tsybenov, B. D. 2011. In *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta (Bulletin of Buryat State University)* 8, 238–245 (in Russian).

About the Author:

Diakova Olga V. Doctor of Historical Sciences. Candidate of Historical Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; emelianova49@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 903.22 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.28.35

ПРЕДМЕТЫ КРЕПЛЕНИЯ КОЛЧАНА К ПОЯСУ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЕ

© 2022 г. А.М. Илюшин, М.Г. Сулейменов

В статье исследуются предметы для крепления колчана к боевому поясу по материалам развитого средневековья в Кузнецкой котловине. Колчанные петли, накладки, скобы и крюки подвергаются типологической классификации, сравнительному анализу, датировке и этнокультурной характеристике. Выделены пять групп и тринадцать типов изделий, датированные разными интервалами в пределах XI–XIV вв. Основная масса находок принадлежит археолого-этнографическому комплексу погребенных по обряду ингумации с тушей или шкурой коня и шандинской археологической культуре, отождествляемой с культурой кыпчаков. Делается вывод, что использование предметов крепления колчана на территории Кузнецкой котловины в период развитого средневековья отражает общую динамику развития аналогичных изделий в степной и лесостепной Евразии.

Ключевые слова: вооружение, лучник, колчан, крепление, петля, накладка, скоба, крюк, средневековье.

QUIVER BELT FASTENERS FROM DEVELOPED MIDDLE AGE BURIALS IN THE KUZNETSK BASIN

A.M. Ilyushin, M.G. Suleymenov

The paper addresses the fasteners used to attach a quiver to a battle belt based on developed Middle Age materials from the Kuznetsk Basin. Quiver loops, pads, braces and hooks are subjected to typological classification, comparative analysis, dating and ethnocultural characterization. Five groups and thirteen types of products are distinguished, dated at different intervals within the 11th–14th centuries. The bulk of the finds belong to the archeological and ethnographic complex of burials conducted using an ingumation ritual with a carcass or skin of a horse, and the Shandin archaeological culture identified with the Kypchak culture. It is concluded that the use of quiver fasteners in the territory of the Kuznetsk Basin during the developed Middle Ages reflects the general dynamics of the development of similar products in steppe and forest-steppe Eurasia.

Keywords: armament, archer, quiver, fastener, loop, pad, brace, hook, Middle Ages.

В средневековой Евразии конные и пешие лучники играли важную роль в военном деле. Исследование лука и вспомогательных изделий для его использования позволяет наблюдать эволюция этого вида вооружения и выявлять отдельные предметы, которые являются характерными для своего времени, регионов и конкретных этносов. Предметом настоящего исследования стали разнообразные крепления колчанов, которые были найдены в захоронениях средневековых воинов Кузнецкой котловины, расположенной на северной периферии Западного Саяно-Алтая. Эти изделия экипировки лучников не подвергались специальному исследованию. Цель работы – обобщение информации об средневековых предметах крепления колчана в Кузнецкой котловине, их систематизация, датировка, этнокультурный и сравнительно-исторический анализ с аналогичными изделиями на разных территориях Евразии. При исследовании применяются методы описания, типологической классификации и сравнительного анализа.

К креплениям колчанов относят петли, накладки, скобы и крюки. В Кузнецкой котловине такие предметы были найдены в закрытых погребальных комплексах на памятниках Беково, Конево, Камысла, Усть-Канда-1, Ишаново, Усть-Канда, Танай-8, Солнечный-1, Калтышино-1, Сапогово-2, Шабаново-9 и Торопово-1 (рис. 1, 1–21), которые были датированы разными интервалами в пределах XI–XIV вв.

Колчанные петли (рис. 1: 1–4), по определению Ю.С. Худякова, это детали колчана, предназначенные для продевания ремней портупеи при прикреплении его к поясу (Худяков, 1979, с. 191). Г.А. Федоров-Давыдов предложил классификацию этих изделий из кости по материалам культуры кочевников развитого средневековья Восточной Европы (Федоров-Давыдов, 1966, с. 31–32, рис. 2, 4). А.Ф. Медведев костяные петли с плоским основанием из памятников Восточной Европы VIII–XIV вв. относил к креплениям колчана, а с вогнутым основанием – к петлям для

крепления налучий (Медведев, 1966, с. 5, 21, табл. 8; табл. 9). Это позволяет предложить свою классификацию колчанных петель, которые представлены 2 группами, выделяемыми по материалу изготовления и 3 типами – по форме изделия.

Группа 1. Железные. Насчитывает 1 тип.

Тип. 1. Лировидные (рис. 1: 4). Представлен 1 экземпляром из могильника Солнечный-1 XII – начало XIII вв. (Илюшин, 2016, с. 31–45, рис. 3, 1). Это плоская петля с овальным отверстием для ремешка, которая была закреплена на колчане. Аналогии этому изделию нам не известны.

Группа 2. Костяные. Насчитывает 2 типа.

Тип 1. Лировидные (рис. 1: 1, 2). Представлен 2 экземплярами из могильника Беково XI–XII вв. (Илюшин, 1993, с. 39, рис. 49, 2, 3). Эти плоские петли от одного колчана. Они имели по четыре круглых отверстия для пришивания и по одному овальному наклонному отверстию для крепления ремня. Аналогии этим изделиям известны на памятниках восточных кыпчаков XIII–XIV вв. в Центральном Казахстане (Худяков, 1997, рис. 74, 4, рис. 76), в изделиях военного снаряжения на Саркела-Белой Вежи (первая треть XI – первая половина XII вв.), в половецких и черноклобукцких захоронениях воинов в степях Восточной Европы (Плетнева, 1990; 2003, рис. 56; рис. 59) и в материалах Волжской Булгарии XII в. (Руденко, 2005, с. 70, табл. 7, 150, 157; 2007, рис. 69, 6, 11). Появление подобных типов колчанных петель в Восточной Европе исследователи связывают с кыпчакским влиянием в домонгольское время (Руденко, 2005, с. 76).

Тип 2. Подтрапециевидные (рис. 1: 3). Представлен 1 экземпляром на курганной группе Конево датированной рубежом XII–XIII вв. (Илюшин, 2012, с. 70, рис. 54, 6). Это плоская петля с четырьмя круглыми отверстиями для пришивания и овальным отверстием для ремешка крепления. Имеет аналогию в вещевом комплексе поселения Купчегень-1 IX–XIII вв. в Горном Алтае (Константинов, 2021, с. 27, рис. 8, 1, 2).

Колчанные крепежные накладки (рис. 1: 5–7), по определению Б.Б. Овчинниковой, представляют собой костяные петли, которые прикреплялись снаружи тулова колчана, через которые сквозь отверстие продевался крепежный ремень (Овчинникова, 1990, с. 78). Классификации этих изделий нет. Это позволяет предложить свою классификации и выделить по материалу изготовления одну группу – костяные, а по форме изделий – три типа.

Тип. 1. Якореобразная (рис. 1: 5). Представлен 1 экземпляром на могильнике Камысла конца XII–XIII вв. (Бобров, 1997, с. 112, рис. 3, 5; Илюшин 2008, с. 173). Накладка представляет собой плоскую костяную пластину с четырьмя округлыми отверстиями для пришивания, фигурными выступами и прямоугольным отверстием в центре для сквозного продевания крепежного ремня. Костяная пластина была украшена циркульным орнаментом. Аналогии этому изделию не известны.

Тип 2. Четырехугольная (рис. 1: 6). Представлен 1 экземпляром на курганном могильнике Усть-Канда-1 XI–XIII вв. (Илюшин, 2005, с. 40, табл. 13, 68). Накладка имеет скошенные края, шесть округлых симметричных отверстий для пришивания и одно овальное отверстие в центре для продевания крепежного ремня. Аналогий в развитом средневековье нет.

Тип 3. Клиновидная (рис. 1: 7). Представлен 1 экземпляром на могильнике Ишаново конца XII–XIII вв. (Илюшин, 2014, с. 80, рис. 74, 21). Плоская удлиненная накладка имела три несимметрично расположенных круглых отверстия для пришивания и овальное отверстие для продевания крепежного ремня. Пластина по краям украшена точечным орнаментом. Аналогии этому изделию не известны.

Колчанные скобы (рис. 1: 8–13) выполняют функции накладных петель, к которым могли крепиться ремни и металлические крюки. А.Ф. Медведев назвал такие изделия петлями для колчана (Медведев, 1966, табл. 6). Имеющиеся находки позволяют классифицировать эти изделия и выделить по материалу изготовления одну группу – железные, а по форме и размерам два типа.

Тип 1. Малые с короткими лопастями, в разном исполнении (рис. 1: 8–11). Представлен 4 экземплярами на могильниках Танай-8 XI–XII вв., Усть-Канда XI–XIII вв. и Солнечный-1 XII – начало XIII вв. (Савинов, Бобров, 2011, с. 62, 64, рис. 7, 17; Илюшин, 2005, с. 40, табл. 13, 67; 2016, с. 31–45, рис. 7, 6, 7). Эти колчанные скобы отличает миниатюрность, высокая петля и приблизительно равная длина ушка и лопастей, которые крепились при помощи шпеньков. Различия наблюдаются в форме плоских лопастей. Аналогии есть в кыпчакском погребении XI в. на могильнике Ак-Чий II в Восточном Казахстане и в могилах кочевников конца I – начала II тыс. на Нижем Дону (Трифонов, Илюшин, Алехин,

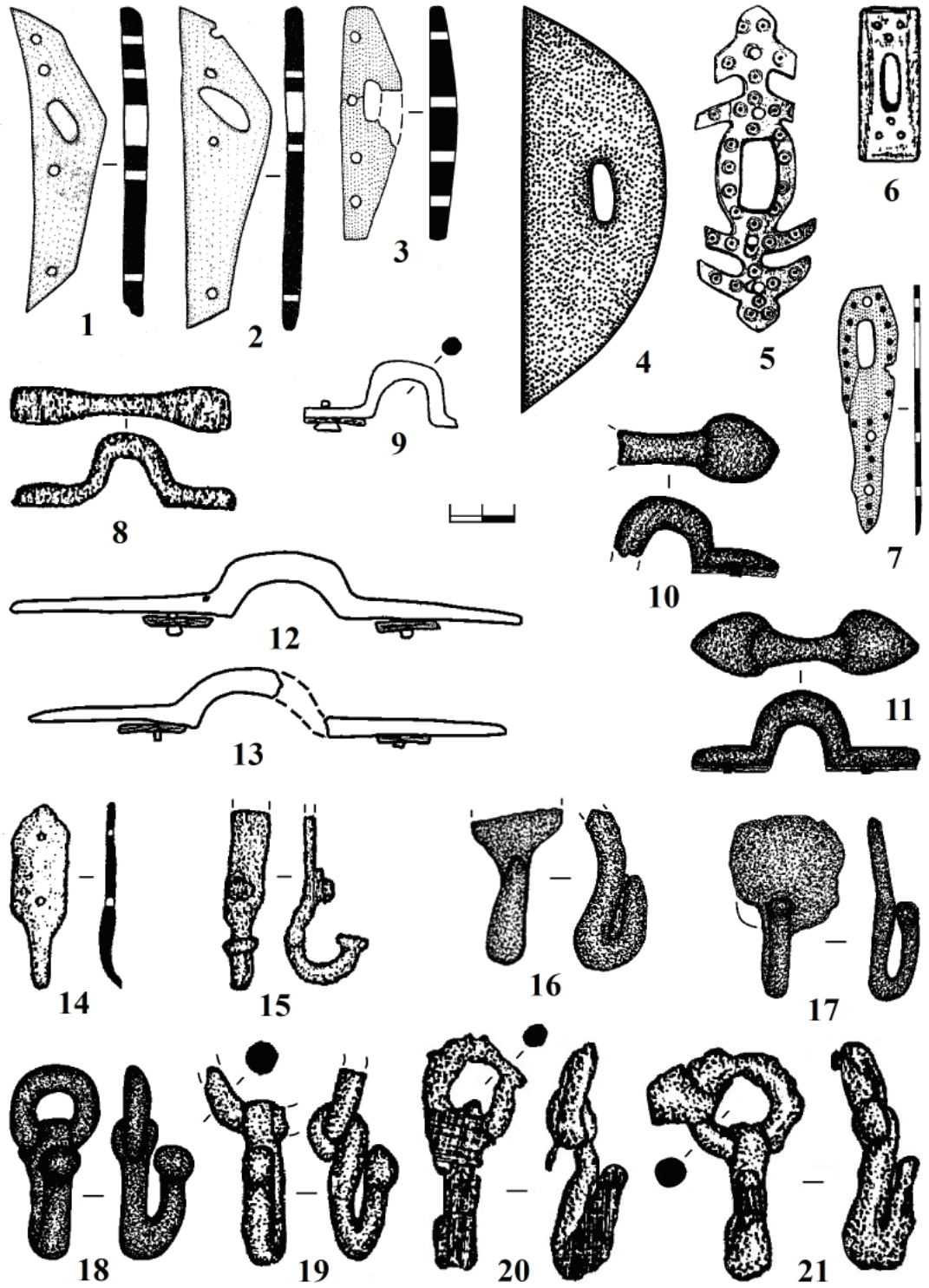


Рис. 1. Крепления для колчана из погребальных памятников развитого средневековья в Кузнецкой котловине: 1, 2 – Беково, 3 – Конево, 4, 10, 11, 18 – Солнечный-1, 5, 16 – Камысла, 6 – Усть-Канда-1, 7, 17 – Ишаново, 8 – Усть-Канда, 9 – Танай VIII, 12, 13 – Калтышино-1, 14 – Сапогово-2, 15 – Шабаново-9, 19–21 – Торопово-1.

Fig. 1. Quiver fasteners from the burial monuments of the developed Middle Ages in the Kuznetsk Basin: 1, 2 – Bekovo, 3 – Konevo, 4, 10, 11, 18 – Solnechny-1, 5, 16 – Kamysla, 6 – Ust-Kanda-1, 7, 17 – Ishanovo, 8 – Ust-Kanda, 9 – Tanai VIII, 12, 13 – Kaltyshino-1, 14 – Sapogovo-2, 15 – Shabanovo-9, 19–21 – Toropovo-1.

1998, с. 223, рис. 6, 2; Плетнева, 1990, рис. 18, 10; 19, 2; 25, 11).

Тип 2. Большие с длинными лопастями (рис. 1: 12, 13). Представлен 2 экземплярами на могильнике Колтышино-1 XII–XIII вв. (Савинов, 1997, с. 86, рис. 4, 6). Этот тип колчанных скоб характеризуется наличием низкого удлиненного ушка и вытянутых лопастей, крепящихся к колчану при помощи шпеньков. Аналогии известны в могилах

кочевников конца I – начала II тыс. на Нижем Дону (Плетнева С., 1990, рис. 20, 10; 24, 10; 2003, рис. 46).

Колчанные крюки (рис. 1: 14–21), по определению Ю.С. Худякова, это детали колчана, предназначенные для закрепления его на поясе (Худяков, 1979, с. 191). Значимыми типологическими признаками конструкции колчанного крюка являются основание, окончание и оформление язычка. Все колчанные крюки из исследуемой коллекции по материалу изготовления относятся к одной группе – железные, а по совокупности типологических признаков – к пяти типам.

Тип 1. Щитковый узкий без ограничителя язычка (рис. 1: 14). Отличительной чертой этого типа является длина щитка, которая в несколько раз больше его ширины. Насчитывает 1 экземпляр из кургана-кладбища Сапогово-2 XI–XII вв. (Илюшин, 1997, с. 24, рис. 18, 6). Ближайшие аналогии есть на памятниках кыргызских кыштымов XI–XII вв. в Минусинской котловине, в погребениях кыргызов Среднего Причулымья XIII в., в материалах басандайской культуры Верхнего Приобья XI – начала XIII вв., и в захоронениях XIII в. на Среднем Енисее (Беликова, 1996, с. 100, рис. 41, 5; 62, 1; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 154, рис. 5, 3; 72, 2; 125, 7; Худяков, 1997, рис. 64, 1, 2, рис. 67). Известны они в материалах усть-талькинской культуры XII–XIV вв. Предбайкалья и Прибайкалья, на монгольских памятниках XIII–XIV вв. в Центральной Азии и Забайкалье, в курганах Южного Урала и Приуралья XII–XIV вв. и в могилах воинов-кочевников Золотой Орды XIII–XV вв. (Иванов, 2020, рис. 2, 20–24; Иванов, Кригер, 1988, с. 13, рис. 2, 19; 13, 10, 31; 14, 23; Николаев, 2006, с. 284, рис. 4, 1–5; Худяков, 1991, рис. 71, 2, рис. 78–80).

Тип 2. Щитковые узкие с перпендикулярным ограничителем язычка в разном исполнении (рис. 1: 15). Насчитывает 1 экземпляр, который был найден в одиночном кургане Шабаново-9 XII–XIII вв. (Илюшин, 2010, с. 100, 105, рис. 6, 17). Аналогии не известны.

Тип 3. Щитковые широкие без ограничителя на язычке (рис. 1: 16). Отличительной чертой этого типа является ширина щитка, которая равна или незначительно меньше его длины. Насчитывает 1 экземпляр из могильника Камысла конца XII–XIII вв. (Илюшин, 2008, с. 173, рис. 8, 3). Аналогии этому типу колчанных крюков имеются у центрально-азиатских уйгуров XIII–XIV вв., и у кыпчаков XI в. в Восточном Казахстане (Трифонов, Илюшин, Алехин, 1998, с. 223, рис. 6, 1; Худяков, 1997, рис. 22, 6–8; 25).

Тип 4. Щитковый широкий с шарообразным ограничителем язычка (рис. 1: 17). Насчитывает 1 экземпляр из могильника Ишаново конца XII–XIII вв. (Илюшин, 2014, с. 80, рис. 86, 6). Аналогии не известны.

Тип 5. Стержневой с петельчато-кольчатым окончанием и язычком с шарообразным ограничителем (рис. 1: 18–21). В верхней части стержня имеется отверстие, через которое свободно вращается кольцо. Насчитывает 4 экземпляра найденные на могильниках Торопово-1 XIII–XIV вв. и Солнечный-1 XII – начало XIII вв. (Илюшин, 1999, с. 7–8, рис. 5, 1, 2; 8, 2; 2016, с. 31–45, рис. 7, 1). Аналогии этому типу колчанных крюков известны в памятниках кыргызской культуры Среднего Причулымья XI–XII вв. (Беликова, 1996, с. 98, рис. 73, 23). Этот тип крюка на территории Кузнецкой котловины в развитом средневековье был универсальным. Он использовался для крепления мягкой обуви с высокими голенищами (поножей), крепления сабли к поясу и поклажи к седлу (Илюшин, 1993, с. 39, рис. 47, 2, 3; 52, 1, 2; 2010, с. 100, рис. 5, 9, 10; Кузнецов, 2004, с. 47, с. 50, рис. 4, 6, 7; 6, 8, 9; 7, 5, 6; 11, 10, 11). Для этих же целей такие изделия использовались в XI–XIV вв. у кыпчаков и кыргызов в Новосибирском Приобье и Среднем Причулымье (Адамов, 2000, с. 57–58; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, рис. 70, 1, 2; Беликова, 1996, с. 98, 100–101, рис. 80, 15, 18; 81, 9–11; 84, 5, 6, 8, 13; 86, 12, 13; 90, 21, 22; и др.).

Для каждого выделенного типа из четырех классифицированных категорий предметов крепления колчана (петли, накладки, скобы и крюки) найденных на памятниках развитого средневековья в Кузнецкой котловине можно определить период бытования по датировке объектов, на которых они были обнаружены. Железную петлю от колчана (рис. 1: 4) можно датировать XII – началом XIII вв. Костяная петля типа 1 (рис. 1: 1, 2) бытовала в XI–XII вв., а типа 2 (рис. 1: 3) – на рубеже XII–XIII вв. Колчанные накладки 1 и 3 типов (рис. 1: 5, 7) датируются концом XII–XIII вв., а типа 2 (рис. 1: 6) – в пределах XI–XIII вв. Тип 1 железных колчанных скоб (рис. 1: 8–11) бытовал в XI–XIII вв., а тип 2 (рис. 1: 12, 13) – в XII–XIII вв. Тип 1 железных колчанных крюков (рис. 1: 14) бытовал в XI–XII вв., тип 2 (рис. 1, 15) – в XII–XIII вв., тип 3 и тип 4 (рис. 1: 16, 17) – в конце XII–XIII вв., а тип 5 (рис. 1: 18–21) – в конце XII–XIV вв.

Все классифицированные типы колчанных петель, накладок и скоб и четыре типа (2–4) железных крюков (рис. 1: 1–13, 15–21) относятся к пришлому археолого-этнографическому комплексу (АЭК) погребенных по обряду ингумации с тушей или шкурой коня и к шандинской археологической культуре XI–XIV вв. в Кузнецкой котловине, которая отождествляется с культурой восточных кыпчаков (Илюшин, 2005, с. 97–105, 120–126;). Лишь тип 1 колчанных крюков (рис. 1: 14) относится к местному АЭК погребенных по обряду кремации на стороне и саратовской археологической культуре V–XIV вв. на третьем этапе (XI–XII вв.) ее развития в Кузнецкой котловине (Илюшин, 2005, с. 81–96, 108–113).

В результате исследования креплений колчана развитого средневековья в Кузнецкой котловине (рис. 1: 1–21) были описаны и подвергнуты типологической классификации петли, накладки, скобы и крюки. Выделено 5 групп и 13 типов изделий, которые бытовали в различное время. По векам количественная динамика выделенных типов существенно меняется. В XI в. были в обращении 4 типа изделий, в XII в. – 13, в XIII в. – 11, а в XIV в. – 1. Наибольшее типологическое разнообразие предметов крепления колчана было в XII и XIII вв. в предмонгольский и раннемонгольский период. Исследуемые крепления колчана являются продуктом культуры тюркоязычного населения, которое в широком плане отождествляется с кыпчаками, мигрировавшего несколькими волнами на территорию Кузнецкой котловины вначале II тыс. Аналогии исследуемых предметов фиксируются от Забайкалья до Восточной Европы, что указывает на широкое распространение этих предметов в кыпчакской степи и лесостепи Евразии в развитом средневековье.

ЛИТЕРАТУРА

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.

Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Томского гос. пед. университета, 1996. 272 с.

Бобров В.В. Курган могильника Промышленная-1 // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины / Отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 108–116.

Иванов В.А. Археология комплексов вооружения кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды). // Археология Евразийских степей. 2020. №6. С. 253–278.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 92 с.

Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. 116 с.

Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 119 с.

Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. 208 с.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.

Илюшин А.М. Курганные могильники Камысла и Новокамышенка (по материалам раскопок А.Т. Кузнецовой в 1927 году) // Археология Степной Евразии / Ред. К.М. Байпаков, А.М. Илюшин. Кемерово, Алматы: Изд-во КузГТУ, 2008. С. 160–184.

Илюшин А.М. К вопросу о кыпчакском компоненте в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Шабаново 9) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1. С. 97–106.

Илюшин А.М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. 188 с.

Илюшин А.М. Курганы кыштымов в долине Ура. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2014. 216 с.

Илюшин А.М. Материалы раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в фондах музея-заповедника «Томская Писаница» // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2016. Вып. 4. С. 31–45.

Константинов Н.А. Предметный комплекс поселения Купчегень-1 (Центральный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2021. № 1 (33). С. 19–33.

Кузнецов В.А. Курганный могильник Шестаки-1 // Кузнецкая старина. Вып. 6 / Отв. ред. Ю.В. Ширин. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2004. С. 41–68.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука. 1966. 182 с.

Николаев В.С. Колчаны кочевников Предбайкалья и Прибайкалья в XII–XIV вв. // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск: Изд-во ИрГТУ. С. 284–298.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: УрГУ, 1990. 223 с.

Плетнева С.А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркеа-Белой Вежи). М.: ИА АН СССР, 1990. 102 с.

Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII вв.): Учеб. пособие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. 248 с.

Руденко К.А. Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья. (Исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) / Науч. ред. К.А. Руденко. Казань-Яльчик. Казань: Школа, 2005. С. 67–97.

Руденко К.А. Волжская Булгария в XI – начале XIII вв.: поселения и материальная культура. Казань: Школа, 2007. 244 с.

Савинов Д.Г. Могильник Калтышино-1 (новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 77–99.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Погребения раннесредневекового могильника Танай VIII // Историко-культурное наследие Кузбасса. Вып. III / Отв. ред. А.В. Фрибус. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 60–72.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.

Трифонов Ю.И., Илюшин А.М., Алёхин Ю.П. Новые археологические материалы по истории кыпчаков Казахстана // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии / Отв. ред. А.М. Илюшин. Кемерово-Гурьевск, 1998. С. 220–233.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Худяков Ю.С. Основные понятия оружиеведения // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. А.П. Погожева. Новосибирск: Наука, 1979. С. 184–193.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. С. 190.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.

Информация об авторах:

Илюшин Андрей Михайлович, доктор исторических наук, директор Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф Горбачева (г. Кемерово, Россия); ilushin1963@mail.ru

Сулейменов Марат Гарифуллович, научный сотрудник Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф Горбачева (г. Кемерово, Россия); marat_suleymenov@mail.ru

REFERENCES

Adamov, A. A. 2000. *Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv. (Novosibirsk Ob Region in the 10th-14th cc.).* Tobol'sk, Omsk: Omsk State Pedagogical University Publ. (in Russian).

Belikova, O. B. 1996. *Srednee Prichulym'e v X–XIII vv. (Middle Chulym River Area in the 10th–13th cc.)* Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ. (in Russian).

Bobrov, V. V. 1997. In Bobrov, V. V. (ed.). *Pamyatniki rannego srednevekov'ya Kuznetskoy kotloviny (Monuments of the Early Middle Ages in the Kuznetsk Basin).* Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 108–116 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2020. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian steppes)* 6, 253–278 (in Russian).

Ivanov, V. A., Kriger, V. A. 1988. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII–XIV vv.). (Kypchak Barrows in the Southern Urals (12th –14th cc.).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ilyushin, A. M. 1993. *Kurgany srednevekovykh kochevnikov doliny reki Bachat (Barrows of medieval nomads of the valley of the river Bachat).* Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ. (in Russian).

Ilyushin, A. M. 1997. *Kurgan-kladbishche v doline r. Kas'my kak istochnik po srednevekovoy istorii Kuznetskoy kotloviny (Barrow Cemetery in the Kasma River Valley as a Source of Information on the Medieval History of the Kuznetsk Basin)*. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ. (in Russian).

Ilyushin, A. M. 1999. *Naselenie Kuznetskoi kotloviny v epokhu razvitovogo srednevekov'ia (po materialam raskopok kurgannogo mogil'nika Toropovo-1) (The Population of Kuznetsk Basin in the Period of the Developed Middle Ages (Based on Materials from the Excavations of Toropovo-1 Burial Mound).* Kemerovo: Kuzbass State Technical University (in Russian).

Ilyushin, A. M. 2005. *Etnokul'turnaya istoriya Kuznetskoy kotloviny v epokhu srednevekov'ya (Ethnocultural history of Kuznetsk Depression during a Middle Ages era).* Kemerovo: "KuzGTU" Publ. (in Russian).

Ilyushin, A. M. 2008. In Ilyushin, A. M., Baipakov, K. M. (eds.). *Arkheologiya Stepnoy Evrazii (Archaeology of Steppe Eurasia)*. Kemerovo, Almaty: "KuzGTU" Publ., 160–184.

Ilyushin, A. M. 2010. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (1), 97–106 (in Russian).

Ilyushin, A. M. 2012. *Kurgany pozdnikh kochevnikov bliz ust'ya Ura (Burial Mounds of Late Nomads near the Mouth of the Ur River).* Kemerovo: "KuzGTU" Publ. (in Russian).

Ilyushin, A. M. 2014. *Kurgany kyshtymov v doline Ura (Kyshtym Burial Mounds in the Ura River Valley).* Kemerovo: "KuzGTU" Publ. (in Russian).

Ilyushin, A. M. 2016. In *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa» (Proceedings of the Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve)* 4, 31–45 (in Russian).

Konstantinov, N. A. 2021. *In Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii (Theory and Practice of Archaeological Research)* 33 (1), 19–33 (in Russian).

Kuznetsov, V. A. 2004. In Shirin, Yu. V. (ed.). *Kuznetskaya starina (Kuznetsk Antiquity).* Novokuznetsk: "Kuznetskaya krepost'" Publ., 41–68 (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th – 14th Centuries)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nikolaev, V. S. 2006. In Kharinskiy, A. V. (ed.). *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii (Reports of the Laboratory of Ancient Technologies)* 9. Irkutsk: Irkutsk State Technological University Publ., 284–298 (in Russian).

Ovchinnikova, B.B. 1990. *Tiurkskie drevnosti Saiano-Altaia v VI–X vv. (Turkic Antiquities of the Sayano-Altai in the 6th –10th centuries).* Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).

Pletneva, S. A. 1990. *Pechenegi i guzy na Nizhnem Donu (po materialam kochevnicheskogo mogil'nika u Sarkea-Beloy Vezhi) (Pechenegs and Guzes on the Lower Don (Based on Materials from a Nomadic Burial Ground near Sarkea - Belaya Vezha)).* Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology (in Russian).

Pletneva, S. A. 2003. *Kochevniki yuzhnorusskikh stepey v epokhu srednevekov'ya (IV–XIII vv.) (Nomads of the South Russian Steppes in the Middle Ages (4th-13th Centuries)).* Voronezh: "VGU" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2005. In Rudenko, K. A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (issledovaniia kul'turnogo naslediia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy) (Antiquities of the Volga Region: the Medieval Period (Studies of the Cultural Heritage of Voga Bolgaria and the Golden Horde))*. Kazan: "Shkola" Publ., 67–97 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2007. *Volzhskaia Bulgariia v XI–nachale XIII vv.: poseleniia i material'naia kul'tura (Volga Bolgaria in the 11th -early 13th cc.: Settlements and Material Culture*). Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

Savinov, D. G. 2003. In *Pamyatniki rannego srednevekov'ya Kuznetskoy kotloviny (Monuments of the Early Middle Ages in the Kuznetsk Basin).* Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 77–99 (in Russian).

Savinov, D. G., Bobrov, V. V. 2011. In Fribus, A. v. (ed.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie Kuzbassa (Historical and Cultural Heritage of Kuzbass)* 3. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 60–72

Savinov, D. G., Novikov, A. V., Roslyakov, S. G. 2008. *Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandayskaya kul'tura) (Upper Ob River at the turn of the ages (Basandaika culture)).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography Publ. (in Russian).

Trifonov, Yu. I., Ilyushin, A. M., Alekhin, Yu. P. 2008. In Ilyushin, A. M. (ed.). *Voprosy arkheologii Severnoy i Tsentral'noy Azii (Issues of Archaeology of North and Central Asia).* Kemerovo-Gur'evsk: "KuzGTU" Publ., 220–233 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Khudiakov, Yu. S. 1979. In Pogozheva, A. P. (ed.). *Novoe v arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka (Recent studie in the Archaeology of Siberia and the Far East)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 184–193 (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1991. *Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekov'ya (Armament of Central Asian Nomads in the Early and Developed Middle Ages).* Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1997. *Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsenral’noi Azii v epokhu razvitogo srednevekov’ia (Armament of the Nomads of South Siberia and Central Asia in the Developed Middle Ages).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

About the Authors:

Ilyushin Andrey M. Doctor of Historical Sciences, Director of the Humanitarian Research Center of T. F. Gorbachev State Technical University. Vesenniaia, Str., 28, Kemerovo, 6500000, Russian Federation; ilushin1963@mail.ru

Suleymenov Marat G. T. F. Gorbachev State Technical University. Vesenniaia, Str., 28, Kemerovo, 6500000, Russian Federation marat_suleymenov@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Центральная Азия

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.36.43

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОЧЕВНИЧЕСКИЕ ГОРОДА КАШКАДАРЬИ (УЗБЕКИСТАН)

© 2022 г. А.А. Раимкулов

В статье рассматривается городища Калаи Зоххаки Морон, крепость Карши и городища Занджир Сарай, расположенных на терриории Южного Согда (Кашкадарьинской область Узбекистана) в качестве кочевнических городов. Калаи Зоххаки Морон является крупным памятником квадратной планировки, окруженной внешней стеной 1,5×1,5 км, вторая стена 400×400 м, внутри расположена первая стена 200×200 м и в самом центре находился дворец. По мнению автора, Калаи Зоххаки Морон построен в II в. до нашей эры в качестве столичного города юечжи. Позже столица перенесена в Пешавар. Позже, во время Чагатайского государства в 1318-1326 гг. на территории Кашкадарьинской области был построен город Карши (630×630 м), в центре находился дворец. В Чигатайском государстве город функциониравал в качестве столицы. Между 1334–1340 гг. в Кашкадарьинской оазисе построен еще один город – Занджир Сарай (400×400 м), в центре находился дворец. Калаи Зоххаки Морон, Карши и Занджир Сарай являются уникальными кочевническики городами Средней Азии, которые сохранились только на территории Кашкадарьинского оазиса.

Ключевые слова: археология, Калаи Зоххаки Морон, столица, юечжи, Чагатаидов, Карши, Занджир Сарай, столичные города.

ANCIENT AND MEDIEVAL NOMADIC CITIES OF KASHKADARYA (UZBEKISTAN)

A.A. Raimkulov

This author considers the settlements of Kalai Zohkhaki Moron, Karshi Fortress and Zanjir Saray of different periods, located in the South Soghd (Kashkadarya oasis of Uzbekistan), as nomadic cities. Kalai Zohkhaki Moron is a large square-shaped monument encircled with an outer wall of 1.5×1.5 km, a second wall of 400×400 m, a first wall of 200×200 m inside, and a palace in the center. According to the author, Kalai Zohkhaki Moron was built in the 2nd century BC as the capital of the Yuezhi. Later, the capital was moved to a place near Peshawar. Then, during the period of the Chigatay state in 1318–1326, the city of Karshi (630×630 m) was built in the Kashkadarya oasis with a palace in the center. In the period of the Chigatay state, the city served as the capital. Between 1334 and 1340 years, another city was built in the Kashkadarya oasis - Zanjir Saray (400×400 m), with a palace in the center. Kalai Zohkhaki Moron, Karshi Fortress and Zanjir Saray are unique nomadic cities of Central Asia which have only preserved in the Kashkadarya oasis.

Keywords: archaeology, Kalai Zohkhaki Moron, capital, Yuezhi, Chagataids, Karshi, Zanjir Saray, capital cities.

Согд – Согдиана, располагавшиеся на перекрестке международных торговых и культурных путей, имея благоприятные природные и культурные ландшафтов, всегда являлась местом проникновении различных мигрирующих народов, которые оставляли после себе заметные следы в виде разнообразных археологических памятников. Мигрирующие народы – кочевники, их материальная культура, мировоззрение, направление миграций, политические и этнологические истории всегда интересовали несколько поколений ученых различных стран. Разновременные археологические памятники - остатки кочевнических городов расположены на территории Южного Согда – Кашкадарьинского оазиса современного Узбекистана.

Калаи Зоххаки Морон. Городище расположено в южной части города Карши в Узбекистане. Оно квадратной планировки, в центре расположена цитадель, скорее всего – дворец. Дворец со всех сторон окружен тремя линиями грандиозных оборонительных стен (рис. 1). Первая линия стен в виде оплывшего вала шириной 20–25 м, высотой около 8–9 м, занимает площадь размерами 200×200 м. Между внешней стеной дворца и первой линией стен имеется ровное пространство с каждой стороны размером 60 м. Вторая линия стены в виде вала, шириной 20–25 м, высотой около

8–9 м, окружающей со всех сторон внутренней крепости, занимает площадь 400×400 м. Между первыми и вторыми линиями оборонительных стен простиралась равнина шириной около 90 м с каждой стороны. Это грандиозный квадратный замок размером 16 га и окружающая со всех сторон равнина была обведена третьей линией оборонительной стены, размером 1,5×1,5 км.

Внешняя оборонительная стена в настоящее время не сохранилась. С.К. Кабанов, занимавшийся долгие годы археологическими изучениями памятников Каршинского оазиса, выразил сомнение о наличии этой стены. Но, по данным М.Е. Массона до строительства Бухарской железной дороги сохранились остатки третьей стены, длиной около 1 км, высотой местами около 3,5 м. Она имела толщину около 10 м и была сооружена из пахсы, каждая линия которой имела 1,3 м высоту. Снаружи хорошо были видны следы рва, шириной 10–15 м, глубиной 1–1,5 м. Эта стена зафиксирована в дореволюционных картах (Массон, 1973, с. 23–24).

Для уточнения наличия внешней стены в конце 70-х годов прошлого столетия археологом М. Туребековым были произведены раскопки в указанной местности М.Е. Массоном и в двух местах выявлены остатки внешней стены, общей протяженностью около 50 м и рва длиной 200 м, глубиной до 1 м (Туребеков, 1979, с. 70, рис. 1). По мнению М. Туребекова, город на месте Калаи Зоххаки Морон был построен скифскими племенами во II в. до н.э.

Во время постройки города на месте Калаи Зоххаки Морон на территории Согда имелись несколько крупных и более древних городов, как Афрасиаб (древний Самарканд), Еркурган (древний Нахшаб), Подаетоктепа, Узункыр (древний Кеш, Китаб-Шахрисабз), Челек (Коктепа), Бухара и т.д. Все эти древнейшие города построены с учетом местного ландшафта и поэтому каждый из них имеет своеобразную планировку. В отличие от этих городов, город не месте Калаи Зоххаки Морон построен на ровном месте, квадратном в плане и не имеет аналогов на территории Согда и сопредельных территорий.

Характер планировки и время возведения города на месте городища Калаи Зоххаки Морон, наводит на мысль о принадлежности его мигрирующим кочевым народом на Согд – юечжи. Поскольку, по данным китайских источников, во II веке до н.э. территория Согда была завоевана юечжийскими племенами.

Жившие на территории Южной Сибири, Алтая и Монголии юечжи в конце III в. до н.э. становится доминирующей державой Центральной Азии и в это время вождь хунну, как знак покорности отправляет своего сына, как заложника, в ставку юечжи. Вскоре все изменится, последующий новый правитель хунну Маодунь (Модэ) проводит глубокие военные и политические реформы, в результате чего сюнну достигает вершины своего могущества. Около 177 года до н.э. сюнну во главе с Модэ вторглись в земли юэчжи в Ганьсу. Сын Маодунья Ляошань в 176 г. до н. э. убивает царя юэчжи, а из его черепа сделал чашу для питья. Потерпев окончательное поражение юечжи (Большой Юечжи) лишается свой территории и мигрирует на юго-запад от Восточного Туркестана. По мнению некоторых исследователей, племена юечжи двинулись к северу Средней Азии в течение 176–161 гг., дошли до Амударьи лишь в 139–129 гг. Эти цифры показывают, что юечжи завоевывают всю Среднюю Азию в течении почти сорока лет. Всего населения юечжи было около 400 000 человек. Из них воинов было от 100 до 200 тысяч.

Во время миграции дай-рузийцы, т. е. юечжи прошли по территориям Канцзюй. Как полагают исследователи, в это время Канцзюй было слабым государством и оно не могло сопротивляться миграции юечжи. По мнению синолога А. Ходжаева, дай-рузийцы сначала мигрировали под предводительством вдовы убитого царя. Когда в 126 году до н. э. китайское посольство во главе с Чжан Цянем посетило государство юэчжи, пытаясь организовать союз, в это время на троне был сын убитого юечжийского царя. Но предложения китайского правительства о союзе против сюнну только через год отверглась царевичем. Это событие произошло на берегу Амударьи в 126 г. до н.э., когда юечжи покинули свою первую резиденцию.

Если первоначальная ставка юечжи находилась на территории к северу от Амударьи, где она могла быть? Если смотреть со стороны территории Термеза, то ставка должна находиться на территории Северной Бактрии – Тохаристана. Но там неизвестны остатки города, наподобие Калаи Зоххаки Морон. Если посмотреть со стороны района Келифа или Керкичи (средневековый Зам, Замм), расположенного по обеим берегам Амударьи, тогда столица была на территории Южного Согда, не месте городища Калаи Зоххаки Морон. Расстояние от Керкичи до Калаи Зоххаки

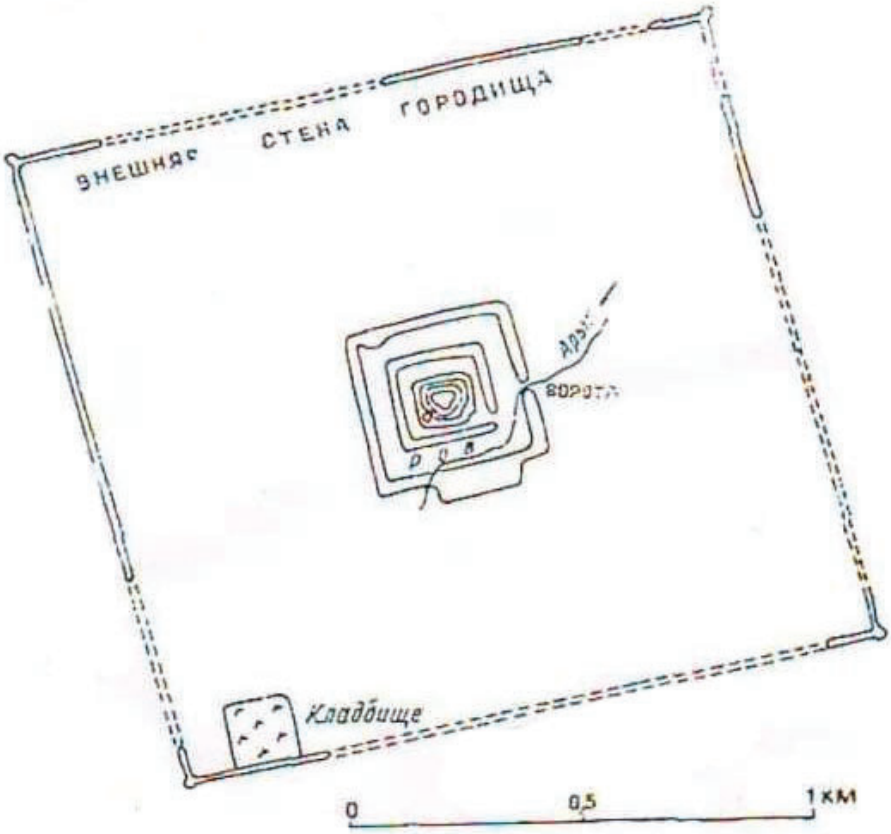


Рис. 1. Топографический план городища Калаи Зоххаки Морон.
Fig. 1. Topographical plan of Kalai Zohkhaki Moron settlement.

Морон составляет всего 118–120 км. Это не такой дальний путь для кочевников. Амударья в “Ши Цзи Сыма Цзяна, где сообщается о миссии Чжан Цяня, посетившего в Бактрию в 128–127 гг. до н.э. показана под названием реки Гуй, как южный предел расселения недавно пришедших сюда Больших Юечжей, тогда еще кочевников. “Царская орда (стан)” была расположена к северу от этой реки (что можно понять либо как “ на ее северном берегу”, либо как “севернее ее” (Грене, 2014, с. 58). Упомянутая здесь “царская орда”, это и есть, без никаких сомнений, город на месте Калае Зоххаки Морон.

Практически все китайские средневековые источники признают две столицы юечжи, первая из которой располагалась на севере Амударьи. Без сомнения центром этого владения был город на месте Калаи Зоххаки Морон. Город был построен по градостроительным традициям существовавшим в это время на территории северного Китая, Дальнего Востока и Монголии. Поэтому Калаи Зоххаки Морон и по времени постройки, и по территориальному расположению, и по характеру градостроительства, имеет полное право претендовать на первую столицу Большой Юечжи на территории Южного Согда.

Как полагает А. Ходжаев, из рассказа Чжан Цяня, вначале рузийцы жили на севере Амударьи, но там они долго не могли закрепиться и расширить сферу своего влияния (Ходжаев, 2011, с. 188). Это событие произошло до прибытия китайского посла Чжан Цянь к ставке правителя дай-рузийцев. Как было установлено выше, китайский посланник прибыл к дай-рузийцам в 128 г. до н. э. (Ходжаев, 2011, с. 186). Если юечжи на территории Южного Согда построили грандиозный город, это значит, что они там достаточно закрепились. Видимо, когда они пошли на юг Амударьи, где крепко обосновались, то они предпочли остаться там навсегда и решили перевести столицу на Пешавар, который в древности назывался Пурушапура. По-нашему мнению, верхушка власти и большая часть дай-рузийцев (юечжи) покинули Южный Согд во время переселения столицы.

Видимо, переселение столицы юечжи на юг Амударьи негативно повлияло на дальнейшую судьбу Калаи Зоххаки Морон. По раскопкам М. Туребекова при изучении внешней стены городища выснилось, что это стена со времени своего возведения в последующих столетиях не ремонтировались. В раннесредневековом периоде город на месте Калаи

Зоххаки Морон, продолжает свое существование до арабского завоевания в виде крупного замка в черте второй оборонительной стены, о чем свидетельствуют последующие ремонтные работы этого укрепления.

Калаи Зоххаки Морон по характеру топографии и градостроительства находит много аналогий на территории древних кочевых государствах Дальнего Востока, северного Китая и Монголии. Первые города кочевников на территории Монголии появились еще в хуннском периоде. Есть данные Н.Я. Бичурина о том, как "хунну собирались построить город для хранения зерна".

На территории Монголии имеются остатки города хуннской эпохи – Харалчи Хэремгийн балгас, с квадратной планировкой по 200×200 м, с четырех сторон имеются четверо ворот (Киселев, 1957, с. 92). Подобная градостроительная традиция продолжалась во время Уйгурского каганата. Одним из крупных городов каганата – Харухаин-балгас имел территорию площадью 500×500 м, а в каждой стороне были ворота. Другой город этого же каганата Чин-Тологой имел четыреугольную планировку (Киселев, 1957, с. 95–96). Столица Уйгурского каганата Хара-балгас, с территорией в 25 кв. км состояло из сотни квадратных в плане дворов (Клеменц, 1895, с. 48–59).

Квадратная планировка широко использовалась при постройке городов в киданском государстве Ляо (907–1125 гг.), находившихся на территории Дальнего Востока, северного Китая, Восточной Монголии до Восточного Туркестана. При постройке городов Ляо четыреугольная и квадратная планировка сохранилась как доминирующая. Вместе с этим, географическое расположение городов имело особое значение в империалистической политике государства, так как, некоторые города Ляо были построены в степных районах, которые не имели никаких условий для проживания людей (Lin, 2011, p. 228).

Император государства Ляо имел четыре "башни" в четырех местах и в течении года он перекочевывал по четырем объектам и страна управлялась из этих четырех мест. Кидане градостроительные традиции освоили от китайцев, бохайцев и уйгуров. Восточная столица империи Линьхуанфу была построена по приказу императора Абаоцзи в 918 г. за сто дней на завоеванной киданями территории государства Бохай. Город в 938 г. получил статус столицы, имел четыугольную планировку, а общая длина городских стен составляла 18,8 км.

Западная столица была расположена на месте современного города Датун. Южная столица на месте Пекина тоже получила статус столицы в 938 г. Общий периметр оборонительных стен Южной столицы составлял 14,4 км, каждая сторона по 3,5 км.

Средняя столица империи Ляо Дадиньфу, расположенная во Внутренней Монголии построена в 1007 г. Она состояла из трех частей – Внешней, Внутренней и Царской. Длина стен Внешнего города составляла 15 км (4200×3500 м – 1470 га). Внутри Внешнего города функционировал Внутренний город, который имел территорию 300 га, со стеной в длину 7 км. В центре Внутреннего города располагался Царский город, квадратной планировкой (1000×1000 м) (Крадин, Ивлиев, 2018, с. 179). Название каждой части города определяло их иерхическую особенность. Практически такую же планировку имеет и трехчатный город на месте городища Калаи Зоххаки Морон в Южном Согде.

В отличие от столицы империи Ляо, где часть простого населения составляли и земледельцы, внутри и вокруг Калаи Зоххаки Морона жило только пришлое кочевое население – дай-рузийцы (юечжи). В это время на территории Южного Согда функционировали несколько древних городов, такие как Еркурган, Падаятактепа, Адирмон и т.д., с оседлым городским населением, которые порабощались юечжиями. Калаи Зоххаки Морон был построен на расстоянии 15 км к юго-востоку от столичного города Южного Согда на месте Еркургана, на равнинной территории Каршинского оазиса. В свое время Калаи Зоххаки Морон был огромным городом, а крепость размером 1,5×1,5 км, была лишь его центром, т.н. "ордой". По нашим представлениям в черте первой линии крепостных стен проживали члены царской семьи Большого Юечжи. Возможно, здесь был установлен "золотой шатер" правителя. Между первой и второй стенами проживали члены государственного аппарата. На территории, окруженной третьей крепостной стеной, жили семьи следующего иерархического слоя кочевого государства. Основная масса населения и простые члены армии проживали вокруг города, в огромном пространстве Каршинской степи, где были установлены несколько десятков тысяч юрт кочевников в зимнее время.

Такая традиционная планировка кочевнических городов сохранялась до монгольского времени. Ставки Чингизхана Хара Хорин (Каракорум) на берегу Орхона имели квадрат-

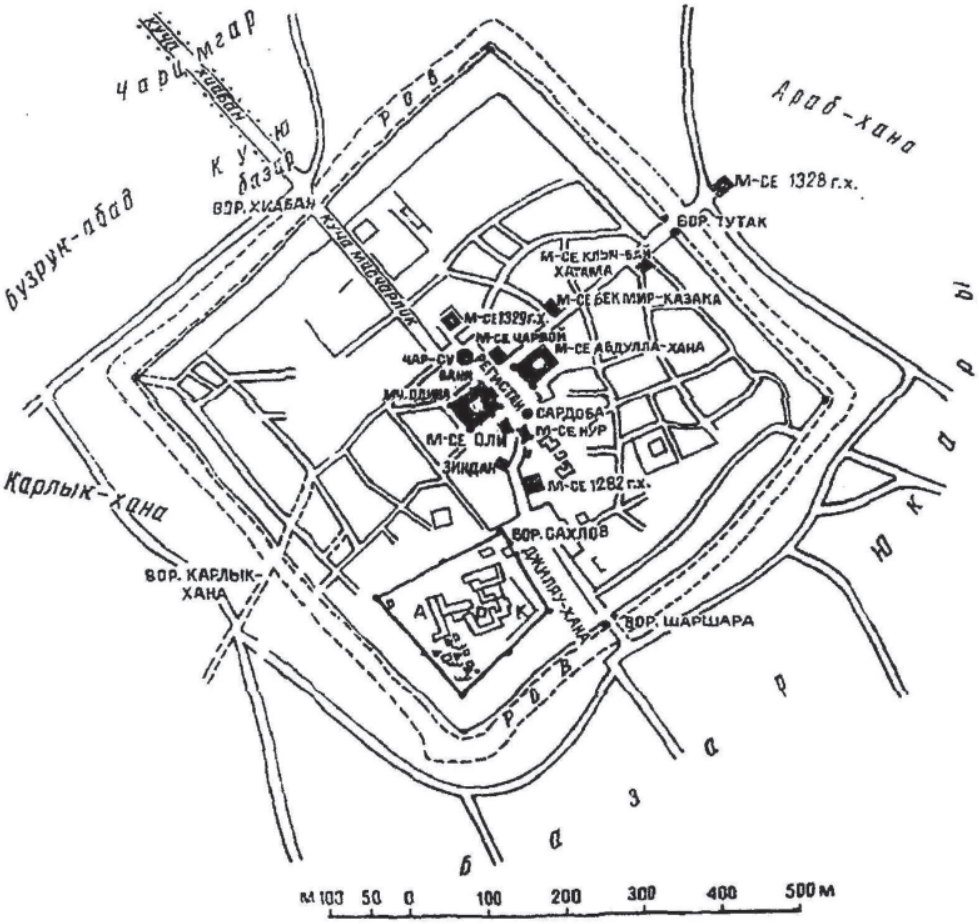


Рис. 2. Топографический план городища Карши.
Fig. 2. Topographical plan of Karshi settlement.

ную планировку (400×400 м). Во время правления Угедея внутри города строились монументальные дворцы по китайскому стилю. Другой город монголов Хир-Хира (XII–XIV вв.) тоже имел квадратную планировку (Древнемонгольские города, 1965, с. 23–59).

Наступление Чингизхана на Среднюю Азию завершилось полным уничтожением всех крупных городов Южного Согда. Во время Чагатайского улуса территория бывшего Южного Согда – Кашкадарьинский оазис опять становится местом пребывания кочевников. В нижнем течении реки Кашкадарьи, недалеко от левого берега, на расстояние 5,5 км к северо-востоку от развалины Калаи Зоххаки Морон, на месте старогородской части современной Карши, во время правления монгольского правителя Кебека (1318–1326 гг.) была построена его резиденция – крепость Карши, с традиционной для кочевников, квадратной планировкой. В правлении Кебека Карши был столицей Чагатайского улуса.

Археолого-топографические исследования городища Карши проводились в 1966 г. Кешской археолого-топографической экспедицией (КАТЭ) под руководством М.Е. Массона. По данным местных жителей города Карши, по скудным остаткам городища был снят план древнего города (рис. 2). По данным М.Е. Массона, город подквадратной формы, размерами 630×630 м, был окружен оборонительной стеной толщиной 4,5 м. На четырех сторонах имелись четверо ворот. В самом центре находился дворец “орда”. В 1326 г. хан Кебек был умертвлен в муждоусобной борьбе и власть перешла к его брату Тармаширину. Во время правления Тармаширина, в 1333 г. Карши посетил арабский путешественник Ибн Баттута. По его описанию в самом центре города был дворец – “орду”, где остановился Ибн Баттута, но там никто не жил, и дворец был пустым (Ибрагимов, 1993, 69-б.). Тармиширин принимал путешественника в пышном, тронном царском “золотом шатре”.

В 1334 г. и Тармаширин стал жертвой в борьбе за власть, которую он сам начал. Его племянник Бузан, совершивший переворот, переводит столицу на берег озера Или. Вскоре на троне Чагатайского улуса оказался Казан-

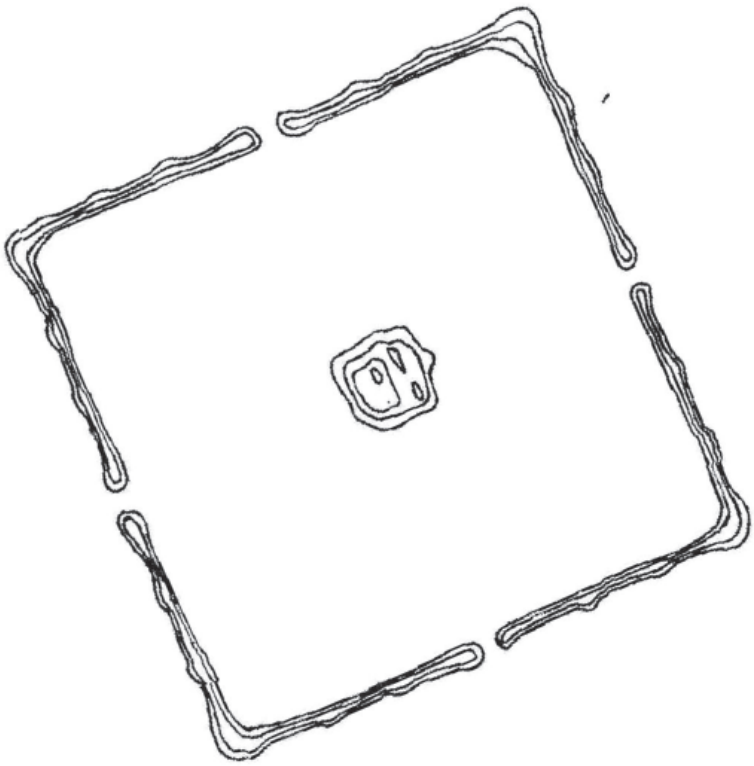


Рис. 3. Топографический план городища Занджир Сарай.
Fig. 3. Topographical plan of Zanjir Saray settlement.

Рис. 4. Аэрофотосъемка городища Занджир Сарай.
Fig. 4. Aerial photography of Zanjir Saray settlement.

хан Султан (1335–1347 гг.). Он из Илийской долины, вернул орды обратно в Каршинсий оазис. Но не поместив его в крепость Карши, на расстоянии двух переходов от Карши в Бухару, построил новую резиденцию, назвав ее Занджир Сараем (рис. 3). В время правления Казанхана Занжир Сарай являлся столицей Чагатайского улуса.

В настоящее время остатки Занджир Сарая, обнаруженной автором данной статьи, расположены около селения Кухна шахар (в переводе – "Старый город") Мубарекского района Кашкадарьинской области Узбекистана (рис. 4). Расстояние от Карши до Занджир Сарая составляет 77–78 км.

Занджир Сарай, как Карши, имеет квадратную планировку, размерами 400×400 м, окружен массивной крепостной пахсовой стеной толщиной 6 м. С четырех противоположных сторон просматриваются остатки четырех ворот. В самом центре имеется плоский холм размерами около 70×70 м, высотой 2–2,5 м. Территория между холмом и крепостной стеной практически ровная, без признаков застройки.

Археологические раскопки центрального холма показали, что в центре Занджир Сарая располагался монументальный дворец из жженого кирпича.

В 1370 г. Амир Тимур пришел к власти и Занджир Сарай переходит в его руки и в дальнейшем существовал как его резиденция. Он несколько раз зимовал в этом дворце и занимался охотой. В 1387 г., когда Амир Тимур был в Иране, золотоордынский хан Тохтамиш и правитель Хорезма Сулейман Суфи воспользовавшись отсутствием Тимура, совершили грабительский поход на Мавераннахр и во время этого похода Занджир Сарай был сожжен и больше не восстановился.

Калаи Зоххаки Морон, Карши и Занджир Сарай являются уникальными кочевнически-ки городами Средней Азии, которые сохранились только на территории древнего Южного Согда – современного Кашкадарьинского оазиса.

ЛИТЕРАТУРА

Грене Ф. Новые данные к локализации пяти "ябгу" Юечжей. Политический фон маршрута купцов Мая Тициана // Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. Т. II. / Научн. ред. А.-П. Франкфор. Самарканд: МИЦАИ, 2014, С. 57–69.

Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. 372 с.

Ибрагимов Н. Ибн Баттута ва унинг Ўрта Осиёга саёҳати. Тошкент: "Шарқ баёзи" нашриёти, 1993, 104 б.

Киселев С.В. Древние города Монголии // СА. 1957. № 2. С. 91–101.

Массон М.Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен (Из работ Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (1965–1966 гг.). Ташкент: Фан, 1973. 101 с.

Туребеков М. Археологическое изучение оборонительных сооружений городища Калаи-Зохаки-Марон // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 15 / Отв. ред. Т.Ш. Ширинов. Ташкент: Фан, 1979. С. 68–75.

Ходжаев А. Из истории древних тюрков (сведения китайских источников). Алматы: Муравей, 2011. 274 с.

Lin Hu. Perceptions of Liao urban landscapes. Political practices and nomadic empires // Archaeological Dialogues. **2011**. Vol. 18, No 2. P. 223–243.

Информация об авторе:

Раимкулов Абдисабур Аззамович, доктор исторических наук (DSc), ведущий научный сотрудник, Самаркандский Институт археологии им. Я. Гулямова Национального центра археологии АН РУз (г. Самарканд, Узбекистан); araimkulov@mail.ru

REFERENCES

Grene, F. 2014. In Frankfor, A. P. (ed.). *Arkheologiia i istoriia Tsentral'noi Azii v trudakh frantsuzskikh uchenykh (Archaeology and History of Central Asia in the Works of French Scientists).* 2. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies Publ., 57–69 (in Russian).

Kiselev, S. V. (ed.). 1965. *Drevnemongol'skie goroda (Ancient Mongol Towns).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ibragimov, N. 1993. *Ibn Battuta va uning Orta Osiyoga sayohati (Ibn Battuta and His Journey to Central Asia).* Tashkent: "Sharq bayozi" Publ. (in Uzbek).

Kiselev, S. V. 1957. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 91–101 (in Russian).

Masson, M. E. 1973. *Stolichnie goroda v oblasti nizov'ev Kashkadar'i s drevneyshikh vremen (Iz rabot Keshskoy arkheologo-topograficheskoy ekspeditsii TashGU (1965–1966). (Capital Cities in the Lower Reaches of the Kashkadarya since Ancient Times (from the Proceedings of the Kesh Archaeological and Topographic Expedition of the Tashkent State University (1965–1966)).* Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Turebekov, M. 1979. In Shirinov T. Sh. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 15. Tashkent: "Fan" Publ., 68–75 (in Russian).

Khodzhaev A. 2011. *Iz istorii drevnih tyurkov (svedeniya kitayskih istochnikov (From the History of the Ancient Turks (Information from Chinese Sources)).* Almaty: "Mureavey" Publ. (in Russian).

Lin Hu. 2011. In *Archaeological Dialogues*. Vol. 18, No 2., 223–243.

About the Author:

Raimkulov Abdisabur Az. Doctor of Historical Sciences (DSc), Leading Researcher, Samarkand Institute of Archeology of the National Center of Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. Abdullaev, Str., 3.Samarkand, 140061, Uzbekistan; araimkulov@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.44.56

РАННИЕ РАБАТЫ-КАРАВАНСАРАИ БУХАРЫ НА ГРАНИЦАХ КОЧЕВОЙ СТЕПИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА ПАЙКЕНД)

© 2022 г. С.Д. Мирзаахмедов

Статья посвящена истокам возникновения и строительных традиций одного из ведущих направлений ранней исламской архитектуры рабатов-каравансараев. Возникнув на рубеже раннего и развитого средневековья, полностью выполненные, ещё в сырце, они вобрали в себя строительные традиции предшествующей предисламской и новой зарождающейся классической средневековой архитектуры. Впервые Рабаты были построены в качестве военно-оборонительных постоялых дворов на важных стратегических пунктах и торговых артериях для противодействия набегам ещё не исламизированных кочевых племён. С середины IX в. со строительством Оазисной стены Бухары и возведением массы Рабатов на границах кочевой степи, исламизацией самих кочевников, военная функция их отпала и они превращаются в обслуживающие торговые артерии каравансараи-гостиницы.

Ключевые слова: археология, Бухара, Пайкенд, ислам, кочевая степь, рабаты-каравансараи, архитектура, традиции.

EARLY RABAT-CARAVANSARAIS OF BUKHARA AT THE BORDERS OF THE NOMAD STEPPE (BASED ON PAIKEND SETTLEMENT MATERIALS)

S.D. Mirzaakhmedov

The paper addresses the origins and building traditions of one of the leading directions of early Islamic architecture, rabat-caravansarais. Having arisen at the turn of the Early and Middle Middle Ages, fully completed, still in the adobe, they absorbed the building traditions of the previous pre-Islamic and new emerging classical feudal architecture. For the first time, Rabats were built as military-defensive inns at important strategic points and trade arteries to counter the raids of not yet Islamized nomadic tribes. From the middle of the ninth century, with the construction of the Oasis Wall of Bukhara, the building of numerous Rabats on the borders of the nomadic steppe and the Islamization of the nomads themselves, their military function disappeared and they were turning into caravanserai-hotels serving the trade arteries.

Keywords: archaeology, Bukhara, Paikend, Islam, nomadic steppe, caravanserais, architecture, traditions.

Интересным направлением в истории ранней исламской архитектуры, материалы которых основаны на результатах археологических раскопок последних десятилетий, связано с истоками формирования одного из ведущих направлений в монументальном и жилом зодчестве Центральной Азии, рабатах-каравансараях. Некогда, они в большом количестве, располагались на приграничных зонах исламского мира, в городах и пригородах, сельских центрах и безводных пустынных зонах, в той или иной степени, связанных с большими или малыми трансконтинентальными и региональными торговыми маршрутами.

Впервые причиной строительства, получивших распространение с VIII века рабатов, было связано с завоеванием Средней Азии Арабским халифатом, явившейся причиной ожесточенной борьбы местных народов за свою независимость и, с переменным успехом, растянувшейся почти на столетие. Исключительному накалу противостояния в военной конфронтации придавала и особая, совершенно чуждая местному менталитету форма политики завоевателей. Располагаясь по центру континента, Средняя Азия на протяжении многих столетий играла роль не только торгового, но и этно-миграционного коридора для прохождения и оседания здесь преимущественно, кочевого населения. Ранее номады, чаще всего ограничивались собиранием дани, не вмешиваясь во внутреннюю жизнь местного оседло-земледельческого населения, хотя воспринимая ее высокую культуру, идеологию и постепенно ассимилируясь с ней.

Арабские же завоеватели принесли с собой и принудительно внедряли экономическими и прокломативными мерами свою новую идеологию, мировую религию – ислам и, связанный с этим, совершенно новый образ мышления. Это поведение в быту, изменение

менталитета, государственного языка халифата – арабского, а затем и внедрение ираноязычными клиентами (мавали) завоевателей, западноиранского языка фарси-дари. При этом проводилось беспощадное истребление приверженцев старой идеологии, носителей зороастрийской культуры, литературы, принудительное расселение в частные жилища горожан и надзор за их новым вероисповеданием со стороны военных и административных членов титульной арабской диаспоры. Эти меры привели впоследствии, к конфронтации и столкновениям вновь исламизированного городского населения с ещё не исламизированным сельским или, чуть позже, жителей исламизированных оазисов с ещё не исламизированной кочевой степью. Подобные процессы, в каком-то аспекте, гражданских войн, особенно хорошо прослеживаются на рубеже 70–80-х гг. VIII века, при восстании против арабов Муканны и привлеченных последним, для набегов на исламизирующиеся оазисы неисламизированных кочевников тюрков. По данным источников, именно с этого периода и были приняты со стороны арабских наместников в Хорасане акты по масштабному строительству или, скорее, восстановлению давно разрушенных, грандиозных оазисных стен. Наиболее ярко это прослеживается по оазисной стене Бухары «Кампыр девор», охватившей значительную часть (15 из 22) компактно расположенных рустаков региона. В тех же случаях, когда отдельные микрооазисы или границы исламизированных территорий были выдвинуты далеко в степь, здесь строились рабаты – военные постоялые дворы для борцов за веру «газиев», задачей которых являлось несение службы по противодействию и защите городов и селений от набегов кочевников. Часто строились подобные рабаты по большим и малым торговым транспортным артериям, по которым проходили и военные отряды, неслась почтовая служба, доставлялся провиант и оружие. Более конкретно, впервые об их сооружении, на границах с кочевой степью связывается с наместником Хорасана Ашрасом ибн – Абдаллахом ас-Сулами (727–729 гг.). Рабаты представляли собой сторожевые посты, введённые в систему укреплённой стены против кочевников, или самостоятельные укрепления, отстоявшие на определённом расстоянии друг от друга (Бартольд, 1963, Т. I, с. 247; Якубовский, 1950, с. 169).

Конкретизируя вопрос А.Ю. Якубовский писал: «Под последним (рабаты – М.Д.) нельзя, конечно, понимать то, чем рабаты сделались впоследствии, а именно большие караван-сараи, превращающиеся в правильно функционирующие поселения базарного типа, а то, чем они были в первые века ислама, т.е. укрепленные поселения, имеющие, однако, задачей не только защиту от возможных нападений врага, но и торговлю с ними в периоды, когда отношения носили мирный характер. Рабаты этого типа в подавляющем числе случаев устраивались на границе со степью, где они и носили специфический военно-торговый характер. Один только взгляд на карту селений, идущих параллельно Кампыр Дувалу, один только перечень имен, среди которых так часты окончания на рабат (Хамрабат, Будак-рабат и т.д.), показывают, как много в систему укреплений Кампыр-Дувала включено было рабатов» (Якубовский, 1940а. с. 147).

С середины IX века, с постепенной исламизацией края, надобность в военном предназначении подобных сооружений начала отпадать и рабаты, обычно располагавшиеся на стратегически и географически важных участках транспортных артерий, стали превращаться в постоялые дворы – каравансараи.

Посвященные выдвинутым проблемам вопросы регулярного изучения оазисных стен Узбекистана и, в частности, «Кампыр девор» в Бухаре, были начаты с 30-х годов прошлого столетия в составе Заравшанской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, ИИМК и Узкомстариса под руководством А.Ю. Якубовского (Якубовский, 1940а) и сотрудником экспедиции В.А. Шишкиным (Археология Центральной Азии..., 2015, с. 29–45). Затем, с конца 50-х годов, широкие исследования в этом плане продолжены Х. Мухамедовым (Мухамедов, 1961), В.А. Шишкиным (Шишкин,1963) и активно продолжаются в последние годы (Штарк, Мирзаахмедов, 2015).

Еще больших результатов достигли исследования сотрудников Института, в последние десятилетия, в плане изучения рабатов-каравансараев. Благоприятным фактором для этого послужило вскрытие наиболее раннего для исламской эпохи Средней Азии рабата, построенного в конце VIII – начале IX века в восточном пригороде городища Пайкенд Бухарского оазиса (Мухамеджанов и др. 1988, с. 113–147). Не вызывает сомнения и интерпретация объекта, т.к. по данным исторических источников в пригородах Пайкенда располагалось огромное количество рабатов. В частности, в X веке историк Бухары Мухам-

мад Наршахи отмечал: «До 854/5 г. у ворот Пайкенда, по числу селений в Бухаре было построено более тысячи рабатов. В зимнее время, когда наступала пора набегов кочевников-кафиров, для противодействия им, здесь собирались отряды из газиев и жители каждого селения размещались в своих рабатах» (Наршахи, 1966. с. 24). У Истахри и в анонимном источнике «Худуд ал-Алам» приводится такая же цифра рабатов, а Мукаддаси уже отмечает, что большинство из них уже лежали в развалинах. Более подробно останавливается на них Самани отмечая, что в нем было три тысячи рабатов завоевателей, остатки которых он видел сам и встретил там только несколько туркменских семей, живших в рабате (Камалиддинов, 1993, с. 13).

Безусловно, представленные в источниках цифры рабатов завышены, но, тем не менее, они свидетельствуют о необычно большом количестве постоялых дворов, не характерных ни для какого другого города Средней Азии. Наличие подобных цифр, видимо, также объясняется узловой военно-стратегической и торговой ролью Пайкенда, располагавшегося вне оазисных стен Бухары, далеко выдвинутого в степь, крупного пограничного города, связывавшего Мавераннахр – одну из крупнейших житниц Халифата – с резиденцией правителя Хорасана в Мерве.

Много споров среди исследователей вызывают также относящиеся к этой проблеме и приведенные выше отрывки из «Истории Бухары» Мухаммада Наршахи по поводу конкретного противостояния и сезонного времени набегов кочевников в зимний период, получившие в целом, завершение к 854/5 гг. По нашему мнению, данные ан-Наршахи о конкретной дате завершения конфронтации между кочевой степью и земледельцами оазисов к 854/5 г., видимо, имело под собой определенное, пока не выявленное событие, положившее, в основном, конец постоянным угрозам набегов.

Вместе с тем, решение этой проблемы к середине IX в., совершенно определенно, вытекает из сложившейся в Мавераннахре военно-политической обстановки. В эти годы здесь уже были давно завершены масштабные работы по строительству оазисной стены «Кампир девор» и многочисленных рабатов в округе Пайкенда, что, в значительной степени, усложняло, ставило под сомнение, результативность подобных набегов. Также, к середине IX в. семейное наместничество Саманидских правителей внутри Мавераннахра приняло совершенно определенную форму централизованного государства, которое было в состоянии принять адекватные или, как это делалось ими и их сюзеренами Тахиридами уже с первой половины IX в., превентивные меры военных походов на саму кочевую степь.

Третьим существенным обстоятельством являлось принявшее необратимые последствия исламизация как самих оазисов, так и их начало в кочевой степи, которая наряду с вышеприведенными факторами снимала как моральные, так и военно-политические предпосылки подобной конфронтации.

В отношении зимнего периода опасности набегов, большинство авторов, касавшихся этого интересного отрывка, к сожалению, не пытались конкретизировать его причины. Наши попытки объяснить их зимнюю сезонность непроходимостью песков Кызылкум для больших контингентов войск в летний период, опровергались отдельными исследователями тем, что в этот период кочевники вполне утилитарно стремились к захвату осеннего урожая и, прежде всего, очень ценимого номадами хлеба (Мирзаахмедов, 1994, с. 223). О зимней конфронтации между кочевниками-огузами и Хорезмом, для середины X в., пишет и Бируни: «…с наступлением холодов цари Хорезма отгоняли тюрков-огузов от свих границ, охраняя от них окраины своих стран (Ал-Бируни, 1957, с. 257). Несколько шире на этом останавливается С.П. Толстов: «Война с огузами – это явление повседневного быта Хорезмийцев X в. – закрепляются традиционными обычаями и даже обрядами. Бируни описывает хорезмийский праздник Фагбурия – «выход царя», справлявшийся с наступлением холодов, когда царь Хорезма выступал из своей резиденции в традиционную зимнюю кампанию против огузов, отбрасывая их от своих границ (Толстов, 1948, с. 244).

Для решения вопроса нами были проанализированы исторические и этнографические источники, позволившие сделать ряд следующих выводов:

1. В исследуемый период, по данным письменных хроник, низовья Сырдарьи являлись местом зимовки многочисленных племен кочевников. Здесь же находилась и их столица – город Янгикент.

2. По нашим предположениям, не менее значимым местом зимовок кочевников могло являться расположенное к юго-западу от города и протянувшееся на значительное рассто-

яние, огромное Пайкендское озеро «Баргини Фаррох» или «Каракуль». Сюда стекались все остаточные воды рек Зарафшана и Кашкадарьи и озеро достигало в ширину, по данным источников, чуть ли не двадцати фарсахов. Все его окрестности проросли густыми тугайными зарослями с большим количеством хищных и диких животных, пернатых и рыб, являясь непревзойденным для всего Хорасана местом охоты и улова (Наршахи, 1966, с. 25). Эти близкие к Пайкенду места с густой растительностью, раскинувшейся на значительные пространства, несомненно, являлись идеальными стойбищами для зимовок кочевников, представлявших непосредственную угрозу в этот период года.

3. Вместе с тем, для того, чтобы прокормить свой основной хозяйственный сектор - поголовье скота, кочевые племена постоянно находились в строго определенном по времени и территориально движении. По мере наступления летней жары и выгорания трав они на сотни километров удалялись на север, северо-восток или северо-запад, а по мере наступления холодов и снежного покрова возвращались к местам зимних стоянок, более теплым или умеренным. К тому же, главным фактором жизнедеятельности и обоюдно необходимейших взаимосвязей между кочевой степью и земледельцами оазисов являлся сбыт кочевниками лишнего приплода скота, который невозможно было прокормить зимой. Для земледельцев же это была возможность широкого обмена своей ремесленной продукции (прежде всего текстиля, металлических изделий), а также муки, масла и сухофруктов на дешевейшее мясо (скот) и сырье для ремесла (кожи, шерсть и т.д.). Исходя из этих экономически взаимосвязанных предпосылок длительная конфронтация между этими двумя главными взаимозависимыми формами хозяйствования была просто невозможна.

4. Следуя вышеприведённым данным, можно предполагать, что начиная от поздней осени и до ранней весны, относительно свободные от постоянного передвижения кочевники, при наличии конфликтных ситуаций, могли представлять реальную угрозу для земледельческих оазисов Средней Азии.

5. В летний же период больших кочевых групп здесь не было: полностью выгоравшая пустыня была практически не проходима, а по караванным маршрутам такие набеги из-за ограниченного количества воды в колодцах, которые не были рассчитаны на прохождение больших армейских подразделений и, несомненно, существовавшей системы сигнализации, вряд ли имели бы успех.

6. В противоположность лету, зимой пустыня была покрыта снегом или ранней весной и поздней осенью стоками дождевой и талой воды в многочисленных такырных углублениях рельефа. Песчаная же поверхность пустыни, в этот период, покрывалась твердой замершей корочкой, позволявшей всадникам легко передвигаться по ней. Это же позволяло кочевникам, при набегах поздней осенью, зимой и ранней весной совершенно беспрепятственно достигать любой точки оазиса кратчайшим путем, создавая реальную угрозу оазисам (Мирзаахмедов, 1994, с. 223–224; Мирзаахмедов Д., Мирзаахмедов, с. 2013).

Таким образом, приведенные выше данные полностью объясняют ранее непонятные узловые, спорные вопросы интерпретации сведений источников. Также становится понятным нежелание оставаться в Согде на зиму, в период военных компаний, отдельных полководцев с войском, не имея прочной социальной базы среди местного населения, в первые годы завоевательной политики. Это было, безусловно, связано с той огромной поддержкой, которую могла оказать союзная кочевая степь оазисам Средней Азии в зимний период и ранней весной.

Также не случайно, что все наиболее крупные передвижения войск через пустыню, с целью завоевания Средней Азии или из Средней Азии приходились на раннюю весну и позднюю осень. Примерами могут послужить походы Александра Македонского, завоевания Халифата, Чингиз хана, Амира Тимура и т.д. Поэтому, нередко, запаздывавшие с выступлением войска при переходе через пустыню оказывались в тяжёлом положении и не только из-за недостаточности воды для армии, но и воды и фуража для лошадей и вьючного скота.

Именно по этим причинам, против кочевников тюрок, начиная с 783 и по 830-е годы ведется возведение и реконструкция монументальной стены «Кампир девор», окружавшей Бухарский оазис, а Пайкенд далеко выдвинутый в степь, становится одним из основных форпостов борьбы с кочевой степью в зимний период и здесь строится огромное количество рабатов (Мирзаахмедов, 1994. с. 226).

Уже первые глазомерные съёмки восточной части пригорода Пайкенда, проведённые в 1939 г. сотрудником Зарафшанской археологической экспедиции В.А. Шишкиным позволили обнаружить большое количество четко спланированных прямоугольных сооружений

расположенных вдоль улиц к югу и на восток от городища (Якубовский, 1940б, с. 61–62). В 80-е годы работа по исследованию рабатов в восточном пригороде городища была продолжена сотрудниками Института археологии АН РУз. Было выявлено около двадцати сооружений подобного рода, снят план и проставлена нумерация. Учитывая, что подобные объекты являются основным типом построек пригородной зоны на одном из них – Рабате 1, расположенному к востоку, были начаты стационарные раскопки (рис.1).

Рабат-1 являлся наиболее возвышенным сооружением данного массива, подквадратной формы, размерами 74х74 м, вершины углов которого с небольшим отклонением были ориентированы по сторонам света. Центральное пространство занимал внутренний двор. По всему периметру к внутреннему фасаду обводной стены пристраивались помещения в гребенчатой планировке. Углы памятника оформлены в виде круглых выступающих башен с диаметром у основания 3,3 м (Мухамеджанов и др. 1988. с. 113–116). По керамическим, нумизматическим материалам и данным источников строительство рабата приходится на конец VIII – начало IX века, а обживание заканчивается к середине-третьей четверти X в. Его особенность, как и всех выделенных здесь объектов подобного рода, заключается в том, что они были полностью построены по старым доисламским традициям раннего средневековья, из сырцового прямоугольного кирпича когда еще саманидский квадратный плоский жжёный стандарт не вошёл массово в монументальную мемориальную и гражданскую архитектуру.

К новаторским инновационным архитектурным особенностям Рабата-1 можно отнести четко спланированные по центральной оси большие и малые ворота (пом. 62, 33). К тому же большие ворота располагали самым ранним для сырцовой архитектуры эпохи выдвинутым порталом, выходящим на основную линию торговой магистрали из Пайкенда в Бухару, видимо, предназначаясь также для въезда, погрузки и разгрузки караванов. Малые ворота, безусловно, имели служебный характер, предназначаясь, прежде всего, для хозяйственных целей, располагавшихся на этом противоположном отсеке кухонных, складских, конюшенных и ряда помещений, предположительно, хозяина рабата.

Впервые для ранней сырцовой архитектуры фиксируется классический гостиничный характер планировки, выделяющийся по ее южному восточному и западному внутреннему интерьеру, четким чередованием трехкомнатных (пом. 3–5,11–13,15–17,47–49, 51–53, 58–60) и однокомнатных секций (пом. 2, 6, 10, 14, 18, 46, 50, 54), выходящих на широкий прямоугольный двор. В боковых отсеках трехкомнатных секций имелись узкие суфы-лежанки для отдыха и, широкая суфа в центральном открытом айванном помещении, для коллективного принятия пищи и времяпровождения людей, занимавших данную секцию. В однокомнатных секциях, безусловно, удобных для запирания, сразу за небольшой линией тамбурного прохода, располагалось невысокое, на всю площадь помещения, суфообразное возвышение, очень удобное для индивидуального или коллективного проживания, а также складирования товаров.

Всю северную линию интерьера рабата занимали два-три ряда помещений, носивших обслуживающий специфический кухонный (пом. 29–32), складской, конюшенный или загонный для скота (пом. 20–27), большого помещения для общих собраний (пом. 37), а также ряд помещений, где проживала семья хозяина или военного главы сообщества (пом. 38–43).

Интересной особенностью памятника являлось и расположение с правой стороны от центральных ворот – через стенку, прямоугольного помещения мечети (пом. 61), а в наиболее глубинном северо-западном углу отсека хозяина рабата, в окружении периметра суф, в центре помещения, подковообразного возвышения с округлыми следами длительного горения по верху (пом. 42). Весь отсек хозяина и, в особенности, угловое помещение со специфической подковообразной тумбой, были хорошо оштукатурены ганчевой обмазкой (пом. 38–43).

Следы ганчевой штукатурки в мечети практически не сохранились кроме её юго-западного угла, где должна была располагаться мехрабная ниша. К сожалению, это место было сильно разрушено поздней могильной ямой. Тем не менее, расположение нестандартного помещения справа от главного входа, следы обмазки ганчевой штукатуркой в юго-западном углу, где должен был располагаться михраб, а также на основе параллелей, по чуть более поздним каравансараям, подтверждает его специфический характер назначения (Хмельницкий, 1992, с. 181).

В отличие от мечети, характерное подковообразное возвышение в углу северо-западного отсека хозяина рабата (пом. 42) находит

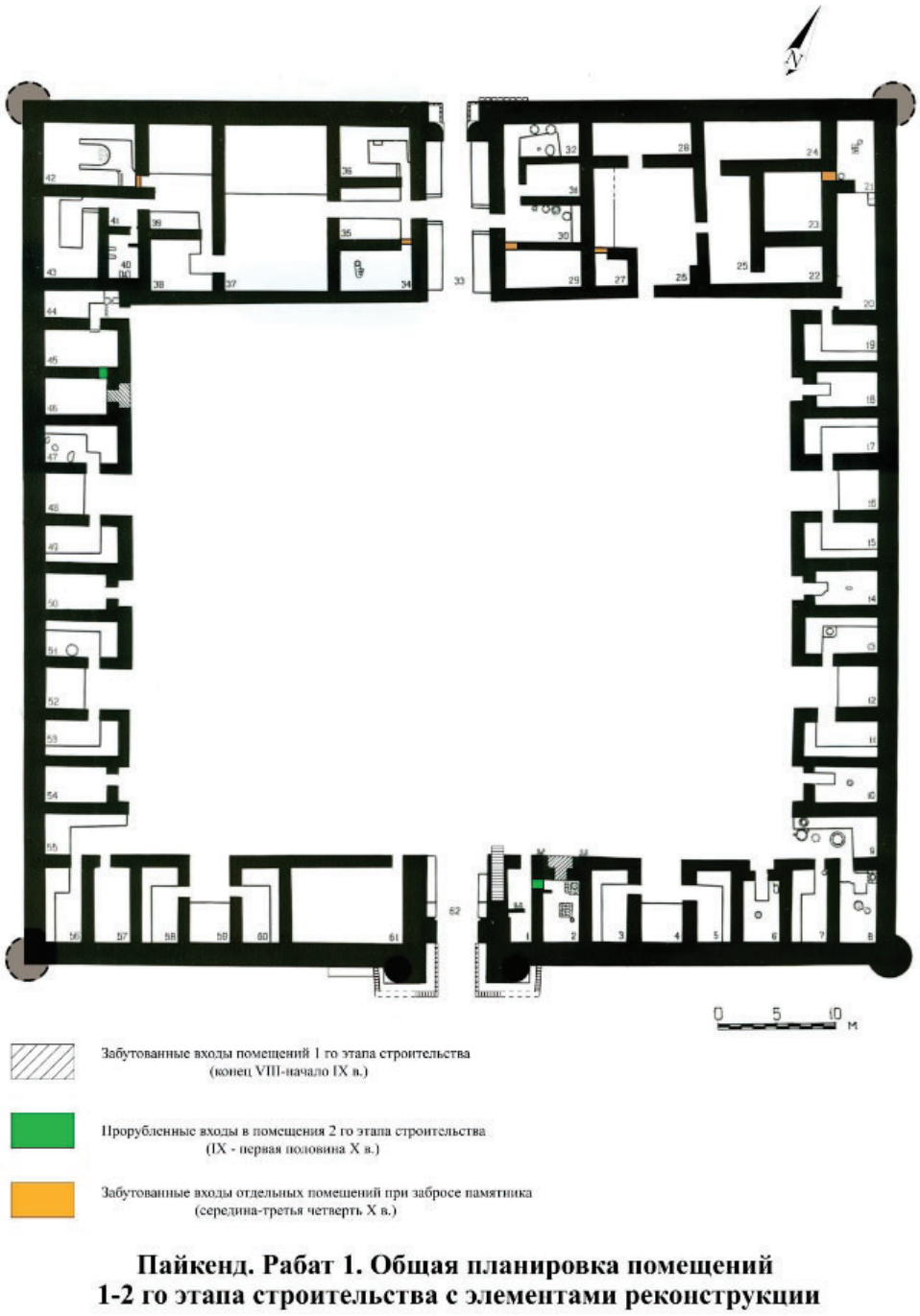


Рис. 1. Пайкенд. Рабат 1. Общая планировка помещений 1–2 го этапа строительства с элементами реконструкции

Fig. 1. Paikend. Rabat 1. General layout of the rooms of the 1st–2nd stages of construction with reconstruction elements

прямые аналогии в доисламской культовой архитектуре дворцов, парадных помещений замков и обычных усадеб Бухарского Согда, связываясь с зороастрийской традицией возжигания священного огня (Мухамеджанов и др., 1988, с. 140–141).

Ранее мы отмечали, что пока нет полной уверенности о языческо-культовом назначении этого помещения, однако как письменные источники (Наршахи, 1966, с, 26) так и материалы археологии (Вишневская, Рапопорт, 1979, с. 105–110) указывают на многочисленные факты обрядов, связанных с культом огня, даже в X в. (Мухамеджанов и др., 1988, с. 141).

С.Г. Хмельницкий первым обратил внимание на наличие на одном памятнике мечети и «языческой капеллы», связывая это с мутационным периодом в раннеисламской культуре Средней Азии (Хмельницкий, 1992, с. 182). Мы также, во многом склонны к точке зрения исследователя о «мутационном», переходном характере назначения помещения хотя оно к середине X века, вряд ли могло носить клас-

сический языческий характер, как во дворце доисламских царей Бухары – Бухархудатов в их резиденции на Варахше (Шишкин, 1963, с. 58). Полагаем, что здесь, в помещении хозяина или военного предводителя рабата, условно сохранилась традиционная зороастрийская атрибутика, но уже, в основном служа для обогрева парадного помещения, где на первоначальном этапе функционирования памятника, лишь в зимний период собиралось вольное сообщество молодых бойцов из окружающих селений для противодействия набегам кочевников.

Также необходимо положительно отметить, что почти за 150-летний период функционирования, памятник не претерпел существенных перестроек, видимо, выполняя свою главную функцию назначения рабата-каравансарая. Важно подчеркнуть лишь о двух случаях, скорее всего, уже на первоначальном этапе обживания, аккуратного перекрытия и замазки выходящих во двор входов однокомнатных секций № 2 и 46. Здесь были прорублены боковые стенки, имевших целью их превращения в двухкомнатную и трёхкомнатные помещения. В первом случае, располагаясь у ворот, помещения 1 и 2, безусловно, исходя из фиксации здесь душевой-ташнау, сандала для обогрева зимой, кухонного зимнего очага и других особенностей домашнего быта, служила для проживания здесь семьи привратника. Во втором случае, образуя трёхкомнатную секцию (пом. 44–46), с душевой-ташнау и очажными ямами, отсек также мог иметь семейный характер обживания. Археологически фиксируемые, преимущественно, узкие перекрытия входов в помещения 23, 27, 29, 34 и 42 скорее напоминают случаи временного оставления жилья хозяевами, с перспективой на скорое возвращение, но уже не имевшие места.

Также подчеркнём располагавшиеся по верху левой широкой портальной линии стены, поднимавшиеся со двора, слабые остатки глиняного лестничного подъёма, скорее всего, на крышу памятника. Лестничный подъём на крышу, исходя из военно-оборонительного характера первоначальной функции рабата, несомненно, имел важное значение при его защите от набегов кочевников осуществлявшейся по верху линии стен. На втором, мирном этапе функционирования памятника как караван-сарая, по этнографическим данным, в знойный летний период все его обитатели могли по лестнице, перебираться отдыхать ночью на крышу. Это объяснялось, во-первых, ночной прохладой на крышах, в отличие от душных непроветриваемых, не остывавших от летней жары помещений. Во-вторых, в условиях средневековья, в худжрах обитало большое количество кровососущих насекомых (вшей, клопов, комаров), которые в значительной степени влияли на качество жизни клиентов постоялого двора. Поэтому забирая на крышу всё постельное бельё и оставляя его под жгучими лучами солнца днём, обитатели караван-сарая способствовали их естественному истреблению, полноценному отдыху в ночной прохладе, таким образом, создавая определённые благоприятные условия жизни при путешествиях.

Исходя из архитектурно-планировочных особенностей памятника полностью выполненного в сырце, мы считаем, что Рабат-1 с самого начала строился с учётом функций не только крепости для газиев, но и караван сарая. С прекращением в середине IX века набегов кочевников на оазис, эта последняя функция стала ведущей. В целом наличие двух ворот, один из которых был впервые оформлен новаторским для этого периода порталом, строгое чередование однокомнатных и трёхкомнатных секций, присутствие кухонного отсека, складских помещений, конюшни (или загона для скота), мечети - все эти планировочные принципы в период развитого и позднего средневековья получили дальнейшее развитие и классическое завершение не только при строительстве наиболее близких и традиционных по характеру видов монументального зодчества – караван сараев и медресе, но и отражение планировки трёхкомнатных секций в этнографической массовой сельской жилой архитектуре.

Продолжением работ по данной тематике Пайкендской археологической экспедиции Института археологии явилось изучение следующего Рабата-4 (Р-4), располагавшегося также в восточном пригороде городища. В топографичском плане это также наиболее возвышенное сооружение данного массива, расположенное, как и все окружающие объекты и само городище, на каменистой гряде естественных песчано-известняковых отложений в 170 м. к востоку от цитадели (Материалы Бухарской археологической экспедиции..., 2005, рис. 2). Строители, исходя из топографии рельефа, как и на Рабате 1, подравняв основание и засыпав его углы, построили несколько отклоняющуюся от прямоугольной форму памятника напоминающую паралле-

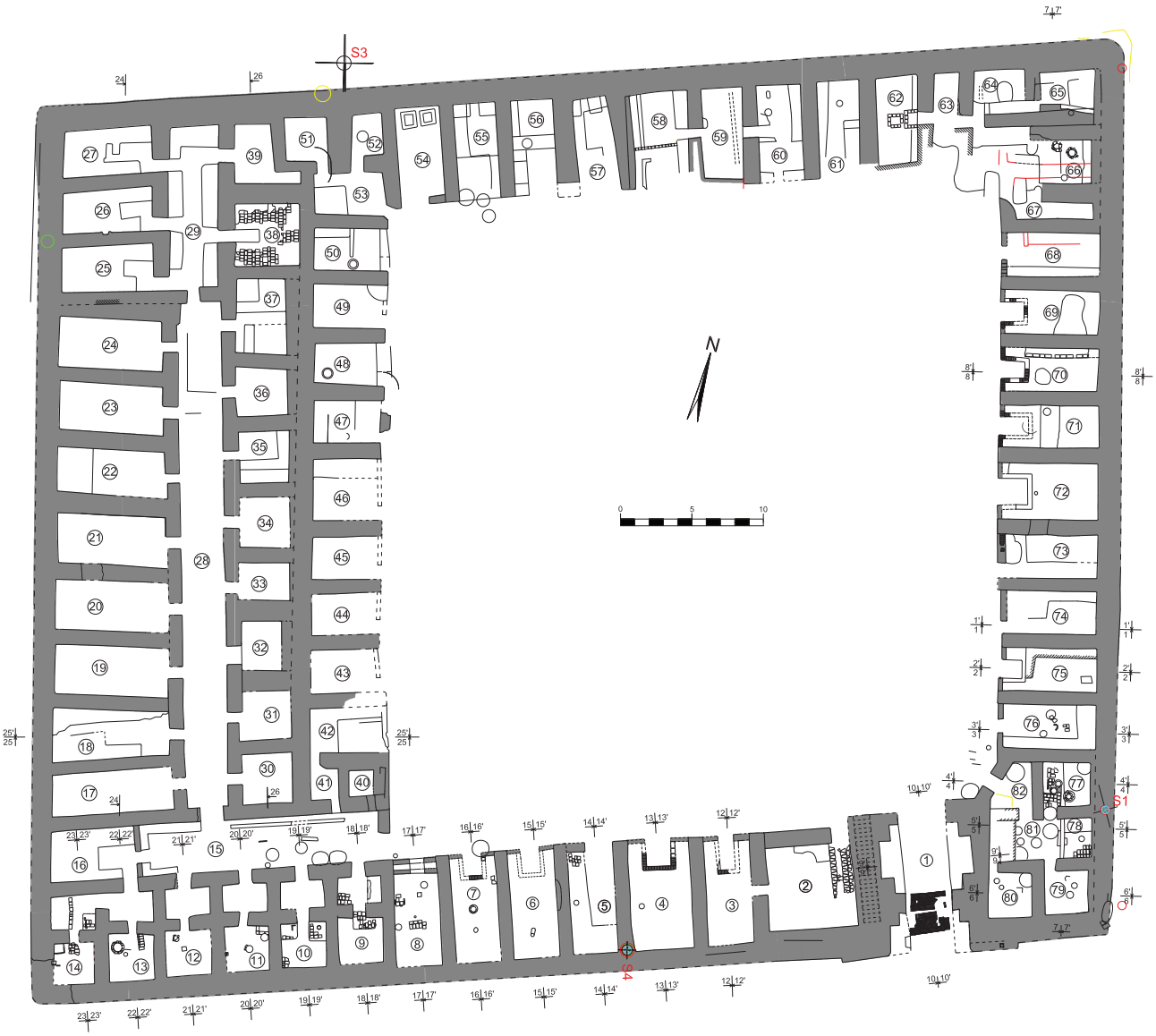


Рис. 2. Пайкенд. Рабат 4. Общая планировка помещений 2-го строительного этапа
Fig. 2. Paikend. Rabat 4. General layout of the rooms of the 2nd construction stage

лепипед. Он вытянут вдоль той же торговой трассы, идущей от южных ворот цитадели Пайкенда в сторону Бухары, что и Рабат -1, расположенный в 187 м. далее к востоку (рис. 2).

Центральное пространство Р-4 занимал внутренний двор, уровень поверхности которого был несколько ниже окружающих его по периметру валов обводных стен, с помещениями построенными в традиционной гребенчатой планировке, полностью выложенных из сырцовых кирпичей. Наряду с общей дворовой композицией, выявляется его своеобразная планировка, сочетающая симбиоз приёмов монументального сырцового зодчества предшествующей раннесредневековой и раннеисламской архитектуры данного периода. Уже первые результаты раскопок показали его значительное разрушение опускающимися сверху могильными ямами более позднего мазара, а также на основе археологических материалов два строительных периода обживания памятника.

Первый этап – это строительство объекта и первоначальный период его функционирования, который мы относим с середины IX – по середину X века, после чего рабат-4 забрасывается и приходит в разрушение. Это было связано с процессами сокращения водного баланса главной артерии оазиса реки Зарафшан и постепенного усыхания окраин региона. Второй этап – это значительная перестройка и возобновление обживания Рабата 4 со второй половины XII – по начало XШ в., в предмонгольский период. К этой эпохе, по археологическим материалам, наблюдается частичное восстановление водных протоков и обживания в низовьях Зарафшана. В том

числе и для Рабата-4 расположенного вдоль протока реки, хотя собственно город уже к середине XI в. был покинут жителями и засыпан песками (Сапаров, Торгоев. 2015, с. 244).

На сегодняшний день Рабат-4 полностью вскрыт по верхнему культурному горизонту. Имеет вытянутую по линии запад-восток форму размерами 76×63 м. При этом наиболее сильно застроенной оказалась её западная часть (рис. 2, 3), где за мощной обводной стеной, фиксируются три ряда однокомнатных секций. При этом два первых ряда помещений располагались напротив друг друга, выходя на широкий общий коридор, составляя замкнутый отсек со стандартными, в целом, помещениями гостиничного типа.

Примыкающие к обводной стене первый ряд помещений первого строительного этапа (пом. 25–27) представляли собой стандартные прямоугольные секции с выходом на углу и коленчатым проходом внутрь. Их интерьер состоял из суфообразного возвышения с сандалом в центре и тамбурной перегородкой напротив входа (рис. 2, 3). На втором этапе обживания, помещения расположенные по этой линии южнее (пом. 17–24), были перестроены с выходом по центру. Напротив первой линии располагался второй ряд помещений, состоявший из стандартных четырехугольных секций с выходом по центру, на осевой коридор (пом. 30–39).

Третья линия ряда помещений западного фаса состояла из стандартных однокомнатных прямоугольных секций с плохо сохранившейся открытой восточной, выходящей во двор стороной. На отдельных из них, с восточной стороны, сохранились сильно разрушенные тонкие, на ширину одного кирпича перегородки, с выходами сбоку или по центру помещения (Mirzaakhmedov, 2016, Fig.1,3). Такой же планировочный тип из одного ряда стандартных, прямоугольных однокомнатных гостиничных секций располагавшихся вокруг широкого двора и выходящих к нему проходами имели северный, восточный и южный фасы помещений Рабата-4.

При этом, результаты исследований северного фасада стен Р-4 показали, что на первом хронологическом этапе его планировка состояла из расположенной по центру северного крыла трёхкомнатной секции (пом. 56–58) и отходящих от неё в стороны однокомнатных прямоугольных секций. Последние имели входы на углу (пом. 51–55 и 59) и Г-образную конструкцию суф-лежанок в интерьере помещений (рис. 3).

На втором этапе обживания, весь северный фас стен, как и направленные в сторону двора проходами, в гребенчатой планировке, восточный и южные фасы помещений имели, преимущественно, с выходом по центру характер построек. Это определяется, по лучше сохранившемуся восточному фасу помещений, где на примере нескольких секций прослеживается форма прохода располагавшегося по центру и, видимо, являвшегося характерным для большинства худжр второго этапа дворового комплекса. Угловые, северо-восточный и юго-восточные отсеки, на первом этапе, представляли собой своеобразные четырёхкомнатные секции (пом. 60–63 и 74–77), основу которых составляли стандартные трёхкомнатные образцы, выделенное выше по фасу северной стены (пом. 56–58). Для второго этапа, помещения северо-восточного отсека, как и, в целом, помещения северного фаса претерпевают существенные перестройки. Пристраиваются дополнительные стенки, суфы-лежанки, души-ташнау, сандалы, очажные ямы и тандыры для выпечки лепёшек, явно свидетельствуя о семейном характере их обживания в эту эпоху.

Юго-восточный отсек также представлял четырёхкомнатную секцию с большим числом больших и малых очажных ям, тандыров, небольших прямоугольных хранилищ для продуктов, мусорных ям и нескольких ташнау. Безусловно, здесь компактно располагался кухонный отсек рабата.

Далее, по линии южного фаса выявлены остатки с нестандартным для этого периода расположением монументальных ворот на юго-восточной угловой части памятника (рис. 2, пом. 1). Проход имел ширину 3,2 м., фигурную облицовку выстилки полов ёлочкой, из жжёных кирпичей положенных на ребро, а также выступающего портала. Нестандартный характер расположения ворот на юго-восточном углу памятника объясняется целью его максимального приближения к магистральной дорожной трассе Пайкенд-Бухара, с облегчением входа во двор и разгрузки –выгрузки товаров.

Справа от портала располагалось большое, подквадратное в плане помещение предполагаемой мечети (рис. 2, пом. 2), исходя как от формы, так и параллелей по предшествующим (Рабат-1) и последующим аналогам (Хмельницкий,1992. С. 181). Появление и стандартное расположение мечети справа, рядом с воротами, является совершенно новым идеологическим атрибутом в раннеис-

Рис. 3. Пайкенд. Рабат 4. Общая планировка помещений 1 строительного этапа с элементами перестроек 2 строительного этапа
Fig. 3. Paikend. Rabat 4. General layout of the rooms of the 1st construction stage with elements of reconstruction of the 2nd construction stage

ламской монументальной гражданской архитектуре, свидетельствуя о конкретном внедрении ислама в каждодневный домашний быт населения или вдали от него. Интересен был и выбор места расположения мечети у ворот, что было удобно как для обитателей рабата-каравансарая, так и для посетителей, которые могли прийти помолиться с улицы. Показательно также и то, что, в отличие от Рабата-1, построенном полстолетия спустя Рабате-4, полностью отсутствует доисламская зороастрийская атрибутика «языческой капеллы», убедительно свидетельствуя о последовательных успехах идеологии ислама.

Затем по южному фасу выявлены шесть прямоугольных стандартных однокомнатных секций с остатками плохо сохранившихся входов по центру и занимавшей интерьер сплошной невысокой суфой, полностью соответствуя предшествующим образцам помещений рабата второго этапа строительства в дворово-гребенчатой планировке (рис. 2, пом. 3–8).

Следующие шесть помещений имели также стандартные пропорции, но делились надвое тамбурными стенками – на внутреннюю подквадратную и меньшую прихожую часть, создавая значительно большие удобства при проживании, хранении товаров, при приёме покупателей и гостей (рис. 2, пом. 9–14). Также отметим, что это новый, характерный для верхнего горизонта тип двух-

частных секций. Внутри худжр, вдоль стен, выявлены неширокие суфы, остатки очагов, служивших для обогрева, частично вкопанных в грунт тандыров для выпечки лепёшек и места отдыха на суфах-лежанках. Здесь же отмечены небольшие резервуары со стоком для воды – ташнау, использовавшиеся как душевые или для гигиенического омовения перед молитвой, что также стало новым массовым бытовым атрибутом исламского образа жизни Мавераннахра в эпоху развитого средневековья.

Исходя из полученных материалов можно отметить, что на первом этапе обживания помещения имели, преимущественно, прямоугольные вытянутые формы, с выходом на углу (Мирзаахмедов, 2015, илл. 2). На втором этапе обживания основная часть построек рабата частично перестраивается в помещения с выходом по центру. В свою очередь, наблюдаемые для второго этапа обживания Рабата-4, однотипные, преимущественно, однокомнатные помещения, с большим количеством очажных ям, тандыров, сандалов и ташнау, могут указывать, что их могли занимать, в этот период, семьи ремесленников и мелких торговцев, для которых этот принцип планировки являлся наиболее удобным.

Нам также представляется, что особый интерес объекта определяется двумя этапами его строительства. На первом этапе, его планировка продолжает отражать специфические признаки ранних рабатов-каравансараев, с особым стандартным характером функций постоялого двора, как это мы наблюдаем для Рабата-1. На втором же этапе, уже через двести лет, объект наиболее выпукло подтверждает данные источников этого времени, о заполнении большинства рабатов этой эпохи проживающими и работающими здесь бедными ремесленниками и торговцами. Завершается последний этап жизни Рабата 4 следами мощного пожара, возможно, являвшегося одним из трагических следствий монгольского нашествия.

Принимая во внимание первоначальный, систематизированный, в своей основе, принцип планировки Рабата-1 и при сравнении его с последующими по времени, двумя этапами строительства Рабата 4, можно утверждать, об их совершенно оригинальных и в то же время близко перекликающихся конструктивных особенностях, о динамике развития архитектурных традиций, а также о возможно большем количестве архитектурно-планировочных форм решения подобных сооружений.

Таким образом, несмотря на разрушение могильными ямами и плохую сохранность отдельных частей памятника, результатами археологических работ последних десятилетий, на городище Пайкенд, стали уникальные для сырцовой архитектуры, строительного искусства и культуры памятники раннего монументального зодчества рабаты - протокаравансараи-гостиницы.

Их планировка оригинальна и пока не имеет аналогов в подобных сооружениях ни в Центральной Азии, ни на Ближнем Востоке. Они являлись исходным звеном в последующем сложении, уже в жжёных образцах, как стандартных форм однокомнатных средневековых и позднесредневековых каравансараев, так и их близких по конструктивным особенностям – первых университетов – медресе. Также эта планировка прослеживается и в отдельных особенностях этнографической массовой жилой сельской архитектуры широко используемой и в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

Ал-Бируни. Памятники минувших поколений. Т. I: Избранные произведения / Перевод и прим. М.А. Салье Ташкент: АН Уз ССР, 1957. 487 с.

Археология Центральной Азии: Архивные материалы. Т. II / Отв. ред. А.Д. Искандерова. Самарканд: МИЦАИ, 2015. 232 с.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. М.: Наука, 1963. С. 4−60.

Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А. Следы почитания огня в средневековом хорезмском городе // Этнография и археология Средней Азии / Ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 1979. С. 105–111.

Камалиддинов Ш.С. «Китаб-Ал-Ансаб» Абу Саада Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Самани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент: Фан, 1993. 210 с.

Из истории культурного наследия Бухары. Вып. 2 / Отв. ред. Г.Н. Курбанов. Бухара: Бухара, 1994.

Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. 5. Раскопки в Пайкенде в 2003 году. СПб.: ГЭ, 2004.

Мирзаахмедов Д.К., Мирзаахмедов С.Д. К отдельным аспектам строительства первых рабатов-каравансараев в округе городища Пайкенд // Археология Узбекистана. 2013. № 2 (7) С. 57–65.

Мирзаахмедов С.Д. Предварительные данные о планировке рабата №4 Пайкенда // Бухарский оазис и его соседи в древности и средневековье / Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXV / Отв. ред. А.В. Омельченко, Д.К. Мирзахмедов. СПб: ГЭ, 2015. С. 278–286.

Мухаммад ан-Наршахий. Бухоро тарихи. Тошкент, 1966.

Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л. Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент : Фан, 1988. 195 с.

Мухамедов Х. Кадимий мудофаа деворлари (Узбекистоннинг кадимий мудофаа иншоотлари тарихидан). Тошкент, 1961.

Сапаров Н.Ж., Торгоев А.И. Талькохлоритовые изделия Пайкенда IX-XI вв. (К вопросу о ближневосточных влияниях в Мавераннахре) // Бухарский оазис и его соседи в древности и средневековье / Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXV / Отв. ред. А.В. Омельченко, Д.К. Мирзахмедов. СПб: ГЭ, 2015. С. 224–248.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: АН СССР, 1948. 328 с.

Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX–X вв. Берлин; Рига: «Continent», 1992. 344 с.

Шишкин В.А. Варахша. Опыт исторического исследования. М.: АН СССР, 1963. 250 с.

Mirzaakhmedov Sirodzh D. The Ribat-Caravanserais from the Estern Suburs of Paykand Archaeological and Hiistorical Aspects//Journal of Inner Asian Art and Archaeology 7/2012. Turnhout, Belgium. 2016.

Якубовский А.Ю. Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г. // Труды отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа. Т. II / Ред. А.Ю. Якубовский. Л.: ГЭ, 1940а. С. 113–164.

Якубовский А.Ю. Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. // Труды отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа. Т. II / Ред. А.Ю. Якубовский. Л.: ГЭ, 1940б. С. 51–70.

Якубский А.Ю. Глава II. Завоевание арабами Средней Азии // История народов Узбекистана. Т. I. С древнейших времён до начала XVI века / Ред. С.П. Толстов, В.Ю. Захидов. Ташкент: АН УзССР, 1950. С. 153–173.

Штарк С., Мирзаахмедов Д.К. Первые результаты новых исследований оазисной стены Бухарского Согда «Девор-и Кампирак»// Бухарский оазис и его соседи в древности и средневековье / Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXV / Отв. ред. А.В. Омельченко, Д.К. Мирзахмедов. СПб: ГЭ, 2015. С. 77–99.

Информация об авторе:

Мирзаахемедов Сирожиддин Джамалиддинович, младший научный сотрудник, Национальный Центр Археологии Узбекистана (г. Ташкент, Узбекистан); smirzaahmedov@gmail.com

REFERENCES

Al-Biruni. 1957. *Izbrannye proizvedeniya. I: Pamyatniki minuvshikh pokolenii (Selected Works. I: Monuments of Past Generations).* Tashkent : Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 33–42 (in Russian)

Iskanderova, A. D. (ed.). 2015. Arkheologiia Tsentral'noi Azii: Arkhivnye materialy (*Archaeology of Central Asia: Archival materials*). Samarkand: “IICAS” Publ. (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1963. In *Sochineniia (Compositions)* 1. Moscow: “Nauka” Publ., 4−60 (in Russian).

Vishnevskaya, O. A., Rapoport, Yu. A. 1979. In Vinogradov, A. V. (ed.). *Etnografiia i arkheologiia Srednei Azii (Ethnography and Archaeology of Central Asia).* Moscow: “Nauka” Publ., 105–111 (in Russian).

Kamaliddinov, Sh. S. 1993. *«Kitab-Al-Ansab» Abu Saada Abdalkarima ibn Mukhammada as-Samani kak istochnik po istorii i istorii kul'tury Sredney Azii (“Kitab al-Ansab” (“The Book of Genealogies”) by Abu Sa'd Abd al-Karim ibn Muhammad al-Sam'ani as a Source on the History and Cultural History of Central Asia.* Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).

Kurbanov, G. N. (ed.) 1994. Iz istorii kul’turnogo naslediia Bukhary (*From the History of Cultural History of Bukhara*) 2. Bukhara: “Bukhara” Publ. (in Russian).

2004. Materialy Bukharskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Materials of the Bukhara Archaeological *Expedition) 5 (Raskopki v Paykende v 2003 godu (Excavations in Paikend in 2003).* Saint Petersburg: The State Hermitage (in Russian).

Mirzaakhmedov, D. K., Mirzaakhmedov, S. D. 2013. In *Arkheologiya Uzbekistana (Archaeology of Uzbekistan)* 7 (2), 57–65 (in Russian).

Mirzaakhmedov, D. K. 2015. In Omel'chenko, A. V., Mirzaakhmedov, D. K. (eds.). *Bukharskiy oazis i ego sosedi v drevnosti i srednevekov'e* (Bukhara oasis and its neighbours in ancient and Medieval times). Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) 75. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 278–286 (in Russian).

Mukhammad an-Narshakhii. 1966. *Bukhoro tarikhi (History of Bukhara).* Tashkent (in Uzbek).

Mukhamedzhanov, A. R., Mirzaakhmedov, D. K., Adylov, Sh. T., Semenov, G. L. 1988. *Gorodishche Paikend. K probleme izucheniia srednevekovogo goroda Srednei Azii (Paikend Fortifi ed Site: on Studying Central Asian Medieval Town).* Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian)

Mukhamedov, Kh. 1961. *Kadimiy mudofaa devorlari (Uzbekistonning kadimiy mudofaa inshootlari tarikhidan) Ancient defensive walls (from the history of ancient defensive structures of Uzbekistan).* Tashkent (in Uzbek).

Saparov, N. ZH., Torgoev, A. I. 2015. In Omel'chenko, A. V., Mirzaakhmedov, D. K. (eds.). *Bukharskiy oazis i ego sosedi v drevnosti i srednevekov'e* (Bukhara oasis and its neighbours in ancient and Medieval times). Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) 75. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 224–248 (in Russian).

Tolstov, S. P. 1948. *Po sledam drevnekhorezmiiskoi tsivilizatsii (In the Footsteps of the Ancient Khorezm Civilization).* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Khmel'nitskii, S. 1992. *Mezhdu arabami i tiurkami. Arkhitektura Srednei Azii IX–X vv. (Between Arabs and Turkics: Architecture of Central Asia in 9th—10th Centuries)*. Berlin; Riga: "Continent" Publ. (in Russian).

Shishkin, V. A. 1963. *Varakhsha. Opyt istoricheskogo issledovaniia (Varakhsha. Historical Research Experience)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Shtark, S., Mirzaakhmedov, D. K. 2015. In Omel'chenko, A. V., Mirzaakhmedov, D. K. (eds.). *Bukharskiy oazis i ego sosedi v drevnosti i srednevekov'e* (Bukhara oasis and its neighbours in ancient and Medieval times). Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) 75. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 77–99 (in Russian).

Yakubovskii, A. Yu. 1940. In Yakubovskii, A. Yu. (ed.). *Trudy otdela istorii kul'tury i iskusstva Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the Department of the History of Oriental Culture and Art of the State Hermitage Museum)* II. Leningrad: The State Hermitage, 113–164 (in Russian).

Yakubovskii, A. Yu. 1940. In Yakubovskii, A. Yu. (ed.). *Trudy otdela istorii kul'tury i iskusstva Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the Department of the History of Oriental Culture and Art of the State Hermitage Museum)* II. Leningrad: The State Hermitage, 51–70 (in Russian).

Yakubovskii, A. Yu. 1950. In Tolstov, S. P., Zakhidov, V. Yu. (eds.). *Istoriya narodov Uzbekistana. T.I. S drevneyshikh vremen do nachala XVI veka (History of the Peoples of the Uzbekistan. Vol. 1. From Ancient Times to the Early 16th Century).* Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbekistan Soviet Socialist Republic, 153–173 (in Russian).

Mirzaakhmedov, Sirodzh D. 2016. The Ribat-Caravanserais from the Estern Suburs of Paykand Archaeological and Hiistorical Aspects In *Journal of Inner Asian Art and Archaeology* 7/2012. Turnhout, Belgium.

About the Author:

Mirzaakhmedov Sirozhiddin D. National Center of Archaeology of the Republic of Uzbekistan. M. Ukugbek, str., 81, Tashkent, 100060, Republic of Uzbekistan; smirzaahmedov@gmail.com

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.57.73

ОРНАМЕНТАЦИЯ ГЛАЗУРОВАННОЙ КЕРАМИКИ ХОРЕЗМА (XIII–XIV ВВ.)

© 2022 г. А.Д. Искандерова, М.Н. Султанова

Археологические материалы и данные письменных источников показывают, что Хорезм ко второй половине XIII в. оправился от последствий монгольского завоевания. Уже в середине XIII в. экономическая жизнь Хорезма, вошедшего в состав нового монгольского государства – Золотой Орды – вновь начинает налаживаться. Подъем переживает в основном его левобережная часть, вошедшая в состав улуса Джучи и оказавшаяся на скрещении путей мировой торговли. В левобережной части Амударьи наблюдается возрождение городов и неукрепленных поселений. Происходит также возрождение некоторых правобережных городов, расположенных близ реки Амударьи. В золотоордынский период очаги оседло-земледельческой культуры возникают и на юге Хорезма. Керамическое производство всего золотоордынского государства развивалось под сильным влиянием Хорезма, игравшего огромную роль в создании золотоордынской культуры. Происходят изменения и в орнаментации керамических изделий. Характерная черта – обильное применение подглазурной зеленовато-черной или темно-бирюзовой росписи. Орнаментальные мотивы материальной культуры средневекового Хорезма совершенно отличны от керамики предыдущих эпох своим художественным осмыслением. Она обогатилась новыми изобразительными сюжетами и приемами украшения, оригинальностью сюжетной композиции. Декор керамики исследуемого периода делится на растительный, геометрический, зооморфный и эпиграфический виды.

Ключевые слова: археология, Хорезм, средневековье, Золотая Орда, керамика, орнаментация, глазурь.

ORNAMENTATION ON GLAZED CERAMICS OF KHOREZM (13TH–14TH CC.)

A.D. Iskanderova, M.N. Sultanova

Archaeological materials and data from written sources indicate that Khorezm had recovered from the consequences of the Mongol conquest by the second half of the 13th century. The economic life of Khorezm, which became part of the new Mongol state, the Golden Horde, began to stabilize as early as the middle of the 13th century. The left bank part of Khorezm, which became a part of the Ulus of Jochi and was at the crossroads of the world trade, was mainly experiencing growth. The left bank of the Amu Darya River saw the revival of cities and unfortified settlements. Some right bank cities located near the Amu Darya River were also rising. During the Golden Horde period, pockets of sedentary farming culture also emerged in the south of Khorezm. Ceramics production of the entire Golden Horde state developed under the strong influence of Khorezm, which played a huge role in creating the Golden Horde culture. Pottery ornamentation also changed. A characteristic feature is abundant use of underglaze greenish-black or dark turquoise painting. Ornamental motifs of medieval Khorezm material culture completely differ from ceramics of the previous periods in terms of their artistic interpretation. It was enriched by new pictorial subjects and decorating techniques, and the originality of subject compositions. The ceramics of the period under study are divided into plant, geometric, zoomorphic and epigraphic types.

Keywords: archaeology, Khorezm, Middle Ages, Golden Horde, ceramics, ornamentation, glaze.

Керамику XIII–XIV вв. с подглазурной росписью можно разделить по орнаменту на четыре вида: растительный, геометрический, эпиграфический и зооморфный. Большинство кашинных изделий наряду с основными типами орнаментации имеют рельефный дополнительный узор. Рельеф часто акцентирует основные элементы декора. В ряде случаев контуры рисунка и расцветка светлых деталей орнамента или свободный фон декора заполняются мелкими штрихами или точечками. Орнаментация на внутренней стороне сосудов разнообразна, часто в центре дна помещается растительный мотив, в других случаях такой узор сочетается с геометрическим. Есть абстрактные фигуры ("павлиньи глазки", "парящие облака", "мазки"). Принцип орнаментации – деление внутренней поверхности на несколько поясов, каждый из которых имеет свой рисунок. Для кашинной керамики с подглазурной росписью существует определенный вид орнаментации внешней сторо-

ны сосуда при значительном разнообразии декора его внутренней поверхности. Наружная сторона пиалаобразных чаш украшается рельефным арочным орнаментом, иногда расцвеченным синими точками (Вактурская, 1959, рис. 36, 118–119). Редко арочный орнамент, который сверху упирается в край сосуда, разделяется цепочкой сдвоенных вертикальных линий с синими точками (Воробьева и др., 1963, с. 169, рис. 8). Арочный узор, оформляющий внешнюю сторону, встречается в золотоордынской керамике Поволжья. Однако в сарайской керамике заштрихованные вертикальные линии имеют одиночный характер (Федоров-Давыдов, 1976, с. 146, рис. 113).

В некоторых случаях, внешняя сторона чаши, покрывается орнаментом в виде "ромбовидной" цепочки или узором так называемого "павлиньего глаза", широко применяемых в керамике Хорезма и городов Поволжья (Якубовский, 1931, с. 39–40, рис. 16, 19–20; Абызова и др., 1981, с. 75). Большое количество полихромной керамики на кашинной основе с такой росписью найдено в Шемахакале, Миздахкане, Джанпык-кале (Кдырниязов, 1989, рис. 1, 2; 4, 2; Доспанов, 1996, с. 13). Разница между ними такова: на сарайских чашах три ряда черных мазков на подглазурном фоне, а на хорезмийских образцах – по два (Якубовский, 1931, с. 39). Есть и другие варианты. Из Шехрлика происходит блюдо с четырьмя точками в виде компактно расположенных "ягодок", выше них проходит кольцевой пояс с черной росписью (Вактурская, 1963, с. 48, рис. 4, 1). Края чаш и кувшинов часто украшаются синими каплевидными точками.

В целом орнаментальные мотивы хорезмийской керамики XIII–XIV вв. более богаты различными типами орнаментов, тогда как в золотоордынских чашах идет повторение орнаментальных мотивов из Ургенча. Следовательно, можно говорить о подражании хорезмийским образцам. Кратковременный расцвет керамического производства в Золотой Орде удовлетворял потребности и вкусы кочевого общества. Несомненно, поливная керамика Хорезма была оснащена всеми техническими достижениями гончарного производства Среднего Востока, и она служила на благо оседло-земледельческого населения. В керамике данного периода прослеживается преемственность с керамикой предшествующей эпохи (XII–XIII вв.) Это наблюдается при анализе орнаментальных мотивов и схем, украшающих поливную посуду XIII–XIV вв.

Растительный орнамент. Господствует полихромная поливная керамика с богатой орнаментацией. Среди них огромное количество образцов с элементами растительного орнамента. В них наблюдается большая пестрота в изображениях и характере рисунка.

Часто в центре помещается шести- или восьмилепестковая розетка, разбитая радиусами на сектора, как лепестки. Иногда цветок окружают еще лепестки и узкие стебли (Вактурская, 1959, рис. 30; 36, 119). Вариантом предыдущего является композиция (рис. 1: 6), имеющая в центре описанный цветок с розеткой, вокруг него такие же цветки в виде кругов с трапециевидными лепестками, частью они расцвечены характерными для XIII–XIV вв. синими рельефными точками (Воробьева и др., 1963, рис. 8, 11). Этот растительный узор отличается сочетанием на поверхности сосуда рельефного эпиграфического орнамента. Аналогичный декор имеет прямые аналогии в Сарае (Федоров-Давыдов, 1976, рис. 107–108). Третий вариант отличается сочетанием геометрических и растительных орнаментов. Побег цветка в центре дна вписан в шестиугольник и окружен растительным и геометрическим орнаментом (рис. 3: 6). Такая чаша была найдена в караван-сарае Талайханата в 1952 г. Орнаменты внутренних бортиков чаши разделены синими тройными полосами на сектора, заполненные рисунком, выполненные темно-зеленой краской. Чередуются три различных растительных рисунка: два стилизованных и один с точками-"ягодками", сгруппированными по четыре. Верхние края чаши орнаментированы поперечными полосами фиолетового и зеленого цветов. Внешняя сторона сосуда с высоким бортиком украшена орнаментным поясом, состоящими из геометрических фигур-колец, треугольников, ромбов (Вишневская, 1958, рис. 7, 4). Идентичный орнамент можно видеть на чашах из Миздахкана в слоях XIII–XIV вв. В обеих чашах краски местами растекались, т. е. “нарочито” оберегалась от “порчи“. Чаши отличаются друг от друга только цветом краски. В первой господствует зеленая, а в миздахканской – темно-синяя (кобальтовая) роспись. Немалый интерес представляет одна из хорезмских чаш, найденная на Замахшаре, которая также украшена шестиугольной звездой, заполненной мелкими завитками и своеобразными розетками из кругов и точек между ее лучами (Атагаррыев, 1974, с. 80). Очевидно, что все эти чаши имеют одинаковую форму, орнаментальные мотивы выпол-

нены в одной технике и сходны между собой, существенных различий нет. Это наводит на мысль о том, что большинство изделий посуды из различных памятников Хорезма XIII–XIV вв. имеют стандартизованные формы.

В четвертом варианте желтое поле сосуда изнутри богато украшено темно-коричневыми восьмилепестковыми цветками, кончики которых имеют очертания трехлопастной арки. Построение рисунка центрическое, растительный орнамент радиально расходится из центра дна. Внутри лепестков также расположены более крупные трехлепестковые цветки, их фон местами украшен крупными точками. По верхнему поясу идут узкие сдвоенные полосы и "пальметки" - "трилистники", ограниченные узкой линией. Красноглиняная чаша с таким орнаментом происходит из помещения "Восточного квартала" Миздахкана (Фонд КГУ. МО-87, ВК-I, п. 31).

Гончары в росписях этих чаш применили стилизованный мотив растительного узора. Орнамент преимущественно в виде крупных листьев или растительных колец. Из Джанпык-калы происходят фрагменты чаш и поддона сосуда с высокой бокалообразной формой. Одна из кашинных чаш имеет кольцевой поддон. В центре и по краю по белому ангобу неширокой линией нарисованы крупные концентрические круги. Но это не геометрический орнамент. Внутри и во внешнем круге “колец” дан схематический рисунок раскрывшегося бутона, выполненного бирюзовой, темно-зеленой краской (рис. 1: 6). Изображение максимально упрощённо, но достаточно выразительно благодаря несколько утрированной передаче основных деталей на белом кашинном фоне.

Из Миздахкана происходит отличающийся от других типов, пока единственный, красноглиняный на высокой ножке сосуд с сильно стилизованным орнаментом. Внутренняя сторона покрыта опаковой красно-желтой поливой с белой и зеленой надглазурной росписью. Орнамент расписан крупными лепестками в виде цветков ромашки, радиально расположенными и вкрапленными зелеными пятнами (Фонд КГУ. МО-87, ВК-II, п. 61).

Исследование комплекса керамики XIII–XIV вв. и их орнаментации указывают на то, что в основном керамика этого периода повторяла узоры предыдущей, хорезмшахской культуры. В материалах при сохранении основных форм сосудов изменения идут лишь по линии усложнения декора и большей изящности исполнения. Характерной особенностью орнаментации этого времени является оформление ее насыщенными растительными мотивами. Внутренняя поверхность сосудов была в основном разделена на три орнаментальных пояса, из которых часто оформлялись два: центральная часть и боковые стенки, а верхний пояс, идущий по краю, сочетал растительные мотивы с геометрическими (линия, точка, косые насечки в виде ромба). Границы пояса от соседнего отделялись обрамлением скругленной линией.

Богатая гамма красок (зеленая, коричневая, бирюзовая, кобальт, красная) придавала особую нарядность и красочность посуде. Полихромная поливная керамика часто имела цветочный букет с осевой симметрией, вырастающий из одного места в центральной части (рис. 3: 23) (Вактурская, 1959, рис. 34, 2). На одной из тарелок, найденной в Миздахкане, в центре изображена шестилепестковая розетка, от которой разрастается цветок со стилизованными листьями, стеблями, побегами (рис. 4: 1-2; 3: 23). Все это обведено кольцевой зоной из зигзагов со штриховкой. Тонкие лепестки не только стилизованы, они часто напоминают раскрывающийся "павлиний хвост". Такие же "павлиньи хвосты", но поменьше, расположены по фестончатому краю темуридской кашинной чаши из "Северного квартала" Миздахкана (рис. 4: 2). На некоторых чашах второй пояс по стенкам украшен в шахматном порядке мелкими четырехлепестковыми цветками (рис. 1: 2; 2: 4; 3: 10). Исследователи трактуют этот орнамент по-разному: одни считают эти цветки "птичками" (Вактурская, 1959, рис. 3, 1), другие склонны видеть в них “крестики”, “скомпонованные точки” или трехлепестковые бутоны-листья” (Якубовский, 1931, с. 37). Сходный декор в золотоордынской керамике часто встречается в виде точек или в виде трилистников. Вариантом этого растительного орнамента является узор "трилистников", украшающий внутреннюю поверхность чаш (Якубовский, 1931, рис. 17-19; Булатов, 1968, с. 108, рис. 4, 1). Однако по реалистичности этот вид орнамента более характерен для Хорезма. В большинстве золотоордынских городищ керамика подобного типа немногочисленна. И напротив, в Хорезме поливная керамика с изображениями веток лотоса или лотосового куста менее известна. Этот элемент был очень широко распространен в искусстве Золотой Орды и сопредельных стран после монгольского нашествия. Однако орнамен-

тальный мотив с цветком лотоса известен в керамике Хорезма X-XI вв (Вактурская, 1959, с. 290).

Из других мотивов растительного орнамента часто встречаются тюльпаны и грибовидные одуванчики. Тюльпан связан с веткой (рис. 3: 21, 26), напоминающей стебель (Вактурская, 1959, рис. 34, 2). Одуванчик, по очертанию напоминающий форму грибка, стеблем связан с кольцевидной полосой на дне чаши.

В целом растительный орнамент поливной керамики Хорезма XIII–XIV вв. наиболее разнообразен и имеет некоторое сходство в технике нанесения орнаментов с Поволжьем– Хорезм был связан с этим регионом политически. Одновременно Хорезм как часть Мавераннахра имеет аналогии в керамике с центрами Средней Азии.

Геометрические орнаменты в поливной керамике представлены следующими фигурами: это треугольники, шестиугольники, восьмиугольники, вытянутые круги, арочки, точки, волнистая линия, полосы зигзагов, ряды запятых и другими.

Сложный вариант геометрического орнамента представлен чашей с шестиконечной звездой из “Восточного квартала II” в Миздахкане (рис. 1: 1). В центре, на дне, маленький шестиугольник с цветком, вокруг которого четыре шестиугольника. Они больше размером и окружены округлой полосой, в целом орнамент образует розетку, вокруг которой находится узкая полоса восьмиугольно-вертикальных зон, заполненных псевдоэпиграфическим орнаментом, рыбками, лепестками и точками. По краю чаши идет узкая кольцевая полоса. Внешняя поверхность этой чаши украшена также геометрическим орнаментом, образующим ромбовидные медальоны с заштрихованными носиками. Другой вид геометрического орнамента представляет собой округлую розетку с квадратами, разделенную белой ангобной полосой. В образованных таким образом малых квадратах, расположенных в шахматном порядке, находятся квадраты с сетчатым орнаментом, чередующиеся с белыми квадратиками с четырьмя синими точками[5] (рис. 3: 33). Аналогичный орнамент с четырьмя кобальтовыми точками на дне чаш присутствует на золотоордынской керамике Селитренного городища (Булатов, 1974, с. 139, рис. 1, 2).

На другой чаше (также из Миздахкана) в центре круг с цветком, вокруг него узкий поясок, образованный рельефной линией черного цвета. Переплетаясь, он образует шесть круглых зон, заполненных цветами коричневой росписью. Узкая черная полоса идет по краю чаши (Фонд КГУ, МО-90, КВ-3, п. 17). Еще одна чаша с аналогичным орнаментом из гончарной мастерской в раскопе XI была найдена Г. А. Федоровым-Давыдовым в Селитренном (Федоров-Давыдов, 1994, рис. 14, 2). Геометрические орнаменты представлены и другими видами. Среди них встречаются линейно-геометрические узоры. В основном в XIII–XIV вв. был распространен мотив плетенки, штрихованной косой сеткой кольцевых полос, радиальные полосы которой делят боковые поверхности чаши на треугольники и трапеции. На кашинной чаше из Шемаха-калы крайняя (верхняя) кольцевая зона из двух переплетающихся белых полос с синими точками занимает завершающее место в композиционном сюжете (Вактурская, 1959, с. 321, рис. 32, 3) (рис. 3: 36). На другой чаше из Шемаха-калы край внутренней стороны имеет арочный орнамент и вертикальные столбики, упирающиеся наверху в узкий поясок по краю сосуда (Вактурская, 1959, рис. 32, 4). Эти орнаменты с растительными мотивами, усиливают декор, особо выраженный эффектной синей и черной росписью на белой кашинной основе.

На одной из красноглиняных чаш из Шемаха-калы с полихромной росписью на стенках, в круглой зоне, расположены восемь луковичных медальонов, образованных переплетением двух желтых полос, причем медальоны встроены: большой, второй – поменьше, а в нем третий – маленький (рис. 2: 3). Здесь явное торжество одного из видов линейно-геометрического орнамента-переплетения (Вактурская, 1959, рис. 29, 5; 36, 96). В центре медальонов стилизованный цветок с точками, на заднем фоне вертикальные штрихи. Вариант этой схемы представлен на другой чаше из Шемаха-калы, у которой в центре растительный орнамент, а по стенкам девять луковичных медальонов. Здесь, в отличие от предыдущей чаши, фон заполнен маленькими точками, в которых помещены "галочки", их также девять (Вактурская, 1959, рис. 32, 1; рис. 36, 117). Ранние образцы луковичных медальонов мы встречаем в художественной поливной керамике Самарканда (Ташходжаев, 1967, рис. 4а), позже они встречаются в золотоордынской керамике Поволжья (Fedorov-Davidov, 1984, p. 23, 4).

В некоторых открытых чашах и блюдах после точечного бордюра (края), ниже по

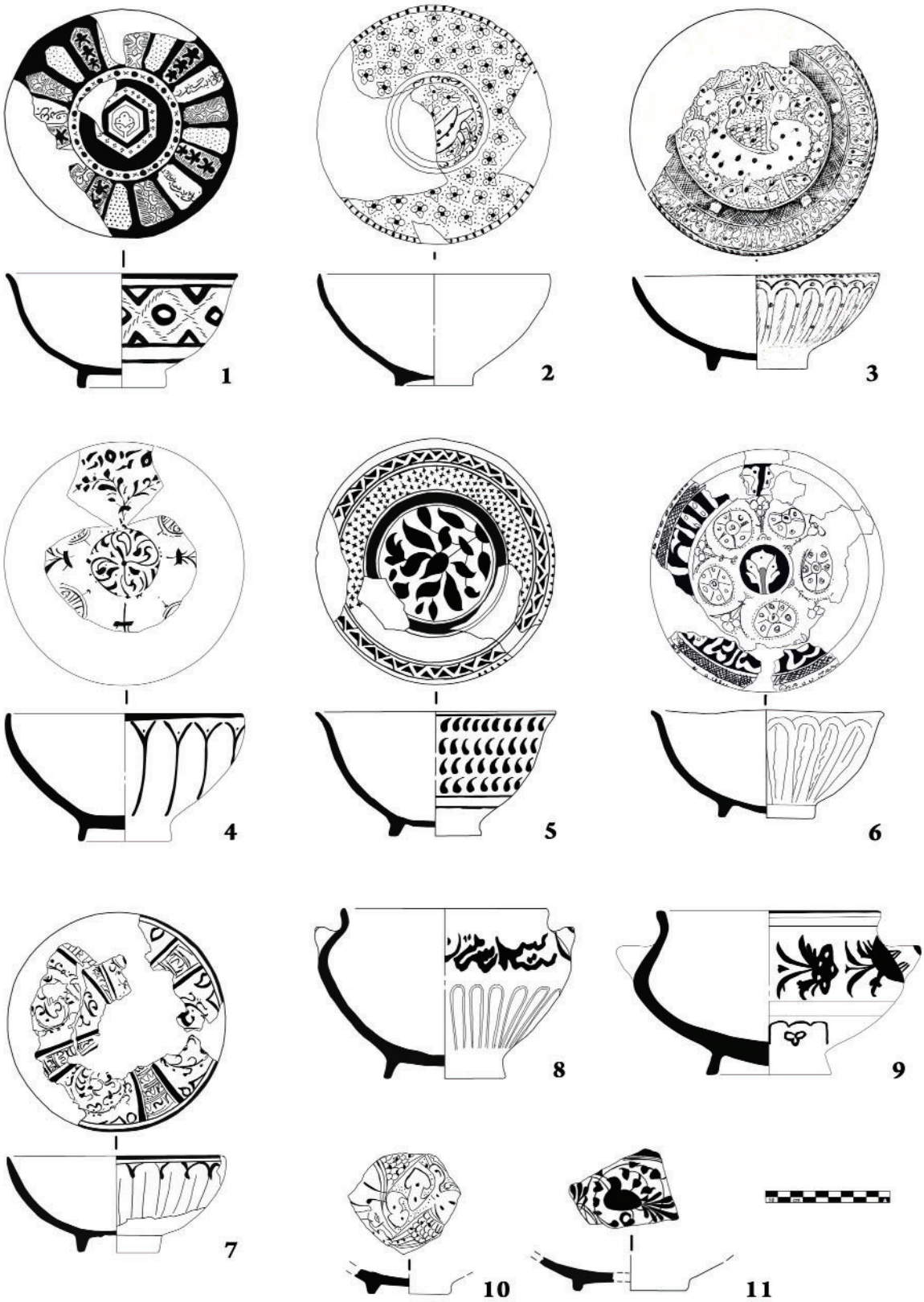


Рис. 1. 1, 5, 10-11 – Чаши, Миздахкан (Фонды ГМИКРК, КГУ); 2-4, 6-7 – Джампык-кала (Фонд ГМИ); 8-9 – Горшковидные сосуды, Джампык-кала (Фонд ГМИ).

Fig. 1. 1, 5, 10-11 – Bowls, Mizdahkan (Funds of the State Museum of History and Culture of the Republic of Karakalpakstan, Karakalpak State University); 2-4, 6-7 – Dzhampyk-kala (Fund of the State Museum of Art named after I. V. Savitsky); 8-9 – Pot-shaped vessels, Dzhampyk-kala (Fund of the State Museum of Art named after I. V. Savitsky).

внутренней поверхности, иногда проходит кольцевой пояс в виде падающей волны, часто выполненный кобальтовой (темно-синей краской). Он выполнен в форме растительного побега, с закрученными стеблями из двух ветвей с бесконечно повторяющимися линиями. Отдельные участки между стеблями украшены завитками. Весь рисунок выполнен кобальтовой поливой на белом фоне (рис. 4: 5).

Геометрическая композиция в виде "падающей волны" встречается и на некоторых открытых сосудах из Шемаха-калы (Вактурская, 1959, рис. 36, 118). Судя по характеру росписи, в шемахакалинской кашинной чаше в точности повторяются орнаментальные сюжеты вышеописанной из Миздахкана. Кашинное белое тесто, полусферическая форма, идентичный орнамент – все это свидетельствует о том, что эти сосуды происходят из одного центра Хорезма. Орнамент в виде "падающей волны" встречается в керамике Самарканда XII в. (Ташходжаев, 1967, с. 59, рис. 11), Тункета (Буряков, Художественная керамика городища… Табл. IV.9) и в архитектурных сооружениях Средней Азии (Литвинский, Соловьев, 1985, с. 91, рис. 25, 1). Орнамент "падающая волна", как и прежде, занимает небольшую часть сосуда, образует бордюрную зону. Встречается в сочетании с растительными и эпиграфическими узорами. Для них применена одноцветная роспись, усиливающая простоту и строгость орнаментов. Однако в XIII–XIV вв. такая орнаментация усиливается, обогащаясь новыми элементами растительного узора.

В поливной керамике XIII–XIV вв. по-прежнему встречается керамика с орнаментом "граффито", выполненная тонкой линией. Этот орнамент относится к наиболее ранней технике в данном способе орнаментации. На блюдах XIII–XIV вв. встречается "граффито" растительно-геометрического характера, но чаще всего с концентрической композицией. Керамика с гравированным орнаментом встречается в двух видах, выполненных тонкой или толстой линией, разница зависит от ширины резца. Большая часть фрагментов керамики с орнаментом "граффито" относится к красноглиняным изделиям с зеленой поливой.

Ареал керамики с такой орнаментацией в домонгольский период широк. В Средней Азии он известен по материалам Термеза (Шишкин, 1945, с. 122, рис. 25, 1), Самарканда (Шишкина, 1979, табл. LI, 1–2), памятников Уструшаны (Замин) (Грицина, 2001, с. 174, рис. 1, 1–2), Каваткалы, Даудана, Шах-Санема (Вактурская, 1959, с. 316). Таким орнаментом в Хорезме продолжали пользоваться и в XIII–XIV вв. с разницей лишь в характере узоров. Для техники гравировки в золотоордынских городах свойственны в основном геометрические орнаменты ("концентрические круги").

Их перечень дополняется и другими элементами – заштрихованными треугольниками, знаками в виде "запятых" или стилизованных геометрических фигур (например, "аркады", "узел счастья"). Эти мотивы орнаментации часто встречаются в сочетании с другими видами или представлены в мелких фрагментах керамики. В связи с этим уместно дать толкование более реальным орнаментальным композициям. Среди них большой интерес представляет керамика с зооморфными изображениями.

Зооморфный орнамент. Значительное место в орнаментальных сюжетах на поливной керамике Хорезма занимают зооморфные мотивы. Это птицы: утки, павлины, семейство воробьиных, фазаны; а также рыбы, зайцы, быки, газели. Они расположены парами и поодиночке в круглых медальонах или среди растительной орнаментации. В коллекции керамики XIII–XIV вв. преобладают открытые сосуды – чаши, реже встречается горшковидная посуда с изображением птиц.

Павлины (рис. 2: 1-2, 8-9). Внутренняя и наружная поверхности чаши из Миздахкана облицованы тонким слоем свинцовой неокрашенной поливы (Ходжаниязов, Искандерова, 1999, с. 103). По краю внутренней поверхности чаши между двумя попарно проведенными линиями нанесена полоса, переплетающаяся под углом линий. На нее были нанесены семь рельефных точек. Ниже ее идут куфические надписи из повторяющегося слова "икбаль" (успех). На дне чаши имеется обведенный парными полосами рисунок птицы – судя по цвету оперения, это обыкновенный голубой павлин (*Pavo cristatus*), вокруг которого изображены стилизованные рыбы. Фигура павлина декоративно-условная, но удивительно красивая именно в этой своей декоративности. Голова и туловище белые, расцвечены расплывшимися темно-синими точками. Крупная голова немного опущена вниз, на туловище находится мягко разработанное оперение, пышный хвост с пестрыми глазчатыми пятнами поднят вверх (рис. 2: 2).

В коллекции поливной посуды открытого типа встречается орнамент с фигурой павли-

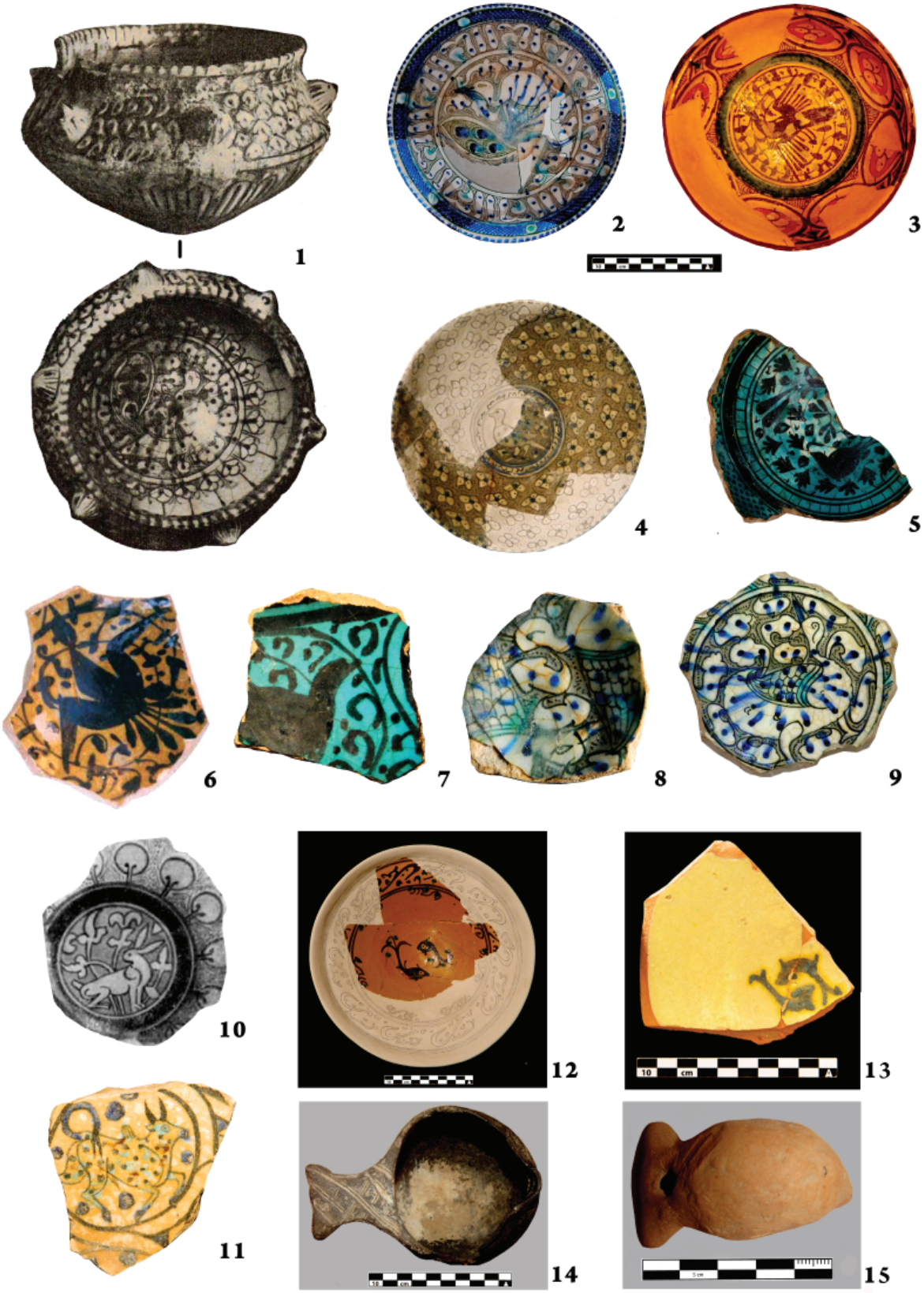


Рис. 2. 1 – Горшковидный сосуд. Куня-Ургенч (по: Пугаченкова, 1960); 2, 6-9, 13 – Чаши, Миздахкан (Фонды ККНИИГН, КГУ); 4, 12 – Чаши, Джанпык-кала (Фонд ГМИ); 3, 10-11 – Фрагменты чаш, Шемаха-кала (Фонд Гос. Эрмитажа); 14-15 – Миздахкан (Фонд КГУ)

Fig. 2. 1 – Pot-shaped vessel. Kunya-Urgench (after: Pugachenkova, 1960); 2, 6-9, 13 – Bowls, Mizdakhkan (Funds of the Karakalpak Research Institute for the Humanities of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Karakalpak State University); 4, 12 – Bowls, Dzhanpyk-kala (Fund of the State Museum of Art named after I. V. Savitsky); 3, 10-11 – Fragments of bowls, Shemakha-kala (Fund of the State Hermitage); 14-15 – Mizdahkan (Fund of the Karakalpak State University)

на (Куня-Ургенч). Сосуд широкогорлый, с утолщенной закраиной и почти прямым бортиком, переходящим к биконическому телу, с плавным перегибом от плечевой части к нижней половине; дно округленное; поддон был, очевидно, высоким, кольцевым (рис. 2: 1). Плечи сосуда оформляет пять налепных, выпуклых, радиально рифленых шишек, заканчивающихся сосочками. Так, на целиком сохранившемся горшковидном сосуде из Ургенча на донце изображен стилизованный павлин. Тело его с чешуйчатым крылом и синими пятнышками по корпусу обращено вправо, голова на круто выгнутой шее – влево, пышный хвост с тремя «глазками» и мелким оперением поднят вверх. В орнаментацию хвоста и крыла павлина введено несколько сильно расплывшихся пятнышек бирюзово-голубой глазури. Этот горшкообразный сосуд, предназначавшийся для розовой воды, в которую гости окунали пальцы после трапезы, служил предметом широкого экспорта (Пугаченкова, 1960, с. 200) и «образцом высокохудожественной хорезмской керамики» XIV в. (Пугаченкова, 1967, с 165). Появившись еще в домонгольское время в Средней Азии (Лунина, 1962, с. 312–313), на Ближнем Востоке (Денике, 1923, с. 27), орнаментация с павлином широко распространилась в XIII–XIV вв.

Уникальные сосуды средневекового Хорезма не только пополняют наше представление о парадных предметах домашней утвари средневекового населения Приаралья, но и дают картину производства товаров с сопутствующими надписями, предназначенными для рынков от Сарай Берке на Волге до Маджара на Северном Кавказе.

Образ павлина в символике ислама выступает символом космоса или – из видимых небесных тел – Солнца и Луны, глаз павлина ассоциируется с «оком сердца» и внутренним зрением (Энциклопедия, 2004). Символ павлина пришёл к мусульманам, а от них – на Запад – из Древнего Ирана. Он означает дуализм – двойственную природу человека, черпающего силу в принципе единства (Фоли, 1997; Холл, 1999; Хоул, 1998). Гностики средневековья, пытаясь раскрыть тайны божьего промысла, выбрали павлина как выражение своих мистико-философских откровений. «Если внимательно приглядеться к его оперению, мы найдем 365 различных красок. Стало быть, это космологическая птица….» (Schultz, 1910).

Утки. Наиболее излюбленным был мотив водоплавающей птицы-утки, где центральную часть занимает повернутое в профиль изображение утки (рис. 2: 3, 9). Иногда это внутренняя сторона чаши, в центре которой на фоне рельефного растительного орнамента нанесена фигура летящей утки и закрученного спиралью растительного побега с мелкими листочками, выполненного коричневым цветом. Рельефные детали рисунка расцвечены темно-синими пятнами, элементами павлиньих глаз и летящих облаков. Такие сюжеты встречаются на посуде из Ай-Аты (Кдырниязов, 1989, с. 67), Джанпык-кала (Доспанов, 1991, рис. 21, 11), Шемаха-кала (Вактурская, 1959, рис. 29, 5). Близкую аналогию чаши с изображением птиц часто находили в керамических центрах Золотой Орды, Хорезма и Средней Азии (Пугаченкова, Ремпель, 1960, с. 120, рис. 124). Однако изображение утки на фоне рельефного орнамента является самым распространенным мотивом золотоордынских чаш Хорезма (Искандерова, 2016, с. 211).

Мелкие птицы. На изделиях поливной керамики этого периода привлекает внимание изображение птиц небольшого размера, выполненное одноцветной подглазурной черной росписью (рис. 2: 5, 7). На дне кашинной чаши из Шемаха-кала изображены две птицы на фоне закрученного спиралью растительного побега (рис. 2: 5), стенки также украшены расположенными в шахматном порядке мелкими птичками с распластанными крыльями (Вактурская, 1959, рис. 34, 1). Зооморфные сюжеты с птичками часто встречаются на сосудах из Самарканда, Мерва, Бинкета, Ферганы, Пайкенда, Сарайчика (Мухамеджанов и др., 1988, с. 170; Анарбаев, 2013, с. 68; Самашев и др., 2008; Атагаррыев, 1986), также птицы являются излюбленными персонажами на изделиях Ближнего Востока. Несмотря на то, что птицы схожи между собой, в деталях рисунка, в их раскраске заметны существенные различия. Так, на сосудах хорезмийской керамики XIII–XIV вв. цветовое и орнаментальное решение изделий более реалистично: птицы изображены в свободном полете с распластанными крыльями или в сидячей позе.

Газель. Излюбленным мотивом сцен является газель (джейран) (Antilope [Gazella] dorcas Licht.). На одном из красноглиняных сосудов с полихромной росписью из сельского поселения в окрестностях Куня-Уаза сохранилось изображение животного – газели (Вишневская, 1963, рис. 7 г). Она изображена на желтом фоне, у нее толстая шея, большие глаза расцвечены темно-коричневой

краской, рога нарисованы почти вертикально, параллельно друг другу, уши средней длины. Массивное туловище и рога расцвечены зелеными точками. Вокруг газели фон расписан растительным орнаментом свивающихся стеблей, орнаментальные растительные мотивы вокруг свободного фона расцвечены зелеными точками, как на теле газели. В Дехистане было найдено несколько фрагментов кашинной керамики с ее изображением. Фаянсовые сосуды с фигуркой газели обнаружены также на городище Султан-Кала в Старом Мерве (Атагаррыев, 1986, с. 122; Лунина, 1971, с. 22).

Заяц. На дне сегментовидной формы чаши из Шемахи-кала изображен заяц, судя по крупному размеру, возможно, среднеазиатский заяц-толай (*Lepus tolai*). Рисунок животного передан в реалистичной форме, заяц изображен в выжидающей позе, голова с длинными клиновидными, чуть отогнутыми назад ушами повернута, животное как бы оглядывается назад. Хвост также имеет клиновидную форму (рис. 2: 10).

Заяц, который является одним из излюбленных персонажей на произведениях искусства Средней Азии и сопредельных областей, часто фигурирует в сценах охоты. На тальковом изделии из дома № 41 в Каваткалинском оазисе есть изображение зайца, голова которого повернута в сторону стреляющего преследователя (Государственный музей искусств…, 1976, табл. 10). Заяц представлен на одном из стеклянных «медальонов» из дворца термезских правителей (Жуков,1940, с. 61, рис. 2), фигуры зайцев встречаются и на штампованной керамике Хорезма (Тереножкин, 1940, с. 62, рис. 12).

Бык. Фрагмент поливного сосуда с частью кольцевого донца из Куня-Ургенча, на желтом фоне внутренней части имеется изображение быка с горбом – зебу (*Bos taurus indicus*), бег которого передает положение ног и поднятый вверх закрученный хвост (рис. 2: 11). Нос, хвост и копыта изображены в темно-синем цвете. Грациозное тело испещрено черными точками и голубыми мазками. Рога короткие, вертикально расположенные, выделены черным цветом.

На протяжении древней истории образ быка встречается в мифах и ритуалах, в фольклоре и религиозной знаковой системе, в искусстве и бытовой сфере. Бык пользовался особым почитанием прежде всего как символ природных производительных сил, плодородия, изобилия и благоденствия. Его воспринимали как предка рода, и обычно самый сильный человеческий род связывал с ним свое происхождение. Бычьи рога часто укрепляли на кровлях святилищ и алтарях, они служили элементом своеобразного сакрального декора.

В связи с археологическими раскопками в Каунчи-тепа придается важное значение времени появления зебу в Средней Азии (Громова, 1940). Коридором для распространения культа зебу из Индии в Двуречье был Иран, где в Шуше была найдена фигурка с горбом зебу (The Royal City…, 1992, p. 60. No 27). Найденные на Гонур-депе глиняные фигурки быков из-за выраженных горбов интерпретируют как зебу, хотя достоверные кости зебу пока не выявлены (Сатаев, 2016, с. 77). На маргианских и бактрийских печатях изображены горбатые быки-зебу (Sarianidi, 1998, p. 39; Sarianidi, Dubowa, 2013, s. 167).

Рыбы. Нередко в декоре бытовой керамики встречаются изображения рыб (рис. 2: 12-15). Внутренняя часть светлоглиняной чаши из Джанпык-кала орнаментирована стилизованным изображением двух рыб на желтом фоне (рис. 2: 12). Изображение рыб часто встречается на металле, неполивной керамике и монетах в X–XIII и XIII-–XIV вв. в городах Средней Азии (Федоров-Давыдов, 1965, табл. V, 42, 47; Шишкина, 1979, с. 60; Кдырниязов, 1989, рис. 9, 3).

Почитание рыб также восходит к очень ранним формам религиозных воззрений данного региона (Снесарев, 1969, с. 325). Рыба считалась особенно чистой, так как она была связана с водной стихией и ее наделяли сверхъестественными свойствами. В Авесте, например, мы встречаем достаточное количество примеров почитания водной стихии, вместе с нею – рыб, с которыми у народов Средней Азии, в том числе Приаралья, связано немало легенд и поверий. Образы рыб и птиц занимают важное место в поверьях и мифологии народов Средней Азии. В целом зооморфный орнамент представлен многообразными видами животных. Керамисты Хорезма, кроме отмеченных животных в орнаментации керамических изделий, изображали зайца-быка (Вактурская, 1958, рис. 32, 6; рис. 7), дельфина, петухов (Кдырниязов, 1993, с. 46, 88, рис. 2, 3; Кдырниязов, 1990, рис. 3, 3).

Следует отметить, что зооморфный орнамент в поливной керамике Хорезма XIII–XIV вв. более насыщен зооморфными мотивами, нежели на поливной посуде XII – начала XIII вв. Это связано с усилением производства

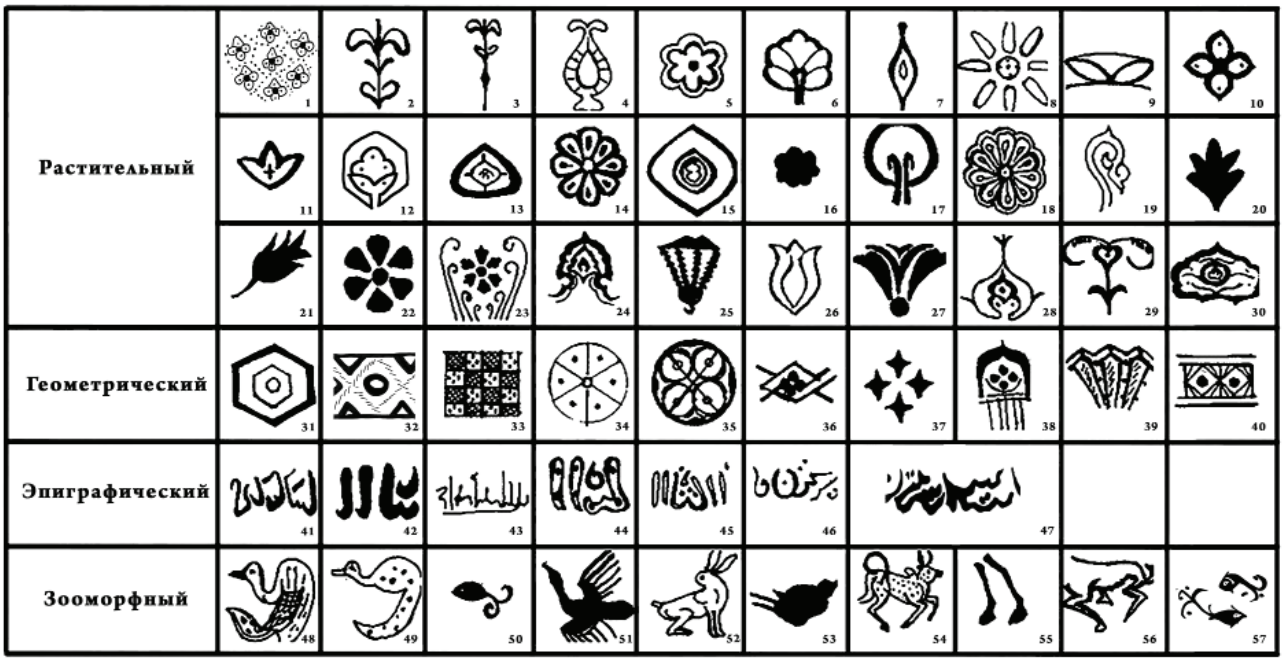


Рис. 3. Виды орнаментальных мотивов (элементы) второй половины XIII–XIV вв.
Fig. 3. Types of ornamental motifs (elements) in the 13th–14th centuries.

полихромной керамики в средневековье, в развитии которой принимали участие мастера различных народностей и слились различные культурные влияния и традиции. В XIII–XIV вв. в силу политических причин на огромных пространствах Евразии наладилось производство поливной керамики, впитавшее в себя традиции орнаментики, формы, стиля самых разных керамических центров. Синкретичный характер культур обусловил производство изделий золотоордынских по фактуре и хорезмских по стилю.

Эпиграфический орнамент. Эпиграфическим орнаментом поливная керамика XIII–XIV вв. небогата. Известны лишь единичные фрагменты, имеющие такие орнаменты из различных памятников Хорезма.

В Шемаха-кале найдены чаши, где куфические надписи состоят из повторяющегося слова "икбаль" (успех). Есть чаши с псевдоэпиграфическими орнаментами. На краях и бортике одной кашинной чаши из Шемаха-калы расположен стилизованный эпиграфический орнамент, а его фон украшен точками и завитками (Вактурская, 1959, рис. 35, 2–3).

Эпиграфический орнамент хорошо представлен "археологически целой" кашинной чашей из Миздахкана (рис. 2: 2). Ниже края идет куфическая надпись из повторяющегося слова "икбаль" (Ходжаниязов, Искандерова, 1999, рис. 1). Среди материалов керамического комплекса Хорезма XIII–XIV вв. встречаются сосуды закрытых форм, орнаментированные с наружной стороны эпиграфическим узором. На внешней поверхности горшковидного сосуда из Миздахкана с коническими налепами и носиком, над арочным орнаментом располагался эпиграфический орнамент. Сосуд имел двухстороннюю поливу: внутри бирюзовую, снаружи кобальтовую (Фонд КГУ. МО-89, ВК-I). На другом таком сосуде из Шемаха-калы имеется рельефная куфическая надпись на плечах (Вактурская, 1958, рис. 35, 5). Он также покрыт двусторонней бирюзовой и кобальтовой поливой (рис. 2: 45).

Интерес представляет тонкостенный кашинный сосуд горшковидной формы. Внутренняя поверхность не орнаментирована, наружная сторона прямого венчика украшена орнаментальным поясом, рельефно нанесенными арабскими надписями (рис. 1: 8). За пределами Хорезма горшковидные сосуды с кобальтовой поливой и с рельефными куфическими надписями найдены в Маджаре (Гражданкина, Ртвеладзе, рис. 1, 4), Селитренном (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 203). Все они датируются золотоордынским временем. Здесь стоит особо отметить, что во всех золотоордынских памятниках наблюдается единообразие эпиграфического орнамента, во всех фрагментах такого типа сосудов надписи снаружи расположены на верхней зоне, орнамент рельефный, изделия покрыты либо темно-синей (кобальтовой), либо бирю-

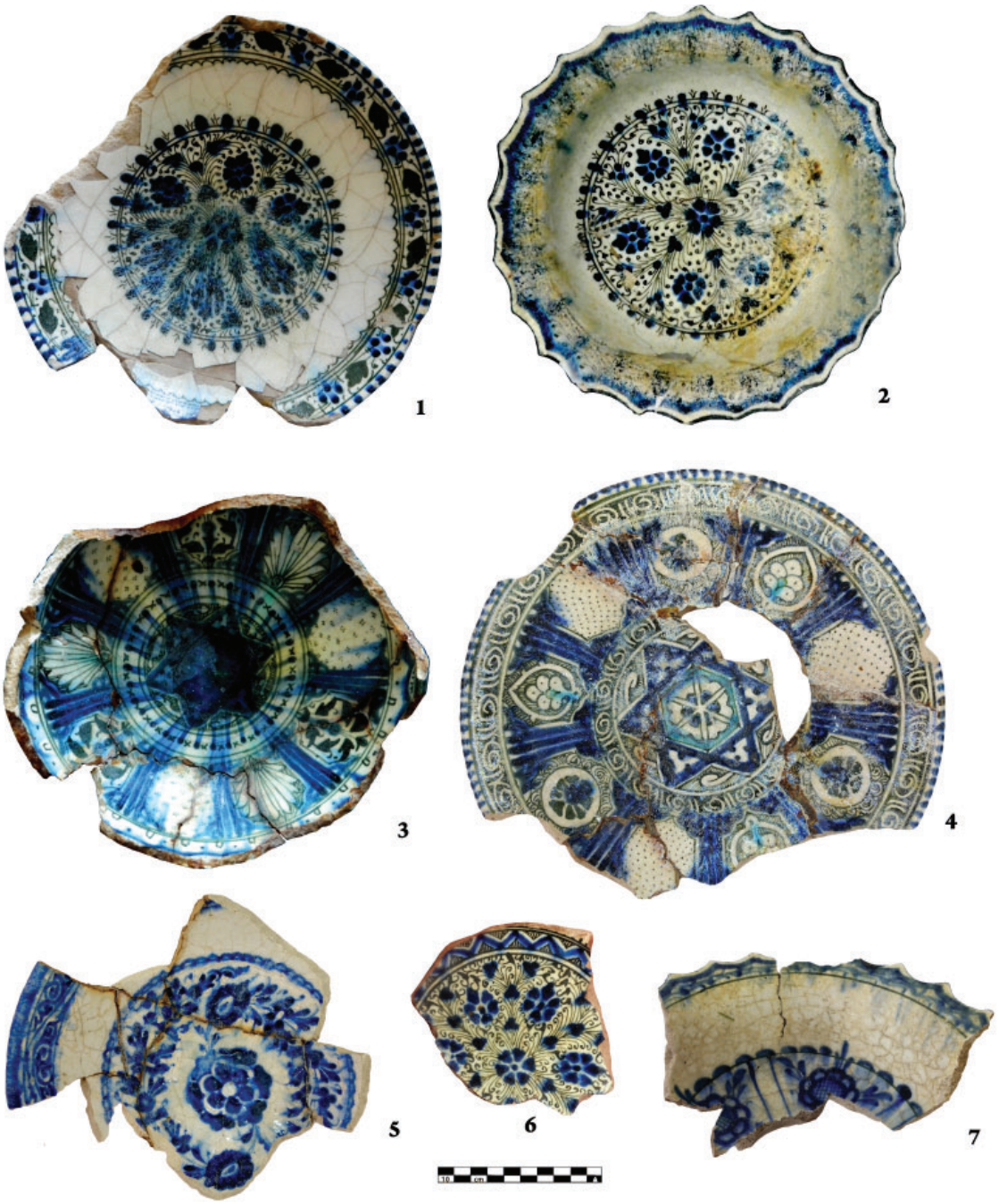


Рис. 4. Кашинная керамика. Миздахкан (Фонд КГУ).
Fig. 4. Kashin ceramics. Mizdakhkan (Fund of the Karakalpak State University).

зовой поливой. Везде повторяется арабское слово успех (”икбаль”).

Антропоморфных мотивов орнаментации в местных хорезмских поливных изделиях нет.

Керамическое производство, разгромленное в результате монгольского нашествия, в XIV в. полностью восстанавливается на основе домонгольских достижений; создаются новые образцы орнаментации, форм и технических приемов.

Во второй половине XIII–XIV вв. формы кашинных и глиняных сосудов становятся весьма разнообразными. Появляются новые виды поливной керамики (горшковидные сосуды с соскообразными налепами, чаши с ребристыми стенками и фестончатыми краями, высоким поддоном), усложняется орнамент.

Орнаменты глиняных и кашинных сосудов становятся весьма богатыми. Для этого времени в основном использовался подглазурный орнамент с рельефом, чаще всего же встречалась черная, темно-синяя (кобальтовая) роспись, основной фон оставался белым. Виды рисунков были различные, но господствовал растительный орнамент, который достиг большой сложности. Путем нанесения однотонной краски на

белый фон мастера получают эффектный декор.

Сосуды, облицовывались поташной поливой, дающей толстый, почти абсолютно прозрачный стекловидный слой или глухую оловянную поливу, которая прежде была неизвестна (Вактурская, 1959, с. 327). Орнаментация и техника изготовления кашинных сосудов с полихромной росписью и с черной подглазурной бирюзовой поливой прославила керамистов Хорезма по всей территории Золотой Орды. Именно на основе изучения этих видов керамики был высказано мнение об участии хорезмских мастеров в сложении керамического ремесла золотоордынских городов (Якубовский, 1931, с. 28–48; Булатов, 1968, с. 95–109; Гражданкина, Ртвеладзе, 1971, с. 127–273; Кдырниязов, 1990, с. 26–36). Большинство орнаментальных мотивов кашинной керамики имеет сходные элементы в домонгольской и монгольской керамике Средней Азии. В частности, к ним относится мотив "павлиньего глаза", рельефное изображение уток, эпиграфический орнамент "икбаль" и изображение лотоса.

В целом многие элементы декора золотоордынской хорезмской кашинной керамики зародились еще до монголов в Иране, в Средней Азии (Булатов, 1968, с. 95–109; Кдырниязов, 1990, с. 26–36.). Вывоз ремесленников из покоренных земель в Золотую Орду способствовал формированию нового художественного стиля. Но Хорезм несколько раньше, чем другие области, содействовал сложению золотоордынской полихромной кашинной керамики (Федоров-Давыдов, 1994, с. 131). Для хорезмской красноглиняной керамики этого периода характерно следующее: здесь по-прежнему господствует зеленая и коричневая краска; кроме нее, появляется ультрамарин (вариант – кобальт). Внешние стороны открытой посуды обычно не орнаментировались. Распространенными мотивами в этой группе керамики являются простые растительные и геометрические. Большинство сосудов не орнаментировано. К ним относятся плоскодонные конические миски, кувшины с прямым горлом, туваки-горшочки, чирагисветильники. Полива на них положена поверх ангоба. На чашах и блюдах встречаются гравированный ("граффито") узор в виде концентрических кругов. Такие гончарные изделия были встречены в Шемаха-кале (Вактурская, 1959, с. 319), Миздахкане и Джанпык-кале (материалы ГМИ им И.В. Савицкого). Кроме того, глиняные изделия были облицованы бирюзовой поливой, сосуды украшались полихромной подглазурной росписью (красной, коричневой, зеленой и белой). В другом случае по краю сосудов проходит полоса надписи, выполненная курсивным письмом "насх".

ЛИТЕРАТУРА

Абызова Е. Н., Бырня П. П., Нудельман А. А. Древности Старого Орхея (золотоордынский период). Кишинев: Штиинца, 1981. 100 с.

Анарбаев А. Ахсикет – столица древней Ферганы. Ташкент: Tafakkur, 2013. 536 с.

Атагаррыев Е.А. Средневековое керамическое производство Туркменистана. // Материальная культура Туркменистана. Вып. 2 / Отв. ред. В. М. Массон. Ашхабад: «Ылым», 1974. С. 56–108.

Атагаррыев Е. Средневековый Дехистан: история и культура города Юго-Западного Туркменистана. Л.: Наука, 1986. 176 с.

Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов // СА. 1968. №4. С. 95–109.

Булатов Н. М. Кобальт в керамике Золотой Орды // СА. 1974. №4. С. 135–141.

Буряков Ю.Ф. Художественная керамика городища Тункет // Научные труды и сообщения АН УзССР. Отделение общественных наук. Книга II. / Отв. Ред. И.М. Муминов. Ташкент: АН УзССР, 1961. С. 269–279.

Вактурская Н.Н. Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949–1953 / Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. II / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: Наука, 1958. С 467−495.

Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Керамика Хорезма / Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. IV / Под ред. С.П. Толстова, М. Г. Воробьева. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. С. 261–342.

Вактурская Н.Н. О средневековых городах Хорезма // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. Т. II. Памятники средневекового времени, этнографические работы / МХЭ. Вып. 7 / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: АН СССР, 1963. С. 41–53.

Вишневская О.А. Раскопки караван-сараев Ак-Яйла и Талайхан-Ата // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949–1953 / Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. II / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: Наука, 1958. С. 431–466.

Вишневская О.А. Археологические разведки на средневековых поселениях левобережного Хорезма // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. Т. II. Памятники средневекового времени, этнографические работы / МХЭ. Вып. 7 / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: АН СССР, 1963. С. 54–72.

Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958-1960 гг. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. Ч. I. Памятники первобытного и античного времени / МХЭ. Вып. 6 / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: АН СССР, 1963. С.157–200.

Государственный музей искусств Каракалпакской АССР / сост. И. В. Савицкий. М.: Советский художник, 1976. 256 с., ил.

Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджар // СА. 1971. № 1. С. 127–139.

Грицина А.А. Гончарная продукция домонгольского Заамина // История материальной культуры Узбекистана. № 32. Ташкент: Фан, 2001. С. 173–179.

Громова В.И. Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии. Ташкент: УЗФАН СССР, 1940. 61 с.

Денике Б.П. Искусство Востока: Очерк истории мусульманского искусства. Казань: Издание Комбината издательства и печати А.Т.С.С.Р, 1923. 250 с., 11 л. илл.

Доспанов О.Т. О некоторых результатах раскопок Джанпык-калы в 1987–1989 гг. // Новые открытия в Приаралье. Вып. 2 / Отв. ред. М.Г. Воробьева. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1991. С. 71–92.

Доспанов О. Т. Городская культура Правобережного Хорезма в эпоху средневековья (по материалам городища Джанпык-кала). Дисс. … канд. ист. наук. Нукус, 1996. 200 с.

Доспанов О. Т. Городская культура Правобережного Хорезма в эпоху средневековья (по материалам городища Джанпык-кала). Автореф. дис. … канд. ист. наук. Нукус, 1996. 21 с.

Доспанов О.Т. Сайпанов Б.С. Два фрагмента люстровой керамики из Джанпык-калы // Вестник ККО АН РУ. 1997. № 4. С. 129–131.

Жуков В.Д. Стеклянные «медальоны» из дворца термезских правителей // Известия УЗФАН. 1940. № 4–5.

Искандерова А.Д. Зооморфные мотивы на керамике Хорезма XIII-XIV вв. // История Хорезма в современных исследованиях / Отв. ред. Д.А. Алимова. Ташкент-Ургенч, 2019. С. 208-216.

Кдырниязов М.Ш. Материальная культура городов Хорезма в XIII–XIV веках. Нукус: Каракалпакстан, 1989. 176 с.

Кдырниязов М-Ш. Привозная керамика из средневековых городов Хорезма (XII-XIV вв.) // Вопросы истории, археологии и этнографии Каракалпакстана. Нукус, 1990. С. 26–36.

Кдырниязов М-Ш. Алтын орда дәуиріндеги Туслик Арал бойы мәденияты (Культура Южного Приаралья в период Золотой Орды). Нөкис: Қарақалпақстан, 1993. 103 с. (на каракалпакском языке).

Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине. М.: Наука, 1985. 263 с.

Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X - начала XIII вв. // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Т.XI. / Отв. ред. М. Е. Массона. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1962. С. 217–417.

Лунина С.Б. Чаша из Мерва // Памятники Туркменистана. 1971. № 1. С. 20–25.

Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л. Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент: ФАН, 1988. 198 с.

Пугаченкова Г.А. Орнаментированный сосуд из Куня-Ургенча // Археология Средней Азии Т. V / Труды ТашГУ. Новая серия. №172 / Отв. ред. В. Е. Массон. Ташкент, 1960. С. 197–200.

Пугаченкова Г.А. Искусство Туркменистана. Очерк с древнейших времен до 1917 г. М.: Искусство, 1967. 366 с.

Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент: Гослитиздат УзССР, 1960. 328 с., илл.

Самашев З., Кузнецова О., Плахов В. Керамика Сарайчика (на казахском, русском и английском языках). Алматы: ZUR advertizing, 2008. 264 с.

Сатаев Р.М. Животные в культуре Древней Маргианы. М.: Старый сад, 2016. 196 с.

Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 328 с.

Ташходжаев Ш.С. Художественная поливная керамика Самарканда IX – начала XIII вв. Ташкент: Фан, 1967. 154 с. с илл.

Тереножкин А.И. О древнем гончарстве в Хорезме // Известия УЗФАН. 1940. № 6. С. 56–61.

Федоров-Давыдов Г.А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // Нумизматика и эпиграфика. Т. V. / Отв. ред. Д.Б. Шелова. М.: Изд-во АН СССР, 1965. С. 197–121.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М.: МГУ, 1994. 232 с.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья / Отв. ред. А.К. Смирнов. М.: Наука, 1989. С. 133–248.

Фоли Дж. Энциклопедия знаков и символов / Отв. ред. С. Дмитриев. М.: Вече, 1997. 512 с.

Ходжаниязов Г. Х., Искандерова А. Д. Поливная чаша с изображением павлина // Вестник ККО АН РУ. 1999. № 4–5. С. 103.

Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Пер. с анг. А. Е. Майкапара. М.: Крон-пресс, 1996. 656 с.

Хоул К. Энциклопедия примет и суеверий. М.: Крон-пресс, 1998. 543 с.

Шишкин В.А. “Курган” и мечеть Чорсутун в развалинах Старого Термеза // Термезская археологическая комплексная экспедиция. Т. 2: 1937 и 1938 гг. / Отв. ред. И.Л. Додонов, М.Е. Массон. Ташкент, 1945. С. 98–132.

Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII-начало XIII вв.). Ташкент: Фан, 1979. 74 с. с илл.

Символы, знаки, эмблемы / сост. В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. М.: Астрель-Аст, 2004. 556 с., 32 ил.

Якубовский А.Ю. Хорезм в керамике Сарая // ИГАИМК. Т. 8. . Вып. 2-3. Л., 1931. С. 28–48.

Fedorov-Davidov G. A. The culture of Golden Horde cities. Oxford, 1984. 277 p.

Sarianidi V. Myths Of Ancient Bactria And Margiana on its Seals and Amulets. Moscow: Pentagraphic, Ltd, 1998. 336 p.

Sarianidi W., Dubowa N. Gadymy Margiananyn genjihazynasy. Fotoalbom. Asgabat: Turkmen dowlet nesiryat gullugy, 2013. 208 s. (на туркменском языке).

Schultz W. Dokumente der Gnosis. Werlrgt Bei Evgen Diederichs Jena, 1910. 246 p.

The Royal City of Susa: Ancient Near Eastern Treasures in the Louvre / Eds. P.O. Harper, J. Arus, F. Tallon. New York: Metropolitan Museum of Art, 1992. 316 p.

Информация об авторах:

Искандерова Айсулу Джапбарбергеновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Самаркандский Институт археологии Национального центра археологии АН РУз (г. Самарканд, Узбекистан); aysulu.iskander@gmail.com

Султанова Мунира Намазбаевна, младший научный сотрудник, Самаркандский Институт археологии Национального центра археологии АН РУз (г. Самарканд, Узбекистан); muniras8512@gmail.com

REFERENCES

Aby`zova E. N., By`rnya P. P., Nudel`man A. A. 1981. In G. A. Fedorov-Davy`dov (ed.). *Drevnosti Starogo Orkheia (zolotoordy`nskii period) (Antiquities of Old Orhei (Golden Horde period).* Kishinev: Shtiincza, Publ. (in Russian).

Anarbaev A. 2013 *Akhsiket – stolitsa drevnei Fergany (Akhsiket - the Capital of Ancient Fergana).* Tashkent: “Tafakkur” Publ. (in Russian).

Atagarry`ev E. A. 1974. In Masson, V. M. (ed.). *Materialnaia kul'tura Turkmenistana (Material Culture of Turkmenistan*) 2. Ashkhabad: “Ylym” Publ., 56–108. (in Russian).

Atagarryev, E. 1986. *Srednevekovyi Dehistan: istoriia i kul'tura goroda Iugo-Zapadnogo Turkmenistana (Medieval Dehistan: history and culture of the city of South-Western Turkmenistan).* Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Bulatov N. M. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* 4, 95–109 (in Russian).

Bulatov N. M. 1974. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* 4, 135–141 (in Russian).

Buryakov, Yu. F. 1961. In Muminov, I. M. (ed.). Nauchnye trudy i soobshcheniia AN UzSSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk *(Scientific works and reports of the Academy of Sciences of the UzSSR. Department of Social Sciences)* II. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 269–279. (in Russian).

Vakturskaia, N. N. 1958. In Tolstov, S. P. (ed.). *Arkheologicheskie i etnograficheskie raboty Khorezmskoi ekspeditsii 1949–1953 (Archaeological and Ethnographical Activities of the Khwarezm Expedition of 1949–1953).* Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 2. Moscow: "Nauka" Publ., 467−495 (in Russian).

Vakturskaya N. N. 1959. In Tolstov, S. P, Vorob'yeva, M. G. (eds.). *Keramika Khorezma (Khwarezm Ceramics).* Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 4. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 261–342 (in Russian).

Vakturskaya, N. N. 1963. In Tolstov, S. P. (ed.). *Polevye issledovaniia Khorezmskoi ekspeditsii v 1958–1961 gg. Ch. II. Pamiatniki srednevekovogo vremeni, etnograficheskie raboty (Field research of the Khwarezm Expedition in 1958-1961. Part II. Monuments of the Medieval Period, Ethnographic Activities)*. Series: Materialy Khorezmskoi ekspeditsii (Materials of the Khwarezm Expedition) 7. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 41–53 (in Russian).

Vishnevskaya, O. A. 1958. In Tolstov, S. P. (ed.). *Arkheologicheskie i etnograficheskie raboty Khorezmskoi ekspeditsii 1949–1953 (Archaeological and Ethnographical Activities of the Khwarezm Expedition of 1949–1953).* Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 2. Moscow: "Nauka" Publ., 431–466 (in Russian).

Vishnevskaya O.A. 1963. In Tolstov, S. P. (ed.). *Polevye issledovaniia Khorezmskoi ekspeditsii v 1958–1961 gg. Ch. II. Pamiatniki srednevekovogo vremeni, etnograficheskie raboty (Field research of the Khwarezm Expedition in 1958-1961. Part II. Monuments of the Medieval Period, Ethnographic Activities)*. Series: Materialy Khorezmskoi ekspeditsii (Materials of the Khwarezm Expedition) 7. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 41–53 (in Russian).

Vorob`eva M. G., Lapirov-Skoblo M. S., Nerazik E. E. 1963. In Tolstov, S. P. (ed.). *Polevye issledovaniia Khorezmskoi ekspeditsii v 1958–1961 gg. Ch. I. Pamiatniki srednevekovogo vremeni, etnograficheskie raboty (Field research of the Khwarezm Expedition in 1958–1961. Part I. Monuments of the Medieval Period, Ethnographic Activities)*. Series: Materialy Khorezmskoi ekspeditsii (Materials of the Khwarezm Expedition) 6. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 157–200 (in Russian).

Savitskii, I. V. (comp.). 1976. *Gosudarstvennyi muzei iskusstv Karakalpakskoi ASSR (State Museum of Arts of the Karakalpak ASSR).* Moscow: "Sovetskii khudozhnik" Publ. (in Russian).

Grazhdankina, N. S., Rtveladze, E. V. 1971. In In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* 1, 127–139. (in Russian).

Gritsina, A. A. 2001. In *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 32. Tashkent: "Fan" Publ., 173–179 (in Russian).

Gromova, V. I. 1940. *Materialy k izucheniiu drevneishikh domashnikh zhivotnykh Srednei Azii (Materials for the Study of the Most Ancient Domestic Animals of Central Asia).* Tashkent: Uzbekistan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Denike, B. P. 1923. *Iskusstvo Vostoka: Ocherk istorii musul'manskogo iskusstva (Art of the East: Essay on the history of Muslim art).* Kazan (in Russian).

Dospanov, O. T. 1991. In M. G. Vorob'eva (ed.). *Novye otkrytiia v Priaral'e (New Discoveries in the Aral Sea Region)* 2. Moscow: N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 71–92(in Russian).

Dospanov, O. T. 1996. *Gorodskaia kul'tura Pravoberezhnogo Khorezma v epokhu srednevekov'ia (po materialam gorodishcha Dzhanpyk-kala) (Urban Culture of the Right-Bank Khorezm in the Middle Ages (Based on the Dzhanpyk-kala city).* Thesis of Diss of Candidate of Historical Sciences. Nukus (in Russian).

Dospanov, O. T. 1996. *Gorodskaia kul'tura Pravoberezhnogo Khorezma v epokhu srednevekov'ia (po materialam gorodishcha Dzhanpyk-kala) (Urban Culture of the Right-Bank Khorezm in the Middle Ages (Based on the Dzhanpyk-kala city).* Diss of Candidate of Historical Sciences. Nukus (in Russian).

Dospanov O. T., Sajpanov B. 1997. In *Vestnik Karakalpakskogo otdeleniya Akademii Nauk Respubliki Uzbekistan* (*Bulletin Karakalpak branch of the Academy of Sciences of Republic of Uzbekistan)* 4, 129–131 (in Russian).

Zhukov, V. D. 1940. In *Izvestiia Uzbekistanskogo filiala Akademii nauk SSSR (Proceedings of the Uzbekistan Branch of the USSR Academy of Sciences)* 4–5, (in Russian).

Iskanderova, A. D. 2019. In Alimova, D. A. (ed.). *Istoriia Khorezma v sovremennykh issledovaniiakh (The History of Khorezm in Modern Research).* TashkentUrgench, 208–216 (in Russian).

Kdyrniyazov, M. Sh. 1989. *Material'naia kul'tura gorodov Khorezma v XIII–XIV vekakh (Material Culture of the Cities of Khwarazm in the 13th-14th Centuries)*. Nukus: "Karakalpakstan" Publ. (in Russian).

Kdyrniyazov, M-Sh. 1990. In *Voprosy istorii, arkheologii i etnografii Karakalpakstana (Issues of History, archaeology and ethnology of Karakalpakstan).* Nukus, 26–36 (in Russian).

Kdyrniyazov M-Sh. 1993. *Altyn orda dəuirindegi Tuslik Aral boiy mədeniyaty (Culture of the Southern Aral Sea during the Golden Horde period).* Nokis: "Qaraqalpaqstan" Publ. (In Karakalpak).

Litvinskii, B. A., Solov'ev V. S. 1985. *Srednevekovaia kul`tura Tokharistana v svete raskopok v Vakhshskoi doline (Medieval Culture of Tokharistan in the Light of Excavations in the Vakhsh Valley).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Lunina, S. B. 1962. In Masson, M. E. (ed.). In *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* (*Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition)* XI. Ashkhabad: Academy of Sciences of the Turkmen SSR, 217–417 (in Russian).

Lunina, S. B. 1971. *Pamiatniki Turkmenistana (Monuments of Turkmenistan)* 1, 20–25 (in Russian).

Mukamedzhanov, A. R., Adylov, Sh. T., Mirzaakhmedov, D. K., Semenov, G. L. 1988. *Gorodishhe Pajkend. K probleme izucheniya srednevekovogo goroda Srednej Azii (On the Problem of Studying the Medieval City of Central Asia).*Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Pugachenkova, G. A. 1960. In V. E. Masson (ed.). *Arkheologiya Sredney Azii (Archaeology of Central Asia)* Vol. V. Series: Trudy Tashkentskogo universiteta. Novaia seriia. (*Proceedings of the Tashkent State University. New Series)* 172. Tashkent, 197–200 (in Russian).

Pugachenkova, G. A. 1967. *Iskusstvo Turkmenistana. Ocherk s drevnejshix vremen do 1917 g. (Essay from Ancient Times to 1917).* Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

Pugachenkova, G. A., Rempel, L. I. 1960. *Vydayushchiesia pamiatniki izobrazitelnogo iskusstva Uzbekistana (Outstanding monuments of fine arts of Uzbekistan)*. Tashkent: "Gospolitizdat" Publ. (in Russian).

Samashev, Z., Kuznetsova, O., Plakhov, V. 2008. *Keramika Saraychika* (na kazakhskom, russkom i angliyskom yazykakh) *(Ceramics of Saraichik hillfort)*. Almaty: "ZUR advertising" Publ. (in Kazakh, Russian and English)..

Sataev, R. M. 2016. *Zhivotnye v kul'ture Drevnei Margiany (Animals in the culture of ancient Margiana).* Moscow: "Staryi sad" Publ. (in Russian).

Snesarev, G. P. 1969. *Relikty` domusul`manskix verovanij i obryadov u uzbekov Xorezma (Relics of pre-Islamic beliefs and rituals among the Uzbeks of Khorezm).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Tashkhodzhaev, Sh. S. 1967. *Xudozhestvennaya polivnaya keramika Samarkanda IX – nachala XIII vv. (Artistic Glazed Ceramics of Samarkand IX - early XIII centuries).* Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Terenozhkin, A. I. 1940. In *Izvestiia Uzbekistanskogo filiala Akademii nauk SSSR (Proceedings of the Uzbekistan Branch of the USSR Academy of Sciences)* 6, 56–61 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1965. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* V. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 197–121 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1976. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ordy. Ocherki kul'tury i iskusstva narodov Evraziiskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov* (*Art of nomads and Golden Horde. Essays on Culture and Art of the Peoples of Eurasian Steppes and Golden Horde Cities*). Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A., Bulatov, N. M. 1989. In Smirnov, A. K. (ed.). *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdei i drevnie goroda Povolzh'ia (Treasures of Sarmatian leaders and ancient towns of the Volga region).* Moscow: "Nauka" Publ., 133–248 (in Russian).

John Foley. 1997. In Dmitriev, S. (ed.). *Entsiklopediia znakov i simvolov (The Guinness encyclopedia of Signs and Symbols).* Moscow: "Veche" Publ. (in Russian).

Xodzhaniiazov G. Kh., Iskanderova, A. D. 1999. In *Vestnik Karakalpakskogo otdeleniya Akademii Nauk Respubliki Uzbekistan* (*Bulletin Karakalpak branch of the Academy of Sciences of Republic of Uzbekistan)* 4–5, 103 (in Russian).

James Hall. 1996. In Maikapar, A. E. (Transl.). *Slovar' siuzhetov i simvolov v iskusstve (Dictionary of Subjects and Symbols in Art)*. Moscow: Kron-press, Publ., 656. (in Russian).

Houl, K. 1998. *Enciklopediia primet i sueverij. (The encyclopedia of superstitions).* Moscow: "Kron-press" Publ., 543. (in Russian).

Shishkin, A. V. 1945. In Dodonov, I. L., Masson, M. E. (eds.). *Termezskaia arkheologicheskaia kompleksnaia ekspeditsia. T. II: 1937 i 1938 gg. (Termez archaeological complex expedition. Vol. 2: 1937 and 1938).*Tashkent, 98–132 (in Russian).

Shishkina G. V. 1979. *Glazurovannaia keramika Sogda (vtoraia polovina VIII-nachalo XIII vv.) Glazed Ceramics from Sogd (second half of the 8th-early 13th centuries).*Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).

Andreeva, V., Kuklev, V., Rovner. A. (comp.). 2004. *Simvoly, znaki, emblemy` (Symbols, signs, emblems)*. Moscow: “Astrel–Ast” Publ. (in Russian).

Yakubovskii, A. Yu. 1931. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletin of the State Academy for the History of Material Culture)* Vol. 8 (2–3). Leningrad: State Academy for the History of Material Culture, 28–48 (in Russian).

Fedorov-Davidov G. A. 1984. *The culture of Golden Horde cities.* Oxford. (in English).

Sarianidi V. 1998. *Myths Of Ancient Bactria And Margiana on its Seals and Amulets*. Moscow: Pentagraphic, Ltd (in English).

Sarianidi W., Dubowa N. 2013. *Gadymy Margiananyn genjihazynasy (The Treasury of Ancient Margiana). Fotoalbom.* Asgabat: Turkmen dowlet nesiryat gullugy, 208 (in Turkmen).

Schultz W. 1910. *Dokumente der Gnosis (Gnostic Documents).* Werlrgt Bei Evgen Diederichs Jena, 246 p. (in Deutch).

Harper, P.O., Arus, J., Tallon, F. (eds.). 1992. *The Royal City of Susa: Ancient Near Eastern Treasures in the Louvre*. New York: Metropolitan Museum of Art.

About the Authors:

Iskanderova Aisulu D. Candidate of Historical Sciences, Samarkand Institute of Archeology of the National Center of Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. Abdullaev, Str., 3.Samarkand, 140061, Uzbekistan; aysulu.iskander@gmail.com

Sultanova Munira N. Samarkand Institute of Archeology of the National Center of Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. Abdullaev, Str., 3.Samarkand, 140061, Uzbekistan; muniras8512@gmail.com

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.74.80

МАВЗОЛЕЙ ДЖУЧИ-ХАНА: РЕАЛИИ, ЛЕГЕНДЫ И ОБРЯД[1]

© 2022 г. Э.Р. Усманова, К.З. Ускенбай, М.Б. Кожа, И.П. Панюшкина, Л.Н. Соловьева, Г.А. Ахатов

По народным поверьям Джучи-хан, старший сын Чингиз-хана, похоронен в мавзолее (Казахстан, Улытау). Мавзолей построен в стиле исламской архитектуры XIV в. В письменных источниках и легендах рассказывается о смерти Джучи на охоте на куланов. А.Х. Маргулан, исследовавший погребения мавзолея, на основании легенд и артефактов, предположил в нем захоронение Джучи-хана. Радиокарбонное датирование деревянных деталей из мавзолея определило этапы его строительства и дату позднего изготовления погребального ящика по сравнению с датой смерти Джучи в 1225 году. Накопление новых данных по архитектуре и обрядности позволило высказать версию о том, что погребение Джучи-хана отсутствует в мусульманском мавзолее. Сочетание исламских и доисламских черт в обрядности мавзолея могут свидетельствовать о погребении представителя рода Джучи, принявшего ислам. Мавзолей был назван в честь Джучи и до сих пор является местом поклонения его памяти.

Ключевые слова: исламский мавзолей, Джучи-хан, Золотая Орда, Улытау, радиокарбонное датирование, культ верблюда, доисламские ритуалы, тайное захоронение.

JUCHI KHAN MAUSOLEUM: REALITIES, LEGENDS AND RITUALS[2]

E.R. Usmanova, K.Z. Uskenbay, M.B. Kozha, I.P. Panyushkina, L.N. Solovieva, G.A. Akhatov

Lore and folk legends designate the burial of Jochi Khan, the eldest son of Genghis Khan, in the eponymous mausoleum in Ulytau, Kazakhstan. The mausoleum was built according to Islamic architecture of the 14th-15th centuries. A.Kh. Margulan, the author of archeological excavations, relying mostly on the folk legends designated the mausoleum's burial to Jochi Khan. Radiocarbon dating of mausoleum determines two stages of its construction throughout the 14th century and the burial box age later than the death of Jochi Khan in 1225. New evidence from the mausoleum architecture and artifacts suggests that Jochi's burial is not in the mausoleum but a secret place prescribed by the Chinggisid canon. The assembly of Islamic and pre-Islamic traditions and the camel skull found in the burial indicates that the burial was made for a person of Islamic faith from the Golden Horde. Whereas the mausoleum was named in the honor of Jochi Khan.

Keywords: Islamic mausoleum, Jochi Khan, Golden Horde, radiocarbon dating, camel cult, pre-Islamic rituals, secret burial.

«Хромой кулан! Джучи-хан!
Мое сердце обеспокоено»
Ров Тамерлана. Сказание казахов

Письменные источники и легенды о Джучи-хане

Мавзолей Джучи-хана (Республика Казахстан, Карагандинская обл., в 45 км от г. Жезказгана) историографически связывается с именем Джучи, старшего сына Чингиз-хана (рис. 1). Казахские предания повествуют о его жизни и смерти в Улытау (Хорош, 2009). Новые исследования позволяют рассмотреть историко-культурные явления в датировке и обрядности мавзолея.

Улытауские кочевья вошли в состав владений Джучи после завоевательных походов монгольской армии в 1219–1224 гг. «Все области и улус, находившиеся в пределах реки Ирдыш и Алтайских гор, летние и зимние кочевья тех окрестностей Чингиз-хан пожаловал в управление Джучи и издал беспрекословный указ, чтобы [Джучи-хан] завоевал и включал в свои владения области Дашт-и Кыпчака и находящиеся в тех краях государства. Его юрт был в пределах Ирдыша, и там

[1] Работа выполнена по гранту Министерства культуры и туризма Республики Казахстан № BR10164218 «Традиционная обрядность как манифестация помнящей культуры: ресурсы и стратегии символического капитала степной Евразии»

[2] The work was carried out under the grant of the Ministry of Culture and Tourism of the Republic of Kazakhstan No. BR10164218 "Traditional ritual as a manifestation of remembering culture: resources and strategies of symbolic capital of steppe Eurasia"

Рис. 1. Мавзолей Джучи-хан, вид до реставрации, 1946 г. Фото Герасимова Г. Г.
Fig 1. View of the Mausoleum of Jochi Khan before restoration, 1946. Photo by G. G. Gerasimov

была столица его государства» (Рашид ад-дин, 1960, с. 78).

Историки XVII в. упоминают Дашт-и Кыпчак как основное владение Джучи хана, называя Джучи «главным правителем кипчаков» (Histoire, 1874, p. 139–140; Лубсан Данзан, 1973, с. 230). Жизнь Джучи хана была недолгой, он «умер раньше своего отца – в 622/1225 году» (ал-Карши, 2005, с. 119). Прежняя дата его смерти 1227 г. является ошибочной (Ускенбай, 2013, с. 65–67). Письменные источники не указывают обстоятельств смерти Джучи, однако можно допустить, что она настала в результате естественных причин (Ускенбай, 2013, с. 67–68).

Первые легендарные сведения о смерти Джучи зафиксированы в сочинениях XV в. «Тарих-и арба улус» (История …, 2007, с. 91–92) и «Шаджарат ал-атрак» (Тизенгаузен, 1941, с. 203–204). В XVI в. Утемиш-хаджи писал о смерти Джучи с упоминанием горы Улуг-Таг: «Когда Йуджи-хан отправился в вилайат Дашт-и Кыпчака, он достиг известного Улуг-Тага. Однажды, когда он вышел на охоту в горах, ему повстречалось стадо маралкийиков. Он начал пускать стрелы и преследовать их, но упал с коня и свернул себе шею и умер. Так погиб Йуджи-хан» (Утемиш-хаджи, 2017, с. 28). В сочинении XVIII в. «Умдет ал-ахбар» сообщается о походе Джучи хана в Великий Дешт и охоте в горах на оленей с длинными хвостами (*по всей видимости, это куланы, представители семейства оленевых имеют короткий хвост – прим. авторов*), где он упал с лошади, повредил спину и скончался (Кырыми, 2018, с. 42). Топоним Улуг-Таг может соотносится с горами Улытау (Семби, 2014, с. 427 – 431).

В публикациях конца XIX в. и первой четверти XX в. выявлено пять ранних казахских народных легенд и одна кыргызская о смерти Джучи-хана (по-казахски Жошы хан) на охоте на куланов (Валиханов, 1985, с. 48; Мелков, 1922, с. 169–170; Затаевич, 1925, с. 358). Письменные сообщения совпадают с легендами. Вероятно, сложение первых легенд относится к XV–XVI вв., к тому же периоду, когда появляются первые письменные свидетельства о смерти Джучи. Примечательно, что Джучи-хан пригонял табуны куланов в ставку Чингиз-хана (Джувейни, 2004, с. 29). В исторической действительности прошлого следует искать корни сказок и легенд: «сказка сохранила следы исчезнувших форм социальной жизни» (Пропп, 1976, с. 31). Таким образом, фольклорный знак «Джучи-хан – кулан»

возникает на социально-культурной основе. Мавзолей Джучи-хана является одним из знаковых объектов коммуникативной памяти народов степной Евразии.

Мавзолей Джучи-хана

Это однокамерное портально-купольное здание из обожжённого кирпича с двойным куполом сфероконической формы, установленным на звездчатый барабан, и облицованный поливной плиткой ярко-голубого цвета (рис. 2) (Хорош, 2009).

В ходе исследований (1946 г.) внутри мавзолея вскрыто два погребения (Маргулан, 1948, с. 129). В погребении №1 обнаружены остатки деревянного гроба (ящика), разрозненные кости человека, кости животных, череп верблюда и фрагменты кожи, ткани, знамени.

В погребении №2 – кости другого скелета, остатки деревянного гроба (ящика), фрагменты ткани, кожи. Дно погребения выложено плитками, среди которых две были декорированы эпиграфическим орнаментом (Пацевич, 1946, с. 35–36). Вероятно, погребение №2 сделано позже погребения №1.

Захоронения были ограблены в 1929 г. Следует отметить одну деталь, описанную в дневнике раскопок (*расшифровка – Э.Р. Усмановой*). Это фрагменты досок, в виде двух квадратных брусков с перекладинами между ними. По словам местного жителя, они лежали поперек могилы №1. Было сделано предположение, об их принадлежности погребальным носилкам (Пацевич, 1946, с. 31–33).

Впервые в казахстанской археологии А.Х. Маргулан при интерпретации погребений использовал методологический принцип сравнительного анализа данных фольклора и артефактов, который объясняет историческое явление при помощи фольклорного понятия «пластическая сила», творящей легенду (Цит. по: Еремина, 1986, с. 13).

Легенды о гибели Джучи-хана, отсутствие некоторых частей скелета в погребении №1, название мавзолея и первое письменное свидетельство о нем, датируемое 1582 г. (Хорош, 2009) – приводит к предположению о захоронении здесь Джучи-хана. По мнению А.Х. Маргулана мавзолей был построен в 1228 г. над могилой Джучи, умершего в 1227 г. Однако, данная датировка мавзолея прежде не проверялась. Джучи-хан не являлся мусульманином и возведение исламского мавзолея произошло значительно позже (Сембин, 1988, 42–43 б.).

Реставрация мавзолея Джучи-хана выявила два этапа строительства (Хорош, 2009). На основании письменных и археологических данных строительство мавзолея было отнесено к XIV в. (Егинбайулы, 2001, с. 104). Сооружения исламской архитектуры над захоронениями ханов и знати появляются после принятия ислама как официальной религии в Золотой Орде в начале XIV в. (Зиливинская, 2016, с. 46). Второй этап строительства мавзолея (надстройка внешнего купола), скорее всего, относится к тимуридскому времени (Хорош, 2009).

Комплексные исследования представили новые знания по архитектуре и обрядовости мавзолея.

Календарный возраст элементов. Радиокарбонное датирование древесины ящика из погребения №1, порога входной двери и балки фасада на ускорительном масс-спектрометре определило три независимых календарных интервала в истории формирования мавзолея (Panyushkina et al, в печати). ^{14}C дата ящика калибрована **1245** годом с ошибкой+/- 25 лет (2 сигма), порога к **1330** году +/- 50 лет и балки **1350** годом +/- 62 года. Возраст ящика оказался старше конструкции мавзолея, но моложе даты смерти Джучи. Сопряжённый анализ калибровки ^{14}C дат и архитектуры мавзолея выделяет два строительных этапа в XIV в. Ранняя дата, возможно, относится к возведению здания, а поздняя дата к достройке фасада. Значительный разрыв в хронологии памятника между возрастом погребального ящика и здания указывает на их разновременность.

Деревянный ящик. Изготовлен из сосны, традиционного материала погребальных предметов (Соловьева, 2021). По информации местного краеведа В.Крюкова, сосна не произрастает в гористой местности Улытау. Скорее всего, древесина была привозной.

Предметы погребальной церемонии: носилки и череп верблюда. Погребальные носилки в мавзолее относятся к мусульманскому обряду (Байгабатова, 2008, с. 728). Они могли использоваться при захоронении. На носилках доставляют умершего к месту погребения и после завершения обряда их оставляют. Этот обычай до сих пор сохранился у казахов южного региона и каракалпаков.

Череп верблюда является атрибутированной костью животного из погребения № 1 (Пацевич, 1946, с. 34). Верблюд в традиции народов Центральной Азии, как животное с «холодным» дыханием, связан с миром мертвых и является символом смерти (Содномпилова, Нанзатов, 2013, с 42–43). Где садится верблюд, там образуются кладбища и места

Рис. 2. Мавзолей Джучи-хан, вид после реставрации, 2008 г. Фото Хорош Е. Х.
Fig 2. View of the Mausoleum of Jochi Khan after restoration, 2008. Photo by E. Kh. Khorosh

паломничества (Ураева, 2013, с. 16–18). Райымбек-батыр был похоронен на том месте, где остановился верблюд с навьюченным на него телом батыра (Аргынбаев, 1975, с. 196). Голова/череп верблюда в погребальном обряде мавзолея Джучи-хана – симбиоз исламского и доисламского культов.

Выводы

^{14}C датирование деревянных конструкций определило два этапа строительства мавзолея в XIV в. Возраст погребения №1 (середина XIII в.) старше здания мавзолея, но моложе даты смерти Джучи-хана. Скорее всего, захоронение Джучи отсутствует в мусульманском мавзолее. Представители «золотого рода» борджигинов, к которому относился Джучи, хоронились тайно, по языческим ритуалам (Юрченко, 2008, с. 287–304). Гипотетическое перезахоронение костных останков в мавзолей не соответствует идее имперского погребального канона с сохранением сакральной силы предков.

В Золотой Орде практиковалось строительство мавзолея над языческой могилой (Бартольд, 1966, с. 395). Однако в данном случае следы раннего надмогильного сооружения отсутствовали (Егинбайулы, 2001, с. 104–105).

Погребение №1 могло принадлежать умершему человеку мусульманского вероисповедования, возможно, происхождением из рода Джучи. Над его погребением был выстроен мавзолей, который назван именем «Джучи». Memoria мавзолея до сих пор выражается в форме поклонения его сакральному пространству.

ЛИТЕРАТУРА

Аргынбаев Х.М. Народные обычаи и поверья казахов, связанные со скотоводством. // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Т.А. Жданко, К.Ш. Шаниязов. М.: Наука, 1975. С. 195–197.

Байгабатова Н.К. Похоронно-поминальные обряды // Большой атлас истории и культуры Казахстана / Отв. ред. З.А. Джандосова. Алматы: АБДИ Компани, 2008. С. 726–728.

Бартольд В.В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монгол // Сочинения. Т. IV. М.: Наука, 1966. С. 377–396.

Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. / Отв. ред. А.Х. Маргулан. Алматы: Главная редакция Казахской советской энциклопедии 1985. 416 с.

Джамал ал-Карши. ал-Мулхакат би-с-сурах. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 416 с.

*Джувейни Ата-Мели*к. Чингисхан. История Завоевателя Мира / Перевод с текста Мирзы Мухаммеда Казвини на английский язык Дж. Э. Бойла, с предисловием и библиографией Д. О. Моргана. Перевод текста с английского на русский язык Е. Е. Харитоновой. М.: Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2004. 690 с.

Егинбайулы Ж. Археологические исследования комплекса Жошы-хана // Отан тарихы. 2001. № 2. С. 90–106.

Еремина В.И. Книга В.Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» и ее значение для современного исследования сказки // Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. С. 5–15.

Затаевич А. 1000 песен Киргизского народа: (Напевы и мелодии). Оренбург: Киргизское гос. изд-во, 1925. 402 с.

Зиливинская Э.Д. Культовая архитектура Золотой Орды: происхождение и традиции // Поволжская археология. 2016. №2 (16). С. 44–67.

История Казахстана в персидских источниках. Т. 5. / Ред. М.Х. Абусеитова. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 476 с.

Киргизская степная газета: Литературные образцы / Сост. У. Субханбердина. Алма-Ата: Гылым, 1990. 571 с.

Кырыми Абдулгаффар. Умдет Ал-Ахбар. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. 200 с.

Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание»). М.: Наука, 1973. 440 с.

Маргулан А.Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.) // Известия АН Казахской ССР. Серия: история. 1948. №49. Вып. 4. С. 119–145.

Мелков А.Л. Материалы по киргизской этнографии. Сказки // Труды общества изучения Киргиского края. Вып. 3. Оренбург: Типография М.Н. Махова, 1922. С. 142–182.

Пацевич Г.И. Дневник Центрально-Казахстанской Археологической экспедиции 1946 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК Инв. №367.

Пропп В.Я. Специфика фольклора // Пропп В.Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М.: Наука, 1976. С. 16–33.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2 / Перевод с персидского Ю.П. Верховского. Примечания Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова. Редакция проф. И.П. Петрушевского.. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.

Семби М. Улытау // Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана / сост. И.В. Ерофеева. Алматы: КазНИИК, 2014. С. 427–431.

Сембин М. Жошы мавзолейі // Білім және еңбек. 1988. № 2. 42–43 б.

Содномпилова М.М., Нанзатов Б.З. «Табан хошуу мал» верблюд в традиционных представлениях монгольских народов // Вестник БНЦ СО РАН. 2013. №4. С. 34–45.

Соловьева Л.Н. Заключение. Лаборатория: Естественно-научные методы в археологии. М.: ИА РАН, 2021.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.II. Персидские источники. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.

Ураева Д.С. Толкование народных поверий связанных с культом верблюда в узбекском фольклоре // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы 2 Междунар. науч. конф. / Отв. ред. Г.А. Кайнова. Челябинск: Два комсомольца, 2013. С. 16–18.

Ускенбай К.З. Восточный Дашт- и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань: Фэн, 2013. 288 с.

Утемиш-хаджи. Кара таварих. Факсимиле. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

Хорош Е.Х. К вопросу о строительной истории мавзолея Жоши-хана // Научные чтения памяти Н.Э. Масанова / Ред. Б.Т. Жанаев Алматы: Дайк-Пресс, 2009. С. 101–109.

Юрченко А.Г. Тайные монгольские погребения (по материалам францисканской миссии 1245 года) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время / Гл. ред А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2008. С. 287–304.

Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi behadour Khan. T.2. St.Petersbourg, 1874. 394 p.

Информация об авторах:

Усманова Эмма Радиковна, научный сотрудник, Сарыаркинский археологический институт Карагандинского университета им. академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Казахстан); emmadervish2004@mail.ru

Ускенбай Канат Зулкарышулы, кандидат исторических наук, директор, Институт гуманитарных исследований АБДИ (г. Алматы, Казахстан); uskenbay@gmail.com

Кожа Мухтар Бакадырулы, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, профессор, Научно-исследовательский институт Археологии Международного казахско-турецкого университета им. Х.А.Ясави, (г. Туркестан, Казахстан); mukhtar_kozha@mail.ru

Панюшкина Ирина Петровна, Университет Аризона кандидат биологических наук, доцент, лаборатория по исследованию годичных колец деревьев (г. Тусон, США); ipanyush@email.arizona.edu

Соловьева Лидия Николаева, младший научный сотрудник, лаборатория естественнонаучных методов, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); lidia77-77@mail.ru

Ахатов Газиз Аманжолович, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, (г. Алматы, Казахстан); g_akhatov@mail.ru

REFERENCES

Argynbaev, Kh. A. 1975. In Zhdanko, T. A., Shaniyazov, K. Sh. (eds.). *Khoziaistvenno-kul'turnye traditsii narodov Srednei Azii i Kazahstana (Economic and Cultural Traditions of the Peoples of Middle Asia and Kazakhstan).* Moscow: “Nauka” Publ., 195–197. (in Russian).

Baigabatova, N. K. 2008. In Dzhadosova, Z. A. (ed.). *Bol’shoi atlas istorii i kul’tury Kazakhsatan*a *(Atlas of Kazakhstan History and Culture)* Almaty: “ABDI Compani” Publ., 726–728 (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1966. In *Sochineniia (Works)* 4. Moscow: “Nauka” Publ., 377–396 (in Russian).

Valikhanov, Ch. Ch., 1985. In Margulan, A. Kh. (ed.). *Sobranie sochinenii v pyati tomakh (Collected works in five volumes)* 2. Almaty: Kazakh Soviet Encyclopedia Publ. (in Russian).

Dzhamal al-Karshi. 2005. *al-Mulhakat bi-s-surah.* Almaty: “Daik-Press” Publ. (in Russian).

Juveini Ata-Melik. 2004. In Kharitonova, E. E. (transl.). *Chingishan. Istoriia Zavoevatelja Mira (Genghis Khan. Story of the World Conqueror).* Moscow: “Magistr Press” Publ. (in Russian).

Eginbaiuly, Zh. 2001. In *Otan Tarihy (National History).* 2, 90–106 (in Russian).

Eremina, V. I. 1986. In Propp, V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki (Historical Roots of a Fairy tale)*. Leningrad: Leningrad State University, 5–15 (in Russian).

Zataevich, A. 1925. *1000 pesen Kirgizskogo naroda: Napevy i melodii. (1000 songs of the Kyrgyz people: Tunes and melodies).* Orenburg: Kirghiz State Publishing House. (in Russian).

Zilivinskaya, E.D. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 16 (2), 44–67. (in Russian).

Abuseitova, M. Kh. (ed.). 2007. *Istoriia Kazahstana v persidskikh istochnikakh. (The History of Kazakhstan in Persian Sources).* Vol. 5. Almaty: “Dyke-Press” Publ. (in Russian).

Subkhanberdin, U. 1990. (ed.). *Kirgizskaia stepnaia gazeta: Literaturnye obraztsy (Kyrgyz Steppe Newspaper: Literary Samples).* Alma-Ata: “Gylym” Publ. (in Russian).

Kyrymi Abdulgaffar. 2018. *Umdet Al-Ahbar.* Vol. 2. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Lubsan Danzan. 1973. *Altan Tobchi (The Golden Legend).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Margulan, A.Kh. 1948. In *Izvestiia Akademii nauk Kazakhskoi SSR. Seriia: istoriia (Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Series: History)* 4 (49), 119–145 (in Russian).

Melkov, A. L. 1922. In *Trudy obshchestva izucheniia Kirgiskogo kraia. (Proceedings of the Society for the Study of the Kyrgyz Territory).* 3. Orenburg: “M.N. Makhov” Publ., 142–182. (in Russian).

Patsevich, G. I. 1946. *Dnevnik Tsentral'no-Kazakhstanskoi Arkheologicheskoi ekspeditsii 1946 g. (Diary of the Central Kazakhstan Archaeological Expedition of 1946).* Archive of the *A. Kh. Margulan Institute of Archaeology. Inv. 367* (in Russian).

In Propp, V. Ya. 1976. *Fol'klor i deistvitel'nost': Izbrannye stat'i (Folklore and Reality: Selected Papers)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

In Petrushevskii, I. P. (ed.). 1960. *Rashid-ad-Din. Sbornik letopisei (Rashid-al-Din. Collection of Chronicles)* 2. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Sembi, M. 2014. In Erofeeva, I. V. (comp.). *Kratkii entsiklopedicheskii slovar' istoricheskikh toponimov Kazahstana (Brief Encyclopedic Dictionary of Historical Toponyms of Kazakhstan).* Almaty, 427–431 (in Russian).

Sembin, M. 1988. In *Bilim zhane enbek (Knowledge and Work)* 2, 42–43 (in Kazakh).

Sodnompilova, M. M., Nanzatov, B. Z. 2013. In *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk. (Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences).* 4, 34–45. (in Russian).

Solov'eva, L.N. 2021. *Zakliuchenie. Laboratoriia: Estestvenno-nauchnye metody v arhkeologii (Conclusion. Laboratory: Natural Science Methods in Archaeology).* Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences (in Russian).

Tiesenhauzen, V. G. 1941. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde)* II. *Persidskie istochniki (Persian Writings)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Uraeva, D. S. 2013. In Kainova, G. A. (ed.). *Filologija i lingvistika: problemy i perspektivy (Philology and linguistics: problems and prospects).* Chelyabinsk: "Dva komsomol'tsa" Publ., 16–18. (in Russian).

Uskenbai, K. Z. 2013. *Vostochnyi Dasht-i Kypchak v XIII – nachale XV veka. Problemy etnopoliticheskoi istorii Ulusa Dzhuchi (Eastern Dasht-i Qipchaq in the XIII – early XV century. Problems of Ethnopolitical History of the Ulus of Jochi).* Kazan: "Fen" Publ. (in Russian).

Utemish-hadzhi. 2017. *Kara tavarih.Faksimile.* Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Khorosh, E. Kh. 2009. In Zhanaev, B. T. (ed.). *Nauchnye chteniia pamiati N.E.Masanova (Scientific Readings in Memory of N. E. Masanov).* Almaty: "Daik-Press" Publ., 101–109. (in Russian).

Yurchenko, A. G. 2008. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 6 *Zolotoordynskoe vremia (Golden Horde Time).* Donetsk: Donetsk National University, 287–304 (in Russian).

Aboul-Ghazi. 1874. *Histoire des Mogols et des Tatares.* T.II. St.Petersbourg. (in French).

About Authors:

Usmanova Emma R. Saryarka Archaeological Institute, Buketov Karaganda University. Universitetskaya Str., 28, Karaganda, 100024, Republic of Kazakhstan; emmadervish2004@mail.ru

Uskenbay Kanat Z., Candidate of Historical Sciences (PhD) Director, Institute for Humanitarian Studies, ABDI. Seifullin Ave., 465, Almaty, 050050/A20C6G3, Kazakhstan; uskenbay@gmail.com

Kozha Mukhtar B., Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Professor, Research Institute of Archaeology of the H.A. Yasawi, International Kazakh-Turkish University. Sattarkhanov Ave. No. 29, Building 3, 116 South Kazakhstan region Turkestan, Bekzat 161200, Republic of Kazakhstan; mukhtar_kozha@mail.ru

Panyushkina Irina P., PhD, University of Arizona, Associate Research Professor, Laboratory of Tree-Ring Research (Tucson, USA); ipanyush@email.arizona.edu

Solovieva Lidiya N. Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences. Dm. Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; lidia77-77@mail.ru

Akhatov Gaziz A. A.Kh. Margulan Institute of Archaeology; al Farabi Kazakh National University, Dostyk av., 44, Almaty, 050100, Republic of Kazakhstan; g_akhatov@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.81.89

КУХОННАЯ ПОСУДА ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ В ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ВРЕМЯ

© 2022 г. С.Т. Сайпов

В статье рассматривается технологические и типологические признаки, орнаментальные мотивы неполивной керамики кухонного назначения, найденные при археологических раскопках на Южноприаральских городищах, относящиеся к периоду Золотой Орды. В основном описывается кухонная керамика представленная из золотоордынских кварталов городищ Миздахкана, Джампыккалы, Пулжая и других памятников левобережный части дельты Амударьи. Особое внимание уделяется технологическим и типологическим признакам, орнаментальным мотивам кухонной посуды. Доказывается, что кухонная посуда занимает своеобразное место среди неполивных изделий и материальной культуры средневековых городищ Южного Приаралья. По морфологической структуре кухонная посуда Южного Приаралья сопоставляется с материальными артефактами другими регионами Средней Азии и Приволжскими городищами. По декоративным элементам кухонные изделия сопоставляются с некоторые элементами народного прикладного искусства этносов Южноприаральского региона. Керамика этого периода, по сравнению с предшествующим, претерпевает значительные изменения. Резко сокращается производство лепного кухонного инвентаря. Кухонная посуда широко использовалась в повседневном быте среди населения Южного Приаралья наряду с другими посудами в золотоордынский период. В этнографии известно, что такие сосуды считались священным предметом.

Ключевые слова: археология, Кухонная посуда, технология, типология, орнаментация, котлы, крышки, горшки, миски, кружки, ковши, Южное Приаралье.

KITCHEN WARE FROM SOUTHERN ARAL SEA REGION IN THE GOLDEN HORDE PERIOD

S.T. Sainov

The paper considers the technological and typological features, and ornamental motifs of unglazed ceramics for kitchen purposes, discovered during archaeological excavations in the South Aral Sea settlements, related to the period of the Golden Horde. It mainly describes the kitchen ceramics from the Golden Horde quarters of the settlements of Mizdakhkan, Dzhampykkaly, Pulzhai and other monuments of the left-bank part of the Amudarya delta. Particular attention is paid to the technological and typological features, and ornamental motifs of kitchen ware. It is proved that kitchen ware has a unique place among the non-glazed products and material culture of the medieval settlements of the South Aral region. In terms to the morphological structure, the kitchen ware of the South Aral Sea region is compared with material artifacts from other regions of Central Asia and the Volga settlements. As for the decorative elements, the kitchen ware is compared to individual elements of folk applied art of the ethnic groups of the South Aral region. The ceramics of this period undergoes significant changes as compared to the previous period. The production of embossed kitchen ware is sharply reduced. Kitchen ware was widely used in everyday life by the population of the South Aral Sea along with other waere in the Golden Horde period. It is known from ethnography that such vessels were considered a cult object.

Keywords: archaeology, kitchen ware, technology, typology, ornamentation, cauldrons, lids, pots, bowls, mugs, ladles, South Aral Sea region.

Археологические материалы и данные письменных источников показывают, что Хорезм в конце XIII в. оправился от последствий монгольского нашествия. К середине XIII в. экономическая жизнь Южного Приаралья, вошедшего в состав нового монгольского государства – Золотой Орды – вновь начинает налаживаться. Подъем переживает в основном левобережная часть Амударьи, вошедшая в состав улуса Джучидов и оказавшаяся на скрещении путей мировой торговли. Происходит также возрождение некоторых правобережных городов, расположенных близ реки Амударьи. В золотоордынский период очаги оседло-земледельческой культуры возникают и в южной части Хорезма. Культурные слои, содержащие керамический материал интересующего нас времени имеются в Миздахкане,

Пулжае, Бограхане, городище Джампыккала и др., особенно хорошо они сохранились в городах северо-западного Хорезма. В этот период керамическое производство всего золотоордынского государства развивалось под сильным влиянием Хорезма, игравшего огромную роль в создании золотоордынской материальной культуры (Якубовский, 1931, с. 12, 25).

К кухонным изделиям относятся в основном котлы, миски, кружки, крышки и горшки. В керамическом комплексе появляются котлы, подражавшие каменным изделиям, изготовленные с большой примесью гипса и кварца, дававшим сосудам большую огнеупорность. Кухонные горшки имели уплощенно-округлое дно и шейку. В основном они выпуклошаровидной формы. Представлены из золотоордынских кварталов городищ Миздахкана, Джампыккалы и Пулжая.

Котлы по способу изготовления в большинстве случаев формовались на гончарном круге, и некоторые детали собраны вручную с последующей подправкой на круге.

Кухонная керамика Миздахкана, как и Джампыккалы (Доспанов, 1992, с. 44–48) выполнена из теста хорошего качества с примесью дресвы. Некоторые изделия выделывались из глины кварцитами для огнеупорности, они не содержат древесной примеси. Плотный черепок бледно-розоватого и сероватого цвета изнутри и снаружи покрыт красноватым ангобом. По своим морфологическим признакам отдельные типы кухонной керамики Миздахкана близки каменным изделиям местного производства. Они по своим формам разделены на четыре типа.

I тип имеет большое шаровидное тулово, характеризуется наличием подтреугольного в сечении венчика, раструбообразной формой горловины со слегка отогнутым наружу краем. Определенным своеобразием является оформление котла с двумя горизонтально и симметрично расположенными ручками, прикрепленными ниже горловины на плечике. При отсутствии орнамента сосуд имеет скошенные или утолщенные наружу края венчика и выпуклое дно (рис. 1: 3). Второй вариант этого типа по форме идентичен первому. Единственное, что можно отметить, так это более высокие пропорции тела за счет уменьшения выпуклости шаровидной формы. Это, возможно, связано с постепенным переходом к плоским днищам, что в ходе формовки привело к увеличению высоты тулова. Однако плоскодонные котлы здесь не распространились (рис. 1: 4). У третьего варианта растянута сплюснутая шаровидная форма, верхняя часть тулова конического вида, без ручек, по своим формам они близки к предыдущей эпохе. Черепок в изломе красно-бледного оттенка, с наружной стороны покрыт светлым ангобом, тесто сосуда изготовлено из размельченных примесей гипса и кварца (рис. 1: 6) (Сайпов,2006 , с. 111–112). Аналогичные сосуды этого типа часто встречаются среди керамических комплексов хорезмшахского периода в Южном Хорезме и в «Южном поселении» средневекового Миздахкана (Вишневская, 2001. с. 75; 7, с. 21–79).

II тип имеет сферическую форму, немного заостренную к донцу, это сосуд небольшого размера. Котлы этих типов отличаются перегибом, дающим ребристость в верхней части тулова посуды (рис. 1: 1). Такие сосуды с маловыраженной шейкой относятся к типам с низкой пропорцией тулова и характеризуются наличием орнаментации по верхнему краю венчика в виде мелких насечек ногтевыми вдавливаниями. Насечки, прежде не отмеченные на керамических изделиях средневекового Миздахкана, восприняты из кочевнической среды, в которой такой орнамент распространился с IX–XI вв. (Манылов 1978, с. 232. рис. 77. 14; с. 248. рис. 80, 8; 4, с. 112. рис. 5. 6, 9–10). Связи населения Миздахкана с кочевым миром ранее отмечались по материалам погребального обряда (Ягодин, Ходжайов, 1970 , с. 112–113, 167–168) и других видов керамического ремесла (9, с. 124). Аналогии котлам с шаровидным туловом, снабженным подковообразной ручкой (тип 1) и украшенным “насечным” орнаментом (тип 2), выявлены в Афрасиабе среди материалов XI–XII вв. (Шарахимов, Пидаев, 1975, с. 46. рис. 2. 1-4) Термезе (Пидаев, 1997, с. 15. рис. 2. 1–4), Каваткале в XII – начале XIII вв.(Вактурская, 1959, с. 314. рис. 26. 3). Подобные котлы известны и из раскопок золотоордынских городов Поволжья (Федоров-Давыдов, 2001, с. 11, 13).

III тип: форма котла имеет округло-цилиндрическое тулово, округлое дно, слегка отогнутый наружу венчик, две горизонтальные ручки расположены симметрично друг к другу по обеим сторонам тулова. Этот тип также характеризуется перегибом, дающим ребристость в нижней части тулова котла. На горловине и плечиках имеются пояски в виде разных линий. Своеобразие определяют более крупные размеры сосуда (рис. 1: 5). Аналогичные, так называемые округло-цилиндрические сосуды известны среди материалов

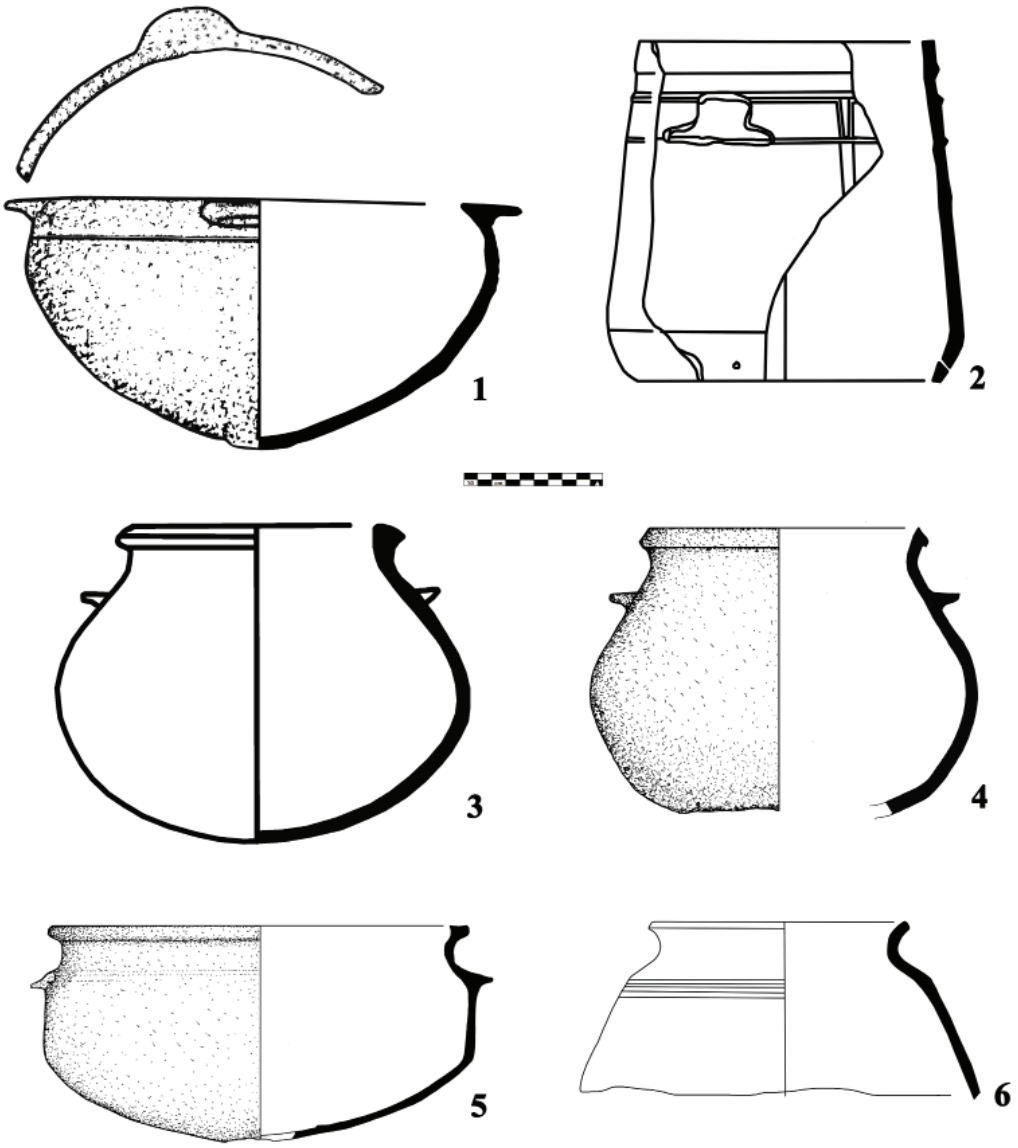


Рис. 1. Кухонные котлы Южного Приаралья XIII–XIV вв.
1 – наибольшие размеры, горизонтально расположенным венчиком, по верхнему краю венчика в виде мелких насечек. 2 – с усеченно коническо–цилиндрическим туловом, переход от тулова к горлу украшен ребром, имеется утолщенный прямоугольный в сечении венчик. 3 – с раструбообразной формой горловины, со слегка отогнутым наружу краем и с двумя симметрично расположенными ручками, прикрепленными ниже горловины на плечике. 4 – с шаровидным туловом, с заметным перегибом в донце; 5 – с цилиндрическим резервуаром, выпуклое дно, высокая горловина и слегка отогнутый наружу венчик.
Fig. 1. Kitchen boilers from the South Aral Sea of the 13th–14th cc.
1 – The largest item with a horizontally located rim and marks along the upper edge of the rim in the form of small notches. 2 – Item with a truncated conical–cylindrical body, the transition from the body to the neck decorated with a rib, and a thickened rim with a rectangular cross-section. 3 – Item with a bell-shaped neckline, slightly bent outward edge and two symmetrically located handles attached below the neckline on the shoulder. 4 – Item with a spherical body, and a noticeable bend in the bottom; 5 – Item with a cylindrical reservoir, a convex bottom, a high neck and a slightly bent outward rim.

из Афрасиаба (17, с. 42. рис. 3), Замахшара (Вактурская , 1959, с. 314. рис. 26. 1-2), Бограхана (Ягодин 1963, с. 89. Рис. 8. 7), в слоях XII–XIV вв. и Водянского городища Золотой Орды (Федоров-Давыдов 2001, с. 8, табл. 2).

IV тип котлов представлен с трапециевидным цилиндрическим туловом, не имеющим эволюционного ряда в комплексе кухонной керамики Хорезма. Верхняя часть котла при переходе от тулова к горлу украшена ребром, имеет утолщенный прямоугольный в сечении венчик. К нему горизонтально прикреплена ручка-выступ. Стенка котла вдоль бортика и между ручек украшена вертикальными

рифлеными выступами. В нижней, придонной части сохранились сквозные отверстия, явные следы ремонта, стягивание их медной проволокой, служившей заклепками (рис. 1: 2). Кроме археологически целых форм, в культурных слоях этого периода встречаются фрагменты котлов этого периода. Отмеченной формы сосуды часто встречаются среди каменных котлов, как в Хорезме (Кдырниязов, 2015, рис. 92, 5; с. 218, рис. 96, 3), так и за его пределами (Мерв, Ниса) (Кураева, 1969, с. 219). Этот тип также находит прямую аналогию среди талькохлоритовых конических форм котлов Хорезма. Такие сосуды из камня найдены в мечети и «юго-восточном квартале» Миздахкана (Кдырниязов, 2010, с. 56–57), Каваткале (Кдырниязов, 1986, с. 110. рис. 1 а, б) и Пулжае (Кдырниязов, 2004 , с. 77. рис. 23. 3). Сходство форм и орнаментальных мотивов каменных и керамических котлов объясняется подражанием некоторым керамическим изделиям каменной утвари.

В целом хорезмийские котлы имеют общие черты с кухонной посудой Мавереннахра. При общности морфологических признаков в хорезмийской керамике прослеживаются значительные различия с котлами Мавереннахра. Если венчики котлов Афрасиаба и Термеза обращены вовнутрь, то в Хорезме они резко выступают наружу (Шарахимов, Пидаев, 1975 , с. 46. рис. 2. 1–4; 14, с. 151. рис. 2. 1–4). В южноприаральских котлах ручки в большинстве случаев соединены в горизонтальном положении на плечиках, тогда как подковообразные ручки афрасиабских котлов непосредственно прикреплены к верхней части корпуса у венчика. Тулово котлов Мавереннахра и Золотой Орды часто расписаны в сочетании с налепным рельефными орнаментами (Термез, Селитренное и Водянское городища). На найденных образцах кухонных котлов Миздахкана, как и на других памятниках домонгольского времени (Куланлы, Курганча, Караумбет XII–XIII вв.) орнаментация не существенна (Ягодин, 2013, с. 146. рис. 6. 2; с. 158. рис. 13. 1,3-4; с. 167, рис.19. 3). Котлы XIII – начала XIV вв. имеют некоторые сходные черты соответствующей продукции предыдущей эпохи, но с некоторыми своеобразными отличиями.

Кухонные миски от столовых отличаются своими крупными размерами. Они по форме разделяются на три типа. Возможно, их функциональные назначения были различными.

I тип – цилиндро-сферической формы, с прямым венчиком, сосуд довольно высокий, на внешней поверхности под венчиком узкое горизонтальное рифление, лощенная полоса ближе к придонной части тулова, имеется орнаментальная полоса косых насечек-елочек, во внутренней части идут мелкие горизонтальные полосы лощения.

II тип – с усеченно-коническим туловом, с соблюдением изящной симметрии корпуса, с плоским дном, имеет несколько вариантов венчика. Со слегка отогнутым наружу заостренным или округленным венчиком. Наружная и внутренняя поверхность тщательно залощена. Другой вариант с коническим туловом, с отогнутым наружу утолщенным или клювовидным венчиком, с кольцевым поддоном, над венчиком сетчатая полоса, во внутренней поверхности лощеная полоса.

III тип – с полусферической формой, с прямым, слегка уклоняющимся наружу венчиком, под венчиком горизонтальное рифление, имеет кольцевой поддон, внутренняя поверхность с полосчатым лощением. Аналогичные формы мисок встречаются среди керамического комплекса таких средневековых городищах, как Джампыккала, Миздахкан, Шемахакала, караван-сараях Устюрта и Талайхан-Ата (Вактурская, 1959, с. 312. рис. 25, 3; 2, с. 459; 9, с. 191. рис. 69, 3; 5, с. 89. 27–30).

Керамические крышки средневекового Южного Приаралья по своему цвету разделяется на две группы: красноглиняные и сероглиняные. По количеству сероглиняные керамические крышки значительно превосходят красноглиняные. В свою очередь, сероглиняные керамические крышки можно разделить на два больших типа.

I тип составляют неполивные сероглиняные крышки, имеющие дисковидную форму без ручек. Формы дисковидных крышек можно разделить на малоформатные имеющие диаметр до 25 см; среднеформатные диаметром от 25 до 40 см; крупноформатные диаметром от 40 до 55 см и более (рис. 2: 1–11).

Ко II типу относятся керамические крышки выпуклой и конической формы с чернолощением и без лощения. Они изготовлены из тщательно отмученной глины. В материалах существуют несколько вариантов крышек. Первый вариант крышек – крупного размера с выпукло-овальной формой, с овальной закраиной, несколько приподнятой от бортика. Тесто изготовлялась с добавкой песка, обжиг серый, лощению не подвергалось (рис. 3: 1). Возможно, крышка предназначена была для закрытия крупных тарных сосу-

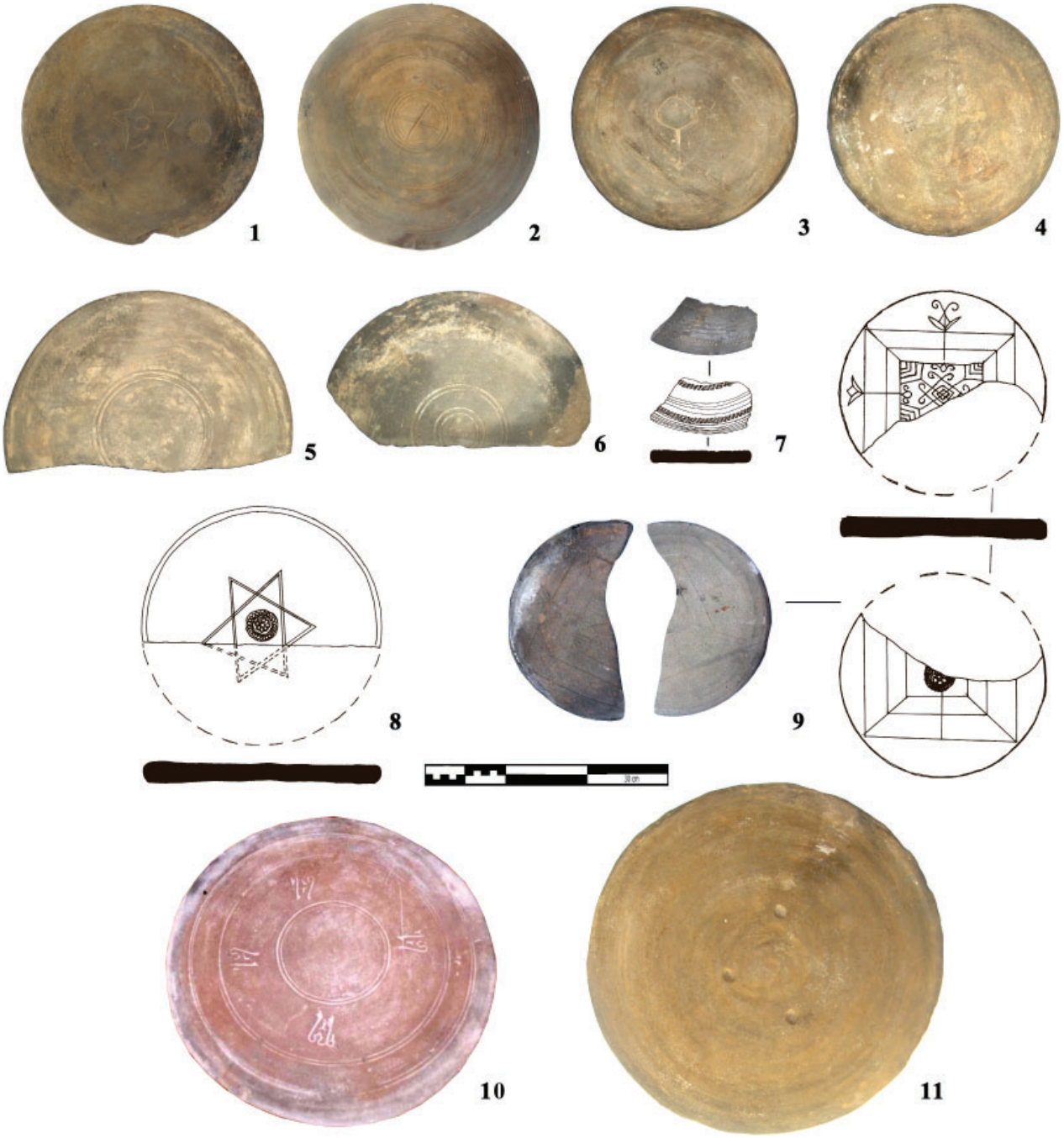


Рис. 2. Кухонные крышки Южного Приаралья XIII–XIV вв. 1 – крышка–диск. 2 – на поверхности крышки в центре выемчатый крестообразный знак 3 – в центре расположено клеймо мастера в виде геометрической фигурки; 4 – диск со знаком креста «аша», «атанак». 5 – диск с орнаментом в виде круга. 6 – диск с концентрическим кругом. 7 – крышки, украшенные штампом в виде сетчатых поясков. 8 – с клеймом оттисков мастера. 9 – в центральном квадрате в самом центре изображено клеймо мастера–керамиста в виде бутона цветка с выраженными лепестками 10 – с эпиграфическим орнаментом. крышка с обеих сторон покрыта толстыми слоями красно–коричневого ангоба. в четырех идентичных клеймах различается слово «twIga» (вариант «suIuwga»).

Fig. 2. Kitchen lids from the South Aral Sea of the 13th–14th cc. 1 – Disc cover. 2 – Notched cruciform sign in the center on the surface of the lid 3 – Master's mark in the form of a geometric figure in the center; 4 – Disc with a cross sign – 'Asha', 'Atanak'. 5 – Disk with an ornament in the form of a circle. 6 – Disc with a concentric circle. 7 – Lids decorated with a stamp in the form of mesh belts. 8 – Item with a master's mark. 9 – Master ceramist's mark in the form of a flower bud with pronounced petals in the central square in the very center of the item 10 – Item with an epigraphic ornament. The lid is covered on both sides with thick layers of red-brown engobe. The four identical marks feature the word 'twIga' (a variant of 'suIuwga').

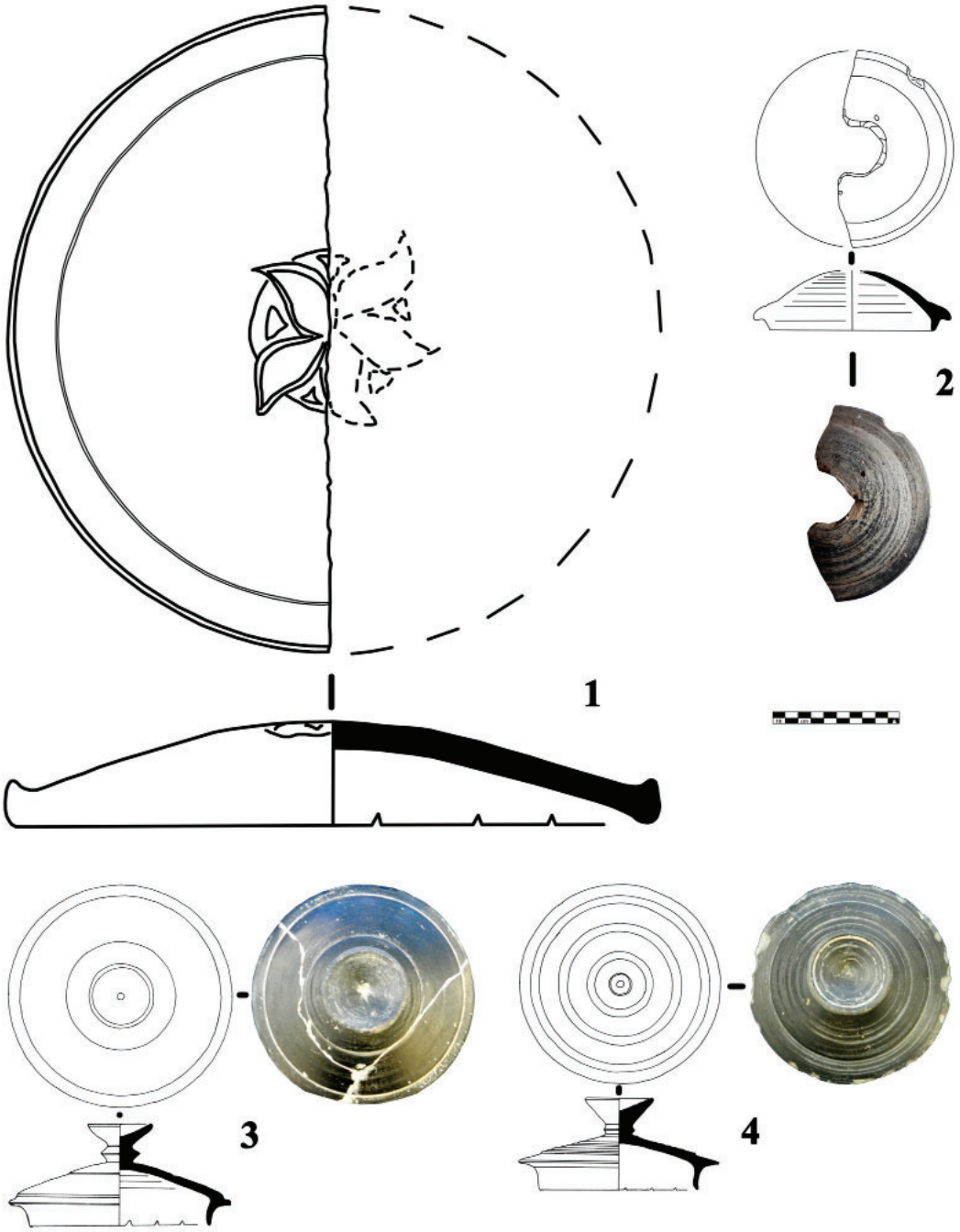


Рис. 3. Кухонные крышки Южного Приаралья XIII–XIV вв. 1 – выпукло–овальной формы, без лощения. 2 – вогнутой полусферической формы. 3 – конической формы. 4 – чернолощеная крышка с конической формой.
Fig. 3. Kitchen lids from the South Aral Sea of the 13th–14th cc. 1 – Convex–oval shape, without polishing. 2 – Item of a concave hemispherical shape. 3 – Item of a conical shape. 4 – Black polished cover of a conical shape.

дов хозяйственного назначения. На лицевой поверхности в центре пятилепестковый бутон. Второй вариант – с вогнуто полусферической формой, в центре которой прослеживается след сломанной ручки. Тесто изготовлено из очень тщательно отмученной глины, без примесей. Поверхность покрыта густым черным ангобом, подвергнута лощению (рис. 3: 2). Третий вариант – усеченно-конической формы с черным лощением, изготовлен из тщательно отмученной глины без примесей. Кольцеобразная ручка вверху углублена, вся наружная часть покрыта густым черным ангобом, позже подвергавшимся лощению до металлического блеска. Черепок в изломе голубовато-серый (рис. 3: 3). Четвертый вариант чернолощеной крышки представлен усеченно-конической формой, точно повторяет по формам предыдущий, но отличается своим меньшим размером (рис. 3: 4). Поверх-

ность крышек имеет слабое рифление. Эти крышки, судя по форме и технике изготовления, предназначены для закрытия миски, чаши или горшковидных сосудов. В Южном Приаралье аналогичные крышки известны на городищах Джампыккала (Доспанов, 1992, с. 72), Шемахакала (Вактурская, 1959, с. 315. рис. 19. 3–4) из слоя XIII–XIV вв., Джигербента (Вишневская, 2001, с. 45. рис. 16).

Горшки XIII–XIV вв. изготовлены из очень тщательно отмученной глины. Большинство исполняло универсальную функцию. По тесту они делятся на сероглиняные и красноглиняные. По форме все они шаровидные, по оформлению шейки делятся на два типа.

I тип с шаровидным туловом, с шейкой, плоским дном, с различными вариациями венчиков. Первый вариант с подтреугольным, отогнутым наружу венчиком, на наружной и внутренней поверхности горизонтальное рифление, Второй вариант – с горизонтально выступающим венчиком, над которым есть выступ внутрь с закраиной для фиксирования крышки.

II тип с шаровидным приземистым туловом, без шейки, венчик плавно переходит к тулову, без ручек; с Т-образным горизонтальным венчиком, на тулове имеет рифление. Большинство горшков изготовлено из сероглиняного теста с добавлением примесей размельченной дресвы и песка. Аналогичные всем описанным сосудам известны по находкам из средневекового Наринджана (Вактурская, 1959, с. 326), керамического комплекса из караван-сараев Устюрта (Ягодин, 1986, с. 99. рис. 31. 1) и датируются временем XII–XIV вв.

Орнаментальные мотивы горшкообразных сосудов состоят из украшений типа барботина, лепных фигур, прочерченных линейно-волнистых орнаментов, нанесенных оттисками зубчатого штампа и розетки.

Таким образам, политические события связанные с монгольским нашествием в Среднюю Азию нарушило естественно хозяйственный ход развитии и традиционное общение народов. Несмотря на упадок, после монгольского завоевания в ремесленном производстве, в том числе в керамическом, начиная со второй половины XIII и в XIV вв. на территории Южного Приаралья вновь наблюдается освоение новых технологических приемов на основе традиционного изготовления керамических изделий. Керамика этого периода, по сравнению с предшествующим, претерпевает значительные изменения. Резко сокращается производство лепных сферических крышек, украшенных оттисками штампов, налепами, резьбой. Кухонные сосуды особенно котлы претерпевает значительное отличие и изменение от предыдущего времени. Они широко использовались в повседневном быте среди населения Южного Приаралья наряду с другими посудами золотоордынского времени.

ЛИТЕРАТУРА

Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XIV вв.) // Керамика Хорезма / Труды ХАЭЭ. Т. IV / Ред. С.П. Толстов, М.Г. Воробьёва. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 261–342.

Вишневская О.А. Раскопки караван-сараев Ак Яйла и Талайхан Ата // ТХАЭЭ. Т. 2. / Ред. С.П. Толстов, Т.А. Жданко. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 431–466.

Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигербента (IV в. до н. э – начало XIII в. н. э.). М.: Восточная литература, 2001. 176 с.

Гмыря Л.Б. Столовая керамика Андрейаулского городища // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 105–134.

Доспанов О.Т. Жампыққала – орта әсир естелиги. Нукус: Қарақалпақстан, 1992.

Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта / Отв. ред. С.К. Камалов Ташкент: Фан, 1978. 327 с.

Кдырниязов М.-Ш. Отчет о научно-исследовательской работе по теме “Урбанизационные процессы в средневековом Хорезме XII–XIV вв.”. (промежуточный) этап 2004 г. Нукус, 2004. С. 21–79. Хранятся в Научном отделе КГУ им. Бердаха.

Кдырниязов М.-Ш. Камнерезное ремесло в средневековом Хорезме // Археология Приаралья. Вып. 3. / Отв. ред. С.К. Камалов, В.Н. Ягодин. Ташкент: Фан, 1986. С. 109–117.

Кдырниязов М.-Ш. Культура Хорезма в XIII–XIV вв. Самарканд: Zarafshon, 2015.

Кдырниязов О.-Ш. Талькохлоритовые изделия из раскопок Миздахкана // Ўзбекистон тарихининг долзорб муоммалари ёш тадқиқотчилар талқинида. 2010-Баркомал авлод йилига бағишлаб Археология институтида 25-26 ноябрда ўтказилган ёш олимлар конференцияси материаллари. Самарканд, 2010. С. 56–57.

Кураева Л.А. Средневековая привозная каменная утварь из Мерва и Нисы // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Т. XIV / Отв. ред. М.Е. Массон. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1969. С. 217–226.

Манылов Ю.П. Глава 4. Средневековые хорезмийские памятники Восточного чинка // Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта / Отв. ред. С.К. Камалов. Ташкент: Фан, 1978. С. 199–285.

Отчет о НИР «История цивилизации Хорезма». Промежуточный за 2014 г. / Сост. Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш., Саипов С. Т. Нукус, 2014.

Пидаев Ш.Р. Кухонная посуда Термеза XII – начала XIII вв. // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 28 / Отв. ред. Т.Ш. Ширинов. Самарканд: Сугдиен, 1997. С. 149–161.

Сайпов С.Т. Столовая керамика средневекового Миздахкана // История и материальная культура Каракалпакстана / Ред. С.К. Камалов. Нукус, 2006. С. 111.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: керамика, торговля, быт. М.: МГУ, 2001. 254 с.

Шарахимов Ш.Ш., Пидаев Ш.Р. Кухонная керамика Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. IV / Сост. Д. Кадырова. Ташкент: Фан, 1975. С. 42–52.

Ягодин В.Н. Маршрутные археологические исследования в левобережной части Приаральской дельты Амударьи // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958-1961 гг. Т. II. Памятники средневекового времени. Этнографические работы / МХЭ. Вып. 7 / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 73–97.

Ягодин В.Н. Скотоводы-охотники Арало-Каспийского междуморья в средние века. Архив сектора археологии ККОАНРУ, 1986.

Ягодин В.Н. Типолого-хронологическая систематизация средневековой керамики Арало-Каспия // Приаралье на перекрестке культур / Отв.ред. В.Н. Ягодин. Самарканд: МИЦАИ, 2013. С. 135–195.

Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: Фан, 1970. 254 с.

Якубовский А.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке / ИГАИМК. Т. 8. Вып. 2-3. 1931. С. 91.

Информацию об авторах:

Сайпов Садулла Турсынбаевич, старший преподаватель кафедры археологии, Каракалпакский государственный университет имени Бердаха, (г. Нукус, Республика Узбекистан); sadullasaipov@mail.ru

REFERENCES

Vakturskaia, N. N. 1959. In Tolstov, S. P., Vorob'eva, M. G. (ed.). *Keramika Khorezma (Khwarezm Ceramics).* Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 4. Moscow: "Nauka" Publ., 261–342 (in Russian).

Vishnevskaya, O. A. 1958. In Tolstov, S. P., Zhdanko, T. A. (eds.). *Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition)* 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 431–466 (in Russian).

Vishnevskaya, N. Yu. 2001. *Remeslennye izdeliia Dzhigerbenta (IV v. do n.e – nachalo XIII v. n. e.). (Jigerbent Handicrafts (4th Century BC - Early 13th Century AD).).* Moscow: "Vostochnaia literature" Publ. (in Russian).

Gmyrya, L. B. 1980. In Pletneva, S. A. (ed.). *Srednevekovie drevnosti evraziiskix stepei. (Medieval antiquities of the Eurasian steppes).* Moscow: "Nauka" Publ., 105–134 (in Russian).

Dospanov, O. T. 1992. *Zhampuқkala – orta əsir esteligi (Dzhampikkala is a monument of the middle Elam).* Nukus: "Karakalpakstan" Publ. (in Uzbek).

Kamalov, S. K. 1978. (ed.). *Drevniaia i srednevekovaia kul'tura iugo-vostochnogo Ustiurta (Ancient and Medieval Culture of South-Eastern Part of the Ustyurt Plateau)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Kdyrniyazov, M. Sh 2004. *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote po teme "Urbanizatsionnye processy v srednevekovom Khorezme XII–XIV vv.". (promezhutochnyj) jetap 2004 g" (Report on Research Work. Urbanization Processes in Medieval Khorezm of the 12th-14th Centuries". (Intermediate) Stage, 2004).* Nukus (in Russian).

Kdyrniyazov, M. Sh. 1986. In Kamalov, S. K., Yagodin, V. N. (eds.). *Arkheologiya Priaral'ya (Archeology of the Aral Sea region)* 3. Tashkent: "Fan" Publ., 109–117 (in Russian).

Kdyrniyazov, M. Sh. 2015. *Kul'tura Khorezma v XIII–XIV vv (Culture of Khorezm in the 13th-14th Centuries.).* Samarkand: "Zarafshon" Publ. (in Russian).

Kdyrniyazov, O. Sh. 2010. In Uzbekiston tarihining dolzorb muommalari josh tadқiқotchilar talқinida. 2010-Barkomal avlod jiliga baғishlab Arheologija institutida 25-26 nojabrda ўtkazilgan josh olimlar konferencijasi materiallari. Samarkand *(Current Issues of the History of Uzbekistan in the Interpretation of Young Scientists. Proceedings of the Young Scientists Conference held at the Institute of Archaeology on November 25-26, 2010).* Samarkand, 56–57 (in Uzbek).

Kuraeva, L. A. 1969. In Masson, M. E. (ed.). In *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* (*Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition)* XIV. Ashkhabad: Academy of Sciences of the Turkmen SSR, 217–226. (in Russian).

Manylov, Yu. P. 1978. In Kamalov, S. K. (ed.). *Drevniaia i srednevekovaia kul'tura iugo-vostochnogo Ustiurta (Ancient and Medieval Culture of South-Eastern Part of the Ustyurt Plateau)*. Tashkent: "Fan" Publ., 199–285 (in Russian).

Kdyrniyazov, M. Sh., Kdyrniyazov, O. Sh., Saipov, S. T. (comp.). 2014. *Otchet o NIR «Istoriia tsivilizatsii Khorezma». Promezhutochnyi za 2014 g. (Report on the Research Work "History of Khorezm civilization". Interim Report for 2014).* Nukus (in Russian).

Pidaev, Sh. R. 1997. In Shirinov T. Sh. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 28. Samarkand: "Sugdien" Publ., 149–161 (in Russian).

Saipov, S. T. 2006. In kamalov, S. K. (ed.). *Istoriia i material'naia kul'tura Karakalpakstana (History and Material Culture of Karakalpakstan)*. Nukus, 111 (in Russian)

Fedorov-Davydov, G. A. 2001. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia*: *keramika, torgovlia, byt* (*Golden Horde Cities in the Volga Region: Pottery, Trade, Everyday Life*). Moscow: Moscow State University (in Russian).

Sharakhimov, Sh. Sh., Pidaev, Sh. R. 1975. In Kadyrova, D. (ed.). Afrasiab (*Afrasiyab*) 4. Tashkent: Fan Publ., 42–52 (in Russian).

Yakubovich, A. Yu. 1930. *K voprosu o proishozhdenii remeslennoi promyshlennosti Saraia Berke (The Issues of the Origin of the Handicraft Industry of the Sarai of Berke)* Series: Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletin of the State Academy for the History of Material Culture) Vol. 8 (2–3). Leningrad: State Academy for the History of Material Culture (in Russian).

Yagodin, V. N. *Skotovody-okhotniki Aralo-Kaspiiskogo mezhdumor'ia v srednie veka (Cattle Breeders-Hunters of the Aral-Caspian Intermarium in the Middle Ages*). (in Russian).

Yagodin, V. N. 2013. In Yagodin, V. N. (ed.). *Priaral'e na perekrestke kul'tur (The Pre-Aral, Crossroad of Civilizations).* Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 135–195. (in Russian).

Yagodin, V. N., Khodzhaiov, T. K. 1970. *Nekropol' drevnego Mizdakhkana (The Necropolis of Ancient Mizdakhan)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Yagodin, V. N. 1963. In Tolstov, S. P. (ed.). *Polevye issledovaniia Khorezmskoi ekspeditsii v 1958–1961 gg. Ch. II. Pamiatniki srednevekovogo vremeni, etnograficheskie raboty (Field research of the Khwarezm Expedition in 1958–1961. Part II. Monuments of the Medieval Period, Ethnographic Activities)*. Series: Materialy Khorezmskoi ekspeditsii (Materials of the Khwarezm Expedition) 7. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 73–97 (in Russian).

About the Author:

Saipov Sadulla T. Karakalpak State University named after Berdakh. Ch.Abdirov St. 1, Nukus, 230112, Republic of Karakalpakstan, Uzbekistan; sadullasaipov@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 902/903:2 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.90.97

ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ОКРУГОВ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ ЗАПАДА КАЗАХСТАНА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДИЩА ЖАЙЫК)

© 2022 г. М.Д. Калменов, А.Е. Бижанова, Б.М. Ашыгалиев

В статье представлены результаты археологических исследований проведенные на периферии городища Жайык. Рекогноцировочно-разведочные работы были проведены в 2013 г. позже, на основе материалов разведки были проведены археологические раскопки. Основная часть работ была произведена в восточном направлении от основных объектов городища. Как известно, из результатов исследования предыдущих лет, большая часть поселения снесена при проведении сельхоз работ и, уничтожена вследствие размыва берега. В этой части городища не обнаружено остатков наземных сооружений. Разведочные работы показали, что на восточной и северо-восточной части городища на современном горизонте встречается много фрагментов жженого кирпича, металла, керамики. На основании археологического материала, полученного при проведении раскопок и сопоставленного с подъемными материалами, предварительно городище можно характеризовать, как однослойный памятник, и в целом, датировать его в пределах золотоордынского времени.

Ключевые слова: археология, городище Жайык, археологическая разведка, подъемный материал, шурф, стратиграфия, керамика, сюльгама, бусинки, землянка.

STUDIES OF RURAL SETTLEMENTS IN THE AREAS OF GOLDEN HORDE CITIES IN WEST KAZAKHSTAN (ON THE EXAMPLE OF ZHAIYK SETTLEMENT)

M.D. Kalmenov, A.E. Bizhanova, B.M. Ashygaliev

The paper features the results of archaeological studies carried out on the periphery of Zhaiyk settlement. Reconnaissance and exploration work was carried out in 2013. Later, archaeological excavations were carried out based on the exploration materials. The main part of the work was carried out in an easterly direction from the main objects of the settlement. As it is known from the results of the study of previous years, most of the settlement was demolished during agricultural work and destroyed due to erosion of the coast. No remains of ground structures have been found in this part of the settlement. Exploration work has shown that in the eastern and northeastern parts of the settlement, the modern horizon contains many fragments of burnt bricks, metal, and ceramics. On the basis of the archaeological material obtained during the excavations and compared with the recovered materials, the settlement can be tentatively characterized as a single-layer monument and generally dated within the Golden Horde period.

Keywords: archaeology, Zhaiyk settlement, archaeological exploration, lifting material, pit, stratigraphy, ceramics, syulgama, beads, dugout.

Государство Золотая Орда или Улуг Улус, занимавший огромную территорию на пространстве Евразии, был известен своими многочисленными городами, селениями, продукцией земледельцев и ремесленников. После долгих завоевательских войн, начиная с конца XIII–XIV вв. на присоединенных территориях быстрыми темпами развиваются ремесла, торговля, земледелие и строительное дело. Поднимается экономическая мощь нового государства. К этому времени большинство доордынских поселений превращаются в большие города, кроме того, возникает целый ряд городов и поселений. Данные политические и экономические трансформации затронули также территорию Южного Приуралья.

Несмотря на важность изучения материальной культуры Южного Приуралья XIII–XIV вв. до сих пор средневековая городская культура региона остается неизученной. На данный момент, средневековые города и их округи региона археологически изучены слабее, по сравнению с городами других областей Южного Казахстана, Средней Азии и Поволжья. До сих пор не выяснена локализация некоторых городов. Серьезному и широкому историко-топографическому изучению не подвергалось ни одно городище, за исключением Сарайшыка. Особенно недостаточно обследованы города и периферийные поселения ордынского времени, неизвестно их количество и поэтому изучение городов вдоль

реки Жайык (Урал) того времени, имеет большое значение. Археологическое изучение средневековых городов и поселений Южного Приуралья и их материальной культуры в эпоху Золотой Орды имеет не только историко-археологическое значение, но в значительной степени дополняет немногочисленные сведения средневековых авторов по истории Золотой Орды. Анализ материальной культуры городов XIII–XIV вв. помимо того позволяет проследить процесс зарождения городской культуры Южного Приуралья в условиях новых экономических и социальных отношений. Вместе с тем, такое исследование дает возможность сравнить городскую культуру региона с золотоордынской культурой Нижнего Поволжья, Средней Азии и кочевой степи, что, несомненно, поможет определить культурные достижения его в эпоху Золотой Орды и степень влияния на соседние области.

В полевом сезоне 2013 г. на периферии городища Жайык были проведены рекогносцировочно-разведочные работы, позже, на основе материалов разведки были проведены археологические раскопки. Результаты археологического исследования в округе городища дали новые материалы для изучения экономики и материальной культуры золотоордынского периода (Калменов, 2014).

Основная часть работ была произведена в восточном направлении от основных объектов городища. Как известно, из результатов исследования предыдущих лет большая часть поселения снесена при проведении сельхоз работ и, уничтожена вследствие размыва берега. В этой части городища не обнаружено остатков наземных сооружений (Калменов, 2013, с. 357).

Разведочные работы показали, что на восточной и северо-восточной части городища на современном горизонте встречается много фрагментов жженого кирпича, металла, керамики. При осмотре площади участка производился сбор подъемного материала, в результате чего найдены следующие предметы: 10 мелких фрагментов венчиков блюд и чаш, изготовленных из глины кирпичного цвета. Их края в большей степени прямые или чуть отогнутые. Однако имеется полочковидное (внутрь и наружу) оформление края, подтреугольное утолщение со скосом внутрь и валиковидное оформление с внешней стороны. Толщина черепков 6–8 мм. Несколько не определяющихся мелких изделий из меди и бронзы. 3 мелкие округло-уплощенные бусинки из светло синего и бирюзового стекла.

С целью выяснения стратиграфии на этой площади было заложено несколько рекогносцировочных шурфов. В 350 м к востоку от построек фермерского хозяйства Ш. Сулейменова, на материковом горизонте в одном из шурфов обнаружено два контура светло-серого тона, также здесь найдены фрагменты красного кирпича и керамики. На этом месте был разбит раскоп, по направлению север-юг размером 4×4 м, позже расширенный на 6х6 м. Координаты по персональному навигатору GPS: N 51 06’28,00”; E 51 20’04,07”. Южнее от раскопа на склоне террасы обнаружено несколько жженых кирпичей очень похожих на кладку, к сожалению, она не вполне ясного происхождения. После снятия верхнего горизонта, показало, что, место имеет очень тонкий культурный слой песчано-золистого характера, содержащий большое количество костей животных и обломков керамики. С северо-восточной стороны склона террасы сопряжена стенка постройки, возможно, полуземлянки. В качестве фундамента стен в большей степени служила глиняная набивка, а непосредственно стены, вероятно, складывались из сырца в два ряда. Пол полуземлянки заглублен в материк на 0,4 м. На вскрытом участке расстояние от стены до стены полуземлянки составляет 3 м. При вскрытии заполнения полуземлянки на уровне материковой поверхности прослеживалось мощное золисто-сажистое пятно с участками прокаленного грунта и обожженных костей с разной степенью заглубления. Здесь же найдены фрагменты древесины. Анализ стратиграфического разреза заполнения полуземлянки показал, что это, по-видимому, остатки сгоревшей и рухнувшей кровли полуземлянки. Золисто-сажевый слой перекрывает культурное заполнение жилища мощностью до 0,3 м. В заполнении землянки найдено 117 фрагментов керамики, из которых около 70 % принадлежит сосудам ручной лепки. Для лепной керамики характерно отощение глиняной массы мелким шамотом, дресвой и гипсом. Костей животных в заполнении полуземлянки немного. В западном и юго-западном секторе раскопа обнаружены три круглые ямы, диаметром 30–52 см, глубиной до 35 см. Все ямы заполнены песком и золой. При зачистке внутри ям, были обнаружены фрагменты керамики и кости животных. Одна яма была вырыта в условном центре суфы. Суфа сложена из сырцовых заполнений с последующей глиняной обмазкой. Предварительный размер суфы: ширина ее выяснена толь-

ко с двух сторон – ширина восточной стены 3,20 м, южной стены 2 м, высота от 25 до 30 см. Западный сектор раскопан не до конца. Землянка заполнена песком и золой. В заполнении найдены кости животных, рыбья чешуя, обломки керамики. В северо-восточном секторе суфы расположен вход-спуск. Ширина прохода 80 см, длина коридора около 1 м. Далее в северном и северо-восточном углах идет площадка неправильных очертаний, она углублена в материк на 90 см с небольшим уклоном внутрь землянки. На юго-восточном секторе частично сохранились сырцовые кирпичи, размерами 17×10×5 см. Кирпичи идут в песчанно-зольном завале, видимо, это заполнение является остатками разрушенного очага, дымохода которого обнаружить не удалось. Пол площадки полуземлянки заполнен песком и золой. В заполнении найдены кости животных, обломки керамики, а также несколько бусинок из стеклянной пасты.

Таким образом, в полуземлянке и в ее сохранившейся части очаг отсутствует, имеются лишь очажные ямы, однако объект сильно разрушен, что не позволяет определить полную ее характеристику. Часть полуземлянки осталась неисследованной.

Во время проведения разведки в 150 м к северо-западу от раскопа № 2 на дневном горизонте были найдены несколько фрагментов керамики, на этом месте был заложен раскоп. Координаты по персональному навигатору GPS: N 51 06’32,61”; E 51 20’01,40” Раскоп был разбит по направлению север-юг размером 5х5 м, позже расширенный на 15×25 м. Вскрытие культурного слоя производилось «по штыковым» методом с последующей зачисткой. По номеру штыка велась и шифровка находок. Первые два штыка были объединены, и шифровались кодом «верх», т.к. горизонт появления находок в западном секторе раскопа не совпадал с дневной поверхностью восточного угла. Когда поверхность раскопа была выровнена, то шифровка артефактов стала производиться согласно порядковому номеру слоя, толщиной в 1 штык лопаты. Культурные отложения первого «штыка» представляли собой исключительно отвалы бытового мусора – зольные прослои и линзы, большое количество костей животных (баран-козел (преобладают), корова, лошадь) и рыб, разрозненные фрагменты станковой и большинство лепной керамики. После снятия верхнего слоя, на площади раскопа выявлены слои утрамбованной набивной глины. В западном углу в ходе расчистки обнажены контуры округлой в плане ямы (яма 1) диаметром 1,7 м и канал-желоб (рис. 1). Слои золы и серо-бурой супеси имеют сильную усадку, достигающую 0,4 м. Самый нижний горизонт ямы образован слоем серо-буроватой супеси. Яма была вскрыта полностью. В заполнении встречались фрагменты станковой и лепной керамики, кости животных и рыб, в том числе кости «красной» рыбы. В северном направлении край ямы соединялся с каналом-желобом.

Канал-желоб имеет глубину 15–20 см, ширину около 25 см, возможно, верхняя часть была перекрыты сырцовыми кирпичами, в некоторых местах были обнаружены остатки таких сырцов. Лучи канавки на вскрытой площади имеют в длину в северном направлении около 17 м, а в 3 м к северу от ямы 1 она разветвляется еще на 2 луча, образуя целую систему. В ходе расчистки во внутренней части луча найдены фрагменты керамики, кости животных и рыб. В 2,5 м к востоку от ямы 1 расположены еще 3 ямы (яма 2–4). Диаметры ям аналогичны от 1,7 до 1,9 м, глубина до 60 см. Яма 3 и 4 между собой соединяется, образуя уступ. Ямы была вскрыты полностью. В заполнении встречались фрагменты станковой и лепной керамики, кости животных и рыб. В 2 м к югу от ям 2-4 располагается еще одна неглубокая яма (яма 5), диаметром 2,30 м, от нее к востоку и западу идут две канавы, аналогичные выше упомянутой. В заполнении ямы 5 было найдено несколько бусинок из стеклянной пасты. В 80 см к востоку от ямы 5 располагается неглубокое углубление. Объект подпрямоугольной формы с габаритными размерами 4×3,60 м, далее соединяющийся с помощью ямных уступов с ямой 6. Пол проявляется несколькими глинистыми обмазками с золистыми прослоями достигающей толщины 8–10 см. уровень пола имеет заметный уклон в западном направлении. В центральной части помещения устроена круглая ямочка диаметром 30 см, глубиной 12 см, в которой на момент расчистки ничего не обнаружено. В ходе расчистки заполнения ям 1–6 было найдено несколько железных изделий. Далее через ступенчатые ямы располагается яма 7. Среди всех аналогичных объектов, яма 7 наиболее интересна. Диаметр около 3,60 м, глубина около 90 см. Заполнение изобилует фрагментами керамики, костями животных и рыб, также в ходе расчистки было обнаружено несколько фрагментов изделий из бронзы. Рассматриваемый вид керамики находит близкую аналогию с керамикой памятников Северного Кавказа, Поволжья и Южной

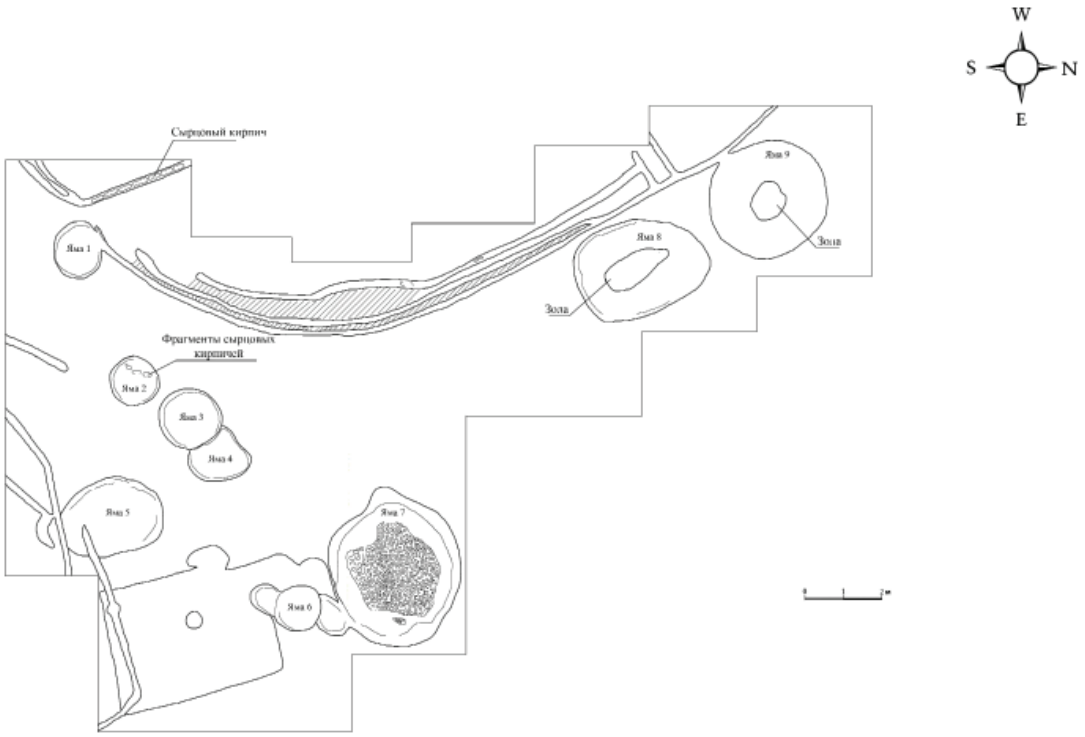


Рис. 1. План раскопа 2. Хозяйственно-бытовое сооружение. Периферия городища Жайык.
Fig. 1. Plan of excavation 2. Household building. Periphery of Zhaiyk settlement.

Туркмении золотоордынского времени (Кыдырнизов, 1989. с. 62–68; Михальченко, 1973, с. 118; Булатов, 1976, с. 73–107; Гражданкина, Ртвеладзе, 1971, с. 127; Волков, 1991, с. 35–40; 1992, с. 101–102; Коваль, 2010, с. 269; Масловский, 2012, с. 42–46). Авторы проводят классификацию и анализируют образцы поливной и неполивной керамики Золотой Орды.

На глубине 25 см, в северо-восточном секторе была обнаружена изготовленная из меди – сюльгама (рис. 2), застежка для одежды с двумя вытянутыми лапками. Сюльгама представляет собой овальную дугу с почти сходящимися краями, которые носятся вверх. Размеры сюльгамы: высота 3,5 см, диаметр дуги 1,4 см. Исследователи считают сюльгаму одним из характерных элементов материальной культуры древней и средневековой мордвы. Картография находок лопастных сюльгам показывает, что они являлись общемордовским элементом материальной культуры с XI по XIV вв., а с XVI в. сохраняют бытование только у мордвы-мокши (Вихляев, Кемаев, 2019. с. 110–115). Территориально близкие аналогичные находки были найдены в могильнике Усинский 2, и датируются XII–XIII вв. (История Самарского Поволжья…), также, аналогичные застежки найдены в слоях Хмелевского I селище (Недашковский, Шигапов, 2015, с. 39–40). В нижнем слое ямы 7 во время расчистки обнаружено несколько бус из стеклянной пасты, также ограненные изделия из кости (рис. 3: 2). Среди керамического материала интересен фрагмент миниатюрного лепного сосуда (рис. 3: 1). Сосуд имеет форму чаши, диаметр 5,7 см, высота 4 см. В силу ограниченности раскопочных работ на округе городища Жайык индивидуальные находки обнаружены в небольшом количестве. Среди них довольно многочисленны стеклянные бусы. Подавляющее большинство бус сделано из стеклянной пасты черного, бирюзового и голубоватого цветов; формы разнообразные: шаровидные, бочонковидные, уплощенно-шаровидные (или зонные). По форме они довольно однородны, и аналогичны находкам из сельских поселений Хорезма и Поволжья золотоордынского периода (Атагаррыев, 1973, с. 80; Бусятская, 1976, с. 40; Вактурская, 1974, с. 499; Неразик, 1976, с. 156).

На площади раскопа и при подъемных сборах найдено 19 целых и 7 обломков бусин (рис. 4).

Как нам известно, бусы, находимые при археологических раскопках, могут служить не менее точно датирующим материалом, чем монеты. В различное время и у разных народов бусы были одним из наиболее ходких предметов международной торговли, а часто и мелкой разменной монетой. Таким образом, наличие одинаковых бус в различных памят-

Рис. 2. Сюльгама. застежка для одежды с двумя вытянутыми лапками. Периферия городища Жайык.
Fig. 2. Sylgama clothing fastener with two elongated pins. Periphery of Zhaiyk settlement.

Рис. 3. Фрагменты миниатюрных сосудов и ограненные изделия из кости. Периферия городища Жайык.
Fig. 3. Fragments of miniature vessels and faceted bone items. Periphery of Zhaiyk settlement.

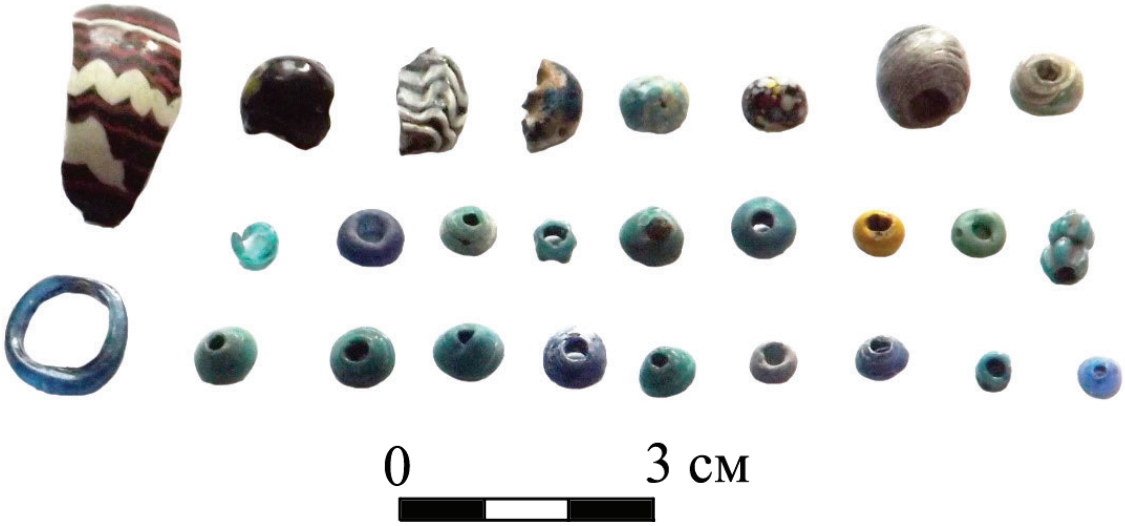


Рис. 4. Стеклянные бусы. Периферия городища Жайык.
Fig. 4. Glass beads. Periphery of Zhaiyk settlement.

никах может иногда очень точно определить пути культурных связей, синхронность культур и даже их сходство.

В 6,20 м к северо-западу от ямы 7 располагается еще две ямы 8 и 9. Диаметр ям 3 и 3,40 м. После расчистки, верхнего слоя в центральных секторах обоих ям обнаружены зольный слой вокруг которой, сконцентрированы зольно-песчанный балласт. Западнее от ям продолжается система канал желоба. Ввиду отсутствия времени ямы не были вскрыты до материка. В ходе работ на раскопках № 2 и № 3 были собраны представительный остеологический материал.

Некоторые выводы. Таким образом, археологические исследования в округах показа-

ли, что городище Жайык является остатком достаточно значительного развитого города золотоордынского периода. Культурный слой городища представлен единственным строительным горизонтом. Это говорит о том, что, на этом месте город просуществовал непродолжительное время, вероятно, в пределах одного века. После чего, он был организованно покинут жителями в сравнительно спокойной обстановке.

Заключение. На основании имеющегося материала установлено, что время строительства и функционирования изученного участка, погребальных и хозяйственно-бытовых сооружений, археологически укладывается в пределах начала XIII–XIV вв. Исследованиями выявлено отсутствие культурных напластований под сооружениями. Основным полученным вещевым материалом являются фрагменты неполивной керамики ордынского облика, среди которой особый интерес представляет повышенное содержание лепной посуды с примесями в тесте. Данный признак, который несет не только этнокультурную, но и хронологическую нагрузку, обычно характерен для памятников первой половины ордынского времени охватывающий широкий ареал (Средняя Азия, Поволжье), а также в памятниках аналогичного периода бассейна реки Жайык (Урал).

На основании подъемного материала, полученного при сборе с площадки городища и сопоставленного с материалами раскопок, предварительно городище можно характеризовать, как однослойный памятник и в целом датировать его в пределах ордынского времени, что не противоречит имеющейся датировке.

На основании общего осмотра местности, прилегающей к территории памятника, можно прогнозировать здесь открытие других объектов, синхронных городищу.

ЛИТЕРАТУРА

Атагаррыев Е. Материальная культура Шехр-Ислама. Ашхабад: Ылым, АН ТССР. 1973. 98 с.

Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 73–107.

Бусятская Н.Н. Стеклянные изделия городов Поволжья XIII–XIV вв. // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 40–62.

Вактурская Н.Н. Раскопки средневекового города Садвара // Археологические открытия в 1973 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука,1974. С. 499.

Вихляев В.И., Кемаев Е.Н. Лопастные сюльгамы как этноопределяющий признак средневековой мордовской культуры // Поволжская археология. 2019. №4 (30). С. 110–115.

Волков И.В. О происхождении гончарства и распределении керамики в Золотой Орде // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Материалы научной конференции / Отв. ред. А.З. Винников. Пенза, 1992. С. 101–102.

Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Марджара // СА. 1971. № 1. С. 127–131.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней Ранний железный век и средневековье / Гл. ред. И.С. Кабытов. М.: Наука, 2000. 423 с.

Калменов М.Д. Печь для сжигания извести с городища Жайык // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 10 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: СарУ, 2013. С. 357–363.

Калменов М.Д. Отчет об археологических исследованиях на городища Жайык. Уральск, 2014. / Фонд ЗКОИКМ

Кдырниязов М.Ш. Материальная культура городов Хорезма в XIII–XIV веках. Нукус: Каракалпакстан, 1989. 173 с.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 269 с.

Масловский А.Н. Изменение объема и состава импортов в керамическом комплексе зол золотоордынского Азака как отражение событий политической жизни и изменений в экономике Золотой Орды // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 2 (168). С. 42–46.

Михальченко С.Е. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья // СА. 1973. № 3. С. 118–121.

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Украшения и зеркала с Хмелевского I Селища. // Ученые Записки Казанского Университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 157. Кн. 3. Казань: КФУ, 2015. С. 39–40.

Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки / Труды Хорезмской Археолого-Этнографической Экспедиции. Т. IX М.: Восточная литература, 1976. 256 с.

Информация об авторах:

Калменов Мурат Дабылович, кандидат исторических наук, доцент, Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет (г. Уральск, Казахстан); kalmenoff@mail.ru

Бижанова Алия Ермековна, кандидат исторических наук, доцент, Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет (г. Уральск, Казахстан); aaliyka@mail.ru

Ашыгалиев Бекжан Маратович, аспирант по специальности: археология, Казанский Федеральный (Приволжский) университет (г. Казань, Россия)4; bkzhn@list.ru

REFERENCES

Atgarryev, E. 1973. *Materialnaia kul'tura Shekhr-Islama (Material Culture of Shehr Islam).* Ashkhabad: "Ylym" Publ. (in Russian).

Bulatov, N. M. 1976. In Smirnov, A. P. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites in the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 73–107 (in Russian).

Busyatskaya, N. N. 1976. In Smirnov, A. P. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites in the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 40–62 (in Russian).

Vakturskaya, N. N. 1973. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1973 g. (Archaeological Discoveries in 1973)*. Moscow: "Nauka" Publ., 499 (in Russian).

Vikhlyaev, V. I., Kemaev, E. N. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 110–115 (in Russian).

Volkov, I. V. 1992. In Vinnikov, A. Z. (ed.). *Voprosy etnicheskoi istorii Volgo-Don'ia (Issues of Ethnic History of the Volga-Don Region)*. Penza: "AO «Povolzh'e»" Publ., 101–102 (in Russian).

Grazhdankina, N. S., Rtveladze, E. V. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 127–131 (in Russian).

Kabytov, I. S. (ed.). 2000. *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times. Early Iron Age and Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kalmenov, M. D. 2013. In Lopatin V.A. (ed.). *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 10. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute, 357–363 (in Russian).

Kalmenov, M. D. 2014. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyalkh gorodishcha Zhaiyk (Report on the Archaeological Research of the Zhaiyk Settlement).* Almaty. Fund of the West Kazakhstan Regional Museum of Local Lore (in Russian).

Kdyrniyazov, M. Sh. 1989. *Material'naia kul'tura gorodov Khorezma v XIII–XIV vekakh (Material Culture of the Cities of Khwarazm in the 13th-14th Centuries)*. Nukus: "Karakalpakstan" Publ. (in Russian).

Koval', V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX—XVII veka (Oriental Ceramics in Rus' in 9th—17th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2012. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki (University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series))* 168 (2). 42–46 (in Russian).

Mikhalchenko, S. E. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 118–121 (in Russian).

Nedashkovskii, L. F., Shigapov, M. B. 2015. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 157. Book 3. Kazan: Kazan Federal University, 39–40 (in Russian).

Nerazik, E. E. 1976. *Sel'skoe zhilishhe v Khorezme (I-XIV vv.). Iz istorii zhilishha i sem'i. Arkheologo-etnograficheskie ocherki (Rural Dwelling in Khwarezm (1st–14th Centuries). The History of Home and Family. Archaeological and Ethnographic Essays).* Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 9. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Kalmenov Murat D. Candidate of Historical Sciences. Associate Professor. West Kazakhstan Innovation and Technological University. N. Nazarbayev Av., 208, Uralsk, 090000, Republic of Kazakhstan; kalmenoff@mail.ru

Bizhanova, Aliya E. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. West Kazakhstan Innovation and Technological University. N. Nazarbayev Av., 208, Uralsk, 090000, Republic of Kazakhstan; aaliyka@mail.ru

Ashygaliev Bekzhan M. Postgraduate student. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; bkzhn21@list.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/902.01 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.98.105

РАБОТЫ НА ГОРОДИЩЕ КЫЗЫЛКАЛА В 2021 ГОДУ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КЕРАМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

© 2022 г. Д.В. Марыксин, П.В. Попов, А.П. Крыгин

В статье освещены результаты исследований на городище Кызылкала, расположенном в Мангистауской области Республики Казахстан, проведенных в 2021 году. Приводятся результаты первичного анализа керамики, полученной при раскопках памятника. Комплекс был разделен на три технологические группы, кратко описаны категории и типы сосудов. Анализ этих материалов показал их близость гончарному комплексу Самосдельского городища, расположенного в Астраханской области. Керамика группы 2 находит аналогии в коллекции из раскопок Дербента. Основные типы поливной керамики связаны своим происхождением с территорией Закавказья. Их датировка позволяет уточнить датировку памятника, которая определяется XI–XIII веками.

Ключевые слова: археология, Кызылкала, Самосдельское городище, Дербент, Мангышлак, Мангистау, Закавказье, керамический комплекс, поливная керамика.

ACTIVITIES AT KYZYLKALA SETTLEMENT IN 2021 AND PRELIMINARY ANALYSIS OF CERAMIC MATERIAL

D.V. Maryksin, P.V. Popov, A.P. Krygin

The paper highlights the results of studies conducted at Kyzylkala settlement in the Mangystau region of the Republic of Kazakhstan in 2021. The results of the primary analysis of ceramics obtained during the excavation of the monument are presented. The complex was subdivided into three technological groups, and the categories and types of vessels are briefly described. An analysis of these materials demonstrated their proximity to the pottery complex of Samosdelskoye settlement located in Astrakhan Oblast. Ceramics of group 2 find analogies in the collection from the excavations of Derbent. The main types of glazed ceramics are connected by their origin with the territory of Transcaucasia. Their dating makes it possible to clarify the dating of the monument, which has been determined as the 11th – 13th centuries.

Keywords: archaeology, Kyzylkala, Samosdelska settlement, Derbent, Mangyshlak, Mangistau, Transcaucasia, ceramic complex, glazed ceramics.

В 2021 году сотрудниками ТОО «Rutrum» под руководством одного из авторов были осуществлены археологические работы на городище Кызылкала в Мангистауской области Республики Казахстан. Основной целью работ 2021 стало исследование культурного слоя и расчистка грунтовых напластований последующих строительных горизонтов, в пределах территории раскопа 1, работы на котором были начаты в 2004 году, до материкового слоя. Общая площадь раскопа составила 600 м^2.

Впервые археологические исследования данного памятника были проведены в 1978 – 81 гг. Волго-Уральской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством Л.Л. Галкина (Галкин, 1978; Галкин, 1981; Галкин, 1982). В 2004–2015 годы были проведены полномасштабные археологические исследования городища Кызылкала Мангистауским историко-культурным заповедником под руководством А.Е. Астафьева (Астафьев, 2004; Астафьев, 2005; Астафьев, 2010; Астафьев, 2015). Раскоп 1 был заложен на внешней стороне юго-восточного крепостного вала в 30 м от южного угла. Работы показали, что жизнь на городище Кызылкала, угасла по крайней мере в начале XIII века (Калменов, 2007, с. 57). В 2008–2009 гг. на памятнике работала экспедиция под руководством З.С.Самашева (Самашев, 2009). В 2008 году экспедицией было заложено три раскопа. Раскопы 1 и 2 были заложены на месте восточной угловой башни крепости. Раскоп 3 был заложен на месте одной из усадеб. В 2009 году раскопки под руководством З.С. Самашева были продолжены, были расчищены участки крепостных стен слева и справа от раскопа 2004 г.

Согласно стратиграфической колонке и послойного распределения артефактов (находки фрагментов керамики и костей животных имели место практически во всех слоях, только с разными количественными показателями), в период проведения работ на раскопе 1 в 2004–2015 гг. было выделено 6 строительных горизонтов (Калменов, 2007, с. 56).

В ходе работ 2021 года выяснилось, что горизонт 5 связан со строительством глино-

битных и каменных построек и полуземлянки вблизи крепостных стен. На данном горизонте были обнаружены остатки 6 помещений (элементы 3, 6, 7, 8, 14, 20) и многочисленные ямы (элементы 9, 11, 12, 13, 15, 16, 19, 24, 25, 26, 27, 33). Данные постройки перекрыты толстым слоем суглинка, вероятно, образовавшемся при проведении обширной планировки поверхности.

Самый нижний, 6 горизонт, связан со временем возведения крепости из сырцового кирпича. Как показали исследования в границах раскопа 1, постройки данного периода отсутствовали или были снивелированы последующими перестроениями. К данному периоду относятся многочисленные ямы (элементы 18, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57). Заполнение данных ям неоднородное, сильно перемешанное, с преобладанием золы. В них встречены многочисленные фрагменты керамических изделий и костей животных. Большой интерес представляет фортификационный ров (элемент 54), вырытый параллельно крепостной стене поперек раскопа на ширину до 4,6 м. Его глубина составляет 1 м. А конструкция выполнена так, чтобы составить препятствие, главным образом, конному войску. В данных ямах были обнаружены многочисленные кости животных, относящиеся как к мелкому, так и крупному рогатому скоту. Также были выявлены многочисленные фрагменты керамических изделий. К этому же периоду относится и яма (элемент 39), выявленная у южного борта раскопа. В заполнении данной ямы-землянки был обнаружен динар, отчеканенный в г. Газни в 407 г. хиджры, в период правления Махмуда – основателя династии Газневидов. Монета найдена на полу землянки.

Наиболее многочисленной категорией находок, обнаруженных при раскопках Кызылкалы, является керамика. Общая выборка, полученная при исследованиях 2021 года, составляет 4106 фрагментов.

Первичный анализ керамической коллекции Кызылкалы позволяет разделить её на несколько групп. Выделение этих составляющих осуществляется в соответствии с технологическими характеристиками: состав и количество примесей в глиняном тесте, способ формирования сосуда и его обжига. В рамках выделенных групп возможно выделение категорий и типов в соответствии с назначением сосудов и их морфологическими признаками.

Первая группа керамики Кызылкалы представлена гончарной посудой. Тесто, из которого изготовлены сосуды, достаточно высокого качества с примесью толченой раковины, песка и навоза. Обжиг окислительный, горновой, черепок имеет красный, оранжевый цвет. Сосуды этой группы формировались предположительно ленточной техникой, с дальнейшей доработкой с применением гончарного круга, на стадии РФК 4–5.

Посуда данной группы представлена столовыми, тарными формами широкой номенклатуры: кувшины, кружки, миски, горшки. Следует отметить фрагментированность обнаруженного керамического материала, что препятствует точной идентификации сосудов и определения их размеров.

В рамках предварительного анализа керамической коллекции в составе группы 1 можно выделить несколько категорий форм.

Кувшины столовые. Часто встречаются небольшие по объему столовые кувшины, имеющие валикообразный венчик, округлый в сечении, достаточно узкую горловину. По всей видимости, тулово сосудов округлое либо яйцевидное. От горла на плечико тулова опущена вертикальная петлевидная ручка. Подобные кувшины орнаментировались вертикальным полосчатым лощением (рис. 1: 1–3).

Кувшины узкогорлые. Столовые сосуды с очень узкой горловиной, раздутым, округлым туловом, достаточно большого объема. На горловине располагается горизонтальный, кольцевой налеп. От горла на плечико сосуда опущена вертикальная ручка (рис. 1: 5).

Кувшины тарные. В коллекции памятника встречаются фрагменты горловин и венчиков крупных кувшинов, с широкой невысокой горловиной, венчик валикообразный округлый в сечении. Отличительной чертой этих сосудов является размещение в нижней части венчика прорезной борозды. Данная борозда служит для подвязывания ткани, закрывающей устье сосуда. Эта черта указывает, что эти формы имели тарное назначение. На кувшинах встречается орнамент в виде вертикального полосчатого лощения. У основания ручек встречаются пальцевые вдавления, в верхней части ручек налепы-шишечки (рис. 1: 4).

Кружки столовые. В материалах памятника встречаются малые кувшиновидные сосуды – кружки. Тулово у кружек округлое, донце выделенное, горловина слегка расширяется к венчику, который образован скругленным краем стенки. На тулове располагается вертикальная петлевидная ручка, с налепом-шишечкой в верхней части (рис. 1: 6).

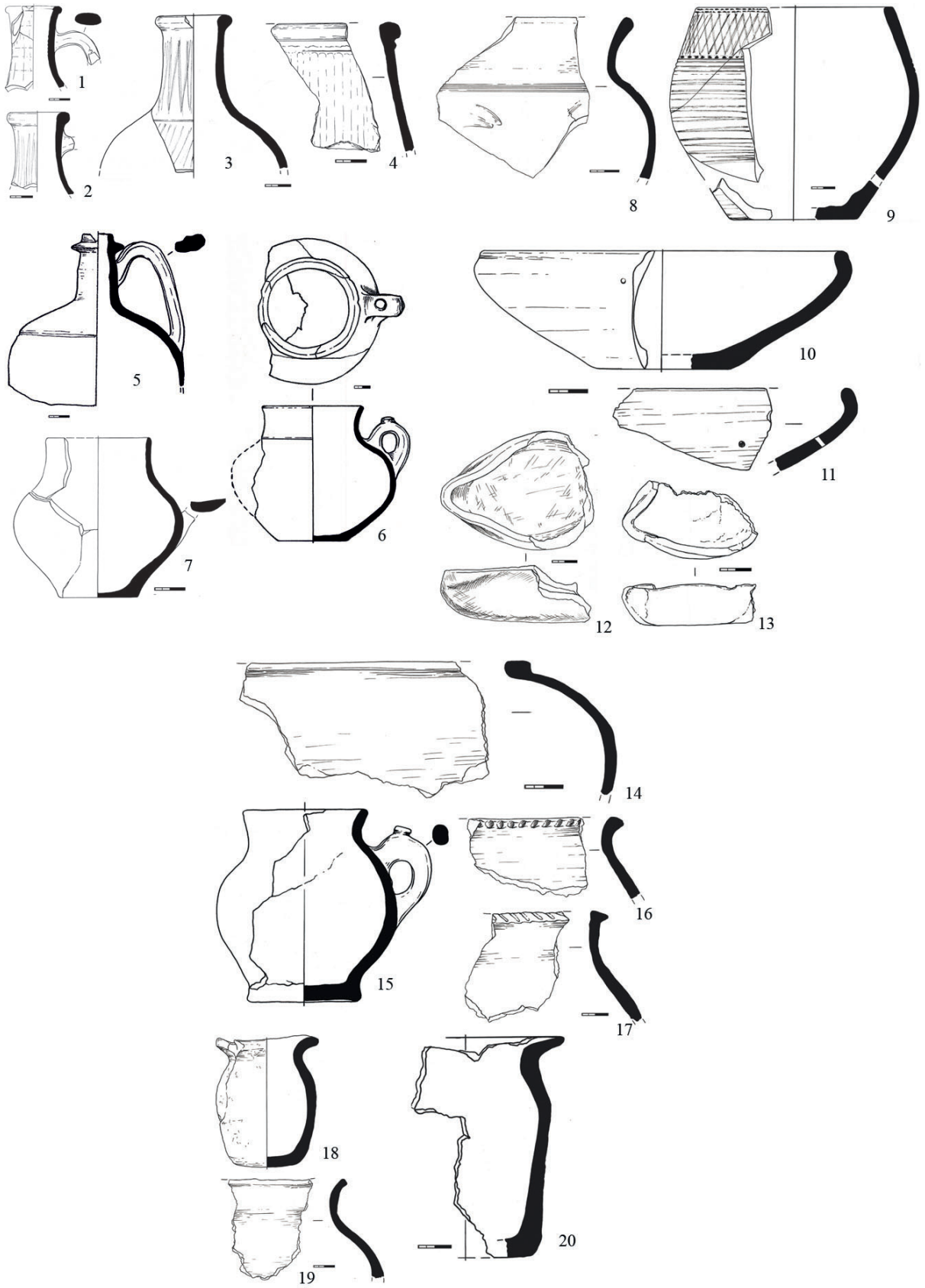


Рис. 1. Керамика группа 1. 1–3 – столовые кувшины; 4 – тарный кувшин; 5 – узкогорлый кувшин; 6, 7 – кружка; 8 – горшок; 9 – бочонковидный сосуд; 10, 11 – миски; 12, 13 – светильники. 14 – котел, группа 2; 15 – кружка, группа 3; 16, 17, 19 – горшки, группа 3; 18, 20 – баночные горшки, группа 3.

Fig. 1. Ceramics group 1. 1–3 Table jugs; 4 – Container jug; 5 – Narrow-necked jug; 6, 7 – Mug; 8 – Pot; 9 – Barrel-shaped vessel; 10, 11 – Bowls; 12, 13 – Lamps. 14 – Boiler group 2; 15 – Mug group 3; 16, 17, 19 – Pots group 3; 18, 20 – Jar pots group 3.

Горшки. Сосуды с раздутым туловом, горловина изогнутая, венчик образован скругленным краем стенки. Горшки обычно рассматриваются как кухонная форма, использующаяся для приготовления пищи. Однако на этих сосудах отсутствует нагар и закопченность. В связи с этим, эти горшки можно интерпретировать как столовые или тарные формы (рис. 1: 8)

Бочонковидный сосуд. Тулово раздутое, бочонковидное. Венчик образован затертым краем стенки. Сосуд столового назначения, на нем отсутствует нагар, следы огневого воздействия. По тулову идут полосы лощения (рис. 1: 9).

Миски. Открытые сосуды с уплощенным туловом. Венчик спрямлен относительно тулова, треугольный в сечении. Данные блюда являются столовыми формами (рис. 1: 10–11).

Светильник. Сосуды с выделенным носиком, приземистым туловом, часто край венчика подогнут во внутрь (рис. 1: 12–13).

Вторая группа керамики городища Кызылкала представлена кухонными котлами. Тесто с большим количеством отощителя: мелкодробленого шамота, песка и ракушки. Сосуды изготовлены с помощью гончарного круга на стадии РФК 2–3. Сосуды этой группы первоначально имели окислительный обжиг, однако на них фиксируется нагар, изменения цвета черепка, вследствие огневого воздействия при использовании, поэтому черепок сосудов этой группы может иметь различный цвет, от бурого до темно-серого.

Котлы со сферическим туловом, венчик утолщенный, манжетовидный, является продолжением стенки (рис. 1: 14).

Третья группа керамики представлена лепными сосудами. Тесто с большим количеством примесей: навоза, шамота, песка. Большая часть сосудов этой группы имеет кухонное назначение: горшки, котлы. Интересно отметить наличие кружек, повторяющих форму сосудов столового назначения. Эти формы изготовлялись ленточной техникой, в некоторых случаях с подправкой на поворотной подставке.

Кувшины-кружки. Форма этих сосудов повторяет аналоги, относящиеся к группе 1. Тулово раздутое, округлое, выделенное донце. Горловина изогнутая, венчик образован краем стенки, оттянут назад. От горла на тулово опущена вертикальная петлевидная ручка. Так же как и круговых образцов, в верхней части ручки располагается налеп-шишечка (рис. 1: 15).

Горшки с широкой, изогнутой горловиной, венчик образован краем стенки, заглажен или затерт. Тулово с покатыми плечиками. По венчику часто были нанесены пальцевые вдавления, насечки (рис. 1: 16, 17, 19).

Баночные горшки. Тулово слабораздутое, со спрямленными стенками, расширяется к верху, близко к стаканообразному. Венчик образован краем стенки, резко отогнут наружу. По венчику также идут ногтевые, пальцевые насечки (рис. 1: 18, 20).

Котлы. Сосуды с раздутым, округлым туловом. Венчик образован заглаженным краем стенки, приподнят над туловом. На тулове котлов встречаются конические налепы.

Поиск аналогий керамике Кызылкалы привел просто к удивительным выводам. Коллекция памятника находит практически полные соответствия материалам Самосдельского городища в Астраханской области[1]. Высокую степень сходства демонстрирует структура комплекса, сопоставление групп и типов сосудов.

Также, как и на Кызылкале керамика Самосделки делится на аналогичные по характеристикам группы. Так кызылкалинские группы 1, 2, соответствуют группам с тем же обозначением с нижневолжского памятника. (Попов, 2018, с. 10–11) Группа 3 мангышлакского поселения, группе IV с Самосдельского городища. В указанных группах близость технологических характеристик: состав теста, способы формирования сосудов, характер обжига (Попов, 2018, с. 11–12).

Особо следует остановиться на сходствах керамики группы 2 указанных памятников. Один из авторов этой статьи, изучавший керамику Самосделки, длительное время не мог определить происхождение этой группы и форм её составляющих. Аналогии ей не обнаруживались на памятниках сопредельных регионов, она не прослеживалась ни в предшествующее, ни в более позднее время. Совершенно случайно полные аналогии этой керамике были найдены в материалах средневекового Дербента[2]. В настоящее время, характер культурных связей Дагестана и Нижнего Поволжья остается до конца не понятным. С обнаружением керамики этой группы в материалах Кызылкалы можно поставить проблему взаимодействия прикаспийских регионов в предмонгольское время.

Устойчивые связи гончарных комплексов рассматриваемых памятников иллюстрируют результаты сопоставления сосудов группы 1. Это группа является наиболее многочис-

Рис. 2. 1–3, 6 – Кызылкала; 4, 5, 7 – Самосдельское городище.
Fig. 2. 1–3, 6 – Kyzyl Kala; 4, 5, 7 – Samosdelska settlement.

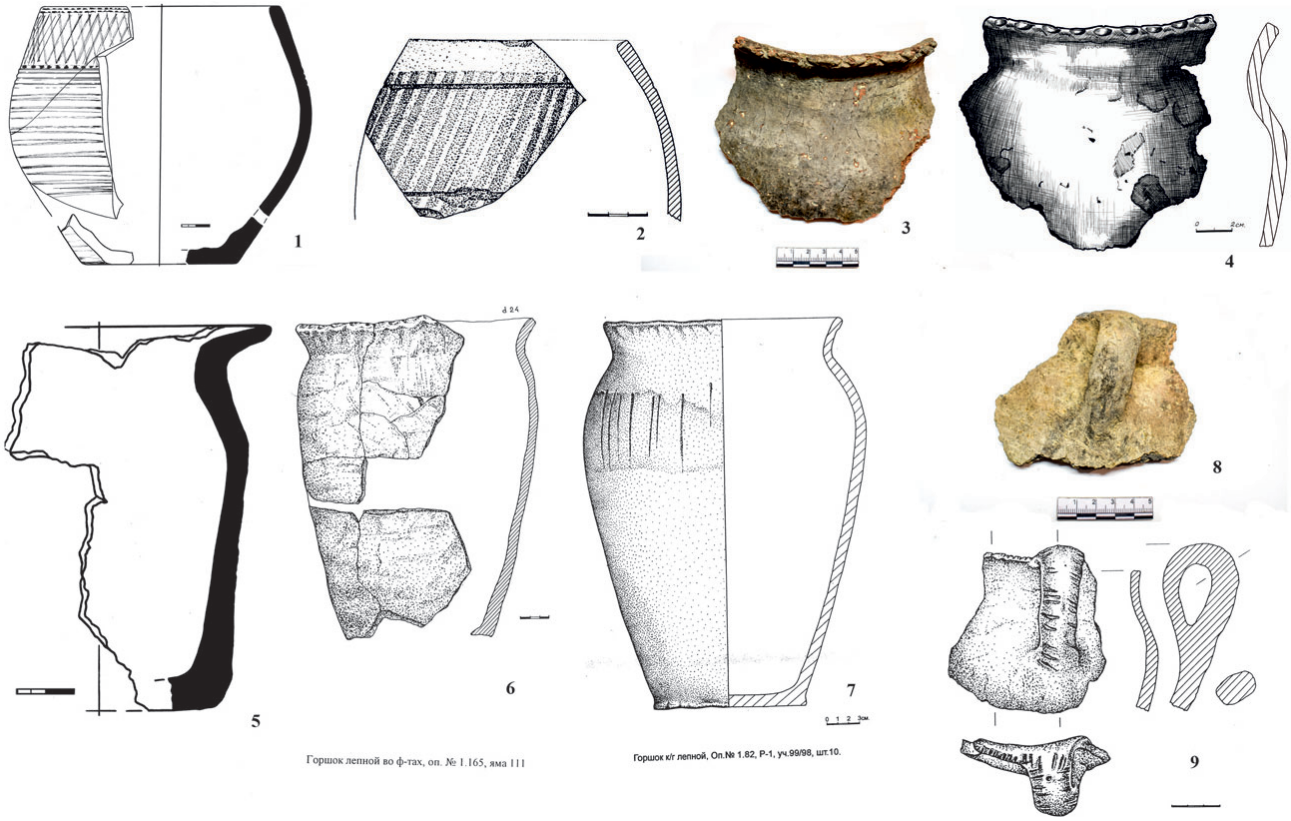


Рис. 3. 1, 4, 7 – Кызылкала, 2, 4, 6, 7, 9 – Самосдельское городище.
Fig. 3. 1, 4, 7 – Kyzyl kala, 2, 4, 6, 7, 9 – Samosdelska settlement.

ленной как в материалах Самосделки, так и Кызылкалы. Следует отметить очень близкую морфологию сосудов этой группы, обнаруживаемых на двух памятниках. Это наглядно видно при сопоставлении основных категорий посуды. Показательно наличие в обеих коллекциях совпадающих редких форм керамики. Так следует отметить бочонковидный сосуд, обнаруженный в Кызылкале. Полные аналогии ему фиксируются в материалах Самосделки. При этом авторам неизвестны факты находок подобной формы на других памятниках.

Также высокую степень сходства демонстрирует сопоставление сосудов группы 3 Кызылкалы и группы IV Самосдельского городища. Эта посуда, лепная, является продуктом придомового гончарства, в связи с этим её сходство является особенно показательным. Стоит отметить находки баночных горшков в материалах двух памятников. Форма очень специфичная, её нахождение является свидетельством тесных культурных связей.

Изучение керамического комплекса Кызылкалы позволяет уточнить датировку этого памятника. Традиционно его датируют в пределах X–XIII веков[3]. Однако находки поливной керамики, в том числе люстра позволяют ограничить время существования городища XI – нач. XIII веков. Наиболее многочисленным типом поливной керамики в Кызылкале является посуда с прозрачной поливой, декорированная красителем с гравировкой по ангобу. Близкие аналогии эта посуда находит в Закавказье, на территории Азербайджана. Также она широко распространена в материалах Самосдельского городища. В Азербайджане эта керамика датируется XI–XII веками, к этому же времени относятся слои, где она обнаруживается на Самосдельском городище.

В материалах Кызылкалы также встречается керамика с прозрачной зеленой поливой с орнаментацией в технике сграффито. Эти сосуды тоже датируются XI–XII веками и происходят с территории Закавказья. Также в материалах памятника найдены кусочки синего сирийского люстра, датируемого XII–XIII веками. Судя по всему, на Мангышлак эта керамика попадает через Закавказье.

Предложенная выше датировка подтверждается находкой в предматериковом комплексе динара, отчеканенный в г. Газни в 407 г. хиджры, в период правления Махмуда – основателя династии Газневидов.

Таким образом, исследования на городище Кызылкала, первичный анализ керамического материала, полученного по их результатам, свидетельствует о наличии культурных связей с Нижним Поволжьем и Закавказьем. Для характеристики этих связей и понимания механизма их формирования необходимо продолжение исследований и более детальное изучение материалов памятника.

Примечания:

[1] Выражаем благодарность Э.Д. Зиливинской, Д.В. Васильеву, Е.М. Болдыревой за возможность воспользоваться неопубликованными материалами.

[2] Выражаем благодарность М.С. Гаджиеву, А.И. Таймазову за возможность ознакомиться с материалами раскопок 2014 г.

[3] Выражаем благодарность Е.М. Болдыревой за консультацию.

ЛИТЕРАТУРА

Астафьев А.Е. Отчет по археологическому исследованию городища Кызылкала, расположенного на территории Мангистауской области. Актау: Мангистауский историко-культурный заповедник, 2004.

Астафьев А.Е. Отчет Мангистауского отряда Западно-Казахстанской экспедиции Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК. Раздел 3: Археологические исследования средневекового городища Кызылкала. Актау: Мангистауский историко-культурный заповедник, 2005.

Астафьев А.Е. Археологические исследования на памятнике Кызылкала. Актау: Мангистауский историко-культурный заповедник, 2010.

Астафьев А.Е. Отчет о проведении архитектурно-археологических исследований на по Мангистауской области по теме «Проведений археологических исследовании на городище Кызылкала 10–17 вв. (Акмышсай) Мангистауского района». Актау: Мангистауский историко-культурный музей заповедник, 2015.

Галкин Л.Л. Отчет о работах в Гурьевской, Мангистауской областях Казахской ССР в 1978 г. Волго-Уральская экспедиция Института археологии АН СССР. Актау: Мангистауский историко-культурный заповедник, 1978.

Галкин Л.Л. Отчет о работах Волго-Уральской экспедиции Института археологии АН СССР в Северо-Восточном Прикаспии. Алма-Ата: Институт археологии и этнографии АН Каз ССР, 1981.

Галкин Л.Л. Отчет о работах Волго-Уральской экспедиции Института археологии АН СССР в Северо-Восточном Прикаспии. Алма-Ата: Институт археологии и этнографии АН Каз ССР, 1982.

Калменов М.Д. Средневековое городище Кызылкала // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 2. С. 50–62.

Калменов М.Д. Археологические аспекты планировки территориальных границ средневекового городища Кызыл-кала (X-XIII вв.) // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 51. 2012. № 16 (270). С. 5–7.

Попов П.В. Керамический комплекс Самосдельского городища IX – XIV вв. Автореф. дисс…канд. ист. наук. М., 2018. 18 с.

Самашев З.С. Ортағасырлық Қызылқала қалашығында археологиялық зерттеулер» тақырыбында 2008 жылы Маңқыстау Мемлекеттік тарихиөмәдени қорық мұражайымен жасалған №17 (23.06.2008)/ Келісім-щарт негізінде жүргізілген қазба жұмыстарының есебі. Актау, 2009. (*Самашев З.С.* Археологические исследования средневекового городища Кызылкала. Отчет о раскопках, проведенных на основании договора №17 (23.06.2008) с Мангыстауским государственным историко-культурным заповедником-музеем в 2008 году. Актау).

Информация об авторах:

Марыксин Денис Валерьевич, научный сотрудник ТОО «Rutrum» (г. Алматы, Казахстан); maryxin@mail.ru

Попов Павел Владимирович, кандидат исторических наук, заместитель руководителя службы государственной охраны объектов культурного наследия Астраханской области (г. Астрахань, Россия)

Крыгин Александр Павлович, научный сотрудник ТОО «Rutrum» (г. Алматы, Казахстан).

REFERENCES

Astaf'ev, A. E. 2004. *Otchet po arkheologicheskomu issledovaniiu gorodishcha Kyzylkala, raspolozhennogo na territorii Mangistauskoi oblasti (Report on the Archaeological Study of Kyzylkala Settlement Located in the Territory of Mangistauskaya Oblast).* Aktau: Mangustau State Historical and Cultural Reserve (in Russian).

Astaf'ev, A. E. 2005. *Otchet Mangistauskogo otriada Zapadno-Kazahstanskoi ekspeditsii Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana MON RK. Razdel 3: Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovogo gorodishcha Kyzylkala (Report of the Mangistausky Group of the West Kazakhstan Expedition of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Section 3: Archaeological Studies of the Medieval Settlement of Kyzylkala).* Aktau: Mangustau State Historical and Cultural Reserve (in Russian).

Astaf'ev, A. E. 2010. *Arkheologicheskie issledovaniia na pamiatnike Kyzylkala (Archaeological Studies at the Kyzylkala Site)*. Aktau: Mangustau State Historical and Cultural Reserve (in Russian).

Astaf'ev, A. E. 2015. *Otchet o provedenii arkhitekturno-arkheologicheskikh issledovanii na po Mangistauskoi oblasti po teme «Provedenii arkheologicheskikh issledovanii na gorodishche Kyzylkala 10-17 vv. (Akmyshsai) Mangistauskogo raiona») (Report on the Architectural and Archaeological Studies in Mangistauskaya Oblast on the Topic "Archaeological Studies at Kyzylkala Settlement of the 10-17 Centuries (Akmyshsay) in Mangystau District").* Aktau: Mangustau State Historical and Cultural Reserve (in Russian).

Galkin, L. L. 1978. *Otchet o rabotakh v Gur'evskoi, Mangistauskoi oblastiakh Kazahskoi SSR v 1978 g. Volgo-Ural'skaia ekspeditsiia Instituta arkheologii AN SSSR (Report on the Activities in Guryevskaya and Mangistauskaya Oblasts of the Kazakh SSR in 1978 by The Volga-Ural Expedition of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences).* Aktau: Mangustau State Historical and Cultural Reserve (in Russian).

Galkin, L. L. 1981. *Otchet o rabotakh Volgo-Ural'skoi ekspeditsii Instituta arkheologii AN SSSR v Severo-Vostochnom Prikaspii (Report on the Activities of the Volga-Ural Expedition of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences in the North-Eastern Caspian Sea Region).* Alma-Ata: Institute of the History of Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR (in Russian).

Galkin, L. L. 1982. *Otchet o rabotakh Volgo-Ural'skoi ekspeditsii Instituta arkheologii AN SSSR v Severo-Vostochnom Prikaspii (Report on the Activities of the Volga-Ural Expedition of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences in the North-Eastern Caspian Sea Region).* Alma-Ata: Institute of the History of Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR (in Russian).

Kalmenov, M. D. 2007. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* 2. 50–62 (in Russian).

Kalmenov, M. D. 2012. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia. Vip. 51 (Bulletin of the Chelyabinsk State University. History Series. Issue 51).* 16 (270). 5–7 (in Russian).

Popov, P. V. 2018. *Keramicheskii kompleks Samosdel'skogo gorodishcha IX – XIV vv. (Ceramic Complex of the 9th – 14th Centuries from Samosdelka Settlement).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Samashev, Z. S. 2009. Ortağasyrlyқ Қyzylқala қalashyғynda arkheologiialyқ zertteuler» taқyrybynda 2008 zhyly Maңқystau Memlekettik tarihiəmədeni қoryқ mұrazhajymen zhasalғan №17 (23.06.2008)/ Kelisim-shhart negizinde zhүrgizilgen қazba zhұmystarynyң esebi. (*Archaeological Studies of the Medieval Settlement of Kyzylkala. Report on Excavations on the Basis of Agreement No. 17 (June 23, 2008) with the Mangystau State Historical and Cultural Reserve in 2008*). Aktau (in Kazakh).

About the Authors:

Maryksin Denis V. Rutrum LLP.Kazybek BI, Str., 185, office 70, Almaty, 050026, Republic of Kazakhstan; maryxin@mail.ru

Popov Pavel V. Candidate of Historical Sciences. The Service of State protection of cultural heritage objects of the Astrakhan region. Krasnaya Embankment str.,24, Astrakhan, 414000, Russian Federation.

Krygin Aleksandr P. Rutrum LLP.Kazybek BI, Str., 185, office 70, Almaty, 050026, Republic of Kazakhstan.

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.106.113

МАВЗОЛЕЙ БЭНДЭБИКЭ – СТАТУСНЫЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК С ТЕРРИТОРИИ УЛУСА ШИБАНА: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ОКРУЖАЮЩИЙ КОНТЕКСТ[1]

© 2022 г. Е.В. Русланов

Четвертая река называется Яик (Jaec),
у нее переходят с места на место
два тысячника. Все они зимой спускаются
к морю, а летом по берегам
этой реки поднимаются в горы (Карпини П.)

Мавзолей Бэндэбикэ является единственным кирпичным сооружением, исследованным археологами в современных границах Башкирии. Значимость постройки заключается как в её архитектурных особенностях, дающих представление о «среднеазиатской периферийной» школе зодчих Золотой Орды, так и в почитании мавзолея местным населением, что отразилось в появлении башкирской легенды «Бэндэбикэ и Еренсе-сэсэн». В статье, опираясь на отчеты Н.А. Мажитова, приводятся любопытные сведения о конструктивных особенностях, не нашедшие ранее отражения в научной литературе. На основе картографических данных и пространственного распределения археологических памятников округи мавзолея (курганы, курганные могильники, селища), делается вывод о постройке мавзолея в местности, вероятно, связанной с сезонным передвижением номадов улуса Шибана: от кочевок по правобережью р. Урал до южной излучины р. Белая, вдоль по узкому степному коридору восточнее хребта Малый Накас.

Ключевые слова: археология Золотой Орды, мавзолеи, архитектура, улус Шибана, ислам, номады, кыпчаки, Бэндэбикэ.

THE MAUSOLEUM OF BENDEBIKE: HIGH-STATUS FUNERAL MONUMENT FROM THE TERRITORY OF THE SHIBAN ULUS: STUDY HISTORY AND CONTEXT[2]

E.V. Ruslanov

The Mausoleum of Bendebike is the only brick structure explored by archaeologists within the modern borders of Bashkiria. The significance of this building lies both in its architectural features, which give an idea of the Central Asian ‘peripheral’ school of Golden Horde architects, and in the veneration of the mausoleum by the local population, which was reflected in the appearance of the Bashkir legend Bendebike and Erense-sesen. Interesting details of construction features are presented in the paper, based on the scientific reports by N.A. Mazhitov, which have not been reflected in the literature. On the basis of archaeological data and the spatial distribution of archaeological monuments in the mausoleum area (barrows, burial mounds, ancient villages), it is concluded that the mausoleum was built in an area, which probably served as a meridional route for the seasonal movements of the nomads of the Shiban ulus, from nomadic sites along the right bank of the Ural river to the southern bend of the Belaya river along a narrow steppe corridor east of the Malyi Nakas ridge.

Keywords: archaeology of the Golden Horde, mausoleum, architecture, Shiban ulus, Islam, nomads, Kypchaks, Bendebike.

На территории Башкортостана в настоящее время расположены четыре мавзолея, сооруженные в золотоордынское время. Три из них каменные – Тура-хана, Хусейн-бека, Малый кешене, четвертый – кирпичный мавзолей Бэндэбикэ. Если каменным усыпальницам посвящена обширная литература (обзор см. Гарустович, Нечвалода, 2020), то о мавзолее Бэндэбикэ имеется лишь общая информация (обзор см. Боталов и др., 2019, с. 335–338).

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 22-28-00815 «Комплексная реконструкция освоения горных степей Южного Урала от эпохи камня до Нового времени (социокультурные и природные трансформации)»

[2] The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation grant No. 22-28-00815 "Comprehensive reconstruction of the development of the mountain steppes of the Southern Urals from the Stone Age to Modern times (socio-cultural and natural transformations)"

Нет работ о ходе раскопок мавзолея и окружавшем его историческом контексте. Освещению данных аспектов, опираясь на отчет Н.А. Мажитова (Мажитов, 1969), посвящена предлагаемая публикация.

История изучения. Мавзолей Бэндэбикэ находится у с. Максютово Кугарчинского района (рис. 1), исследован в 1968–1969 гг. Н.А. Мажитовым. Усыпальница датируется XIV в. и относится к «среднеазиатской периферийной» архитектурной школе (Гарустович, 2012, с. 126–136). Э.Д. Зиливинская причисляет сооружение к типу IВ3б** портальных мавзолеев с массивным порталом, вписанным в контур здания (пештаком) (Зиливинская, 2014, с. 153–154).

Раскопки «курганной» насыпи высотой 3 м и диаметром 24 м начались в 1968 г., однако вскоре выяснилось, что это не курган, как предполагал Н.А. Мажитов, а развалины кирпичного мавзолея размерами 8,5×6,6 м. Ввиду сложностей, связанных с фиксацией архитектурных особенностей постройки, были привлечены архитекторы Р.Г. Салихов и Р.М. Халиуллин, однако ими при очистке портальной части от обвалившихся кирпичей не было произведено точных обмеров обвала купола, что не позволило определить форму портала.

Исследования 1969 г. были проведены с большей тщательностью. На плане послойно отмечалось положение кирпичей и их назначение в кладке (рис. 3: 1–6). Обмер стен производился в деформированном виде, далее измерялась длина каждой стены, полученная после суммирования количества одного горизонтального ряда кирпичей (длина кирпичей в пределах 20 см) с учетом швов между ними (1 шов – 1 см) (табл. и рис. 2).

Удалось проследить, что глубина портальной ниши – 184 см, высота сохранившихся частей стен 130–180 см, средняя высота обвала купола 270 см. В ходе раскопок больше всего встречено кирпичей квадратной и трапециевидной форм (20×20, 21×21, 22×21 см), толщиной 5-6 см. В углах и у входа в мавзолей выявлены трапециевидные и квадратные кирпичи от арок и сводов. Дверь в мавзолей была обрамлена сверху сводчатой аркой. По характеру расположения кирпичей можно судить о том, что южная и юго-западная части мавзолея, после обвала купола и шатра, сохранились практически целиком.

В северо-восточном и северо-западном углах выявлены деревянные сосновые бревна длиной 149–175 см, толщиной 14–17 см, служившие опорой граням арки тромпов и подпорками для купола. Бревна расположены на уровне 25 ряда кладки (175 см) от пола (рис. 3, 5).

После расчистки мавзолея был произведен обмер основной камеры: размер ее составляет 445×445 см, длина южной стены 435 см, высота дверного проема 250 см, ширина 85 см.

Сооружение внутри несколько раз ремонтировалось. Об этом говорят следы штукатурки (алебастр), которая наносилась на стену, уже декорированную разноцветными неполивными кирпичами (рис. 2; 3: 7). О подновлении и ремонте свидетельствуют остатки деревянных подпорок и саманных кирпичей, использование которых относится к более позднему времени.

Купол мавзолея сформирован круговой кладкой трапециевидных и квадратных кирпичей. Вход в мавзолей ориентирован на юг.

Разрушение мавзолея, по мнению Н.А. Мажитова, было не одномоментным:

Таблица 1. Размерные показатели мавзолея Бэндэбикэ
Table 1. Dimensions of the Mausoleum of Bendebike

№ п/п	Фасады (стены)	Длина в натуре (см)	Длина, полученная, как сумма 1 ряда горизонтальной кладки (см)	Примечание
1.	Северный фасад	699	690,5	690,5=89,5+523+78
	Угловое утолщение			
	Восточное	93	89,5	
	Западное	81	78	
2.	Западный фасад	869	869,5	
	Угловое утолщение			
	Северное	78	78	Угол сильно деформирован
	Южное	92	90	Угол сильно деформирован
3.	Восточный фасад	852,5	847	847=86+673,5+87,5
	Угловое утолщение			
	Южное	88	86	86=21+10+20+22+9+4 шва
	Северное	87,5	87,5	87,5=10,5+20,5+22+20+10,5+швы
4.	Южный фасад (портал)	687	-	-

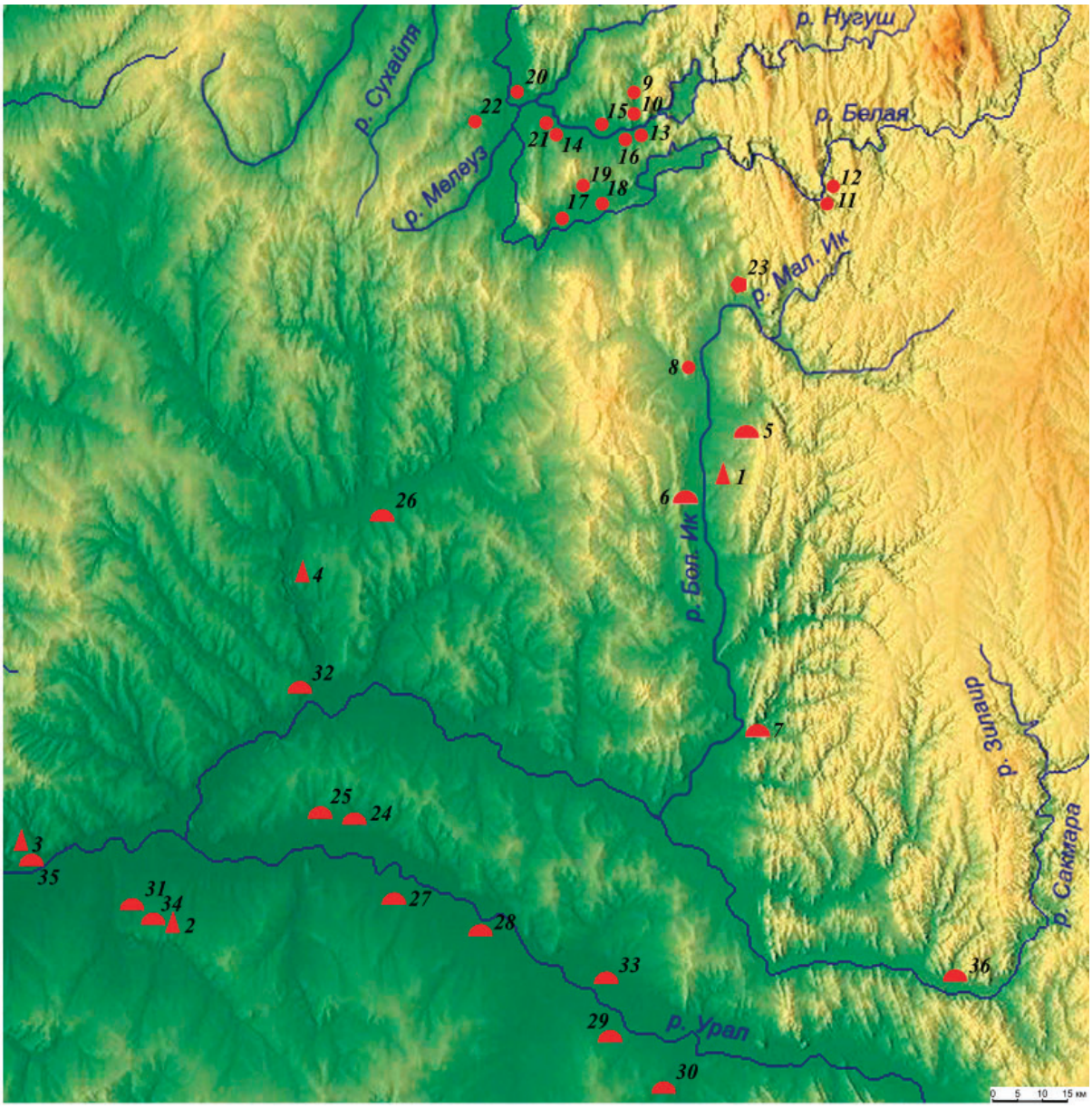


Рис. 1. Памятники золотоордынского времени в округе мавзолея Бэндэбике
Мавзолеи: 1 – Бэндэбикэ; 2 – Изобильновский; 3 – Мустаевский; 4 – Имангулово – 2. *Курганные могильники:* 5 – Башкир – Беркутовский; 6 – Акимбетовский III; 7 – Андреевский курган; 24 – Каменоозерный; 25 – Башкирское стойло; 26 – Октябрьские II; 27 – Бурначи I; 28 – Алабайтальский; 29 – Жанаталапский I и II; 30 – Карагач; 31 – Линевский; 32 – Татарская Каргала; 33 – Новочеркасский VII;34 – Пчельник; 35 – Россыпинские; 36 – Тлявгулово II. *Селища и стоянки:* 8 – Санзяповское; 9 – Хлебодаровское 3; 10 –Хлебодаровские 4 и 5; 11 – Батран-3; 12 – Акбута-3; 13 – Иткучуково-2; 14-Смаковское; 15 – Красноярские I и II; 16 – Басурмановское; 17 – Бельские II и III; 18 – Хасановское I; 19 – Апасево; 20 – Береговское III; 21 – Береково; 22 – Романовка I. *Случайные находки:* 23 – Находка кольчуги у с. Мраково.

Fig. 1. Monuments of the Golden Horde period in the Bandebike Mausoleum district
Mausoleums: 1 –Bandebike; 2 – Izobilnovsky; 3 – Mustaevsky; 4 – Imangulovo – 2. *Burial mounds:* 5 – Bashkir – Berkutovsky; 6 – Akimbetovsky III; 7 – Andreevsky kurgan; 24 – Kamenoozernyj; 25 – Bashkirskoe stojlo; 26 – Oktyabrskie II; 27 – Burnachi I; 28 – Alabajtalskiy; 29 – Zhanatalapskiy I, II; 30 – Karagach; 31 – Linevskiy; 32 – Tatarskaya Kargala; 33 – Novocherkasskiy VII; 34 – Pchelnik; 35 – Rossypinskie; 36 – Tlyavgulovo II. *Ancient villages and sites:* 8 – Sanzyapovskoe; 9 – Khlebodarovskoe 3; 10 –Khlebodarovsky 4 and 5; 11 – Batran-3; 12 – Akbuta-3; 13 – Itkuchukovo-2 ; 14- Smakovskoye; 15 – Krasnoyarsk I and II; 16 – Basurmanovskoye; 17 – Belsky II and III; 18 – Khasanovskoye I; 19 – Apasevo; 20 – Beregovskoye III; 21 – Berekovo; 22 – Romanovka I. *Accidental finds:* 23 - Armor from Mrakovo village.

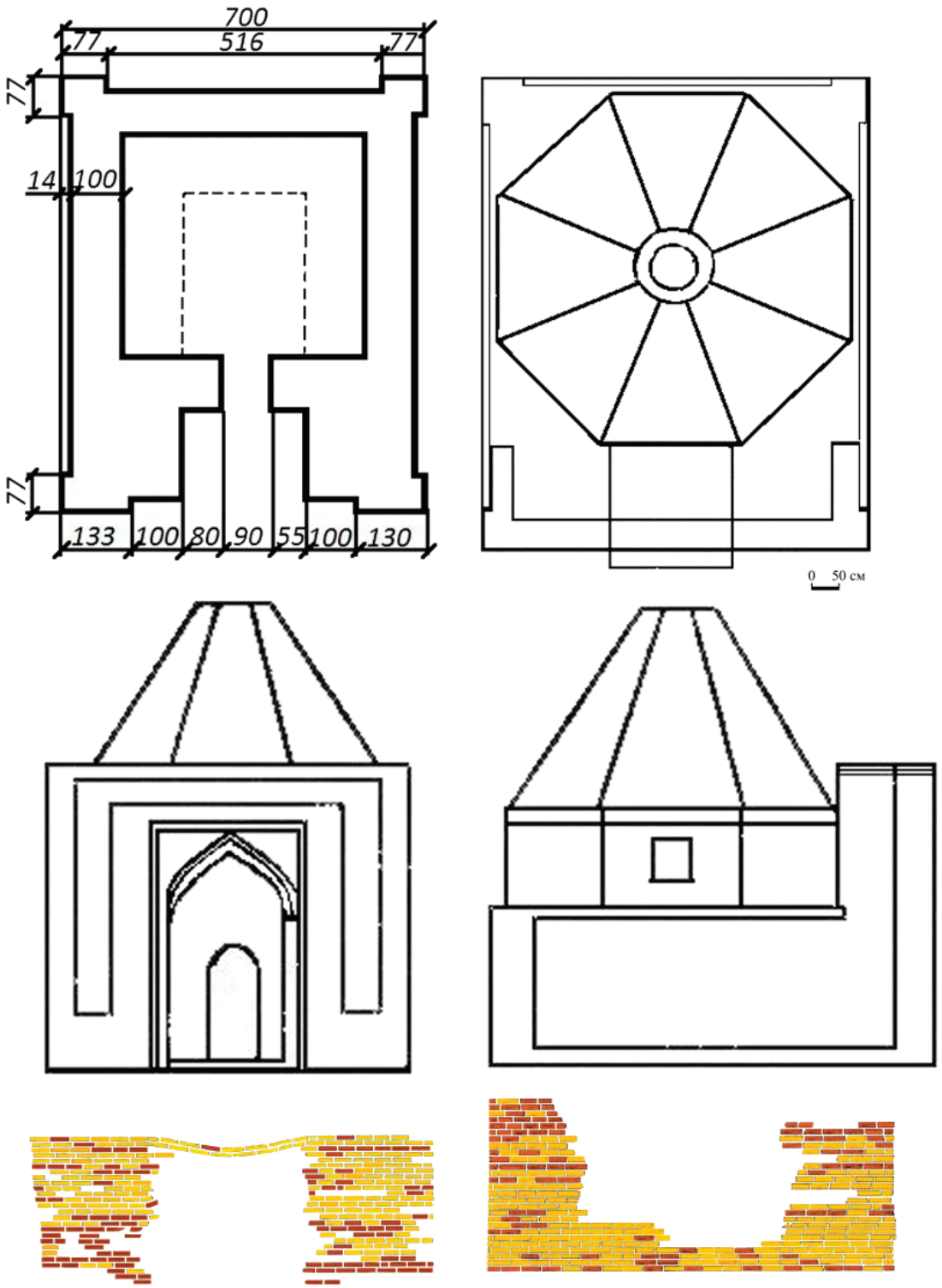


Рис. 2. Внешний вид и размерные показатели мавзолея Бэндэбике (по Н.А. Мажитову)
Fig. 2. Appearance and dimensional indicators of the Bandebike Mausoleum (after N.A. Mazhitov)

сначала обрушилась средняя часть купола, имевшая в некоторых местах деревянную подпорку. Кирпичная кладка арки угловых тромпов со сводом, которая сохранилась сверху обвала, обрушилась позднее. Окончательный обвал нижней части шатра и барабана произошел после падения западной стены (рис. 3: 2, 3).

Вокруг мавзолея, вдоль наружных стен, имелась кладка в три ряда кирпичей шириной около 50 см. Вероятно, пол был полностью выложен кирпичом. Кладка-мастаба была снята до появления материковой глины. В результате вдоль северной стенки мавзолея прослежено могильное пятно, ориентированное по линии восток-запад, глубиной 90 см, шириной 95 см, длиной более метра. Стены и пол могилы облицованы известняковыми плитами, по форме напоминающими кирпич, образующими каменный «сруб». Несколько

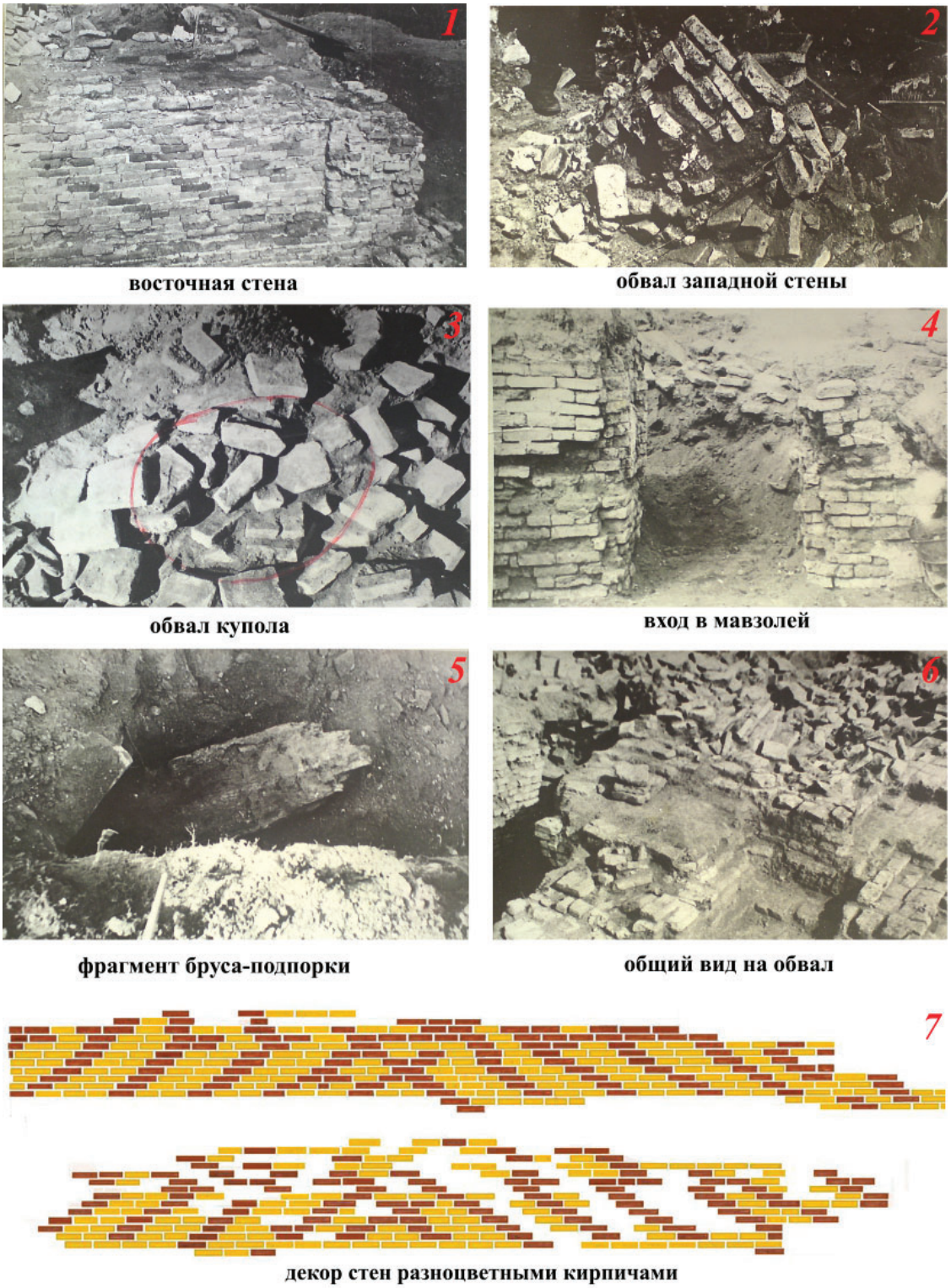


Рис. 3. Конструктивные особенности и декор стен мавзолея Бэндэбикэ (по Н.А. Мажитову).
Fig. 3. Design features and decoration of the walls of the Bandebike Mausoleum (after N.A. Mazhitov).

камней выступали на поверхности. На дне выявлен костяк женщины (?), покоившийся на спине, вытянуто, головой на запад. Кости рук лежали вдоль тела, правая нога чуть согнута в коленях. Н.А. Мажитов предположил, что пол могилы предварительно был усыпан золой, а сам труп был обернут лубом. При костяке вещей не обнаружено.

Могила на уровне -20 см от пола перекрыта деревом. На уровне пола мавзолея яма по краям и сверху была обложена кирпичами в несколько рядов. Наружная кладка сверху обмазана белой глиной (на полу мавзолея найдены большие куски этой обмазки). При обрушении деревянного перекрытия заполнение ямы провалилось внутрь могилы.

Н.А. Мажитов отмечал, что конструктивные особенности мавзолея показывают лежащий в его основе квадрат, разделенный на 36 клеток-модулей размером 111 см. Стены имели толщину одной клетки. Основное помещение равно 4×4 модуля. По диагонали угловых клеток переброшены арки тромпов. Расстояние между двумя дверями (длина портальной ниши) равно двум модулям и одному гязу[1].

Высота подкупольного пространства мавзолея составляла 330 см. Купол имел полусферическую форму, а барабан мавзолея – восьмигранную. Освещение внутреннего пространства усыпальницы происходило за счет дневного света, проникающего в оконные проемы, располагавшиеся на высоте 180 см.

При сооружении мавзолея в антисейсмических целях использовался глинистый раствор. Это же отмечено для мавзолея Тура-хана, где строители возвели мощный песчано-гравийный фундамент (Гарустович, Нечвалода, 2020, с. 160). Все эти способы, призванные поглощать подземные толчки, частые в условиях Кавказа и Средней Азии, говорят о привлечении зодчих, не знакомых с местными природными условиями.

Окружающий контекст. Очевидно, что такие постройки, требующие значительных трудозатрат и привлечения профессиональных мастеров, не возникают на пустом месте. Г.Н. Гарустович предполагал, что в мавзолеях хоронились только представители элиты кочевого общества (Гарустович, 2012, с. 126–136), в общей массе представленного селищами, курганами и ритуально-поминальными сооружениями известными и в округе мавзолея Бэндэбикэ входившей в состав улуса Шибана (рис. 1) (Костюков, 2010, с. 10, 183–184). Ближайшими к мавзолею памятниками XIII–XIV вв. являются – Башкир-Беркутовский (6,5 км к северо-востоку от мавзолея), III Акимбетовский (8 км к югу-юго-западу) могильники и Санзяповское селище (19 км к северу), где найдена лепная и гончарная керамика красного и желтого цвета с линейно-волнистым орнаментом, фрагменты чугунных котлов и железных бытовых изделий, небольшие бесформенные слитки металла и куски металлургического шлака (Рязанов, 2011, с. 32–33, 121).

Мавзолей Бэндэбикэ является самой северной постройкой из группы синхронных сооружений (Изобильновский, Мустаевский), расположенных в 220 км к югу-юго-западу в степном Оренбуржье (Моргунова, Краева, Матюшко, 2005, с. 5–49; Гарустович, Турецкий, 2011, с. 153–160; Харламов, 2018, с. 193–196). По нашему мнению, мавзолей мог маркировать одну из точек меридиональных перекочевок номадов, двигавшихся с правобережья р. Урал по линии Исянгулово-Мраково-Юмагузино, проходя восточнее хребта Малый Накас. Эта узкая степная долина, по которой протекает р. Большой Ик, являлась важным ландшафтным коридором, обеспечивавшим связь центральной части Оренбуржья и района Мугоджарских ворот с широтной излучиной р. Белая (Савельев и др., 2018, с. 35). Важно, что на выходе из этого степного коридора в предгорных и горных районах расположена группа поселений, синхронных Санзяповскому селищу (Савельев и др., 2018, с. 74–76), курганам и, по всей видимости, мавзолею (рис. 1).

Постройка мавзолея в окружении памятников XIII–XIV вв. позволяет говорить о вовлеченности данной территории в среду активного хозяйствования кочевников-кыпчаков (половцев) (Иванов, Гарустович, Пилипчук, 2014, с. 111), либо этнических групп, связанных с монголами (Башкир-Беруктовские курганы), продвинувшихся в XII – начале XIII вв. до среднего течения р. Белой (Азнаевский II курганный могильник) (Яминов, Яминова, 2011, с. 34–38; Гарустович, Иванов, 2019, с. 95–104).

Ислам в Золотой Орде насаждался сверху от высшей аристократической знати к низам кочевого мира (Васильев, 2007, с. 24). Неудивительно, что утверждение новой религии началось с возведения усыпальниц над погребениями кочевых аристократов, выступавших носителями инноваций в обществе. Таким образом, мавзолеи являлись способом продемонстрировать основной массе номадов, кочующих в округе мавзолея, величие ислама, а для знати возможностью принять новую веру, пусть и «декларативно» (Матюшко, 2011, с. 146–155).

Завершая, отметим, что возведение мавзолеев в ближайшей округе не прекратилось и в начале XV в. В 2011 г. в 80 км к югу-юго-западу от мавзолея Бэндэбикэ у с. Имангулово 2-е, раскопана сырцовая усыпальница с 3 безинвентарными погребениями с ляхдом (Матюшко, 2016, С. 153–160).

Примечание:

[1] Гяз – мера длины от кончиков пальцев до плеча, то есть 70-75 сантиметров.

ЛИТЕРАТУРА

Боталов С.Г., Маслюженко Д.Н., Миргалеев И.М., Парунин А.В., Русланов Е.В. Сорогин Е.И. История Южного Урала. Т. 5. У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX – начало XV века). Челябинск: Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Издательский центр ЮУрГУ, 2019. 424 с.

Васильев Д.В. Ислам в Золотой орде (Историко-археологическое исследование). Астрахань: Астраханский университет, 2007. 170 с.

Гарустович Г.Н. Еще раз о датировках мусульманских кирпичных мавзолеев степной полосы Волго-Уральского региона // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант; Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 126–136.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Азнаевский-2 курганный могильник XIII века в лесостепной зоне Южного Урала // Уфимский археологический вестник. 2019. № 19. С. 95–104.

Гарустович Г.Н., Нечвалода А.И. Средневековые каменные мавзолеи Башкортостана (история, археология, биоантропология). Уфа: Китап, 2020. 400 с.

Гарустович Г.Н., Турецкий М.А. Новый тип мусульманских мавзолеев золотоордынского времени на Южном Урале // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова Давыдова / Ред. Д.В. Васильев, Ю.А. Зеленеев, А.Г. Ситдиков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 153–160.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. I. Культовое зодчество. Казань, 2014. М.; Казань: Отечество, 2014. 448 с.

Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 396 с.

Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань: Фэн, 2010. 200 с.

Мажитов Н.А Отчёт о раскопках средневекового мавзолея Бэндэбикэ в Кугарчинском районе БАССР в 1969 г. // Архив УФИЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. № 750. 31 с.

Матюшко И.В. Средневековые мавзолеи в Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2011. С. 146–155.

Матюшко И.В. Сырцовый мавзолей на территории Оренбуржья // Известия Самарского научного центра РАН. 2016. Т. 18. № 3. С. 153–160.

Моргунова Н.Л., Краева Л.А., Матюшко И.В. Курганный могильник Мустаево V // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 7 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2005 С. 5–49.

Рязанов С.В. Металлургия железа на Южном Урале в XIII–XIV вв. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2011. 125 с.

Савельев Н.С., Котов В.Г., Овсянников В.В., Румянцев М.М., Русланов Е.В., Ахметова Е.А. Древности Башкирского Урала. Уфа: Информреклама, 2018. 216 с.

Харламов П.В. Золотоордынские кирпичные мавзолеи западного Оренбуржья // Археология Евразийских степей. 2018. №4. С. 193–196.

Яминов А.Ф., Яминова С.А. Башкир-Беркутовский тип: курганы Волго-Уралья и монголы // Проблемы востоковедения. 2011. №1(51). С. 34–38.

Информация об авторе:

Русланов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологических исследований, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Россия); butleger@.ru

REFERENCES

Botalov, S. G., Maslyuzhenko, D. N., Mirgaleev, I. M., Parunin, A. V., Ruslanov, E. V. Sorogin, E. I. 2019. *Istoriya Yuzhnogo Urala. T. 5. U istokov yuzhnoural'skih narodov. Yuzhnyi Ural v epokhu Zolotoi Ordy (IX - nachalo XV veka) (History of the Southern Urals. Volume 5. At the Origins of the South Ural Peoples. Southern Urals in the Golden Horde Period (9th - Early 15th Centuries)*. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).

Vasiliev, D.V. 2007. *Islam v Zolotoj orde (Istoriko-arheologicheskoe issledovanie) (Islam in the Golden Horde (Historical and Archaeological Study)*. Astrakhan: Astrakhan University (in Russian).

Garustovich, G. N. 2012. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 5. Kazan: “Foliant” Publ.; Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 126–136 (in Russian).

Garustovich, G.N., Ivanov, V.A. 2019. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 19. 95–104 (in Russian).

Garustovich, G. N., Nechvaloda, A. I. 2020. *Srednevekovye kamennye mavzolei Bashkortostana (istoriia, akheologiia, bioantropologiya) (Medieval Stone Mausoleums of Bashkortostan (History, Archaeology, Bioanthropology)*. Ufa: "Kitap" Publ. (in Russian).

Garustovich, G. N., Turetsky, M. A. 2011. In Vasiliev, D. V., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani of the Tatarstan Academy of Sciences, 153–160 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2014. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde)* 1. *Kul'tovoe zodchestvo (Ritual Architecture).* Moscow; Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Ivanov, V. A., Garustovich, G. N., Pilipchuk, Ia. V. 2014. *Srednevekovye kochevniki na granitse Evropy i Azii (Medieval Nomads on the Border between Europe and Asia).* Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).

Kostiukov, V. P. 2010. *Ulus Shibana Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv. (Shibana Ulus of the Golden Horde in 13th –14th centuries).* Kazan: "Fen" Publ. (in Russian).

Mazhitov, N.A. 1969. *Otchet o raskopkakh srednevekovogo mavzoleia Bendebike v Kurganskom raione BASSR v 1969 g. (Report on the Excavations of the Medieval Mausoleum of Bendebike in Kugarchinsky District of the BASSR in 1969).* Archive of the Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences. Fund 2. Inv. 1. Doisser 750 (in Russian).

Matyushko, I. V. 2011. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 9. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 146–155 (in Russian).

Matyushko, I. V. 2016. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences).* Vol. 18, no. 3. 153–160 (in Russian).

Morgunova, N. L., Kraeva, L. A., Matyushko, I. V. 2005. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 7. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 5–49 (in Russian).

Ryazanov, S. V. 2011. *Metallurgiya zheleza na Yuzhnom Urale v XIII – XIV vv. (Iron Metallurgy in the South Urals in the 13th – 14th Centuries)*. Ufa: Institute of Ethnological Studies named after R.G. Kuzeev, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Savel'ev, N. S., Kotov, V. G., Ovsyannikov, V.V., Rumyantsev, M. M., Ruslanov, E. V., Akhmetova, E. A. 2018. *Drevnosti Bashkirskogo Urala (Antiquities of the Bashkir Urals)*. Ufa: "Informreklama" Publ. (in Russian).

Kharlamov, P. V. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (4), 193–196 (in Russian).

Yaminov, A. F., Yaminova, S. A. 2011. In *Problemy vostokovedeniia (The Issues of Oriental Studies)* 51 (1), 34–38 (in Russian).

About the Authors:

Ruslanov Evgeny V. Candidate of Historical Sciences, Institute for History, Language and Literature, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Oktyabrya Av., 71, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; butleger@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г..

УДК 902/904 ttps://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.114.124

УНИКАЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2022 г. П.В. Харламов

В статье представлены предметы вооружения кочевников эпохи средневековья, имеющие различную историю происхождения. Уникальность данных образцов заключается в отсутствии прямых аналогий в средневековых памятниках кочевников. В научный оборот вводятся находки оружия ближнего и дальнего боя, защитного вооружения. Хронологически предметы вооружения относятся к трем периодам: эпоха раннего средневековья VII–VIII вв.; домонгольский период XI–XII вв.; золотоордынский период XIII–XIV вв.

Ключевые слова: археология, Оренбургская область, кочевники эпохи средневековья, предметы вооружения.

UNIQUE MEDIEVAL ARMAMENT ITEMS FROM ORENBURG OBLAST

P.V. Kharlamov

The paper features armament items of the nomads of the Middle Ages with different origin histories. The uniqueness of these samples lies in the absence of direct analogies in medieval nomadic monuments. The discovered melee and ranged weapons, and defensive armament are introduced into scientific discourse. In terms of chronology, the weapons belong to three periods: the early Middle Ages of the 7th–8th centuries, the pre-Mongol period of the 11th–12th centuries, and the Golden Horde period of the 13th–14th centuries.

Keywords: archaeology, Orenburg Oblast, nomads of the Middle Ages, armament items.

В эпоху средневековья степи Волго-Уральского региона являлись одним из основных коридоров для переселения, или вторжения кочевых племен с востока Евразийского континента в его западную часть. Не редко, межэтнические контакты заканчивались мелкими, а иногда и крупными боевыми столкновениями с населением, которое занимало эту территорию до прихода очередной волны кочевников.

Свидетельством таких контактов являются погребальные памятники и случайные находки различных предметов принадлежавших кочевникам эпохи средневековья. В данной работе рассмотрены предметы вооружения, хронологически охватывающие временные рамки использования с VII по XIV вв. Часть предметов обнаружена в результате научных изысканий, другая имеет случайную историю обнаружения, либо выявлена в результате любительских археологических раскопок. Представленные предметы вооружения являются во многом уникальными находками, в виду их сохранности и отсутствию прямых аналогий.

Палаш (рис. 1) – обнаружен при раскопках средневекового кургана у с. Алексеевка Переволоцкого района, исследованного местным учителем истории в 60-х годах XX вв.

Находки из кургана были переданы в Оренбургский областной краеведческий музей (номер хранения ОРОМ 306/1-13). Помимо палаша были переданы 11 черешковых наконечников стрел различного сечения.

Палаш с кольцевым навершием рукояти, ножны не сохранились, состояние металла – хорошее. Общая длина 76,5 см. Длина полотна клинка 59 см. Конец клинка слегка расплюснут и имеет обоюдоострую заточку длиной около 6,5 см. Ширина полотна у рукояти 3,3 см. Длина рукояти с навершием 16,2 см, без навершия 12,4 см. Длина навершия 4,2 см. Навершие наварное, имеет фрагменты обкладки из цветного металла, желтого цвета (рис. 1: 2). Перекрестье напускное, длина 6 см, по краям имеет расширение.

В памятниках кочевников Приуралья, мечи с кольцевым навершием впервые появляются в раннем железном веке, в прохоровское время (III–II вв до н.э.), а наибольшее распространение получают в среднесарматское время (I в. до н.э – II в н.э.) (Хазанов, 1971, с. 9–12). В рассматриваемом регионе это первая находка подобного типа клинка, относящаяся к эпохе раннего средневековья. Этот вид клинкового вооружения начинает свое распространение в период тюркских каганатов. Изображения прямых клинков с кольцевидным

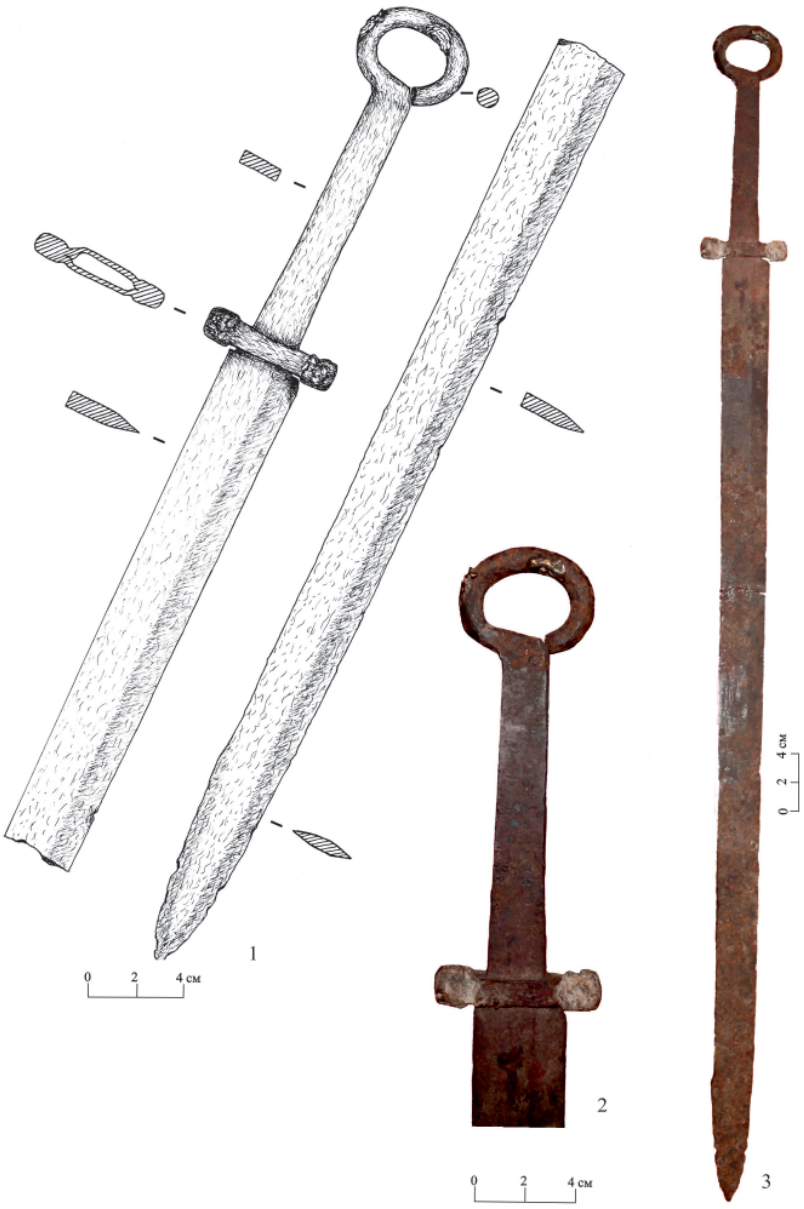


Рис. 1. Железные палаш, обнаруженный у с.Алексеевка в Переволоцком районе Оренбургской области.
Fig. 1. Iron broadsword found near Alekseevka village in the Perevolotsky District of Orenburg Oblast.

навершием, прямым перекрестием и расширениями на концах встречаются на древнетюркских изваяниях VII–VIII вв (Борисенко и др., 2006, с. 81). Население Алтая использует клинки с кольцевидным навершием на протяжении IV-XI вв. (Горбунов, 2006, с. 64).

Мечи с кольцевидным навершием были распространены в Китае, Японии и Корее в VI-VII вв. Изображения подобных клинков можно встретить на фресках Согдийского Пенджикента и в ряде других среднеазиатских памятников VII–VIII вв. (Комар, 2008, с. 290–291).

Достаточно близки по оформлению перекрестий и наверший рукоятей, клинки Перещепинского круга памятников (Комар, 2008, с. 193).

Близкие по морфологическим признакам клинки хранятся в краеведческих музеях г. Красноярска, г. Северск Томской области и в музее истории Бурятии (Госкаталог Музейного фонда РФ №№ 29884686, 25344140; Мясников, Ярославцева, 2017, с. 58–59). Известны случайные находки клинков с кольцевым навершием и в Алтайской Республике (Соенов, 2017, с. 142–149; Мамадаков и др., 2017, с. 32–34). Все находки из указанных регионов датируются в пределах VI–VIII вв.

Необходимо указать общую особенность этих клинков: кольцевидное навершие рукояти, часто украшавшееся покрытием из цветных металлов; прямые перекрестия с расширениями на концах; достаточно длинная прямая рукоять и массивный однолезвийный клинок.

Таким образом, палаш, обнаруженный в ходе "археологических раскопок" у с. Александровка, на основании приведенных аналогий, может быть датирован в рамках VII–VIII вв. Отличительной особенностью данного пала-

ша является обоюдоострый кончик клинка, позволявший наносить как рубящие, так и колющие удары.

Следующий комплекс исследован в 2019 г. в ходе археологических раскопок I курганного могильника у с. Андреевка в Саракташском районе Оренбургской области.

Предметы вооружения эпохи средневековья выявлены в курганах 1 и 2 (Купцов, Харламов, 2020). В данной работе будет представлен комплекс из кургана 2.

Курган 2, скорее всего, не содержал погребения по обряду трупоположения, так как отсутствовали фрагменты костей человека и могильная яма. Все находки компактно располагались на уровне материка. Вместо могильной ямы было выкопано небольшое углубление, куда был положен жертвенно-поминальный инвентарь (Харламов, 2021).

На дне ямы находились остатки кожаного колчана -металлический обклад с системой портупейного подвеса (стрелковый пояс). Под колчаном находился железный боевой нож (рис. 2: 1).

Колчан и система портупейного подвеса. Обклад колчана изготовлен из свинцово-оловянистого сплава. Спектральный анализ металла показал, что концентрация олова достигала от 53 до 64%, а свинца от 34 до 44% с примесью других металлов.

Морфологические детали колчана:

Обклад колчана состоял:

1. Пластина приемника, выполнявшая роль каркаса рамки. Полуовальная в сечении, обжимала основу колчана (карман), крепилась при помощи гвоздей (рис. 2: 2а). Высота кармана составляла около 17,5 см.

2. Обжимная пластина полуцилиндрической формы, прямоугольная в сечении, выполнявшая функцию ребра жесткости горловины колчана (рис. 2: 2б). Общая длина (в развернутом виде) – 17,3 см, ширина 1,8–2,1 см.

3. От пластины, укреплявшей горловину, на всю длину колчана (55 см) отходила продольная пластина, распавшаяся от времени на множество мелких фрагментов (рис. 2: 2в).

4. В центральной части колчана располагалась широкая пластина трапециевидной формы. Выявлена при зачистных работах. На пластине имеется четыре отверстия для крепления на реечную основу колчана при помощи гвоздей (рис. 2: 8). Скорее всего, данная пластина, играла роль ребра жесткости в центральной части колчана. Размеры пластины: длина 23,5 см, ширина от 2,7 до 3,5 см.

5. Серебряная пластина украшала центральную часть колчана (рис. 2: 2г). Судя по сохранившимся мелким отверстиям – нашивная.

Сохранившиеся металлические пластины обклада колчана крепились на реечную основу каркаса при помощи гвоздей изготовленных из свинцово-оловянистого сплава (рис. 2: 3). Можно предположить, что колчан был полуцилиндрическим в сечении.

Детали подвеса колчана (колчанные петли):

Функциональным назначением колчанной петли являлось креплением колчана к системе саадачного (стрелкового) пояса и фиксации его в наклонном положении для оптимального использования стрелком (Зинченко, 2010, с. 150).

Пластина 1. Пластина трапециевидной формы, с заостренными концами (рис. 2: 4а). В центральной части пластины имеется прямоугольное отверстие для продевания ремня длиной 2,3 см и шириной 0,3 см. Длина пластины 10 см, ширина 1,1–1,4 см, толщина 0,4 см. Изготовлена из плоского листа металла толщиной около 0,2 см, который затем был свернут. По краям пластины имеются округлые отверстия.

Пластина 2. Аналогична пластине 1. Длина пластины 9,1 см, ширина 1,6 см, толщина 0,4 см (рис. 2:4б).

В центральной части колчана расчищены бляхи от кожаного ремня, аккуратно расположенные сбоку от колчана. Основа блях изготовлена из свинцово-оловянистого сплава, лицевая часть украшалась серебряными пластинами. Все бляхи крепились к несохранившемуся кожаному ремню при помощи бронзовых скоб (рис. 2:7).

Бляхи биметаллические представлены двумя типами:

1 тип – наконечники ремней прямоугольной формы, с закругленным кончиком. Всего 3 экземпляра (рис. 2: 6а);

2 тип – наременные накладки. Разные по форме, из них 2 экземпляра каплевидной формы с отростками на концах и 1 в виде песочных часов (восьмеркообразная). Всего 3 экземпляра (рис. 2: 6б).

Реконструируемая длина колчана составляла около 77 см, ширина приемника была в пределах 8-10 см. Нижняя часть колчана, по всей видимости, была шире приемника в два раза. К поясу колчан подвешивался с помощью двух петель и системы кожаных ремней, крепившихся к каркасу в области приемника и в центральной части футляра. Стрелковый

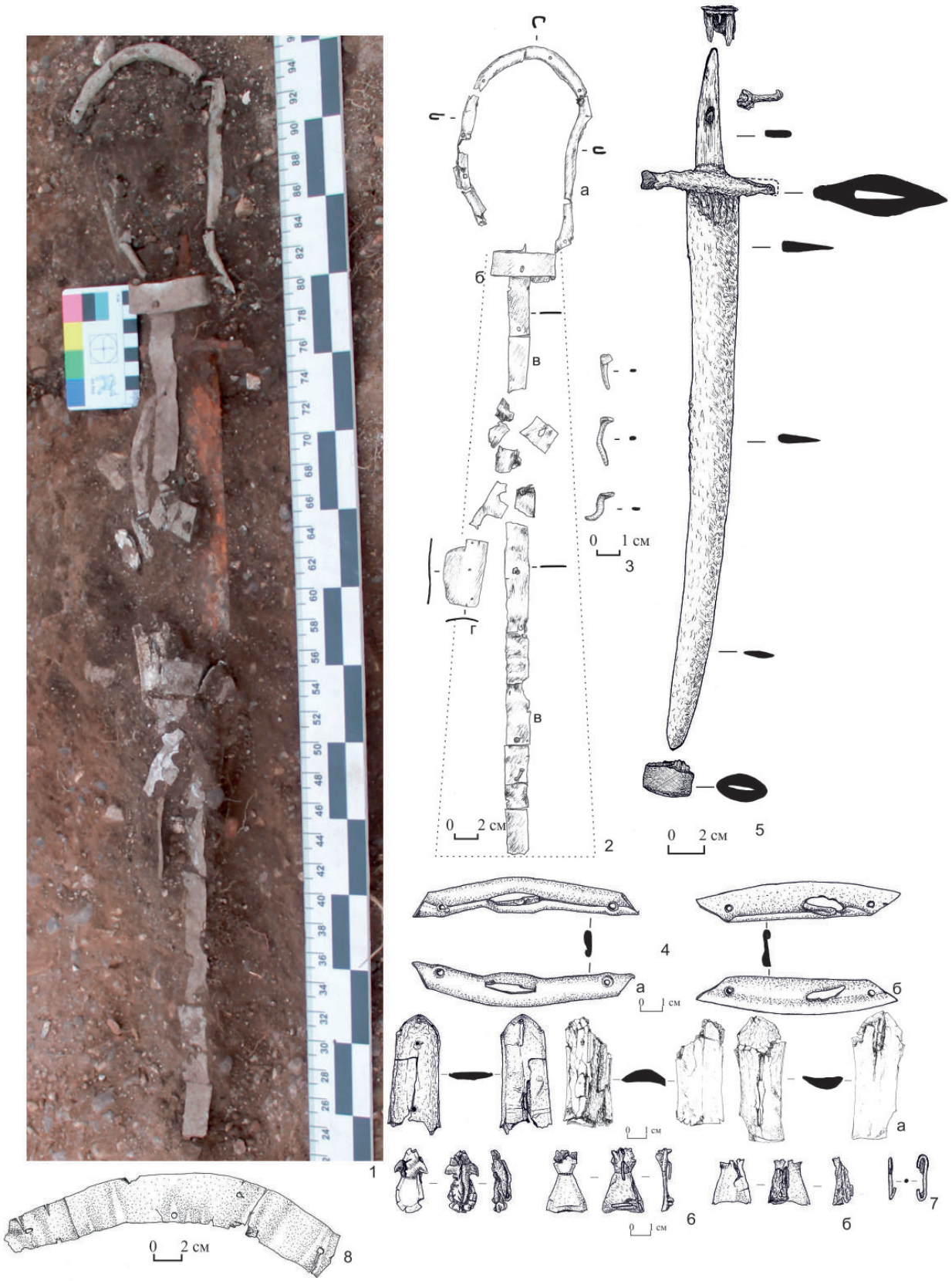


Рис. 2. I курганный могильник у с. Андреевка. Курган № 2. 1 – фотография комплекса находок; 2–3 – обклад колчана и гвозди для крепления пластин; 4 – колчанные петли; 5 – боевой нож; 6 – пластины стрелкового пояса: а – концевые, б – наременные; 7 – медная скоба; 8 – центральная обжимная пластина. Материал: 1 – свинцово-оловянистый сплав; 2 – серебро; 3 – железо.

Fig. 2. I burial mound near Andreevka village. Barrow No. 2. 1 – photograph of the complex of finds; 2–3 – quiver lining and nails for attaching the plates; 4 – quiver loops; 5 – combat knife; 6 – shooter's belt plates: a – end plates, b – belt plates; 7 – copper bracket; 8 – central crimping plate. Material: 1 – lead-tin alloy; 2 – silver; 3 – iron.

пояс украшался наременными накладками и концевыми пластинами.

Точных аналогий для данного колчана найти не удалось, колчанные петли и обклад колчана из свинцово-оловянистого сплава в памятниках кочевников IX–XIV вв. встречаются впервые, но в целом их форма аналогична костяным. Обклад колчана схож по конструктивным особенностям с кыргызскими колчанами IX–XII вв, украшавшимися по схожей схеме, но при помощи костяных накладок. Близкие по форме колчаны с металлическим обкладом кармана, встречаются в памятниках аварского и мадьярского времени (Генинг, Халиков, 1964, с. 47–50). В литературе подобного рода колчаны выделяются в отдельный тип, и известны как колчаны со срезанным верхом или с карманом. Подобный вид колчанов продолжает использоваться кочевниками на протяжении всего периода средневековья, о чем свидетельствуют как погребальные памятники, так и изобразительные источники.

Боевой нож – размещался под колчаном, деревянные ножны не сохранились (рис. 2: 5). Общая длина клинка с рукоятью составляет 39,6 см. Имеет (кривизна по С.А. Плетневой – 1 см) слабоизогнутое лезвие, рукоять снабжена железным цельным напускным перекрестием (Плетнева, 1973, с.18). Длина лезвия 31,2 см, ширина у перекрестия 3,1 см. Примерно по 1/2 части клинка (16 см) идет обоюдоострая заточка. Остальная часть лезвия имеет трехгранное сечение толщиной 0,6 см. Сохранились наконечник ножен и навершие рукояти. Имеют общие конструктивные особенности. Основа которых состояла из железной обжимной, округлой обоймы крепившееся к деревянным частям клинка, с торца в нее вставлялась овальная пластина с отверстиями под два гвоздя.

Перекрестие удлиненно – ромбической формы, ромбическое в плане. Оба кончика имели расширения (расплюснуты), хорошо сохранился только один, на нем фиксируется отпечаток от ткани. Размеры перекрестия: длина 7,5 см, ширина 1,3 см в центре.

Длина рукояти 7,3 см, ширина у перекрестия 1,8 см. В 3,2 см от перекрестия в центре пластины имеется отверстие с сохранившейся железной заклепкой.

Боевой нож с прямым перекрестием с расширением на концах не имеет прямых аналогий. По всей видимости, данный клинок был переделан из обломка сабли, на что указывают размеры эфеса и полотна клинка. Сабельные клинки, снабженные подобным типом перекрестия, были распространены в степях Восточной Европы в XI–XII вв. (Кирпичников, 1988, с. 115).

Судя по вещевому инвентарю, данный комплекс относится к эпохе средневековья. Хронологические рамки использования комплекса вооружения XI–XII вв.

Весной 2017 г. в археологическую лабораторию ФГБОУ ВО "ОГПУ" был передан железный шлем и пластина (номер хранения ФХ ФЗК МАОГПУ 47\1-5). Железный шлем найден местными жителями на правом берегу р. Каргалка, западнее с. Бродецкое Оренбургского района Оренбургской области. Дальнейшее обследование места находки выявило две прямоугольные пластины, которые могли являться деталями конструкции бармицы.

Общее состояние защитного наголовья можно охарактеризовать как удовлетворительное (рис. 3: 1, 2). Шлем был покрыт толстым слоем ржавчины, местами коррозия проникла довольно глубоко в металл. Некоторые детали безвозвратно утрачены. Коррозией практически полностью была изъедена левая боковая часть и правая сторона наголовья. Значительные повреждения имелись на задней части тульи, где сохранились две заклепки. В 2018 г. шлем был отдан на реставрацию. Реставрационные работы со шлемом проводились в ГБУК РО "Новочеркасском музее истории Донского казачества" (рис. 3: 3, 4).

Высота боевого наголовья вместе с навершием составляет 18,5 см, без навершия 15,8 см, диаметр 24,5 см. Вес 972 г. Тулья шлема изготовлена из одного куска листового железа. Соединительный шов не фиксируется. Примерно на высоте 4,5 см от основания на тулье шлема сохранились 2 крупные заклепки диаметром 0,6-0,7 см, покрытые серебряной фольгой (рис. 4: 1) Расстояние между заклепками 11,4 см. Под одной из заклепок, на поверхности шлема, сохранился фрагмент кожи. Еще одна аналогичная заклепка зафиксирована на фрагменте шлема, обнаружена на месте фиксации на р. Каргалка. Поэтому можно предположить, учитывая сохранность защитного наголовья, что таких заклепок могло быть 6 или 8 штук.

С правой стороны, сбоку, на внутренней поверхности шлема зафиксировано еще две, хорошо сохранившиеся железные заклепки, которые расположены в 6,2 см друг от друга, диаметр заклепок 0,5 см.

На лицевой части тульи, имеются вырезы для глаз (рис. 3, 4: 1, 3). Чтобы улучшить

Рис. 3. Шлем, обнаруженный на р. Каргалка в Оренбургской области.
1–2 – вид на шлем до реставрационных работ; 3–4 – после проведения реставрационных работ.
Fig. 3. Helmet found on the Kargalka river in Orenburg Oblast.
1–2 – view of the helmet before restoration work; 3–4 – after the restoration work.

защитные свойства шлема, была использована металлическая пластина, повторяющая форму вырезов для глаз, образуя при этом так называемые брови (рис. 4: 3). Длина пластины 12 см, ширина над бровями 0,7 см, толщина 0,2 см. На накладной пластине в районе переносицы имеется небольшой щиток трапециевидной формы, шириной от 2,4 до 1,8 см. Ширина шлейфа для скольжения наносника варьируется от 1,5 до 1,8 см. Пластина прикреплена к тулье с помощью двух заклепок. Для этого кончики пластины были расплющены, и проделаны монтажные отверстия. Диаметр заклепок 0,8 см.

На то, что наносник был подвижный, указывают два отверстия, расположенные чуть выше пластины, на лобной части шлема. Пробитые острым предметом отверстия расположены симметрично. Диаметр отверстий 0,3 см, расстояние между ними 1,4 см.

Скоба для крепления болта не сохранилась. Подвижная стрелка наносника так же утрачена. Можно лишь предполагать, что она была шириной около 1,4 см.

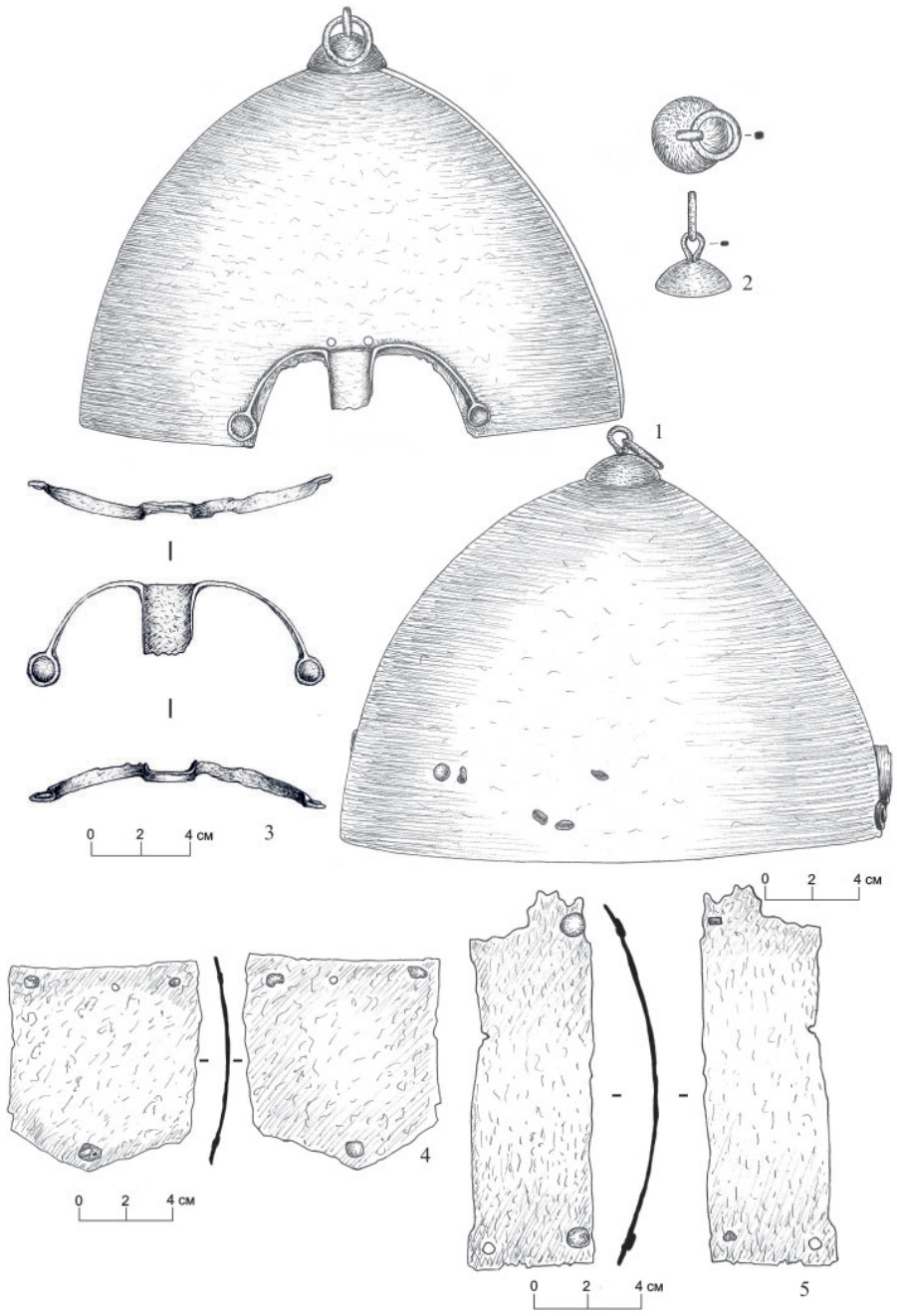


Рис. 4. Прорисовка шлема, обнаруженнного на р. Каргалка в Оренбургской области.
1 – шлем; 2 – навершие шлема; 3 – накладная пластина; 4, 5 –железные пластины.
Fig. 4. Drawing of a helmet found on the Kargalka river in Orenburg Oblast.
1 – helmet; 2 – helmet pommel; 3 – cover plate; 4, 5 – iron plates.

Шлем венчает полусферическое навершие со сквозным отверстием по центру (рис. 4: 2). Прикреплено с помощью металлического согнутого пополам стержня, плотно вставленного в отверстие навершия и зафланцовано внутри шлема. Изогнутый стержень имеет полукруглую рамку диаметром 1 см, и толщиной 0,3 см, в котором закреплено подвижное колечко, для плюмажа. Навершие изготовлено из железа, цельное, диаметром 3,5 см, высотой 1,5 см. Диаметр подвижного колечка для плюмажа 2,2 см, толщина 0,2 см, подквадратное в сечении.

Визуально поверхность шлема не имеет повреждений, которые могли бы появиться в ходе его использования (кроме утрат, полученных вследствие коррозии металла).

Вместе со шлемом обнаружено две пластины, одну из пластин можно предварительно отнести к наушам (рис. 4: 4), а другую к одному из элементов бармицы (рис. 4: 5).

На то, что вышеупомянутые пластины являлись деталями шлема, указывают различные морфологические признаки: остатки посеребрения заклепок и их расположение, металлографический анализ, форма.

По мнению М.В. Горелика, боевые наголовья с навершием, снабженные колечками для плюмажа, надбровными вырезами, накладными надбровными пластинами и подвижной носовой стрелкой начинают появляться в XIV в. Данное предположение высказано им по многочисленным иранским миниатюрам XIV в. (Горелик, 2002, с. 28; Горелик, 1983).

Похожие по форме тульи, сфероконические шлемы встречаются на Северном Кавказе, но они отличаются процессом изготовления и общими деталями. В целом, практически все они относятся к четырехчастным шлемам, часто данные шлемы оснащались навершиями в виде подвижного кольца (Чхаидзе, Дружинина, 2010, с. 114). Датируются эти шлемы золотоордынским временем.

Четырехчастные шлемы с вырезами для глаз на тулье шлема, использовались на протяжении всего золотоордынского времени. Предполагается, что часть шлемов обнаруженных в средневековых погребениях Северного Кавказа с вырезами для глаз, могли снабжаться узкими накладными пластинами образующие форму "бровей" и наносника (Нарожный, 2005, с.100).

Следующие аналогии мы находим у так называемых шлемов Вавельского типа, где целая серия боевых наголовий датируется большим хронологическим периодом применения с конца XIV по XVII вв. (Горелик, 2010, с. 153). Но конструктивные элементы этого типа шлемов существенно отличаются от находки из Оренбургской области. Например, основная часть тульи Вавельского типа шлемов откована из одного куска железа, но для крепления бармицы к нему отдельно приваривался железный обруч (венец), на котором вырезались отверстия для глаз. Часто этот тип шлемов богато украшался декором в виде линий и бутонов цветков. Кроме этого, Вавельский тип шлемов имел свой специфический способ крепления бармицы с помощью металлического прута. Он продевался в специально свернутые в трубочку зубья, которые держали бармицу (Бакрадзе, 2017, с. 187).

Сфероконические шлемы с подвижным наносником, выдвигающимся до подбородка, можно встретить в иранской миниатюре из рукописи Шах-Наме (Бакрадзе, 2017, с. 189, рис. 4.12). По форме купола тульи, шлем близок «Каргалинскому наголовью».

В целом основываясь на средневековой батальной персидской иконографике, можно выделить разнообразные комплексы защитного вооружения, и в некоторых случаях найти аналогии для интересующего нас шлема (Эфендиев, 2009, с. 119–123; Горелик, 2002, с. 76–77).

Следующим упоминанием о появлении шлемов с подвижным наносником является труд испанского посла Руи Гонсалеса де Клавихо совершивший путешествие в Самарканд в 1403–1406 гг, ко двору Тамерлана. Испанский посол довольно подробно описывает свое путешествие, фиксируя наиболее важные, как ему казалось события, традиции и уклад жизни подданных огромной империи Тимура. Руи Гонсалес де Клавихо упоминает в своем дневнике, о специальных оружейных мастерских, где пленными мастерами изготавливались латы и шлемы. Испанский посол приводит краткое описание доспехов, а так же подробно описывает шлем с подвижным наносником: "А шлемы эти круглые и высокие, некоторые до самого верха, перед лицом против носа тянется полоса, шириной в два пальца, доходящая до бороды, которая может подниматься и опускаться. Она сделана для того, чтобы защитить лицо от поперечного удара клинком..." (Клавихо, Руи Гонсалес де, 1990, с. 141).

Таким образом, ни одной точной аналогии к шлему подобрать пока не удалось, что делает его уникальным и, возможно, индивидуальным образцом защитного вооружения, изготовленного под заказ на территории Средней Азии или Северного Ирана. Большая проблема состоит в точном датировании шлема в связи с его случайным обнаружением, вне археологического комплекса. Поэтому только по косвенным признакам, которые мы находим у различных типов шлемов, таких как форма тульи, архаичное оформление навершия, накладные пластины, персидские миниатюры и письменные источники, позволяют нам датировать данное боевое наголовье второй половиной XIV – началом XV вв.

В настоящий момент представленные предметы обнаружены в единственных экземплярах. Они имеют свои уникальные характеристики и не имеют прямых аналогий в средневековых памятниках. Рассмотренные предметы палаш, колчанный комплекс, боевой нож и полусферический шлем, возможно, являются единичными экземплярами, изготовленные по индивидуальным заказам. Сам факт находок, подобных предметов, во многом расширяет кругозор исследователей на комплекс вооружения кочевников на различных этапах эпохи средневековья в Приуральских степях.

ЛИТЕРАТУРА

Бакрадзе. И.З. Шлем Вавельского типа в историческом музее г. Цагери (Грузия) // Археология Евразийских степей. 2017. №5. С. 186–195.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Вооружение Западных тюрок // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. № 3. С. 70–86.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 200 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Восточный горизонт, 2002. 86 с.

Горелик М.В. Воины Грюнвальдсой победы // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2010.№ 1. С. 146–160.

Горелик. М.В. Монголо-татарское вооружение второй половины XIV – начала XV вв // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины / Гл. ред. Б.А. Рыбаков. М.: МГУ, 1983. URL: https://kitabhona.org.ua/libwar_armor/gorelikmongolarmor.html (дата обращения: 15.10.2021).

Зинченко А.С. Костяные колчанные петли Сибири и некоторые особенности их крепления // Вопросы истории, международных отношений и документоведения. Вып. 5 / Отв. ред. А.В. Литвинов. Томск: Изд-во Томского университета, 2010. С. 150–152.

Комар А.В. Наследие Западнотюркского каганата в восточной Европе // Збіркапраць на пошанудійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагодийого 70-річчя. / ред. Г. Івакін. К.: Корвінпрес, 2008. С. 288–300.

Купцов Е.А. Харламов П.В. Предварительные итоги исследования I курганного могильника ус. Андреевка в центральном Оренбуржье // Маргулановские чтения – 2020: материалы международной научно-практической конференции «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Т. 2. / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. С. 286–294.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. Вып. I / САИ. Вып. Е1-36. М.-Л.: Наука, 1966. 143 с.

Клавихо Руи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). М.: Наука, 1990. 211 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.

Мамадаков Ю.Т., Кунгуров А.Л., Чекурашев А.Г., Барзынов Я.Р. Воинский схрон тюркского времени на горе Ак-Кая (Онгудайский район Республики Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 2 (18). С. 30–40.

Мясников В.Ю., Ярославцева Л.Г. Три средневековых клинка из коллекции национального музея Республики Бурятия // Теория и практика археологических исследований. 2017. №3 (19). С. 57–68.

Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). Армавир: АГПУ, 2005. 210 с.

Плетнева С.А. Древности черных клобуков / САИ. Вып. Е1-19. М.: Наука, 1973. 96 с.

Соенов В.И. Находка железного палаша на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIII / Отв.ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 142–150.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 169 с.

Харламов П.В. Отчет о раскопках объекта культурного наследия "I курганный могильник у с. Андреевка" (Курганный могильник I) в Саракташском районе Оренбургской области по открытому листу №0836-2019 в 2019 г. / Архив учебной археологической лаборатории ФГБОУ ВО ОГПУ, 2021.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Тяжеловооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2010.№ 1. С. 110–125.

Эфендиев А. Батальный жанр Азербайджанской Миниатюрной живописи XIII-XVI веков. Баку: Изд-во университет "Хазар", 2009. 182 с.

Информация об авторе:

Харламов Павел Викторович научный сотрудник учебной археологической лаборатории, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); kharlamovmore@rambler.ru

REFERENCES

Bakradze, I. Z. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 186–195 (in Russian).

Borisenko, A. Yu., Khudyakov, Yu. S., Tabaldiev, K. Sh., Soltobaev, O. A. 2006. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 5 (3), 70–86 (in Russian).

Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (Early Bolgars on the Volga River (Bolshie-Tarkhany Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gorbunov, V. V. 2006. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie). (Altai Population's Military Science in 3th – 4th Century A.D. Part II. Offensive weaponry (arms))*. Barnaul: State University (in Russian).

Gorelik, M. V. 2002. *Armii mongolo-tatar X–XIV vekov. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie (Armies of the Mongol-Tatars in the 10th – 14th cc. Military Arts, Equipment and Armament)*. Moscow: "Vostochniy gorizont" Publ. (in Russian).

Gorelik M.V. 2010. In *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii (Batyr. Traditional Mi1itary Culture of the Peoples of Eurasia)* 1, 146–160 (in Russian).

Gorelik, M. V. 1983. In Rybakov, B. A. (ed.- in chief.) *Kulikovskaia bitva v istorii i kul'ture nashei Rodiny (Battle of Kulikovo in the History and Culture of Our Motherland).* Moscow: Moscow State University. Available at: https://kitabhona.org.ua/libwar_armor/gorelikmongolarmor.html (Accessed: 15.10.2021)

Zinchenko, A. S. 2010. In Litvinov, A. V. (ed.). *Voprosy istorii, mezhdunarodnykh otnoshenii i dokumentovedeniia (Issues of History, International Relations and Document Science)* 5. Tomsk: Tomsk State University, 150–152 (in Russian).

Komar, A. V. 2008. In Ivakin, G. (ed.). *Zbirkaprac' na poshanudiisnogo chlena Nacional'noï akademiï nauk Ukraïni Petra Petrovicha Tolochka z nagodiiogo 70-richchia (Collection of Works in Honor of the Full Member of the National Academy of Sciences of Ukraine Petr Petrovich Tolochko Dedicated to His 70th Anniversary).* K.: "Korvinpres" Publ., 288–300 (in Russian).

Kuptsov, E. A., Kharlamov, P. V. 2020. In Baitanayev, B.A. (ed.). *Margulanovskie chteniya-2020. Velikaia Step' v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovanii (17–18 sentiabria 2030 goda). (Great Steppe in the Light of Archaeological and Interdisciplinary Studies: Margulan Readings – 2020 (September 17–18, 2020)).* 1. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan Publ., 286–294 (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons)* 1. *Mechi i sabli IX-XIII vv. (Swords and Sabers of 9th–13th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Klavikho Rui Gonsales de. 1990. *Dnevnik puteshestviia v Samarkand ko dvoru Timura (1403–1406) (Diary of a Journey to Samarkand to the Court of Timur (1403-1406).).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1981. *Kurgany Iuzhnogo Urala VIII–XII vv. (Barrows of Southern Ural, 8th –12th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mamadakov, Yu. T., Kungurov, A. L., Chekurashev, A. G., Barzynov, Ya. R. 2017. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii (Theory and Practice of Archaeological Research)* 2 (18), 91–102 (in Russian).

Myasnikov V.Yu., Yaroslavceva L.G. 2017. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii (Theory and Practice of Archaeological Research)* 3 (19), 91–102 (in Russian).

Narozhny, E. I. 2005. *Srednevekovye kochevniki Severnogo Kavkaza (Nekotorye diskussionnye problem etnokul'turnogo vzaimodeistviia epokhi Zolotoi Ordy) (Medieval Nomads of the North Caucasus (Controversial Issues of Ethnocultural Interaction in the Golden Horde Period)).* Armavir: Armavir State Pedagogical University (in Russian).

Pletneva, S. A. 1973. *Drevnosti chernykh klobukov (Antiquities of the Chornye Klobuks).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1–19. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Soenov, V. I. 2017. In Tishkin, A. A., Semibratov, V. P. (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 23. Barnaul: Altai State University Publ., 142–150 (in Russian).

Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian Warfare)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kharlamov, P. V. 2021. Otchet o raskopkakh obekta kul'turnogo naslediia "I kurgannyi mogil'nik u s. Andreevka" (Kurgannyi mogil'nik I) v Saraktashskom raione Orenburgskoi oblasti po otkrytomu listu №0836-2019 v 2019 g. *(Report on the Excavation of the Cultural Heritage Site "Burial Mound I near Andreevka*

Village" (burial mound I) in Saraktashsky District of Orenburg Oblast According to an Open Sheet No. 0836-2019 in 2019). Archive of the Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

Chkhaidze, V. N., Druzhinina, I. A. 2010. In: *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii (Batyr. Traditional Mi1itary Culture of the Peoples of Eurasia)* 1, 110–125 (in Russian).

Efendiev, A. 2009. Batal'nyi zhanr Azerbajdzhanskoj miniatyurnoi zhivopisi XIII–XVI vekov *(Battle Genre of Azerbaijan Miniature Painting of the 13th-16th Centuries).* Baku: "Khazar" Publ. (in Russian).

About the Author:

Kharlamov Pavel V. Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya St., 19, Orenburg, 460014, Russian Federation; Kharlamovmore@rambler.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 91 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.125.131

КОЧЕВНИКИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ОКРУЖАЮЩИЙ ИХ МИР: ПАРАДИГМА ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ[1]

©2022 г. В.А. Иванов

Дискурс-анализ текстов (нарративов) средневековых европейских (Плано Карпини. Гильом Рубрук, Риккардо де Монтекроче) и восточных (ал-Омари, Ибн-Баттута) авторов, касающихся кочевников Золотой Орды, позволил автору статьи сделать ряд выводов относительно взаимовосприятия европейским (католическим) и восточным (мусульманским) мирами кочевников, представлявших собой основную часть золотоордынского социума. В частности, с точки зрения европейских нарраторов, это был мир, представлявший потенциальную опасность для христианской Европы. С точки зрения восточных (мусульманских) авторов, этот мир не заслуживал сколь-нибудь серьезного внимания. Что же касается самих золотоордынских кочевников, то, в силу своей ментальности, обусловленной их образом жизни и идеологией, они были окружающий мир они воспринимали, прежде всего, как объект меркантильной эксплуатации.

Ключевые слова: дискурс, нарратив, кочевники, «татары», Золотая Орда.

THE GOLDEN HORDE NOMADS AND THE SURROUNDING WORLD: A MUTUAL PERCEPTION PARADIGM[2]

V.A. Ivanov

A discourse analysis of the texts (narratives) by medieval European (Plano Carpini, Guillaume de Rubrouck, Riccoldo da Monte di Croce) and Eastern (Al-Omari, Ibn-Battuta) authors addressing the nomads of the Golden Horde has allowed the author of the paper to draw a number of conclusions regarding the mutual perception of nomads, who represented the main part of the Golden Horde society, by the European (Catholic) and Eastern (Muslim) worlds. In particular, from the viewpoint of European narrators, this was a world posing a potential danger to Christian Europe. From the viewpoint of Eastern (Muslim) authors, this world did not deserve any serious attention. As for the Golden Horde nomads themselves, due to their mentality accounted for by their way of life and ideology, they perceived the world around them primarily as an object of mercantile exploitation.

Keywords: Discourse, narrative, nomads, the Tatars, the Golden Horde.

Сейчас уже никому, даже самым стойким апологетам цивилизационного характера Золотой Орды (Улуса Джучи), не придет в голову отрицать этнополитический, этнокультурный и ментальный дуализм этого государства, впервые обозначенные одним из основоположников отечественного золотоордыноведения Г.А.Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов, 1976, с. 114). Более того, средневековые авторы – как нарраторы, так и дискурсанты – свои повествования о Золотой Орде начинали именно с описания кочевников, как основной и наиболее выразительной составляющей золотоордынского социума. Именно это и определяло парадигму восприятия этого государства окружающим его миром.

Но ведь и сами кочевники Золотой Орды не оставались безучастными «экспонатами» и реагировали на внешние раздражители в лице иноземных путешественников сообразно со своей ментальностью. Естественно, сами они никаких нарративов-дискурсов на сей счет не оставили. Поэтому в попытке представить себе характер именно взаимовосприятия двух миров – золотоордынского кочевого и оседлого (европейского и азиатского) – мы вынужденно должны опираться опять на те же европейские (католические) и арабо-персидские (мусульманские) нарративы и дискурсы.

Здесь возникает вопрос – что такое нарратив и что такое дискурс и как они между собой соотносятся?[1] Если брать обобщенно, то в философском определении нарратив –

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) (грант №22-28-01153: «Критический дискурс анализ (КДА) исследований по древней, средневековой и новой истории Южного Урала»).

2 The paper was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) (grant No. 22-28-01153: “Critical Discourse Analysis (CDA) of Studies on the Ancient, Medieval and Modern History of the Southern Urals”).

это основная форма передачи традиционного знания в виде **субъективного повествования**, имманентно связанного с толкованием или интерпретацией сообщаемых сведений (История философии…, 2002; Энциклопедия…, 2009).

С дискурсом сложнее, поскольку однозначно четкого определения понятия «дискурс» нет. Среди лингвистов, например, вообще бытует мнение о том, что «четкого и общепринятого определения понятия "дискурс", охватывающего все случаи его употребления, не существует» (Григорьева, 2007). Что, очевидно, излишне категорично, поскольку многие современные специалисты в области критического дискурс-анализа (КДА) считают, что дискурс – это речь, ограниченная тематическим, социальным, языковым и коммуникативным полем, материальным воплощением которой является текст. Или по-другому, дискурс – это совокупность высказываний, подчиняющихся одной и той же системе формирования (кто говорит, о чем говорит, с какой целью и для кого, какую лексику использует и т.д.), имманентная конкретной социальной, политической и культурной среде (Фуко, 2004; Филлипс, Харди, 2009; Тимощук, 2012). И конечно же, поскольку дискурс невозможен без субъекта – он так же **субъективен**. В этом его основное сходство с нарративом.

A priori нарративы-дискурсы, с которыми нам приходится иметь дело, относятся к *типу исторических*, которые, в свою очередь, классифицируются на два вида: *первичный* исторический дискурс и *вторичный*. Первичный дискурс, порожденный первоисточником, «**динамичен и уникален для восприятия каждым историком** (здесь и ниже выделено мной – В.И.). Полифоничность исторического дискурса детерминирована историческими источниками и спецификой **восприятия содержащейся в них информации, которая интерпретируется в зависимости от мировоззрения историков,** что находит соответствующее отражение во вторичных исторических текстах, которые, в свою очередь, создают ментальное пространство, в котором ключевыми оказываются позиции и взгляды историка, автора конкретного текста, его собственная картина восприятия исторического прошлого. Исторический дискурс понимается неоднозначно» (Миньяр-Белоручева, 2015, с. 12).

Обращаясь к средневековым нарративам, мы имеем дело с первичными (для нас) историческими дискурсами, созданными на основе первоисточников, каковыми в нашем случае являются личные наблюдения авторов-нарраторов и вызванные ими субъективные впечатления.

Обращаясь к истории кочевников Золотой Орды (Улуса Джучи), мы имеем дело с серией европейских (Плано Карпини, Гильом Рубрук, Марко Поло, Риккольдо да Монтекроче, Хайтон (Геттум) из Карикоса) и арабо-персидских (Ибн-Васил, Ибн-Баттута, Ал-Муфаддаль, Ибн Фадлаллах ал-Омари)[2] нарративов, дискурс-анализ которых позволит нам хотя бы оконтурить характер взаимоотношений золотоордынских кочевников с окружающим миром.

Хронологически самым ранним из интересующих нас нарративов является сочинение Плано Карпини 1245–1247 гг. Нам известны три издания перевода Плано Карпини на русский язык: Д.И. Языкова 1825 г., А.И. Малеина 1911 г. и его же переиздание 1957 г. (Языков, 1825; Малеин, 1911; Путешествия в восточные страны…, 1957). В обоих случаях переводчиками текстов выступали высококвалифицированные знатоки латыни, что снимает какие-либо сомнения в качестве интересующих нас текстов.

Затем по времени следуют описание путешествия на восток Гильома (Виллема) Рубрука в 1252–1255 гг. (перевод с латыни того же А.И. Малеина), книга брата-доминиканца Риккольдо да Монтекроче, в 1291 г. встретившегося с «тартарами» где-то в Месопотамии, и письмо Хайтона (Геттума) из Карикоса – племянника киликийского короля Гетума, участника монголо-мамелюкских войн конца XIII столетия (перевод с латыни Р.Хаутала) (Хаутала, 2019, с. 152–153, 174, 210–212).

Следуя методике, предложенной теоретиками дискурс-анализа (ДА), мы должны придерживаться определенной аналитической схемы, главными звеньями которой являются ответы на вопросы: кто писал (социальная принадлежность), когда писал (эпоха или исторический период), цель составления и коммуникативная направленность нарратива-дискурса.

В нашем случае ясно, что мы имеем дело с представителями христианского духовенства, т.е. наиболее образованной страты средневекового общества. Каждый из них решал свою задачу, поставленную заказчиком-получателем информации. У Плано Карпини – это Римский Папа Иннокентий IV, по воле которого и с целью «принести пользу всему хриситианскому миру» автор отправляется в

длительное и опасное путешествие к «татарам», чтобы узнать их «истинное желание и намерение, иметь возможность открыть это христианам, дабы Татары своим случайным и внезапным вторжением не застигли их врасплох, как это и случилось однажды по грехам людским, и не произвели большого кровопролития среди христианского народа» (Путешествия…, 1957, с. 24).

Для Рубрука – французский король Людовик IX Святой, ревностный крестоносец, заинтересованный в поисках союзников против «сарацинов» в том числе и на Востоке. Посылая с этой целью Рубрука ко двору монгольского хана Мунке, Людовик дал ему задание описывать самым подробнейшим образом все, что он увидит у «татар» (Малеин, 1911, с. 65). То есть, и тот, и другой должны были собрать разведданые: первый – о вероятном противнике, второй – о потенциальном союзнике.

В отличие от них Риккольдо де Монтекроче отправился на восток как учитель-миссионер, поэтому его «Книга паломничества» - это, по сути, учебный дискурс.

Столкнувшись с «татарами» европейские путешественники погрузились как бы в другой мир. Рубрук так и пишет: «Когда я вступил в их среду, мне совершенно представилось, будто я попал в какой-то другой мир» (Путешествие…, 1957, с. 91). Ему вторит Монтекроче: «Вступив же за пределы Турции, мы нашли ужасный и чудовищный народ тартар. Тартары же очень отличаются от всех других народов мира внешне, нравами и ритуалом» (Хаутала, 2019, с. 152, 174).

С точки зрения просвещенных европейцев, это был мир, населенный другими людьми. Что же это были за люди?

- Кочевники, обитающие в разборных каркасных юртах («ставках»), покрытых войлоком, поставленных на колеса и перемещаемых с места на место. Размеры юрт варьируются в зависимости от достатка владельца. Рубрук видел юрту диаметром 30 и более футов, платформу с которой тащили 22 быка. В средневековой Европе помещение площадью почти в 80 м^2 можно было увидеть только в дворцах высшей знати.
- Скотоводы, по обилию скота, особенно вьючного, превосходящие все другие народы.
- Всеядны: «их пищу составляет все, что можно разжевать», в т.ч. падаль домашнего скота и разная степная живность – суслики, сурки, тушканчики, лисы-корсаки, сайгаки и др. (Путешествия…, 1957, с. 35, 95). Излюбленный напиток «татар» - кумыс – настолько привлек внимание Рубрука, что он даже посвятил описанию его приготовления целую главу своего сочинения (Путешествия..., с. 96-97).
- Как неприхотливы в еде, так же непритязательны в одежде. И хотя получают дорогие ткани из Китая и Персии, и пушнину из Руси, предпочтение отдают меховым шубам одинакового покроя для мужчин и женщин и кожаным шароварам. Одежда богатого кочевника отличается использованием шелка при отделке, тогда как у бедняков шубы из овечьих, козьих или собачьих шкур.
- Неопрятны: не моют тела и не стирают одежду, не моют посуду после еды.
- В вере своей язычники, но верят в единого бога – творца всего сущего, поклоняются идолам, которым приносят жертвы, силам природы и почитают шаманов.
- В семейном быту многоженцы. Кроме того, практикуют позорный, (по определению Рубрука) обычай, когда по смерти отца сын берет себе его жен, за исключением собственной матери (Путешествия…, 1957, с. 27, 36, 101; Хаутала, 2019, с. 155). Но в целом «женщины тартар пребывают среди них в великой чести» (Хаутала, 2019, с. 154), а прелюбодеяние карается смертью обоих любовников.
- Внешним видом «отличаются от всех других людей» (данном случае – европейцев): плосколицые, скуластые, узкоглазые, борода и усы растут плохо, мужчины голову бреют, оставляя за ушами две косы. Росту не высокого, но телосложения стройного («в поясе они в общем тонки»). Правда, женщины у них толсты, да еще и «безобразят себя, позорно разрисовывая себе лицо» (Путешествия…, 1957, с. 26, 100; Хаутала, 2019, с. 152).

Нравы «татар» в описании европейских путешественников (преломленные через призму их европейского/христианского мировосприятия) достаточно противоречивы. Плано Карпини вообще разделил их на «хорошие» и плохие». К первым он отнес повиновение «татар» своим владыкам[3], взаимовыручку, благожелательность и щедрость к соплеменникам, выносливость, целомудренность Ко вторым – агрессивность, идеологически обоснованную заповедями Чингисхана, ксенофобию (под которой в данном случае подразумевается неприкрытое презрение к другим народам), коварство, алчность, неопрятность, пьянство как мужчин, так и женщин (Путешествия…, 1957, с. 34–35, 55, 95; Хаутала, 2019, с. 153–154).

Если европейские путешествия писали нарративы информационного характера, то их арабо-персидские «коллеги» составляли историко-политические дискурсы, в которых кочевой мир Золотой Орды (Улуса Джучи) занимал незначительное место. То есть, кочевники объектом арабо-персидских нарративов не являлись.

Сами нарративисты информацию о них либо компиллировали (Ибн-Васил, Ал-Муфаддаль), либо получали из вторых-третьих рук (ал-Омари)[4]. Но в общем и целом облик золотоордынских кочевников в мусульманском восприятии вырисовывается аналогичным христианскому. А именно:

- Татары (кыпчаки) Золотой Орды – степные кочевники, обитающие в шатрах (юртах), поставленных на телеги;
- Абсолютно неприхотливы в еде: едят в основном конину и баранину, мясо и сало животных, добытых охотой, пьют молоко и напиток (дуки), приготовленный из проса.
- Непритязательны в одежде: «одеваются в шкуры животных», не обращая внимания на качество их выделки. Причем, если женщины (хатунь) одеваются роскошно, особенно бросается в глаза богато украшенная шапочка-бокка (боктаг, буктаг), то их мужья по своему одеянию ничем не отличаются от слуг.
- Женщины пользуются почетом, даже большим, чем мужчины; воровство у своих жестоко карается.
- Мы все прекрасно знаем, что любой нарратив субъективен. Это особенно наглядно прослеживается в сообщениях ал-Омари, полученных от различных информаторов, о ментальности золотоордынских тюрок/кыпчаков. Зайнеддин Омар, сын Мусафира: «***Это тупоумный и жалкий народ, у которого нет ни привязанности к какой-либо вере, ни проницательности, ни ума*** (выделено мной – В.И.). *Вследствие бедственности их, происходящей от дурного положения…*». Однако ниже тот же Зайнеддин Омар, уточняя сведения Эльхисина, сообщает автору: «*Все, что он* (Эльхисин – В.И.) *тебе рассказал, верно». В итоге ал-Омари делает заключение: «Тюрки этих стран, говорю я,* ***[один] из лучших родов Тюркских*** (выделено мной – В.И.) *по своей добросовестности, храбрости, избеганию обмана, совершенству своих станов, красоте фигур и благородству своих характеров. Из них [состоит] большая часть войска Египетского*[5]*, ибо от них [происходят] султаны и эмиры его [Египта]…*» (Золотая Орда в источниках… с. 102-103, 109, 127-128, 131).

Таким образом, в лице золотоордынских кочевников («татар») нарративы европейских путешественников раскрывали перед христианской Европой чужой, непонятный и, в общем-то, враждебный мир восточных «варваров». Риккольдо де Монтекроче: «они представляются ненавидящими всякий город и всякое жилое здание. А именно, они разрушают почти все города и крепости, и все жилища и здания. И они **вредят более всего тому, кто перед ними более всего унижается** (здесь и ниже выделено мной – В.И.). Всякое же почтение, оказанное им, и всякую покорность они не принимают с благодарностью, а считают должными по отношению к ним: ибо они говорят, что они **являются истинными повелителями мира**. Они говорят также, что бог создал мир только для них, чтобы **они в нем господствовали и наслаждались …** У них нет ни моральной философии, ни натуральной, ни культуры, **ни почтения к какой-либо иностранной персоне**» (Хаутала, 2019, с. 152, 174).

Плано Карпини: «Они весьма горды по сравнению с другими людьми и **всех презирают,** мало того, **считают их, так сказать, ни за что**, будь ли то знатные или незнатные… они не заключают мира ни с какими людьми, **если те им не подчинятся,** потому что, как сказано выше, они имеют приказ от Чингисхана, чтобы, если можно, подчинить себе все народы» (Путешествия…, 1957, с. 34, 55).

Одним словом, по своей ментальности «тартары …**представляются более всех отдаленными от спасения**, поскольку у них нет никакого закона, кроме природного, который так-же очень у них испорчен из-за неправильного образа жизни: у них нет ни поста, ни храма, ни жречества, ни жертвоприношения, ни какого-либо еще способа, которым они были бы приобщены к духовной жизни» (Риккольдо де Монтекроче) (Хаутала, 2019, с. 174). Поэтому – вывод Рубрука – продолжение апостолата среди них бесполезно (Путешествия, 1957, с. 194).

Впрочем, Монтекроче полагал, что все ещё не так безысходно и «татар» можно вернуть «на путь истины» проповедями, а главное – воздействием на сознание их знати, «ибо плебеи их и простой народ настолько глупы и дикие, что никоим образом не желают обращаться, если им не обещают за это денежного вознаграждения» (Хаутала, 2019, с. 175).

Однако здесь католиков опередили мусульмане.

Мусульманские путешественники – а это были представители деловых кругов или ученые – к «татарам» относились более спокойно. Поэтому в их нарративах тревоги по поводу вероятности «татарского апокалипсиса» не прослеживается. И единственная уничижительная характеристика – «тупоумный и жалкий народ» - дана «татарам» Ал-Омари и то с чужих слов. Поскольку информаторы Ал-Омари были людьми деловыми, сообщаемые ими сведения имели явный оттенок прагматики: с точки зрения коммерции, «татары» интереса для них не представляли, Поэтому сам Ал-Омари – кабинетный ученый-энциклопедист, в глаза «татар» не видевший, довольствовался тем, что ему рассказывали эти негоцианты.

Ибн-Баттута хотя и видел золотоордынских кочевников, но, будучи неискушенным в научных изысканиях путешественником, сообщил о них только то, что запомнил – как известно, его сочинение «Подарок наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий» было им надиктовано по памяти (Крачковский, 1957, с. 427–428). А запомнил он практически то же самое, что и его предшественники: Дешт-Кипчак – цветущая степь, по которой в своих юртах, поставленных на повозки-араба, кочуют тюрки/кыпчаки. Неприхотливы в быту: (например, тезек/кизяк собирают все, даже старейшины) и пище (варят просяную похлебку из баранины (дуги), сдабривая её кислым молоком и запивая кумысом или просяной брагой – буза). Сладости презирают. В одежде непритязательны – мужа, едущего в одной повозке с женой и одетого в овчинную шубу, можно принять за слугу – стирать одежду запрещено.

И вместе с тем, «Они [Кипчаки] народ крепкий, сильный и здоровенный» (Золотая Орда в источниках…, 2003, с. 125-143).

Если же взглянуть на эти сведения «зеркально», как на отражение мировосприятия кочевников, то становится очевидным, что для них весь мир, находящийся за пределами их ментального пространства, представлялся не более чем источником наживы. Причем, не важно, каким путем – завоеванием и покорением (в идеале), грабежом, вымогательством под разными предлогами. И этот поведенческий стереотип был устойчивым настолько, что и в начале XX столетия путешественники отмечали его у кочевников Центральной Азии. В записках русского путешественника-географа П. К.Козлова читаем: «В этом меновом городе (Донгэре – В.И.) особенно много толпилось на улицах куку-норских тангутов и тангуток; последние заставляли обращать на себя внимание пестротой одежд и оригинальностью спинных украшений, в виде двойных-тройных лент, богато убранных монетами, раковинами, гау, бирюзой и пр. Еще большее оживление вносили тангутские всадники, в карьер мчавшиеся по улице в полном вооружении. **Гордые, надменные степняки ничего и никого не боялись** (выделено мной – В.И.)…А у себя дома, в степи, эти гордые и надменные «степные рыцари» не гнушались вымогательством подарков, мелким воровством в экспедиционном лагере и попытками вооруженного грабежа (Козлов, 19, с. 70, 89). Открыто тем самым выказывая отсутствие почтительности «к иностранным персонам» - официальной научной экспедиции Русского географического общества.

Примечания:

[1] Понятно, что в виду имеются исторические нарративы и исторические дискурсы.

[2] Здесь названы только те авторы, которые действительно писали о кочевниках, а не только о религиозных или политических перипетиях в Золотой Орде.

[3] То же самое отмечал и Монтекроче (Хаутала, 2019 с. 153).

[4] За исключением Ибн-Баттуты, в 1332 г. самолично побывавшего в Золотой Орде.

[5] Не будем забывать, что в данном случае речь идет о кипчаках/половцах.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 288 с.

Золотая Орда в источниках. Том 1. Арабские и персидские сочинения / Сост., вводная статья и комментарии Р.П.Храпачевского. М.: Наука, 2003. 448 с.

История философии. Энциклопедия / Сост. Грицанов А.А. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. 1376 с.

Козлов П.К. Русский путешественник в Центральной Азии. М.: АН СССР, 1963 522 с.

*Крачковский И.Ю***.** Избранные сочинения. T.IV. М.-Л.: АН СССР, 1957. 919 с.

Иоанн де Плано Карпини. История монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Введение, перевод и примечания Малеина А.И. С-Петербург: Издание А.С.Суворина, 1911. 224 с.

Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса // Язык и текст. 2015. Т. 2. № 2. С. 8–16.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Географгиз, 1957. 272 с.

Тимощук Е.А. Дискурсивный анализ как феноменологическая стратегия социокультурного описания // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. 2012. Вып. 4 (12). С. 66–73.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.

Филлипс Н., Харди С. Что такое дискурс-анализ? // Современный дискурс-анализ. 2009. Т. 1. Вып. 1. С. 49–64.

Фуко Мишель. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.

Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341) / Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage. Вып. 6. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. 976 с.

Энциклопедия эпистемологии и философии науки. / Гл. ред. Касавин И.Т. М: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. 248 с.

Языков Д.И. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях. СПб., 1825. 306 с.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Россия); ivanov-sanych@inbox.ru

REFERENCES

Grigor'eva, V. S. 2007. *Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskii i kognitivnyi aspekty (Discourse as an Element of the Communicative Process: Pragmalinguistic and Cognitive Aspects).* Tambov: Tambov State Technical University (in Russian).

Khapachevsky, R. P. (ed.). 2003. *Zolotaia Orda v istochnikakh (Golden Horde Sources) 3. Arabskie i persidskie sochineniia (Arabic and Persian writings).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gritsanov, A. A. (comp.) 2002. *Istoriia filosofii (History of philosophy)*. Minsk: "Interpressservis" Publ., "Knizhnyi Dom" Publ. (in Russian).

Kozlov, P. K. 1963. *Russkii puteshestvennik v Tsentral'noi Azii (Russian Traveler in Central Asia).* Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Khapachevsky, R. P. 1957. *Izbrannye sochineniia* (*Selected Works)* 4. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Malein, A. I (ed.). 1911. *Ioann de Plano Karpini. Istoriia mongalov. Vilgelm Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts)*. Saint Petersburg: "A.S. Suvorin" Publ. (in Russian).

Min'yar-Belorucheva, A. P. 2015. In *Iazyk i tekst (Language and Text)* 2 (2), 8–16 (in Russian).

1957. *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts).* Moscow: "Geografgiz" Publ. (in Russian).

Krylasova, N. B. 2013. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 21 (1), 104–115 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1976. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ordy. Ocherki kul'tury i iskusstva narodov Evraziiskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov* (*Art of nomads and Golden Horde. Essays on Culture and Art of the Peoples of Eurasian Steppes and Golden Horde Cities*). Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

Fillips, N., Hardy, S. 2009. In Sovremennyi diskurs-analiz (Contemporary Discourse Analysis). 1 (1), 49–64 (in Russian).

Michel Foucault. 2004. *Arkheologiia znaniia (Archaeology of knowledge. L'archeologie du Savoir).* Saint Petersburg: "Gumanitarnaia kniga' publ. (in Russian).

Khautala, R. 2019. *V zemliakh «Severnoi Tartarii»: Svedeniia latinskikh istochnikov o Zolotoi Orde v pravlenie khana Uzbeka (1313–1341) (In the Lands of 'Northern Tartaria': Information from Latin Sources about the Golden Horde during the Reign of Khan Uzbek (1313-1341)).* Series: Yazma Miras. Pismennoe

nasledie (Textual Heritag) 6. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Kasavin, I. T. (ed.-in chief). Entsiklopediia epistemologii i filosofii nauki (Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science). Moscow: "Kanon+" Publ., "Reabilitatsiia" Publ. (in Russian).

Yazykov, D. I. 1825. *Sobranie puteshestvii k tataram i drugim vostochnym narodam v XIII, XIV i XV stoletiiakh* (*Collection of Journeys to the Tatars and other Oriental Peoples in the 13th, 14th and 15th Centuries*). Saint Petersburg (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah. October Revolution St., 3a, Ufa, 450000, Russian Federation; ivanov–sanych@inbox.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.132.137

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ АК И КОК ОРДЫ

©2022 г. И.Ю. Лапшина

Автор обращается к вопросу о соотнесении названий Ак и Кок Орда с западным и восточным крыльями Улуса Джучи. В работе приводится историография проблематики за последние 20 лет. Наряду с этим используются наработки ученых XX в. Анализируются основные сведения об Ак и Кок Орде в источниках. Приводится авторская трактовка значения посвятительной надписи в поэме «Хосров и Ширин». Рассматривается вопрос о соотношении терминов «Ак Орда» и «Золотая Орда». В результате автор приходит к выводу, что в работах Г.А. Федорова-Давыдова, В.В. Трепавлова были преодолены ошибки средневековых источников, обоснованно предложена локализация Ак и Кок Орды, а также вторичное деление улусов на крылья. Имеющиеся источники позволяют считать, что русские летописи и ряд восточных авторов создают единую картину в понимании данного вопроса, в то время как использование «Чингиз-наме» идет в разрез с целым кругом более ранних источников. На основе детального изучения истории Тинибека сделан вывод, что он не был правителем Сыгнака, а, следовательно, его царством являлся западный улус с центром в Сарае. Такое использование термина «Ак Орда» в поэме не противоречит принятой версии о локализации Ак и Кок Орды. В вопросе о соотношении терминов «Золотая» и «Белая» Орда ряд современных исследований позволяет отождествлять эти понятия.

Ключевые слова: Золотая Орда, Ак Орда, Кок Орда, улус, цветовая геосимволика.

THE LOCALISATION OF AK AND KOK HORDE

I.Yu. Lapshina

The author addresses the issue of the correlation of the names Ak and Kok Horde with the western and eastern wings of Ulus Dzhuchi. The paper provides a historiography of the issue over the last 20 years. In addition, the work of 20th century scientists is also used. The main information about the Ak and Kok Horde in the sources is analysed. The author's interpretation of the significance of the dedicatory inscription in the Khosrow and Shirin poem is provided. The issue of the relationship between the terms Ak Horde and Golden Horde is addressed. As a result, the author concludes that in the works of G.A. Fedorov-Davydov and V.V. Trepavlov the errors of medieval sources were overcome, and the localisation of the Ak and Kok Horde and the secondary division of the ulus into wings were suggested with substantiation. The available sources suggest that the Russian chronicles and a number of Oriental authors create a unified picture in understanding this issue, while the use of the Chingiz-nama does not correlate with earlier sources. On the basis of a detailed study of Tinibek's history, it is concluded that he was not the ruler of Sygnak and, therefore, his kingdom was the western ulus with its centre in Saray. This use of the term Ak Horde in the poem does not contradict the accepted version of Ak and Kok Horde's localisation. As for the issue of the relationship between the terms 'Golden' and 'White' Horde, a number of modern studies allow for the identification of these concepts.

Keywords: Golden Horde, Ak Horde, Kok Horde, Ulus, color geosymbolics.

История изучения вопроса об Ак и Кок Орде уходит корнями в XIX в. Достаточно подробно историография этой проблемы в период XIX–XX вв. изложена в статье К.З. Ускенбая (Ускебай, 2005). В данной работе хотелось бы отметить ряд авторских мнений. Г.А. Федоров-Давыдов подробно разобрал вопрос об Ак и Кок Орде и небезосновательно предложил деление Ак Орды на два крыла – Ак и Кок (Федоров-Давыдов, 1973, с. 141–144). В этом же ключе совершенно закономерно предложение В.В. Трепавлова разделить и Кок Орду так же на крылья Ак и Кок – владения Шибанидов и Ордуидов соответственно (Трепавлов, 1993, с. 91-94).

Еще одной немаловажной составляющей вопроса является отождествление (или отрицание такового) названий орд с цветовым обозначением сторон цвета. А.Н. Кононовым была высказана идея о соотношении цветовых названий со сторонами света в соответствии с монгольскими представлениями, т.е. Ак – «белый» означает запад, а Кок – «синий» – восток, что было поддержано А.П. Григорьевым (Кононов, 1978, с. 159–179; Григорьев, 1983). В последствии сомнения в обоснованности данной теории были высказаны В.П. Юдиным и Н.Л. Жуковской. Однако данными авторами не было выдвинуто доказательной аргументации против теории

А.П. Кононова, цветосимволика сторон света была названа предположительной, а также указана необходимость дальнейшего изучения вопроса. Было выдвинуто предположение, что цветосимволика связана с социальной стратификацией (на основе данных Утемиша-хаджи) (Юдин, 1983; Жуковская, 2002, с. 195–197).

В первые десятилетия XXI в. появился ряд статей, в которых обосновываются иные взгляды по этому вопросу. Так, К.З. Ускенбай предположил, что данная терминология использовалась только на территории Восточного Дешт-и Кипчака, при этом, она делилась на владения Орды (Ак Орда) и владения Шибана (Кок Орда) (Ускенбай, 2005). В работе Ж.М. Сабитова и А.К. Кушкумбаева за основу взято трехчастное деление Орды, согласно Утемиш-хаджи на Боз Орду (правое крыло), Ак Орду (центр) и Кок Орду (левое крыло) (Сабитов, Кушкумбаев, 2013, с. 60–72). При этом довольно подробно и объективно рассмотрена проблема Ак и Кок Орды в следующей статье этих авторов (Сабитов, Кушкумбаев, 2015, с. 43-48). И.А. Мустакимов полагает, что термин Ак Орда мог присваиваться разным ветвям Джучидов из престижных соображений (Мустакимов, 2015, с. 129-149).

Основными источниками по вопросу являются: русские летописи (ПСРЛ. Т.11, 2000, с. 27, 69), Натанзи (СМИЗО, 1941, с. 127), Муизз ал-Ансаб (История…, 2006, с. 39), Абуль-Гази (Абуль-Гази, 1906, с. 151–152), Бахр ал-Асрар (Материалы…, 1969, с. 327, 347), Кутба «Хосров и Ширин» (Кляшторный, Султанов, 1992, с. 192), Утемиш-хаджи «Чингиз-наме» (Утемиш-хаджи, 2009, с. 868–880). Сведения Муин ад-Дина Натанзи большинством исследователей вполне справедливо признаются неверными. Данные русских летописей, Муизз ал-Ансаб, Абуль-Гази, Бахр ал-Асрар достаточно отрывочны, при этом не каждый из источников упоминает оба названия (Ак и Кок), а часто имеет сведения только об одном из них. Но все они не противоречат идее вторичного разделения Улуса Джучи на крылья (по Г.А. Федорову-Давыдову и В.В. Трепавлову).

Сведения Утемиша-хаджи, на наш взгляд, являются преломлением исторических знаний в фольклоре XVI в. и не могут, в данном случае обоснованно использоваться как противоречие более ранним историческим источникам. Довольно подробно мифологический характер «Чингиз-наме» раскрывается в работе А.В. Парунина (Парунин, 2015, с. 51–61). Здесь можно принять выдвинутый им тезис, что «удовлетворительного объяснения появления Серой Орды быть не может» (Парунин, 2015, с. 55), по крайней мере, до появления новых источников. Вместе с тем трудно согласиться, что «Хосров и Ширин» и Натанзи сообщают нам одни и те же сведения.

Тюркский перевод поэмы «Хосров и Ширин» представляет собой важный источник, т.к. датируется непосредственно 40-ми годами XIV в., в отличие от большинства более поздних текстов. На первый взгляд, он указывает на то, что Сыгнак находится на территории Ак-Орды. Однако чтобы понять смысл посвящения поэмы, в котором упоминается жена Тинибека («Ак Орда – ее царство»), вероятно, следует внимательно изучить обстановку начала 40-х гг. и понять какую роль играл старший сын Узбека в Сыгнаке.

Тинибек на правах старшего сына был наследником по мусульманскому праву. Незадолго до смерти Узбека, приблизительно в 1339 г., он отправлен на территорию Восточного Дешт и-Кыпчака. Во время его пребывания в Сыгнаке Узбек умер. После чего Тинибек отправился в обратный путь и был убит в Сарайчике в результате заговора своего младшего брата Джанибека. Еще некоторое время назад ряд исследователей называли его следующим после Узбека правителем (Сафаргалиев, 1996, с. 369). Судя по нумизматическим материалам, чеканка серебряных монет от имени нового хана является доказательством легитимности его правления. Об этом хорошо свидетельствует, например, тот факт, что беклярибек Мамай чеканил свои монеты от имени марионеточных царевичей-чингизидов, не имея права самостоятельной чеканки. Известен также случай двухнедельного правления хана Тимур-Ходжи, который успел отчеканить немало монет от своего имени, а потому кратковременность правления не является оправданием отсутствия собственной чеканки. Также можно полагать, что Тинибек не начал самовольною чеканку, не получив одобрения курултая (который должен был состояться в Сарае). Тинибек был первым правителем в Орде, который получил власть по новому мусульманскому принципу – от отца к сыну. Видимо, именно этим объясняется его приверженность к еще старой традиции передачи власти (т.е. с одобрения курултая) (Лапшина, 2019, с. 547–552).

Также К.З. Ускенбай полагает, что Тинибек при жизни Узбека стал на короткое время правителем Сыгнака и отказался от этих владений только после смерти отца с намере-

нием занять трон в Сарае (Ускенбай, 2013, с. 227–232). Именно на этот сыгнакский период жизни Тинибека приходится посвящение поэмы «Хосров и Ширин».

Однако, как и в случае с Сараем, сыгнакские монеты Тинибека также отсутствуют, это свидетельствует о неправомерности возведения Тинибека в ранг самостоятельного правителя Сыгнака (он лишь наместник при живом отце). Также действия Тинибека после смерти отца – а именно быстрый переход до Сарайчика (а до Сарая он просто не дошел) – свидетельствует о намерении его править в Сарае, а не о желании остаться в Сыгнаке. Это не могло бы неизвестным при дворе Тинибека в Сыгнаке, где ему вручили поэму. Единственным возможным объяснением, на наш взгляд, является то, что Тинибека считали наследником (или после смерти Узбека правителем) Ак-Орды с центром в Сарае, о чем и сообщается в посвящении поэмы.

По вопросу о соотношении терминов «Ак Орда» и «Золотая Орда» важно также рассмотреть сведения о южной и восточной ориентации монголов по сторонам света, а также о значении правого и левого крыла.

Для тюрков и монголов исконной ориентацией являлась восточная (на восход). С династии Шань у маньчжуров и монголов прослеживается китайское влияние. Ко времени Чингисхана известно, что у монголов была южная ориентация (Подосинов, 1999, с. 415–454). По данным археологии разница между ориентировками в погребениях также выступает этнографическим маркером (монгольские захоронения ориентированы на север, тюркские – на запад) (Мыськов, 2015, с. 39-44).

В связи с этим интересен вопрос о разнице между правым и левым у монголов. В.В. Трепавлов полагает, что левое крыло старше, его получил после Джучи Орда как старший брат. Но ввиду усилившегося политического влияния Бату, его потомки стали доминировать в Улусе Джучи, хотя были потомками второго брата и занимали территорию правого младшего крыла (Трепавлов, 1993, с. 86-87). Е.П. Мыськов полагал, что личное влияние Бату не могло долго распространяться на потомков, и старшинство надела было важнее, но старшим в Орде являлось как раз правое крыло (Мыськов, 2003, с. 43–47)

В китайской традиции «старшая» сторона – левая, т.к. глядя на юг слева находится восток (положительный в противопоставлении к западу). Монголы, сменив восточную ориентировку на южную, не сменили старшинство правой руки (т.к. при обращении на восток справа находится юг – в противопоставление к северу). В связи с этим к правому западному крылу можно отнести следующие этнографические представления: правый, белый, золотой, западный, старший. Эти ориентиры исходят из представлений о южной ориентации, но содержат пережитки восточной (Подосинов, 1999, с. 415–454). Таким образом, согласно этим данным определения «белый» и «золотой» относятся к одному и тому же крылу. В этом же ключе представлена работа А.К. Кушкумбаева, где на примере эпоса о Едигее сделан вывод, что «золотая орда» и «ак орда» – синонимы (Кушкумбаев, 2015, с. 36–42). Тождество понятий «Золотая» и «Белая» Орда отмечается и в лингвистических исследованиях (Тишин, 2019, с. 295–317).

Итак, в работах Г.А. Федорова-Давыдова, В.В. Трепавлова были преодолены ошибки средневековых источников, справедливо была предложена локализация Ак и Кок Орды, а также вторичное деление улусов на крылья. Работа А.Н. Кононова, обосновала этот вопрос исходя из этнографических представлений. Проблема вновь была поднята в работах В.П. Юдина и Н.Л. Жуковской, которые поставили под сомнение ориентацию по сторонам света исходя из монгольской этнографической символики. Эти идеи были поддержаны, и в последующем целый ряд исторических работ был посвящен поискам нового смысла в названиях Ак и Кок Орда.

Имеющиеся источники позволяют считать, что русские летописи и ряд восточных авторов создают единую картину в понимании данного вопроса, в то время как использование «Чингиз-наме» идет в разрез с целым кругом более ранних источников.

Источником современным для проблематики Ак и Кок Орды, и на первый взгляд, идущим вразрез с традиционными трактовками является поэма «Хосров и Ширин». Здесь предложено авторское понимание проблемы на основе детального изучения истории старшего сына Узбека – Тинибека. Такое использование термина Ак Орда в поэме не противоречит принятой версии о локализации Ак и Кок Орды. Также по вопросу о соотношении терминов «Золотая» и «Белая» Орда ряд современных исследований позволяет отождествлять эти понятия.

ЛИТЕРАТУРА

Абуль-Гази-Бахадур-хан Родословное древо тюрков. Казань: Типография Имп. ун-та, 1906. 252 с.

Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60-70-х годов XIV в.: Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 7. / Отв. ред. Г. Я. Смолин. Л.: ЛГУ, С. 9–54.

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Восточная литература, 2002. 247 с.

История Казахстана в персидских источниках. Т. III / Отв. ред. А.К. Муминов. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 672 с.

Лапшина И.Ю. Проблема правления Тинибека // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинев: Stratum Plus, 2019 . С. 547–552.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 378 с.

Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975 / Отв. ред. А.Н. Кононов. Наука, 1978. С. 159–179.

Кушкумбаев А.К. «Ак Орда» в тюркском эпическом жыре «Ер Едиге» // Золотая Орда: история и культурное наследие / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: ИП «BG-PRINT», 2015. С. 36–42.

Мустакимов И.А. Еще раз к вопросу о цветообозначениях орд в Улусе Джучи (термин Боз-Орда в источниках XVI-XIX вв.) // Золотоордынское обозрение. 2015. №2. С. 129–149.

Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград: ВолГУ, 2003. 178 с.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.

Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алма-Ата: Наука, 1969. 651 с.

Парунин А.В. Сведения об Ак-Орде и Кок-Орде в свете устной исторической традиции // Золотая Орда: история и культурное наследие / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: ИП «BG-PRINT», 2015. С. 51–61.

Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999. 720 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 264 с.

Сабитов Ж.М., Кушкумбаев А.К. Улусная система Золотой Орды в XIII-XIV веках: к вопросу о локализации АК Орды и Кок Орды // Золотоордынское обозрение. 2013. №2. С. 60–72.

Сабитов Ж.М., Кушкумбаев А.К. Концепт «Ак Орда» в казахстанской и зарубежной историографии // Золотая Орда: история и культурное наследие / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: ИП «BG-PRINT», 2015. С. 43–50.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X-XVI вв.) / сост. И.Б. Муслимов. М.: Инсан, 1996. С. 280–526.

Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным / Отв. ред. П. П. Иванов. М.; Л.: АН СССР, 1941. 308 с.

Тишин В.В. Еще раз о содержании термина Орда и категориях «Золотая Орда», «Белая Орда», «Синяя Орда» // Золотоордынское обозрение. 2019. № 7 (2). С. 295–317.

Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: проблема исторической преемственности. М.: Наука, Восточная литература, 1993. 168 с.

Ускенбай К.З. Улусы первых Джучидов. Проблема терминов Ак-Орда и Кок-Орда // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи / Гл. ред. С.Г. Кляшторный М.: Восточная литература, 2006. С. 355–382.

Ускенбай К.З. Танибек бин Узбек на сыгнакском троне // Золотоордынская цивилизация. 2013. №6. С. 227–232.

Утемиш-хаджи Чингиз-наме // История татар с древнейших времен (в семи томах) Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в./ Ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 868–880.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 178 с.

Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. / Отв. ред. Б.А. Тулепбаев. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 106–165.

Информация об авторе:

Лапшина Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (г. Волгоград, Россия); ilapsh97@inbox.ru

REFERENCES

Abul'-Gazi-Bakhadur-khan. 1906. *Rodoslovnoe drevo tiurkov.* (*Family Tree of the Turks*). Kazan: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Grigorev A.P. 1983. In Smolin, G. Ya. (ed.). In *Istoriografiia i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki (Historiography and Historical Sources for Asia and Africa Countries)* 7. Leningrad: Leningrad State Universuty, 9–54 (in Russian).

Zhukovskaya, N. L. 2002. *Kategorii i simvolika traditsionnoi kultury mongolov (Categories and Symbolism of Traditional Mongolian Culture).* Moscow: “Vostochnaia literature” Publ. (in Russian).

In Muminov, A. K. (ed.). 2006. *Istoriia Kazakhstana v persidskikh istochnikakh (History of Kazakhstan in Persian Sources).* Almaty: Daik-Press (in Russian).

Kliashtorny, S. G., Sultanov, T. I. 1992. *Kazakhstan. Letopis trekh tysiacheletii (Kazakhstan (A Chronicle of Three Millennia)*. Almaty: “Rauan” Publ. (in Russian).

Kononov, A. N. 1978. In Kononov, A. N. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 1975 (Collected Papers on Turkic Studies 1975)*. Moscow: “Nauka” Publ., 159–179 (in Russian).

Kushkumbaev, A. K. 2015. In Kushkumbaev, A. K. (ed.). *Zolotaia Orda: istoriia i kul'turnoe nasledie (The Golden Horde: History and Cultural Heritage).* Astana: "BG-PRINT" Publ., 36–42 (in Russian).

Lapshina, I. Yu. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 547–552 (in Russian).

Mustakimov, I. A. 2015. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* (5), 129–149(in Russian).

Myskov, E. P. 2003. *Politicheskaia istoriia Zolotoi Ordy (1236–1313 gg.) (The Political History of the Golden Horde (1236–1313)).* Volgograd: Volgograd State University (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2015. K*ochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period).* Volgograd: “RANKhiGS” Publ. (in Russian).

Ibragimov, S. K., Mingulov, N. N., Pishchullina, K. A., Yudin, V. P. (comp.). 1969. *Materialy po istorii kazahskikh hanstv XV–XVIII vekov (izvlecheniia iz persidskikh i tiurkskih sochinenii) (Materials on the History of the Kazakh Khanates of the 15th-18th Centuries (Extracts from Persian and Turkic Sources)).* Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).

Parunin, A. V. 2015. In Kushkumbaev, A. K. (ed.). *Zolotaia Orda: istoriia i kul'turnoe nasledie (The Golden Horde: History and Cultural Heritage).* Astana: "BG-PRINT" Publ., 51–61 (in Russian).

Podosinov, A. V. 1999. *Ex oriente lux! Orientatsiia po stranam sveta v arkhaicheskikh kulturakh Evrazii (Ex oriente lux! Orientation on Cardinal Directions in Archaic Cultures of Eurasia).* Moscow: Languages of Russian culture (in Russian).

Letopisniy sbornik, imenuemiy Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'yu (Collection of Chronicles known as the Patriarch's or Nikon Chronicle). 2000. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) I. Moscow: “Iazyki russkoi kul’tury” Publ. (in Russian).

Sabitov, Zh. M., Kushkumbaev, A. K. 2013. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* (2), 60–72 (in Russian).

Sabitov, Zh. M., Kushkumbaev, A. K. 2015. In Kushkumbaev, A. K. (ed.). *Zolotaia Orda: istoriia i kul'turnoe nasledie (The Golden Horde: History and Cultural Heritage).* Astana: "BG-PRINT" Publ., 43–50 (in Russian).

Safargaliev, M. G. 1996. In Muslimov, I. B. (comp.). *Na styke kontinentov i tsivilizatsi (iz opyta obrazovaniia i raspada imperii X-XVI vv.) (At the Junction of Continents and Civilizations (from the Experience of the Formation and Collapse of Empires in the 10th-16th Centuries.).* Moscow: “Insan” Publ., 280–526 (in Russian).

In Ivanov, P. P. (ed.). 1941. *Sbornik materialov otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collection of Materials related to the History of the Golden Horde)* 2. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Tishin, V. V. 2019. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 7 (2), 295–317 (in Russian).

Trepavlov, V. V. 1993. *Gosudarstvennyi stroi Mongolskoi imperii XIII v.: problema istoricheskoi preemstvennosti (The State System of the Mongol Empire in the 13th Century: The Problem of Historical Continuity).* Moscow: “Nauka” Publ., “Vostochnaia literature” Publ. (in Russian).

Uskenbai, K. Z. 2006. In Kliashtornyi, S. G. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 2005: Tiurkskie narody Rossii i Velikoi stepi (Collected Papers on Turkic Studies 2005: The Turkic Peoples of Russia and the Great Steppe)*. Moscow: “Vostochnaia literatura” Publ., 355–382 (in Russian).

Uskenbai, K. Z. 2013. In *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia (The Golden Horde civilization)* 6, 227–232 (in Russian).

In Usmanov, M. A. (ed.). 2009. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII –seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.).* Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 868–880 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1973. *Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordy (The Golden Horde Society)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Yudin, V. P. 1983. In Tulepbaev, B. A. (ed.). *Kazakhstan, Sredniaia i Tsentralnaia Aziia v XVI–XVIII vv. (Kazakhstan, Middle and Central Asia in the 16th-17th Centuries)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 106–165 (in Russian).

About the Author:

Lapshina Irina Yu. Candidate of Historical Sciences, Volgograd State Socio-Pedagogical University. V.I. Lenin Ave., 27, Volograd, 400005, Russian Federation; ilapsh97@inbox.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

Средняя Волга

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.138.148

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПОСУРЬЯ И ПРИМОКШАНЬЯ В ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ВРЕМЯ

© 2022 г. В.А. Винничек, К.М. Винничек, А.В. Дидюлин

Статья посвящена изучению этнического состава населения верхнего Посурье и Примокшанья XIII – XIV вв. на основе анализа и систематизации археологических материалов. Материалы золотоордынских памятников верховий Суры и Мокши указывают на то, что доминирующим этносом в регионах была мордва. Об этом свидетельствуют лопастные сюлгамы, кольцевые застежки, проволочные серьги с многогранным грузиком на нижнем конце, ювелирные украшения, изготовленные из железа. Наряду с языческой мордвой в указанных регионах проживала значительная доля булгарского населения, исповедовавшего ислам. Это подтверждают находки талисмана с арабской надписью имени Аллаха и комплекс серебряных украшений, обнаруженный на Никольском селище. Артефакты с верхнесурских и примокшанских памятников указывают также на усиленный приток в регионы русского населения во второй половине XIII – XIV в. К славянским этномаркерам следует относить христианские реликвии и некоторые украшения, а также находки глиняной посуды, характерной для Древней Руси, найденные на территории Наровчатского городища. Оставили свой след в верховьях Суры и Мокши и кочевые племена.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Верхнее Посурье, Верхнее Примокшанье, этнос, мордва, славяне, булгары, кочевники, межэтнические контакты.

THE ISSUE OF THE ETHNIC STRUCTURE OF THE POPULATION OF THE UPPER SURA AND MOKSHA REGIONS IN THE GOLDEN HORDE PERIOD

V.A. Vinnichek, K.M. Vinnichek, A.V. Didyulin

The paper concerns the investigation of the ethnic structure of the population of the Upper Sura and Moksha regions of the 13th – 14th centuries. The analysis and systematization of archaeological materials allowed the authors to draw the following conclusions. The artefacts of the Golden Horde archaeological monuments of the upper Sura and Moksha indicate that the dominant ethnic group in the region was the Mordovians. This is evidenced by lobed sulgams, ring clasps, wire earrings with a multi-faceted weight at the lower end, and iron jewelry. Along with the pagan Mordovians, a significant proportion of the Bolgar population who professed Islam lived in these regions. This is confirmed by a discovered talisman with an Arabic inscription of the name of Allah and a complex of silver jewelry found at Nikolsky ancient village. Artifacts from the Upper Sura and Moksha also indicate an increased influx of the Russian population to the regions in the second half of the 13th – 14th centuries. Slavic ethnomarkers should include Christian relics and individual jewelry items, as well as the discovered pottery typical of Ancient Russia found in the territory of Narovchatsky settlement. Nomadic tribes also left their mark in the upper reaches of the Sura and Moksha.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Upper Sura, Upper Moksha, ethnic group, Mordovians, Slavs, Bolages, nomads, interethnic contacts.

Материалы археологических памятников XIII–XIV вв., расположенных в верховьях Суры и Мокши, представляют несомненный интерес не только в контексте рассматриваемых регионов, но и всей территории государства Золотая Орда в целом.

В данной работе представлены находки с поселений и комплексы погребальных памятников, которые, по нашему мнению, позволяют пролить свет на этнический состав населения Верхнего Посурья и Примокшанья в золотоордынское время.

Преемственность от материальной культуры волжских булгар домонгольского периода, которая прослеживается в изготовлении гончарной посуды на верхнесурских и примокшанских поселениях, со всей очевидностью показывает присутствие в исследуемых регионах булгарского населения. Об этом свидетельствуют и другие маркирую-

щие этот этнос материалы, аналогии которым имеются на территории его основного расселения в Волго-Камье. Ярким примером может служить комплекс серебряных украшений с верхнесурского Никольского селища (рис. 1), в составе которого имеются традиционные для булгар височные подвески с напускными полыми бусинами (рис. 1: 4-10, 12, 14-15), булавка с полусферической головкой, украшенной пояском скани по нижней части и треугольниками зерни (рис. 1: 11), щитковый перстень (рис. 1: 13) и пластинчатые браслеты (рис. 1: 1-3) с восточным орнаментом. Кроме этого, на Никольском селище обнаружены и другие ювелирные изделия золотоордынского времени, включая бронзовые пластинчатые браслеты и перстни, выполненные в такой же стилистике (рис. 2: 1-11,13-17), а также украшения с арабскими благопожелательными надписями, которые можно отнести к булгарским (рис. 2: 12, 19). Безусловно, нельзя полностью исключать использование таких украшений другими этническими группами местного населения. Однако, обращает на себя внимание практически полное отсутствие таких изделий в составе погребальных комплексов примокшанской мордвы золотоордынского времени (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 32–43, рис. 53–72). Не отмечены они и среди материалов Наровчатского городища (Средневековый город Мохши, 2021, с. 88, с. 219, рис. 73). Имеется лишь один фрагмент подобного бронзового браслета с Потодеевского селища XIII–XIV вв., расположенного в 6 км. к югу от Наровчата (рис. 2: 18) (Винничек, Лебедев, 2004, с. 118, рис. 1, 2). Ювелирные украшения мордвы (браслеты и перстни) имеют ряд отличий. Это касается и применяемого для их изготовления металла (зачастую использовалось железо) и геометрических параметров (сечение треугольное, трапециевидное, полукруглое и др.), и орнамента (рис. 5).

Не зафиксированы в погребениях мордвы XIII – XIV вв. и бронзовые зеркала, фрагменты которых (целые формы являются единичными находками) в довольно большом количестве встречаются на верхнесурских поселенческих памятниках (рис. 3: 1, 2, 4-12, 14-26, 28, 29) (средневековые могильники предмонгольского и золотоордынского времени в Верхнем Посурье до сих пор не обнаружены).

Среди материалов золотоордынских поселений Верхнего Примокшанья зеркал и их фрагментов также крайне мало (рис. 3: 3, 13, 27). Даже на территории Наровчатского городища (средневекового города Мохши) их найдено всего 11 экземпляров (Средневековый город Мохши, 2021, с. 202, рис. 38, 1-9).

Следует отметить, что среди золотоордынских материалов Никольского селища имеется небольшая пластина-талисман с двумя проушинами для подвешивания, изготовленная из свинцово-оловянного сплава. В центре этого изделия имеется надпись на арабском: العدل «аль-Адль» («Справедливый», «Правосудный») (рис. 2.20). Это одно из 99 имен Аллаха. По нашему убеждению, этот предмет является мусульманским маркером и мог принадлежать только представителю булгарской части населения, которая исповедовала ислам начиная с X века.

Пожалуй, одним из самых представительных этносов в Верхнем Посурье и Примокшанье в золотоордынское время была мордва. Об этом свидетельствуют, прежде всего, такие находки с верхнесурских и примокшанских средневековых археологических памятников, как лопастные сюлгамы (рис. 4: 1-7, 14–19; рис. 5: 3, 7, 9, 11, 13), кольцевые застежки (рис. 5: 8,10), проволочные серьги с многогранным грузиком на нижнем конце (рис. 5: 6), ювелирные украшения, изготовленные из железа (рис. 4: 8, рис. 5: 1, 2, 5). Особый интерес в этом отношении представляют материалы женских захоронений XIII–XIV вв. мордовских могильников, расположенных в Примокшанье, которые позволяют детально рассмотреть и зафиксировать не только весь спектр украшений этих финнов Поволжья, но и особенности их погребального обряда. Примокшанские могильники, находящиеся в округе Наровчатского городища (г. Мохши), содержат погребения, ориентированные головой в южном направлении, что является характерной особенностью мордвы-мокши (рис. 4: А, Б).

Одним из самых примечательных маркеров мордовского этноса являются сюлгамы, которые в XIV в. стали изготавливаться не только из круглой в сечении проволоки, но и при помощи литья. В верхней части лопастей таких медных застежек зачастую наносился орнамент в виде косых крестов, точек, насечек, кругов (рис. 4: 1, 4, 19; рис. 5: 3, 7, 9, 11, 13). Появились и серебряные сюлгамы с, украшенными гравированным орнаментом, лопастями. Особенно интересны в этом отношении изделия с изображением т.н. «языков», которые имеются не только на лопастях сюлгам (рис. 4: 15), но и на перстнях (рис. 4: 12; рис. 5?: 14). Отмечены такие изображения

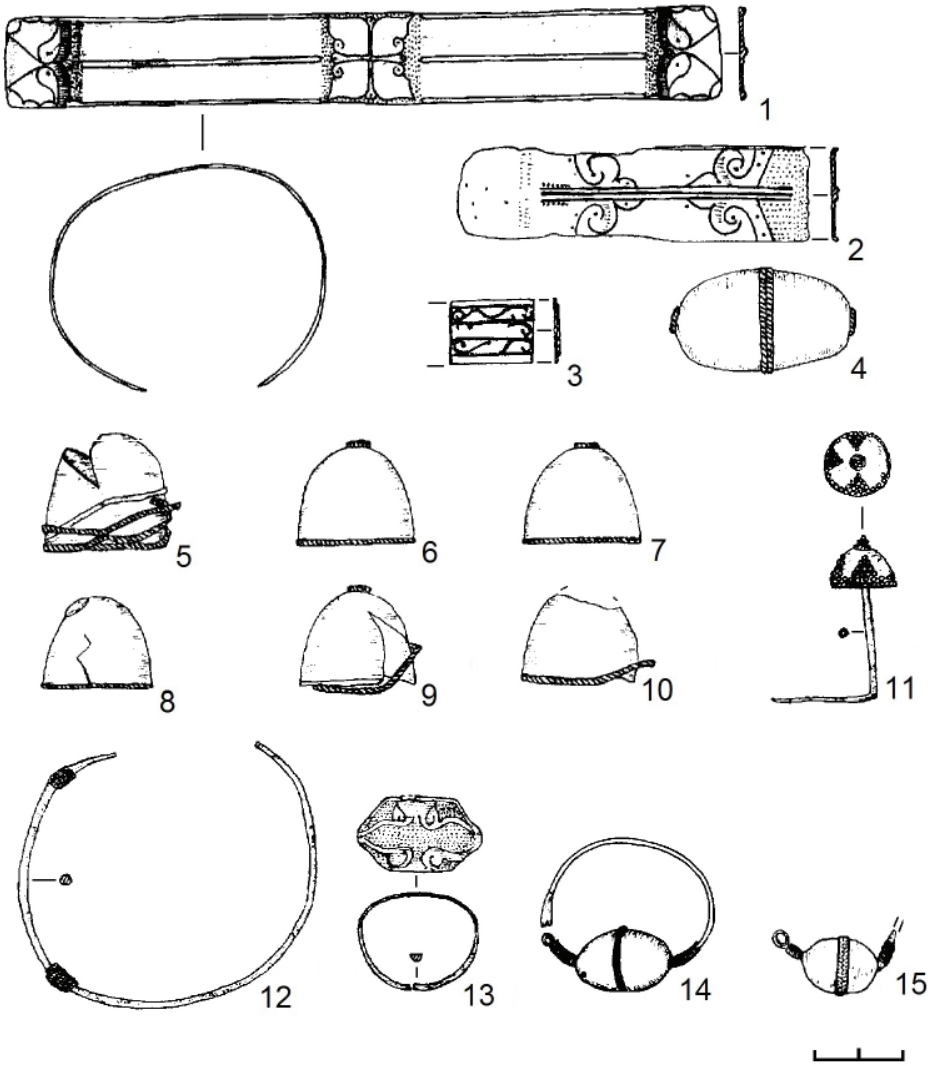


Рис. 1. Комплекс серебряных украшений с Никольского селища.
Fig. 1. Complex of silver jewelry from Nikolskoye settlement.

и на предметах среди погребального инвентаря из Старосотенского, Муранского и Гагинского мордовских могильников, а также клада с Никольского селища (Средневековый город Мохши, 2021, с. 147; Моржерин, 2001, с. 153, рис. 1, 1). Очевидно, этот знак имел у средневековой мордвы сакральное значение и наносился на украшения с «оберегающей» целью.

Для второй половины XIII – XIV в. археологически зарегистрирован усиленный приток (по сравнению с домонгольским периодом) русского населения на Среднюю Волгу. С 1261 г. в столице Золотой Орды – Сарае – митрополит киевский Кирилл даже учредил Сарскую православную епархию, которая впоследствии была объединена с епископией южного Переяславля, и назначил первым епископом Митрофана (Татищев, 2005, с. 25; Карамзин, 2003, с. 291). Ибн-Баттута наряду с такими народами, проживающими в Сарае, как монголы, асы, кипчаки и черкесы, называет и русских, подчеркивая при этом, что они христиане (Из глубины столетий, 2000, с. 200). Приток славянского населения в золотоордынский период фиксируется по археологическим находкам и на поселениях Верхнего Посурья и Примокшанья. Прежде всего, значительно увеличилось по сравнению с домонгольским временем количество христианских реликвий (рис. 6: 1, 2, 4, 6, 7, 9), которые не могли служить предметом торговли и свидетельствуют о постоянно проживании русских в рассматриваемых регионах.

Бронзовая цепочка, состоящая из трех пластинок с четырьмя отверстиями, соединенными между собой кольцами, обнаружена на верхнесурском Саловском I селище (рис. 6.1). По мнению М.Д. Полубояриновой, «на таких цепочках с крестами подвешивались лампады и паникадила» (Полубояринова, 1978, с. 60). Аналогичные изделия найдены в Новгороде в слоях XI – XIII вв., на Царевском городище (Полубояринова, 1978, с. 60-61, рис.

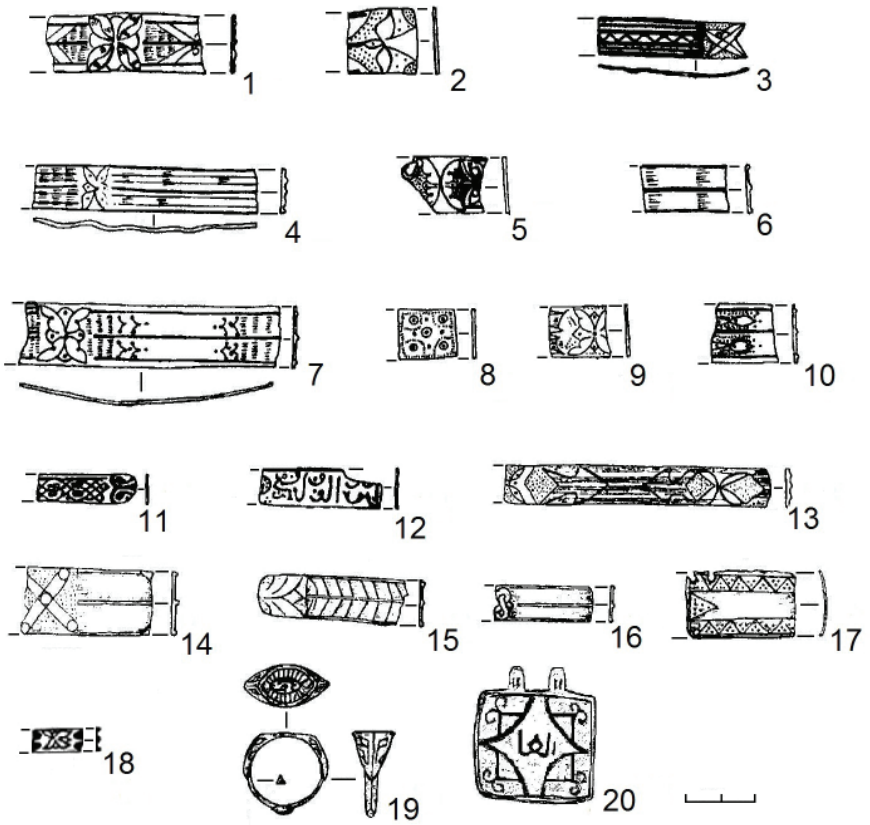


Рис. 2. Булгарские украшения и исламская подвеска. 18 – Потодеевское селище, остальное – Никольское селище. 1-19 – бронза, 20 – свинцово-оловянный сплав.
Fig. 2. Bolgar jewelry and Islamic pendant. 18 – Potodeevskoye village, others - Nikolskoye village. 1-19 - bronze, 20 – lead-tin alloy.

9), в Укеке (Недашковский, 2000, с. 111, рис. 30, 19,20).

Бронзовый крест-тельник с массивным ушком, концами треугольной формы, лицевая сторона которого углублена и была заполнена эмалью (рис. 6: 4) (2 экз. – Никольское селище, на одном – остатки желтой эмали), находит аналогии в Древнем Новгороде в слое XIII в. (Седова, 1959, с. 236, рис. 4, 3), а также в ордынских слоях Болгарского городища (Полубояринова, 1993, с. 18, рис. 2, 2). Этим же временем датируется и маленький (возможно, детский) бронзовый нательный крест с углублением на лицевой стороне (рис. 6: 9).

Еще один нательный четырехконечный равносторонний крест с дугами в средокрестии и трехлепестковыми криновидными концами с Никольского селища имеет в центральной части рельефный ромбик, в который вписан четырехконечный крестик с перекрещенными концами (рис. 6: 7). Аналогии этому изделию известны из Старой Рязани, Новгорода, Старицы, Водянского городища, окрестностей Риги и датируются XII – XV вв. (Осипов, Станюкович, Соловьев, 2003, с. 31).

Фрагмент лопасти медного литого энколпиона с изображением святого и надписью (рис. 6: 6) с Никольского селища, очевидно, является частью створки с изображением Богоматери. Подобные целые изделия относятся к типу VII.1.3 («энколпион с закругленными концами, пятичастная композиция») по классификации А.А. Песковой. Энколпион состоял из двух створок, причем на створке с изображением Богоматери Ассунты у боковых медальонов помещались рельефные имена архангелов Михаила (МНХАЛЪ) слева и Гавриила (ГАВР) – справа, хотя в самих медальонах, следуя традиции, помещались поясные изображения святых целителей Козьмы и Демьяна; над головой Богоматери – рельефная зеркальная надпись – БОБ. В центре второй створки такого энколпиона изображалось Распятие Христа и краткие рельефные монограммы IC XC (Корзухина, Пескова, 2003, с. 195). Аналогичный энколпион был обнаружен в Подольском районе Московской области (в бывшей дер. Макарово) и датируется серединой XIII – началом XIV в. (Нужненко, 2005, с. 37-38).

Бронзовый перстень со стилизованным изображением ладони с Наровчатского городища (рис. 6: 12), по нашему мнению, следует относить к древнерусским изделиям, т.к.

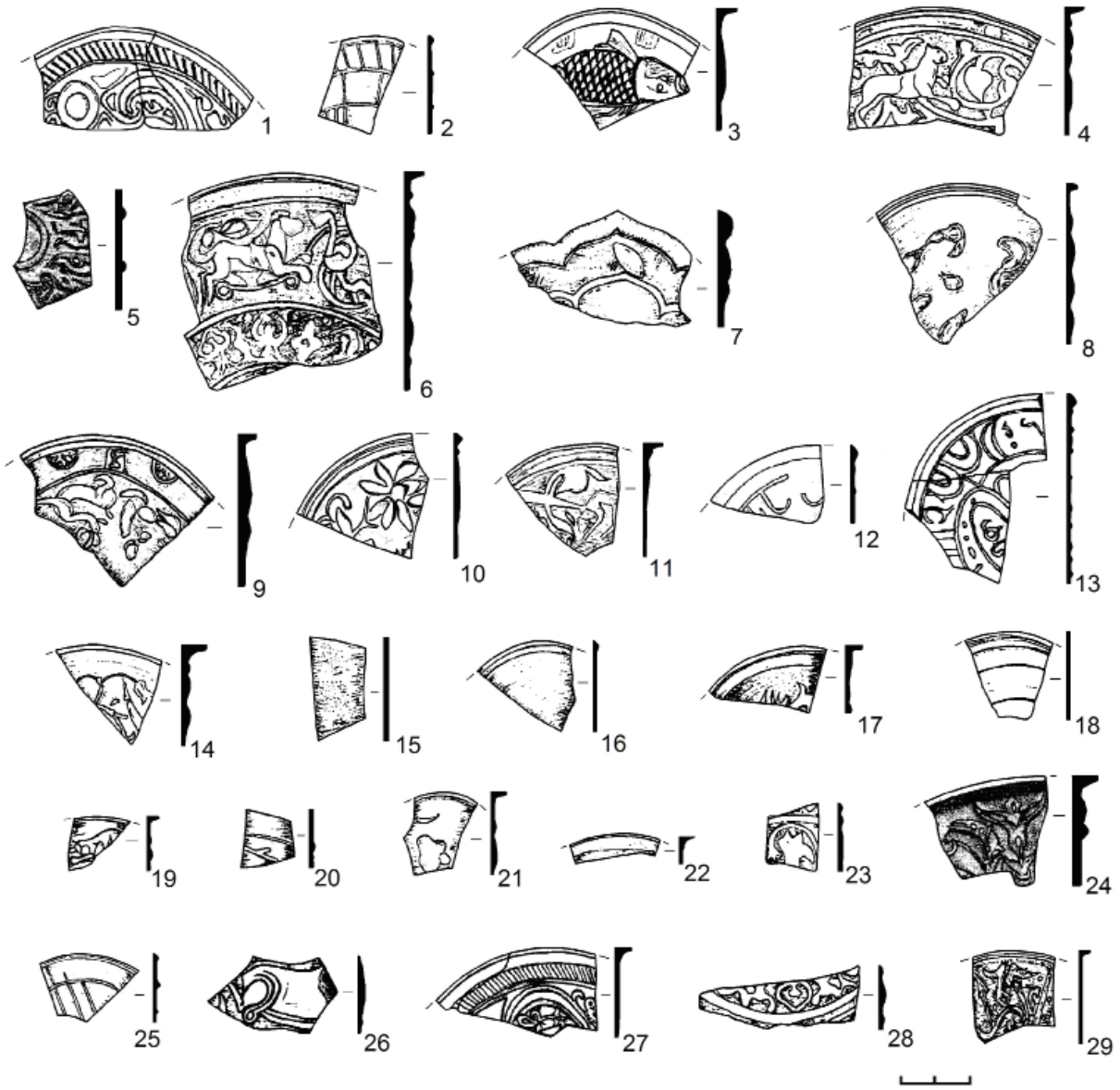


Рис. 3. Зеркала с поселений верхнего Посурья и Примокшанья. 1, 5, 8, 29 – Саловское селище; 2, 4, 6, 7, 9-12, 14-26, 28 – Никольское селище; 3, 27 – Наровчатское городище; 13 – Потодеевское селище. Все – бронза.
Fig. 3. Mirrors from the settlements of Upper Sura and Upper Moksha. 1, 5, 8, 29 – Salovskoye village; 2, 4, 6, 7, 9-12, 14-26, 28 – Nikolskoye village, 3, 27 – Narovchatskoye settlement, 13 – Potodeevskoye village. All - bronze.

аналогичные украшения известны среди материалов Новгорода, где они датируются рубежом XII – XIII – концом XIV в. (Седова, 1981, с.134, рис. 51, 19-22, с. 135).

Медный и серебряный перстни с орнаментированным ромбическим щитком и четырьмя каплевидными выступами с Никольского селища (рис. 6.10,11) находят аналогии среди изделий, входящих в состав обнаруженного в Курской области Дичневского комплекса женских украшений, который датируется второй половиной XIV в. Кроме того, три подобных перстня известны из Новгорода (вторая половина XIV в.), а одно такое украшение зафиксировано в погребении мордовского Гагинского могильника (середина – вторая половина XIV в.) (Шпилев, 2008, с. 78-83).

Медные перстни с овальным щитком и выпуклым орнаментом в виде свастики (3 экз. – Никольское селище, 1 экз. – Наровчатское городище) (рис. 6: 5) часто обнаруживают на золотоордынских поселениях (Недашковский, 2001, рис. 7, 10; Полякова, 1996, с. 173, рис. 61, 30; Руденко, 2001, с. 199, рис. 40, 28), найдены они и в Новгороде в слое конца XIV – начала XV в. (Полубояринова, 1993, с. 27, рис. 6, 6, 7). По мнению М.Д. Полубояриновой и М.В. Седовой такие перстни производились в Новгороде, поскольку 10 аналогичных незавершенных украшений, отлитых в одной форме, были зафиксированы в комплексе ювелирной мастерской 80-90 гг. XIV в. (Полубояринова, 1993, с. 29; Археология..., 1997, с. 78).

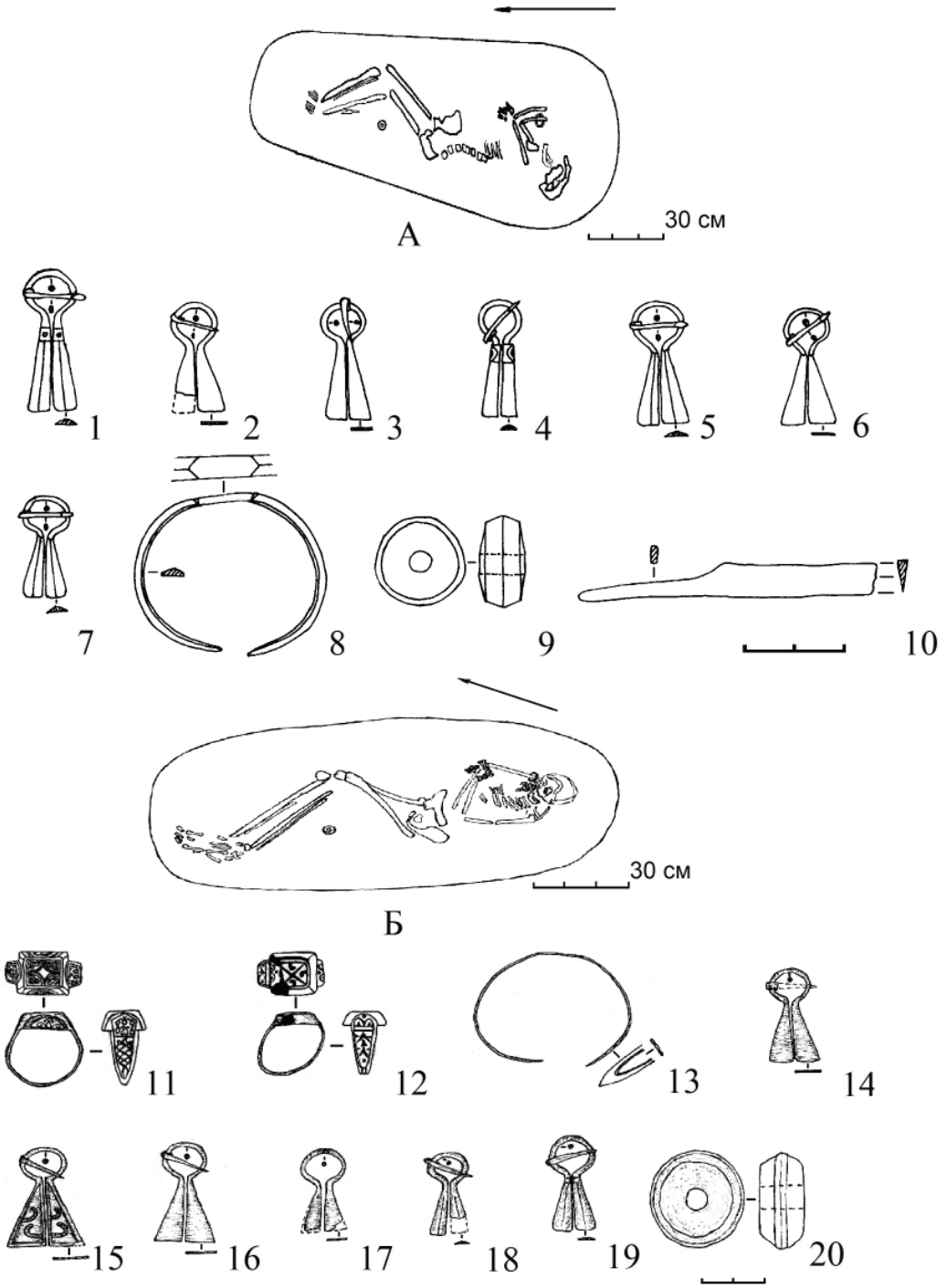


Рис. 4. Планы мордовских погребений и погребальный инвентарь. А, 1-10 – Казбекский могильник; Б, 11-20 – Акимовщинский могильник. 8, 10 – железо, 11-13, 15, 16 – серебро, 9, 20 – глина, остальное – бронза.
Fig. 4. Plans of Mordovian burials and burial inventory. A, 1-10 - Kazbeksky burial ground; Б, 11-20 – Akimovshchinsky burial ground. 8, 10 - iron, 11-13, 15, 16 - silver, 9, 20 – clay, others – bronze.

Литая бронзовая подвеска в форме кинжальчика с Никольского селища (рис. 6: 2) имеет аналогии в материалах Владимира, Рязани и Торжка XIII в., а также окрестностей Билярска. Исследователи считают такие находки книжными застежками или подвесками-амулетами (Недашковский, 2001, с. 350-351, рис. 1, 10). Зафиксировано такое изделие и в материалах Камаевского городища XIV–XV вв. (Фахрутдинов, 1984, с. 142-143, рис. 24). Несколько таких предметов было обнаружено при исследовании ювелирной мастерской XII в. в Новогрудке (Гуревич, 1974, с. 23, рис. Ювелирные изделия Новогрудка, №8).

Интерес также представляет, обнаруженная на Наровчатском городище, бронзовая шестилепестковая с ажурными краями бляха на сумку. В центре изделия имеется накладка с изображением животного с повернутой назад головой и закинутым за спину хвостом,

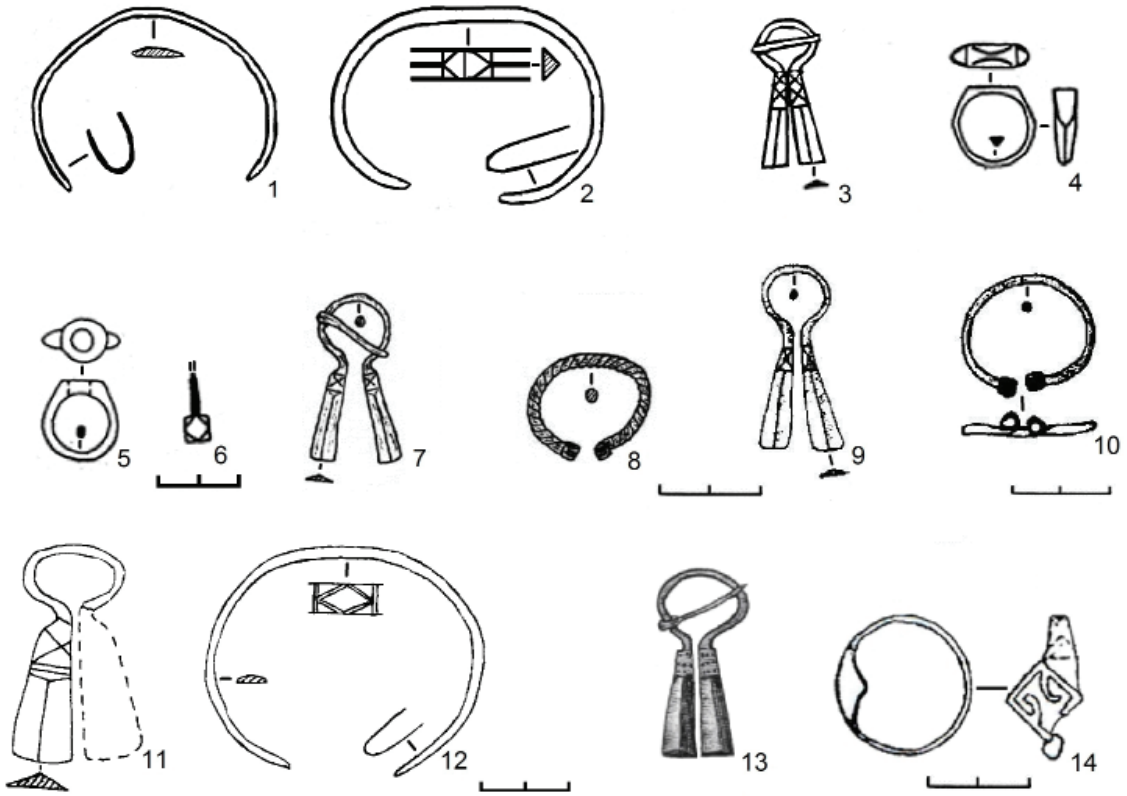


Рис. 5. Мордовские украшения с памятников Верхнего Посурья и Примокшанья. 1-6 – Потодеевское селище, 7, 8 – Саловское I селище, 9, 10 – Никольское селище, 11, 12 – Казбекский могильник, 13, 14 – Наровчатское городище. 1,2,5 – железо, остальное – бронза.

Fig. 5. Mordovian decorations from the monuments of the Upper Sura and Upper Moksha. 1-6 – Potodeevskoye village, 7,8 - Salovskoye I village, 9,10 - Nikolskoye village, 11, 12 – Kazbeksky burial ground, 13,14 –Narovchatskoye settlement. 1, 2, 5 – iron, others – bronze.

окаймленного лентой из небольших округлых элементов. Накладка прикреплена с помощью трех шпеньков. (рис. 6.3). Данный тип блях имел утилитарное назначение – закрывать замок на кожаной сумке. Аналог этому украшению известен из материалов Увекского городища (Недашковский, 2000, с. 33, рис. 6, 8). Обнаружены подобные изделия и в Новгороде в слое XIV в. (2 экз.) (Археология..., 1997, с. 46-47, табл. 36, 10).

На Никольском селище найдена медная литая месяцевидная накладка со стилизованным изображением дракона головой вправо (рис. 6.8). Подобные украшения имеются среди древнерусских материалов золотоордынского времени (Археология..., 1997, с. 307, табл. 61, 56). Судя по ее размерам, она применялась не как ременная накладка, а прикрывала замок сумки.

О проживании славян в рассматриваемых регионах свидетельствуют и находки глиняной посуды, характерной для Древней Руси. В этой связи, необходимо упомянуть о результатах исследований, проведенных А.Е. Алиховой на Наровчатском городище в 1959–1963 гг., в ходе которых она пришла к выводу о присутствии в составе населения г. Мохши переселенцев из Древней Руси, а также выделила ряд особенностей, характерных для русской керамики г. Мохши в XIV в. и отличающих ее от русской посуды с других золотоордынских памятников Поволжья (Полубояринова, 1978, с. 116–120).

Оставили свой след в Верхнем Посурье и Примокшанье и кочевники. Не позднее первой половины XI в. начинают прослеживаться контакты местной мордвы с половецкими племенами. Свидетельствует об этом, обнаруженный на площадке Васильевского селища VIII – нач. XI в., фрагмент бронзовой витой половецкой гривны (Винничек, Сафронов, 2004, с. 39-40, с. 82, рис. 5, 27). Серебряные витые половецкие гривны, которые датируются предмонгольским временем, имеются среди находок с верхнесурского Золотаревского городища (Белорыбкин, 2001, с. 42, с. 44, рис. 25, 2,3).

В качестве кочевнического маркера, по-видимому, можно рассматривать и лазуритовые подвески, которые известны из материалов таких примокшанских археологических памятников, как могильник Татарская

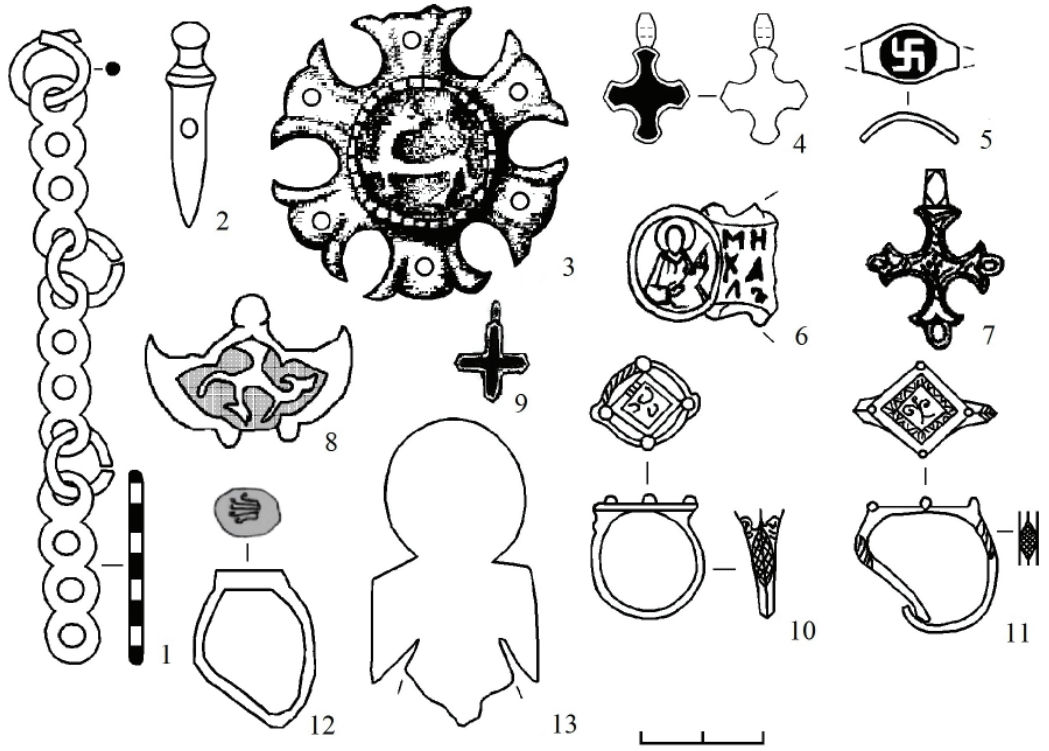


Рис. 6. Древнерусские украшения (3,5,8,10-12), предметы христианского культа (1,2,4,6,7,9) и монгольский амулет (13). 1- Саловское селище, 2,4-11,13 – Никольское селище, 3,12 – Наровчатское городище. 11 – серебро, остальное – бронза.

Fig. 6. Ancient Russian jewelry (3,5,8,10-12), objects of Christian worship (1,2,4,6,7,9) and a Mongolian amulet (13). 1 – Salovskoye village, 2,4-11,13 – Nikolskoye village, 3,12 – Narovchatskoye settlement. 11 – silver, others – bronze.

Лака II и Наровчатское городище. Одна такая подвеска найдена в золотоордынском городе Маджар на Северном Кавказе. Встречаются подобные изделия из лазурита и в погребениях кочевников Среднего Поволжья, а также в погребениях мордвы (Винничек, Киреева, 2012, с. 69, с. 86, рис. 24, 5,6).

Присутствие половцев в рассматриваемых регионах в золотоордынское время фиксируется также материалами раскопок, проведенных экспедицией Пензенского музея в 60-е г. XX в., курганной группы близ с. Рамзай Мокшанского района, где «выявлены погребения (в т.ч. одно трупосожжение) поздних кочевников (XIII–XIV вв.) с характерным для них ритуалом и комплексом вещей (ножницы, пряжки, зеркальце, височные подвески, в т.ч. одна золотая, бусы и др.)» (Полесских, 1970, с. 89). Следует отметить, что эта курганная группа была расположена в степной полосе, которая тянется далеко на север между Хопром на юге, Сурой на востоке и Мокшей на западе.

Среди материалов Никольского селища имеется фрагментированная антропоморфная фигурка, вырезанная из бронзовой пластины (рис. 6:13). Такие нашивки-амулеты встречаются на золотоордынских памятниках Поволжья и, по мнению Г.А. Федорова-Давыдова, являлись «вместилищем души», которые были принесены в Восточную Европу монголами (Федоров-Давыдов, 1966, с. 69, рис. 6, 5). Т.е. по этой находке прослеживается и присутствие монгол в Верхнем Посурье, что не противоречит сообщению ибн-Баттуты об этническом составе населения Сарая, приведенному выше.

Обращает на себя внимание отсутствие среди золотоордынских материалов верхнесурских и примокшанских археологических памятников ременных украшений т.н. «аскизского облика», которые довольно часто встречаются на домонгольских поселениях. По-видимому, применение этих элементов конской упряжи и портупейных ремней потеряло свою актуальность, либо среди местного населения в XIII – XIV вв. не осталось носителей моды на эту фурнитуру. Хотя подобные изделия продолжали бытовать у номадов различных районов Золотой Орды (Горелик, Ковпаненко, 2001, с. 158, с. 163, рис. 3, 7,8; Руденко, 2001а, с. 143–146).

Таким образом, население Верхнего Посурья и Примокшанья в золотоордынское время также, как и в домонгольское, в этническом отношении было довольно «пестрым». Одна-

ко, судя по материалам памятников верховий Суры и Мокши, доминирующим этносом в регионах (особенно в Примокшанье) была языческая мордва. Оседлое верхнесурское и примокшанское население занималось земледелием, бортничеством, охотой, рыболовством, различными ремеслами. Кочевники пасли стада домашних животных на степных территориях. Между ними прослеживаются торговые контакты, которые сохранялись на протяжении многих десятилетий, пока эпидемия чумы в 60-е годы XIV в. не уничтожила жителей рассматриваемых регионов, несмотря на их этническую принадлежность (Винничек, Лебедев, 2004, с. 114; Винничек, Киреева, 2012, с. 109). Следует отметить, что ни в домонгольский период, ни в золотоордынское время в верхнесурских и примокшанских поселениях, между булгарами, славянами и мордвой, по-видимому, не было никакой межэтнической и межрелигиозной розни.

ЛИТЕРАТУРА

Археология. Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1997. 368 с.

Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб.: ИИМК РАН, 2001. 191 с.

Винничек В.А., Киреева К.М. Торговля в Верхнем Посурье и Примокшанье в XI–XIV вв. Пенза: Изд-во ПИРО, 2012. 149 с.

Винничек В.А., Лебедев В.П. Потодеевское селище в системе памятников округи золотоордынского города Мохши // Записки краеведов / Ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза, 2004. С. 104–120.

Винничек В.А., Сафронов П.И. Васильевское селище // Записки краеведов / Ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза, 2004. С. 39–87.

Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Хронология могильников населения I – XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Издательство МГУ им. Н.П. Огарева, 2008. 325 с.

Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т. Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды // Археология Поволжья / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: ПГУ, 2001. С. 154–164.

Гуревич Ф.Д. К истории культурных связей древнерусских городов Понеманья с Киевской землей (По материалам ювелирного ремесла) // Культура средневековой Руси / Отв. ред, А.Н. Кирпичников, П.А. Раппопорт. Л.: Наука, 1974. С. 22–25.

Из глубины столетий / Сост., вступительные статьи и комментарии Б.Л. Хамидуллин. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. 271 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: ЭКСМО, 2003. 1024 с.

Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 428 с.

Моржерин К.Ю. Серебряные украшения Никольского клада // Археология Поволжья / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: ПГУ, 2001. С. 152–153.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.

Недашковский Л.Ф. Металлические изделия и литейные формы с Увекского городища // Древние ремесленники Приуралья: материалы Всерос. науч. конф. / Отв. ред. В.И. Завьялов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 349–364.

Нужненко Д. Две находки // Древности и старина. 2005. №5. С. 36–38.

Осипов И.Н., Станюкович А.К., Соловьев Н.М. Тысячелетие креста. М., 2003. 62 с.

Полесских М.Р. Археологические памятники Пензенской области. Путеводитель. – Пенза: Приволжское книжное издательство. Пензенское отделение, 1970. 162 с.

Полубояринова М.Д. Связи северо-восточной Руси с Волжской Болгарией (по археологическим данным) // История и культура древнерусского города / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 179–189.

Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 154–268.

Руденко К.А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань: Школа, 2001. 242 с.

Руденко К.А. Изделия «аскизского облика» ордынского времени в Поволжье и Прикамье // Археология Поволжья / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: ПГУ, 2001а. С. 143–146.

Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.) // МИА. № 65 / Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. с.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

Средневековый город Мохши / Отв. ред. Пенза: Издательство ИРРПО, 2021. 250 с.

Татищев В.Н. История Российская: В 3 т. . 3.М.: АСТ «Ермак», 2005. Т 860 с.

Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 216 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Шпилев А.Г. Дичневский клад – комплекс женских украшений русско-ордынского порубежья 2-й половины XIV в. из Курской области // РА. 2008. №2. С. 78–83.

Информация об авторах:

Винничек Владимир Альбертович, кандидат исторических наук, директор, Центр историко-культурный наследия ГАОУ ДПО Института регионального развития Пензенской области, (г. Пенза, Россия), vladimirvinnichek@mail.ru

Винничек Карина Михайловна, кандидат исторических наук, главный хранитель музейных предметов МУК «Музейно-выставочный центр» г. Заречного Пензенской области, (г. Пенза, Россия) kirekarina@yandex.ru

Дидюлин Андрей Владимирович, специалист Центра историко-культурного наследия ГАОУ ДПО Института регионального развития Пензенской области, студент 2 курса магистратуры Самарского Государственного социально-педагогического университета (Пенза, Российская Федерация), adadad-98@list.ru

REFERENCES

Kolchin, B. A., Makarova, T. I. (eds.). 1997. *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura (Ancient Russia. Everyday Life and Culture)*. Series: Archaeology of the USSR 16. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotorevka settlement).* Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Vinnichek, V. A., Kireeva, K. M. 2012. *Torgovlya v Verkhnem Posur'e i Primokshan'e v XI–XIV vv. (Trade on the Upper Sura and Moksha Rivers in the XI–XIV centuries).* Penza: "PIRO" Publ. (in Russian).

Vinnichek, V. A., Lebedev, P. V. 2004. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Zapiski kraevedov (Notes by Local Historians).* Penza, 104–120 (in Russian).

Vinnichek, V. A., Safronov, P. I. 2004. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Zapiski kraevedov (Notes by Local Historians).* Penza, 39–87 (in Russian).

Vikhlyaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. N. 2008.

Khronologiia mogil'nikov naseleniia I – XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia (Chronology of the Burial Grounds of the 1st - 14th Century Population of the Western Middle Volga Region). Saransk: Mordovian State University (in Russian).

Gorelik, M. V., Kovpatenko, G. T. 2001. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Arkheologiia Povolzh'ia (Archaeology of the Volga Area).* Penza: Penza State Pedagogical University, 152–153 (in Russian).

Gurevich, F. D. 1974. In Kirpichnikov, A. N., Rappoport, P. A. (eds.). *Kul'tura srednevekovoi Rusi (Culture of Medieval Russia).* Leningrad: "Nauka" Publ., 22–25 (in Russian).

Khamidullin, B. L. (ed.). 2000. *Iz glubiny stoletii (From the Depths of Centuries).* Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Karamzin, N. M. 2003. *Istoriia gosudarstva Rosiiskogo (History of the Russian State).* Moscow: "EKSMO" Publ. (in Russian).

Korzukhina, G. F., Peskova, A. A. 2003. *Drevnerusskie enkolpiony. Nagrudnye kresty-reklikvarii XI–XIII vv. (Old Rus encolpions. Pectoral reliquary crosses 11th – 13th c.).* Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).

Morzherin, K. Yu. 2001. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Arkheologiia Povolzh'ia (Archaeology of the Volga Area).* Penza: Penza State Pedagogical University, 152–153 (in Russian).

Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde City Ukek and its Suburbs).* Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

Nedashkovskii, L. F. 2001. In Zav'ialov, V. I. (ed.). *Drevnie remeslenniki Priural'ia (Ancient Craftsmen of the Cis-Ural Region)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 349–364 (in Russian).

Nuzhnenko, D. 2005. In *Drevnost' i starina (Antiquities and Antiquity)* 5, 36–38 (in Russian).

Osipov, I. N., Stanyukovich, A. K.,. Solov'ev, N. M. 2003. *Tysiacheletie kresta (Millennial Anniversary of the Cross).* Moscow (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1970. *Arkheologicheskie pamiatniki Penzenskoi oblasti (Archaeological Monuments of Penza Oblast).* Penza: "Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1989. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Istoriia i kul'tura drevnerusskogo goroda (History and Culture of Ancient Rus Towns)* Moscow: Moscow State University, 179–189 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1993. *Rus' i Volzhskaia Bolgariia v X—XV vv. (Rus' and Volga Bulgaria in 10th–15th Centuries).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Polyakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 154–268 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2001. *Material'naia kul'tura bulgarskikh selishch nizovii Kamy XI–XIV vv. (Material culture of the Bulgars settlements in the Lower Kama during the 11th–14th cc.)* Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2001. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Arkheologiia Povolzh'ia (Archaeology of the Volga Area).* Penza: Penza State Pedagogical University, 143–146 (in Russian).

Sedova, M. V. 1959. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin B. A. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 65. *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition)* II. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 223–261. (in Russian).

Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X–XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th–15th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

2021. *Srednevekovyi gorod Mokhshi (The Medieval Town of Mokhshi). Penza:* Institute for Regional Development of the Penza Region (in Russian).

Tatishchev, V. N. 2005. *Istoriia Rossiiskaia (Russian History)*. Vol. 3 Moscow: "AST "Ermak" Publ. (in Russian).

Fakhrutdinov, R. G. 1984. *Ocherki po istorii Volzhskoi Bulgarii (Essays on the History of Volga Bolgaria).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Shilev, A. G. 2008. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 78–83 (in Russian).

About the Authors:

Vinnichek Vladimir Al. Candidate of Historical Sciences. Director of the Center of Historical and Cultural Heritage of the State Educational Institution of the Penza Region Institute of Regional Development. Popov Str., 40, Penza, 440049, Russian Federation; vladimirvinnichek@mail.ru

Vinnichek Karina M. Candidate of Historical Sciences. Museum and Exhibition Center of the city of Zarechny. Sportivnaya, Str., 4, Penza, 442960, Russian Federation; kire-karina@yandex.ru

Didyulin Andrei V. Center of Historical and Cultural Heritage of the State Educational Institution of the Penza Region Institute of Regional Development. Popov Str., 40, Penza, 440049, Russian Federation; Samara State Socio-Pedagogical University. M. Gor'ky, str., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation); adadad-98@list.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 623.11 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.149.156

О ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ В БУЛГАРСКОМ УЛУСЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

© 2022 г. А.М. Губайдуллин

В статье рассматриваются вопросы функционирования поселений городского типа на территории Волжской Булгарии во второй половине XIII – начале XV веков. Обращается внимание на их распределение и размещение в регионе Среднего Поволжья после монгольского нашествия, а также на специфику этих городищ данного периода времени. Автором делается вывод о различном распределении поселенческих памятников на местности, а также количественном соотношении на протяжении X–XV веков. На основе комплекса археологических сведений, полученных в ходе их изучения, делается вывод о продолжавшемся развитии градостроительства на территории Булгарского улуса Золотой Орды и его преемственности на протяжении длительного времени. Одним из примеров этого являлось продолжение домонгольских традиций в возведении и использовании крепостных сооружений на некоторых поселениях, расположенных в данном регионе, а также сохранение технологических приемов в строительстве объектов фортификации. В этом плане здесь рассматриваются и отличия от городов центральной части золотоордынского государства. В качестве примера приводится развитие города Болгара и его планировочные особенности.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, эпоха средневековья, археология, укрепленные поселения, фортификация.

URBAN PLANNING IN THE BOLGAR ULUS OF THE GOLDEN HORDE

A.M. Gubaidullin

The paper addresses the issues of the operation of urban settlements in the territory of the Volga Bolgaria in the second half of the 13th – early 15th centuries. Attention is drawn to their distribution and arrangement in the Middle Volga region after the Mongol conquest, as well as to the specifics of these settlements of this time period. The author makes a conclusion about the different distribution of settlement monuments in the area, as well as the quantitative ratio during the 10th–15th centuries. Based on a complex of archaeological information obtained in the course of their study, a conclusion is made about the continued development of urban planning in the territory of the Bolgar ulus of the Golden Horde and its long-term continuity. One of the examples was the continuity of pre-Mongol traditions in the construction and use of fortifications in individual settlements located in the region, as well as the preservation of technological methods in the construction of fortifications. In this regard, the paper addresses the differences from the cities of the central part of the Golden Horde state. The development of the city of Bolgar and its planning features are given as an example.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Middle Ages, archaeology, fortified settlements, fortification.

На территории Евразии, несмотря на потрясения, связанные с монгольским нашествием, градостроительство не прекратило своего развития. Оно продолжало формировать материально-пространственную среду поселений, решало экономические, строительно-технические и архитектурно-художественные задачи, а также организовывало ландшафт систем расселения. Эти общие тенденции были характерны и для региона Среднего Поволжья, которое занимало в X–XIII вв. государство Волжская Булгария. Продолжала развиваться и военно-инженерная наука, пусть и в гораздо меньших масштабах, чем в домонгольское время.

История изучения булгарских городищ началась в XVIII–XIX вв. и содержала в себе поиск, выявление и описание остатков укрепленных поселений и их оборонительных линий. В этот период материал, накопленный целым рядом исследователей, создал определенную существенную базу для последующего изучения поселенческих памятников. В то время специального хронологического разделения городищ на домонгольские и золотоордынские не делалось, однако некоторые

Рис. 1. Карта распространения городищ Волжской Булгарии в домонгольское время.
Fig. 1. Map of the distribution of Volga Bolgaria settlements in pre-Mongol period.

авторы пытались относить их к определенной исторической эпохе. Например, точка зрения С.Е. Мельникова об основании Большетоябинского городища «во времена Батыевы» (Мельников, 1856) впоследствии подтвердилась в процессе археологических раскопок данного памятника А.П. Смирновым (Смирнов, 1950), а также Г.А. Федоровым–Давыдовым (Федоров–Давыдов, 1960). Проводилось исследование и целого ряда других памятников: Болгарского, Билярского, Елабужского «Чертова», Коминтерновского городищ и мн. др. (Савенков, Крапивин, 1732; Рычков, 1770, с. 13, 45; Артемьев, 1851, с. 3–4, 6–11; Невоструев, 1871; Шпилевский, 1877, с. 571; Борисов, 1898, с. 497–518 и др.).

Только с 30-х гг. XX в. начинается период, связанный с проведением крупных археологических раскопок булгарских городищ и их систем укреплений. Что касается памятников сер. XIII – нач. XV вв., то на сегодняшний день оборонительные сооружения исследованы у 12 булгарских укрепленных поселений, датированных этим периодом времени. Небольшое их количество связано, не сколько с малой изученностью памятников, а с тем, что в это время вообще существовало мало укрепленных поселений. Происходит резкое сокращение их количества по сравнению с домонгольским периодом (рис. 1–2). Из общего числа ок. 200 известных городищ, лишь четыре десятка существовало в качестве укрепленных поселений в это время, из них ок. 20 памятников возникло только в середине–второй половине XIII в.

Комплекс сведений, полученный в ходе исследований булгарских городищ золотоордынского периода, свидетельствует о продолжавшемся развитии градостроительства, в т.ч. и возведении крепостных сооружений. Военно-инженерное дело развивалось на территории Булгарского улуса практически без перерыва. Мы судим об этом не только исходя из датировки линий обороны поселений, но и принимая во внимание прослеживающуюся эволюцию в развитии укреплений. Также об этом свидетельствует и сохранение всего комплекса традиций строительства защитных дерево-земляных конструкций и технологических приемов, применявшихся при их возведении. На некоторых городищах в XIII–XIV вв. могли использоваться и построенные ранее укрепления, для функционирования которых достаточно было просто проведения

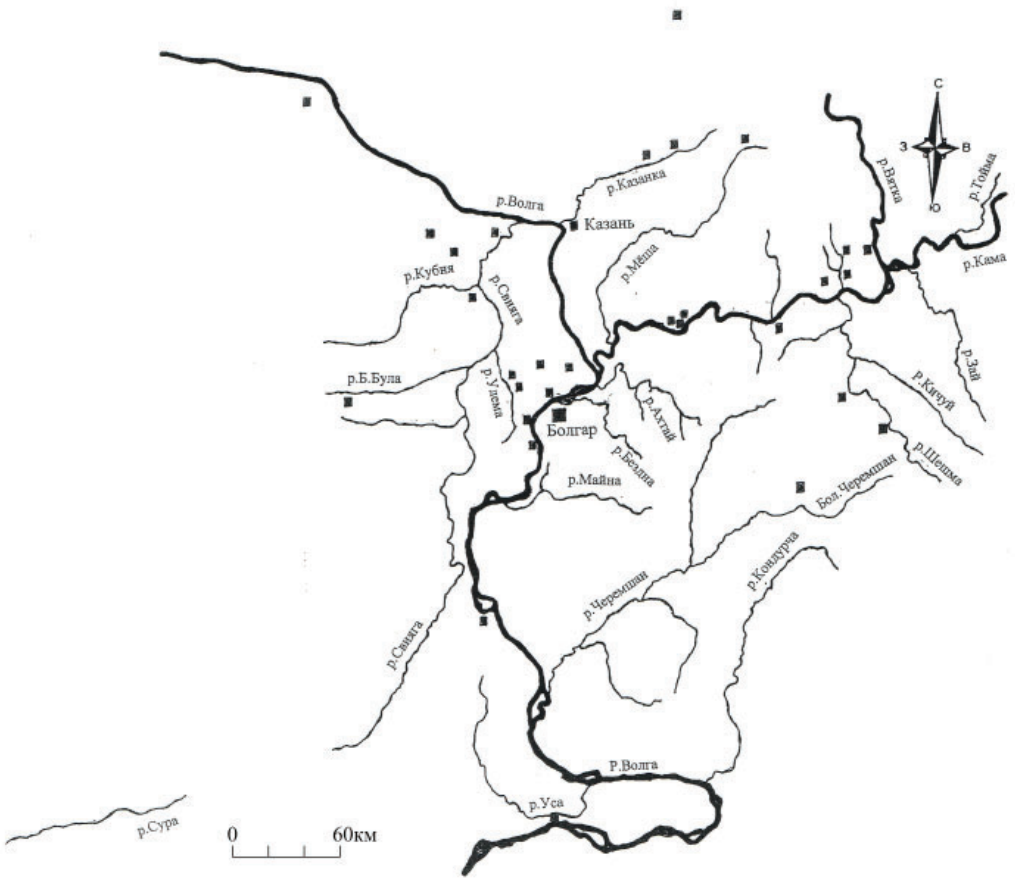


Рис. 2. Карта распространения булгарских городищ в золотоордынский период.
Fig. 2. Map of the distribution of Bolgar settlements in the Golden Horde period.

ремонтных работ. Например, в ходе археологических исследований крепостных сооружений Казани, возведенных в домонгольское время, не было зафиксировано каких-либо их перестроек в золотоордынский период. Напротив, они продолжали использоваться и сохранялись в тех же размерах (Ситдиков, 2013). На булгарских поселениях этого хронологического периода прослеживается большинство известных, а также использовавшихся с домонгольского времени типов крепостных стен – это тыновая ограда, столбовая конструкция (каркасно-столбовая) и городни.

В тоже время, для домонгольского и золотоордынского периодов анализ количественного соотношения типов укрепленных поселений по расположению на местности позволяет выявить отдельные различия. Так в золотоордынское время, несколько возрастает удельный вес городищ, подчиненных и неподчиненных рельефу местности, а количество частично подчиненных рельефу местности сокращается почти в два раза, тогда как сложномысовые и сложные поселения вообще перестают существовать. Также меняется и соотношение количества укреплений. В золотоордынское время увеличивается число памятников со схемой оборонительных линий один вал и один ров, один вал и два рва, два вала и один ров, тогда как от сооружения и использования более сложных многорядных систем обороны вообще происходит полный отказ. Налицо тенденция к упрощению в способах защиты поселений на протяжении всего времени. Очевидно, что здесь сыграло свою роль изменение в тактике обороны крепостей, что свидетельствует о принципе разумной достаточности в сложившихся к тому времени условиях.

Соотношение размеров городищ Волжской Булгарии двух периодов ее истории также различно по количеству. В золотоордынское время уменьшается число памятников с небольшой площадью – до 2 га. Самое большое предпочтение начинает уделяться т.н. “средним” по размерам городам с укрепленной площадью от 11 до 20 га и от 20 до 50 га. Каковы причины их удельного количественного роста еще предстоит установить. Возможно здесь сыграло роль уменьшение числа крупных городов, чьи функции начинают распределяться по менее значительным центрам, что могло явиться следствием

экономических изменений, а также нельзя исключать и возможность того, что одной из причин явился вероятный рост феодальной обособленности на территории Булгарского улуса. Уменьшение же количества наиболее крупных городищ, по-видимому, связывается с последствиями монгольского нашествия, во время которого были разрушены крупнейшие городские центры Волжской Булгарии. Иногда им на смену приходят поселения–селища с торгово-ремесленными и административно-хозяйственными функциями, бывшие по своей сути городами со всеми присущими им функциями, но только без опоясывающих их крепостных сооружений. Площади, которые они занимали, впечатляют — от нескольких десятков до нескольких сотен гектар. Например это II и III Билярские, Сюкеевское II а также Большеатрясское II («Тысячедомный Шунгат») селища (Археологические памятники бассейна р. Черемшан, 1990, с. 55–56; Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье, 1985, с. 87).

Появление и функционирование городов в золотоордынский период тесно связано с процессами градостроительства во всем Улусе Джучи, время и место их возникновения были различны. Этот процесс на всей огромной территории государства протекал по-разному. На Северном Кавказе и Нижнем Поволжье города зачастую строились на пустом месте, где почти не было оседлых поселений. В качестве примера можно привести Сарай, Сарай ал-Джадид, Укек, Бельджамен, Маджар и др., которые строились в течение короткого промежутка времени. В это же время продолжали развиваться большинство городов Крыма, Хорезма, Волжской Булгарии, Древней Руси, возникшие еще в домонгольское время в результате длительного экономического развития оседлого населения, отличались и традиции их развития. Это можно сказать и о строительных традициях, в том числе и о традициях в военно-оборонительном деле. В то время, как новые построенные города Улуса Джучи изначально не имели крепостных сооружений, то у других более древних центров они существовали и эволюционировали на протяжении длительного времени. Нужно также отметить и их географическое расположение. Так новые города, в основном, строились в центре золотоордынского государства, поэтому какой-либо непосредственной угрозы извне они могли сразу не опасаться. В то же время «окраинные» поселения, пусть и гипотетически, находились под угрозой внешнего противника. Своим присутствием, своими крепостными валами и рвами, стенами и башнями так называемая «периферия» могла охранять внутренние и внешние торговые пути, сельскохозяйственные территории, другие внутренние центры.

Разрушение укреплений городов была широко распространена в средневековом мире, но обычно только сразу после завоевания. Затем же происходила постепенная либерализация политики и вассальные территории отстраивали оборонительные сооружения. В этом случае показательна ситуация в Крыму, где сначала были срыты крепостные стены у городов Сугдея, Кафа и Алустон, но уже при Узбек–хане восстановлены «после обретения этими городами известной политической самостоятельности» (Баранов, 1987, с. 23). Характерным примером этого является и Древняя Русь, где в период завоевания были уничтожены многие укрепленные поселения. Вместе с тем, на территории Южной Руси продолжали существовать или были заново отстроены укрепленные города (Беляева, 1982, с. 27). Это же касается Рязанской и Владимирской земель, где во второй половине XIII в. началось восстановление разрушенных оборонительных сооружений (Раппопорт, 1967, с. 100). П.А. Раппопорт вообще связывал продолжение строительства или запустение городищ со степенью погрома их монголами (Раппопорт, 1961, с. 54). Такая ситуация возникла и в Волжской Булгарии после монгольского завоевания. Основные города, взятые штурмом, были уничтожены, но уже вскоре происходит процесс стабилизации и некоторые укрепленные поселения или возобновляются, или продолжают развиваться, не затронутые во время нашествия.

Болгарское городище в золотоордынский период значительно расширяет свою территорию – с укрепленной площади в 25 га в предмонгольское время, до почти 400 га в XIII–XIV вв. (рис. 3). Не позже 40-х гг. XIV в. вокруг него воздвигается вал и ров с крепостными стенами, башнями и дополнительными укреплениями (Волков, Лопан, 2018, с. 201; Губайдуллин, 2019, с. 107). Самых значительных размеров они достигают в южной и юго-восточной частях памятника, где в древности к городу подходили основные дороги. Болгар и с других сторон был хорошо защищен искусственными оборонительными препятствиями, а также природой. С запада и востока к нему примыкала достаточно заболоченная территория, а также небольшие озерца. Не оставались

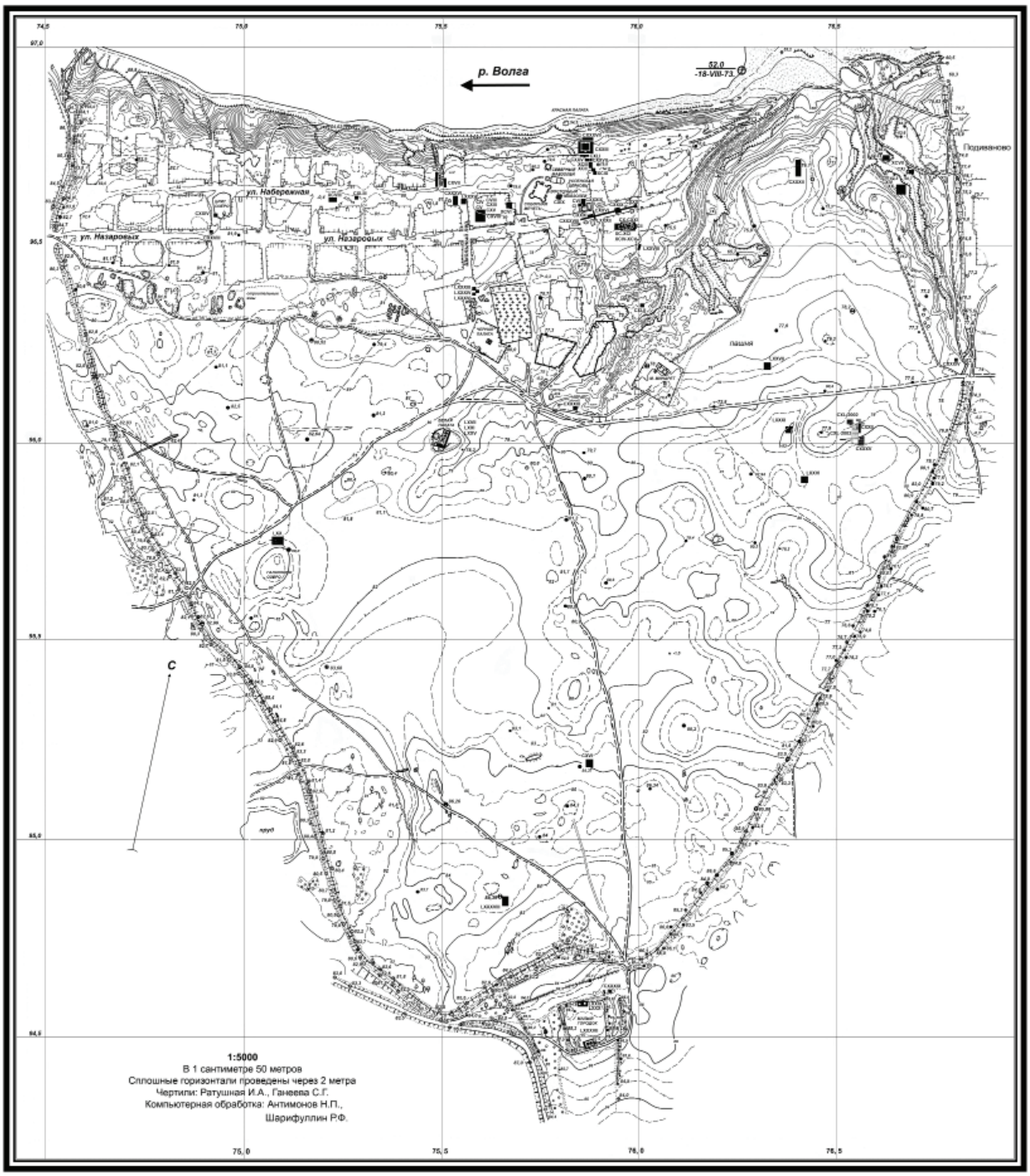


Рис. 3. План Болгарского городища.
Fig. 3. Plan of Bolgar settlement.

в стороне и окраинные территории Булгарского улуса. Судя по данным археологии, некоторые небольшие города и замки имели оборонительные сооружения, причем данный факт никакой внутренней угрозы для золотоордынского государства и его армии они не несли. Не исключено, что эти укрепленные поселения служили опорными пунктами на границах отдельных владений. Здесь продолжалось строительство и ремонт укреплений на протяжении всего золотоордынского периода, что хорошо видно на примере отдельных городищ, расположенных на территории правобережья р. Волги.

Необходимо затронуть и внутреннюю планировку булгарских городов. К сожалению, у нас пока мало данных по этой теме. Некоторые свидетельства тому имеются для домонгольского времени, но они, большей частью, ограничиваются «Великим городом»–Биляром (Хузин, 2001). То же касается и золотоордынского периода, где основные сведения относятся к Болгарскому городищу (Баранов, 2001, с. 311–353; Бадеев, Вали-

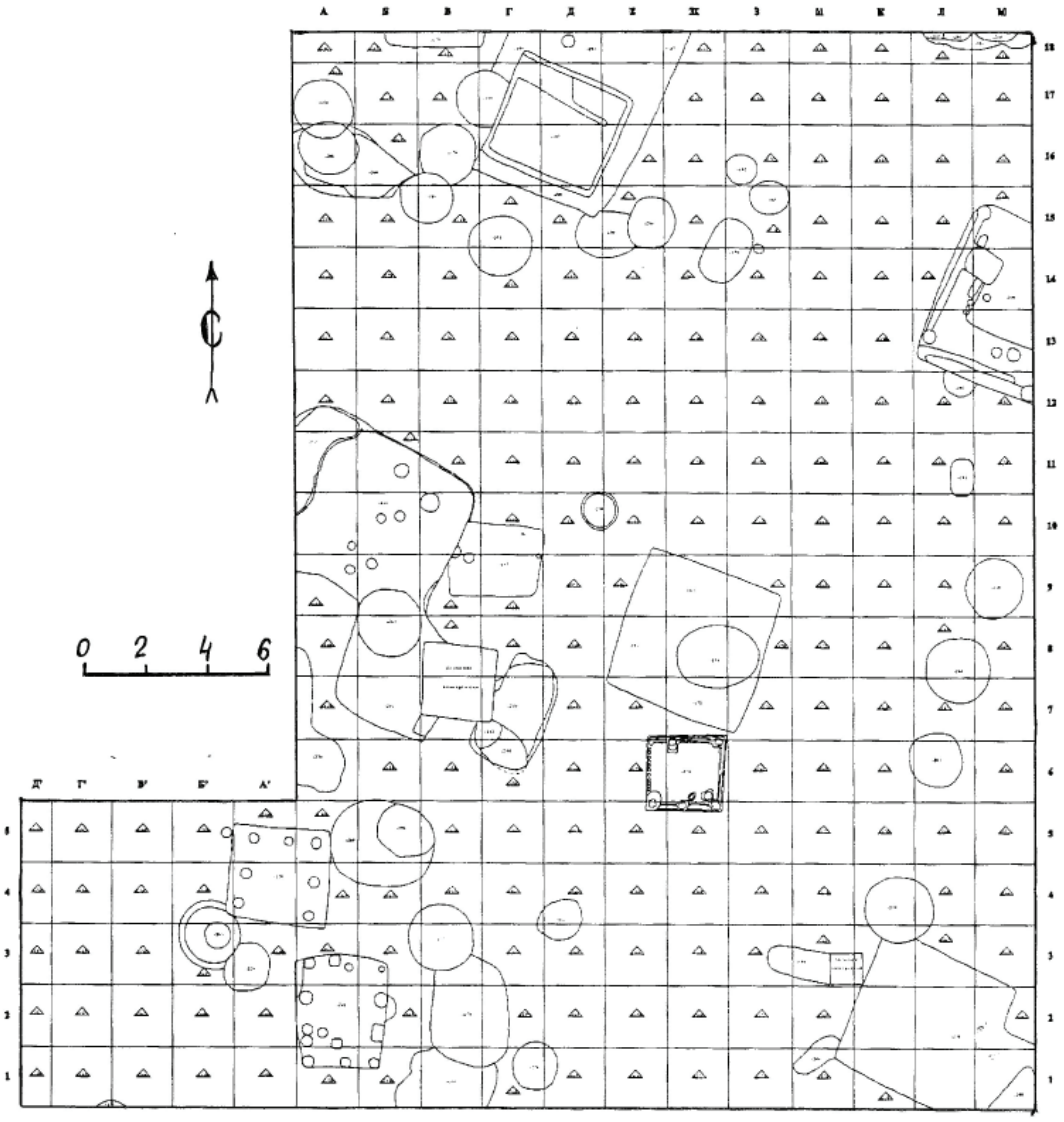


Рис. 4. Болгарское городище. План раскопа ССХХXII.
Fig. 4. Bolgar settlement. Plan of excavation ССХХXII.

ев, 2015, с. 127–136; Бадеев, 2020). Некоторые свидетельства, касающиеся планировки Болгара, были также получены нами во время археологических раскопок предыдущих лет. В частности, на раскопе ССХХXII, располагавшемся в центральной части городища на ул. Назаровых, во время работ после вскрытия 5-6 штыков выявились остатки нескольких сооружений жилого и хозяйственного назначения. Предположительно, их расположение по отношению друг к другу может свидетельствовать о существовании в этом месте в XIV в. городской улицы шириной до 8 м, вытянутой с юго-запада на северо-восток. Также, возможно, здесь был выявлен и перекресток с другой улицей, шедшей с запада-северо-запада на восток-юго-восток (рис. 4).

Основываясь на археологически исследованных памятниках, хорошо видна тенденция преемственности и дальнейшего развития булгарских укрепленных поселений в XIII–XIV вв. Можно констатировать, что меньше половины городищ существовало два периода истории Волжской Булгарии. Большая же их часть возникает на новых местах уже в середине – второй половине XIII в., что свидетельствует не только об оттоке населения к северу после монгольского нашествия, но и изменившихся экономических условиях на всей территории Улуса Джучи.

ЛИТЕРАТУРА

Артемьев А.[И.] Древний Болгарский город Жукотин // ЖМВД. СПб.: Изд-во Мин-ва внутр. дел, 1851. Ч. XXXIII. Кн. 1. С. 56–74.

Археологическая карта Татарской АССР: Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.

Археологические памятники бассейна р. Черемшан / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1990. 112 с.

Бадеев Д.Ю., Валиев Р.Р. Планировка золотоордынского Болгара: история и перспективы исследования // Поволжская археология. 2015. №4 (14). С. 127–136.

Бадеев Д.Ю. Планировка средневекового Болгара (X–XV вв.). Автореф. … канд. ист. Наук. Казань, 2020. 25 с.

Баранов В.С. Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров–Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 313–353.

Баранов И.А. Сугдея VII–XIII вв. К проблеме формирования средневекового города // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Происхождение и эволюция раннесредневекового города / Глав. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. Т. I. Вып. 2а. С. 19–26.

Беляева С.А. Южнорусские земли во второй половине XIII–XIV в. Киев: Наукова думка, 1982. 119 с.

Борисов В.Л. Описание развалин города Булгара подполковником Свечиным в 1765 г. // ИОАИЭ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1898. Т. XIV. Вып. 5. С. 572–576.

Волков И.В., Лопан О.В. О времени освоения и возможных причинах запустения южной части Болгарского городища // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 198–203.

Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. / Археология Евразийских степей. 2019. №3. 322 с.

Мельников С.Е. Село Покровское – Большая Тояба тож // КГВ. 1856. № 38. С. 293–295.

Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Труды I Археологического съезда. М.: Синодальная тип., 1871. Т. II. 121 с.

Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X–XV вв. / МИА. 1961. № 105. М.: Наука, 244 с.

Раппопорт П.А. Военное зодчество западно-русских земель X–XIV вв. // МИА. № 140. Л.: Наука, 1967. 242 с.

Рычков Н. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1779 гг. СПб., 1770. 220 с.

Савенков Н., Крапивин И. План Болгара.1732 г. // РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 4–1 .

Ситдиков А.Г. Средневековая Казань: историко-археологическое исследование (XI – первая половина XVI в.). Дисс. … док. ист. наук: // Архив ИИ АН РТ. Казань, 2013. 512 с. + Прил. (186 с.: ил.).

Смирнов А.П. Исследование городища и могильника золотоордынской эпохи у села Б.Тояба Чувашской АССР // Уч. зап. ЧувНИИЯЛИЭ. Вып. IV. Чебоксары: Изд-во ЧувНИИЯЛИЭ, 1950. С. 82–95.

Федоров–Давыдов Г.А. Раскопки городища у села Большая Тояба Чувашской АССР в 1957 году // Уч. зап. ЧувНИИЯЛИЭ. Чебоксары: Изд-во ЧувНИИЯЛИЭ, 1960. Вып. 19. С. 82–95.

Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: Мастер-Лайн, 2001. 408 с.

Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Типография Казанского ун-та, 1877. 586 с.

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

REFERENCES

Artem'ev, A. [I.] 1851. In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del (Journal of the Ministry of Internal Affairs)* XXXIII (1). Saint Petersburg, 56–74 (in Russian).

Khalikov, A. Kh (ed.). 1981. *Arkheologicheskaia karta Tatarskoi ASSR. Predvolzh'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Cis-Volga River Area)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Khalikov, A. Kh (ed.). 1990. *Arkheologicheskie pamiatniki basseina r. Cheremshan (Archaeological Monuments of the Cheremshan Basin).* Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Badeev, D. Yu., Valiev, R. R. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 14 (4), 127–136 (in Russian).

Badeev, D. Yu. 2020. *Planirovka srednevekovogo Bolgara (X–XV vv.).(Planning of Medieval Bolgar (10th-15th Centuries)).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Baranov, V. S. 2001. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (City of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 313–353 (in Russian).

Baranov, V. S. 1997. In Rybakov, B. A. (ed.). *Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa slavianskoi arkheologii (Proceedings of 5th International Congress of Slavic Archaeology)* 1. *Proishozhdenie i evoliustiia rannesrednevekovogo goroda (Origin and Evolution of The Early Medieval City)*. Moscow: "Fond arkheologii" Publ., 19–26 (in Russian).

Beliaeva, S. A. 1982. *Iuzhnorusskie zemli vo vtoroi polovine XIII–XIV v. (South Russian Lands in the Second Half of the 13th-14th Centuries).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Borisov, V. L. 1898. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XIV (5). Kazan, 572–576 (in Russian).

Volkov, I. V., Lopan, O. V. 2018. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of the Eurasian Steppes)*, (5), 242198–203 (in Russian).

Gubaidullin, A. M. 2019. *Fortifikatsiia v Srednem Povolzh'e v X – pervoi polovine XVI vv. (Fortification in the Middle Volga Region in the 10th – first half of the 16th Centuries)* In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*. 3. (in Russian).

Mel'nikov, S. E. 1856. In *Kazanskie Gubernskie Vedomosti (Kazan Provincial Bulletin)* 38, 293–295 (in Russian).

Novostruev, K. I. 1871. In *Trudy I Arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 1st Archaeological Congress* II. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Rappoport, P. A. 1961. *Ocherki po istorii voennogo zodchestva severo-vostochnoi i severo-zapadnoi Rusi X–XV vv. (Essays on History of Military Architecture in Northeast and Northwest Russia during the 10th – 15th Centuries).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 105. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Rappoport P.A. 1967. *Voennoe zodchestvo zapadno-russkikh zemel' X–XIV vv. (Military Architecture of Western Russian Lands in the 10th – 14th cc.).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 140. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Rychkov, N. 1770. *Zhurnal ili dnevnye zapiski puteshestviia po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva v 1769 i 1779 gg. (Journal or Daily Notes of a Journey to Various Provinces of the Russian State in 1769 and 1779.).* Saint Petersburg (in Russian).

Savenkov, N., Krapivin, I. *Plan Bolgara. 1732 g. (Plan of the Town of Bolgar, 1732).* Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (The Russian State Archive of the Ancient Documents). Fund 192. Inv. 1, dossier 4–1 (in Russian).

Sitdikov, A. G. 2013.*Srednevekovaia Kazan': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (XI – pervaja polovina XVI v.). (Medieval Kazan: Historical and Archaeological Study (11th - First Half of the 16th Centuries)).* Diss. of Doctor of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Smirnov, A. P. 1950. In *Uchenye zapiski ChuvNIIYaLIE (Scientific Bulletin of the Chuvashia Research Institute of Language, Literature, History, and Economy*) 4. Cheboksary. 73–98 (in Russian)

Fedorov-Davydov, G. A. 1960. In *Uchenye zapiski ChuvNIIYaLIE (Scientific Bulletin of the Chuvashia Research Institute of Language, Literature, History, and Economy*) 19. Cheboksary. 82–95 (in Russian)

Khuzin, F. Sh. 2001. *Bulgarskii gorod v X – nachale XIII vv. (Bulgar Town in 10th – Early 13th Centuries)*. Kazan: "Master-Line" Publ. (in Russian).

Shpilevskii, S. M. 1877. *Drevnie goroda i drugie bolgarsko-tatarskie pamiatniki v Kazanskoi gubernii (Ancient Towns and Other Bulgar-Tatar Sites in the Kazan Province)*. Kazan: Typography of the Kazan University (in Russian).

About the Author:

Gubaidullin Airat M. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.157.162

РЕМЕСЛЕННЫЕ РАЙОНЫ ГОНЧАРОВ В ЗОЛОТООРДЫНСКОМ БОЛГАРЕ[1]

© 2022 г. Д.Ю. Бадеев

Многолетние археологические исследования на Болгарском городище позволили выявить и определить районы золотоордынского города, которые специализировались на производстве гончарной продукции. На основании расположения крупных производственных комплексов – горны для обжига керамики, можно говорить о двух основных участках, где размещались районы гончаров: в Заречном части и на юго-западной периферии у Голландского озера. Если в первом случае, можно говорить лишь о характере организации производства и составе выпускаемой продукции, то во втором случае, анализ пространственного расположения жилой застройки, производственной зоны, некрополей, близлежащих монументальных сооружений, линии укреплений, а также особенностей рельефа позволяют определить границы юго-западного района гончаров золотоордынского Болгара, наметить принципы организации внутренней планировки района. Общая площадь района гончаров у Галанкина озера составляла не менее 43,5 га. Период существования указанного района был непродолжительным и приходился на 30 – начало 60-х годов XIV в.

Ключевые слова: археология, средневековый город, социальная топография, ремесло, гончарный горн, Средняя Волга, Золотая Орда.

POTTERS' DISTRICTS IN BOLGAR OF THE GOLDEN HORDE PERIOD[2]

D.Yu. Badeev

Many years of archaeological studies at Bolgar settlement have allowed to identify and determine the areas of a Golden Horde city which specialized in the production of pottery products. The existence of two main sites was established, where the potters' districts were located: in the area on the other side of the river and on the southwestern periphery of Lake Galankina. The districts were allocated based on the arrangement of large industrial complexes – pottery furnaces. In the first case, one can only talk about the nature of the organization of production and the composition of the products. In the second case, an analysis of the spatial location of residential buildings, industrial zone, necropolises, nearby monumental structures, fortification lines, as well as relief features allow to determine the boundaries of the pottery district of Bolgar in the Golden Horde period, and outline the principles of the organization of the internal layout of the area. The total area of the pottery district near Lake Galankina was at least 43.5 hectares. The period of existence of the specified area was short and occurred in the 1330s – early 1360s.

Keywords: archaeology, medieval city, social topography, craft, pottery furnace, Middle Volga region, Golden Horde.

Вопросы изучения социальной топографии средневековых городов находятся в центре внимания многих современных исследований, часть из них опирается на традиционные археологические методы исследований, другие используют новые информационные технологии. Важной составляющей этих исследований является возможность выделения районов, имеющих какую-либо ремесленную специализацию. Уже с первых лет планомерных археологических работ на Болгарском городище вопросы, связанные с исторической и социальной топографией древнего города, являлись одними из приоритетных направлений в проводимых здесь исследованиях (Смирнов, 1974). На данном этапе исследований одним из наиболее изученных участков Болгара золотоордынского периода является торгово-ремесленный район, который располагался к западу, юго-западу от Соборной мечети. Район был сформирован плотной улично-усадебной застройкой, на террито-

[1] Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье».

[2] The study was carried out within the framework of the assignment of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences "Cities in the Cultural Space of Northern Eurasia in the Middle Ages".

рии усадеб были зафиксированы ювелирные, косторезные, мастерские, комплексы по обработке цветных металлов, стекла, янтаря и кожи; к середине XIV в. на месте ряда усадеб возводится здание крытого городского базара (Бадеев, Коваль, 2018). Удалось наметить несколько районов, основная хозяйственная деятельность которых была направлена на производство и обработку железа (на восточной окраине Заречной части Болгара раннего золотоордынского периода и в 160 м к юго-западу от Соборной мечети в близи Черной палаты) и производство гончарной продукции (на западе Заречной части города и в районе Голландского озера). Между тем, как отмечает А.П. Смирнов, для Болгара социальная топография, основанная на попытках выделения ремесленных кварталов, «не отличается большой четкостью» (Смирнов, 1974, с. 12).

С подобной ситуацией мы сталкиваемся при попытке локализации района гончаров в Заречной части Болгара (рис. 1), где в ходе археологических работ 50-х годов XX в. были выявлены золотоордынского периода комплекс из 4 гончарных горнов, специализировавшихся на выпуске сфероконусов и красноглиняной посуды, ямы для запасов гончарной глины (раскоп 30), а также в непосредственной близости от них (раскоп 25) остатки горна для обжига кирпича (Бадеев, 2018, с. 83, 86). Очевидно, что подобные крупные производственные комплексы, как и аналогичными объекты с Селитренного городища, не могли располагаться на территории отдельных индивидуальных, усадебных мастерских, принадлежавших «горожанину средней руки» (Пигарёв, 2015, с. 121). Если обращаться форме организации мастерских в Заречной части, то по материалам анализа Г.А. Федорова-Давыдова аналогичных мастерских с Селитренного городища, мы можем соотнести их с крупными мастерскими («кархане»), которые «были в собственности богатых вельмож, купцов, иногда ханов» (1989, с. 238, 239). Стоит отметить тот факт, что возникновение района гончаров в Заречной части следует связывать не только с необходимостью выноса пожароопасного производства на городскую периферию, наличием свободного пространства, но и с близостью необходимых для изготовления ресурсов, в том числе, сырья для керамики и кирпичей. Использование местных глин для производства сфероконусов в заречной гончарной мастерской подтверждается и результатами последних исследований (Бахматова и др., 2021). К сожалению, незначительные по площади археологические работы в восточной части Заречного участка Болгарского городища не позволяют установить границы ремесленного района гончаров и характер жилой застройки, однако, других ремесленных комплексов здесь зафиксировано не было.

Иную ситуацию мы можем наблюдать в отношении района гончаров в близи Галанкина озера (рис. 1). Накопленные археологические данные, анализ пространственного расположения характерных находок, жилой застройки, производственной зоны, некрополей, близлежащих монументальных сооружений, линии укреплений, а также особенностей рельефа позволяют определить границы юго-западного района гончаров золотоордынского Болгара. Уже на раннем этапе изучения Болгарского городища, когда на западном берегу Галанкина озера в 1948 г. О.С. Хованской были выявлено и исследовано 4 гончарных горна, специализировавшихся на изготовлении крупной тарной посуды, труб, а также сфероконусов, копилок и кумганов, за данным участком закрепился статус гончарного района, функционировавшего в XIV в. (Хованская, 1954, с. 358–361). В ходе работ 1948 г. (раскоп 16) вблизи горнов синхронных жилых построек зафиксировано не было, что позволило автору раскопок О.С. Хованской предположить сезонность использования мастерской (Смирнов, 1948, с. 80), однако исследованиями последующих лет данное предположение было опровергнуто. Вблизи Галанкина озера было выявлено еще 2 крупных комплекса по обжигу керамики. В ходе работ 1980, 1982 гг. на северном берегу озера в раскопе LXX было Г.Ф. Поляковой и И.Н. Васильевой исследовано 4 горна, объединенных общей предгорновой ямой. Здесь же зафиксированы столбовые ямы, ямы для хранения глины, а также остатки 2 предшествующих горнам жилищ, сам комплекс мастерской был датирован серединой XIV в., и прекратил работу к началу 60-х гг. XIV в. (Полякова, 1980). С трагическими событиями начала 60-х гг. XIV столетия связано прекращение функционирования еще одной мастерской, которая была изучена в раскопе CCXVI (2016 г.) на южном берегу Галанкина озера (Ситдиков, 2017). Здесь было зафиксировано 4 горна для обжига керамики, «объединенные общей для всех сооружений большой предгорновой ямой», горны функционировали одновременно, мастерская, связанная с горнами, специализировалась на производстве сфероконических сосудов,

Рис. 1. Гончарные районы Болгара золотоордынского периода на плане городища. 1 – раскопы с крупными гончарными горнами; 2 – район гончаров в Заречной части Болгара; 3 – район гончаров в юго-западной части Болгара; 4 – зона некрополя; 5 – жилая зона; 6 – производственная зона; 7 – линия городских укреплений середины XIV в.; А – Сборная мечеть; Б – Черная палата; В – Белая палата (баня); Г – Малый минарет.

Fig. 1. Pottery districts of Bolgar of the Golden Horde period on the plan of the settlement. 1 – excavations areas with large pottery furnaces; 2 – pottery district in the area of Bolgar across the river; 3 – pottery district in the south-western part of Bolgar; 4 – necropolis zone; 5 – residential zone; 6 – production zone; 7 – city fortification line of the mid-14th century; А – Cathedral Mosque; Б – Black Chamber (black house); В – White Chamber (bathhouse); Г – Small Minaret

каких-либо жилых построек в рамках раскопа обнаружено не было (Бочаров, 2018, с. 266, 267). Как и в случае с гончарными горнами в Заречной части Болгарского городища, мастерские у Галанкина озера относились к крупным ремесленным производствам, что надежно позволяет соотнести данный участок золотоордынского Болгара 30-60-х гг. XIV в. с гончарным районом.

К северу и северо-западу от Галанкина озера, в 1969 г. при проведении водопроводной траншеи были зафиксированы наземные (глинобитно-кирпичные печи) и заглубленные (подпольные ямы) части жилых домов гончаров, а также четыре ямы-хранилища гончарных глин – сооружения № 7-10 (Аксенова, 1969). Ямы использовались для вылеживания и смешивания гончарных глин. Исполь-

зование в качестве сырья «смеси разных глин» являлись, по мнению И.Н. Васильевой, характерной болгарской технологической традицией (1993, с. 110). Продолжение жилой застройки к востоку и северо-востоку от Галанкина озера было прослежено и в раскопах 1978–1979 гг. (LXI–LXIV, LXVI), где были зафиксированы остатки землянок, полуземлянок, подпольев наземных домов, хозяйственных и зерновых ям, в заполнении которых присутствовали следы меднолитейного, железообрабатывающего и косторезного ремесел, бытовали данные постройки, по мнению авторов раскопов, с 20-х гг. XIV в. до разгрома города в 1361 г., хотя среди нумизматического материала присутствовали и монеты относящиеся к концу XIII в. (Аксенова и др., 1979). Наличие сопутствующих основному гончарному производству иных ремесел и производств, прежде всего, ювелирного и косторезного, было отмечено и для гончарных районов Селитренного городища (Федоров-Давыдов, 1989, с. 237, 238). Основные объекты – заглубленные ямы подпрямоугольной формы, связанные с жилыми постройками, были ориентированы углами по осям СВ-ЮЗ, и образовывали ряды по линии запад – восток. Объекты не нарушали целостности друг друга, что свидетельствует о синхронности их бытования и «регулярности застройки с самого начала обживания прежде не обитаемого района» (Аксёнова, Полубояринова, 2005, с. 146).

В определении границ жилой застройки района гончаров особый интерес представляет расположение находок 4 подставок для изготовления поливной посуды («сепай»), которые были «выполнены из хорошо обожженной местной глины коричневого цвета с добавлением мелкого песка и органики» (Валиев и др., 2014, с. 126). И хотя вопрос о производстве поливной керамики в золотоордынском Болгаре до сих пор остается дискуссионным, сложно представить себе, что подобные предметы могли бы быть интересны кому-либо еще кроме ремесленников гончаров. Данный «инструментарий» гончаров в количестве 3 единиц был найден в раскопе CXXXIII (1998 г., исследователь М.М. Кавеев), который располагался между Малым минаретом и Белой палатой у отрога Большого Иерусалимского оврага. Обнаружение в рамках данного раскопа 25 тысяч фрагментов керамики и «керамического шлака» (производственного брака), что позволяет допустить использование участка вблизи оврага в качестве места утилизации производственных отходов. Ещё один происходил из заполнения заглубленного объекта, датированного по нумизматическому материалу 40-годами XIV в., в раскопе CLXIX (2012 г.), который был заложен на площадке между Галанкиным озером и зданием бани Белая палата (Валиев и др., 2014, с. 126). Таким образом, северо-восточная окраина района гончаров к середине XIV в. могла достигать верховьев Большого Иерусалимского оврага, где с востока её ограничивает появившийся здесь крупный некрополь, который был перенесен сюда с северного берега Большого Иерусалимского оврага, в связи с необходимостью возведения на том месте здания Черной палаты (Баранов и др., 2014, с. 449). Еще с одним городским некрополем «у западного вала» можно связывать северную границу района гончаров. При прокладки водопроводных труб в 300 м к северу от Галанкина озера в траншеях 1976, 1980 гг. и в связанных с ними раскопах LXXII, LXXIV были выявлены остатки редких жилых сооружений начала XIV в., которые к середине XIV столетия сменяются грунтовым могильником. По наблюдениям Н.Д. Аксеновой, исследовавшей данный некрополь, погребения были выполнены по мусульманскому обряду, «но без строгого соблюдения ориентирования могильных ям на запад-восток», «сохранность костяков очень плоха», «головой все костяки ориентированы на запад или юго-запад», «кладбище, по-видимому, (…) принадлежало рядовым горожанам» (1980, с. 18). Приблизительные размеры некрополя могли составлять 120х100 м, было исследовано 39 погребений.

Южную границу района можно провести, учитывая плотность застройки, которая к югу от раскопов LXI–LXIV, LXVI была представлена отдельными жилыми объектами, располагавшимися на значительном удалении друг от друга, а также наличием в этой части некрополей вблизи зданий мавзолеев. К середине XIV в. оформляется западная граница района гончаров – возводятся городские укрепления, представленные валом со рвом. Таким образом, общая площадь района гончаров в юго-западной части золотоордынского Болгара к середине XIV столетия составляла не менее 43,5 га. В состав района входила рабочая зона, сформированная как минимум из 3 крупных мастерских вблизи водоема (Галанкина озера), зона основной жилой застройки, которая размещалась к северу и северо-востоку от рабочей зоны. Она протянулась с запада на северо-восток от западной линии укреплений

до верховьев Большого Иерусалимского оврага. С восточной периферией района гончаров соотносится здание общественной бани Белая палата. Северную часть района занимал некрополь, который, как и весь гончарный район, просуществовал вплоть до 60-х годов XIV в. После разрушительных событий, связанных с захватом города Булак-Тимуром, какая-либо деятельность на этом участке городища полностью прекращается.

ЛИТЕРАТУРА

Аксёнова Н.Д. Отчет о работах на Болгарском городище в 1969 году / Документальный фонд БГИАМЗ. Инв. № 8-1. С. 20–28.

Аксёнова Н.Д. Отчет о работе на Болгарском городище в 1980 г. на траншеях №5-6 водозабора и на раскопах 72, 74 (при траншеях) / Документальный фонд БГИАМЗ. Инв. № 67-1. КП-406.

Аксёнова Н.Д., Полубояринова М.Д. Исследование ремесленного района в юго-западной части Болгарского городища // Древности Поволжья: эпоха средневековья. (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) Материалы II Всероссий-ской конф. «Поволжье в средние века» (25–28 сентября 2003 г. Казань – Яльчик) / Отв. ред. К.А. Руден-ко. Казань: РИЦ «Школа», 2005. С. 133–156.

Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Исследования ремесленно-торгового района средневекового Болгара // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 270–289.

Бадеев Д.Ю. Ремесленные районы золотоордынского Болгара: попытка локализации // Археология Евразийских степей. 2018. №5. С. 81–86.

Баранов В.С., Беляев А.В., Ситдиков А.Г. К вопросу о локализации одного из городских некрополей в южной части Болгарского городища // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 447–450.

Бахматова В.Н., Сивицкий М.В., Ситдиков А.Г. К вопросу о традициях изготовления сфероконических сосудов Болгарского городища (по материалам раскопа 200 (СС) 2014 г.) // Археология Евразийских степей. 2021. №6. С. 20–48.

Бочаров С.Г. Археологические исследования гончарных горнов на Болгарском городище в 2016 году (раскоп CCXVI) // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 253–269.

Васильева И.Н. Гончарство Волжской Булгарии в X – XIV вв. Екатеринбург: Наука, 1993. 264 с.

Валиев Р.Р., Храмченкова Р.Х., Ситдиков А.Г. К вопросу о производстве поливной керамики в средневековом Болгаре // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 125–128.

Ситдиков А.Г. Отчет об археологических раскопках в Спасском районе, г. Болгар, на Болгарском городище (раскоп CCXVI) в 2016 г. Казань, 2017 / НФ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1.

Смирнов А.П. Отчет Болгарской экспедиции 1948 г. / Архив ИА РАН, Р-1,№ 219.

Смирнов А.П. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары // Города Поволжья в средние века / Ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 4–13.

Пигарёв Е.М. Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 7 / Отв. ред. Ю.А. Зеленеев. Йошкар-Ола: МарГУ, 2015. 208 с.

Полякова Г.Ф. Отчет о работе на Болгарском городище в 1980 году. Раскоп LXX / Документальный фонд БГИАМЗ. Инв. № 66-1. КП-405.

Федоров-Давыдов Г.А. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья / Отв. ред. К.А. Смирнов. М.: Наука, 1989. С. 133–248.

Хованская О.С. Гончарное дело города Болгара // Куйбышевская археологическая экспедиция. МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1954. С. 340–368.

Информация об авторе:

Бадеев Денис Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); denisbadeev@mail.ru

REFERENCES

Aksenova, N. D. 1969. *Otchet o rabotakh na Bolgarskom gorodishche v 1969 godu (Report on Works Conducted at Bolgar Fortifi ed Settlement in 1969).* Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum-preserve. Inv. no. 8-1. (in Russian).

Aksenova, N. D. 1980. *Otchet o rabote na Bolgarskom gorodishche v 1980 g. na transheyah №5-6 vodozabora i na raskopah 72, 74 (pri transheyah) (Report on Works Conducted at Bolgar Fortifi ed Settlement in 1980 on trenches no. 5-6 and excavation 72, 74*). Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum-preserve. Inv. No. 67-1. КП-406.

Aksenova, N. D., Poluboiarinova, M. D. 2005. In Rudenko, K. A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (issledovaniia kul'turnogo naslediia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy) (Antiquities of the Volga Region: the Medieval Period (Studies of the Cultural Heritage of Voga Bolgaria and the Golden Horde))*. Kazan: "Shkola" Publ., 133–156 (in Russian).

Badeev, D. Yu., Koval, V. Yu. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region archaeology)* 2 (24), 270–289 (in Russian).

Badeev, D. Yu. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 5, 81–86. (in Russian).

Baranov, V.S., Belyaev, A.V., Sitdikov, A.G. 2014. In Sitdikov, A.G., Makarov, N.A., Derevyanko, A.P. (ed.) *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo s"ezda v Kazani (Collection of scientific articles of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress in Kazan)*. Vol. III. Kazan: "Otechestvo" Publ. 447–450 (in Russian).

Bakhmatova, V. N., Sivitskii, M. V., Sitdikov, A. G. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 6, 20–48 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region archaeology)* 2 (24), 253–269 (in Russian).

Vasil'eva, I.N. 1993. *Goncharstvo Volzhskoj Bulgarii v X – XIV vv. (Pottery of Volga Bulgaria in the X - XIV centuries)*. Ekaterinburg: "Nauka" Publ. (in Russian).

Valiev, R.R., Khramchenkova, R.Kh., Sitdikov, A.G. 2014. In Sitdikov, A.G., Makarov, N.A., Derevyanko, A.P. (ed.) *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo s"ezda v Kazani (Collection of scientific articles of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress in Kazan)*. Vol. IV. Kazan: "Otechestvo" Publ. 125–128 (in Russian).

Sitdikov, A.G. 2016. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Spasskom raione, g. Bolgar, na Bolgarskom gorodishche (Raskop CCXVI) v 2016 g. T. I (Report on Archaeological Excavations conducted in Spassky District, Bolgar Town, at Bolgar Fortifi ed Settlement (Excavation 216) in 2016)*. Kazan. Scientifi c Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4. Inv. 1 (in Russian).

Smirnov, A.P. 1948. *Otchet Bolgarskoi ekspeditsii 1948 g. (Report of the Bolgar Expedition of 1948)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 219 (in Russian).

Smirnov, A.P. 1974. In Smirnov, A.P., Fedorov-Davydov, G.A. (eds.) *Goroda Povolzh'ya v srednie veka (Cities of the Volga region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ. 4–13 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2015. In Zeleneev, Yu. A. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region)* 7. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Polyakova, G.F. 1980. *Otchet o rabote na Bolgarskom gorodishche v 1980 gody (Report on Works Conducted at Bolgar Settlement in 1980 (excavation LXX))*. Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum-preserve. Inv. No. 66-1. КП-405.

Fedorov-Davydov, G.A. 1989. In Smirnov, K.A. (ed.). *Sokrovishcha sarmatskih vozhdej i drevnie goroda Povolzh'ya (Treasures of Sarmatian leaders and ancient cities of the Volga region)*. Moscow: "Nauka" Publ. 133–248 (in Russian).

Khavanskaya, O. S. 1954. In Smirnov, A.P. (ed.). *Kuibyshevskaia arkheologicheskaia ekspeditsiia (Kuibyshev Archaeological Expedition)*. Series: Materialy i issledovaniia po arheologii SSSR (Materials and research on the archaeology of the USSR) 42. Moscow: "Nauka" Publ. 340–368.

About the Author:

Badeev Denis Yu. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; denisbadeev@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 902.01 904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.163.168

К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧИЯХ МЕСТНОЙ ГОНЧАРНОЙ КЕРАМИКИ БОЛГАРА РАННЕГО И ПОЗДНЕГО ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДОВ

© 2022 г. А.А. Куклина

Статья продолжает серию исследований по классификации и хронологии гончарной керамики Болгарского городища. Приведены предварительные данные по сравнению общеболгарской керамики из раннезолотоордынского слоя (сер. XIII – нач. XIV) и позднезолотоордынского (XIV – нач. XV вв.) раскопа CXCII. Обработка материала производилась с помощью ранее разработанной методики, основанной на историко-культурном подходе. Результаты исследования показали, что на разных раскопах процент содержания тех или иных подгрупп общеболгарской керамики варьируется, тем не менее основное соотношение сохраняется. При сравнении с результатами предыдущих исследований оказалось, что на всех выбранных участках в слоях с VI и до IV позднего преобладает подгруппа 1а. Основное отличие между комплексом общеболгарской керамики в IV раннем и IV позднем слоях заключается в значительном уменьшении доли подгруппы 2а (один из ключевых признаков которой – неполный обжиг) в позднем слое. По мнению автора, отчасти это может быть связано с изменениями в конструкции гончарных горнов в позднеордынский период, благодаря которым обжиг стал более совершенным.

Ключевые слова: археология, классификация, хронология, Болгарское городище, гончарство; керамика; Золотая Орда.

DIFFERENCES BETWEEN EARLY AND LATE GOLDEN HORDE CERAMICS FROM BOLGAR SETTLEMENT

A.A. Kuklina

The paper continues a series of investigations on classification and chronology of ceramics from Bolgar settlement. It includes preliminary results of a comparison of common Bolgar ceramics from the early Golden Horde (mid-13th – early 14th cc.) and the late Golden Horde (14th – early 15th cc.) periods. The material was processed using a previously developed method based on a historical and cultural approach. The results of the study demonstrated that the percentage of ceramic subgroups varies in individual excavations, but their general ratio is constant. A comparison with the results of previous studies revealed that the ceramic of subgroup 1a prevails in VI to Late IV strata at all investigated sites. The main difference between the common Bolgar ceramic complex in Early IV and in Late IV strata is that the content of subgroup 2a ceramics significantly decreases in the late stratum, with low firing being one its main characteristics. According to the author, in could partially be related to modifications in kiln construction in the late Golden Horde period, which made the firing process more advanced.

Keywords: archaeology, classification, chronology, Bolgar settlement, pottery, ceramics, Golden Horde.

Гончарное производство в средневековом Болгаре представлено в основном керамикой I группы (по классификации Т.А. Хлебниковой). На основе синтеза этнокультурного подхода, технико-технологического анализа и изучения морфологии сосудов была разработана классификация, с помощью которой получено некоторое представление о хронологии развития гончарства в Болгаре X – начала XIV вв. (Куклина, 2021). В общеболгарской керамике Болгара домонгольского периода (X – нач.XIII вв.) было выделено три основных подгруппы: 2а[1] (из среднепластичной глины, без примесей, изготовлена с помощью вытягивания из целого куска глины, с 3-хслойным обжигом), 1b (низкопластичная глина, ленточно-жгутовой налеп, заглаживание на круге, сплошной обжиг) и 2b (низкопластичная глина с добавлением мелкого песка, ленточно-жгутовой налеп, сплошной обжиг). В эти три подгруппы входит довольно обширный набор форм посуды. Почти на всей керамике I группы из слоев домонгольского времени лощение нанесено по подсушенной поверхности, на большинстве форм, кроме чашевидных, - вертикальными частыми линиями. Орнаментированной керамики в слоях VI (X – I пол.XI в.) и V (II пол. XI- нач.XIII вв.) было отмечено мало, в основном - линейный орнамент и гребенчатый штамп. Послед-

ний чаще всего представляет собой следы от протягивания инструмента-орнаментира по поверхности сосуда.

Данное исследование представляет собой предварительные результаты изучения керамики I группы из слоев IV раннего и IV позднего. Для анализа была взята относительно небольшая выборка материала с раскопа CXCII 2020 года (Бадеев, Коваль, 2020)

Раннезолотоордынский слой Болгарского городища относится середине XIII – нач. XIV вв. Гончарное дело Болгара в этот период переживает подъем, в отличие от некоторых регионов, где местное производство полностью прекратило свое существование (Пугаченкова, 1958, с.80). Слой **IV ранний** представлен материалами из сооружений 285, 318, 421, 423. (Бадеев, Коваль, 2020, с.61-92). Выборка составила 198 фрагментов.

Подгруппа 1а – 25 фрагментов – 12,62% от общего количества керамики I группы. Посуда представлена горшками типа 4 по Н.А. Кокориной (Кокорина, 2002, с. 52) - 2 фр., кружкой (1 фр.), кувшином (1 фр.), кринкой (1 фр.). Присутствует 1 фрагмент копилки. Остальные фрагменты представляют собой преимущественно стенки сосудов, не дающие возможности соотнести их с той или иной формой керамики. *Подгруппа 1а вариант 2* – 6 фрагментов, что составляет 3,03%. Все фрагменты представлены неопределенными формами. *Подгруппа 1а вариант 3* – 1 фрагмент неопределенного сосуда – 0,5%.

Подгруппа 2а – 30 фрагментов – 15,15%. В подгруппе представлены горшки типа 4 по Н.А. Кокориной (7 фр.), кружка (1 фр.).

Подгруппа 3а – 4 фрагмента – 2,02%. В выборке 2 фрагмента горшков: один относится к типу 4 и еще один - к типу 7 по Н.А. Кокориной.

Подгруппа 4а – 7 фрагментов – 3,53%. Здесь один фрагмент кружки, остальные от неизвестных сосудов. Подгруппа 4а вариант 2 – 3 фрагмента – 1,51%. Кувшину принадлежит один фрагмент. *Подгруппа 4а вариант 3* – 1 фрагмент– 0,5%.

Подгруппа 5а – 12 фрагментов – 6,06%. Горшки (4 фр.) представлены типом 4 по Н.А. Кокориной, есть фрагмент кружки и фрагмент кринки.

Подгруппа 1b – 83 фрагмента – 41,91%. Среди посуды присутствуют горшки типа 4 по Н.А. Кокориной (3 фр.), кружки (4 фр.), кувшины (4 фр.) – 2 узкогорлых и 1 широкогорлого типа, корчаги (2 фр.), кринка (1 фр.). Также есть 2 фрагмента кубуров и 1 фрагмент миниатюрного сосуда, предположительно, чернильницы. Подгруппа 1b вариант 3 – 1 фрагмент широкогорлого кувшина – 0,5%.

Подгруппа 2b – 8 фрагментов – 4,04%. Подгруппа представлена в выборке кувшинами (3 фр.): 2 узкогорлых и 1 широкогорлого типа, корчагами (3 фр., один из них от корчаги типа 5 по Н.А. Кокориной), кружкой (1 фр.), горшком типа 5 по Н.А. Кокориной (1 фр.).

Подгруппа 4b – 11 фрагментов – 5,55%. Среди отобранного материала присутствует 5 фрагментов корчаг.

Подгруппа 5b – 2 фрагмента – 1,06%. Один фрагмент корчаги типа 3 по Н.А. Кокориной.

Подгруппа 7b – 1 фрагмент неопределенного сосуда – 0,5%, подгруппа 8b – 2 фрагмента - 1,01%. Подгруппа 9b – 1 фрагмент, подгруппа 10b – 1 фрагмент.

Таким образом, значительную часть выборки составляют три подгруппы – 1а, 2а и 1b. При этом 1b по количеству значительно превышает остальные подгруппы.

Лощение на большинстве подгрупп вертикальное частое, реже встречается горизонтальное и зигзагообразное. Лощение по сухой основе было отмечено на фрагментах керамики подгрупп 1а, 3а, 4а вариант 3. Заглаживание по влажной поверхности – в подгруппах 1а и 9b.

Помимо выделенных подгрупп общеболгарской керамики (обжиг которой производился в окислительной атмосфере), в выборке присутствовало 3 фрагмента керамики I группы восстановительного обжига, из которых 2 относится к светильникам и 1 к кружке. Кружка имеет необычное лощение - в виде тонких линий, расположенных под углом друг к другу, образующих «ёлочку» (рис. 1). Такой вид практически не встречается на болгарской ремесленной керамике I группы, при этом являясь характерным именно для посуды с признаками домашней выделки. Вероятно, это лощение носит декоративный характер, имитируя орнамент керамики «традиционных» групп.

Позднезолотоордынский слой (II треть XIV – нач.XV вв.) характеризует экономический расцвет города и последующее постепенное угасание. С начальным этапом этого периода (1340-1360-егг.) связано функционирование гончарных мастерских в районе Голанского (Галанкина) озера (Хованская, 1954, Бочаров, 2018). И.Н. Васильева отмечала распространение в золотоордынский период более крупных, чем домонгольские, прямоугольных двухъярусных горнов, что связывается со

Рис. 1. Фрагмент керамики I группы восстановительного обжига.
Болгарское городище, р. CXCII, слой IV ранний.
Fig. 1. Fragment of group I reducing firing ceramics.
Bolgar settlement, ex. CXCII, early layer IV.

среднеазиатским влиянием. Эта и некоторые другие конструктивные изменения, происходившие в середине XIV в., по ее мнению, объясняются необходимостью увеличения производственных объемов из-за повышенного спроса на гончарную продукцию (Васильева, 1988, с.144).

Изменения коснулись и формообразования посуды. Т.А. Хлебникова отмечала появление новых типов кувшинов, горшков, кринок, которые несли в себе общие черты с продукцией нижневолжских городов (Хлебникова, 1988, с.66-85).

В IV позднем слое было отобрано 230 фрагментов, и получены следующие данные.

Подгруппа 1а – 40 фрагментов (17,4%). Из них 24 относятся к неопределенным формам сосудов, 8 фрагментов сфероконусов, 7 фрагментов кувшинов (3 от узкогорлых типов), 1 фрагмент кружки. *Подгруппа 1а вариант 2* – 4 фрагмента (1,75%): 2 от кружек, остальные от неопределенных форм. *Подгруппа 1а вариант 3* – 4 фрагмента (1,75%): 2 от кружек, 1 от чашевидного сосуда.

Подгруппа 2а – 14 фрагментов (6,14%). Из них 2 от сфероконусов, 1 фрагмент принадлежит горшку типа 4 по Н.А. Кокориной.

Подгруппа 3а – 3 фрагмента (1,31%), один из которых принадлежит сфероконусу.

Подгруппа 4а – 11 фрагментов (4,82%). Из них 2 относится к корчагам, 1 – к кружке. Подгруппа 4а вариант 2 - 2 фрагмента неопределенных форм (0,86%).

Подгруппа 5а – 11 фрагментов (4,78%). Из них 3 относятся к горшкам.

Подгруппа 1b – 75 фрагментов (32,6%). Корчагам принадлежит 11 фрагментов. Среди них отмечены типы 1 и 3 по Н.А. Кокориной. Кувшинам принадлежат 10 фрагментов, один относится к широкогорлому типу. Помимо них есть кружки (3 фр.), кринка (1 фр.), тувак (1 фр.), копилка (1 фр.), а также 2 фрагмента кубуров. *Подгруппа 1b вариант 2* – 6 фрагментов (2,6%): корчаги (3 фр.). *Подгруппа 1b вариант 3* – 2 фрагмента (0,86%): один из них от корчаги.

Подгруппа 2b – 9 фрагментов неопределенных сосудов (3,91%).

Подгруппа 3b – 3 фрагмента (1,3%). 1 фрагмент принадлежит широкогорлому кувшину, 1 – корчаге.

Подгруппа 4b – 12 фрагментов (5,21%). К корчагам относится 7 фрагментов (есть тип 2 по Н.А. Кокориной), к кувшину – 1 фрагмент

Подгруппа 5b – 13 фрагментов (5,65%). Из них 4 относятся к корчагам (есть тип 5 по Н.А. Кокориной), 3 – к кубурам.

Подгруппа 7b – 1 фрагмент (0,43%) кружкообразного сосуда (кружка или кринка).

Подгруппа 8b – 8 фрагментов (3,47%). Из них один принадлежит миске, один – кружке.

Подгруппа 9b – 6 фрагментов (2,6%): 1 принадлежит чаше, 1 чашке, 1 кринке.

Подгруппа 10b – 4 фрагмента (1,73%): 1 фрагмент корчаги, 1 от блюдообразного сосуда.

Подгруппа 11b – 2 фрагмента (0,86%): один из них от чашевидной формы.

Лощение почти во всех подгруппах преимущественно вертикальное: на подгруппах 1а - 5а преобладают широкие частые линии, на подгруппах 1b–11b чаще встречаются вертикальные тонкие линии лощения. Как на домонгольской и раннеордынской керамике,

Рис. 2. Фрагмент керами I группы с заглаживанием по влажной поверхности.
Болгарское городище, р. CXCII, слой IV ранний.
Fig. 2. Fragment of group I ceramics with damp surface smoothing.
Bolgar settlement, ex. CXCII, early layer IV.

лощение наносилось на подсушенную основу, но отмечены также случаи лощения по сухой основе и заглаживания по влажной поверхности (рис. 2).

Общеболгарская керамика восстановительного обжига была зафиксирована в количестве 5 фрагментов, из которых 2 относятся к кружкам, остальные к неопределенным формам сосудов. Лощение горизонтальными тонкими частыми линиями по подсушенной основе. Глина среднепластичная, и с добавлением песка средней размерности.

В позднеордынском слое отмечались фрагменты посуды с признаками заглаживания по еще влажной поверхности Такой способ обработки поверхности был отмечен в подгруппах 5a, 1b, 3b, 4b. В IV раннем слое он встретился на фрагментах керамики подгрупп 1a и 9b. Лощение по сухой основе не было распространено в Болгаре ни в домонгольский период, ни в золотоордынский.

Одно из явных отличий комплекса общеболгарской керамики IV позднего слоя от IV раннего заключается в уменьшении количества подгруппы 2a. Это керамика с неполным обжигом, где внутренняя серая прослойка составляет не менее ½ толщины черепка, и она являлась второй по численности (после 1b) на протяжении всего домонгольского времени. В IV раннем слое ее по-прежнему много (13–15%), а в позднеордынском – только 5–6%.

В результате исследования подгрупп общеболгарской керамики Болгара стало очевидно, что их процентное содержание в одном слое варьируется в зависимости от местонахождения. Тем не менее, основное соотношение довольно устойчивое: самую значительную долю составляет подгруппа 1b, начиная с VI слоя (Куклина, 2020), за ней идет подгруппа 1a, которая начиная с раннеордынского времени составляет больше 10% всей I группы. Остальные подгруппы составляют от десятых долей процента до 5–6%. В IV позднем слое самую большую долю составляет подгруппа 1b (>30%). Для сравнения приведем данные по статистике с р.CCXVI (2016 г.), где была исследована керамика I группы из слоя IV позднего и четырех гончарных горнов, время функционирования которых укладывается в промежуток 1330–1360-х гг. (Бочаров, 2018, Куклина, 2018). Подгруппа 1b составляла от 39% до 60% керамики I группы, на втором месте по численности оказалась подгруппа 1a (за исключением горна №4). Подгруппа 2a, как и в выборке с р. CXCII, составляет примерно 5-6%. (табл. 1).

Таким образом, начиная с X века и до начала XV в. в Болгаре примерно половина всей гончарной посуды производилась в рамках одной традиции, которой соответствует подгруппа 1b. Помимо этого, в период с X в. до начала XIV в. существенная доля кухонной и столовой посуды производилась с помощью вытягивания на круге из среднепластичной глины без примеси песка, обжиг которой был неполным (подгруппа 2a). С середины XIV до начала XV вв. эта традиция уступила место другой, где глина бралась менее пластичная, а обжиг был полным (1a). Другие традиции, которые появились еще в домонгольское время, продолжают существовать, но их количество остается небольшим. Так, например, подгруппы 4b и 5b, в ассортименте которых

Таблица 1. Содержание подгрупп I группы керамики (общеболгарской) в слоях Болгарского городища (указан процент от общего количества фрагментов I группы в слое)

Table 1. The contents of subgroups of group I of ceramics (general Bolgar) in the layers of Bolgar settlement (indicating the percentage of the total number of fragments of group I in the layer)

	слой, датировка									
подгруппа	VI (конец X - I пол. XI вв.)	V (II пол. XI - нач. XIII вв.)	IV ранний (II пол. XIII - нач. XIV вв.)	IV ранний (II пол. XIII - нач. XIV вв.)	IV поздний (вторая треть XIV-нач. XV)	IV поздний (вторая треть XIV-нач. XV)	соор.2 (горн 1)	соор.3 (горн 2)	соор. 6 (горн 4)	соор. 7 (горн 3)
1a	0,00%	7,28%	18,40%	12,62%	17,40%	32,60%	27,50%	36,90%	10,60%	41,80%
1a вар. 2	0,00%	<0,05%	3,80%	3,03%	1,73%	не выделялись				
1a вар. 3	0,00%	<0,05%	0,70%	0,50%	1,73%					
2a	26,50%	19,77%	13,60%	15,15%	6,08%	5,80%	6,70%	5,10%	2,60%	4,90%
3a	0,00%	0,00%	3,40%	2,02%	1,30%	1,20%	0,00%	0,00%	5,10%	0,00%
4a	0,00%	0,43%	3,40%	3,53%	4,78%	3,60%	0,10%	0,60%	0,80%	0,20%
4a вар. 2	0,00%	<0,05%	0,70%	1,51%	0,86%	не выделялись				
4a вар. 3	0,00%	<0,05%	0,60%	0,50%	0,00%					
5a	0,00%	1,61%	3,60%	6,06%	4,78%	0,30%	0,00%	1%	0,00%	0,00%
1b	45,20%	38,74%	24,50%	41,91%	32,60%	39,00%	59,90%	51,30%	48,70%	47,50%
1b вар. 2	0,00%	0,00%	1,70%	0,00%	2,60%	0,00%	0,00%	0,00%	0,00%	0,00%
1b вар. 3	0,00%	<0,05%	1,60%	0,50%	0,86%	0,00%	0,00%	0,00%	0,00%	0,00%
2b	26,30%	13,65%	2,90%	4,04%	3,91%	2,20%	0,10%	0,00%	8,60%	0,00%
3b	0,00%	1,52%	2,30%	0,00%	1,30%	9%	0,90%	3%	15,20%	2,30%
4b	0,00%	7,73%	4,80%	5,55%	5,21%	1,50%	0,30%	0,00%	1,70%	0,00%
5b	0,00%	7,18%	6,70%	1,06%	5,65%	3%	3,20%	1,80%	0,00%	3,20%
6b	0,34%	0,22%	1,20%	0,00%	0,00%	0	0%	0,20%	6,60%	0,00%
7b	0,70%	0,52%	0,90%	0,50%	0,43%	не выделялись				
8b	0,34%	0,34%	1,50%	1,01%	3,47%					
9b	0,50%	0,59%	2,50%	0,50%	2,60%					
10b	0,00%	<0,05%	0,30%	0,50%	1,73%					
11b	0,00%	0,00%	1,30%	0,00%	0,86%					
	Выборка из сооружений р.CLXXIX, (2015 г.), CXCII (2018-2019 гг.), CXCIX (2015 г.)			Выборка из р.CXCII - 2020 г. (слой и сооружения)		р.CCXVI (2016 г.), выборка из слоя и сооружений (все IV поздний)				

чаще всего попадаются корчаги и водопроводные трубы, по всей видимости отражают определенную специализацию мастерских. Подгруппы 6b–11b, могли быть как привезенной посудой из близлежащих регионов, так и сделанной в рамках производства на заказ.

Примечание:

[1] Маркировка подгрупп приведена согласно последней версии классификации, где «a» - подгруппы изготовленные с помощью вытягивания (ранее – обозначались буквой «т»), «b» - подгруппы с признаками ленточно-жгутового налепа (ранее – «л»).

ЛИТЕРАТУРА

Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище в Спасском районе Республики Татарстан (раскоп CXCII) в 2020 году. Том I. Москва, 2021. 138 с.

Бочаров С.Г. Археологические исследования гончарных горнов на Болгарском городище в 2016 году (раскоп CCXVI) // Поволжская археология. 2018. №2 (24). С. 253–269.

Васильева И.Н. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 103–148.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур). Казань: Институт истории АН РТ, ИА РАН, 2002. 383 с.

Куклина А.А. Неполивная керамика Болгара с раскопов в юго-восточной части городища (по материалам раскопов CCXVI, CCXXI, CCXXIII 2016 г.) // Археология Евразийских степей. 2018. №5. С.185–192

Куклина А.А. Новые исследования общеболгарской керамики: историко-культурный подход. // Поволжская археология. 2020. №2 (32). С. 228–237

Куклина А.А. Неполивная керамика I группы (общеболгарская) Болгарского городища X – нач. XIV: классификация и хронология. Автореф. … дисс. канд. истор. наук. Казань, 2021. 23 с.

Пугаченкова Г.А. Мастер-керамист Мухаммед-Али Инойятон из Мерва (к характеристике штампованной керамики Мерва XII- начала XIII вв.) // СА. 1958. №2. С. 78–91.

Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара. // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 8–102.

Хованская О.С. Гончарное дело города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т.1 / МИА №42. / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 340–368.

Информация об авторе:

Куклина Анна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей археологии РТ, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); kuklinanna@mail.ru

REFERENCES

Badeev, D. Yu., Koval, V. Yu. 2019. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Bolgarskom gorodishche v Spasskom rayone Respubliki Tatarstan(raskop CXCII) v 2020 g. (Report on Archaeological Activities at Bolgar Fortified Settlement in 2020. Excavation 192). Tom I. Moscow. 2021. (in Russian).*

Bocharov, S. G. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 24 (2), 253–269 (in Russian).

Vasil'eva, I. N. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 103–148. (in Russian).

Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).

Kuklina, A. A. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 185–192 (in Russian).

Kuklina, A. A. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology) 32* (2), 228–237 (in Russian)

Kuklina A.A. 2021. *Nepolivnaia keramika I gruppy (obshchebolgarskaia) Bolgarskogo gorodishcha X – nachala XIV vv.: klassifikatsiya I khronologiia (Non-glazed I group of ceramics (the common-bolgar) on Bolgar settlement during the 10th – Beginning of the 14th Centuries.: Classification and Chronology).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Pugachenkova, G. A. 1958. In *Sovetskaia arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 78–91 (in Russian)

Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 8–102. (in Russian).

Khovanskaya, O. S. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* I. *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 340–368 (in Russian).

About the Author:

Kuklina Anna A. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; kuklinanna@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 737(470.41) «13/14» https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.169.174

НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ С. РОЖДЕСТВЕНО (ТАТАРСТАН) ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ РТ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН РТ

© 2022 г. А.И. Бугарчев, Е.Ф. Шайхутдинова

В статье приводится ранее не изданный нумизматический сбор из села Рождествено Лаишевского района Республики Татарстан из мемориальной коллекции Музея археологии РТ Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Впервые анализируются и публикуются двенадцать серебряных монет XIV–XV вв. Для анализа привлекаются ранее изданные материалы, найденные в окрестностях села Рождествено. В целом можно говорить о комплексе из более чем 170 джучидских монет середины XIII – первой половины XV вв., а также денег русских княжеств. Основная масса чеканилась в XV вв. Это свидетельствует о местонахождении в данном районе курпного населенного пункта в XV веке. К статье прилагаются две фототаблицы. Приведённый в статье нумизматический материал иллюстрирует денежное обращение Булгарского вилайата на протяжении XII – XV вв. на археологических материалах, найденных близ Рождествено.

Ключевые слова: дирхам, акче, пул, денежное обращение, село Рождествено, Булгарский вилайат, XIV-XV вв., музейная коллекция, Музей археологии РТ.

NUMISMATIC COMPLEX FROM ROZHDESTVENO VILLAGE (TATARSTAN) BASED ON THE MATERIALS OF THE MUSEUM OF ARCHAEOLOGY OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

A.I. Bugarchev, E.F. Shaykhutdinova

The paper presents a previously unpublished numismatic collection from Rozhdestveno village in the Laishevsky District of Tatarstan included in the memorial collection of the Archaeological Museum of the Republic of Tatarstan of the Institute of Archaeology of the Tatarstan Academy of Sciences. Twelve silver coins of the 14th–15th centuries are analyzed and published for the first time. Previously published materials found in the vicinity of Rozhdestveno village are used for analysis. In general, this is a complex of more than 170 Juchid coins of the mid-13th – first half of the 15th centuries, and coins of Russian principalities. Most of the coins were minted in the 15th century. Two photo tables are attached to the paper. The numismatic material presented in the paper illustrates the monetary circulation of the Bolgar Vilayat in the 12th–15th centuries on the basis of archaeological materials found near Rozhdestveno.

Keywords: dirham, akche, pul, currency circulation, Rozhdestveno village, Bolgar Vilayat, 14th–15th centuries, museum collection, Archaeological Museum of the Republic of Tatarstan.

В 2018 г. в мемориальный фонд Музей археологии РТ Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ поступила коллекция монет Р.Р. Шайхутдинова, преданная родственниками в связи с его кончиной. Особую ценность данному собранию придают пометки с указанием места обнаружения отдельных монет. Так, для местонахождения села Рождествено (Татарстан) были указаны 12 экземпляров (табл. 1). Так как монеты из данного собрания ранее не публиковались, в представляемой статье мы вводим в научный оборот неопубликованный нумизматический материал и предполагаем рассмотреть весь известный монетный комплекс,найденный близ с. Рождествено.

Разберём отдельные дирхамы.

№2. Монета с именем Джанибека весит 0,49 г. Подобные обрезанные дирхамы участвовали в денежном обращении региона до конца XIV в.

№3. После прихода к власти в Орде хана Шадибека в 802 / 1399–1400 г., чеканка именных дирхамов в Булгарском вилайате началась в 805 / 1402–1403 г. (Рева, 2016). Указный вес шадибековских эмиссий – 0,78 г.

№7. Монеты с легендой оборотной стороны «Чекан / монета / Булгара» («Дзуриба / Сикка / Булгар») с именем Мухаммада выпускались или в период 826–828 / 1422–1424 гг. или в 827–828 / 1423–1424 гг. (Бугарчев, Степанов, 2021, с. 30).Чеканились они, возможно,

Таблица 1. Монеты из с. Рождествено (из собрания Р.Р. Шайхутдинова)
Table 1. Coins from Rozhdestveno village (from the collection of R.R. Shaikhutdinov)

№	Эмитент	МД*	Время чеканки, гг.х.	Вес, г	Прим
1	Узбек	Сарай	(714–720-е / 1310-е-1320-е)	1,51	
2	Джанибек	САД	747 / 1346-1347	0,49	
3	Шадибек	Булгар	(805–809 / 1402–1407)		
4	Пулад	Булгар	(810–812 / 1407–1410)	0,72	
5	Тимур	Булгар	(813 / 1410–1411)	0,57	
6	Дервиш	Булгар	(818–822 / 1415–1419)	0,55	
7	Мухаммад	Булгар	(после 822 / 1419)	0,51	Тип МЧБ
8	Давлет-Бирди	(Хаджи-Тархан)	831 / 1427–1428	0,78	Односторонняя
9	Мухаммад	Булгар	(820-е – 830-е / 1420-е –1430-е)	0,38	
10	Не указан?	Булгар	830-е? (1430-е)	0,45	
11	Стёрто	(3ногая тамга)	(после 822 / 1419)	0,42	
12	Стёрто	Стёрто	XV век	0,84	

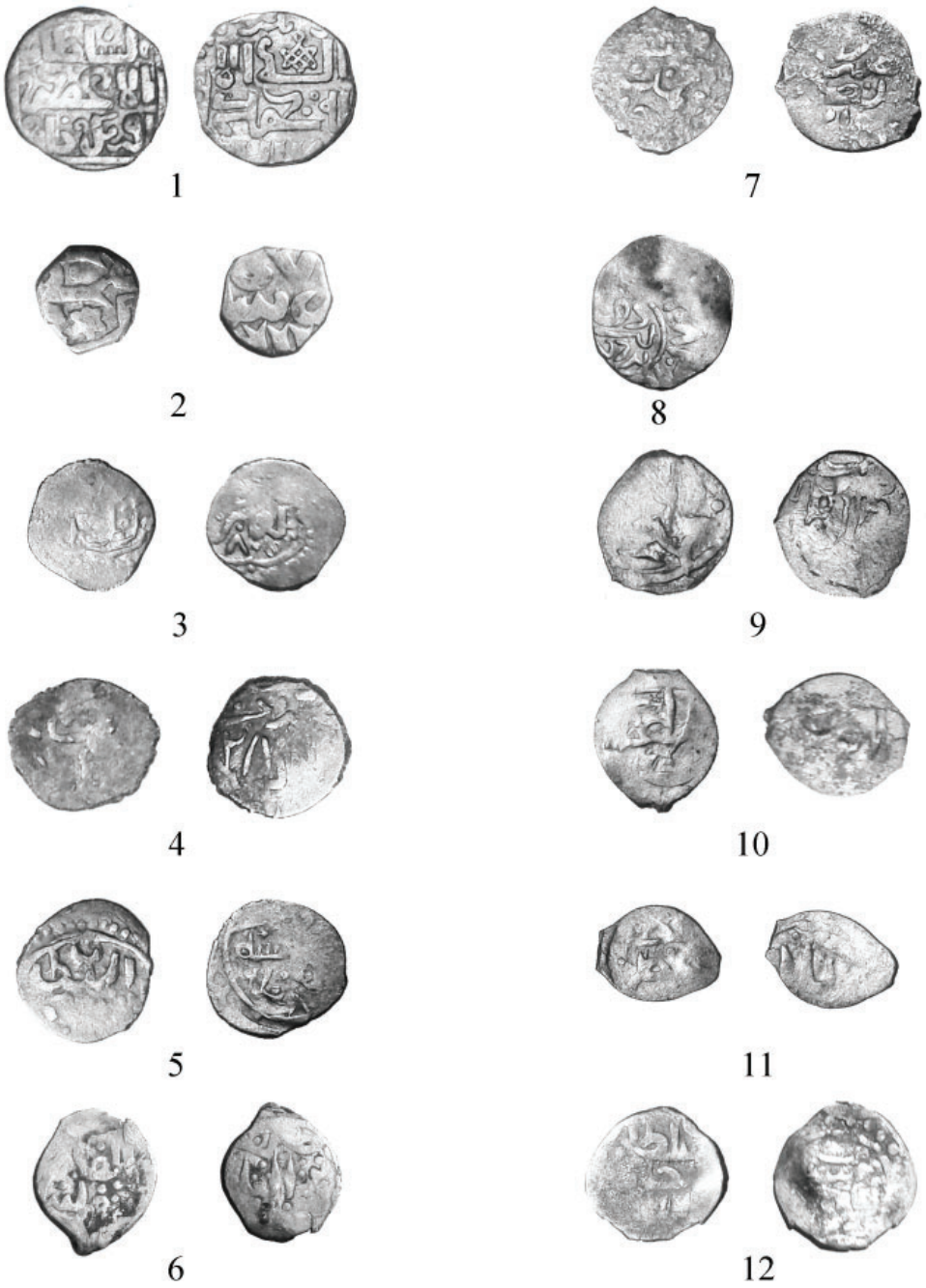
*Монетный двор.

на монетном дворе, расположенном в Иски-Казани. Мода гистограммы, построенной по результатам веса 54 монет, соответствует значению 0,50±0,02 г (Бугарчев, Степанов, 2021, с. 29).

№11. Трёхногая тамга вместо указания места выпуска на булгарских акче появилась при Хаджи-Мухаммаде (822–826 / 1419–1422–1423) и ставилась до 1430-х гг. Место производства монет с тамгой до сих пор остаётся невыясненным, но, безусловно, монетный двор (дворы?) находился на территории Булгарского вилайата.

В окрестностях с. Рождествено обнаружено несколько средневековых памятников: Рождественское I, V, VI селище, Рождественский I, V, VI могильник. Найденный на этих археологических памятниках монетный материал приведен ниже.

Приведём информацию из статьи 2004 г.:серебро – Шадибек (МД Булгар), Пулад (Раджан, 810 г.х.), Гийас ад-Дин (Сарай, Хаджи-Тархан, 820-е гг.х.), Мухаммад (Булгар, Орду), Давлет-Бирди (Сарай, вес 1 экз. 0,71, Сарай ал-Джадид, Хаджи-Тархан, вес 1 экз. 0,45 г). «97% монет этой части комплекса датируются 820–830 гг.х.». По мнению авторов, монеты МД Орду чеканились в Волго-Камье. Медь: пулы Булгара XV в. делятся на два типа – один с использованием оборотного штемпеля «серебра» Шадибека 807 г.х. (4 экз. – 1,08, 0,88, 0,84, 0,69 обломок), второй с использованием оборотного штемпеля Мухаммада или Дервиша (2 экз. – 1,11, 1,08). «Оба типа чеканены единовременно около 820 г.х.».Пулы с именем Хызра – 11 экз.: с н/ч «хан» булгарского типа – 4, с н/ч «адил хан» - 2, 4 экз. без н/ч, 1 экз. подражание новосарайскому пулу 762 г.х. Монетные дворы – Гулистан и Сарай ал-Джадид (без указания количества). Пул нижневолжской чеканки: л.с. «адил» (не надчекан), о.с. сидящее животное; тимуридский фулус Самарканда(XV век). Серебряные денги Суздальско-Нижегородского княжества: Даниил Борисович (1426–1429) – 4 экз. (вес 0,49, 0,52, 0,46, 0,45 г), Иван Борисович (1426-1428) – 1 (0,46 г), неопределённая



Фототаблица 1. Номера соответствуют номерам таблицы 1.
Photo table 1. Numbers correspond to the numbers in Table 1.

(0,47 г).Всего в статье упоминается 136 монет (121 экз. – биллон и серебро, 15 экз. – медь) (Гончаров, Тростьянский, 2004).

Вторая работа – это статья М.Б. Шигапова, где перечислены: дирхам Пулата; неатрибутированный дирхам XV в. (подражание?); обрезанный дирхам Узбека 737 г.х.; дирхам Шадибека 1400-1407 г., МД Сарай; дирхам Шадибека, МД Хаджи-Тархан (1400–1407); дирхам Джанибека, МД Гулистан, 750 г.х., обрезанный, русская анонимная деньга Суздаля 1427–1429 г. Пулы: Сарай 726 г.х., Болгар 734 г.х., с именем Хызр хана: Сарай ал-Джадид 762 г.х., Сарай ал-Джадид и надчекан «хан», Сарай ал-Джадид и надчекан, Гулистан 762 г.х. – 2 экз.; анонимный пул Сарая ал-Джадид 753г.х. и надчекан «адил», медные динары с именем ан-Насира и Мунке – МД Булгар. «Монеты найдены на восточной окраине бывшего села Рождествено». Всего перечислено 16 монет (Шигапов, 2006).

Можно упомянуть три акче Хаджи-Тархана эмитентов Шадибека (1399/1400 – 1406/1407), Гийас ад-Дина II (1420-е гг.) и Давлет-Бирди (1420-е гг.), найденных в Рождествено (Бугарчев, Емельянов, Степанов, 2020).

В 2005 г. на V селище была найдена анонимная денга чеканки Суздаля 1427–1429

Фототаблица 2. №№1-2 – монетовидные подвески; №3 – пул 807 г.х. (1404-1405); №4 – обрезанный дирхам Узбека, вес 0,50 г; №5 – обрезанный дирхам Джанибека, вес 0,35 г.
Photo table 2. Nos. 1-2 – coin-shaped pendants; No. 3 – pul of 807 AH. (1404–1405); No. 4 – cut dirham of Uzbek, weight 0.50 g; No. 5 – cut dirham of Janibek, weight 0.35 g.

гг. (Недашковский, 2010. С. 90, прим. 2). На IV могильнике была найдена серебряная монета XIV в. (Свод, 2007, с. 234).

Используя различные источники, мы установили, что в Рождествено в разные годы было найдено 9 медных монет 807 г.х. (1404/1405). Не исключено, что здесь мог находиться свой монетный двор, чеканивший булгарские пулы XV в. (фототаблица 2).

Около 10 лет назад в окрестностях Рождествено был найден клад обрезанных серебряных монет XIV в. Клад состоял из 300 экземпляров, сохранились изображения и метрология двух экземпляров – 0,50 и 0,35 г (фототаблица 2)

Известен факт обнаружения в регионе не менее трёх монетовидных подвесок, датируемых XI–XIII веками (фототаблица 2).

Суммируя вышеприведённые сведения, можно говорить о комплексе общим количеством более 170 монет середины XIII – первой половины XV в. (без учёта клада десятилетней давности) Подавляющее большинство – это продукция первой половины XV в. Здесь мы видим и эмиссии монетных дворов Булгарского вилайата, и южных монетных дворов, и денги Суздальско-Нижегородского княжества. Данный факт свидетельствует о том, что в XV веке здесь находился крупный населённый пункт, уступающий разве что Иски-Казани.

Кроме всего вышеперечисленного, недалеко от Рождествено, в деревне Дятлово в 2018 г. был найден комплекс ордынской «меди», из которогоатрибутировано 439 пулов. Это типы с именем ан-Насира (2 экз.), «тамга в треугольнике» (29 экз.), «тамга в звезде» (17 экз.), сарайские пулы 731–732 гг.х. (4 экз.), «лев-солнце» (28 экз.), «булгарская решётка» (10 экз.), «двуглавый орёл» (101 экз.), «розетка» (140 экз.), пулы Базджина (4 экз.), с именем Хызр хана (64 экз.), «барс» Гулистана 764 г.х. (19 экз.), «двуглавый орёл» Гулистана 766 г.х. (11 экз.), единичные экземпляры Крыма, Мохши и Хорезма (Алексеев, Степанов, 2020, с. 122–123).Монеты чеканились середины XIII до конца XIV в. По мнению авторов статьи, здесь можно говорить не о кладовом, а о религиозном характере данного сбора.

Приведённый нумизматический материал иллюстрирует денежное обращение на данном археологическом комплексе на протяжении XII–XV вв.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев И.Е., Степанов О.В. Клад медных джучидских монет из окрестностей деревни Дятлово в Татарстане // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2020 года / Отв. ред. Е.В. Захаров. М.: ГИМ, 2020. С. 119–124.

Бугарчев А.И., Емельянов В.П., Степанов О.В. Находки хаджитарханских монет на территории Татарстана // Астраханские краеведческие чтения. Вып. XII. / Ред А.А. Куратов, А.Н. Алиева. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2020. С. 77–82.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. Монетные находки на территории Иски-Казанского археологического комплекса. Материалы X–XV вв. Казань: Отечество, 2021. 95 с.

Гончаров Е.Ю., Тростьянский О.В. Монетный комплекс XV в. из села Рождествено // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений (Москва, 19-24 апреля 2004 г.) / Отв. ред. А.С. Мельникова. М.: ГИМ, 2004. С. 94–95.

Недашковский Л.Ф. Контакты Руси и Нижнего Поволжья в эпоху Золотой орды. // Русь и Восток в IX-XVI веках. Новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 86–90.

Рева Р.Ю. Поштемпельный анализ булгарских монет Шадибека (новый взгляд) // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней) / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 511–539.

Свод памятников археологии Республики Татарстан: в 3 т. / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин. Т. 3. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 529 с.

Шигапов М.Б. Комплекс материалов золотоордынского времени у села Рождествено в низовьях Камы // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000) / Отв. ред. В.В. Мурашева. М.: Нумизматическая лит-ра, 2006. С. 198–199.

Информация об авторах:

Бугарчев Алексей Игоревич, лаборант-исследователь, Институт археологии им.А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); Abugar.61@rambler.ru

Шайхутдинова Евгения Флюровна, кандидат технических наук, зав. Музеем археологии Республики Татарстан, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан; доцент, Казанский Национальный Исследовательский Технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ; доцент, Казанский Федеральный университет (г. Казань, Россия): eugen.shaykhutdinova@gmail.com

REFERENCES

Alekseev, I. E., Stepanov, O. V. 2020. In Zakharov, E. V. (ed.). *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2020 goda (Numismatic Readings of the State Historical Museum of 2020).* Moscow: State Historical Museum, 104–110 (in Russian).

Bugarchev, S. V., Emel'yanov, V. P., Stepanov, O. V. 2020. In Kurapov, A. A., Alieva, A. N. (eds.). *Astrakhanskie kraevedcheskie chteniya* (*Astrakhan Local History Readings*) XII. Astrakhan: "Sorokin Roman Vasil'evich" Publ., 77–82 (in Russian).

Bugarchev, S. V., Stepanov, O. V. 2021. *Monetnye nakhodki na territorii Iski-Kazanskogo arkheologicheskogo kompleksa. Materialy X–XV vv. (Coin Finds from the Territory of the Iski-Kazan Archaeological Complex. Materials of the 10th-15th Centuries).* Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Goncharov, E. Yu., Trost'yansky, O. V. 2004. In Mel'nikov, A. S. (ed.). *Dvenadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Tezisy dokladov i soobshchenii (12th All-Russian Numismatic Conference. Abstracts and Reports)*. Moscow: State Historical Museum, 94–95 (in Russian).

Nedashkovsky, L. N. 2010. In Makarov, N. A., Koval', V. Yu. (eds.). *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: Novye arkheologicheskie issledovaniia (Rus' and Orient in 9th – 16th Centuries: Recent Archaeological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Nauka" Publ., 86–90 (in Russian).

Reva, R. Yu. 2016. In Baitanayev, B. A. (ed.). *Kul'turnoe nasledie Evrazii (s drevnosti do nashikh dney) (Cultural Heritage of Eurasia (from Antiquity to Present Day))*. Almaty: A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, 511–539 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Khuzin F. Sh. (eds.). 2007. *Svod pamiatnikov arkheologii Respubliki Tatarstan (Corpus of Archaeological Sites in the Republic of Tatarstan)* 3. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Shigapov, M. B. 2006. In Murasheva, V. V. (ed.). *Gorod i step' v kontaktnoy Evro-Aziatskoy zone (The city and the steppe in contact Eurasian spase)*. Moscow: "Numizmaticheskaya literatura" Publ., 198–199 (in Russian).

About the Authors:

Bugarchev Alexey I. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; abugar.61@rambler.ru

Shaykhutdinova Eugenia F. Candidate of Technical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Docent. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Docent. Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI. K.Marx St., 10, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; eugen.shaykhutdinova@gmail.com

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902.2 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.175.180

ПОЙМЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО ЗАКАМЬЯ В XI – НАЧАЛЕ XV В. И КОЧЕВНИКИ

© 2022 г. К.А. Руденко

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием поселенческой структуры в пойме нижнего течения р. Камы в XI – начале XV в. и роли, которую играли в этом процессе кочевники. Автор утверждает, что сложившаяся во второй половине X в. структура поселений в этом районе Волжской Булгарии была сильно нарушена в результате булгаро - гузской, а затем булгаро -кыпчакской конфронтации в конце XI – первой половине XII в. Но произошли только некоторые изменений в материальной культуре населения, оставшегося на данной территории. Ситуация после монгольского нашествия была совершенно другой. Монголы и кипчаки заняли пойму Волги и Камы и находились здесь сезонно, а с середины XIV в. постоянно. Поселения типа «Песчаный остров», близ мест их кочевок возникали сначала из мигрантов из Пермского Предуралья (последняя треть XIII в.), а в XIV в. часть их пополнилась жителями Булгара и русскими пленниками.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, булгары, гузы, кипчаки, Золотая Орда.

FLOODPLAIN SETTLEMENTS OF THE WESTERN TRANS-KAMA IN THE 11TH - EARLY 15TH CENTURIES AND THE NOMADS

K.A. Rudenko

The paper addresses the issues related to the formation of the settlement structure in the floodplain of the lower reaches of the Kama river in the 11th – early 15th centuries and the role played by nomads in this process. The author suggests that the structure of settlements in this region of Volga Bolgaria which developed in the second half of the 10th century was severely disrupted as a result of the Bulgaro-Guz and then the Bulgaro-Kipchak confrontation at the end of the 11th – the first half of the 12th centuries. However, only individual changes occurred in the material culture of the population which remained in this territory. The situation after the Mongol invasion was completely different. The Mongols and Kipchaks occupied the floodplain of the Volga and Kama and stayed there on a seasonal basis, and since the middle of the 14th century constantly remained in the area. Settlements of the 'Peschanyj ostrov' type near their migration areas first originated from migrants from the Perm Cis-Urals (last third of the 13th century), and in the 14th century, were partially replenished with the inhabitants of Bolgar and Russian captives.

Keywords: archaeology, Volga Bolgaria, Bolgars, Guzes, Kipchaks, Golden Horde.

Археологические памятники эпохи средневековья в пойме низовий Камы и казанско-тетюшского течения Волги, активно стали изучаться только после создания Куйбышевской ГЭС, строительство которой завершилось в 1955–1956 гг. До этого имелись сведения лишь о единичных находках и нескольких селищах. После того как ложе водохранилища было заполнено, сотни археологических объектов оказались или затоплено, или начали интенсивно разрушаться. Среди них и поселения X–XV вв., располагавшиеся либо на останцах надлуговых террас в самой пойме, либо в прибрежной зоне. К началу 1970-х гг. в той или иной степени было обследовано 155 памятников из которых около 4% подвергались небольшим охранным раскопкам. Общая вскрытая площадь на средневековых объектах в прибрежной зоне и на островах за более чем 15 лет исследований составила около 700 м^2. Было констатировано, что большая часть пойменных поселений и могильников к этому времени почти полностью уничтожены размывом (Габяшев и др., 1976, с. 20, 21, рис. 4).

Тем не менее, регулярные сборы подъемного материала из разрушенного культурного слоя, проводившиеся с начала 1960-х гг. Е.П. Казаковым, П.Н. Старостиным, а с 1980-х гг. и Е.А. Беговатовым, позволили накопить солидную коллекцию древностей X–XIV вв., особенно с памятников в Спасском районе РТ, оставшихся на островах Куйбышевского водохранилища там где раньше находились русла рек Актай и Бездна, у бывшей д. Семеновка, Христофоровка, Коминтерн и в

районе г. Куйбышева (Спасска), перенесенного в первой половине 1950-х гг. в с. Болгары-Успенское (Казаков, 1991, с. 9).

Материалы выявленные в 1970-х – 1980-х гг. на Семеновских-I-V, Коминтерновском-II и, частично Старо-Куйбышевском-V селищах были опубликованы Е.П. Казаковым (Казаков, 1984, с. 39-64; 1988, с. 75,76, рис. 1; 1993, с. 117-122). Особое внимание им было уделено уникальному памятнику – Измерскому-I селищу, расположенному на краю надпойменной террасы и постоянно разрушавшимся водами Куйбышевского водохранилища. Е.П. Казаков проводил на нем раскопки с начала 1960-х гг. (Казаков, 1991, с. 15, 27,28, рис. 3, 8–10). По результатам этих исследований ученый сделал несколько важных заключений, суть которых сводилась к тому, что ранние оседлые поселения волжских болгар возникли в Казанском Поволжье не ранее второй-третьей четверти X в. (селища Семеновское-I, Измерское-I). Своим возникновением и функционированию они, по его мнению, были обязаны международной торговле и ремеслу, ориентированному как на внутренний рынок, но больше на ближайших соседей – древних марийцев, удмуртов и мордву. В той или иной степени торговые функции этих селищ сохранились и позже, но уже в другом масштабе.

Охранные раскопки и разведки, проводившиеся К.А. Руденко в 2000-х – 2010-х гг. на средневековых селищах в пойме р. Курналки, Архаровки и Брыссы, позволили уточнить датировку домонгольских пойменных поселений, а также их связь с другими памятникам Волжской Булгарии. Кроме того, было установлено, что практически все домонгольские селища в этом регионе имеют следы пожарищ и разрушений, а также в ряде случаев и останки людей, оставшихся не погребенными, или захороненных в коллективных могилах. Причем, это произошло задолго до монгольского нашествия. Учитывая, что на этих селищах в слоях пожаров зафиксированы находки предметов вооружения, то очевидно, что они стали жертвами военных набегов, происходивших в промежутке последней трети XI – первой половины XII в. Большинству из поселений в той или иной степени удалось восстановиться, правда достичь предшествующего уровня развития и благосостояния им не удалось и жизнь на них замерла к концу XII столетия.

Анализ материалов домонгольских булгарских памятников, проведенный автором в конце 2010-х гг. показал, что не менее 34 городищ и селищ Волжской Булгарии подверглись разгрому, а некоторые и вовсе прекратили существование в конце XI – первой половине XII в. Сопоставив имеющиеся материалы, прежде всего предметы вооружения и конского снаряжения, можно говорить о набегах кочевников, сначала гузов, часть которых осела в булгарских землях, а затем кипчаков-половцев. Данные о присутствии в булгарском керамическом комплексе домонгольского времени посуды, выполненной в традициях гузов и кипчаков, были опубликованы в начале 1990-х гг. К ним были отнесены сосуды IX и XIII групп традиционной керамики Волжской Булгарии по Т.А. Хлебниковой. Причем посуда кипчакских истоков (XIII группа), по мнению Н.А. Кокориной и Т.А. Хлебниковой, появилась на булгарских памятниках не ранее XI в. (Хлебникова, 1988, с. 29,31; Кокорина, Хлебникова, 1993, с. 109).

Особенно привлекательны для кочевников были именно пойменные земли, удобные для ведения кочевого хозяйства, которые и пострадали от набегов в первую очередь. Этот факт, отметил и Е.П. Казаков, утверждая, что Семеновское-I и Измерское-I переживали расцвет во второй половине X–XI вв. (Казаков, 1991, с. 28, 30). Вместе с тем именно в этой части Волжской Булгарии (городища Алексеевское и Джукетау) видимо и сформировались вышеуказанные группы булгарской керамики.

Отметим, что присутствие кочевников подтверждаются и другими находками на пойменных поселениях, например, характерными украшениями гузов – крыловидными нашивками с привесками (рис. 1). Фрагмент одной из них найден на Остолоповском селище (Руденко, 2021, с. 68,69, рис. 2: 9). Другая – на Семеновском селище (8,2×3,6×0,3 см) (МА ИА АН РТ, инв. № III С.с.-89/П-05) и еще одна – на Болгарском городище (7,5×4×0,3 см) (НМ РТ, инв. № 7733, АА 32-4). Все они отлиты по восковой модели из сплава белого цвета. Они почти одинакового размера и украшены рельефным рисунком. На семеновской нашивке изображена симметричная композиция, в основе которой растительный побег (рис. 1: 1, 1а). Нашивка из Булгара – стилизованный вариант предыдущего орнамента, где мотив растительного побега был преобразован в геометрический рисунок. Оба вида орнамента встречаются на оригинальных гузских украшениях, которые бытовали во второй половине X – первой половине XI в. Помимо них на булгарских памятниках встре-

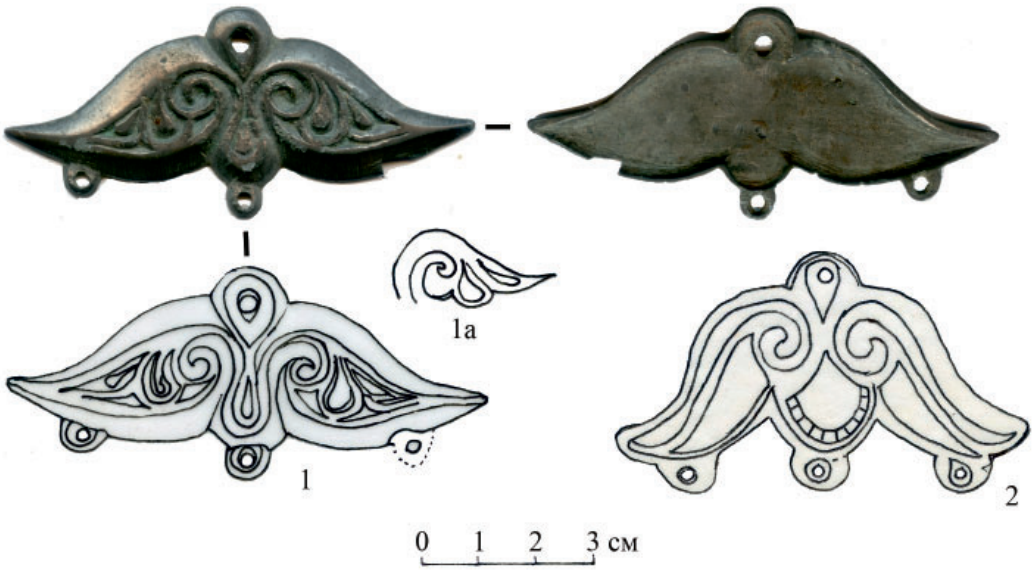


Рис. 1. Накладки крыловидные. Волжская Булгария. XI в. Сплав цветного металла. 1 – Семеновское селище. МА ИА АНРТ, инв. № III С.с.-89/П-05; 2 – Болгарское городище. НМ РТ, инв. № 7733, АА 32-4.
Fig. 1. Wing-shaped covers. Volga Bolgaria. 11th c. Non-ferrous alloy. 1 – Semyonovskoye ancient village. MA IA ANRT, Inv. No. III S.s.-89/P-05; 2 – Bolgar settlement. NM RT, Inv. No. 7733, AA 32-4.

чены бронзовые украшения конской сбруи и уздечки, копоушки и амулеты, связанные с гузским комплексом предметов. Вероятно, с гузами связана подвеска - погремушка XI в. на конскую сбрую южнорусского производства, найденная в Булгаре или Биляре.

Также в качестве примера можно привести находки на пойменных поселениях стремян арочной формы (рис. 2). Датируются они XI – XII в. Два стремени инкрустированы медью (рис. 2: 1, 2).

Монгольское нашествие нанесло серьезный урон пойменным поселениям. К такому выводу пришел Е.П. Казаков. По его мнению, новые селища здесь возникли независимо от предыдущих на новых местах, сохранив в какой-то степени свои торговые функции (Казаков, 1988, с. 73,76). Памятники золотоордынского времени Е.П. Казаков датировал XIII – XIV вв. При этом он считал, что жители этих селищ торговали не только со своими соседями, но и с Булгаром, а также тюркоязычными кочевниками Золотой Орды. Ученый отметил, что в последнем случае это был постоянный торговый обмен (Казаков, 1993, с. 122).

Новое осмысление проблемы пойменных селищ золотоордынского времени в низовьях Камы, произошло в 1990-х гг., когда был исследован комплекс памятников в бассейне р. Курналки и Архаровки в нижнем течении Камы в Алексеевском районе Татарстана. Помимо домонгольских селений (Алексеевское-VI) были выявлены и исследованы селища конца XIII–XIV вв. (Песчаный остров, Дамба-I, II, III), а также кочевнический могильник позднеордынского времени (Руденко, 1999, с. 61-76; 2015, с. 12-82). Анализ этих материалов и сравнение их с данными по другим памятникам в пойме нижнего течения Камы и казанского течения Волги позволили выдвинуть гипотезу о существовании здесь постоянного анклава кочевого населения и связанных с ними небольших поселений (селища Дамба-I, II, III), а также собственно стоянок населения с непостоянной оседлостью (селище «Разбойничий остров») (Руденко, 1998, с. 68, рис. 18).

Опираясь на эти материалы, удалось объяснить причину появления ряда поселений на рассматриваемой территории во второй половине XIII в. Это было связано с переселением сюда групп родановского населения из Пермского Предуралья, что продемонстрировали материалы селища Песчаный остров конца XIII – первой четверти XIV в., полностью изученного в 1992–1994 гг. (Руденко, 1998, с. 60-69). Особенности материальной культуры, зафиксированные на этом поселении, четко прослеживались и в находках на ряде других поселений в камской пойме, что позволило выявить круг селищ песчаноостровного типа конца XIII – начала XIV в.

В развитие этой темы, появилась необходимость изучить проблему взаимодействия кочевников Булгарского улуса Золотой Орды с оседлым населением данного региона, как и роль этого кочевого населения в культуро и этногенезе населения улуса. Отметим, что сам

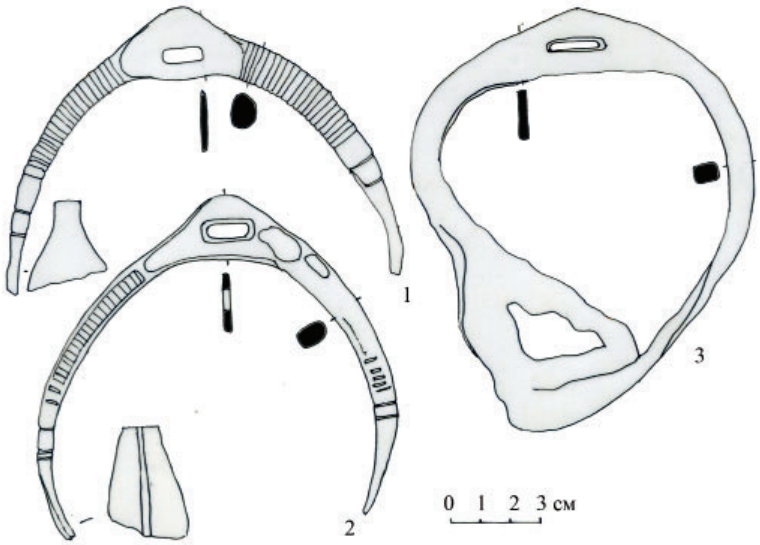


Рис. 2. Стремена. Волжская Булгария. XI – XII вв. Железо, инкрустация медью (1,2). 1 – Измерское селище. БГИАМЗ, КП 372-30/178; инв. № Из.с. – 84/258; 2 – Семеновское селище. МА ИА АНРТ, инв. № I С.с. -81/178; 3 – Семеновское селище. МА ИА АНРТ, инв. № V С.с.-82.

Fig. 2. Stirrups. Volga Bolgaria. 11th-12th cc. Iron, copper inlays (1,2). 1 – Izmerskoye ancient village. BGIAMZ, KP 372-30/178; Inv. No. Iz.s. – 84/258; 2 – Semyonovskoye ancient village. MA IA ANRT, Inv. No. I S.c. -81/178; 3 – Semyonovskoye ancient village. MA IA ANRT, Inv. No. V S.s.-82.

факт их проживания на территории бывшей Волжской Булгарии ранее отрицался. Выяснилось, что золотоордынские кочевники, не только и не столько торговали с местными земледельцами и ремесленниками, кочуя ниже по течению Волги, а постоянно находилось на этой территории, прежде всего в пойме Камы и Волги, а также в среднем течении Малого Черемшана. Это произошло, скорее всего с момента завоевания Волжской Булгарии, а к концу XIII – началу XIV в. кочевое и полукочевое население оказалось интегрированным в территориально-административную систему улуса. Ярким показателем этого являются могильники и одиночные захоронения кочевников, большая часть из известных на сегодняшний день, относится ко второй половине XIV в. (Руденко, 2013, с. 189-211; 2019, с. 325-378; 2020, с. 198-213).

По-иному понимается сейчас и процесс заселения камской поймы в золотоордынскую эпоху. Селища типа Песчаный остров, существовавшие короткий промежуток времени – около полувека до первой четверти XIV в., стали основой для развития таких поселений как Семеновское-V и Коминтерновские-II, III. Последние продолжили существование до начала XV в. Отличительным их признаком является наличие постродановской и т.н. «славяноидной» керамики, появившейся на памятниках камской поймы в середине - третьей четверти XIV в., а также древнерусской керамики, XIII–XIV в. (Руденко, 2019а, с. 96-113). Это подтверждается и материалам крупнейшего памятника эпохи Золотой Орды на Средней Волге – Булгарского городища, с которым эти поселения были тесно связаны. По данным Н.А. Кокориной, славяноидная керамика, чаще всего встречается в IV позднем слое этого памятника, который датируется серединой XIV – началом XV в. (Кокорина, 1994, с. 191).

Новый этап развития пойменных селищ наступает в середине XIV в., когда на них появляется русское население, а также группы ремесленников, чаще всего кузнецов и металлургов из Болгара, имевших навыки изготовления конского снаряжения и сбруйных принадлежностей, ремонта, а возможно, и производства чугунных котлов, широко использовавшихся кочевниками. Это подтверждается наличием керамики, прежде всего керамических котлов с «трехпалыми» ручками, отнесенных Т.А. Хлебниковой к XIX этнокультурной группе (ЭКГ) керамики и связанной с ремесленными районами Болгара (Хлебникова, 1988, с. 38-49). Взаимодействие жителей Булгара с населением селищ песчаноостровного типа прослеживается по традиционным для XIX ЭКГ формам, но с примесью толченой раковины (Хлебникова, 1988, с. 48,49, рис. 31).

Таким образом, исследования средневековых поселений в пойме нижнего течения Камы во второй половине XX – первых десятилетиях XXI в. выявили хронологические особенности развития поселенческой структуры этого региона Волжской Булгарии, а затем Булгарского улуса Золотой Орды с X и до начала XV в. во многом связанные с кочевым населением – гузами и кипчаками. Долго время их роль в истории волжских булгар недооценивалось, хотя, как показывают археологические материалы, она была немалая. В домонгольское время сильнейшее влияние на экономику и этнокультурную ситуацию в Волсжкой Булгарии оказал период булгаро-половецкой конфронтации в конце XI – первой половине XII в., хотя она не стала фатальной для жившего здесь населения. Кардинально изменилась ситуация после монгольского нашествия, когда булгарские земли вошли в состав монгольского государства. Характерная для последнего дихотомия кочевников и оседлого населения была присуща и Булгарскому улусу.

ЛИТЕРАТУРА

Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А. Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1976. С. 3–34.

Казаков Е.П. V Старокуйбышевское селище // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 39–64.

Казаков Е.П. Булгарские памятники Приустьевой части Закамья и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред.. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 71–82.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Казаков Е.П. Коминтерновское II селище // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1993. С. 117–129.

Кокорина Н.А. О финно-угорском компоненте в булгарской и булгаро-татарской культурах (по материалам керамики) // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / АЭМК. Вып. 23 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. С. 185–213.

Кокорина Н.А. Керамика тюркоязычного населения Волжской Булгарии X – XIII вв. // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1993. С. 106–116.

Руденко К.А. Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993-94 гг. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.1 / Ред. Ю. А. Зеленеев, Г.А. Федоров-Давыдов. Йошкар-Ола: МарГУ, 1998. С. 60–71.

Руденко К.А. Могильник на острове «Песчаный» // Татарская археология. 1999. № 1–2 (4–5). С. 61–76.

Руденко К.А. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. 2013. №2 (4). С. 189–211.

*Руденко К.*А. Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992–1996 г. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. 400 с.

Руденко К.А. Этногеография Булгарской области Золотой Орды (по археологическим материалам) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинев: Stratum Plus, 2019. С. 325–378.

Руденко К.А. Культурно-хронологический аспект бытования славяноидной керамики в XIII–XIV вв. в Булгарской области Золотой Орды (по материалам Лаишевского селища) // Поволжская археология. 2019а. №2 (29). С. 96–113 DOI: https://doi.org/10.24852/pa2019.2.28.96.113

Руденко К.А. Датировка археологических памятников XIV – начала XV в. низовий Камы // Археология Евразийских степей. 2020. № 5. С. 198–213 DOI: https://doi.org/10.24411/2587-6112-2020-10058

Руденко К.А. К вопросу о датировке Остолоповского селища в Татарстане // Археология Евразийских степей. 2021. №3. С. 65–79. DOI: https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.65.79

Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 7–102.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор Казанского государственного института культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

REFERENCES

Gabiashev, R. S., Kazakov, E. P., Starostin, P, N., Khalikov, A. Kh., Khlebnikova, T. A. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 3–34 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1984. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Nizhnego Prikam'ia (Archaeological Sites of the Lower Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 39–64 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1988. Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaia Bulgariia i mongolskoe nashestvie (Volga Bolgaria and the Mongol Invasion).* Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 71–82 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (Bulgar Village duting the 10th – 13th Centuries in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P. 1993. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologiia Volzhskoi Bulgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Issues, Research, Answers)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 117–129 (in Russian).

Kokorina, N. A. 1994. In Arkhipov, G. A., Nikitina, T. B. (eds.). *Problemy srednevekovoi arkheologii volzhskikh finnov (Issues of the Medieval Archaeology of the Volga Finns)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 23. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute for Language, Literature and History Publ. , 185–213 (in Russian).

Kokorina, N. A. 1993. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologiia Volzhskoi Bulgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Issues, Research, Answers)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 106–116 (in Russian).

Rudenko, K. A. 1998. In Zeleneev, Yu. A., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Studies on the Archaeology of the Volga Region)* (1). Yoshkar-Ola: Mari State University, 60–71 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2005. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 1–2 (4–5), 61–76 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (2), 189–211 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2015. *Issledovaniia VI Alekseevskogo i Murzikhinskogo selishch v Tatarstane v 1992–1996 g. (Studies of VI Alekseevskoye and Murzikha Settlements in Tatarstan in 1992-1996)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 325–378 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 29 (2), 96–113 DOI: https://doi.org/10.24852/pa2019.2.28.96.113 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2020. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. 198–213 DOI: https://doi.org/10.24411/2587-6112-2020-10058 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3. 65–79 DOI: https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.65.79 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7–102. (in Russian).

About the Author:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences. Professor, Kazan State Institute of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.181.189

МАТЕРИАЛЫ МУРАНСКОГО МОГИЛЬНИКА В КОЛЛЕКЦИИ УОКМ

© 2022 г. М.Р. Гисматулин

В статье рассматривается история формирования коллекции материалов Муранского могильника золотоордынского времени в фондах Ульяновского областного краеведческого музея. Могильник, расположенный на Самарской Луке, впервые был исследован в конце XIX – начале XX в. симбирским археологом В. Н. Поливановым. В музейной коллекции представлено около 400 археологических находок из Муранского могильника. В статье представлена информация об отдельных категориях погребального инвентаря. Ряд изделий из цветных металлов производился мастерами, проживавшими на Муранском селище. Свидетельством о местном производстве могут служить каменные литейные формы, обнаруженные на селище и в одном из погребений. Основная часть археологических находок из Муранского могильника датируется второй половиной XIII–XIV вв. и имеет аналогии среди материалов синхронных мордовских могильников Среднего Поволжья.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Золотая Орда, Муранский могильник, В. Н. Поливанов.

MATERIALS FROM THE MURAN BURIAL GROUND IN THE COLLECTION OF THE ULYANOVSK REGIONAL MUSEUM OF LOCAL LORE

M. R. Gismatulin

The paper addresses the formation history of a collection of materials from the Muran burial ground of the Golden Horde period in the funds of the Ulyanovsk Regional Museum of Local Lore**.** The burial ground, located at Samara Luka, was first explored in the late 19th – early 20th century by Simbirsk archaeologist V. N. Polivanov. The museum collection includes about 400 archaeological finds from the Muran burial ground. The paper contains information about individual categories of grave goods. A number of products from non-ferrous metals were produced by craftsmen who lived in Muran ancient village. Stone casting molds found at the settlement and in one of the burials can serve as evidence of local production. The main portion of the archaeological finds from the Muran burial ground dates back to the second half of the 13th – 14th centuries and has analogies among the materials of the synchronous Mordovian burial grounds of the Middle Volga region.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Golden Horde, Muran burial ground, V. N. Polivanov.

Муранский могильник и селище, представляющие собой один из крупнейших археологических комплексов золотоордынского времени в Среднем Поволжье, расположены у с. Муранка Шигонского района Самарской области. Муранский могильник был обнаружен в начале 1880-х гг. на землях удельного ведомства. В процессе рытья котлована, грунт из которого предназначался для сооружения мельничной плотины на новом русле р. Усы (так называемом «Проране»), местные крестьяне наткнулись на погребения в колодах. Река Уса служила своеобразной границей между Сенгилеевским и Сызранским уездами Симбирской губернии. Село Муранка находилось на левом берегу р. Усы в Сенгилеевском уезде, а могильник – в 4,2 км от села на противоположном берегу в пределах Сызранского уезда.

Вплоть до 1889 г. могильник подвергался интенсивному разрушению и разграблению. Первым масштабы разрушений оценил симбирский общественный деятель и археолог Владимир Николаевич Поливанов (1848–1915). Котлован площадью 7200 м² затронул значительную часть памятника, площадь которого составляет около 1,7 га (Алихова, 1954, с. 260).

В 1890 г. по Открытому листу, выданному Императорской археологической комиссией (ИАК), В. Н. Поливанов впервые провел раскопки на Муранском могильнике. В дальнейшем Открытые листы на проведение раскопок этого памятника ему выдавались в 1891–1895, 1898, 1900–1902 гг. В 1901 г. исследования на Муранском могильнике не проводились, также мы не располагаем данными о проведении раскопок на этом

памятнике в 1894 г. В 1891 и 1893 гг. ИАК выделила на раскопки могильника 150 и 100 руб. (Приложение…, 2009, с. 37, 43). В 1898 и 1900 гг. раскопки осуществлялись на средства Главного управления уделов (Журнал XVII-го заседания…, 1899, с. 6; Журнал XXV-го заседания…, 1900, с. 46).

К югу от языческого Муранского могильника располагался мусульманский некрополь. В 1889 г. в 320 м от могильника В. Н. Поливановым был обнаружен надмогильный памятник из песчаника с арабской надписью. В разведочных шурфах, заложенных на этом месте В. Н. Поливановым в 1891 г., было обнаружено 10 безынвентарных погребений. Восточнее Муранского могильника располагался своеобразный остров, образованный старым и новым течением р. Усы. В центральной части этого острова, в 660 м к юго-западу от Муранского могильника В. Н. Поливановым был раскопан фундамент каменного здания размером 6,4 × 3,5 м (9 × 5 аршин) (Поливанов, 1896, с. 37). В 1900 г. на этом селище была собрана большая коллекция, включавшая фрагменты орнаментированных сфероконусов и поливной керамики (Журнал XXV-го заседания…, 1901, с. 45–46).

Первое сообщение о Муранском могильнике было сделано В. Н. Поливановым на VIII Археологическом съезде, состоявшемся в Москве в январе 1890 г. Материалы могильника, представленные на съезде, привлекли внимание не только российских, но и зарубежных исследователей.

К 1896 г. В. Н. Поливановым было изучено 377 погребений (Поливанов, 1896, с. 3). Известно, что раскопки проводились в очень короткие сроки с привлечением большого количества рабочих. 27–30 мая 1898 г. В. Н. Поливановым было раскопано 168 погребений (Журнал XVII-го заседания…, 1899, с. 6). За один день раскопок 25 июня 1899 г. было вскрыто 42 захоронения, среди которых выделялось мужское погребение с конём, железными принадлежностями конской сбруи и топором (Отчет о деятельности…, 1900, с. 5–6). С 22 по 24 июня 1900 г. было изучено 153 погребения (Журнал XXV-го заседания…, 1901, с. 45). 30 апреля и 1 мая 1902 г. было раскопано 88 погребений, в том числе погребение всадника с конём, сбруей и вооружением (Журнал 31 заседания…, 1903, с. 36). Таким образом, общее количество погребений, исследованных В. Н. Поливановым в 1890–1893, 1895, 1898–1900 и 1902 гг., достигло 828.

Дневники раскопок Муранского могильника, описи, фотографии и рисунки находок в настоящее хранятся в Научном архиве ИИМК РАН (Длужневская, 2014, с. 50). Основная часть археологических материалов поступила в Государственный исторический музей и Государственный Эрмитаж. Небольшие коллекции, переданные Жозефом де Байем, находятся в фондах Музея человека в Париже (43 ед.) и Британского музея (21 ед.).

В 1950 г. отрядом КАЭ под руководством А. Е. Алиховой на Муранском могильнике и селище было заложено несколько раскопов. В раскопах I и III, примыкавших с западной стороны к раскопам В. Н. Поливанова, было вскрыто 38 мокшанских погребений XIV в. Всего на территории Муранского могильника, по подсчетам А. Е. Алиховой, было захоронено около 5000 человек (Алихова, 1954, с. 260–265).

После сооружения Жигулёвской ГЭС территория Муранского могильника и селища оказалась в зоне затопления Куйбышевского водохранилища и стала недоступна для исследователей. В 2010 г., после резкого снижения уровня воды в Куйбышевском водохранилище, территория Муранского селища и могильника была обследована сотрудниками Самарского областного историко-краеведческого музея Д. А. Сташенковым и А. Ф. Кочкиной. Исследователями были зафиксированы участки с сохранившимся культурным слоем и собран разнообразный подъёмный материал, датируемый второй половиной XIII–XIV вв. (Сташенков, Кочкина, 2013, с. 254). Судя по многочисленным нумизматическим находкам, расцвет памятника пришёлся на 1340–1350-е гг., а в начале 1360-х гг. поселение приходит в упадок (Пачкалов, 2018, с. 714).

Муранское селище представляет собой остатки крупного торгово-ремесленного центра золотоордынской эпохи. На этом поселении жили и трудились ремесленники различных специальностей – металлурги, кузнецы, плотники, ювелиры. Особого внимания заслуживает факт обнаружения в Муранском могильнике в 1900 г. двух каменных литейных форм, служивших для отливки «подвесок» и «круглых блях» (Журнал XXV-го заседания…, 1901, с. 45).

Материалы Муранского могильника были в числе первых поступлений, переданных В. Н. Поливановым в дар музею Симбирской губернской учёной архивной комиссии в августе 1895 г. В 1898 г. ИАК передала в музей археологические материалы, которые были

найдены на Муранском могильнике лесничим Желватых: пулокерь, десять металлических подвесок, бронзовый браслет, перстень и бусину (Журнал XVI-го заседания…, 1898, с. 3, 12). В 1900 г. от ИАК поступило 160 предметов (бусы, серьги, браслеты, подвески, топоры, горшки и т.д.) – инвентарь 130 погребений, исследованных В. Н. Поливановым в 1898 г. (Журнал XXIV заседания…, 1901, с. 42). Большую коллекцию материалов раскопок Муранского могильника 1900 г. ИАК передала в 1902 г. (Отчёт о деятельности…, 1903, с. 10). Все эти поступления позволили создать в музее отдел муранских древностей, в котором насчитывалось более 550 экспонатов (Каталог…, 1905, с. 31–34).

Материалы Муранского могильника также хранились в частном музее В. Н. Поливанова, основанном в 1890 г. в родовом имении в с. Акшуат Корсунского уезда (Александров, 1909, с. 6–7). Всего в каталоге коллекции акшуатского музея В. Н. Поливанова перечислено 115 находок из Муранок. Особо следует отметить хранившиеся в музее единичные находки: образок с греческой надписью, каменную литейную форму, пернач (булаву), а также каменную плиту с мусульманского Муранского могильника.

В ноябре 1918 г. из бывшего имения В. Н. Поливанова в Симбирск было доставлено 19 ящиков, в которых находилась большая часть его коллекции (Акт № 1 от 13.11.1918 г.). Экспонаты поступили в объединённый Народный музей, который в 1932 г. приобрёл статус и название Краеведческого. По сохранившейся описи сложно установить точное количество переданных в музей археологических материалов, т. к. они описаны суммарно: «пачка листов с рисунками раскопок Муранского могильника», «коллекция археологических вещей из Муранского могильника (серьги, браслеты на картонной доске)», «ящик с археологическими вещами раскопок Муранского могильника», «коробка с образцами раскопок Муранского могильника».

По кратким записям, сделанным в «Книгах поступлений» УОКМ, удалось выявить около 400 музейных предметов, происходящих из Муранского могильника – материалы раскопок 1895, 1898, 1900 и 1902 гг. Многие из хранившихся в музее экспонатов в 1930-е – 1970-е гг. были списаны и безвозвратно утрачены. Однако некоторые из списанных предметов всё же сохранились, хотя и оказались депаспортизированы – утратили первоначальные музейные номера, что затрудняет их идентификацию. Записи в музейных «Книгах поступлений», планомерное ведение которых ведется лишь с 1940-х гг., как правило, кратки и малоинформативны.

Единственным обобщающим исследованием, посвященным Муранскому могильнику, остается статья А. Е. Алиховой, в которой опубликованы результаты раскопок 1950 г. и рассмотрены археологические материалы из собрания Государственного исторического музея (Алихова, 1954, с. 259–301). Археологические коллекции В. Н. Поливанова, хранящиеся в УОКМ, до настоящего времени не введены в научный оборот и практически не известны среди специалистов.

Характерным мокшанским украшением, представленным в материалах Муранского могильника, являются накосники-пулокери. Накосники Муранского могильника имеют вид длинных, сужающихся к концу трубок из луба, внутри которых находится прядь волос, приложенных к круглой палочке и обмотанных ремешком и шнуром. Снаружи трубка плотно, виток к витку, обмотана тонким ремешком (Алихова, 1954, с. 272). В фондах музея удалось выявить 16 накосников-пулокерей из Муранского могильника. Они были списаны ещё в 1937 г., но, тем не менее, сохранились в музейной коллекции.

Наиболее многочисленную категорию находок, происходящих из женских погребений Муранского могильника, составляют серебряные и бронзовые сюльгамы. А. Е. Алихова выделила основные формы сюльгам, характерных для мокшанских могильников XIV в., в том числе и Муранского: сюльгамы с плоскими широкими треугольными лопастями, нередко орнаментированные зернью, сканью, нарезным или черневым узором (рис. 1: 3–7); сюльгамы с утолщенными плоско-выпуклыми лопастями подпрямоугольной формы с орнаментом насечками и сюльгамы с утолщенными двускатными лопастями, часто с нарезным орнаментом близ дужки на плоской части лопасти (рис. 1: 1, 2) (Алихова, 1954, с. 272). Кольцевые застежки, являющиеся характерным эрзянским украшением, среди материалов Муранского могильника сравнительно немногочисленны (рис. 1: 8).

К числу редких находок относятся застежки в форме диска с отверстием в середине (рис. 1: 9). Диаметр застежки – 34 мм, диаметр отверстия – 12 мм. Булавка утрачена. По краям застежка украшена сканью и примыкающими к ней треугольниками из зерни. Аналогичные застежки известны среди материалов муран-

Рис. 1. Застёжки из Муранского могильника.
Fig. 1. Clasps from the Muran burial ground.

ской коллекции, хранящейся в ГИМе (ГИМ 40093/50, 40093/51). Встречаются они и в других синхронных мордовских могильниках, например, Пичпандинском (ГИМ 37752/40).

Небольшие проволочные кольца с несомкнутыми концами, по наблюдению А. Е. Алиховой, располагались в женских погребениях по одному с каждой стороны черепа или только с одной стороны (Алихова, 1954, с. 273). Диаметр кольца с загнутым концом из коллекции УОКМ равен 18 мм, толщина проволоки – 1,6 мм (рис. 2: 3). В материалах Муранского могильника также представлены серьги в виде знака вопроса, характерные для золотоордынского времени (Алихова, 1954, с. 273).

В муранской коллекции В. Н. Поливанова представлено большое количество стеклянных и каменных бус и подвесок. Имеются в коллекции и фаянсовые бусы. Сохранившиеся в музейном собрании низки бус (рис. 2: 1), вероятно, сборные, т.е. происходят из различных погребальных комплексов.

Подвески-амулеты из небольших костей или зубов животных чаще встречались в женских и детских погребениях. Один из подобных амулетов представляет собой клык хищного животного, заключенный в серебряную оправу со сканью по краям (рис. 2: 2). Высота амулета 28 мм, размеры оправы 12×9 мм. Аналогичный амулет, также происходящий из Муранского могильника, представлен в собрании ГИМа (ГИМ 101110/176).

Привеска прямоугольной формы с прорезью в середине, украшенная выступами округлой формы по краям лицевой стороны, имеет следующие размеры: высота – 25,3 мм, ширина – 15 мм (рис. 2: 4). В описях ГИМа идентичные находки из Муранок обозначены как бляшки (ГИМ 20435, 20436).

Рис. 2. Различные находки из Муранского могильника.
Fig. 2. Various finds from the Muran burial ground.

В материалах Муранского могильника наперстки присутствуют как единичные находки. Привеска-наперсток происходит из раскопок 1900 г. (Алихова, 1954, рис. 17: 35). Серебряный наперсток со вставкой из зеленоватого непрозрачного стекла был обнаружен при раскопках 1898 г. (рис. 2: 5). Высота наперстка 18 мм, диаметр основания – 15 мм. Тулово украшено сканью и треугольниками из зерни.

К числу депаспортизированных музейных предметов относится круглая литая накладка диаметром 20 мм с изображением животного (возможно, грифона), выполненным в невысоком рельефе (рис. 2: 6). К кожаной основе накладка крепилась с помощью двух штифтов. Фигура животного показана в профиль, с повернутой назад головой, поднятой вверх лапой и вскинутым над спиной хвостом, оканчивающимся пальметтой. Кожаный пояс с идентичными накладками был обнаружен В. Н. Поливановым в 1891 г. в погребении 79 (Поливанов, 1896, с. 23, рис. 17). Аналогичная накладка известна среди материалов, происходящих с Болгарского городища (Полякова, 1996, рис. 67: 3).

Сохранилось пять фрагментов кожаного ремня с бронзовыми штампованными накладками фигурной формы размером 22×12 мм и 20×12 мм. Ширина кожаной основы 23–26 мм, толщина – 3 мм.

Для Муранского могильника характерны серебряные перстни с объемными щитками различной формы, украшенными штампованным (рис. 3: 6), нарезным (рис. 3: 8), черневым орнаментом (рис. 3: 4, 5, 9), также вставками (рис. 9: 2, 3). По конструктивным особенностям щитка перстни разделены А. Е. Алиховой на три группы: массивнощитковые, пластинчатощитковые и расширенносрединные (Алихова, 1954, с. 279). Перстни первой группы имеют объемный щиток, припаянный к пластинчатой шинке, поверх несомкнутых концов (рис. 3: 2–6). Для пластинчатощитковых перстней характерен щиток в виде тонкой пластинки, припаянный к шинке (рис. 3: 1). У расширенносрединных перстней щиток и шинка составляют одно целое (рис. 3: 8, 9).

Рис. 3. Перстни из Муранского могильника.
Fig. 3. Rings from the Muran burial ground.

Форма щитков разнообразна: круглая, овальная, квадратная, прямоугольная, фигурная.

Перстень с объемным щитком в форме шестилепестковой розетки, окаймленной сканой проволокой, происходит из раскопок 1898 г. (рис. 3: 2). На каждом из лепестков напаян шарик, заключенный в колечко. В центре щитка имеется вставка бирюзового цвета, изготовленная, вероятно, из стенки поливного сосуда. Общая высота перстня 29 мм, ширина – 23 мм. Ширина шинки – 6 мм. Диаметр щитка – 21 мм.

Второй перстень с щитком фигурной формы и вставкой происходит из раскопок В. Н. Поливанова 1900 г. (рис. 3: 3). Высота перстня 26 мм, ширина – 22,5 мм, щиток – 17,5×17 мм.

Одним из распространенных элементов орнамента, характерных для перстней из Муранского могильника, является крест. «Процветший» или «пылающий» крест представлен на перстнях с объемными щитками фигурной (рис. 3: 4) и прямоугольной (рис. 3: 5) формы. У обоих перстней контур рисунка заполнен чернью. Размеры первого перстня: 25×22 мм, щиток – 16×16 мм. Второй перстень имеет следующие размеры: 25,5×23,5 мм, щиток – 16,3×18 мм. Перстень с прямоугольным щитком украшен четырехконечным крестом, с отходящими от него языками пламени (рис. 3: 5). Идентичный рисунок имеется на перстне из Барбашинского могильника (Сташенков, Кочкина, 2008, рис 13: 3).

Перстень с квадратным щитком украшен штампованным орнаментом в виде четырехконечного креста, по углам которого размещены четырехлепестковые розетки (рис. 3: 6). Высота перстня 23 мм, ширина – 24 мм, основание щитка – 14,6×16 мм.

Среди материалов Муранского могильника известно не менее 10 экземпляров перстней с овальными щитками, украшенными крупной зернью, расположенной крестообразно

(Алихова, 1954, рис. 8: 20). На концах креста часто бывают помещены более крупные шарики. Промежутки между концами креста заполнены орнаментом из мелкой зерни. Край щитка украшен сканью. Перстень из раскопок 1900 г. (рис. 3: 1) имеет следующие размеры: 25×22 мм. Размеры щитка – 25×22 мм. Ширина шинки 5 мм.

В технике скани выполнен перстень с полусферическим выступом в центре, вокруг которого располагаются пять завитков из напаянных узких цилиндров (рис. 3: 7). Высота перстня – 24,5 мм, ширина – 21,7 мм, щиток – 18,5×19,5 мм, ширина шинки 5 мм.

Перстень с нарезным изображением «узла счастья» в центре композиции имеет следующие размеры: 22,5×24 мм, щиток – 17,8×18 мм (рис. 3: 8).

Для Муранского могильника характерны перстни с орнаментом в виде завитков, выходящих из углов или стенок квадратных или прямоугольных рамок. Закругленные части завитков сходятся в центре щитка. У одного из перстней завитки выходят из двух противоположных стенок квадрата (рис. 3: 9). С двух других сторон имеются небольшие выступы. Орнамент выполнен нарезной линией, поверх которой наложена чернь. Высота перстня 21 мм, ширина – 22 мм, размеры щитка 11,2×12 мм, ширина шинки 3,5 мм.

В фондах музея сохранился фрагмент каменной двухсторонней формы, служившей для отливки свинцовых грузиков грибовидной формы. Её размеры – 52×42×20 мм. Диаметр готового изделия составлял 25 мм, диаметр канала – 7 мм. В музейной «Книге поступлений» информация о происхождении литейной формы отсутствует. Однако на литейной форме сохранилась бумажная этикетка с более ранним номером – 22. В каталоге коллекции Акшуатского музея В.Н. Поливанова среди материалов, происходящих из Муранского могильника, под номером 22 числится «формочка каменная для отливки украшений» (Александров, 1909, с. 7).

В статье рассмотрена лишь небольшая часть коллекции материалов Муранского могильника, хранящейся в Ульяновском областном краеведческом музее. Изучение коллекции фактически только начато. Несмотря на то, что многие находки оказались депаспортизированы, в целом коллекция не утратила научной значимости. Особую ценность материалы Муранского могильника могут представлять для изучения истории материальной культуры народов Среднего Поволжья.

ЛИТЕРАТУРА

Александров П.А. Каталог музея Владимира Николаевича Поливанова в селе Акшуате Корсунского уезда Симбирской губернии. Симбирск: Губернская типография, 1909. 51 с.

Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 259–301.

Длужневская Г.В. Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЛЕМА, 2014. 218 с.

Журнал XVI-го заседания СГУАК. 13 мая 1898 года. Симбирск: Губернская типография, 1898. 12 с.

Журнал XVII-го заседания СГУАК. 8 августа 1898 года. Симбирск: Губернская типография, 1899. 16 с.

Журнал XXIV заседания СГУАК. 30 марта 1900 года // Отчёт о деятельности СГУАК за 1900 год. Симбирск: Типо-литография А. Т. Токарева, 1901. С. 35–43.

Журнал XXV-го заседания СГУАК. 19 июня 1900 года // Отчёт о деятельности СГУАК за 1900 год. Симбирск: Типо-литография А. Т. Токарева, 1901. С. 44–48.

Журнал 31 заседания СГУАК. 28 июня 1902 года // Отчёт о деятельности СГУАК за 1902 год. Симбирск: Типо-литография А. Т. Токарева, 1903. С. 35–40.

Каталог музея Симбирской губернской ученой архивной комиссии. Симбирск: Губернская типография, 1905. 51 с.

Отчет о деятельности СГУАК за 1899 год. Симбирск: Губернская типография, 1900. 58 с.

Отчёт о деятельности СГУАК за 1902 год. Симбирск: Типо-литография А. Т. Токарева, 1903. 51 с.

Пачкалов А.В. Город XIV в. на Самарской Луке по данным нумизматики // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 4. С. 707–718.

Поливанов В. Н. Муранский могильник. М.: Т-во А. А. Левенсон, 1896. 42 с. илл.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. Казань: Изд-во ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1996. С. 154–268.

Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Ред., сост. А.Е. Мусин, Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1312 с.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Саратов: Новый ветер, 2008. 200 с: ил.

Сташенков Д А., Кочкина А.Ф. Муранское селище – памятник золотоордынского времени на реке Усе (к истории изучения и новые материалы) // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. ред. А.В. Богачёв. Самара: Альфа-Порте, 2013. С. 248–276.

Информация об авторе:

Гисматулин Марат Рашитович, старший научный сотрудник, Ульяновский областной краеведческий музей имени И. А. Гончарова (г. Ульяновск, Россия); gismatu@yandex.ru

REFERENCES

Aleksandrov, P. A. 1909. *Katalog muzeia Vladimira Nikolaevicha Polivanova v sele Akshuate Korsunskogo uezda Simbirskoi gubernii (Catalogue of the Museum of Vladimir Nikolaevich Polivanov in Akshuate Village, Korsunsky District, Simbirsk Province)*. Simbirsk: Provincial Printing House (in Russian).

Alikhova, A. E. 1954. In Smirnov, A.P. (ed.). *Trudy Kuibyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Kuibyshev Archaeological Expedition)* I Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Proceedings and Research in the USSR Archaeology of the USSR) 42. Moscow: "Nauka" Publ., 259-301 (in Russian).

Dluzhnevskaya, G. V. 2014. *Arkheologicheskie issledovaniia v Evropeiskoi chasti Rossii i na Kavkaze v 1859–1919 gg. (po dokumentam Nauchnogo arkhiva Instituta istorii material`noi kul`tury` RAN) (Archaeological Studies in the European Part of Russia and the Caucasus in 1859–1919 (According to the Documents of the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences))*. St. Petersburg: LEMA (in Russian).

1898. *Zhurnal XVI-go zasedaniia Simbirskoi gubernskoi uchenoi arkhivnoi komissii. 13 maia 1898 goda (Journal of the 16th Meeting of the Simbirsk Governorate Scientific Archive Commission. May 13, 1898).* Simbirsk: "Simbirsk provincial printing" Publ. (in Russian).

1899. *Zhurnal XVII-go zasedaniia Simbirskoi gubernskoi uchenoi arkhivnoi komissii. 8 avgusta 1898 goda* (*Journal of the 17th Meeting of the Simbirsk Governorate Scientific Archive Commission. August 8, 1898).* Simbirsk: "Simbirsk provincial printing" Publ. (in Russian).

In 1901. *Otchet o deiatel'nosti Simbirskoi gubernskoi uchenoi arkhivnoi komissii za 1900 god (Report on the Activities of Simbirsk Governorate Scientific Archive Commission for 1900)*. Simbirsk: "A. T. Tokarev" Publ., 35–43 (in Russian).

In 1901. *Otchet o deiatel'nosti Simbirskoi gubernskoi uchenoi arkhivnoi komissii za 1900 god (Report on the Activities of Simbirsk Governorate Scientific Archive Commission for 1900)*. Simbirsk: "A. T. Tokarev" Publ., 44–48 (in Russian).

In 1903. *Otchet o deiatel'nosti Simbirskoi gubernskoi uchenoi arkhivnoi komissii za 1902 god (Report on the Activities of Simbirsk Governorate Scientific Archive Commission for 1902)*. Simbirsk: "A. T. Tokarev" Publ., 35–40 (in Russian).

1905. *Katalog muzeia Simbirskoi gubernskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Catalog of the Museum of the Simbirsk Governorate Scientific Archive Commission).* Simbirsk: "Gubernskaia tipografiia" Publ. (in Russian).

1900. *Otchet o deiatel'nosti Simbirskoi gubernskoi uchenoi arkhivnoi komissii za 1899 god (Report on the Activities of Simbirsk Governorate Scientific Archive Commission for 1899)*. Simbirsk: "Gubernskaia tipografiia" Publ. (in Russian).

1903. *Otchet o deiatel'nosti Simbirskoi gubernskoi uchenoi arkhivnoi komissii za 1902 god (Report on the Activities of Simbirsk Governorate Scientific Archive Commission for 1902)*. Simbirsk: "A. T. Tokarev" Publ. (in Russian).

Pachkalov, A. V. 2018. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 6 (4). 707–718 (in Russian).

Polivanov, V. N. 1896. *Muranskii mogil'nik (Muran Burial Ground)*. Moscow: "A. A. Levenson" Publ. (in Russian).

Polyakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 154–268 (in Russian).

In Musin, A. E., Nosov, E. N. (eds.). 2009. *Imperatorskaia Arkheologicheskaia Komissiia (1859–1917): K 150-letiiu so dnia osnovaniia. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediia (The Imperial Archaeological Commission (1859–1917) To the 150th Anniversary of Foundation at the Source of the National Archaeology and Preservation of the Cultural Heritage)*. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).

Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. 2008. *Boris Aleksandrovich Latynin. Samarskii period zhizni (Boris Aleksandrovich Latynin. Samara Period).* Saratov: "Novyi veter" Publ. (in Russian).

Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. 2013. In Bogachev, A. V. (ed.). *Srednevekov'e. Velikoe pereselenie narodov (po materialam arkheologicheskikh pamiatnikov Samarskoi oblasti) (The Middle Ages. The Great Migration of Peoples (according to the archeological sites of Samara region))*. Samara: "Samara Archaeological Society", 248–276 (in Russian).

About the Author:

Gismatulin Marat R., Ulyanovsk Regional Museum of Local Lore named after I. A. Goncharov, Novy Venets Bd., 3/4, Ulyanovsk, 432017, Russian Federation; gismatu@yandex.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 572. 08 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.190.195

КРАНИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА САМАРСКОЙ ЛУКИ «ЖИГУЛИ – I» (САМАРСКАЯ ОБЛАСТЬ, СТАВРОПОЛЬСКИЙ РАЙОН)

© 2022 г. И.Р. Газимзянов, А.А. Хохлов

В статье приводятся результаты краниологического анализа серии черепов золотоордынского некрополя «Жигули – I» Самарской Луки. На основе исследования 25 мужских и 16 женских черепов серия суммарно характеризуется как европеоидная. Внутригрупповой анализ серии выявил ее неоднородность. Морфологические особенности черепов отражают следы смешения между различными типично европеоидными группами и коренным населением лесостепей поволжско-уральского региона. В облике последних проявляется сочетание европеоидных и монголоидных физических особенностей, которое сформировалось до ордынской эпохи. Сравнительный анализ всех золотоордынских серий Самарской Луки и прилегающих к ней районов показал, что население данного региона было антропологически разнородным. В его составе выявляются как группы резко европеоидного и монголоидного облика (Березовский могильник и сборная серия по средневековым кочевникам Среднего Поволжья), так и группы смешанного типа. К последним, в целом, можно отнести черепа из могильника «Жигули – I».

Ключевые слова: могильник «Жигули – I», Самарская Лука, Золотая Орда, антропологический состав.

CRANIOLOGICAL CHARACTERISTICS OF ANTHROPOLOGICAL MATERIALS FROM THE BURIALS OF ZHIGULI-I SUBSOIL BURIAL GROUND IN SAMARA LUKA (SAMARA OBLAST, STAVROPOLSKY DISTRICT)

I.R. Gazimzyanov, A.A. Khokhlov

The paper features the results of craniological analysis of a series of skulls of the Golden Horde necropolis "Zhiguli – I" of Samara Luka. Based on the study of 25 male and 16 female skulls, the series is collectively characterized as europeoid. Intra-group analysis of the series revealed its heterogeneity. The morphological features of the skulls reflect traces of intermixing of various typically europeoid groups and the indigenous population of the forest-steppe of the Volga-Ural region. The appearance of the latter reveals a combination of europeoid and mongoloid physical features, which formed before the Horde period. A comparative analysis of all the Golden Horde series from Samara Luka and the adjacent areas showed that the population of this region was anthropologically heterogeneous. Its composition includes both groups of sharply europeoid and mongoloid appearance (Berezovsky burial ground and a collective series on medieval nomads of the Middle Volga region) and groups of a mixed type. The latter, in general, include skulls from Zhiguli–I burial ground.

Keywords: Zhiguli–I burial ground, Samara Luka, Golden Horde, anthropological composition.

В 2021 на северо-западной оконечности Самарской Луки (Самарская обл., Ставропольский р-н) отрядом ГБУК «Наследие» под руководством В.А.Цибина и А.С.Попова было раскопано 108 погребений. Могильник, получивший по близкому населенному пункту название «Жигули - I», датирован авторами раскопок золотоордынским временем и, видимо, относится к сельскому населению, исповедовавшего ислам.

В наше распоряжение поступили антропологические материалы этого грунтового некрополя. В данной работе мы представляем их краниологическую часть. Серия представлена 25 мужскими и 16 женскими черепами, в основном, хорошей сохранности.

Мужские черепа суммарно характеризуются малым продольным, большим поперечным и средним высотным диаметрами черепной коробки (табл. 1). По черепному указателю серия относится к категории брахикранных. Развитие макрорельефа в области лба и затылка оценивается как умеренное. Лобная кость средней ширины и имеет к линии профиля средний наклон. Лицевой отдел среднеширокий и средневысокий, по лицевому указате-

лю мезен. Орбиты средневысокие. Носовое отверстие по абсолютным размерам среднее. По углам горизонтальной профилировки лица отмечается его небольшая уплощенность на уровне орбит и резкая – на уровне скул. В вертикальной проекции серия мезогнатная, характеризуется некоторым прогнатизмом альвеолярной части. Переносье, при средней ширине, высокое, по симотическому указателю – средне профилировано. Угол выступания носа над линией профиля лица средний, но несколько ниже, чем на европеоидных черепах. Клыковая ямка неглубокая. Нижний край грушевидного отверстия в более половины случаев (52.0%) имеет заостренную форму.

Таким образом, серию в целом можно отнести к европеоидному типу, но с нерезко выраженными признаками, что подразумевает на наличие в ней небольшой монголоидной примеси, которая выступает в группе дисперсно (слабое выступание носа, уплощенность лицевого скелета и т.д.) и редко в комплексе.

Таблица 1. Средние краниометрические параметры черепов могильника «Жигули–I»
Table 1. Average Craniometrics Parameters of the Skulls from Zhiguli–I burial ground

Признаки	Мужские			Женские		
	N	X	S	N	X	S
1. Продольный диаметр	25	176.9	4.89	16	170.8	**6.99**
8. Поперечный диаметр	24	145.2	**6.91**	16	137.8	**6.07**
17. Высотный диаметр	24	136.6	**5.43**	16	128.9	**6.00**
5. Длина основания лица	24	103.2	4.24	16	97.3	**4.56**
9. Наименьшая ширина лба	25	95.8	4.33	16	93.6	2.31
45. Скуловой диаметр	23	134.9	3.44	15	124.8	4.54
40. Длина основания лица	24	101.0	**5.91**	16	91.6	5.00
48. Верхняя высота лица	25	71.9	**4.89**	16	65.5	**4.19**
43. Верхняя ширина лица	25	106.3	3.17	16	100.6	2.56
46. Средняя ширина лица	25	97.8	4.78	15	92.6	3.36
55. Высота носа	25	52.9	2.72	16	48.9	2.77
54. Ширина носа	25	25.1	1.68	16	25.0	1.35
51. Ширина орбиты	25	43.0	1.72	16	40.3	1.66
52. Высота орбиты	25	33.6	**2.44**	16	32.1	1.79
20. Ушная высота	22	113.8	**4.72**	15	108.4	**5.49**
77. Назомалярный угол	25	141.0	4.10	16	140.8	**5.16**
Zm. Зигомаксиллярный угол	25	124.4	5.62	14	127.3	4.06
SS. Симотическая высота	22	4.3	1.02	14	4.2	**1.16**
SC. Симотическая ширина	23	8.7	1.63	14	9.0	1.91
DS. Дакриальная высота	22	12.2	1.51	12	10.9	0.87
DC. Дакриальная ширина	24	21.6	1.59	13	20.9	1.81
Глубина клыковой ямки	25	4.2	**1.56**	16	3.8	**1.73**
32. Угол профиля лба	24	81.5	**4.77**	16	83.8	**5.13**
72. Общий лицевой угол	24	82.7	3.11	16	85.1	**3.26**
74. Альвеолярный угол лица	24	71.9	5.38	16	73.5	5.57
75(1). Угол выступания носа	22	26.6	**6.91**	12	26.2	**7.09**
8:1. Черепной указатель	24	82.2	**4.76**	15	80.7	3.91
17:1. Высотно-прод-ый ук-ль	24	77.1	2.75	16	75.5	2.57
17:8. Высотно-попер-ый ук-ль	23	94.1	**5.39**	16	93.7	**5.57**
9:8. Лобный указатель	24	66.3	**4.23**	16	68.0	3.09
40:5. Ук-ль выступания лица	24	97.8	2.95	16	94.2	3.96
48:45. Верхнелицевой ук-ль	23	53.5	3.77	15	52.3	2.58
54:55. Носовой указатель	25	47.5	3.27	16	51.2	3.05
52:51. Орбитный указатель	25	78.4	**5.86**	16	79.8	**5.57**
SS:SC. Симотический ук-ль	22	49.9	7.51	14	46.7	9.18
DS:SS. Дакриальный ук-ль	22	56.7	7.48	12	52.9	7.03
Надпереносье (1 - 6)	25	2.8	0.75	16	1.6	0.25
Надбровные дуги (1 - 3)	25	2.0	0.29	16	1.3	0.24
Затылочный бугор (0 - 5)	25	2.3	0.84	16	1.4	0.33
Передне-носовая кость (1-5)	22	3.0	0.94	15	2.3	0.53
Нижний край носового отверстия (Antr. %)	25	52.0	-	16	87.4	-

Примечание: жирным шрифтом выделены значения, превышающие стандартные

Женская выборка, с учетом полового диморфизма, по суммарной характеристике близка к мужской. При этом следует отметить, что женские черепа в среднем выглядят более узколицыми и имеют более узкие орбиты, большее в среднем выступание носовых костей. В женской группе, как и в мужской, также отмечается монголоидная примесь, но ее доля несколько ниже.

Повышенная изменчивость ряда некоторых важных признаков, а также визуальное впечатление определяют морфологическую неоднородность серии, которая, возможно, отражает формирование группы, ее физического облика на многокомпонентной основе.

Для проверки данного предположения, мы разделили мужскую совокупность черепов на группы, различающие по черепному указателю и углу выступания носа, признакам, по которым отмечаются завышенные показатели квадратических уклонений (табл. 2).

Сравнение мезо-долихокранной группы мужских черепов с брахикранной показывает, что они практически (исключая размеры, определяющие форму головы) идентичны по краниотипу. Небольшие различия, правда, не имеющие статистической достоверности, выступают по верхней высоте лица, высоте носа и орбит. По этим признакам брахикранная группа имеет более высокое лицо и, соответственно, высокий нос, высокие орбиты. Следует также отметить, что брахикранные черепа в среднем менее профилированы в горизонтальной проекции и имеют более слабое выступание носовых костей. При общей европеоидной основе, в брахикранной выборке монголидная примесь, пусть и незначительно, но более выражена, чем в долихомезокранной группе черепов.

В какой-то мере, этот тезис находит подтверждение и при сравнении мужских групп, выделенных по степени выступания носовых костей к линии профиля. Так в серии, где объединены мужские черепа с небольшим углом выступания носа, доминирует резко брахикранный компонент с менее профилированным лицом. По остальным признакам обе группы морфологически близки.

Таблица 2. Сравнительный анализ мужских групп, выделенных по черепному указателю и углу выступания носа
Table 2. Comparative Analysis of Male Groups Identified by the Cranial Index and the Nose Protrusion Angle

Признак	X (n) < 80.0 (8:1)	X (n) > 80.0 (8:1)	X (n) < 25.0 (75/1)	X (n) > 25.0 (75/1)
1.	180.3 (9)	174.5 (15)	177.8 (10)	176.6 (12)
8.	139.7 (9)	148.5 (15)	147.0 (9)	143.0 (12)
8:1.	77.5 (9)	85.1 (15)	83.0 (9)	81.0 (12)
17.	135.8 (9)	136.6 (14)	135.5 (10)	136.7 (11)
9.	96.4 (9)	95.8 (15)	95.1 (10)	96.2 (12)
45.	134.1 (9)	135.5 (14)	134.8 (9)	135.6 (11)
48.	70.0 (9)	73.2 (15)	70.5 (10)	71.9 (12)
48:45.	52.3 (9)	54.4 (14)	52.3 (9)	53.4 (11)
55.	51.9 (9)	53.5 (15)	52.5 (10)	52.5 (12)
54.	25.1 (9)	25.1 (15)	25.5 (10)	24.9 (12)
54:55.	48.3 (9)	46.9 (15)	48.7 (10)	47.4 (12)
51.	42.8 (9)	43.2 (15)	42.4 (10)	43.7 (12)
52.	32.4 (9)	34.6 (15)	33.5 (10)	33.5 (12)
52:51.	75.6 (9)	80.2 (15)	78.9 (10)	76.6 (12)
77.	140.2 (9)	141.6 (15)	141.9 (10)	140.7 (12)
Zm.	123.8 (9)	125.3 (15)	126.8 (10)	123.1 (12)
SS.	4.1 (9)	4.5 (12)	4.1 (10)	4.5 (12)
SS:SC.	50.5 (9)	49.0 (12)	50.8 (10)	53.0 (12)
DS.	13.1 (9)	11.5 (12)	11.7 (10)	12.6 (12)
DS:DC.	60.8 (9)	54.0 (12)	52.9 (10)	59.9 (12)
FC.	4.3 (9)	4.1 (15)	4.2 (10)	4.2 (12)
32.	82.6 (9)	80.9 (15)	81.7 (9)	81.6 (12)
72.	81.3 (9)	83.5 (12)	82.0 (9)	82.7 (12)
74.	70.7 (9)	72.7 (15)	69.3 (9)	73.3 (12)
75(1).	28.1 (9)	26.1 (15)	20.2 (10)	32.0 (12)
Antr. % (n)	44.4 (9)	59.9 (15)	30.0 (10)	66.7 (12)

Таблица 3. Средние краниометрические показатели мужских серий золотоордынского времени с территории Самарской области
Table 3. Average Craniometric Indicators of the Male Series of the Golden Horde Period from the Territory of Samara Oblast

Признак	1	2	3	4	5	6	7
1.	176.9 (25)	183.1 (47)	174.4 (5)	186.3 (15)	184.1 (14)	180.4 (5)	178.9 (10)
8.	145.2 (24)	139.5 (47)	134.2 (5)	137.6 (14)	133.9 (14)	142.4 (5)	150.4 (10)
8:1.	82.2 (24)	76.3 (47)	76.9 (5)	74.2 (14)	72.6 (14)	79.2 (5)	84.1 (10)
17.	136.6 (24)	137.6 (47)	130.6 (5)	133.3 (13)	136.1 (14)	131.0 (5)	132.5 (10)
9.	95.8 (25)	96.5 (46)	94.0 (6)	97.1 (15)	97.1 (14)	95.8 (5)	97.1 (13)
45.	134.9 (23)	132.9 (46)	126.8 (5)	132.6 (9)	129.1 (14)	137.4 (5)	143.3 (9)
48.	71.9 (25)	70.4 (46)	70.8 (6)	69.7 (11)	69.3 (13)	72.5 (4)	75.5 (11)
48:45.	53.5 (23)	52.9 (44)	55.9 (5)	51.8 (9)	53.6 (13)	53.1 (4)	52.5 (9)
54.	25.1 (25)	25.3 (45)	24.3 (6)	25.5 (11)	24.9 (13)	26.0 (4)	25.7 (11)
55.	52.9 (25)	51.6 (43)	51.2 (6)	50.5 (11)	49.9 (13)	54.3 (4)	55.4 (11)
54:55.	47.5 (25)	48.9 (43)	47.7 (6)	50.7 (11)	49.9 (13)	48.1 (4)	47.1 (11)
51.	43.0 (25)	41.8 (43)	42.3 (6)	41.6 (10)	41.2 (13)	43.3 (4)	42.8 (11)
52.	33.6 (25)	31.8 (43)	34.6 (6)	32.5 (11)	31.5 (13)	33.5 (4)	34.6 (11)
52:51.	78.4 (25)	76.0 (43)	81.7 (6)	78.1 (10)	76.4 (13)	77.7 (4)	80.8 (11)
77.	141.0 (25)	138.1 (47)	136.1 (6)	137.1 (10)	137.5 (14)	141.9 (4)	145.0 (12)
Zm.	124.4 (25)	128.7 (44)	126.1 (6)	131.2 (5)	123.3 (11)	128.7 (4)	131.8 (11)
SS:SC.	49.9 (22)	46.8 (42)	57.4 (6)	41.0 (9)	46.6 (13)	49.0 (4)	54.9 (12)
DS:DC.	56.7 (22)	52.3 (32)	64.1 (6)	52.3 (9)	55.5 (12)	51.3 (4)	48.4 (9)
FC.	4.2 (25)	4.9 (44)	5.4 (6)	5.2 (9)	4.9 (12)	3.6 (4)	4.5 (11)
32.	81.5 (24)	85.9 (41)	82.2 (5)	83.6 (8)	83.0 (13)	78.5 (4)	76.1 (7)
72.	82.7 (24)	87.0 (40)	89.0 (5)	84.8 (9)	84.0 (12)	86.0 (4)	86.0 (7)
74.	71.9 (24)	79.0 (38)	82.2 (5)	77.4 (9)	80.3 (12)	70.3 (4)	78.0 (7)
75(1).	26.6 (22)	29.3 (37)	32.4 (5)	26.0 (9)	26.3 (12)	21.0 (4)	26.8 (11)

1 – могильник «Жигули – I», XIII–XIV вв. (Газимзянов, Хохлов, новые материалы); 2 – Малорязанский могильник, XIII–XIV вв. (Газимзянов, Хохлов, 2018); 3 – Березовский могильник, XIII–XIV вв. (Алексеева, 1958); 4 – Муранский могильник, XIII–XIV вв. (Алексеева, 1959, 1973); 5 – могильник «Барбашина поляна», XIII–XIV вв. (Газимзянов, 2010); 6 – могильник «Максимовка - I», XIII–XIV вв. (Газимзянов, неопубл. мат.); 7 – сборная серия «Средневековые кочевники Среднего Поволжья», X–XV вв. (Газимзянов, 2001).

Таким образом, мы можем констатировать, что население, оставившее грунтовый некрополь «Жигули – I», в антропологическом плане было в целом европеоидным, но с нерезко выраженными чертами. В ее антропологическом составе, при наличие промежуточных по строению черепов, можно выделить два основных варианта: европеоидный, различающийся по форме головы и местный, в широком смысле поволжско-приуральского генезиса. Для последнего характерно сочетание в морфотипе европеоидных и некоторых монголоидных особенностей (ослабленная профилировка лица, небольшое выступание носовых костей). Вместе с тем, следует отметить, что во всех мужских группах, выделенных по отдельным признакам, присутствует, в разной степени выраженности монголоидная примесь. Возможно, данный результат отражает факт давнего смешения между представителями европеоидного типа и «местным» населением, носителями особого поволжско-приуральского физического облика. Этому представлению не противоречит то, что серия морфологически относительно однородна по общему мезоморфному строению лицевого скелета.

Учитывая, что могильник «Жигули - I» изучен не полностью, межгрупповой статистический анализ с привлечением широкого круга данных еще в перспективе. Здесь мы ограничились сравнительным сопоставлением синхронных краниологических материалов с территории Самарского Поволжья, кото-

рые представлены как серийными группами, так и единичными черепами (табл. 3). Эти материалы в разное время были изучены Т.И. Алексеевой и нами (Алексеева: 1958, 1959, 1973; Газимзянов, 2001, 2010; Газимзянов, Хохлов, 2018).

Судя по археологическим данным, материалам изученных 122 памятников Самарского Поволжья эпохи Золотой Орды, население, оставившее их, в этнокультурном плане было неоднородным (Сташенков, Кочкина, 2021). Здесь выделяются памятники, которые по погребальному обряду и поселенческим материалам можно связать с некоторыми отдельными средневековыми этническими группами: Муранское селище и могильник - мордва-мокша, Барбашинский могильник и селище – мордва-эрзя, Сухореченское поселение – болгары, Березовское селище – древнерусское население и т.д. (Васильев, Матвеева, 1986). Имеющиеся в нашем распоряжении краниологические материалы также позволяют сделать вывод, что население края в золотоордынское время было морфологически разнородным, формировалось на основе разных морфологических компонентов, которые, в свою очередь, имели разные генетические истоки. В его антропологическом составе выявляются как группы резко европеоидного облика (серия черепов из Березовского и Малорязанского могильников), так и группы (серия черепов средневековых кочевников Среднего Поволжья) очевидно монголоидного морфотипа южно-сибирского или центрально-азиатского генезиса (Алексеева, 1958; Газимзянов, 2001; Газимзянов, Хохлов, 2018; Сташенков и др., 2021). Однако, численную основу населения региона в XIII–XV вв. составляли группы смешанного физического типа. Среди них преобладал европеоидный компонент при наличии небольшой монголоидной примеси, доля которой, в свою очередь, варьировала. В формировании морфологического облика населения, оставившего грунтовый могильник

«Жигули – I», прослеживаются следы давнего смешения европеоидных групп, различающихся по форме головы, с местным населением, в широком смысле поволжско-приуральских истоков. Именно для этого населения было характерным сочетание европеоидных и некоторых монголоидных особенностей, которые фиксируются в антропологическом составе исследованной нами серии.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Т.И. Черепа из Березовского могильника // Советская антропология. 1958. № 3. С. 85–89.

Алексеева Т.И. Черепа из Муранского могильника // Советская антропология. 1959. № 1. С. 67–79.

Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян (по данным антропологии). М.: Изд-во МГУ, 1973. 330 с.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев (Самара): Куйбышевское книжное изд-во, 1986. 232 с.

Газимзянов И.Р. Население Среднего Поволжья в составе Золотой Орды по данным краниологии (реконструкция этногенетических процессов). Автореф. дис…. канд. истор. наук. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2001. с. 34.

Газимзянов И.Р. Антропология средневекового Барбашинского могильника // Краеведческие записки. Вып. XIV / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Изд-во Сам. обл. историко-краеведческий музей (ООО «Глагол»), 2010. С. 149–172.

Газимзянов И.Р., Хохлов А.А. Антропология средневекового населения Самарского Поволжья по материалам Малорязанского некрополя // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвееевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 282–283.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Материалы к характеристике системы расселения в Самарском Поволжье в золотоордынский период // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 178–192.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф., Турецкий М.А., Газимзянов И.Р., Гасилин В.В., Хохлов А.А. Элитное погребение золотоордынской эпохи в Самарском Поволжье: человек, лошади и культовый комплекс // Stratum plus. 2021. № 5. С. 309–333.

Информация об авторах:

Газимзянов Ильгизар Равильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); g-ilgizar@yandex.ru

Хохлов Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); khokhlov_aa@mail.ru

REFERENCES

Alekseeva, T. I. 1958. In *Sovetskaia Antropologiia* (*Soviet Anthropology*) 3, 85–89 (in Russian).

Alekseeva, T. I. 1959. In *Sovetskaia Antropologiia* (*Soviet Anthropology*) 1, 67–79 (in Russian).

Alekseeva, T. I. 1973. *Etnogenez vostochnykh slavian (po dannym antropologii) (Ethnogenesis of the Eastern Slavs (Based on Anthropological Data)).* Moscow: Lomonosov Moscow State University (in Russian).

Vasil'ev, I. B., Matveeva, G. I. 1986. *U istokov istorii Samarskogo Povolzh'ia (At the Origins of the History of the Samara Volga Region).* Kuibyshev: "Kuibyshevskoe knizhnoe izdatel'sto" Publ. (in Russian).

Gazimzianov, I. R. 2001. *Naselenie Srednego Povolzh'ia v sostave Zolotoi Ordy po dannym kraniologii: Rekonstruktsiia etnogeneticheskikh protsessov. (Population of the Middle Volga Region within the Golden Horde on the basis of Craniological Information: Reconstruction of Ethnogenetic Processes).* Thesis Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Gazimzyanov, I. R.. 2010. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* 14. Samara: "Glagol" Publ., 149–172 (in Russian).

Gazimzyanov, I. R., Khokhlov, A. A.. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21th Urals Archaeological Congress))*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 282–283 (in Russian).

Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. 2021. In *Povolzhskaia arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* 36 (2), 178–192 (in Russian).

Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F., Turetskii, M. A.., Gazimzyanov, I. R., Gasilin, V. V., Khokhlov, A. A. 2021. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 309–333 (in Russian).

About the Athours:

Gazimzyanov Ilgizar R. Candidate of Historical Sciences, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; g-ilgizar@yandex.ru

Khokhlov Aleksandr A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; khokhlov_aa@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.196.203

БЛАГОУСТРОЙСТВО И САНИТАРИЯ В ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДАХ

©2022 г. Э.Д. Зиливинская

В статье рассматриваются различные аспекты благоустройства золотоордынских городов. Археологические данные свидетельствуют о том, что в них были широкие улицы, большие мощеные площади, часто украшенные фонтанами. Система водоснабжения имела различную структуру, в зависимости от природно-климатических условий. В Волжской Болгарии воду добывали из колодцев, в степной зоне существовала система подземных галерей – кяризов и наземных каналов – арыков и водоемов – хаузов. Сточные воды удалялись с помощью дренажных систем и канализации. Важную роль играли санитарно-гигиенические сооружения – общественные и частные бани, мусорные ямы и туалеты. В домах были устроены умывальники – ташнау и ванны. Для эпохи средневековья города в Золотой Орде были хорошо организованы и благоустроены.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, города, благоустройство, улицы, площади, фонтаны, водоснабжение, санитария, бани, выгребные ямы.

AMENITIES AND SANITATION IN GOLDEN HORDE CITIES

E. D. Zilivinskaya

The paper discusses various aspects of the urban amenities of Golden Horde cities. Archaeological evidence suggests that they had wide streets and large paved squares, often decorated with fountains. The water supply system had different structures, depending on the natural and climatic conditions. In Volga Bolgaria, water was extracted from wells, and in the steppe zone there was a system of underground galleries – karezes, surface canals – arycs, and reservoirs - hauzes. Wastewater was removed using drainage systems and sewers. An important role was played by sanitary facilities - public and private bathhouses, garbage pits and toilets. Washbasins – tashnau and baths were arranged in the houses. The cities in the Golden Horde were well organized and developed for the Middle Ages.

Keywords: archaeology, Golden Horde, cities, amenities, streets, squares, fountains, water supply, sanitation, bathhouses, cesspools.

Широкомасштабные раскопки золотоордынских городов ведутся с конца 50-х гг. прошлого века. За это время были изучены многие аспекты существования городов улуса Джучи: этапы их возникновения и развития, своеобразие структуры, состав построек, архитектура зданий, ремесленное производство и торговля, получившие развитие в городах. Однако, специальных работ, посвященных благоустройству золотоордынских городов немного. Прежде всего, это статья В.С. Баранова, в которой рассматриваются многие аспекты благоустройства Болгара (Баранов, 2001). Достаточно подробно проанализирована система водоснабжения таких золотоордынских городищ, как Царевское и Солхат (Савельев, 2012; Крамаровский, Теплякова 2016). Несмотря на некоторую фрагментарность наших знаний, можно попробовать собрать воедино все имеющиеся сведения об элементах городского благоустройства в Золотой Орде.

Известная исследовательница Северного Кавказа Т.М. Минаева в своем очерке о Маджаре писала: «улицы были тесные, узкие, грязные» (Минаева, 1953, с. 138). Так ли это? Здесь явно сказался стереотип восприятия средневекового города. Действительно, в сжатых крепостными стенами городах Западной Европы, Ближнего и Среднего Востока улицы вынужденно делались узкими. Вновь возникшие города Золотой Орды не имели укреплений, поэтому достигали огромных размеров. Например, размеры Селитренного городища оценивались от 10 до 36 кв. км (Егоров, 1985, с. 115), по последним данным площадь его близка к 15 кв. км (Рудаков, 2004, С. 289-296). Даже, если в там действительно проживало 75000 человек, как свидетельствуют письменные источники (Тизенгаузен, 1884, с. 550), места для свободного расположения жилых и общественных построек было достаточно. О том, как формировались первые города в XIII в. нам неизвестно. Г.А. Федоров

Давыдов предположил, что этот процесс был аналогичен возникновению городов в Монголии, где по описаниям Рашид-ад-Дина они возникали как скопление усадеб (Федоров-Давыдов, 1964; 1966; 1983 и др.). Городские слои XIV в. нам известны гораздо лучше, но, несмотря на широкомасштабные исследования, мы до сих пор не имеем полных данных о структуре городов. Можно констатировать лишь, что они имели усадебно-уличный характер застройки, и там отсутствовали кварталы сплошной застройки, характерные для большинства городов Востока. Планировка была достаточно регулярной. На Селитренном городище исследован аристократический квартал, состоящий из жилых и общественных зданий. Первой, вероятно была построена Джума-мечеть, ориентированная на кыблу. В ансамбле с ней возведены общественная баня и здание медресе, стены которых параллельны стенам мечети. Ориентировка четырех больших усадебных домов в этом районе, расположенных на значительном расстоянии от центра, также соответствует ориентировке мечети. Следовательно, эта часть города строилась по единому плану, центром которого являлась Большая мечеть с примыкающими к ней постройками (Зиливинская, 2012). Подобные градостроительные процессы известны и в других мусульманских странах, например в Анатолии, где комплексы куллие создавали необходимую инфраструктуру для формирования новых районов (Кононенко, 2014).

В не стесненных городскими стенами золотоордынских городах улицы могли достигать значительной ширины. Вокруг Джума-мечети на Селитренном городище был раскопан целый квартал города, который позволяет оценить не только архитектуру самих зданий, но и пространство между ними. Здание медресе находилось в 6,0 м от восточной стены мечети. Мечеть и баню, расположенную к северу от ее южной стены, разделяла площадь или улица шириной 11 м (Зиливинская, 2012, с. 162–164). Постройки к западу от мечети располагались в 15 м от нее. В Маджаре В.А. Городцов раскопал участок улицы, разделяющей усадьбы (Городцов, 1911, с. 197–198). Улица представляла собой «долину», по обеим сторонам которой располагались остатки построек. Разрез улицы показал, что она имела ширину чуть более 3,5 м и была с двух сторон ограничена глинобитными валами, которые являлись дувалами усадеб. В Болгаре раскопан участок торговой улицы с лавками, ведущей к с северо-востока к зданию базара. Ширина ее 12 м (Бадеев, 2015, с. 202–203).

В степной зоне, где выпадает относительно мало осадков, улицы не мостились, только в отдельных местах встречаются вымостки из обломков обожженных кирпичей. В Маджаре раскопками последних лет вскрыта часть улицы, вымощенная кирпичом. Длина вымостки около 5 м. Иная ситуация наблюдается в Болгаре, стоящем на черноземе, который при значительной влажности климата большую часть года представляет собой вязкую жирную грязь. Здесь на многих улицах были сделаны деревянные мостовые шириной около 2 м (Баранов, 2001, с. 317–319). Перед социально значимыми объектами, такими как Джума мечеть, большие мавзолеи, общественные бани, в Болгаре располагались площади, вымощенные каменными плитами. На площадях часто находились уличные водоемы, сложенные из камня. В центре площади мог быть устроен фонтан. Основания такие фонтанов найдены в Болгаре перед несколькими общественными банями (Баранов, 2001, с. 313–316). Площадь перед медресе «Узбека» в Солхате изображена на рисунке XVIII в., принадлежащем кисти М.М. Иванова (рис. 1: 1). Пространство перед порталом вымощено каменными плитами, а с левой стороны находится источник с водоемом. Подобные фонтаны сохранились в Крыму, например, в монастыре Сурб Хач XIV–XV вв. (рис. 1: 2). В медресе Солхата фонтан находился в центре двора. К прямоугольной чаше водоема было проложено водопроводное устройство из керамических труб с каменной муфтой, поднимающей воду в чашу фонтана под прямым углом. Удалялась вода в поглощающий колодец (Крамаровский, Теплякова, 2016, с. 111).

Большое значение для любого города имеет система водоснабжения. Поэтому золотоордынские города обычно строились по берегам рек. В городах степной зоны система водоснабжения, вероятнее всего, была организована по среднеазиатскому образцу. Вода из рек и других естественных водоемов черпалась при помощи чигирных устройств. Сами чигирные колеса не были найдены, так как они делались из дерева, но чигирные сосуды – одна из наиболее массовых категорий керамики, находимых при раскопках золотоордынских городов и поселений. Вода поступала в систему арыков, которые плотной сетью покрывали все пространство города. Для накопления воды служили водоемы-хаузы. Такие водо-

Рис. 1. Фонтаны в Крыму: 1 – на площади в Солхате, акварель М.М. Иванова; 2 – в монастыре Сурб Хач.
Fig. 1. Fountains in the Crimea: 1 – at a square in Solkhat, watercolor by M.M. Ivanov; 2 – in the monastery of Surb Khach.

емы хорошо видны на рельефе городищ в виде углублений, в которых растительность выше и гуще, чем в окружающей степи. Хаузы находились как на улицах, так и внутри крупных усадеб. Часть хауза была раскопана на территории аристократической усадьбы Селитренного городища. Еще один хаус находился к востоку от общественной бани Селитренного городища. Для того, чтобы удобнее было набирать воду, топочное отделение бани с расположенными над печью цистернами было устроено не вдоль центральной оси здания, как в большинстве подобных построек, а с восточной стороны. От топки к краю водоема был проложен дощатый настил (Зиливинская, 2019, с. 81).

Вода в арыках и хаузах использовалась для различных нужд, но чистой питьевой водой

жителей городов снабжали многочисленные колодцы. В Волжской Болгарии стенки колодцев укрепляли деревянными срубами (Баранов, 2001, с. 322–329). В Нижнем Поволжье колодцы выкладывали кирпичом, лекальным кирпичом, камнем (Савельев, 2012, с. 288–289).

В общественные здания такие как бани, а также в уличные водоемы и фонтаны вода поступала по водопроводу, сложенному из керамических труб-кубуров. Значительные по протяженности линии водопровода были найдены в Болгаре (Баранов, 2001, с. 333–334). На Царевском городище А.В. Терещенко исследовал здание, расположенное под так называемым «Каменным курганом». Под его полом была сооружена система подпольного водоснабжения из керамических труб, причем по его описаниям было исследовано до 17 метров трубопровода. По многим признакам здание являлось общественной баней (Савельев, 2013). В Крыму при раскопках в Солхате в разных частях города были встречены водоводы из керамических труб (Крамаровский, Теплякова, 2016, с. 111).

Интересное описание водопровода в Маджаре оставил землемер А.П. Архипов. Водопровод состоял из высокого сводчатого коридора, сложенного из кирпича. Архипов нанес его на план, общая длина составила около 650 м (Архипов, 1856). Вероятно, это был подземный водовод кяриза. Кяризы представляют собой гидротехнические сооружения, предназначенные для самотечного вывода на поверхность грунтовых вод. Они состоят из горизонтальной или слегка наклонной подземной галереи, один конец которой врезается в водоносный слой, а другой выходит на поверхность земли. От горизонтального водовода через равные промежутки отходят узкие вертикальные вентиляционные колодцы. Система орошения в виде кяризов возникает в ахеменидское время в Иране, и получает широкое распространение в засушливых регионах в античности и средневековье (Смагулов, 2011, с. 68). На территориях, входивших в состав Золотой Орды, они изучены, прежде всего, в Южном Казахстане. Здесь, в окрестностях Саурана, исследована сеть из 250 цепочек кяризов общей протяженностью 110 км (Смагулов, 2011, с. 61–71). Система кяризов существовала и в Солхате, куда эта технология могла прийти из Средней Азии и Рума (Крамаровский, Теплякова, 2016, с. 110–111).

Все звенья сложной системы водоснабжения города были исследованы на Царевском городище (Савельев, 2012). Источниками воды здесь служили три крупных водоема: водохранилище на реке Кальгута, водохранилище на реке Царевка, и каскад озер на севере города у подножия сырта. С помощью систем плотин, шлюзов и дамб эта вода направлялась в город. Водяными магистралями служили выкопанные каналы – арыки. Из Кальгуты каналы отводили воду на запад от города, в пригороды и орошаемые поля, а также в обводной канал в центре города. Из Царевки вода по каналам шла на город с востока, образуя единую систему с Солодовскими ериками. Из каскада водохранилищ вода поступала в обводный канал центра города, откуда распределялась по северным районам сетью более мелких арыков. Излишки, с помощью системы шлюзов в восточной части канала, могли отводиться в Солодовские ерики, где с помощью плотин также были устроены искусственные водохранилища. Вероятно, был возможен и обратный процесс. Бассейны-хаузы южной части города наполнялись самотеком, с помощью неглубоко залегающих грунтовых вод. Река Кальгута также снабжала водой и западные районы города: местность между Солончатым озером и рекой была покрыта сетью каналов. Южная и юго-восточная части города не имели развитой сети каналов, источниками воды являлись водоемы-хаузы, наполняемые близко залегающими грунтовыми водами. Для обеспечения жителей питьевой водой служили колодцы различного устройства (Савельев, 2012, с. 288–289).

В тех городах, где существовало избыточное увлажнение, грунтовые воды удалялись при помощи дренажных систем. Дренажная система, состоящая из отводных каналов, обложенных деревом и водоразборных и поглощающих колодцев, укрепленных деревянными срубами, была раскопана в Болгаре (Баранов, 2001, с. 337–340). В Солхате был исследован противоливневый сток в виде канала прямоугольного сечения (50×70 см), стенки и дно которого были выложены обработанными каменными плитами (Крамаровский, Теплякова, 2016, с. 114).

Для отвода сточных вод в городах была сделана канализация. Участок канализационной системы вскрыт на Селитренном городище под площадью между мечетью и общественной баней (рис. 2). В нее по сливному лотку поступала вода из моечных помещений бани. Для сооружения канализации была выкопана траншея, в которую уложены деревянные трубы, сделанные из

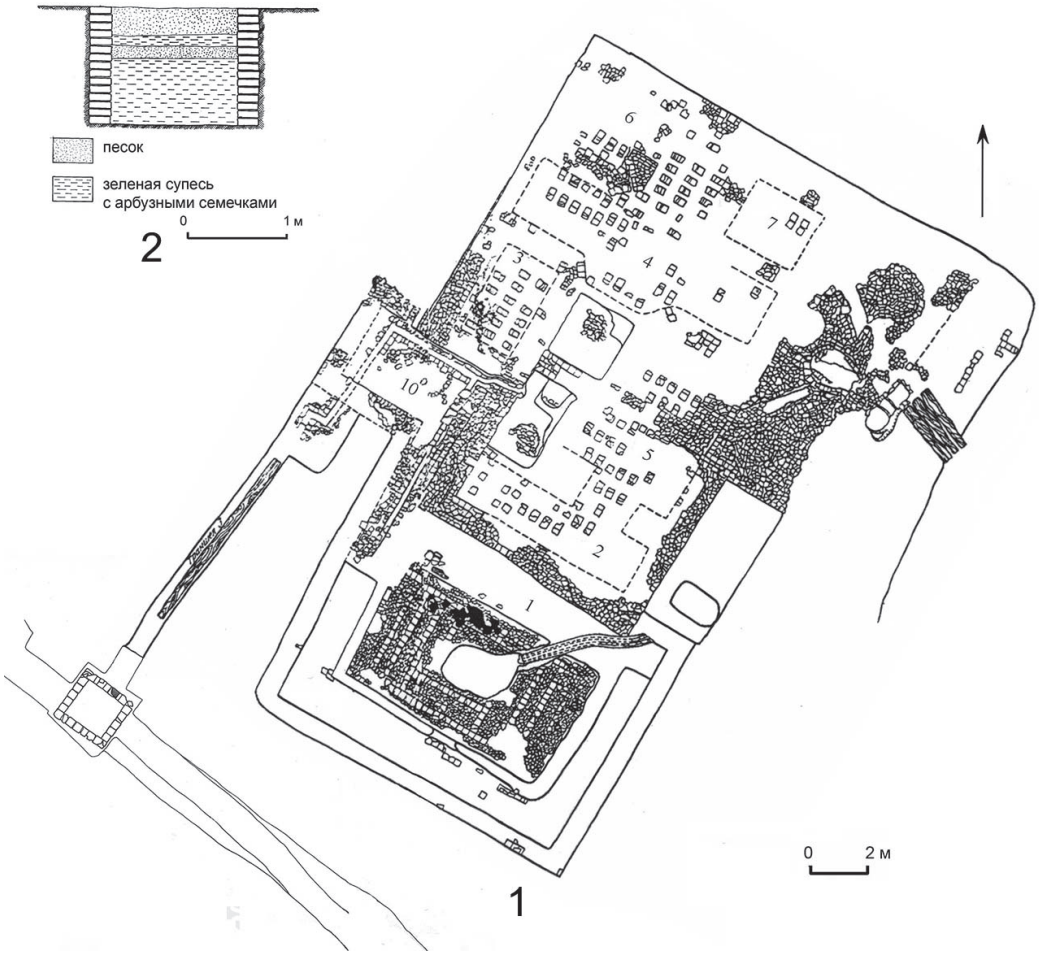


Рис. 2. Канализационная система на Селитренном городище:
1 – баня и сток из нее; 2 – разрез канализационного колодца.
Fig. 2. Sewerage system at Selitrennoye settlement:
1 – bathhouse and drain; 2 – section of a sewer well.

выдолбленных в средней части бревен. Вода по этим трубам поступала в квадратный в плане колодец-отстойник, стенки которого обложены обожженным кирпичом. Излишки воды стекали дальше по другой ветке канализационного канала (Зиливинская, 2012, с. 165).

Важнейшими объектами благоустройства и гигиеническими заведениями золотоордынских городов являлись бани. В настоящее время известно около тридцати бань различной планировки. Среди них есть как большие общественные, так и скромные частные (Зиливинская, 2019, с. 70–109).

В городских домах также существовали гигиенические устройства. Это умывальники-ташнау. Они состояли из водосливного резервуара и поглощающего колодца. Для сооружения колодца в полу выкапывалась яма, стенки которой обкладывались обожженными кирпичами. Или же в яму закапывался большой перевернутый сосуд (хум) с отбитым дном. Сверху колодец перекрывался кирпичом с отверстием или специально сделанной керамической или каменной чашей с одним или несколькими отверстиями (рис. 3: 4). Над этой «раковиной» мыли руки, грязная вода стекала в колодец и рассасывалась глубоко под полом. В парадных комнатах богатых домов водосливные резервуары устраивали в центре вымостки кирпичного пола (рис. 3: 1, 2) и оформляли фигурной кирпичной кладкой или делали бордюр из изразцов (Зиливинская, 2019, с. 123, 126). В одном из усадебных домов Селитренного городища ташнау был сделан в суфе (рис. 3: 3). Грязная вода из него поступала при помощи трубопровода из керамических труб, проложенного в стене, на улицу в уличный поглощающий колодец (Зиливинская, 2019, с. 128). Ташнау были принесены в Золотую Орду, скорее всего, из Средней Азии, где они получили широчайшее распространение с VIII в., во многом в связи с принятием мусульманства с его ритуальными требованиями в области санитарии. Однако в Средней Азии поглощающие колодцы ташнау имели значительно большую глубину и были более сложно устроены (Анарбаев, 1982, с. 95–199).

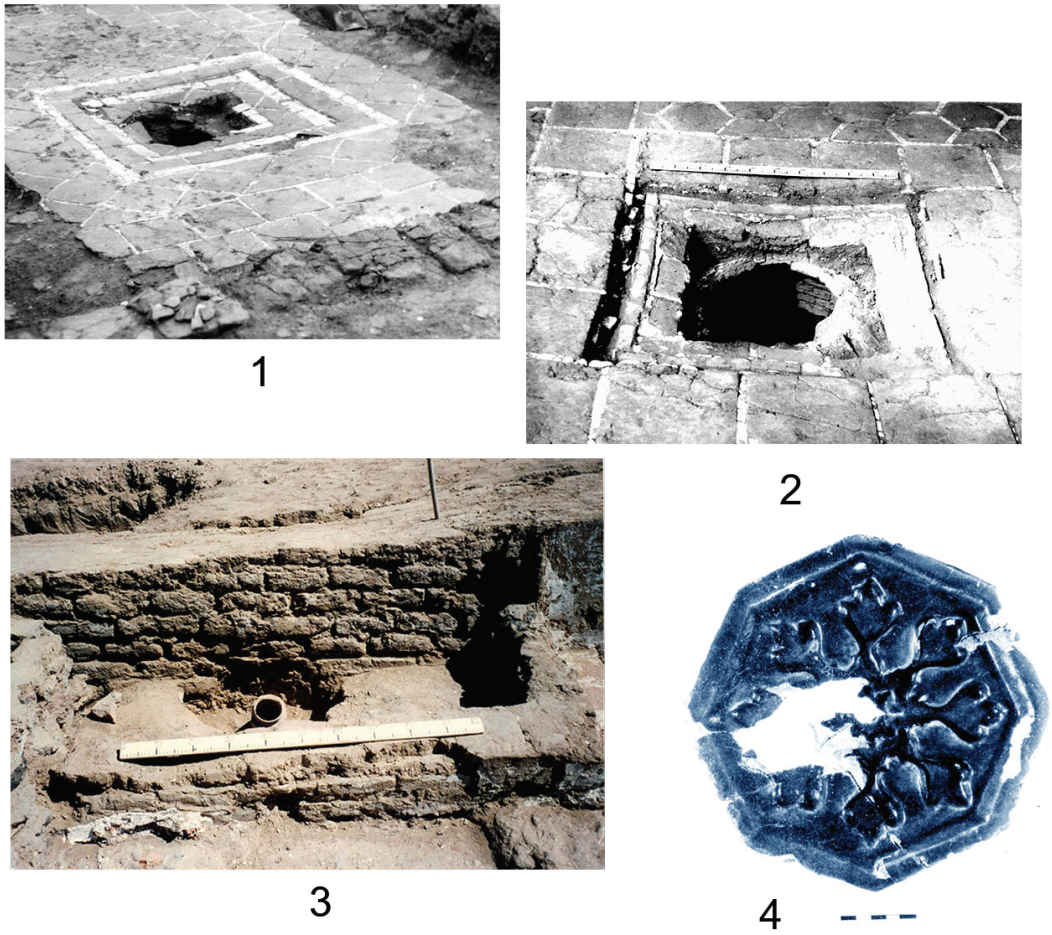


Рис. 3. Ташнау из раскопок Селитренного городища: 1-2 – в центре кирпичного пола; 3 – в суфе; 4 – керамический водосливный резервуар.

Fig. 3. Tashnau from the excavations of Selitrennoye settlement: 1-2 – in the center of the brick floor; 3 – in the sufa; 4 – ceramic spillway tank.

В дворцовом здании на Селитренном городище в одной из комнат была сделана ванная с бассейном, выложенным кирпичом. В дне бассейна проложена керамическая труба, которая служила для отвода использованной воды. Труба проходила через внешнюю стену и выходила в водосточную канаву (Зиливинская, 2019, с. 128).

Важное значение для санитарного состояния городов имели такие сооружения, как туалеты и мусорные ямы, так называемые бадрапы. Как отчетливо показывают раскопки золотоордынских городов, основное количество бытового мусора находится не на улицах и дворах, а в специальных ямах. Кроме того, ямы, выкопанные для других целей (для добычи глины, хранилища и т.д.) в конечном счете тоже превращаются в мусорные. Зеленоватый цвет заполнения таких ям свидетельствует о том, что в них выбрасывали и органические отходы.

О наличии туалетов в городах свидетельствует большое количество выгребных ям. Обычно это достаточно глубокие (до 2,5 м) цилиндрические ямы с ровными отвесными стенками. Заполнение их имеет зеленоватый цвет. О соблюдении норм гигиены свидетельствуют и частые находки на дне выгребных ям кувшинов для воды. Например, в богатой усадьбе Селитренного городища в двух бадрапах были найдены большой высокогорлый кувшин и кувшин-афтоба (Зиливинская, 1997). Верхняя часть этих построек не сохранилась, вероятнее всего, они были из дерева или тростника.

Следует упомянуть и уникальное для городов XIV в. гигиеническое сооружение – общественный туалет на Селитренном городище (Зиливинская, 1994, с. 118–119). Он находился прямо на улице, за общественной баней. Туалет представлял собой здание размерами 7,1×3,25 м. Цоколь его стен сложен в два ряда из обожженных и сырцовых кирпичей; выше стены были фахверковыми, из брусьев и сырцов, положенных «в елочку». Внутри постройки находилась большая яма с неровными стенками и глубиной 155 см. Бадрап разделялся поперечной перегородкой на два помещения. Яма была перекрыта дощатым полом. Туалет посещали как

мужчины, так и женщины, так как в одном его помещении найден обломок мужского перстня из лазурита, а в другом – несколько бусин.

Бадрапы также являлись элементами среднеазиатской городской культуры, но там они зачастую находились внутри жилых домов и, например, в банях (Анарбаев, 1982, с.97, 102; Воронина, 1983, с. 139; Смагулов, 2011, с.353). В Золотой Орде это исключительно уличные постройки.

Таким образом, можно констатировать, что города в Золотой Орде были достаточно благоустроены: в них были широкие улицы, большие площади, фонтаны, развитая система водоснабжения и сооружения для удаления сточных вод. Важное значение имели и такие санитарно-гигиенические сооружения, как бани, ташнау, бадрапы. Для эпохи средневековья золотоордынские города являлись хорошо организованными урбанистическими центрами.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов А. Очерки исследования древнего города Маджара // Ставропольские Губернские ведомости. 1856. № 12–20.

Бадеев Д.Ю. Городская планировка Болгара к юго-западу от Соборной мечети в 30–70 гг. XIV в. // КСИА. Вып. 237. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 200−211.

Баранов В.С. Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 311–351.

Воронина В.Л. Бани-хаммам у народов Советского Союза и стран зарубежного Востока // Архитектурное наследство. № 31. . М.: Стройиздат, 1983. С. 133–167.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджара в 1907 // Труды XIV археологического съезда в Чернигове. М., 1911. С. 162–208.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.

Зиливинская Э.Д. Жилые постройки Сарая по материалам раскопок 1984 года // Историко-археологическое изучение Поволжья / Отв. ред. Ю.А. Зеленеев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 114–120.

Зиливинская Э.Д. Отчет о раскопках на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области в 1997 г.// НА ИА РАН, Р-1, № 21172.

Зиливинская Э.Д. Структура золотоордынских городов во времена хана Узбека // Ислам и власть в Золотой Орде / *История и культура Золотой Орды.* Вып. 16. / Ред. И.М.Миргалеев, Э.Г.Сайфетдинова. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2012. С. 154–178.

Кононенко Е.И. Фактор исламской благотворительности в турецком градостроении // Исламоведение 2014. № 4. С. 73-79.

Крамаровский М.Г., Теплякова А.Н. Вода в средневековом Солхате // Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки / Ред. Э.И. Сейдалиев. Симферополь: Тарпан, 2016. С. 107–114.

Минаева Т.М. Золотоордынский город Маджар // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 5. Ставрополь, 1953. С. 131–161.

Об узбекских банях // СЭ. 1951. № 1. С. 114–138.

Савельев Н.И. Водоснабжение Царевского городища // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант; Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 288–289.

Рудаков В.Г. О границах Селитренного городища (по итогам археологических разведок 2002-2003 гг.) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция (г. Волгоград, 1-5 ноября 2004 г.). Волгоград: ВолГУ, 2004. С. 289–296.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. 564 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Сарая в 1959-1962 гг. // СА. 1964. № 1. С. 248–271.

Федоров-Давыдов Г.А. Новый Сарай по раскопкам 1963-1964 гг. // СА. 1966. № 2. С. 233–248.

Федоров-Давыдов Г.А. Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII-XIV вв. Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии / Отв. ред. Б.А. Тулепбаева. Алма-Ата: Наука АН КазССР, 1983. С. 215–220.

Информация об авторе:

Зиливинская Эмма Давидовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук, (г. Москва, Россия); eziliv@mail.ru

REFERENCES

Arkhipov, A. 1856. In *Stavropol'skie Gubernskie Vedomosti (Stavropol Provincial Bulletin)* 12–20 (in Russian).

Badeev, D. Yu. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 237. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ., 200−211 (in Russian).

Baranov, V. S. 2001. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (City of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 311–351 (in Russian).

Voronina, V. L. 1983. In *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)* 31. Moscow: "Stroiizdat" Publ., 133–167 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1911. In *Trudy XIV Arkheologicheskogo s"ezda v Chernigove* (*Proceedings of the 14th Archaeological Congress in Chernigov*) 1. Moscow, 162–208 (in Russian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 1994. In Zeleneev, Yu. A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskoe izuchenie Povolzh'ia (Historical and Archaeological Study of the Volga Region)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 114–120 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 1997. *Otchet o raskopkakh na Selitrennom gorodishche Kharabalinskogo raiona Astrakhanskoi oblasti v 1997 g. (Report on the Excavations at Selitrennoye Settlement in the Kharabalinsky District of Astrakhan Oblast in 1997).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 21172 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2012. In Mirgaleev, I. M., Saifetdinova, E. G (eds.). *Islam i kultura v Zolotoi Orde (Islam and Power in the Golden Horde).* Series: Istoriia i kultura Zolotoi Ordy (*History and Culture of the Golden Horde) 16.* Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 154–178 (in Russian).

Kononenko, E. I. 2014. In Islamovedenie *(Islamic Studies)* 4, 73–79 (in Russian).

Kramarovskii, M. T., Teplyakova, A. N., E. I. 2016. In Seidaliev, E. I. (ed.). *Krym v zolotoordynskii period. Krymskii Iurt Zolotoi Ordy: nasledie ischeznuvshei imperii: katalog vystavki (Crimea in the Golden Horde Period. Crimean Yurt of the Golden Horde: Legacy of a Vanished Empire: Exhibition Catalog).* Simferopol: "Tarpan" Publ., 107–114 (in Russian).

Minaeva, T. M. 1953 In *Materialy po izucheniiu Stavropol'skogo kraia (Materials for the Study of Stavropol Krai)* 5. Stavropol, 131–161 (in Russian).

Savel'ev, N. I. 2012. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 5. Kazan: "Foliant" Publ.; Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 288–289 (in Russian).

In 1951. *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (1), 114–138 (in Russian).

Rudakov, V. G. 2004. In *Problemy arkheologii Nizhnego Polozh'ia (Issue of the Archaeology of the Lower Volga Region).* Volgograd: Volgograd State University, 289–296 (in Russian).

Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy.* T. 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde.* Vol. 1. *Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Published by dependent earl S.G. Stroganov (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiia* (*Soviet Archaeology*) 1, 248–271 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. In *Sovetskaia Arkheologiia* (*Soviet Archaeology*) 2, 233–248 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1983. In Tulepbaeva, B. A. (ed.). *Srednevekovaia gorodskaia kul'tura Kazakhastana i Srednei Azii (Medieval Urban Culture of Kazakhstan and Central Asia)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. 215–220 (in Russian).

About the Author:

Zilivinskaya Emma D. Doctor of Historical Sciences. Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maklay (IEA), Russian Academy of Sciences. Leninsky Ave., 32a, Moscow,119334, Russian Federation; eziliv@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

Нижняя Волга

УДК 902 93/94 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.204.242

НЕКОТОРЫЕ КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ И НАРРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ОБ УКЕКЕ[1]

©2022 г. И.В. Волков

Письменные источники о золотоордынском городе Укеке давно введены в научный оборот, но есть погрешности в их переводах и интерпретации. Город изображён на трёх картах, восходящих у общему протографу (расширенный вариант представления Волги каталонского стиля). Самый ранний пример – карта братьев Пицигани 1367 г. Здесь город расположен напротив острова Çiçera (Самарской луки), что является результатом компилирования разномасштабных карт. Перемещение знака города на картах Фра Мауро 1459 г. и Джованни Франческо Камоччио 1570 г. на левый берег Волги – явление нормальное с точки зрения языка карт. В «Упорядоченье стран» Абу-л-Фиды Укек упоминается в двух местах. Здесь локализация пункта достаточно надёжна для своего времени, город охарактеризован как граница ханского домена. Краткая характеристика Укека в книге Ибн Баттуты наиболее сложня для интерпретации. Скорее всего, здесь смешана информация о двух пунктах с одним названием: на Волге и в Приазовье. Возможно обнаружение новых упоминаний Укека на картах каталонского стиля и в итальянском актовом материале.

Ключевые слова: Укек, Волга, Пицигани, Фра Мауро, Камоччио, Абу-л-Фида, Марко Поло, Ибн Баттута, Узбек, горы русских, серебряные рудники.

CARTOGRAPHIC AND NARRATIVE SOURCES RELATED TO UKEK[2]

I.V. Volkov

Written sources related to the Golden Horde city of Ukek have long been introduced into scientific discourse, but there have been deviations in their translations and interpretation. The city is mentioned on three maps ascending from the common protograph (an extended version of the representation of the Volga in the Catalan style). The earliest example is a map by the Pitzigani brothers (1367), where the city is located on the opposite side of the island of Çiçera (Samara Luka), which was a result of compiling maps of different scales. The displacement of the city's sign on the maps by Fra Mauro (1459) and Giovanni Francesco Camocio (1570) to the left bank of the Volga is a normal phenomenon from the viewpoint of the map language. In the Sketch of the Countries by Abu'l-Fida, Ukek is mentioned twice. Here, the localization of the site is rather reliable for its time period, and the city is characterized as the border of the Khan's domain. A brief description of Ukek in Ibn Battuta's book is the most difficult one to interpret. Most likely, information about two points with the same name is mixed in this work: one was situated on the Volga and the other - on the Azov seashore. Possibly, new mentions of Ukek can be found on Catalan-style maps and in Italian notarial acts.

Keywords: Ukek, Volga, Pitzigani, Fra Mauro, Camocio, Abu'l-Fida, Marco Polo, Ibn Battuta, Uzbek, Russian mountains, silver mines.

Интерес к золотоордынскому городу Укеку у историков и археологов был настолько велик, что практически все основные источники, в которых он фигурирует, известны уже с XIX в. Историография по теме весьма обширна, но все же при этом нельзя сказать, что возможные интерпретации данных всегда бесспорны. Поэтому здесь рассмотрим лишь те источники, интерпретация которых в научных изданиях последних лет, нуждается в комментариях или опровержении. Задача состоит не в получении истины в последней инстанции, а в иллюстрации тех сведений, которые имеются в источниках и зачастую не предоставляют однозначных ответов на вопросы.

Широко известны две карты, на которых обозначен Укек. Обе они представляют пространный каталонский вариант изображе-

[1] Работа выполнена при поддержке Фонда президентских грантов, проект №12/1/71-68 "Живая история. Из прошлого в настоящее" и проекта РФФИ №20-09-00004 (2020-2022).

[2] The work was supported by the Presidential Grant Foundation, Project No. 12/1/71-68 "Living History. From the Past to the Present" and RFBR project No. 20-09-00004 (2020-2022).

ния бассейна Волги со множеством объектов на берегах Волги. Больше сохранилось карт краткого каталонского варианта, на которых от верхушки дельты до впадения Камы обозначались только Хаджитархан, Сарай, остров Чичера (Самарская лука) и Болгар. Вполне возможно, что пространный вариант – это результат нанесения словесной информации на основу краткого.

Карта братьев Пицигани 1367 г.

Подробное изображение русла Волги в XIV в. есть только на ней (рис. 1, 2), а на остальных картах с детальным представлением Каспия этот участок не покрыт. Здесь мы сталкиваемся с некоторыми отступлениями от стандартного «языка карт». В соответствии со «стандартом» названия пишутся от берега в сторону суши, приблизительно под прямым углом. Поэтому естественно, что ориентировка названий на правом и левом берегах Волги – противоположная. Почти все названия на правом берегу – черные, на левом почти все – красные. В целом, это наводит на мысль, что они написаны в основном, «в два подхода»: сначала одно сторона, затем – поворот листа и смена чернил. Можно было бы предположить, что это подписи чередующихся по руслу пунктов, а на разных берегах они расположены ради экономии места, чтобы вдвое увеличить пространство для письма.

Однако этому несколько противоречит то, что надписи на правом и левом берегах в большинстве случаев расположены приблизительно в одну строку. При этом в 5 подписях на правом берегу присутствует слово “cassar”, обозначающее или замок, или просто поселок (“casal” – это просто жилье, небольшое поселение, а замена «r» на «l» и наоборот – явление нормальное). При этом условные знаки «городов» располагаются только на левом берегу за исключением одного у «острова» и двух в самой нижней части течения, где всё место на левом берегу занято укрупненным изображением столицы.

Определенной подсказкой для дедуктивной реконструкции «языка картографа» является представление хорошо идентифицируемого Болгара. Собственное имя написано на левом берегу красным, а напротив него на правом – “casar de boca”, то есть «поселок у устья». Устье реки у Болгара – очень невыразительное, но недалеко расположено устье Камы. Но и здесь допустима двойственность интерпретации: рядом с устьем Камы находится городище Ага-Базар, и именно к нему может относиться подпись с правого берега.

По смыслу получается, что на левом берегу расположены названия (имена собственные), а на правом – определения к ним. В целом это соответствует одному «правилу» языка морских карт: красные названия – более важные. Но случаев такого расположения надписей (на одном берегу – название, на другом – определение к нему) на других картах нет. (Разве что у Таны в исключительном случае буква «T» красным помещена на левом берегу Дона, а остальная часть – на правом). К тому же, часть подписей правобережья – явно имена собственные, а на левом есть, по крайней мере, нарицательная надпись «saline», выполненная черными чернилами.

Если исходить из того, что на левом берегу находятся названия, а на правом – определения к ним, то следует определить, какой столбец был первым. В целом на каталонских картах тексты кроме морского побережья писались так, чтобы смотреть от края листа – к центру. Такому положению соответствуют черные надписи на правом берегу. Но неустойчивость «правил» языка карт и опасность дедуктивного подхода мешают признать это однозначным.

Не является однозначным даже соответствие символических изображений городов населенным пунктам. Например, для каталонского стиля обычно изображение городов на Дунае с подписанными названиями только для островов. На карте Пицигани бассейн Дуная отражен адекватно, но на южном берегу Каспийского моря символы городов посажены слишком часто. На этом участке не было такого количества крупных населенных пунктов, к тому же почти две трети названий должны относиться к рекам и мысам. Увы, таков источник.

Именно на примере изображения Каспийского моря видно, что на этом произведении реконструируемые правила «языка карты» не всегда были жесткими. Кстати, номенклатура побережья Каспия здесь существенно отличается от других карт и каталонского, и итальянского стиля. Например, очень крупный город Дербент подписан черными чернилами: «Дербент. Это пост Узбека» (derbent. hic est custodia | husbeco). Напротив, красным и с условным знаком города южнее Терека дано название, явно относящееся к реке – «Аксу» (acso)[1]. Красными чернилами подписаны два расположенные рядом условных знака города «Гилян» (chilam), а это название области, причем оно продублировано на некотором удалении от побережья (chilām). Также как город обозначен Хорасан (corasani). Примеры

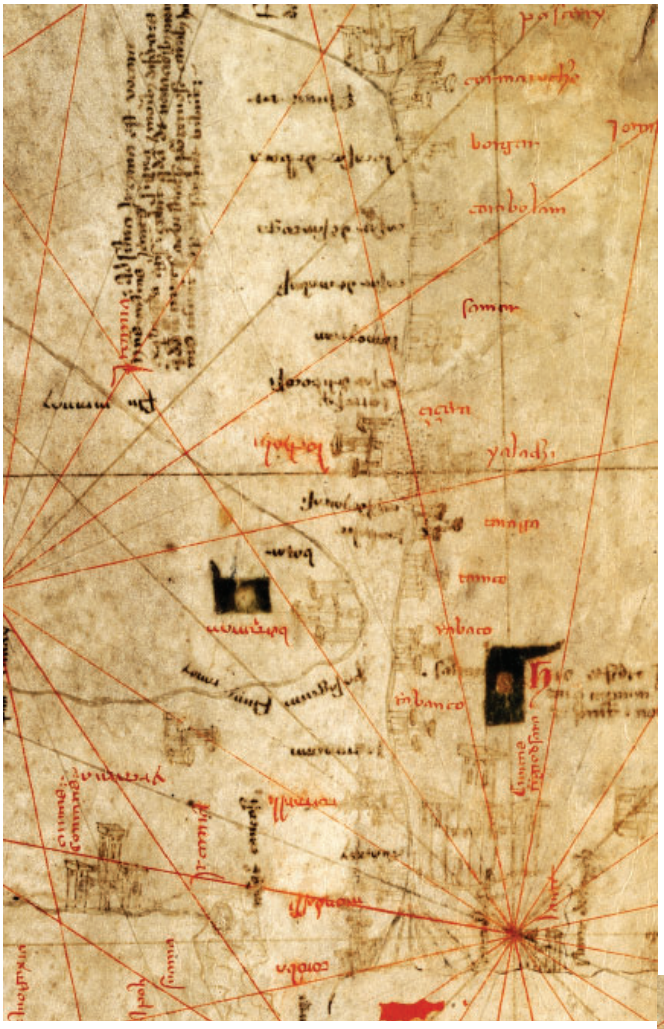


Рис. 1. Фрагмент карты братьев Франческо и Доменико (или Марко) Пицигани 1367 г., изготовленной в Венеции. (Parma, Biblioteka Palatina, Parm. 1612).
Fig. 1. Fragment of the map of the brothers Francesco and Domenico (or Marco) Picigani 1367, made in Venice. (Parma, Biblioteka Palatina, Parm. 1612).

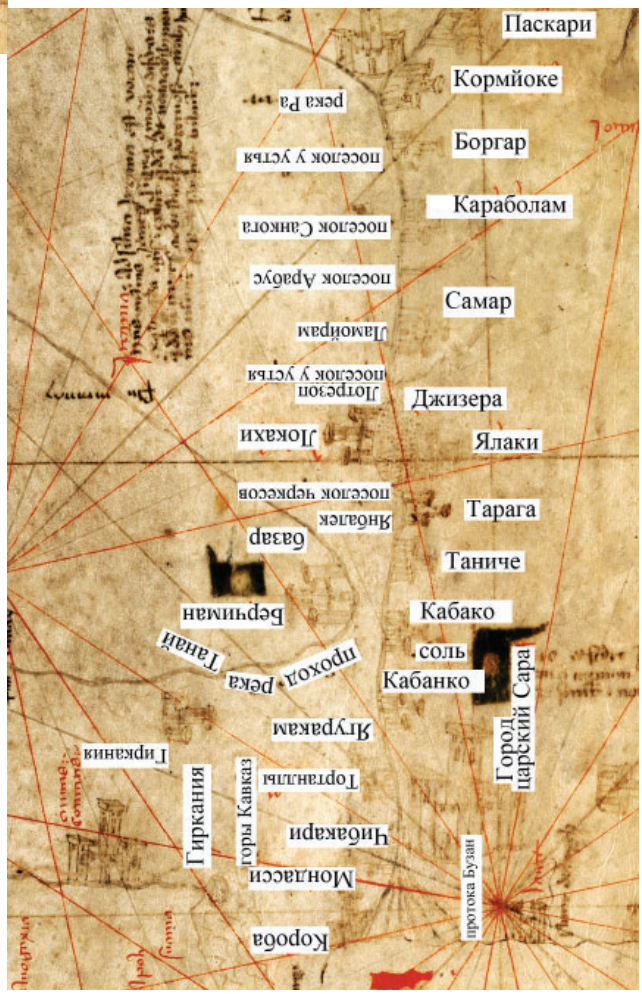


Рис. 2. Фрагмент карты братьев Франческо и Доменико (или Марко) Пицигани 1367 г. с русской транскрипцией названий в Поволжье. Перевод, сделанный в отдельных местах, почти всегда оставляет некоторые сомнения. 1 – стрелками показаны три отдельных подписи, которые И.К.Фоменко объединил в одну фразу. Слово «соль» помещено на месте подписи «saline», что может обозначать «солончаки», «соляные варницы», «места добычи соли».
Fig. 2. Fragment of the map of the brothers Francesco and Domenico (or Marco) Picigani 1367 with Russian transcription of names in the Volga region. A translation made in separate places almost always leaves some doubts. 1 - the arrows show three separate signatures that I.K. Fomenko combined into one phrase. The word "salt" is placed in place of the signature "saline", which can mean "salt marshes", "salt pans", "places of salt extraction".

можно продолжать. Для интерпретации карты важно то, что помещение подписи передает факт существования имени (с возможными искажениями), но не всегда правильно передает его содержание: условный знак города не гарантирует отнесение имени к населенному пункту.

Все же приведем последовательность названий такой форме, близкой к тому, как это делали Ф.К.Брун и Ф.Ф.Чекалин, только начиная от устья (жирным шрифтом выделены красные).

Знак города, который подписан как Укек (с артиклем – locachi) расположен на правом берегу напротив острова Джидзера (Самарской луки). Возможно, это результат компиляции краткого каталонского варианта и итинерария. Так могло получиться, если картограф наносил на «топографическую основу» краткого каталонского варианта пункты в последовательности, которую давал какой-то дорожник с последовательными названиями пунктов и расстояниями между ними. Такой же результат мог получиться, если компиляция шла с использованием карты с обозначением острова и другой, более подробной, но без обозначения острова.

Таким образом, несоответствие во взаиморасположении острова (Самарской луки) и Укека не является чем-то аномальным. Важнее, что здесь Укек правильно расположении на правом берегу, что свидетельствует о правильной исходной информации, послужившей основой для пространного каталонского варианта изображения Волги.

2. Карта Фра Мауро 1459 (1460) г.

Это изображение известного на тот момент мира, своеобразная географическая энциклопедия XV в., многократно становилась предметом исследования. Однако, именно в последней четверти XX века в отечественной литературе распространилось столько нелепостй в высказываниях о ней и интерпретации изображенной информации, что просто необходимо охарактеризовать источник в целом, не только в связи с Укеком.

Это произведение весьма фундаментально и велико по размеру (196×193 см). Именно поэтому его факсимильная публикация долго была крайне затруднена. Анализ обильного содержания идет уже больше двух веков, причем из-за неполного знакомства с источником появлялись неверные суждения, только запутывающие коллег. За все прошедшее время появилось только два издания, дающие полные читаемые цветные репродукции (Gasparrini, 1954; Falchetta, 2006). Первому изданию в нашей стране не повезло, его нет ни в одной библиотеке, а первую, насколько мне известно, копию удалось получить только в 2005 г. благодаря стараниям Л.Ф. Недашковского. Второе издание с прекрасной цифровой копией и подробным анализом есть в библиотеках (в т.ч. личных), поэтому можно надеяться на решение многих проблем в ближайшем будущем.

История создания карты.

Несохранившаяся карта мира была заказана королем Португалии Альфонсом V Африканским (15.1.1432–28.8.1481, правившим с 1438 г.) и компилировалась в 1457-1459 гг., закончена работа около 24 апреля 1459 г. (Ratti, 1988, p.83). (Безотносительно к заказу, Фра Мауро работал над созданием карты мира и раньше, в 1440-х гг.). Затем карта была доставлена в Португалию венецианским патрицием Стефано Тревизаном (еще при жизни Фра Мауро) и хранилась в монастыре Алькобаза вплоть до 1528 г., когда была сделана последняя запись о ее наличии. Сам Стефано Тревизан уже в апреле 1462 г. действует в Венеции как советник Синьории (Thiriet, 1971, vol.2, p.233, reg.1612). Затем эта карта пропала, по крайней мере, после этого ее никто не видел: этот источник с датой 1459 г. исчез, и нет смысла говорить о том, что на нем было изображено. Предполагается, что оригинал погиб при землетрясении 1755 г. (Edson, 2007, p.141), хотя Дж.Б.Миттарелли отмечал существование карты в его время, то есть около 1779 г. (Mittarelli, 1779, coll. 759; Gasparrini, 1954, p.5).

Об авторе карты известно немного, однако он принадлежит к малой части картографов того времени, чья внешность запечатлена. Это изображение на хранившейся в нумизматическом музее монастыря памятной золотой медали с надписью «+ FRATER · MAVRVS · S · MICHAELIS · MORANENSIS · DE · VENETIIS · ORDINIS · CAMALDVLENSIS · CHOSMOGRAPHVS · INCOMPARABILIS» (Брат Мауро Св. Михаила с венецианского Мурано, ордена Камалдулов, несравненный космограф) (Zurla, p.80, Mittarelli, 1779, coll. 756). По профилю видно, что монах был в преклонном возрасте, возможно, в реальности он был еще старше, поскольку «украшение» образа на медалях – явление обычное. Это допускает возможность того, что именно наш картограф «Frater Maurus de Venetiis» упомянут в документе от 3 июля 1409 г. (Gasparrini T.L. 1954, p.5). В дальнейший период, вплоть до 1433 г.,

Рис. 3. Фрагмент карты Фра Мауро 1459 г.
Fig. 3. Fragment of the map of fra Mauro, 1459.

Рис. 4. Фрагмент карты Фра Мауро 1459 г. с наложением координатной палетки по таблице XXXIV издания Т.Л.Гаспаррини.

Fig. 4. Fragment of the map of Fra Mauro, 1459 overlay coordinate mosaic according to table XXXIV by edition of T. L. Gasparrini.

Правый (западный) берег	Левый (восточный) берег
coroba	
mondassi	
cibacary	**civitas regio | d Sara**
tortanlli	
jaguracam	
	kabanco
passagium [flum tanay]	• saline
	kabaco
janbalek	tanice
casa(r) de jarcasi	**taraga**
lochahi	**yalachi**
lotres(orum) (?)	**çiçera**
casar de li bocosi	Устье левого притока
lamoyram	**samar**
casar de arabus	Устье левого притока
casar de sancoga	**carabolam**
locasar de boca	**borgar**
flume ra •	**cormaioch**(s)**e**
	pasca(r)**ti** (или **pascary**)
	char
flmn ebl	**sloenm**
	sebur

имя Фра Мауро не упоминается в актах монастыря Св. Михаила. Из этого следует естественное предположение, что в это время он находился за пределами венецианского острова Мурано, и по крайней мере часть этого периода пребывал в монастыре Св.Михаила в Леме, на полуострове Истрия. О последнем свидетельствует составленная им карта владений этого монастыря. Она не сохранилась, но в 1737 г. копия с нее была вырезана на меди. Между тем подписной рукописный вариант этой карты хранился и позже, он упомянут в письме о. Ансельма Костадони болонскому монаху ордена камальдулов Аббондио Коллине от 1 июня 1751 г. Как видим, крупномасштабной картографией Мауро занимался до возвращения на Мурано в 1433 г. (Gasparrini, 1954, p.5). Этот опыт пригодился и позднее, когда в 1444 г. Мауро входил в «Комиссию Мудрых по воде», занимавшуюся проектированием распределения вод Бренты (Zurla, p.91). Известно, что позже, в 1448–1449 гг., Фра Мауро работал над картой мира, которая не сохранилась, и нет никаких оснований для определения ее содержания (кроме других произведений, восходящих к продукции его мастерской).

Дата смерти Фра Мауро с точностью до дня не известна. Определенно только то, что это произошло не позже 20 октября 1459 г. Именно в этот день аббат монастыря Сан Микеле – Маттео Герардо сделал запись: «1459. 20 Octubrio. Memoria fazo choma le copie de Mappamondi e de disegni e scripture de Frar Mauro ho depoxitade al Monestier de Missier San Zuane de la Zudecha in man del prior de dicto Monestier zoe Don Andrea le qual scripture e disegni tutti sono posti in una chassa over bancho e serradi con un luchetto la chiave del qual he qui appresso de mi. Ho habuto tuto indrieto questo deposito adi 25. Octubrio 1464» (1459, 20 октября. Я сделал памятку, что копии карты мира, и чертежи, и записи Фра Мауро я поместил в монастырь мессера Св. Иоанна на Джудекке, в руки приора названного монастыря, то есть дона Андреа, и эти записи и чертежи все положены в некий ларец или банк и закрыты на висячий замок, ключ от которого находится здесь, при мне. Все из этого вклада взято назад 25 октября 1464 г.) (Zurla, p.83). Едва ли карта, наклеенная на деревянную основу вместе с рамой, могла поместиться в ларец. Речь шла о других материалах Фра Мауро, учтенных Дж.Б.Митарелли при описании рукописей монастырской библиотеки: кодексы 607 и 1112 «Планисферы с их аннотациями»; кодекс 626 «Записки для пользы выполнения трактата по его старой планисфере»; кодекс 1112 «Пояснения к его планисфере» (Mittarelli,1770, §757; Ratti, 1988, p.83).

О времени работы над картой 1459 г. свидетельствуют записи о расходах монастыря (Zurla P., 1806, p. 84-85). Приведу их не только для иллюстрации духа мастерской, но и чтобы показать степень компилятивности и коллективности работы, и тот факт, что почерк самого Фра Мауро выделить невозможно.

1457. 8. Fevrer. perche io avi contad da Don Benedetto Miani per nome del Segnor de Portugal in summa ducati 28.	8 февраля 1457 г., чтобы я принял наличные от господина Бенедетто Миани на имя государя Португалии сумму 28 дукатов.
1457 adi 8. Febrer. La Majestad del Re de Portogal die aver adi sopradicto perche Dom Benedetto Miani me contad in horo duc. 28 i qual sono lasad qui per nome del dicto Segnore per depoxito per suplire a certe spexe le qual erano de bixogno fare per compir l opera del suo Mapamondi el qual lavora Fra Mauro.	8 февраля 1457 г. Его Величество король Португалии, из вышеупомянутого вклада, чтобы господин Бенедетто Миани выдал мне 28 дукатов золотом, которые оставлены здесь на имя упомянутого государя на хранение для возмещения определенных расходов, которые было необходимо сделать для выполнения работы, его карты мира, которую делает Фра Мауро.
1457. 8 Febrer. La Majestadstad del Re de Portugal die dar adi sopradicto perche io ho dado a Sier Lio Roso contadi in horo per suo nome per pagar pentori per lavorar el suo Mapamundi et per alter spexe in summa ducati 11.	8 февраля 1457 г. Его Величество король Португалии выдал вышеупомянутое, поскольку я выдал господину Лио Россо наличные золотом от его имени, чтобы заплатить рисовальщикам за работу над его картой мира, и за другие расходы в сумме 11 дукатов.
Adi 21. Hoctubr. 1457. che io ho dado contad a Frar Mauro per pagar uno Scriptor a lavorado over scripto su il Mapamundi zorni 17. a raxon de soldi 12 al zorno monta lire 17 soldi 4 val a soldi 124 per duc.	24 октября 1457 г. Я выдал наличные Фра Мауро, чтобы заплатить писцу, работающему над надписями на карте мира за 17 дней из расчета 12 сольди в день, всего 17 лир 4 сольди, по курсу 124 сольди за дукат.
Adi 7 hoctubr. 1458. contad a Dom Francesco de Cherso per pagar un Scriptor el qual scripse al dicto Mapamundi zorni 4 a soldi 14 al zorno monta soldi 56. Adi 9 dicto contad al dicto per pagar uno maestro scripse alla dicta opera zorno uno soldi 14.	7 октября 1458 г. Наличные господину Франческо де Керсо для платы писцу, который писал для упомянутой карты мира 4 дня, по 14 сольди в день, всего 56 сольди. 9 упомянутого [месяца] наличные упомянутому на оплату мастера, который писал для этого произведения один день – 14 сольди.
8 Zener 1459 per uno scriptor soldi 15.	8 января 1459 г., писцу – 15 сольди.
5 Febrer al dicto Maistro per certa scriptura fatta a la dicta opera soldi 8.	5 февраля упомянутому мастеру за определенную надпись, сделанную на упомянутом произведении – 8 сольди.
Adi 17 dicto contad a Dom Franchesco de Cherso per far comprar azuro per la dicta opera val. 1.	17 упомянутого [месяца] господину Франческо де Керсо на закупку голубой краски для упомянутого произведения, цена – 1.
Adi 10 Marzo 1459 per Duc. 2 tolti in nui per Messe per nome de Sier Andrea Biancho che lui dovea havere per suo premio del lavorier lui fece al dicto Mapamundi val in chassa soldi 4.	10 марта 1459 г. К 2 дукатам за исключением (лишь) в наших для вложений на имя господина Андреа Бьянко, что должен был получить как вознаграждение за работу, которую он сделал для упомянутой карты мира на сумму 4 сольди
1459 adi 17 Marzo. La Majestad del Segnore Re de Portogal die dare adi sopradicto per chassa che io ho dato a Dom Francesco da Cherso che Frar Mauro mando a domandare per certe spexe lui disse haver facte per el Mapamundi Duc. 2.	17 марта 1459 г. Его Величество король Португалии внес в кассу то, что я выдал господину Франческо да Керсо, которого Фра Мауро отправлял прежде просить на некоторые расходы, которые, он говорил, уже сделал на карту мира – 2 дуката.
Adi 24 April 1459. che Dom Nicholo nostro me a dicto che essendo io a Capitolo a Camaldoli e stato salda questa raxon a Messer Stefano Trevixan per nome del dicto Segnore quando per el dicto Messer Stefano li fo mandato el suo Mapamundi.	24 апреля 1459 г. Что господин наш Николо [эконом монастыря прежде Герарди] сказал мне, что когда я был на собрании капитула Камальдулов, установлено, что он оплачивает счет мессеру Стефано Тревизану на имя упомянутого государя, когда упомянутый мессер Стефано доставит ему его карту мира.

Сохранилась только одна копия произведения, которая и дает представление об источнике. Её и считают картой мира 1459 г. После смерти Фра Мауро длительное время она хранилась в том же монастыре Св. Михаила, где и была изготовлена. Наличие ее в монастыре несколько раз отмечено в XVI–XVIII вв. Затем в 1811 г. карта была передана в Библиотеку Св.Марка и помещена в ее старом здании (салоне дель Сансовино). Однако уже в марте 1812 г. она оказалась во Дворце Дожей, сначала в зале Большого Совета (sala del Maggior Consiglio), а затем – в зале Щита (sala dello Scudo). В марте 1905 г. карта передана в Библиотеку Монетного Двора (Biblioteca nel Palazzo della Zecca), хотя формально оставались сложности с распорядителем – Библиотека Сан-Марко или Археологический музей. Уже в октябре 1905 г. произведение Фра Мауро возвращено в Археологический музей (Дворец Дожей, зал Щита, он же – зал Трех Карт (sala delle Tre Mappe). В феврале 1924 г. она все-таки возвращена в библиотеку Сан-Марко (Marciana), где и хранится по настоящее время под номером 106173 (Gasparrini, p.11–15).

Между тем, на обороте этой карты, на доске, на которую наклеен пергамен, есть подпись,

сделанная почерком, отличающимся от основной части произведения: «MCCCCLX. anni XXVI. | augosto, Io conchplido. questo. | lauor. – » (26 августа 1460 года я завершил эту работу). Это значит, что единственное сохранившееся полное произведение завершено (в том виде, который имеется сейчас) уже после смерти Фра Мауро. Возможно, кто-то из его коллег заканчивал оформление карты начатой, вероятно, самим монахом-картографом. Также возможно, что заключительной частью работы было оформление углов квадрата (также от первого лица в тексте), или нанесение карты на деревянную основу. Оставить автограф мог, например, Леонардо Беллини, которого обоснованно считают автором изображения земного рая в левом нижнем углу произведения (Cattaneo, 2003, p.97–102).

Наиболее вероятным исполнителем этой копии традиционно и обоснованно считают Андреа Бьянко (Багров, 2004, с.76; Gasparrini, 1956, p.5: Woodward, 1987, p.315). Реальным основанием для этого служит единственное упоминание, приведенное выше. Он известен не только как картограф, хотя подписанные им морские карты сохранились: атлас из семи карт 1436 г. и карта мира 1448 г. (Campbell, 1987, p.451). В документах венецианского Сената (1437–1451) он неоднократно фигурирует как комит галеи в караванах, отправлявшихся во Фландрию. То есть это был старший офицер, фактически осуществлявший управление командой торговой галеи, подчинявшийся в общих вопросах только ее патрону, а иногда и просто капитан корабля. Высшая должность, на которую он претендовал в 1460 г. – капитан галей Кипра, что, говоря современным языком, приблизительно соответствует званию адмирала флота (Thiriet, 1971, vol.2, p.221, reg.1564, p.330). Пройти голосование А.Бьянко все же не удалось, но сам факт свидетельствует о том, что для этого нобиля не было секретной информации, следовательно, в нем можно предполагать одного из главных информаторов Фра Мауро. А его участие в создании карты, предназначавшейся для португальского короля, подтверждается записями о выплатах за работу, в том числе – к моменту ее окончания (Zurla, p.85).

В связи с возникающими иногда утверждениями, что с карты Фра Мауро 1459 (1460) г. якобы копии «в массе изготавливались последующими картографами», «проходили существенную редактуру и упрощение», упомяну о третьей копии произведения, которая не сохранилась, как и первая (или вторая). Вообще думающему человеку должно быть понятно, что с такой крупной карты, лежащей в монастырской библиотеке или висящей на стене, много копий не делали. Это технически трудно, а более удобные протографы на листах в обращении были. Но одна копия с карты мира все же была. Для этого посольство флорентийских художников специально приехало в монастырь Св.Михаила около 1492-1493 гг. Заказчиком был Пьеро Медичи (1472—1503), сын Лоренцо Великолепного. 26 мая 1494 г. венецианский патриций Пьеро Дельфин, аббат кальмадулов, отправил П.Медичи латинский перевод надписей карты (Zurla, p.150–151, Mittarelli, 1779, coll. 759). Однако уже осенью того же года Пьеро Медичи был изгнан из Флоренции восставшим народом, и от его карт не осталось следа. Сами факты красноречивы. В двух случаях из трех заказчиками карты мира были монархи могущественных государств. Об этих утраченных картах сохранились сведения в письменных источниках, причем неоднократные. Для «массы копий» потребителей трудно найти, уж больно дорогая получалась картинка, и при этом для практических целей малопригодная.

Между тем, уже Т.Л. Гаспаррини отметила некоторые признаки, которые не вполне укладываются в версию о создании сохранившегося экземпляра как копии с заказа для португальского короля: 1. Есть места, где лоскуты пергамена наклеены поверх готового изображения, причем под ними находятся отличающиеся изображения островов. 2. На поверхности океана прорисовано некоторое количество свитков пергамена, предназначавшихся для легенд, но так и не заполненных текстом. Иногда эти «заготовки» целенаправленно покрывались штриховкой, соответствующей морю, а иногда просто оставлены пустыми.

В целом карта не производит впечатления копии с готового произведения. Скорее, это рабочий экземпляр, с которого и переносили информацию на королевский заказ.

От себя могу добавить некоторые аргументы. 1. Едва ли не для большинства названий в Азии (в меньшем числе – в Европе и в Африке) на пергамене есть «черновые» варианты, иногда тщательно или небрежно затертые, иногда оставленные в первоначальном виде (особенно, когда чистовая надпись идет не поверх «черновой», а в стороне). 2. Есть исправление базового гидронима. Например, «MARE OC…» исправлено на «OCEANVS», причем первоначальный контур был затерт, а

из последней «С» сделали первую «О» окончательной надписи (Gasparrini, 1956, XI-14-Q36, XVIII-1-A9; Falchetta, 2006, №154). Это свидетельствует не о простом копировании произведения, а о творчестве в процессе его создания. 3. Надпись «MAISTRO» (северо-запад) размещена ниже соответствующей компасной розы (Gasparrini, 1956, XLI- -L22), а под текстом просматривается первоначальная неправильная надпись «GRIEGO», что соответствует не положенному северо-западу, а северо-востоку. Первоначальную надпись затерли, а затем поверх поместили правильную. Причина такой «зеркальной» ошибки не вполне понятна, но возможно, что в процессе творчества для этого участка был использован чертеж, ориентированный на запад. 4. Условный знак из линии с зелеными троеточиями во многих местах явно переделан в линию с кустами и деревьями. Все это подводит к мысли о том, что сохранившийся экземпляр – не копия, а «черновик» для королевского заказа. Следовательно, дата начала ее исполнения – намного раньше 1459 г.

Об отсутствии связи с португальским заказом свидетельствует и одна из легенд (№3085; Gasparrini, 1956, XL-49-S5; XLVI-2-A5; Falchetta, 2006, №2834).

Questa opera, fata a conte(m)platio(n) de questa illustrissima signoria, no(n) ha i(n) sì | quel co(m)pimento che la doueria, p(er)chè certo no(n) è possibile a l'intelletto huma(n) se(n)za | qualche superna demostratio(n) uerificar in tuto questa cosmographia ouer ma|pamu(n)di, de la qual se può hauer qualche noticia più a degustation cha a suppli|[mento del desiderio. Unde se algun contradirà a questa p(er)chè no(n) ho seguito | Claudio Tolomeo, sì ne la forma come etia(m) ne le sue mesure p(er) longeça e p(er) | largeça, no(n) uogli più curiosamente defenderlo de quel che lui | proprio no(n) se defende, el qual nel seco(n)do libro capitulo primo | dice che quele parte de le qual se ne ha co(n)tinua pratica se | ne può p(ar)lar corretamente, ma de q(ue)le che no(n) sono cussì fre|que(n)tade no(n) pe(n)si algun se ne possi p(ar)lar cussì correctam(en)te. Però | inte(n)dando lui no(n) hauer possudo in tuto uerificar la sua cosmogra|phia, sì p(er) la cossa longa e difficile e p(er) la uita brieue e l'experime(n)to fal|lace, resta che'l co(n)ciede che cu(m) longeça de te(m)po tal opera se possi meglio | descriuer ouer hauerne più certa noticia de | qual habuto lui. Perta(n)to dico che io nel te(m)|po mio ho solicitado uerificar la scriptura | cu(m) la experie(n)tia, i(n)uestiga(n)do p(er) molti a(n)ni | e pratica(n)do cu(m) p(er)sone degne de fede, | le qual hano ueduto ad ochio q(ue)lo che | qui suso fedelme(n)te demostro.	Это произведение сделано для созерцания этой Славнейшей Синьории [Венеции], оно не имеет в себе должного совершенства, поскольку определенно это невозможно для человеческого разума без некоего высшего показа проверить в целом эту космографию или карту мира, из которой можно извлечь некоторые сведения скорее для пробы, чем для дополнения желаемого. Поэтому, если кому-то что-то не понравится в ней, поскольку я не следую Клавдию Птолемею, ни по форме, ни по измерению долготы и широты, пусть не хочет чего-то особенного для ее защиты, кроме того, что он [Птолемей] сам не защищался. Он во второй книге, первой главе он говорит, что о тех странах, с которыми постоянно связаны, возможно говорить правильно; но о тех, которые не так часто посещаемы, невозможно говорить также достоверно. Поэтому, понимая, что у него не было возможности в целом проверить свою космографию, как из-за длительности и трудности, и из-за краткости жизни, так и из-за обманчивого опыта, остается, что он исправлял с течением времени то произведение, если оказывалось, что можно лучше описать или получал более определенные сведения и предмете. Поэтому говорю, что я в мое время усердно сверяю записи с опытом, исследуя на протяжении многих лет и общаясь с людьми, заслуживающими доверия, которые видели своими глазами то, что здесь сверху достоверно показано.

Косвенным свидетельством того, что сохранившийся экземпляр создавался раньше и без государственных заказов, является легенда №1586 (Gasparrini, 1956, XXVII-87-n10; Falchetta, 2006, №1501), помещенная под названием Хорасана и относящаяся, надо полагать, именно к этой исторической области:

Questa era za soto la signoria del | deli ma Tamberla(n) translatoe qui | quela sedia e ahora Siaroch Mar|zan el fiol suo ne è signor e de sa|margant e de tuta p(er)sia perfina | bagadat e oltra.	Эта [провинция] в прошлом была под владычеством Дели, но Тамерлан перенес сюда тот трон, а сейчас Сиарок [Шахрух] Марзан, его сын – владыка там, и в Самарканде, и во всей Персии вплоть до Багдада и дальше.

Упомянутый здесь Сиарок Марзан – это Муин аль-Хакк ва-д-Дин Шахрух (20.08.1377 - 12.03.1447), он был четвёртым сыном Тамерлана и смог восстановить величие империи своего отца. С 1397 года под его контролем был Хорасан, с 1409 года все владения Тимуридов, с 1420 года – Ирак. Вторая часть имени, скорее всего искаженное персидское «мирза», буквально – «царский сын», которое после собственного имени означает члена царствующей династии. Традиционно эту надпись используют для определения даты протографа карты по территории Азии. Даже с учетом определенного запаздывания информации о смене правителей (особенно, важных для Венеции) получается, что карта создавалась до 1450 г.

Не менее показательна легенда №1685 (Gasparrini, 1956, XXVIII-116-h16; Falchetta, 2006, №1629)

Questa è de qua dal fora | ne l'arminia mezana per|fina a hi termeni de capa|doçia, el fiol de Charailuch | ne è signor.	Эта [Азия] находится от границы Армении Средней вплоть до пределов Каппадокии; сын Караилука [Кара-Юсуфа Кара-Коюнлы] в ней государь.

Упомянутый здесь Кара-Юсуф правил до 1420 г. То, что государь назван только по отчеству, скорее, свидетельствует о ранней дате, хотя правление сына Кара-Юсуфа – Джехан-шаха продолжалось до 1467 г. Все это показывает, что составление карты велось существенно раньше, чем поступил заказ от португальского короля.

Источники карты

Этот вопрос прежде подробно рассматривали многие исследователи, но к настоящему времени накопилось больше наблюдений. Фра Мауро в течение длительного времени работал над разнообразными картографическими произведениями, в том числе и крупномасштабными. Естественно он имел возможность компилировать. Забегая вперед, скажу, что основных источников три: морские карты обоих стилей, произведение Клавдия Птолемея (знакомое не только по тексту, но и по картам), «Книга» Марко Поло. «Фоном» для этих составляющих послужили «церковные» круглые карты мира, но только как композиционная основа, которая иногда провоцировала делать комментарии из традиционного набора (о разделении земли на части света, положении Иерусалима в центре, рае и его реках и т.п.). Были и другие частные источники, о которых сам картограф упоминает. Остановимся на группах источников.

1. Морские карты у Фра Мауро использованы значительно шире, чем обычно на круглых картах мира. Естественно, картограф использовал данные зоны покрытия «нормального портолана». Ему были доступны морские карты португальцев, которые были ему предоставлены «заказчиком». Об этом сохранилась запись на самой карте (№156), где упоминаются данные расспросов очевидцев плаваний вдоль западного побережья Африки (Gasparrini, 1956, XI-2-D3; Falchetta, 2006, №149).

Molte opinio(n) e leture se troua che i(n) le parte meridional l'aq(u)a | no(n) circunda questo n(ost)ro habitabile e temperado çona, ma | aldando molte testimonia(n)çe i(n) contrario e maxime q(ue)li i qual | la maiestà del Re de portogallo à mandato cu(m) le suo carauele | a çerchar e ueder ad ochio, i qual dice hauer circuito le spiaçe de | garbi(n) più de 2000 mia oltra el streto de çibelter i(n) tanto che a uoler | seguir q(ue)l cami(n) hano (con)uenuto dar la p(ro)da quarta d'ostro i(n)uer sirocho | e p(er) suo çudisio hano passato l'i(n)dromo de tunisto e q(u)asi son ço(n) ti a q(ue)l d'alexa(n)dria, p(er) tuto troua(n)do bone spiaçe cu(m) puoco fondo e nauegar assai bo(n) e se(m)pre | se(n) ça fortuna. E i diti hano fato nuoue carte de quel nauegar e hano posto | nomi nuoui a fiumere, colfi, caui, porti, di q(u)al ne ho habuto copia. Unde se'l se uorà | (con)tradir a q(ue) sti i qual hano uisto ad ochio, maçorme(n)te se porà no(n) asse(n)tir nè creder a q(ue)li | che hano lassato i(n) scriptis q(ue)lo hi no(n) uete mai ad ochio, ma cusì hano opinado esser. | Anchora io ho p(ar)lato cu(m) p(er)sona dig(n)a de fede, che afferma hauer scorso cu(m) una naue de i(n)dia | p(er) rabia de fortuna de trauersa' p(er) zorni 40 fuora del mar d'india oltra el cauo de soffala | e de le i(n)sule uerde e qui pur al garbi(n) e al pone(n)te e p(er) lo arbitrar de i suo astrologi i q(u)al son | lor guida i scorse circa 2000 mia. Unde certamente el se può affermar e cre|der cussì a questi come a queli i qual uien hauer scorso mia 4000. Dice | ancora Po(m) ponio Mela nel terço libro de la sua Cosmographia | che uno hauea nome Eudoxo, el qual sca(m)pando Lathmin, | Re de alexandria, usì del colfo arabico e nauegò quela | parte austral e uene fin a gades ch' è al streto de çi|belterra. | Adoncha sença alguna dubitatio(n) se può affermar | che questa p(ar)te austral e de garbin sia nauigabile e ch(e) | quel mar indiano sia occeano e no(n) stagnon, e cusì | affermano tuti queli che nauegano quel mar | e che habitano quele i(n)sule.	Встречаются многие мнения и записи, что в краях южных вода не окружает эту нашу обитаемую теплую зону, но поддерживаю многие свидетельства противоречащие, особенно тех, кого его величество король Португалии послал со своими каравеллами искать и видеть собственными глазами, которые говорят, что обошли пространства на юго-запад более 2000 миль за пролив Гибралтар, пока наконец не захотели продолжать этот путь, приблизились к берегу, [в направлении] на румб [11°15'] от юга в сторону юго-востока, и, по их суждению, дошли до противоположной стороны [по меридиану] от Туниса и почти достигли таковой от Александрии, везде находя хорошее пространство с небольшой глубиной, и плавали весьма успешно и всегда без шторма. И упомянутые сделали новые карты, по которым плавать, и установили новые названия рек, заливов, мысов, портов, с которых мной получена копия. Потому, если [кто] захочет возразить тем, которые видели [это своими] глазами, путь лучше положит не согласиться и не верить тем, кто оставил описания того, что никогда не видел [своими] глазами, но так полагали. Еще я говорил с человеком с саном в вере, который подтвердил, что плавал на корабле из Индии из-за неистового шторма пересек на 40 дней наружу море Индии дальше мыса Соффала и Зеленых островов, и сюда также на юго-запад и запад, и по суждению их астрономов, которые были их проводниками, они прошли около 2000 миль. Поэтому определенно можно подтвердить и верить как одним, так и другим, которые проделали путь в 4000 миль. Говорит еще Помпоний Мела в третьей книге своей «Космографии», что некто по имени Евдокс, спасаясь от Латмина, царя Александрии, вышел из Арабского залива [Красного моря] и поплыл в эту южною часть, и пришел в конце в Гадис, который на Гибралтарском проливе. Посему безо всяких сомнений можно подтвердить, что эта часть южная и юго-западная судоходна, что это Индийское море – океан и незамкнутое, и так считают все, что плавают в этом море, и кто живут на тех островах.

Были в распоряжении венецианского монаха и секретные карты Каспийского моря (вероятнее всего, предоставленные А.Бьянко), хотя их информация использована не в полном объеме. Известны три портолана Каспийского моря: из Хвара в Хорватии (приплетен к рукописи начала XVI в., вероятно не сохранился) и аналогичный в атласе Весконте Маджжоло 1516 гю, и еще два из собрания Эггертона в Британской библиотеке (№73 и 2803), включенные в атласы, автор одного из них – Г.Бенинказа (Goldschmidt, 1944; Bagrow, 1956; Волков, 2000; Волков, 2005б; Юсупов, Ханмурзаев, 2001). Однако, они могли быть переработаны и включены в карты с более широким покрытием прежде, чем попали в мастерскую на острове Мурано, откуда происходят очень своеобразные произведения[2].

Картографические произведения, связанные с мастерской Фра Мавро, с одной стороны – немногочисленны, с другой – настолько отличаются по стилю изображения от всех остальных карт XIV-XVI вв., что вычленить их из остальной массы – не составляет труда. Здесь настолько особенно показаны горы, реки и города (элементы языка карт), настолько особенна манера помещения экспликаций на свободных частях суши, настолько явен процесс формирования нового, не состоявшегося, языка карт с обозначением границ или дорог, что без долгой аргументации легко определить, что они являются результатом копирования тех образцов, которые находились в мастерской венецианского картографа, когда он создавал свой образ мира.

На карте 1459 г. есть и особенные условные знаки. В нескольких местах помещены незначительно отличающиеся изображения гробниц правителей и знати. Специальным символом отмечено наиболее опасное место в Индийском океане. Одна из надписей (№1406) очень красноречиво иллюстрирует степень жесткости канонов (Gasparrini, 1956, XXIV-140-r15; XXX-61-d15; Falchetta, 2006, №1312)[3]:

No(n) parà da nuouo a q(ue)li che uedeno in q(ue)sta euro|pa cussì picole citade e in asia maçor cussì gra(n)de, p(er)chè doue ho habuto ca(m)po ho fato luogi gra(n)|di e doue son streto picoli, p(er) q(ue)li che uede ha|bi patie(n)tia se no(n) li satisfazo in tuto q(ue)l i uol.	Пусть не покажется новостью тем, что видят в этой Европе такие маленькие города, а в Азии – такие большие и огромные, поскольку, где было поле – я сделал города большими, а где тесно – маленькими; пусть те, кто видит, наберутся сил, если не удовлетворено все, чего они хотят.

Из этого следует, что изображения городов отчасти несут и декоративную функцию – простое заполнение пространства. (Обратите внимание, тот же алгоритм могли использовать и братья Пицигани).

Список карт, восходящих к протографу Фра Мауро, невелик, но может расшириться за счёт неопубликованных атласов. На текущий момент известны 5 единиц. В число входят расширенные портоланы каталонского стиля – ватиканская карта Борджиа-V (Almagia, 1944, Tav.XIII; Волков, 2003, с.258, рис.4), атласы Анджелло Фредуччи 1554 (Freducci, 1554), 1555 (Freducci, 1555) и 1556 г. (Caraci, 1953, p. 23-49), и карта Джорджо Каллаподы 1541 г. (Ratti, 1988, p.77-85). Последняя в целом ограничена незначительно большей территорией, чем «нормальный портолан» (с существенным расширением на юге), на ней бассейн Каспия и Волги вообще не показан. На остальных, к сожалению, участок, где обозначался Укек, не покрыт, изображение заканчивается на месте сближения Волги и Дона с Большим Сараем.

Все эти произведения восходят к одному протографу, который использовал венецианский космограф еще до своего последнего творения (круглой карты мира), и который не сохранился до настоящего времени. Авторство протографа установить невозможно, хотя участие в его компилировании Фра Мауро не исключено. Традиционно аргументом в пользу этого считают то, что на карте мира и на карте Борджиа-V в легендах сохранено повествование от первого лица. Увы, это словесная часть информации, и к картографическому прототипу она относится опосредованно.

Здесь, неизбежно нарушая последовательность описания карт, рассмотрим один условный знак. Он является ключом к пониманию последовательности протографов. На него обращали внимание почти все историки картографии. Это “линия с деревьями” или “линия с троеточиями”. Вероятно, это первый в истории картографии случай использования символа, не являющегося рисунком. Но если в настоящее время символы и штриховки на картах могут придумывать произвольно, то в прошлом сначала пытались просто нарисовать пространство. Из этих рисунков и рождался «язык карт» (Лютый, 2002). Проще всего объяснить подход к проблеме на приме-

ре. В.Э.Булатов давно обратил внимание на особенность современного, известного всем с начальной школы изображения на картах деревьев с отгибом нижней части ствола вправо. Казалось бы, это – совершенно бессмысленное искажение реального предмета. Но оно имеет свое объяснение. На старопечатных картах чаще всего деревья изображали с тенью справа. Это и стало основой для изображения деревьев на современных картах.

По аналогичной схеме шло и развитие условного знака в творчестве Фра Мавро: изображение реального предмета (деревьев с треугольной кроной вдоль линии), затем линии с тремя точками, затем возврат к деревьям, но уже с овальными кронами, что обусловлено стремлением украсить произведение.

По смыслу в большинстве случаев этот знак соответствует границам государств и провинций, которые могут быть незамкнутыми[4]; в значительно меньшей части случаев – дорогам. Фотографическое издание карты Фра Мауро показывает, что при ее создании уже существовали оба варианта знака: и линия с деревьями, и линия с троеточиями. В некоторых случаях уже нанесенные черные троеточия закрашивались зеленым и превращались либо в деревья, либо в кусты с трехпалыми ветвями, либо в менее регулярную травянисто-кустарниковую растительность.

Экспликация знака написана только на круглой карте мира 1459 г. и на Борджиа-V, но она разная.

Борджиа-V (Almagia, 1944, p.36; Winter, 1962, p.20-21; Ratti, 1988, p.82)	
E da Notare ancora per dachiaration de queſto Come tutti segni houero linee lequale Se uerde eſſere jn queſta hopera segnati de uerde Con tre ponti Negri tutti quelli Sonno uie late publiche & comune pe(r) lequale Se uanno de terra Jn terra & de vn loco in un altro per tutto lo habitabile [mondo].	И отмечу также для разъяснения того, как все знаки или линии которые отмечены в этом произведении зеленым с тремя черными точками, являются все широкими дорогами публичными и общественными, посредством которых идут из земли в землю и из одного места в другое во всем обитаемом [мире].
Фра Мауро 1459 (1460) г., №3058 (Almagia, 1944, p.36; Gasparrini, 1954, p. 62, Tav.XL-19-c30; Ratti, 1988, p.82; Falchetta, 2006, №2847)	
Nota che per tuta questa | opera sono fati alguni | segni uerdi e algune pia(n)|tade de arboseli a qual | no(n) demostra altro cha | diuisio(n) e confini de le pro|uincie. ma queli uuol ben in|tender. e necessari(o) habino ben | uisto ad ochio. ouer ben leto e i(n)tendi li | uenti. et habi bona gieometria e bona intelli|gentia de desegno, p(er)che altram(en)te ne cauerane | pocho fructo. e no(n) porano far bo(n) çudicio de | quelo j uederano desig(n)to qui suso.	Заметь, что во всем этом произведении сделаны некоторые зеленые знаки и некоторые посадки деревцев, которые показывают ни что иное как разделение и границы провинций, но тем, кто хочет хорошо понимать, необходимо хорошо увидеть глазами или же прочесть и понять направления (ветры), и хорошо понять построение и смысл рисунка, поскольку иначе не извлекут малого плода и не получат руководства из того, что они видят обозначенное здесь сверху.

Исходная идея для разработки знака содержится в «Книге» Марко Поло: «ГЛАВА С. ***Как великий хан сажает дерева по дорогам.*** По большим дорогам, где гонцы скачут, купцы и другой народ ездит, великий хан приказал через каждые два шага насадить деревья. Деревья эти, скажу вам, теперь велики так, что видны издали. А сделал это великий хан для того, чтобы всякому дорога видна была и заблудиться нельзя было. И по пустынным дорогам есть дерева; для купцов и для гонцов великое от того удобство; и во всех царствах и областях есть дерева по дорогам» (Карпини, 1997. С.268; Поло, 2009. С.207).

Из этого следует, что первоначально знак был создан для дорог, а затем переосмыслен до значения границ. Следовательно, на карте Борджиа-V мы имеем дело с начальным этапом творчества. Это лишний раз подтверждает точку зрения П.Фалькетты, что она (или ее протограф) была «генеральной репетицией» для карты мира (Falchetta, 2006, p.52)[5]. Есть даже признаки того, что эти два произведения – ближайшие между собой копии. Карта Борджиа-V – не закончена, на ней многие надписи выполнены без первой буквы, которую предполагалось затем написать цветными чернилами более крупно. Иногда это пропуск заглавной буквы в слове «Questo», которое выглядит как «uesto». На территории России на карте мира 1459 г. (на ватиканской карте эта область не покрыта) есть по крайней мере три названия, которые, надо полагать, переписаны с оригинала без первой буквы. Это Коломна на Оке (fiume hoca) в форме «alana»[6]. Это провинция (княжество) Галич в форме «P(ROUINCIA) ALICH». Это провинция (княжество) Тверь в двух формах – «P(ROVINCIA) QVIER» и «paese Quier». Здесь, возможно, пропущенная первая буква заменена на «Q».

Атласы Анджелло Фредуччи, хотя скопированы значительно позже (1554-1556 г.), стоят ближе к протографу. Здесь заметно меньше

пространных экспликаций (большие – только на Каспии, в деталях совпадающие с изображением на карте Борджиа-V). В атласе 1556 г. дороги с деревьями с треугольными кронами обозначены преимущественно в Африке, а на остальном пространстве им соответствует упрощенный знак без деревьев и троеточий (по крайней мере, они не видны в имеющемся издании). В Азии (а в атласах 1554 и 1555 гг. – повсеместно) это просто линии с «отмывкой» снизу, на которых стоят крупные города, что больше соответствует дорогам. Это не единственное свидетельство того, что атлас 1556 г. восходит к протографу более раннему, чем карта мира 1459 (1460) г. (Caraci, 1953, p.42).

Карта Джорджо Каллаподы 1541 г. по манере изображения и количеству экспликаций очень близка к карте Борджиа-V, но низкое разрешение в издании позволяет только установить некоторые отличия, но не определить последовательность картографирования. Впрочем, участок Поволжья здесь просто не покрыт листом.

Роскошно для своего времени изданная карта Борджиа-V, прокомментированная Р. Альмаджия, является самым ранним образцом по времени копирования, хотя и отражает более позднюю фазу редактирования, чем Атлас А.Фредуччи. Время ее составления традиционно, вслед за Р.Альмаджия, относят приблизительно к 1450-1453 г., иногда – до 1450 г. (Falchetta, 2006, p.36-52), хотя существует и непризнанное мнение о более поздней ее дате (Almagia, 1944, p.35; Ср.: Caraci, 1953, p. 23-49).

Фра Мауро упоминает также в одной легенде (№1056) некие подробные чертежи Малой Азии, имевшиеся в его распоряжении, возможно морские, информацию которых картографу не позволил отобразить масштаб (Gasparrini, 1956, XXII-177-Q15; XXVIII-20-C11; Falchetta, 2006, №1014).

Io ho lassato am|plissimi desegni | de tute queste p(ar)|te, zoè armeni|a, mesopotamia, | siria, | capadocia, | cilicia, pa(m)phylia, | licia, asia p(ro)p(r)ia e menor, | bitinia, galatia e | tute le altre che lì | sono meio disti(n)c|te et ordinate	Я оставил подробнейшие рисунки всех этих частей, то есть Армении, Месопотамии, Сирии, Кападокии, Киликии, Памфилии, Ликии, Азии собственно и Малой, Вифинии, Галатии и всех других, что здесь находятся более определенно и упорядоченно.

Увы, к нашей территории эти источники отношения не имеют.

2. Древние (включая Отцов Церкви) и средневековые авторы не ограничены Птолемеем, ссылки на которого даются в 11 легендах (№№233, 1214, 1491, 1557, 1568, 2649, 3042, 3060, 3085, 3109, 3116). Их сведения отражены преимущественно в легендах, и не всегда соответствуют изображению. Это: Дионисий Галикарнасский - №822; Арриан Флавий - №822; Гай Плиний Старший - №57; Помпоний Мела - №2649; Мессала Корвин - №2649; Марк Порций Катон Старший -№1952; Блаженный Августин Аврелий; Василий Великий Кесарийский; Иероним - №1462; Статий Тебаид - №822; Павел Орозий - №952; Юлиан Солин - №57, 822, 1134. Использовались и данные близких по времени авторов: Фачио дели Уберти - №57. По содержанию устанавливается знакомство Фра Мауро материалами «путешествия» Николо Конти (№24). П.Фалькетта установил заимствования из «Географии» Страбона, хотя его латинский перевод был закончен не ранее 1458 г., а греческого Фра Мауро не знал (Falchetta, 2006, p.60). Это важно лишь для того, чтобы проиллюстрировать, что новшества в картографии не всегда связаны с литературной традицией. Некоторые наблюдения показывают знакомство с информацией венецианцев из Таны. Можно было бы предполагать, что информатор – это Иосафат Барбаро, если бы его сочинение не было написано тремя десятилетиями позже, чем создана карта. В частности, здесь есть анахронистичное обозначение провинции Алания (·p· asse) в восточном Приазовье (этого нет на карте Борджиа-V), что пространно оговорено у Барбаро (Скржинская, 1971, с.115, 129, 137-138, 154, §7-8, 45) Также на Северном Кавказе обозначены черкесские «провинции» Кремук (chremuch) и Кебик (chebich), фигурирующие в списке черкесских племен только у Барбаро (Скржинская, 1971, с. 128, 153, §42). Вероятно, картограф использовал алалогичные устные сведения от прежних обитателей этих мест.

3. «Книга» Марко Поло была основным, но не единственным источником, при изображении восточной части Старого Света.

Возможно, Фра Мауро использовал какие-то картографические материалы, связанные с деятельностью его более знаменитого соотечественника. Но это вопрос значительно более сложный, чем поиски источника словесной информации. Единственный образец изображения востока Азии, связанный с семьей Поло, чаще всего считают подделкой или, по крайней мере, о возможности фальсификации

упоминают (Bagrov, 1948, p.12-13; Woodward, 1987, p.315). Действительно, настораживает его происхождение из самой подлой страны мира (США). Но если смотреть беспристрастно, то копия карты, составленная в XVII в., не представляется чистым вымыслом.

Это листы бумаги XVII в., с письмом также XVII в. Не противоречит дате и манера изображения корабля. Факт фальсификации устанавливали на основании использования поздней лексики, не совместимой с эпохой Марко Поло и его ближайших потомков. Однако, для XVII в. эта лексика допустима, и несоответствие может быть объяснено позднейшей корректировкой при переписывании. (Китайские иероглифы на полях тоже изменены до неузнаваемости). В результате получается, что фальсификатор должен был очень точно подделать продукцию XVII в., изобразив при этом Каспийское море близко е его реальным очертаниям. Таких контуров в XVII в. не знали, но они были известны очень ограниченному числу картографов XIV-XV вв. Вопрос о знакомстве Марко Поло с достоверными морскими картами остается открытым, но считать этот факт невозможным – преждевременно.

Есть этому и туманное подтверждение в источнике XVI в. Джованни Баттиста Рамузио при издании «Книги» Марко Поло приводил и собственные наблюдения, сделанные в Венеции его времени (Ramusio, 1559, p.17).

Resta ch'io dica anchora in generale alquante cose sopra questo libro (di Marco Polo) ch'io essendo già giovane udii più volte dire dal molto dotto et reverendo Don Paolo Orlandino di Firenze eccellente cosmografo et molto mio amico che era priore del Monastero dì San Michele dì Murano a canto a Venetia dell'ordine de Camaldoli, che mi narrava haverle intese da altri frati vecchi pur del suo monasterio; e questo è come quel bel mapamondo antico miniato in carta pecora et che oggidì ancor in un grande armaro si vede a canto il loro choro in chiesa, la prima volta fu per uno loro converso del monastero quale si dilettava della cognition di cosmografia, diligentemente tratto e copiato da una bellissima e molto vecchia carta marina et da un mappamondo che già furono portati dal Cataio per il magnifico Messer Marco Polo et suo padre, il qual così come andava per le provincie di ordine del gran Can, così aggiugneva et notava sopra le sue carte le città et luoghi ch'egli ritrovava come si è sopra descritto; ma per ignorantia di un altro che dopo di lui lo dipinse et fornì aggiungendovi la descrittione di huomini et animali di più sorte et altre sciocchezze, vi furono aggiunte tante cose moderne et alquanto ridiculose, che appresso gli huomini di giudicio quasi per molti anni perse tutta la sua auttorità, ma poi che non molti anni sono per le persone giudiciose s'è incominciato a leggere et considerare alquanto più diligentemente questo presente libro di Messer Marco Polo che fin hora non si hauea fatto et confrontare quello ch'egli scrive con la pittura di lui, immediate si è venuto a conoscere che il detto mappamondo fu senza alcun dubbio cavato da quello di Messer Marco Polo et incominciato secondo quello con molto giuste misure et bellissimo ordine onde fin al presente giorno è da noi continuamente stato in tanta veneratione et precio appresso tutta questa città … .	«Мне остается сказать еще в общем некоторые вещи об этой книге [Марко Поло], что я, будучи еще молодым, слышал много раз от премного образованного и достопочтенного дона Паоло Орландино из Флоренции, замечательного космографа и моего большого друга, что был настоятель монастыря Святого Мхаила на Мурано, на краю Венеции, ордена кальмадолов, который мне рассказывал, что он узнал от других старых братьев по его монастырю, что есть такая замечательная карта мира древняя нарисованная на пергамене, и что в настоящее время еще в одном большом шкафу видна с краю на их хорах в церкви, в первый раз сделанная монахом их монастыря, который развлекался познанием космографии, прилежно обработанная и скопированная с одной замечательной и очень старой морской карты и с одной карты мира, которые когда-то были привезены из Китая славным мессером Марко Поло и его отцом, который также, как проезжал по провинциям под управлением великого Хана, так и добавлял и отмечал на своих картах города и места, которые они встречали, как выше описано. Но по невежеству другого, кто после них ее рисовал и украшал, добавил в нее описание людей и животных многих сортов и другие ошибки, в нее были добавлены такие предметы современные и достаточно смехотворные, потому среди людей рассудительных почти на многие годы потерял всю свою авторитетность, но затем (что не многие годы для людей разумных) начали читать и обдумывать несколько более прилежно это представленное в книге мессера Марко Поло, так что вплоть до настоящего времени не имеется факта и сопоставить то, что он пишет с изображением его, непосредственно, приходит к пониманию, что данная карта мира безо всякого сомнения извлечена из той мессера Марко Поло и изначально следует той с большим согласием границ и прекрасным порядком, отчего до наших дней и от нас непрерывно установлено в таком почтении и потому во всем этом городе...

4. В распоряжении Фра Мауро были какие-то (не морские) карты, выполненные абиссинскими монахами, о чем свидетельствует надпись №86: «Поскольку для некоторых будет ново, что я говорю об этой южной части, которая была почти неизвестна древним, поэтому я отвечаю, что все это изображение от Сайто[7] и вверх я получил от тех

собственно [подлинных], кто родился здесь, они монахи, которые своими руками нарисовали мне все эти провинции, и города, и реки, и горы с их названиями; кои все вещи не мог показать здесь с должным порядком из-за недостатка места». Вероятно, это были участники эфиопского посольства, прибывшего в Рим в 1441 г. (Хенниг Р., 1963, с.103-108). Во всяком случае, более ранняя миссионерская деятельность не оставила подобной информации (Хенниг, 1962, с.88-95).

5. Арабские (вернее, восточные вообще) источники отражены на карте незначительно – преимущественно, это устные (или словесные) сведения (Cerulli, 1935, p.336-338; Crone, 1952, p.57-64). Примерами являются легенда о гигантской птице, рассказ о Море Мраков и т.п. Эта информация могла быть получена и опосредованно.

6. Священное Писание безусловно было знакомо Фра Мауро очень хорошо, но ссылки в тексте на него немногочисленны: «Первая книга Моисеева. Бытие», «Книга Царств», «Книга пророка Даниила» (№952).

Долгое перечисление использованных картографом источников нужно было для того, чтобы у читателя не сформировалось превратное впечатление о произведении, как о результате применения какого-то тайного знания, находящегося на недосягаемых для своего времени высотах. Это часто происходит из-за даваемых карте характеристик, которые стали устойчивым штампом. «Вершина средневековой картографии», «апогей» и тому подобные определения запоминаются очень хорошо и тиражируются без уточнения того, что за этим стоит. В действительности оказывается, что большая часть использованных в произведении источников определима, хотя есть и не сохранившиеся. Фра Мауро проделал гигантскую работу по компилированию разнородных сведений, и в этом ему не было равных. Но считать изображение «истиной» не следует, особенно для регионов, данные о которых были только словесными.

7. Отдельный пласт информации составляют сведения о землях Руси. К сожалению, сам картограф не оставил записи об источнике этих данных. Забегая вперед, отмечу, что территория Руси показана бедно. Узнаваемо то, что заимствовано с карт каталонского стиля, добавлен минимум новых определимых объектов, а значительная часть с трудом поддается идентификации при допущении грубейших искажений названий.

Предположение П.Фалькетты (Falchetta, 2006, p.91) о том, что были использованы сведения европейских путешественников (Гервазия Тильберийского, Варфоломея Английского, Гильбера де Ланноа) подтверждения не получают: в них вообще нет надежных привязок для чертежника, и практически нет совпадений номенклатуры. Версия о том, что информаторами были «гости-сурожане», в связи с чем «торговые пути по Дону и рекам региона близ Москвы, а также комплекс северных рек (Сухона, Двина, Вычегда, Юг) лучше всего представлены среди 5-ти других регионов с названием «Россия» (Фоменко, 2012, с.10) также не находит подтверждения в источнике. Сухона, Вычегда и Юг на карте вообще не подписаны, а далекое от реальности изображение Северной Руси мешает делать надежные локализации. С самой крупной из этих рек – Северной Двиной дело обстоит сложнее. Отдаленно напоминающее ее русло есть, но его название – Тифо (fl(umen) thifo). Признать такое сопоставление можно только в том случае, если допустить, что город Керкома (Chercoma) – это искаженное «Колмогоры». Как видим, о хорошем представлении торговых путей России говорить не приходится, и строить предположения о «гостях-сурожанах» нет смысла.

Не так велика и вероятность получения информации от иных купцов. Ганзейские купцы бывали в западной части страны регулярно, но только малая часть названий может (предположительно) быть как-то связана с ними. О плаваниях вокруг Норвегии свидетельствует одна из надписей (№3143), выполненная на «листе» пергамена в водах Северного океана. Из содержания следует, что словесная информация была получена картографом непосредственно (Gasparrini, 1956, XLVI-7-E26; Falchetta, 2006, №2920).

Рядом располагается неиспользованный лист пергамена (он мог первоначально готовиться именно для этой надписи). Ближайший к берегу пункт у этой надписи – Ростов (№ 3093). Западнее и восточнее обозначена Пермия (№№ 3142, 3095, 3096). Связывать эту

vna naue de catelani car|ga de corami in mio te(m)po scor|se de qui e p(er) desasio ma(n)zò el suo cargo	Один корабль каталонцев, нагруженный кожаным товаром, в мое время уплывал отсюда, но из-за крушения [экипаж] ел свой груз.

надпись с Россией того времени, поскольку весь этот участок показан не вполне правдоподобно, не совсем корректно.

П.Фалькетта высказал совершенно обоснованное предположение, что источником информации были сведения посольства митрополита Исидора Киевского, которое он отнес к 1441 г. (Falchetta, 2006, p.91)[8]. Действительно, это наиболее вероятно, поскольку многочисленное русское посольство, направленное на Ферраро-Флорентийский собор, в 1438-1439 гг. находилось в Италии, а сам Фра Мауро (в активном возрасте) уже пребывал, по крайней мере с 1433 г., в монастыре на о. Мурано. К сожалению, установить конкретного информатора (и саму информацию) не представляется возможным. Вероятность того, что это был русский митрополит Исидор невелика. Он и после собора долго жил в Италии, там и умер, будучи деканом Священной коллегии кардиналов, но России не знал. Вся его предшествующая религиозная и дипломатическая деятельность проходила на юге Европы, а митрополитом Руси он стал непосредственно перед собором, причем именно для участия в соборе и заключения унии. До отправления в Италию он пробыл в Москве с апреля по сентябрь 1437 г. Вернувшись в Москву в 19 марта 1441 г., Исидор через три дня был заключен в Чудов монастырь, а в сентябре того же года бежал. Хорошо ознакомиться с географией страны ему было некогда, и единственным аргументом в пользу получения картографом информации о России через него может быть только как раз плохое ее изображение на карте.

Об остальных участниках посольства известно немного. В письменных источниках отмечены также епископ Суздальский Авраамий, неизвестный суздалец, оставивший «Хождение на Флорентийский собор», суздальский иерей Симеон, светский посол тверского князя Фома. Вероятность того Фра Мауро получил какую-то информацию от кого-то из суздальцев предельно мала, поскольку их родной город на карте мира не обозначен.

Но на обратном пути посольство без митрополита (по крайней мере, его суздальская часть), останавливалось в Венеции с 15 сентября по 22 декабря 1440 г. Судя по тексту «Хождения на Флорентийский собор» внимание русских к монастырям было особенным. «Около города того на близлежащих островах на море имеется много монастырей, и много других церквей находится в том городе. Господин приехал в тот город 15 сентября. Видели мы в нем, в монастыре святого пророка Захарии, за престолом, в раке каменной отца Иоанна Предтечи и святого Григория и Федора в одной раке; и чернецов там шестьдесят три. В том же городе, в монастыре святой Варвары, лежат ее нетленные мощи, тело без головы. И поехал господин из Венеции на корабле 22 декабря. И пристал корабль к острову. И на нем находится монастырь святого Николы; в нем сам святой Никола лежит...» (Памятники, 1981, с.488-489).

За это время вполне могли произойти какие-то контакты участников русского посольства, в том числе и толмачей, с Фра Мауро. Оставшаяся персона – тверской посол Фома. Он мог бы претендовать на роль информатора, поскольку Тверское княжество на карте показано значительным по размерам. Но этого факта недостаточно для утверждения. Слишком невыразительны окружающие населенные пункты, особенно по направлению к Новгороду, где нет даже обозначения Торжка. Таким образом, детали поступления информации о России в Италию в 1438-1439 гг. остаются неясными. Но упоминания Галича, Мценска, Пермии, Мещеры, Мери действительно свидетельствуют о получении каких-то новых сведений, но только словесных, не имеющих привязки.

Основной результат обзора источников карты сводится к тому, что новой достоверной картографической информации о Среднем и Нижнем Поволжье в распоряжении Фра Мауро практически не было. Опирался он преимущественно на имеющиеся карты каталонского стиля. Единственный сохранившийся экземпляр пространного варианта таких карт – это произведение братьев Пицигани 1367 г.

Теперь рассмотрим изображение Нижнего и Среднего Поволжья на карте (рис. 7). В целом оно укладывается в два квадрата таблицы XXXIV, что составляет 1/6 от одной из 48 таблиц. Приведу их здесь, не меняя нумерации легенд карты в целом. Сначала идет таблица с номером легенды при сплошной нумерации для всей карты (первый столбец), транскрипцией (второй столбец) и переводом (третий столбец).

Затем следует фрагмент таблицы комментариев. Первый столбец обозначает номер по сплошной нумерации, второй – по изданию Т.Л.Гаспаррини (автоматически – это ссылка), третий – по изданию П.Фалькетты, четвертый – комментарий. Если во втором столбце поме-

щены не одни координаты, то это значит, что надпись попадает не на одну таблицу из-за больших размеров и из-за области наложения разных таблиц. Ориентируйтесь на координаты по таблице XXXIV.

Для уточнения чтения надписи читателю необходимо определить по нанесенным на изображение линиям палетки численно-буквенные координаты ее начала. Найдя координаты во втором столбце комментария, можно определить номер надписи (находится в первом столбце), затем найти ее в таблице текста и перевода. Номер надписи в третьем столбце таблицы комментариев фактически является ссылкой на новейшую публикацию карты П.Фалькетты. Если в этой позиции стоит «-», значит надпись в издании П.Фалькетты не учтена; если «≠», значит в издании П.Фалькетты несколько одинаковых подписей объединены под одним номером, и это не первая.

Таблица комментариев

В комментариях характеристика шрифтов дана в начальной позиции 4 столбца, исходя из их самой общей классификации (незначительные особенности размера и начертания я не учитываю). Шрифт самых мелких «черновых» надписей темно-коричневыми чернилами, отмечен в основном тексте звездочкой (*) – в комментарии не оговаривается. Остальные характеризуются номерами. Ш-1 – самый мелкий красный шрифт, использованный преимущественно для экспликаций в Северо-Восточной Азии и небольшого числа топонимов и гидронимов. Ш-2 – мелкий красный шрифт, наиболее часто использовавшийся для названий и пространных экспликаций. Ш-3 – мелкий синий шрифт, часто использовавшийся для названий и пространных экспликаций, но реже, чем красный. Ш-4 – прописные буквы красного и синего цвета, перемежающиеся через одну (этот шрифт

Таблица транскрипции и перевода

2641	azetrecha(n)	Адзетеркан
2642	candach	Кандак
2551	*Sara*]yzuch	Сарайдзук [Сарайчук]
2643	Fl(umen) iaincho	Р(ека) Йаинко
2644	suburga(n)	Субурган [Субурджан]
2645	Sepul|tura i(m)|perial	Императорское погребение
2646	Saray	Сарай
2647	fl(umen) cara saray	р(ека) Кара-сарай
2648	belci|man	Бельчиман
2555	LORDO |[*D*]*E* SARAY	САРАЙСКАЯ ОРДА
2556	*Qui s*]ono 18 se|[*pultu*]re le qual |[*fece fa*]r ta(m)berlam | [*simel* | *a q(ue)sta* | *e li fece se*|*pelir sola*|*me(n)te i capi.*	Здесь находятся 18 погребений, которые сделал Тамерлан подобно этой, и там хоронят только глав.
2664	taiuecho	Тайуеко
2665	SARAY | grando	САРАЙ большой
2666	ialachi	Ялаки
2667	cotraga	Котрага
2668	fl(umen) açialach	р(ека) Аджиалак
2669	Qui Ta(m)berla(n) | fece gra(n)dissima occisio(n) de questi | tartari.	Здесь Тамерлан устроил величайшее избиение этих татар.
2670	fl(umen) hacsu | zoè bia(n)|cho	Р(ека) Аксу, то есть Белая.
2671	EDIL	Итиль
2672	lochachi	Локаки [Укек]
2673	calmuzi | sarà	Кальмузи-Сарай
2583	*tuti*] questi fiu|[*mi c*]he esseno |[*del ma*]r biancho |[*uano*] nel fiu|[*me ed*]il.	Все эти реки, которые происходят из Белого моря, впадают в реку Итиль.
2674	fl(umen) | coche|su	р(ека) Кокесу [Синяя Вода]
2675	sama(r)	Самар
2676	catabalo(n) *	Катабалон
2677	carma(n)co *	Карманко [Керменчук]
2678	borgar *	Боргар [Болгар]
2679	fl(umen) cheruso | çoè roso *	р(ека) Керусо, то есть Красная [Карасу]
2586	…ss…a	???
2588	*pa*]luda |[*de rossia*	Болото России
2680	auo ma(n)car? [cauo panancar ?] *	
2681	LAGO	ОЗЕРО

изредка использовался для названий областей и заголовков к пространным экспликациям). Ш-5 – прописные буквы красного цвета. Ш-6 – прописные буквы синего цвета. Ш-7 – прописные буквы золотом с черной окантовкой (крупные водные объекты, «провинции», основные направления «ветров», некоторые особенно крупные города).

2551	XXXIII-81-H40; XXXIV-69-h1	2400	Ш-2. Сарайчук – более распространенное в золотоордынское время название города Сарайчик (буквально – Сарай Маленькй). Современное с. Сарайчик в 50 км от Гурьева (Атырау) на р.Урал в Казахстане. Город Золотой Орды находился на торговом пути с Нижнего Поволжья в Хорезм. В 1395 г. разрушен войсками Тимура. Позднее восстановлен и был политическим центром Ногайской Орды. Разгромлен казаками в 1580 г. О раскопках: (Самашев, Кузнецова, Плахов, 2008, с.10-29).
2555	XXXIII-85-M40; XXXIV-77-M1	2414	Ш-4. Вероятно, картограф использовал какую-то устную информацию о домене хана, напоминающую сведения Абу-л-Фиды: «А Укек – городок рядом с Итилем, на западной стороне, он [расположен] между Сараем и Биляром, на половине пути между ними. И относительно каждого из них на расстоянии пятнадцати переходов. И до Укека доходит орда царя татар в стране Берке, но не входит в него» (Aboulféda, 1840, p.217).
2556	XXXIII-85-M40; XXXIV-78-m1	2414	Ш-3. В прежних изданиях эта надпись объединена с предыдущей (№2555). Источник информации не определен.
2583	XXXIII-116-q40; XXXIV-103-q1	2438	Ш-3. Эта информация не позволяет связывать «Белое море» карты с каким-либо реальным объектом: из него вытекают реки – левые притоки Волги.
2586	XXXIII--r40; XXXIV--S1	-	Краска почти полностью облетела, поэтому однозначное чтение невозможно. Не исключено, что здесь еще одно повторение подписи «paluda de rossia», но этому противоречит большой знак города, расположенный у надписи. Выше и левее строки – четкие следы самой мелкой коричневой подписи, вероятно, того же содержания, начинающейся с буквы «р». Возможно также, что здесь было не сохранившееся название провинции. Большая определенность может появиться только при работе с самой картой при особом освещении. Есть шанс получить еще одно название в пределах Болгарского улуса Золотой Орды.
2588	XXXIII-120-S40; XXXIX-26-A34	≠2440	Ш-2. Эта надпись повторена несколько раз: №№2585, 2586 (?), 2587.
2641	XXXIV-67-g8	2497	Ш-2. Первые упоминания Астрахани относятся к XIII в., в частности при описании пути через Тану в Хорезм и Китай. Не исключено, что первое указание на строительство здесь церкви сделано Рубруком одновременно у первым упоминанием о Сарае: «Именно по поручению Сартаха он [отец Койяка – И.В.] строил большую церковь на западном берегу реки и новый поселок и хотел, как говорил, приготовить книги для нужд Сартаха» (Карпини, 1997., с.180). Другого значительного поселения рядом с Сараем на правом берегу просто нет. Впрочем, размеры городов XIII в. были настолько малы, что многие из них могут быть просто не найдены. Первоначально город действительно находился на правом берегу Волги, на месте городища Шареный бугор, приблизительно в 12 км от Астраханского кремля. Перенос Астрахани на левый берег связан с сооружением в 1558 г. новой крепости на высоком Заячьем, или Долгом, холме, омываемом Волгой и её рукавами.
2642	XXXIV-68-H4	2501	Ш-2. Топоним известен на ограниченном числе произведений морской картографии. В частности, город Кандак (ciuitat de caldach) изображен на левом берегу недалеко от устья Волги на анонимной каталонской карте начала XV в. (Димитров, 1984, табл.14; Fac-simile, 1881). Показательно, что пункт отсутствует на достоверных портоланах, восходящих к первым съемкам: из Хвара, из Британского музея (атласы собрания Эгертона 73 и 2803) (Bagrow, 1956, fig.4, 5; Волков, 2000, с.329-331, рис.3-5). На картах, восходящих к протографам Фра Мауро этот пункт присутствует. Это позволяет полагать, что в период расцвета золотоордынских городов населенный пункт находился в относительном упадке. По положению ему наиболее соответствует поселение у пос.Комсомольский. Этимология слова неоднозначна. Один из вариантов: кенд + ак, т.е. «Белый город». Тогда его можно сопоставлять с Ак-Сараем, возможно, самой ранней столицей Джучидов (Волков, 2011, с.145-150).
2643	XXXIV-70-h3	2498	Ш-2. Абсолютно соответствует р. Урал (Яик).

2644	XXXIV-71-I3	2503	Ш-2. Пункт отмечен только у Фра Мауро. Нарицательное значение слова может расцениваться как «пригород». Если это совсем близкий пригород Сарайчика, то уточнение локализации невозможно. Поскольку город изображен приблизительно на правом берегу р.Яик (Урал), между Сарайчиком и устьем, наиболее подходящий для него археологический памятник – это городище Актобе близ пос. Тындык Гурьевской (Атырауской) области (Галкин, 1985, с.506) Связь этого поселения с «городом Лаэти на итальянских картах XIV в.» (Галкин, 1985, с.506; Галкин, 1998, с.80; Галкин, 2003, с.52-53) – результат недоразумения, за название города принято искаженное название реки Яика.
2645	XXXIV-72-L4	2508	Ш-3. Традиционно связывают с мавзолеями золотоордынской знати, расположенными у с. Лапас (Егоров, 1985 с.117-118) (46º57'20"С; 47º50'26"В). Несоответствие с реальностью состоит в том, что условный знак расположении выше по протоке (она в устьевой части названа Карасарай), на которой находится Сарай.
2646	XXXIV-73-l5	2509	Ш-2. Соответствует Селитренному городищу (с.Селитренное Харабалинского района Астраханской области) (47º11'С; 47º26'В).
2647	XXXIV-74-l6; XXX-IV-75-l8	2510	Ш-2. Соотнесение с конкретной рекой затруднительно. Карасарай впадает в Итиль рядом с Сараем. Здесь после Волги наиболее значительна Ахтуба, этимология названия которой почти противоположно: «Белый холм», а не «Черный дворец». Изображение нереальных левых притоков Волги, текущих из «Белого моря», пояснено надписью №2583.
2648	XXXIV-76-l9	2511	Ш-2. Пункт известен по ряду произведений морской картографии каталонского стиля, обозначался на Дону и на Волге. Традиционно связывается с деревней Бельджамен, упоминаемой в «Упорядоченье стран» Абу-л-Фиды. Наиболее вероятное соответствие – Мечетное городище в северной части современного Волгограда (48º48'С; 44º36'В), хотя пока еще более распространено мнение о нахождении Бельджамена на Водянском (Дубовском) городище (49º05'С; 44º36'В). Подробнее: (Волков, 2010, с.25-35).
2664	XXXIV-93-N9	2520	Ш-2. По созвучию и положению может связываться с золотоордынским городом Укеком, которому соответствует городище Увек, в настоящее время в южной части г.Саратова и рядом с ним (Недашковский, 2000, с.3-16). Именно так считал Л.С.Багров (Багров, 2005, с.63). Однако, если ориентироваться на участок сближения Дона и Волги, Большой Сарай и «Самар», то знак города получается слишком смещенным к югу. К тому же на левом берегу Волги (что не соответствует действительности) на уровне Саратова обозначен город locachi (№2672), более созвучный Укеку (если отбросить «артикль»). В действительности этот пункт больше всего соответствует Мечетному городищу в северной части Волгограда. (П.Фалькетта прочел название как «Taivecho»).
2665	XXXIV-94-n4	2518	Ш-7, Ш-3. Под первым словом четко просматриваются следы первоначальной надписи синим (Ш-3). Соответствует Царевскому городищу (48º40'С; 45º21'В). Литература, касающаяся интерпретации этого названия на карте обширна, хотя большая ее часть является «историографическим мусором», поскольку за основную информативную единицу был избран шрифт, неверно переданный в офортном издании М.Ф.Сантарема.
2666	XXXIV-95-n5	2519	Ш-2. Надпись расположена над условным знаком города, помещенным при впадении в Волгу р. açialach. Надежная локализация невозможна. Скорее всего, населенный пункт расположен через один от Большого Сарая (видимо, в промежутке находится Cotraga). Соответствует пункту «yalachi» на карте Пицигани 1367 г.
2667	XXXIV-96-O8	2523	Ш-2. Надежная локализация невозможна. Следует исходить из того, что это ближайшее к огромному Новому Сараю поселение с севера.
2668	XXXIV-97-o3	2522	Ш-2 (наклонно). Не вполне понятный левый приток Волги в районе современного Саратова или несколько южнее. Естественно, для сопоставления напрашивается расположенный севернее Большой Иргиз. Скорее всего, не случайно сходство с надписью «toraga» на карте Пицигани 1367 г., там пункт обозначен у южной оконечности острова, но сходство очень отдаленное.
2669	XXXIV-98-P3	2526	Ш-3 (заметно мельче обычного). Положение надписи существенно севернее Большого Сарая.
2670	XXXIV-99-p3	2525	Ш-2. Этимология сомнений не вызывает, Аксу – это Белая Вода. По смыслу названия соответствует реке Белой и нижнему течению Камы, в которую она впадает. Но положение на карте этому совершенно не соответствует. Впрочем, само изображение допускает двойственное толкование: реки Аксу и Коксу не имеют выразительных волжских устий (соответственно у Укека и Самары). Если грубо подгонять источник к реальности, то можно считать, что они текут от волжских городов на ВСВ, затем сливаются, впадают в «болото России», и уже оттуда впадают в Волгу.

2671	XXXIV-100-p8	2527	Ш-4. Название реки подписано к условному знаку города, расположенному в излучине, напоминающей Самарскую луку. Однако он помещен несколько ниже (на противоположном берегу) пункта, связываемого с Укеком (№2672). Если город изображен не просто как украшение, то его можно связывать с Переволокским городищем (Егоров В.Л., 1985, с.107) (53º15'С; 49º10'В). Если искать соответствующий пункт ниже Укека, то вполне подходящим окажется Хмелевское I селище (51º23'С; 45º52'В) площадью около 65 га (Недашковский, 2000, с.120-121).
2672	XXXIV-101-Q5	2532	Ш-2. Традиционно это название связывается с Укеком, которому соответствует городище Увек, в настоящее время в южной части г.Саратова и рядом с ним (Недашковский, 2000, с.3-16). Увы, у Фра Мауро он обозначен на левом берегу Волги, что противоречит действительности.
2673	XXXIV-102-Q10	2528	Ш-2. Надежная локализация населенного пункта невозможна. Связывать этот Сарай с калмыками, как это сделал П.Фалькетта, по меньшей мере, странно. Этноним стал использоваться только с XVI в. Однако то же нарицательное значение в смысле «отделившийся, оставшийся» могло быть использовано для некого «Сарая» тюрками раньше. Но оснований для того, чтобы считать это определение этническим, нет. Вероятность того, что это Камышин, как посчитал А.В. Пачкалов (Пачкалов, 2008, с.64-71), практически нулевая, поскольку изображенный символ располагается не на берегу Волги, и существенно севернее.
2674	XXXIV-104-q4	2530	Ш-2. Этимология названия реки прозрачна: кок + су, то есть «Голубая вода». Левый приток Волги, название подписано в том месте, где река раздваивается, Левый рукав впадает в Волгу у Lochachi, если только не имеет противоположного направления (ср. №2670).
2675	XXXIV-105-q6	2533	Ш-2. Название написано вдоль реки, в устье которой помещен знак города. Выше – следы затертого «чернового» названия «Samar»; левее – остатки «чернового» названия «f cochesu». Сам факт наличия на территории Самары поселения золотоордынского времени не подтвержден. Существующий г. Самара основан только в 1586 г. как крепость. Допустимо, что знак города помещен здесь как украшение, но сделано это было уже на протографе общем с картой Пицигани 1367 г. Существенно, что река имеет другое название, не Самар, а Аксу.
2676	XXXIV-106-R5	2540	Надежное определение затруднительно. Рискованная этимология названия: кара + балык, то есть «Черный город». На участке между устьями Самары и Камы известно только одно крупное золотоордынское городище – Крестовое (54º10'С; 48º36'В) в Чердаклинском районе Ульяновской области (Егоров, 1985, с.107). Соответствует пункту carabolam на карте Пицигани 1367 г.
2677	XXXIV-107-r3	2536	По созвучию и положению ближе всего город Кременчук (Егоров, 1985, с.96). Городище находится на правом берегу Камы у с. Русские Кирмени, ниже устья Вятки. Л.С. Багров сделал экзотическое предположение о связи названия с мифическими аримаспами (Багров, 2005, с.63). Соответствует пункту caramocho на карте Пицигани 1367 г.
2678	XXXIV-108-r4	2539	Соответствует городу Болгару, городище у поселка Болгар в Татарии, на левом берегу Волги ниже устья Камы (54º59'С; 49º03'В). На картах каталонского стиля обозначался регулярно. Идентично топониму на карте Пицигани 1367 г.
2679	XXXIV-109-r6	2541	Это название хорошо иллюстрирует возможные искажения названий венецианским картографом: должно быть «Кызылсу». Надежно связать с какой-либо рекой не представляется возможным.
2680	XXXIV-111-S2	2543	Видимо, не сохранилась первая буква слова «cauo» – мыс. Напрашивается связь названия с мадьярами. Действительно в XVI в. в Казанском царстве фигурировало племенное название можары, которое, впрочем, затруднительно связывать с конкретной местностью (Можаровский, 1884, с.17-20). А.Ф.Можаровский привел серию названий с этим корнем в Казанской и Уфимской губерниях, но сам выдвинул версию о связи упоминаемых можар с тетюшскими чувашами (Можаровский, 1884, с.19). Положение названия на карте не соответствует этому. Соответствует названию «car» на карте Пицигани 1367 г. Ф.К.Брун предполагал, что у Пицигани название не дописано (Брун, 1873, с.4), в целом он был прав, но оно не дописано в начале. Если действительно в начале было «cauo», то это лишний раз свидетельствует о том, что в протографе условный знак города не всегда соответствует городу.
2681	XXXIV-112-S9; XL-1-A3	2545	Ш-5. Озеро расположено на «острове», образованном рукавами Волги, южнее знака города Костромы. Связь с конкретным озером затруднительна. Примечательно, что у Фра Мауро нет отсрова Çiçera, но изображен еще более крупный остров выше по течению. Вероятно, это результат неудачного компилирования разных источников.

Итак, карта Фра Мауро – результат сложной компиляции. Здесь Каспий – в реальной форме, принятой на итальянских портоланах этого моря. Волга (нижнее течение) в целом также соответствует итальянскому варианту изображения, но с дополнительными деталями. Изображение Среднего и Верхнего Поволжья близко к пространному каталонскому варианту. Часть названий совпадает с номенклатурой братьев Пицигани, но явно был использован иной общий протограф, на котором не было пояснительных черных надписей. В мастерской Фра Мауро даже для совпадающей части был использован сходный, но иной образец. В частности, «Car» у Пицигани здесь имеет форму «Mancar», более полную, что можно связывать с маджарами-башкирами.

Обозначение Укека на левом берегу Волги – явление нормальное, это нельзя считать грубой ошибкой. Например, Тану (Азов) довольно часто обозначали на правом берегу, а не на левом. Причина этого – в несовершенстве «языка крты» того времени. Пункт должен был располагаться в месте пересечения строки его названия с линией побережья, что удобно для морских берегов, но не для рек. Поэтому название можно было располагать на любом берегу реки, а затем следовало помещение условного знака города на месте названия. Поэтому следует считать, что у Фра Мауро изображен именно тот Укек, остатки которого находятся на южной окраине Саратова, а не какой-то другой на левом берегу.

3. Карта Джованни Франческо Камоччио 1570 г.

Еще на одну карту второй половины XVI в. обратил внимание Л.Ф. Недашковский (Недашковский, 2000, с.15; Nedashkovsky, 2004, p.11). Поскольку она мало знакома отечественному читателю, приведу ее характеристику, основываясь на данных публикации (Almagià, 1948, p.84-85, tav.XXIX).

Это карта Европы из Апостолькой библиотеки в Ватикане (St. Geogr. 2), очень редкая, хотя и печатная (рис. 5). Р. Альмаджия привел только один ее дубль из Библиотеки Тривульцио во Дворце Сфорца в Милане (Biblioteca Trivulziana di Milano). Карта представляет собой отпечаток с гравированной медной доски, на двух смежных листах общим размером 47,5×77 см, включая поля шириной около 8 мм со всех сторон. По периметру изображена координатная рама с меидианом 35° в центре. Присутствуют три компасные розы: на Средиземном море и Атлантическом океане – на 16 румбов, на Балтийском море – на 8 румбов. В левом верхнем углу (на пространстве океана) изображен циркуль и масштабная линейка: 200 миль соответствуют 42 мм.

В правом верхнем углу почти по границе изображено течение Волги, а рядом – табличка с «завитками пергамена» по границе. Надпись на ней содержит некоторые важные сведения. Здесь есть посвящение Фредерико Балболани ди Конти ди Монтагуто, правителю и верховному главнокомандующему Сиены и герцогу Тосканы. Указано, что карта выпущена в Венеции 6 августа 1570 г., а подпись под этой легендой поставил Джованни Франческо Камоччио (Gioan Franc°. Camoccio).

Основной сопроводительный текст дает мало информации, но все же его стоит привести полностью: «Esse[n]do l'Europa menor più bella et più nobile delle quattro p[arte] del mondo… Qual prouincia in longhezza dall'estremo di Spagna sino | alli fiumi Boristene et Tanais, plaude Meotide et Constantinopoli parte orientale si estende per spatio di migl(ia) ita(liani) | 1750 dal Mediterraneo con molte isole uerso settentrionale, per largezza si dilata et è diuisa in dieci parte | Spagna, Francia, Alemagna, Italia, Rhetia, Vindelitia, Panonia, Datia, Gretia, et Sarmatia, qual parte poi | sono diuise in 134 prouintie ouer regni, contenendo 118 Cittadi secondo Tholomeo e Strabone. Così ritroua|ndo mi hora haver posto in luce un tal nuouo dissegno… alla cui gratia reuerentemente mi racc(oman)do».

Манера гравировки явно венецианская и восходит к творчеству Джакомо Гастальдо, но этого картографа в 1570 г. уже не было в живых. Впрочем, его влияние на ближайших современников и потомков было настолько велико, что в той же манере работали несколько граверов, например, Джироламо Рушелли (1520-1566), который помимо прочего копировал произведения Дж. Гастальдо к изданию «Географии» Клавдия Птолемея. Р.Альмаджия формулировал это несколько иначе. Он считал, что карта «определенно венецианской манеры, особенно для некоторых элементов, таких как Черное и Азовское моря», при этом отмечал, что страны Северной Европы, и даже Италия изображены в более ранней, догастальдовской традиции (Almagià, 1948, p.84). Существенным является то, что топонимы не карте даны в основном на современном родном языке картографа, названия морей – на латыни, названия рек и короткие легенды – или латинские, или современные.

В названиях нередки ошибки (замена и перстановка букв), например, Mare Sordoum (вместо Sardoum – Сицилии), C. S. Vinentio, Barelona, y. Fiongana, Stapodia и т. д. Есть такие ошибки и для Поволжья, о чем речь пойдет ниже. Есть даже корректировка гравировки по меди в надписи «MARE EXTERRANEO». На основании всего этого Р.Альмаджия сделал вывод, что над произведением работали два разных гравёра. Как бы то ни было, карта – произведение компилятивное вне зависимости от числа картографов и граверов.

Содержательная информация карты для Юга России заимствована из несколькоих источников. Помимо Джакомо Гастальдо явно была использована какая-то карта, восходящпая к протографу Фра Мауро. В связи с этим отмечу, что формулировка Л.Ф. Недашковского об этой карте «очевидно, составленной с использованием карты Фра-Мауро» (Недашковский, 2000, с.15) слишком категорична, хотя и отражает суть явления. Едва ли была использована круглая карта мира, сохранившаяся до наших дней. Скорее картографу достался расширенный портолан каталонского стиля, какие использовались в «мастерской» Фра Мауро. По крайней мере, это был значительно более доступный источник.

Опознаваема информация карт К. Птолемея и портоланов предшествующего периода, но и та, и другая могла поступить картографу опосредованно. Например, на Дону в месте сближения с Волгой обозначены птолемеевский Nauaris и Belcman портоланов каталонского стиля. Примечательно, что совершенно отсутствует пласт названий, связанный с более ранним чертежом Московии (произведение Дмитрия Герасимова – Паоло Джовио 1525 г.), получивший еще большую известность блягодаря рукописным картам-копиям Баттисты Аньезе, а затем – картам Джакомо Гастальдо, прилагавшимся к итальянским изданиям К. Птолемея.

Течение Волги на карте (рис. 5) разделено картушем и рамой на три участка, из которых для нас представляют интерес два нижних, имеющие средневековые названия. Номенклатура пунктов на Волге, начиная от устья – вверх, следующая.

Берег	Название	Интерпретация	Символ
Правый	Zitercan	Хаджитархан (Астрахань)	⇧
Левый	Candac		⇧
Левый	Salla	Сарай (Селитренное)	⇧
Правый	Vulga aut Hfa ·f·	Волга или Ра р.	
Правый	Casan	Казань	⇧
Правый	Tauieco		⇧
Левый	Iallachi		⇧
Правый	Edil	Эдиль	⇧
Левый	Locachi	Укек	⇧
Левый	Samar	Самара	⇧
Правый	Calmu	Кальмузисарай	⇧
Левый	Zortazo		⇧
Левый	Borgar	Болгар	⇧
Правый	Castrami	Кострома	⇧
Левый	Carmazi	Мадьяры	⇧

Как видим, ошибки в орфографии на этой части карты также присутствуют. Например, «Calmu» – это явно недописанное название «Calmuzisara», зафиксированное также на карте Фра Мауро; «Carmazi» – это анаграмма названия «mancar» или «mançar», встречающегося на картах каталонского стиля, вероятно, этнонима, но иногда сопровождавшегося условным знаком города.

Классическим примером компилирования является появление здесь Казани, значительно ниже не только Болгара, но и Укека. Это явное следствие либо использования карты более мелкого масштаба с обозначением Казани без дугих пунктов, либо графического выражения словесной информации о расположении Казани на определенном расстоянии от какого-то пункта.

Что касается Укека, то он помещен на левом берегу Волги, как и на карте Фра Мауро. Как уже говорилось, перенос населенного пункта с одного берега на другой – явление обычное.

4. «Упорядоченье стран» Абу-л-Фиды

Информацию из сочинения Абу-л-Фиды «Упорядоченье стран» использовали все исследователи, занимавшиеся Укеком. Долгое время источник был знаком отечественному читателю только маленькими фрагментами, причем

Рис. 5. Фрагмент карты Джованни Франческо Камоччио 1570 г. (Biblioteca Apostolica Vaticana, Pal. Lat. 1362A) (Almagià, 1948, p.84-85, tav. XXIX).
Fig. 5. Fragment of a map by Giovanni Francesco Camoccio, 1570 (Biblioteca Apostolica Vaticana, Pal. Lat. 1362A) (Almagià, 1948, p.84-85, tav. XXIX).

Рис. 6. Фрагмент портолана Петра Весконте 1313 г. с пунктом locachi между palastra и papacoma (Paris, Bibliothèque Nationale, Rés. Ge/ DD 687).
Fig. 6. A fragment of portolan by Peter Veskonte, 1313, site locachi is situated between palastra and papacoma (Paris, Bibliothèque Nationale, Rés. Ge/ DD 687).

без арабского оригинала и в двойном переводе. Недавно появилася появился новый перевод фрагментов, связанных с Восточной Европой (Коновалова, 2009, с.86-128). К сожалению, в некоторых местах, в частности, в связи с Укеком, перевод, скорее, был шагом назад.

Город Укек упоминается в двух местах сочинения. Один раз – во вводной главе, где описыватся крупные объекты физической географии, а в числе рек – Волга (Атиль); другой – в «упорядочивающей» таблице, описывающей страны к северу от седьмого климата. Приведем фрагменты с оригинальным текстом, захватывая соседние с Укеком места важные для понимания, чтобы отчасти преодолеть «цитатный подход».

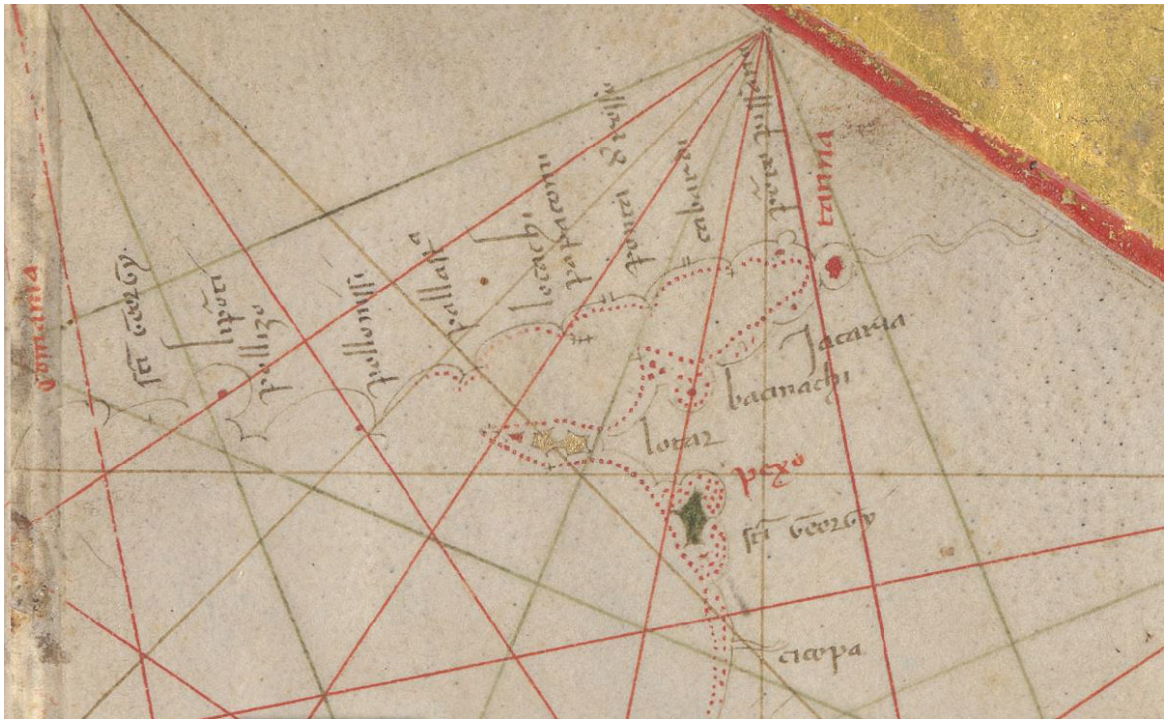


Рис. 7. Фрагмент портолана Петра Весконте 1320 г. с пунктом locachi между palastra и papacoma (Paris, Bibliothèque Nationale).
Fig. 7. A fragment of portolan by Peter Veskonte, 1320, site locachi is situated between palastra and papacoma (Paris, Bibliothèque Nationale).

Рис. 8. Фрагмент атласа Авраама Креска 1375 г. с пунктом locachi между palastra и papacoma (Paris, Bibliothèque Nationale, MS. Esp. 30).
Fig. 8. A fragment of the Atlas by Abraham Cresques, 1375, the site locachi is situated between palastra and papacoma (Paris, Bibliothèque Nationale, MS. Esp. 30).

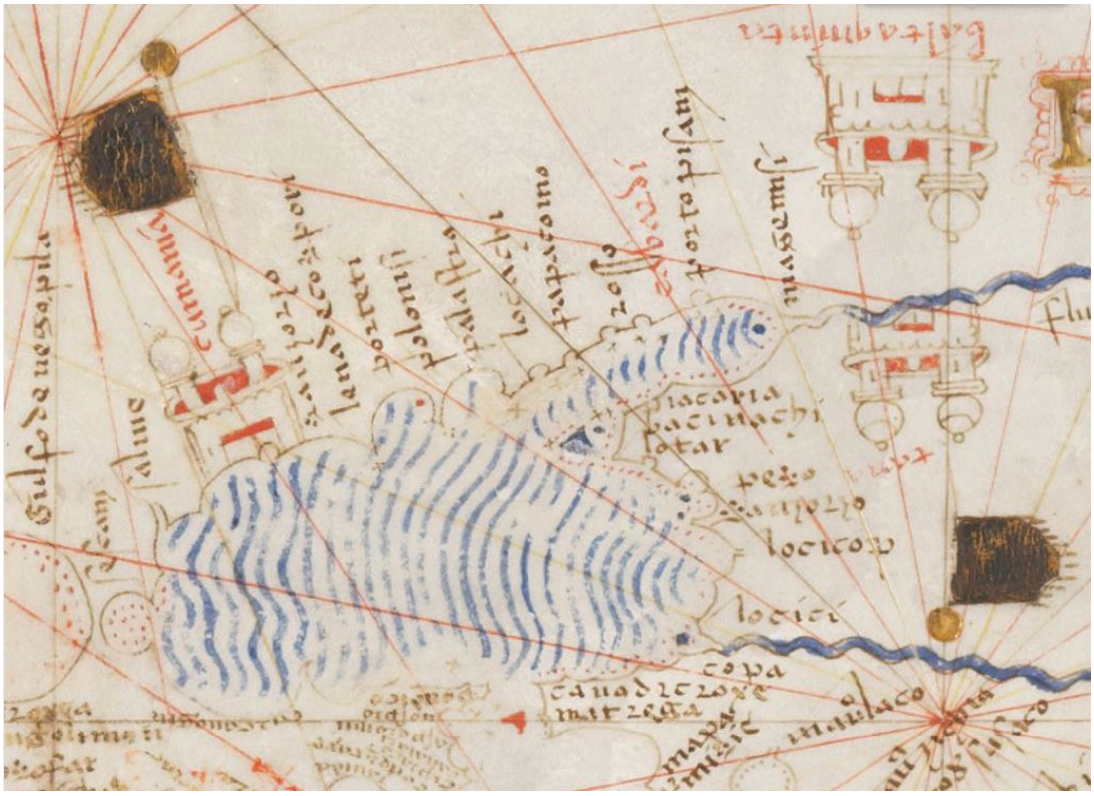


Рис. 9. Фрагмент портолана каталонского стиля Месии де Виладесты 1413 г. с пунктом locachi между palastra и papacoma (Paris, Bibliothèque Nationale, Rés. Ge. AA 566).
Fig. 9. A fragment of portolan in Catalan style by Mecia de Viladestes, 1413, the site locachi is situated between palastra and papacoma (Paris, Bibliothèque Nationale, Rés. Ge. AA 566).

Рис. 10. Фрагмент портолана Грациоза Бенинказы 1367 г. с пунктом locachi между palastra и papacoma (Paris, Bibliothèque Nationale, Rés. Ge. DD 1988).
Fig. 10. A fragment of portolan of Grazioso Benincasa, 1367, the site locachi is situated between palastra and papacoma (Paris, Bibliothèque Nationale, Rés. Ge. DD 1988).

Из 1 главы

نهر الاتل و هو من اعظم انهار تلك البلاد و اشهرها ياتى من اقصى الشمال و الشرق من حيث لا عمارة ويمر بالقرب من مدينة بلار و يستدير عليها من شماليها و غربيها و هى المدينة التى تسمّى بالعربى بلغار الداخلت و عرضها اكثر من خمسين و يجرى الاتل المذكور من بلار الى بليدة على شطّه يقال لها اوكك ثم يتجاوزها الى قرية يقال لها بَلجَمن و يجرى جنوبا ثم يعطف و يجرى الى الشرق و الجنوب و يمرّ على مدينة صراى من جنوبيها و غربيها و صراى على شطّ الاتل من شمالى الاتل و شرقيه و اذا تجاوز الاتل مدينة صراى يفترق بحر الخزر فيصير على ما قيل الف نهر و نهرا و يصبّ حميع ذلك فى بحر الخزر من خهته الشماتية الغربية

Река Атиль. Она – из величайших рек той страны. Известно, что она проистекает с дальнего севера и востока, где нет населения, течет поблизости от города Биляра и огибает его (Биляр) с севера и запада. Его (Биляр) называют по-арабски Болгар Внутренний, а широта его – более пятидесяти [градусов]. Течет упомянутый Атиль от Биляра к городу на берегу его, называемому Укек, затем минует деревню, называемую Бальджам-н, и течет к югу, затем поворачивает и течет на юго-восток, проходит у города Сарая (к юго-западу отнего). Сарай – на берегу Атиля, к северо-востоку от него. Когда Атиль минует город Сарай, он разветвляется, приближаясь к морю Хазар, и становится, как говорят, тысячей и одной рекой. Все они впадают в море Хазар с его северо-западной стороны.

Из 9 главы

٢٢	صراي	قياس	عه	ح	مح	ح	من السبع	قاعدة بلاد بركة	بفتح الصاد و الراء الهملتين و الف وياء مثناة تحتية
٢٣	الاكك	قياس	عح	ح	مط	نه	من السبع	من بلاد صراى	بضمّ الهمزة و فتح الكاف االاولى ثم كاف ثانية
٢٤	بلار و هى بلغار	اطوال قانون	ف ع	ح ح	ن مط	ل ل		فى الشمال عن السبع اومنه	بضمّ الباء الموحدة و فتح الامر و الف وراء مهملة

و هى مدينة عظيمة و هى كرمىّ مملكة التتر صاحب البلاد الشمالية و هو فى زماننا ازبك و هى فى مستوٍ من الارض و هى غربى بحر الخزر و شماليه على نحو مسيرة يومين و بحر الخزر شرقيها و جنوبيها و يجرى نهر الاتل عندها من الشمال و الغرب الى الشرق و الجنوب حتى يصبّ فى بحر الخزر و مدينة صراى على شطّ نهر الاتل من الجانب الشمالى الشرقى و هو فرضة عظيمة للتجار و رقيق الترك و هى محدثة نسبت الى بعض ولد جنكز خان و يعرف بصلابانو و حكى لى بعض اهلها ان نهارها الاطول سنع عشرة ساعة فعلى هذا يكون عرضها اربع و خمسين درجة و هو اصحّ مما فى الجداول
و الاوكك بليدة على جانب الاتل من الجانب الغربى و هى بين صراى و بين بلار و هى على منتصف الطريق بينهما و هى عن كل و احدة منهما على نحو خمس عشرة مرحلة و الى الاوكك ينتهى اردو ملك التتر ببلاد بركة و لا يتجاوزها
و مدينة بلار يقال لها بالعربى بلغار و هى بلدة فى نهاية العمارة الشمالية و هى قريبة من شطّ اتل من البرّ الشمالى الشرقى و هى وصراى فى برّ واحد و بينهما فوق عشرين مرحلة و هى فى وطاة و الجبل عنها اقلّ من يوم و بها ثلثة حمامات و اهلها مسلمون حنفية و لا يكون بها شىء من الفواكه و لا اشجار الفواكه لشدّة بردها و كذلك العنب لا يوجد بها و يستوى بها الفجل و يكون اسود فى غاية الكبر و حكى لى بعض اهلها ان فى اول فصل لا يغيب الشفق عنها و يكون ليلها فى غاية القصر و هذا الذى حكاه محيح موافق لما يظهر بالا عمال الفلكية لان من عرض ثمانية و اربعين و نصف يبتدى عدم غيوبة الشفق فى اول فصل الصيف و عرضها اكبر من ذلك فصحّ ما تقدّم على كل تقدير

№№	Названия	Названия, производимые от них	Двадцать восьмой из климатов урфие, он – северная сторона, охватывает страны различных народов						Правильная огласовка названий
			Долгота		Широта		климат истинный (хакикийун)	климат условный (урфийун)	
			градусы	минуты	градусы	минуты			
22	Сарай	норма	75	8	48	8	в седьмом	столица Берке	Через фатх – сад, ра без точки и алиф, и йа с двумя точками снизу
23	Укяк	норма	78	8	49	55	в седьмом	из городов Сарая	Через дамму и хамзу, и фатху – кяф первый, затем – кяф второй
24	Биляр, он же Булгар	норма	80 70	8 8	50 49	30 30	к северу от седьмого или из него	столица Болгара	Через дамму – ба начальный, и фатху – лям, и алиф, и ра без точки в конце

[Сарай]. Он – город великий и столица татар, властелина северных стран, и он внаше время – Узбек. И он [Сарай] – в центре (?) страны, он западнее моря Хазар и севернее, на стороне расстоянии двух дней пути. И море Хазар восточнее его и южнее его. И течет река Атиль рядом с ним с северо-запада на юго-восток, пока не впадает в море Хазар. И город Сарай – на северо-восточном берегу реки Атиль. И он – великий торговый порт и рынок тюркских рабов. Его основание приписывают Бату, потомку Чингиз-хана. И известно достоверно, и рассказывал мне некий житель его (Сарая), что день там длится семнадцать часов, следовательно, этому соответствует широта его в пятьдесят четыре градуса, а верно, что в таблицах.

А Укек – городок рядом с Итилем, на западной стороне, он [расположен] между Сараем и Биляром, на половине пути между ними. И относительно каждого из них на расстоянии пятнадцати переходов. И до Укека доходит орда царя татар в стране Берке, но не входит в него»

А город Биляр (по-арабски его называют Булгар) – это городок в северном конце населенной [земли], он недалеко от берега Атиля, на суше с северо-востока (от реки - И.В.), он на том же берегу, что и Сарай, а между ними более двадцати переходов. Он в низком месте, а горы от него – в одном дне. В нем три бани. Он населен мусульманами-ханифитами. Нет в нем ничего из фруктов и фруктовых деревьев из-за суровых холодов его (Биляра), винограда в нем также не найдешь. И в нем вызревает редиска, но становится черной с большого конца. И рассказывал мне один из жителей его, что в начальный отрезок лета не становится темно в сумерки над ним, и бывает ночь в конце короткая. И этот рассказ истинный, соответствующий тому, что известно из астрономических трудов: с широты сорока восьми с половиной градусов начинается отсутствие темных сумерек в начальный отрезок лета. Его же широта больше, что ясно сказано в предшествующем определении координат.

(Aboulféda, 1840, p.217).

Рассмотрим основные существенные для настоящего времени переводы фрагмента, относящегося к Укеку. Перевод И.Г.Коноваловой: «Ал-Укак – это город на западном берегу [реки] ал-Атил, между [городами] Сарай и Билар. Он лежит на полпути между ними, на расстоянии около 15 переходов от каждого из них. На Укак двигалась орда царя татар из страны Берке, но не вступила в город» (Коновалова И.Г., 2009, с.125).

Уже в первом же предложении фигурирует слово «берег», которого нет в тексте. Но оно присутствует во французском переводе М.Рено и М.Ж. де Слэна. Казалось бы, мы просто узнаем, с какого языка делала перевод И.Г. Коновалова, и больше не ориентируемся на последний. Но все сложнее.

Перевод М. Рено и М.Ж. де Слэна: «Oukak est une petite ville du septième climat, dans le pays de Seray; elle est bâtie le long du Volga, sur la rive occidentale. Sa situation est à michemin entre Seray et Bolgar, c'est-à-dir à environ quinze marches de chacune de ces deux villes. La horde du prince tartare du pays de Berké s'avance jusqu'à Oukak, mais ne va pas au delà» (p.323-324). Именно этим текстом и пользовалось большинство исследователей XIX-XX вв. Если перевести это на русский, то будет: «Укак – это маленький город седьмого климата в стороне Сарая, он построен вдоль Волги на западном берегу. Его положение – на полпути

между Сараем и Болгаром, то есть приблизительно в пятнадцати переходах от каждого из этих двух городов. Орда князя татар со стороны Берке продвигается до Укака, но не входит в него».

Как видим, о «строительстве вдоль» слов в источнике нет. Также здесь слово «царь» ((ملك переведено как «принц» или «князь» (prince), что существенно понижает статус персоны (у европейцев хан считался императором) и искажает смысл источника. Это минимальные издержки смыслового перевода. Существенно, что здесь предложение о движении орды передано настоящим временем, как и в оригинале.

Собственно, совершенно не понятно, почему И.Г. Коновалова перевела это предложение прошедшим временем. Грамматическая форма в тексте Абу-л-Фиды однозначна: это настоящее время. Мало того, если расценивать время как прошедшее, то фраза становится бессмысленной. Представьте сообщение в справочном географическом труде: «Кто-то туда шел, но не дошел», или «кто-то хотел завоевать, но не завоевал». Это имеет смысловую нагрузку для читателя географического справочника?

В тексте в настоящем времени сообщается, что ханская орда кочует на север вплоть до Укека, то есть, город находится на границе домена самого государя.

Отмечу, что и этот фрагмент, даже в относительно правильном переводе, интерпретировали превратно: в том смысле, что «власть золотоордынских ханов простирается до Укека, но не далее» (Недашковский, 2000, с.14). Из текста источника этого не следует. И вообще было бы интересно узнать, как власть Узбека может не распространяться на какую-то часть улуса Джучи.

5. Ибн Баттута

В сочинении Ибн Баттуты информация об Укеке – очень краткая, но главное – не относится однозначно именно к городу, располагавшемуся на месте нынешней окраины Саратова.

При всей неопределенности абсолютной хронологии (Ibn Battuta, 1993, p.IX-X, 528-537; Хенниг, 1962, с.208-209) и последовательности событий Укек фигурирует во фрагменте, где несоответствия зашкаливают.

Характеристику источника выполняли многократно (Крачковский, 2004, с.416-431). Отмечу лишь наиболее существенные качества самого автора и произведения. Путешественник не был ни географом, ни литератором; путевых записок, видимо, не вел, или делал это очень кратко. Текст произведения по указанию султана Абу Инана (1348-1358) он надиктовал уже после возвращения в г. Фес Мухаммеду ибн Мухаммеду ибн Джузайу ал-Калби, который не только записывал, но и редактировал воспоминания. Работа была выполнена за 3 месяца, запись закончена в декабре 1355 г., а редактирование – в феврале 1356 г. (Крачковский, 2004, с.420-422). На основании пяти рукописей, попавших во Французскую Национальную библиотеку, в том числе с автографами Ибн Джузайа, К. Дефренери и Б.Р. Сангинетти выполнили полное издание текста с французским переводом (Ibn Battuta, 1853-1858). Оно неоднократно переиздавалось, с него же делали переводы на европейские языки (Ibn Battuta, 1877; Ibn Battuta, 1993).

К сожалению, оно оказалось очень неполно введено в оборот среди отечественных исследователей. Фрагменты, относящиеся к Средней Азии и Казахстану, были весьма точно переведены в советское время, хотя и без текста оригинала (Ибрагимов, 1988). Для европейской территории необходимость перевода и комментария сохраняется. Большая часть золотоордынщиков по-прежнему пользуется переводом В.Г. Тизенгаузена (Тизенгаузен, 1884, с.278-314).

Сочинение Ибн Баттуты знакомо нашему читателю неполно и в особенной форме. Оно даже формально отличается по способу представления от произведений других авторов, включенных В.Г.Тизенгаузеном в I том: источник напечатан только в русском переводе, без приложения арабского оригинала. Не понятно, какая причина подвигла к этому В.Г. Тизенгаузена, но и перевод он, видимо делал с французского, а не с арабского. Это тем более странно, что во французском издании текст и перевод представлены синхронно на каждой странице: верхняя половина страницы – арабский, нижняя – французский. И сделан этот перевод так, как принято у филологов: слова не оставляются без перевода, а им подбираются аналоги (хотя бы приблизительные) из языка, на который переводят. В результате в повествовании образуются анекдотичные атрибуты: скит, амвон, ферязь, кулич.

Если прочесть целиком только тот фрагмент, который приведен у В.Г. Тизенгаузена, то неизбежно бросятся в глаза несколько слов, которых в принципе не может быть в арабском тексте. Например, здесь фигуриру-

ет слово амвон, переносимый под открытым небом (Тизенгаузен, 1884, с.285, 287). Но амвон – это возвышение только в христианском храме, такого в мечетях нет, тем более – в степи за городом. Даже без специальной подготовки должно быть понятно, что так переведено слово минбар (منبر), что и имеет место в арабском тексте (Ibn Battuta, 1854, p. 370, 376). А еще в этом замечательном двойном переводе присутствуют такие слова, как «ферязь» и «кулич». Кулич в Хорезме, причем явно не на пасху, выглядит анекдотично (Тизенгаузен, 1884, с.311), хотя в тексте речь идет о хлебе, замешанном на масле, называемом ал-кулиджа (الكليجا) (Ibn Battuta, 1855, p.11; Ср. Ибрагимов, 1988, с.76). Ферязь – также русское название старинной длинной верхней одежды (допетровских времен), оно не могло быть использовано арабом, но это по крайней мере слово арабского происхождения, от «фараджиййа» (فرجيَّة) с аналогичным значением, его и использовал Ибн Баттута (Ibn Battuta, 1854, p.376).

Человеку со средним образованием должно быть понятно, что слова «скит» (из православного обихода) в мусульманском мире не существует, и это не только границы арабского языка. Этим словом В.Г. Тизенгаузен как раз и перевел обычные «завийа», чтобы было понятно носителям русского языка. Все завийи (زاوية) упомянуты в сочинении Ибн Баттуты (Ibn Battuta, 1877, T.2, c.359, 366,375, 449; Ibn Battuta, 1877, T.3, c.1, 6) а с французского, где слово «завийа» передано, как «эрмитаж». Это и стало причиной недоразумения, доходящего до абсурда. Перевод В.Г. Тизенгаузена породил даже целый пласт псевдонаучных опусов о распространении суфизма и скитах – обителях дервишей (Галиахметова, 2002, с. 18; Галиахметова, 2007, с. 91-93).

Объем не позволяет полностью преодолеть «цитатный подход», доминирующий в наше время, но все же попытаемся представить не только 2,5 предложения, относящиеся к Укеку.

Последовательность повествования следующая:

1. Описание Маджара.

2. Поездка оттуда к ставке хана в Пятигорье и возвращение к Маджару вслед за ней.

3. Встреча с ордой, описание султана, хатуней и детей его.

4. Поездка в Болгар и описание Страны мрака (времени для поездки не было).

5. Описание праздника в Пятигорье или окрестностях Маджара (28 рамазана).

6. Поездка всей орды в Хаджитархан.

7. 10 шевваля (14.06.1334) – отправление из Хаджитархана, султан сопровождал 1 станцию.

8. Город Укак в 10 днях от Сарая.

9. Через 10 дней – город Судак.

10. Город Бабасалтук, от которого 18 дней пути до византийской границы (в т.ч. – 8 дней пустынной местности без воды). До этого места от прощания с султаном ехали 19 дней, останавливались – 5.

11. В половине дзулькады (июль 1334 г.) началось движение по степи, через 18 дней – крепость Махтули.

12. От Махтули до Константинополя – 22 дня пути (16 – до пролива, 6 – до Константинополя).

Даже по фрагменту текста, охваченному этим планом, не воспроизводя его здесь целиком, можно сделать некоторые важные для интерпретации наблюдения.

1. Путешественник не всегда соблюдал четкую последовательность событий. Например, в связи с характеристикой отношения к женщинам из высших слоев общества, находясь в районе Маджара, он описывает события при выезде из Крыма (Тизенгаузен, 1884, с.288).

2. Возможны невероятные вставки, скорее всего, сделанные редактором на основании литературных (менее вероятно, устных) сведений, не связанных с диктовкой Ибн Баттуты. Например, для поездки в Болгар у него просто не было времени. Расстояние в 10 дней пути от Маджара до Болгара – не реально, в действительности это не менее месяца. 1 рамазана (6 мая) путешественник стартовал из района Пятигорья в район Маджара, что должно составлять не менее 1 дня пути. Затем Ибн Баттута описывает хана Узбека, его хатуней и детей, причем из описания следует, что он наносил им визиты. Это потребовало бы еще несколько дней. Затем путешественник с проводником отправился Болгар, пробыл там 3 дня и вернулся в ставку 28 рамазана, причем ставка опять была в районе Пятигорья. Получается, что реальным путешествие было бы только в том случае, если бы Ибн Баттута путешествовал без остановок, а до Болгара было бы именно 10 дней пути: Пятигорье – Маджар (1 день) + знакомство с ордой (3 дня) – путь в Болгар (10 дней) – пребывание в Болгаре (3 дня) - путь из Болгара (10 дней) – Маджар – Пятигорье (1 день) – прибытие в Орду 28 рамазана (всего 28 дней). Редактор поработал, и все получается складным, если допустить столько короткий путь к Болгару.

Еще больше «непонятных» вещей во фрагменте, связанном с путешествием Ибн Баттуты к Константинополь и обратно, где и упоминается Укек. Прежде все споры строились на решении вопроса, к какому Укеку относятся приводимые сведения, опираясь на признаки маршрута, характеристики населенного пункта и окружающие ориентиры. Я бы предложил разбить этот вопрос на несколько отдельных, поскольку интерпретация источника сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

1. Был ли вообще путешественник в каком-либо из Укеков?

2. Если этот фрагмент – вставка редактора, то к какому из населенных пунктов она скорее относится?

3. Который из них может быть охарактеризован как холодный и красивой постройки?

4. Рядом с каким из них могли находиться мифические горы русских и серебряными рудниками?

Рассмотрим фрагменты текста (Ibn Battuta, 1854, С.412-415, 444-446); перевод (Тизенгаузен, 1884, с.302-305):

Воспоминание поездки моей в ал-Кустантинийу. И отправились мы в 10 шевваля в сообществе хатуни Баялунь и под ее покровительством. Султан проехал для проводов ее одну станцию; [затем] вернулись он, царица и наследник его; остальные хатуни проехали в сообществе ее [еще] вторую станцию, и потом [также] вернулись. Поехал с ней [дальше] эмир Байдара с 5000 своего войска. Отряд хатуни [составляли] около 500 всадников, в том числе до 200 слуг из невольников и византийцев, остальные из тюрков. Было при ней [также] до 200 девушек, по большей части византийских. Арб было у нее до 400, около 1000 лошадей, для возки их и для верховой езды, до 300 волов и 200 верблюдов для возки их [арб]. Было с ней еще десять византийских отроков и столько же индийских. Старший начальник последних назывался *Сунбулем* Индийцем, а начальник византийских – *Михаилом*, Тюрки же называют его *Лулу* [т.е. жемчужина]; он был один из великих храбрецов. Она [хатунь] оставила большую часть своих девушек и своего багажа в ставке султана, так как ехала с целью навестить [отца] и разрешиться от бремени. Мы направились к городу *Укаку* – [пишется] через *у* и *ка* – городу средней величины, но красивой постройки, с обильными благами и сильной стужей. Между ним и между Сараем, столицей султана, 10 дней пути, а на один день пути от этого города [находятся] горы Русских. Последние – христиане, красноволосые, голубоглазые, безобразной наружности, народ плутовской. У них серебряные рудники, и из страны их привозятся саумы, т.е. серебряные слитки, на которые продается и покупается [товар] в этом крае. Вес такой саумы пять унций.

Через десять дней мы из этого города прибыли в город *Сурдак* [Судак, Сурож], имя которого пишется через *су*, *р*, *да* и *к*. Это один из городов Кипчацкой степи, на берегу моря. Гавань его одна из самых больших и самых лучших гаваней. Вокруг него сады и воды… […]

Потом мы прибыли к городу, известному под именем Бабасалтук. Баба у них имеет такое же значение как у Берберов [т.е. отец]; они только резче произносят [букву] б. Салтук – [пишется это имя] через сал, ту и к – был, говорят, прорицатель, но про него рассказывают [такие] вещи, которые закон запрещает. Этот город самый крайний из тюркских городов; между ним и между первыми владениями Византийцев 18 дней [пути] степью, без всякой оседлости, в том числе 8 дней без воды в ней. Запасается для них вода и везется в мехах и бурдюках на арбах. Вступили мы в нее [в эту степь] во время холода и не нуждались в большом количестве воды…[…]

В половине дзулькаады [июль 1334 г.] мы вступили в степь; с того дня, как нас покинул султан, до начала степи мы ехали 19 дней, останавливались 5. По этой степи мы ехали 18 дней, утром и вечером, и, хвала Аллаху, не видели ничего, кроме хорошего. После этого мы прибыли в крепость Махтули; это первые владения Византийцев – [пишется] имя ее через ма, х, ту, ли. Между Махтули и Константинополем 22 дня пути; из них 16 дней до пролива и 6 дней до Константинополя. […]

Пребывание мое у них [Византийцев] продолжалось месяц и 6 дней…»

Рассмотрим ту приблизительную хронологию, которая имеется. Начнем с того что существуют две традиции датировки путешествия по Золотой Орде. В англоязычной литературе его традиционно относят к 731-732/1332, в отечественной – к 1334 г. Разница на 21 день приводит к некоторому смещению сезонов, но все же не настолько значительному, чтобы это существенно влияло на описываемую обстановку. Разница в пересчете дат разными исследователями также велика, что не всегда поддается логическому объяснению. Впрочем, можно ограничится только мусульманским календарем и считать дни внутри него.

Итак, фиксированных дат для поездки в Константинополь, от которых можно отталкиваться, две: начало маршрута 10 шавваля и начало пути от города Бабасалтук – 15 зу-ль-ка‘да. Если это 732 г.х., то 10 шавваля соответствует 5 июля, а 15 зу-ль-ка‘да – 8 августа 1332 г. Если это 734 г., то даты будут соответственно 14 июня и 18 июля 1334 г. Если первым днем хиджры считать 15, а не 16 июля, то и даты будут на 1 день раньше, что, впрочем, ничего принципиально не меняет.

Помимо того есть данные о времени прохождения отдельных участков. От Хаджитархана до Укака – 10 дней, от Укака до Судака – 10 дней, от Бабасалтука до первой византийской крепости Махтули – 18 дней, от Махтули до Константинополя – 22 дня. В Константинополе путешественник провел 35-36 дней. Обратно он, вероятно, добирался тем же путем, и время чистого движения также должно было составить приблизительно 60 дней.

Для участка первых 20 дней пути указано число остановок: 5 на 20 дней. Следовательно, время, потраченное на дорогу в одну сторону, следует увеличить на 15 дней (приблизительно). При этом за недостатком данных продолжительность движения можно увеличивать или уменьшать. Например, на пути туда в городе Бабасалтук была сделана длительная остановка – 9 дней. На обратном пути такую остановку было не обязательно делать. К тому же обратный путь мог быть более быстрым из-за меньшей численности каравана. Впрочем, поскольку сани как транспортное средство не упомянуты, движение на арбах могло оказаться заметно более медленным.

Чаще всего при определении местоположения Укака, упомянутого Ибн Баттутой исходили из указания на то, что он находился в 10 днях пути от Сарая и от Судака. Увы, это направление бесперспективно. Для посещения Судака, если верить указанным датам, просто не оставалось времени.

Начнем с того, что при поездке из Астрахани в Константинополь сухим путем заезжать в Крым, а тем более в Судак – совершенно бессмысленно. Даже безумная аргументация Л.Л. Голицына, С.С. Краснодубровского, приложенная к Укеку (Баялунь сделала крюк в, как минимум, 700 километров, чтобы попрощаться с ордынскими знакомыми) здесь неприменима. Бессмысленный заезд в Судак составил бы, как минимум, 360 км, причем до 80 из них проходили бы по горной местности.

Но главным является прямое указание на время пути до Бабасалтука самого Ибн Баттуты или его редактора. Первоначально указывалось, что Узбек провожал караван 1 дневной переход, путь от старта в Астрахани до Укака составил 10 дней, а от Укака до Сурдака – еще 10 дней. Затем последовал переход в Бабасалтук. Уже при отъезде из последнего добавлено: «…с того дня, как нас покинул султан, до начала степи мы ехали 19 дней, останавливались 5». Это и есть 20 дней пути минус один день сопровождения султана. Следовательно, для отклонения в Судак не остается ни одного дня, а само упоминание о нем – вставка, источником для которой, вероятно, были какие-то устные или не сохранившиеся письменные сведения, не связанные с наблюдениями Ибн Баттуты. Опасный дедуктивный подход позволяет предполагать, что информация об Укаке и Бабасалтуке – также сторонние вставки. Рассмотрим признаки, которыми должен обладать Укек, упомянутый магрибским путешественником.

1. Город расположен в 10 днях пути от Сарая (вероятно, и Хаджи-Тархана) на сухопутной дороге в Константинополь.

2. Он отличается сильной стужей.

3. В одном дне пути от него находятся горы русских. (У русских – серебряные рудники).

1. По первому пункту волжский Укек описанию совершенно не соответствует, поскольку он находится на слишком большом расстоянии от маршрута. Расстояние до него от Хаджитархана также представлено слишком маленьким, но эта характеристика очень ненадежна для проверки. Главное, что никакого смысла идти в сторону вверх по Волге не было.

Что же касается приазовского Укака, то он лежит приблизительно на пути каравана Баялунь со свитой, хотя отсутствие упоминаний Азака, Азовского моря и даже переправ через реки настораживает.

Необходимо сделать комментарий к недавней литературе на тему. У читателей монографии Л.Ф. Недашковского может сложиться впечатление, что именно этот фрагмент из Ибн Баттуты послужил основанием для суждения о существовании Укека в Приазовье. Это фраза: «Некоторые исследователи, опираясь на эти факты, полагали, что существовал «второй» Укек – где-то в районе северного побережья Азовского моря; через него якобы и проезжал Ибн Баттута по пути с Нижней Волги в Судак» (Недашковский, 2000, с.14; Nedashkovsky, 2004, p.10). Л.Ф. Недашковский даже посчитал, что «эта точка зрения была справедливо опровергнута еще

Л.Л. Голицыным и С.С. Краснодубровским (Недашковский, 2000, с.14; Nedashkovsky, 2004, p.10). В действительности, эти авторы не смогли ничего опровергнуть, поскольку не отличались аналитическими способностями. Над ними совершенно справедливо издевался А.С. Лаппо-Данилевский (Лаппо-Данилевский, 1891, с.243-244). В целом ситуация совершенно иная. Пункт с точно таким же названием, как и на Волге (locachi), известен вовсе не «якобы», а совершенно конкретно (естественно бывают незначительные разночтения в орфографии). Положение его достаточно определенно: это район от Белосарайской косы до Мариуполя.

Если на Волге пункт с таким названием обозначен только на трех картах, восходящих к пространному каталонскому варианту изображения Волги, то в Приазовье он фигурирует практически на всех морских картах, покрывающих этот участок. Если учитывать произведения XIV-XVI вв., то общее количество карт с Укеком в Приазовье будет не меньше трех сотен (рис. 6-10), что на два порядка больше, чем для Волги. Здесь приведены иллюстрации только наиболее известных портоланов, от первого известного по имени создателя морских карт до второй половины XV в. Этот Укек (locachi) в Северном Приазовье продолжали изображать и на картах XVI-XVII вв.

Поэтому заслуженные историки XIX в., излишне доверительно относившиеся к сочинению Ибн Баттуты, пошли по совершенно естественному пути. Осознавая явную немыслимость движения каравана вверх по Волге, они обратили внимание на пункт, также называвшийся Укеком, на самом вероятном маршруте следования. Увы, источник отличается неточностями в последовательности описаний. Впрочем, определенные результаты в решении этого вопроса еще могут дать археологические исследования. Если восточнее Белосарайской косы будет обнаружено золотоордынское городище со слоем первой половины XIV в., не только XIII в., как большинство поселений, соответствующих номенклатуре портоланов с керамическим «комплексом Кабарди», то можно будет говорить о его соответствии Укеку Ибн Баттуты. Увы, вероятность этого невелика.

2. Вопрос о стуже несколько сложнее. Казалось бы, Ибн Баттута мог посетить волжский Укек по пути в Болгар, о чем он совсем ничего не сообщает, вероятно, потому, что само путешествие в Болгар – вставка редактора или вымысел путешественника. Потенциально это могло произойти между 1 и 28 рамазана, то есть 06.05 – 02.06.1334 г. (или 27.05 – 23.06. 1332 г.). Вполне понятно, что в это время года ни о какой стуже не может быть и речи. Укак, упомянут в путешествии в Константинополь, на участке, пройденном между 10 шавваля и 15 зу-ль-ка‘да, то есть 14.06 – 18.07.1334 г. (или 05.07 – 08.08.1332 г.). Наиболее вероятный день прибытия – 21 шавваля, то есть 25.06.1334 г. (или 16.07.1332 г.). Как видим и для этого сезона погода может быть только теплой или жаркой, и на Волге, и в Приазовье. Следовательно, информация не относится к путешествию.

Но с точки зрения сопоставления с текстом приазовский Укак выгодно отличается от поволжского: его Ибн Баттута должен был проезжать на обратном пути, что приходится на зиму. Очень приблизительно можно рассчитать время возвращения, отсчитывая от последней точной даты, 15 зу-ль-ка‘да. От начала движения 18 + 22 дня до Константинополя + приблизительно 35-36 дней в Константинополе + 22 + 18 дней + 10 дней от Бабасалтука до Укака. Итого – 125 дней. Тогда 125-й день – это 6 раби‘ аль-авваль, что соответствует 04.11.1334 г. (или 25.11.1332 г.). При этом во время движения могли быть стоянки, которых в начале движения было 5 на 20 переходов. Тогда к 90 дням движения потребуется прибавить еще около 22 дней стоянок, и последний день перед Укаком будет приходится на 28 раби‘ аль-авваль, что соответствует 25.11.1334 г. (или 17.12.1332 г.). Это время года при любом варианте может отличаться великой стужей. Но самое главное, что уже в Бабасалтуке, то есть за 10 дней до Укака Ибн Баттута уже описывает фантастично сильные морозы, причем описание по стилю очень напоминает хорошо известное в мусульманском мире сказочное описание морозов Хорезма у Ибн Фадлана (Ковалевский, 1956, с.124). Вероятно, это также вставка редактора, но ситуацию это принципиально не меняет. Таким образом, по признаку холодов приазовский Укак может соответствовать описанию Ибн Баттуты, а поволжский – нет.

3. «Горы русских» нельзя предпочтительно относить к одной из двух пунктова с названием locachi. Больших гор нет ни у одного из обоих Укеков. При этом небольшие, но вполния подходящие дла этого наименования есть в приблизительно одном дне пути от обоих Укеков. Это Змиевы горы севернее Саратова (их можно расценивать как часть Приволж-

ской возвышенности) и Донецкий кряж севернее Азовского моря. В обоих местах есть следы присутствия населения русского происхождения в золотоордынское время.

Несколлько сложнее обстоят дела с серебряными рудниками. Формально источник не свидетельствует однозначно о наличии рудников именно в этих горах, которые к тому же находились под полной юрисдикцией золотоордынских ханов, без каких-либо элементов автономии. Сама по себе легенда была весьма широко распространена и у мусульманских, и у христанских авторов. Но она не помогает локализации гор и Укека существенно, поскольку лишь иллюстрирует тот огромный поток дани и поборов, который шел с русских земель в Орду. Обратить на нее внимание следует лишь адептам евразийства, которые бессовестно вещают о равноправии русского населения в Золотой Орде. Впрочем, это проявление пониженной социальной ответственности – явление временное.

И все же, с точки зрения наличия серебряных рудников Приазовье опять находится в более выгодном положении с точки зрения соответствия тексту источника. В Азове (Азаке) даже при археологических исследованиях были встречены фрагменты серебряной руды (раскопки И.В. Белинского). С XVIII в. в южных отрогах Донецкого кряжа у слободы Голодаевки (сейчас – пос. Куйбышево Ростовской области, 47º49' СШ, 38º55' ВД) были известны выходы свинцово-серебряной руды (с небольшим содержанием серебра) (Ламанский, 1859, с.80-83; Брун, 1880, с.277). Примечательно, что первоначально добыча выражалась в сборе галек на поверхности, и во второй половине XIX в. ее ресурс исчерпался. Однако, после начала разработки имеющися бедных жил производство опять активизировалось: «Голодаевка Нагольная или Сарыкова, в Донецком окр., при р. Нагольной; жит. 4332, дворов 543. Вследствие недавно открытой там серебро-свинцовой руды, слобода стала быстро развиваться» (Брокзауз, Евфрон, 1893, с. 101). Вполне очевидно, что в золотоордынское время руды на поверхности было значительно больше, и ее вполне могло испольновать то оседлое население русского происхождения, которое попадало в Приазовье с XIII в. и ранее. Это и могло послужить поводом для упоминания в тексте Ибн Баттуты.

Еще одним аргументом в пользу того, что у Ибн Баттуты речь идет о приазовском Укеке является его упоминание в трактате Абу-л-Аббаса Ахмеда Шихаб-ад-Дина ал-Мысри ал-Калкашанди. Хотя автор жил значительно позже описываемых событий (умер в 821 г.х. / 08.02.1418-27.01.1419), в вопросах делопроизводства он был весьма сведущим, поскольку занимал должность секретаря при Каирском дворе. Он отнес Укек к Крымскому улусу со столицей в Солхате (Поляк, 1964, с. 34, 57). Это никак не может относиться к поволжскому Укеку. При этом все же маловероятно, что приазовский Укек, входивший в Крымский улус, был вовлечен в переписку с египетскими султанами. Скорее, здесь имеет место смешение информации о разных городах.

Итак, если ориентироваться только на фрагмент текста Ибна Баттуты и морские карты, то придется признать, что цитата скорее относится именно к приазовскому Укеку. Однако источник таков, что в нем много вставок, не вписывающихся в маршруты. Поэтому определенная вероятность того, что описание относится к городу, остатки которого находятся на окраине Саратова, сохраняется. Во всяком случае, городище, соответствующее пункту locachi в Приазовье, пока вообще не обнаружено, а если найдется, то очень велика вероятность, что там будут встречены только материалы XIII в., и, следовательно, его не мог заметить Ибн Баттута. Увы, неоднозначность сведений остается.

Появление новых письменных источников, упоминающих город Укек возможно, но едва ли они существенно расширят наши о нём. Это могут быть единичные нотариальные акты итальянского происхождения. Есть небольшая вероятность того, что найдутся карты в атласах, где есть изображение бассейна Волги в каталонском стиле.

Примечания:

[1] На картах Каспия итальянского стиля с более реальными очертаниями приблизительно на этом месте стоит Койсу (coisu).

[2] Это как раз и есть те, по мнению А.В.Постникова, «источники, оставшиеся неведомыми последующим картографам, изображавшим Каспий абсолютно неверно, вплоть до русских съемок начала XVIII в.», (Постников, 1985, с.94). Портоланы, покрывающие только Каспий и нижнее течение Волги, восходят к съемкам. В сокращенном варианте они включен вв карты с более широким покрытием.

[3] На карте Борджиа-V соответствующая легенда имеет тот же смысл, но несколько отличается: «Полагаю,

что многие удивятся, что в этой Азии и также в Африке города нарисованы намного больше, чем в Европе, и это воистину ни для чего иного, как сделать некоторый вид этому произведению. Поелику сделать их маленькими – не будет очень приятно для тех, кто смотрит на это произведение, а чтобы сделать их большими в Европе – невозможно уместить. Поэтому получи и держи цветок, а не колючку» (Winter, 1962, p.23, №18).

[4] Последовательность изображения границ на карте мира особенно четко проработана для востока Азии, там в случае их разрыва незамкнутый участок пределов провинции обязательно занят естественной границей – рекой или горной цепью.

[5] Выводы П.Фалькетты могут абсолютизировать вплоть до того, что Борджиа-V – черновик для карты мира (Betz, 2008, p.46), хотя он допускал ее связь с деятельностью флорентийских художников в 1480-х гг. (Falchetta, 2006, p.52).

[6] П.Фалькетта посчитал, что речь идет о поселении народа аланов.

[7] Город в Верхнем Египте – Абу Саид.

[8] В главе о России (p. 92) П.Фалькетта отметил, что уверенно локализуются только два названия – Quier и Alich, которые, по его мнению, соответствуют Кирову и Угличу. В действительности положение соответствует Твери и Галичу. Не совсем правильно указана дата «посольства» - 1441 г., поскольку именно в этот год Исидора в Италии не было.

ЛИТЕРАТУРА

Брокгауз Ф.А., Евфрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. IX Гоа-Граверъ. СПб.: Лито-Типогр. И.А. Евфрона, 1893. 474 с.

Брун Ф.К. Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море // ЗООИД: 1863. Т. V. Одесса, 1863. С. 109–156.

Брун Ф.К. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия // Записки Императорского Новороссийского университета. Т.IX. Ч.2. Одесса: Новороссийский университет, 1873. С. 1–34, 1 л. карт.

Брун Ф.К. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной Россию Ч. II // ЗНУ, 1880. Т. XXX С.1-408.

Волков И.В. О возможностях локализации Копы (Копарио – ло Коппа) // Древности Кубани. Вып. 12 / Сост. А.В. Пьянков и др. Краснодар: КГИАМЗ, 1998. С. 14–42.

Волков И.В. Столицы Золотой Орды во внешних источниках // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 324–339.

Волков И.В. Поволжье на средневековых европейских картах (в связи с попыткой пересмотра даты основания Самары) // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII–XIV в.) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Офорт, 2012. С. 24–79.

Галиахметова Г.Г. Ислам в Золотой Орде: традиции религиозного опыта. Автореф. дисс… канд. филос. наук. СПб., 2002. 22 с.

Галиахметова Г.Г. Ислам в Золотой Орде: традиции религиозного опыта / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. 132 с.

Галкин Л.Л. Памятники северо-восточного Прикаспия // Археологические открытия 1983 года / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: Наука, 1985. С. 505–506.

Галкин Л.Л. Генуэзские пираты на… Каспии // Вокруг Света, 1998. № 4. С.4.

Галкин Л.Л. Коробейники Золотой Орды // Техника молодежи, 2003. № 2. С. 52–56.

Голицын Л.Л., Краснодубровский С.С. Доклады и исследования по археологии и истории Укека. Саратов: Тип. Губ. Земства, 1890. 102 с.

Димитров Б. България в средновековната морска картография XIV–XVII век / Божидар Димитров. София: Наука и изкуство, 1984. 42 с., 64 л.ил. карт, факс.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.

Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М.: Наука, 1988. 128 с.

Идрисов Ю.М., Ханмурзаев И.И. «Рукописный портулан Каспийского моря 1519 года» Весконте Маджоло как источник по исторической географии Прикаспия // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9. № 4. С. 768–790.

Карпини Плано Дж. дель. История монгалов. 3-е изд. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. - 3-е изд. Книга Марко Поло. 4-е изд. М.: Мысль, 1997. 461 с.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 г. Харьков: Изд-во Харьков. гос. ун-та, 1956. 347 с.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М.: Восточная литература, 2009. 226 с.

Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. М.: Восточная литература, 2004. 919 с., [17] л. ил.

*Ламанский В.*О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб.: Типогр. Имп. АН, 1859. 597 с.

Лаппо-Данилевский А.С. [Рец. на:] Голицын Л.Л. и Краснодубровский С.С. Укек. Доклады и исследования по археологии и истории Укека. Саратов, 1891 // ЖМНП. 1891. Ч. CCLXXVI, С. 235–244.

Материалы для историко-географического атласа России. СПб.: Археографическая комиссия, 1871. V с., 2 л. карт.

Можаровский А.Ф. Где искать в наше время потомков тех Можар, которые в 1551 году среди поля Арского бились с Казанцами верные присяге Русскому Царю? // Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т. 1. Казань: Типография императорского ун-та, 1884. С. 17–20.

Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века / Сост. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачёва. М.: Художественная литература, 1981. 602 с. 14 л. ил.

Пачкалов А. В. CALMUZI SARA на карте Фра-Мауро (1459 г.) // История и современность. № 2, сентябрь. М., 2008. С. 64–71.

Поло Марко. Книга чудес света. М. Эксмо, 2009. 512 с.

Поляк А.Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М.: Наука, 1964. С. 29–66.

Постников А.В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М.: Наука, 1985. 212 с.

Хенниг Р. Неведомые земли. Т. III. / Пер. с нем. А.В. Лисовской, предисловие и ред. И.П. Магидовича. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. 471 с., 6 л. ил., карт.

Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье в XIV веке по картам того времени и археологическим данным (с 2-мя картами) // Труды СУАК. Т. II. Вып. 1. Саратов, 1889. 2, 81 с.

*Тизенгаузен В.*Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: С.Г. Строганов, 1884. 564 с.

Фоменко И.В. Первые упоминания «Самары» в западноевропейских средневековых источниках // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII–XIV в.) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Офорт, 2012. С. 9–23.

Чекалин Ф.Ф. Нижнее Поволжье по карте космографа XV века Фра-Мауро (с картою) // Труды СУАК. Т. II. Вып. 2. Саратов, 1890. С. 247–251.

Языков Д.И. О бывшем монгольском городе Укеке (перевод из сочинений академика Френа) // Труды Российской Академии Наук, 1840. Ч. III. СПб.: Тип. Имп. АН. С. 103–125.

Aboulféda. Géographie d'Aboulféda. Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la société Asiatique par M. Reinaud. Paris, 1840. XLVII, ٥٣٩ p.

Almagià R. Carte geografiche a stampa di particolare pregio o rarità del secoli XVI e XVII essistenti nella Biblioteca Apostolica Vaticana In Monumenta cartographica Vaticana. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1948. VII, 130 p., XL tav.

Bagrow L. Italians on the Caspian. In Imago Mundi. A Review of Early Cartography. Vol. 13. Ed. by Leo Bagrow. Stockholm; 's-Gravenhage: Mouton & Co., 1956. P. 3–10.

Caraci G. The Italian cartographers of the Benincasa and Freducci families and the so-called Borgiana map of the Vatican Library. In Imago Mundi. A Review of Early Cartography. Vol. X. Ed. by Leo Bagrow. Stockholm; Leiden: E. J. Brill, 1953. P. 23–49.

Falchetta P. Fra Mauro's World Map with a Commentary and translation of the Inscriptions. Turnhout (Belgium): Brepols, 2006. 829 p.

Freducci A. [Atlas morski Starego Świata] Angelo de Conte Fredvcci Anconitano le a fatte nel anno 1554. In (Biblioteka Ordinacji Zamojskiej w Warszawie) Biblioteka Narodowa Magagyn Kartografii (ZZK 0.2 401) (URL: https://polona.pl/item/atlas-morski-starego-swiata,NTM4OTY1MQ/5/#info:metadata Дата обращения 20.01.2022).

Freducci, Angello de Conti. Caspian Sea. Atlante of 9 maps, P/36(7-8). National Maritime Museum, Greenwich, London. (URL: https://www.rmg.co.uk/collections/objects/rmgc-object-541166 Дата обращения 20.01.2022).

Gasparrini T.L. Il Mappamondo di Fra Mauro. Roma: Istituto poligrafico dello stato, 1956. 77 p., 49 f. cart.

Goldschmidt E.P. The Lesina portolan chart of the Caspian Sea with a commentary by G.R. Crone. In Geographical Journal. Vol. 103. L., 1944. P. 272–278.

Ibn Battuta, Muhammad ibn Abdallah. Voyages d'Ibn Batoutah, texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Defrénary et B.R. Sanquinetti. T. 2. Paris, 1854.

Mittarelli G.B. Bibliotheca codicum manuscriptorum monasterii S. Michaelis venetiarum prope Murianum una cum appendice librorum impressorum seculi XV. Venetiis: Ex typ. Fentiana, 1779. 921 p.

Nedashkovsky L.F. Ukek: The Golden Horde city and its periphery // BAR IS. Oxford: Archaeopress, 2004. Vol. 1222. 253 p.

Ratti A. A lost map of Fra Mauro found in a sixteen century copy. In Imago Mundi: a review of early cartography. Vol.40. London: Imago Mundi Ltd. C/o King's College, 1988. P. 77–85.

Winter H. The Fra Mauro portolan chart in the Vatican. In Imago Mundi: a review of early cartography. Vol. XVI. Amsterdam: Nico Israel, 1962. P. 17–28.

Zurla P. Il mappamondo di Fra Mauro Camaldolese descritto ed illustrato da D. Placido Zurla dello stess' ordine. Venezia, 1806. 163, 1 p.

Информация об авторе:

Волков Игорь Викторович, кандидат исторических наук, консультант генерального директора ООО «Археология в строительстве» (г. Москва, Россия); plany_2010@mail.ru

REFERENCES

Brokgauz, F. A., Evfron, I. A. 1893. *Enciklopedicheskii slovar' (Encyclopedic dictionary)* IX Goa-Graver. Saint Petersburg: "Lito-Tipogr. I.A. Evfrona" Publ. (in Russian).

Brun, F. K. 1893. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities)* 5. Odessa, 109–156 (in Russian).

Brun, F. K. 1873. In *Zapiski Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta (Notes of the University of Novorossiya)* IX, Ch. 2. Odessa: "Novorossiyskiy universitet", 1–34 (in Russian).

Brun F.K. 1880. In *Zapiski Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta (Notes of the University of Novorossiya)* 30. Odessa: "Novorossiyskiy universitet", 1–408. (in Russian).

Volkov, I. V. 1998. In P'yankov, A. V. et al. (comp.). *Drevnosti Kubani (Antiquities of Kuban)* 12. Krasnodar: "KGIAMZ" Publ., 14–42 (in Russian).

Volkov, I. V. 2000. In Belotserkovskaya, I. V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A. P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology) (A.P. Smirnov's scientific heritage and current issues of the Volga-Kama archaeology)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 324–339 (in Russian).

Volkov, I. V. 2012. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Srednee Povolzh'e v kontekste srednevekovoy rossiyskoy istorii: na perekrestke kul'tur (konets XIII–XIV v.) (The Middle Volga Region in the Context of Medieval Russian History: at the Crossroads of Cultures (Late 13th – 14th c.))*. Samara: "Ofort" Publ., 24–79 (in Russian).

Galiakhmetova, G. G. 2002. *Islam v Zolotoy Orde: traditsii religioznogo opyta (Islam in the Golden Horde: Traditions of Religious Experience)*. PhD Thesis. Saint Petersburg (in Russian).

Galiakhmetova, G. G. 2007. *Islam v Zolotoy Orde: traditsii religioznogo opyta (Islam in the Golden Horde: Traditions of Religious Experience)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Galkin, L. L. 1985. In Munchaev, R. M. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1983 goda (Archaeological Discoveries of 1978).* Moscow: "Nauka" Publ., 505–506 (in Russian).

Galkin, L. L. 1998. In *Vokrug Sveta (Around the World)* (4), 4 (in Russian).

Galkin, L. L. 2003. In *Tekhnika molodezhi (Technology for the Youth)* (2) 52–56 (in Russian).

Golitsyn, L. L., Krasnodubrovskiy, S. S. 1890. *Doklady i issledovaniya po arheologii i istorii Ukeka (Reports and Research on the Archaeology and History of Ukek).* Saratov: "Tip. Gub. Zemstva" Publ. (in Russian).

Dimitrov, B. 1984. *Bălgariya v srednovekovnata morska kartografiya XIV–XVII vek (Bulgaria in the Medieval Marine Cartography of 14th – 17th Centuries)*. Sofia: "Nauka i izkustvo" Publ. (in Bulgarian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ibragimov, N. 1988. *Ibn Battuta i ego puteshestviya po Sredney Azii (Ibn Battuta and his Travels in Middle Asia).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Idrisov, Yu. M., Hanmurzaev, I. I. 2021. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 9 (4), 768–790 (in Russian).

Karpini, Plano Dzh. del'. 1997. *Istoriya mongalov (History of the Mongols).* Moscow: “Mysl'” Publ. (in Russian)

Kovalevskii, A. P. 1956. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921—922 gg. (Ibn-Fadlan's Book on His Journey to the Volga in 921-922)*. Kharkov: Kharkov State University (in Russian).

Konovalova, I. G. 2009. *Vostochnaya Evropa v sochineniyakh arabskikh geografov XIII–XIV vv. (Eastern Europe in the Works of Arab Geographers of the 13th–14th Centuries*). Moscow: “Vostochnaia literatura” Publ. (in Russian).

Krachkovskiy, I. Yu. 2004. *Arabskaya geograficheskaya literature (Arabic geographical literature).* Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).

Lamanskiy, V. 1859. *O slavyanakh v Maloy Azii, v Afrike i v Ispanii (About the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain)*. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Lappo-Danilevskiy, A. S. 1891. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (Journal of the Ministry of Public Education)* 276. Saint Petersburg, 235–244 (in Russian).

1871. *Materialy dlia Istoriko-geograficheskogo atlasa Rossii. (Materials for the Historical-Geographical Atlas of Russia)*. Saint Petersburg, 5 (in Russian).

Mozharovskiy, A. F. 1884. In *Trudy IV Arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th Archaeological Congress in Kazan)* I. Kazan: Imperial Academy of Sciences, 17–20 (in Russian).

In Dmitrieva, L. A., Likhacheva, D. S. (comp.). 1981. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XIV – seredina XV veka (Monuments of Literature of Ancient Russia. 14th - Mid-15th Centuries)*. Moscow: “Khudozhestvennaya literature” Publ. (in Russian).

Pachkalov, A. V. 2008. In *Istoriya i sovremennost' (History and modernity)* 2, septembre. Moscow. 64–71 (in Russian).

Polo Marko. 2009. *Kniga chudes sveta (The Book of Wonders of the World).* Moscow: “Eksmo” Publ. (in Russian).

Polyak, A. N. 1964. In Vostochnye istochniki po istorii narodov Yugo-Vostochnoy i Tsentral'noy Evropy *(Oriental sources on the history of the peoples of Southeastern and Central Europe)*. Moscow: “Nauka” Publ., 29–66 (in Russian).

Postnikov, A. V. 1985. *Razvitie kartografii i voprosy ispol'zovaniya starykh kart (The Development of Cartography and the Use of Old Maps)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: “S. G. Stroganov” Publ. (in Russian).

Fomenko, I. V. 2012. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Srednee Povolzh'e v kontekste srednevekovoy rossiyskoy istorii: na perekrestke kul'tur (konets XIII–XIV v.) (The Middle Volga Region in the Context of Medieval Russian History: at the Crossroads of Cultures (Late 13th – 14th c.))*. Samara: “Ofort” Publ., 9–23 (in Russian).

Hennig, R. 1962. *Nevedomye zemli (Unknown Lands)* 3. Moscow: “Izd-vo inostrannoj literatury” (in Russian).

Chekalin F.F. 1889. *In Trudy Saratovskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Saratov Scientific Archival Commission)* 2 (1). Saratov, 2, 81 (in Russian).

Chekalin F.F. 1890. *In Trudy Saratovskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Saratov Scientific Archival Commission)* 2 (2). Saratov, 2, 247–251 (in Russian).

Yazykov, D. I. 1840. In *Trudy Rossiyskoy Akademii Nauk (Proceedings of the Russian Academy of Sciences)* III. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 103–125 (in Russian).

Aboulféda. 1840. *Géographie d'Aboulféda. Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la société Asiatique par M. Reinaud*. Paris, 1840. XLVII.

Almagià, R. 1948. In *Monumenta cartographica Vaticana*. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, VII.

Bagrow, L. 1956. In Leo Bagrow (Ed.). *Imago Mundi. A Review of Early Cartography* 13. Stockholm; 's-Gravenhage: Mouton & Co., , 3–10.

Caraci, G. 1953. In Leo Bagrow (Ed.). *Imago Mundi. A Review of Early Cartography* X. Stockholm; Leiden: E. J. Brill, 23–49.

Falchetta, P. 2006. *Fra Mauro's World Map with a Commentary and translation of the Inscriptions*. Turnhout (Belgium): Brepols.

Freducci, A. 1554. *[Atlas morski Starego Świata] Angelo de Conte Fredvcci Anconitano le a fatte nel anno 1554*. In (Biblioteka Ordinacji Zamojskiej w Warszawie) Biblioteka Narodowa Magagyn Kartografii (ZZK

0.2 401) (URL: https://polona.pl/item/atlas-morski-starego-swiata,NTM4OTY1MQ/5/#info:metadata Date of access 20.01.2022).

Freducci, Angello de Conti. 1555. *Caspian Sea.* Atlante of 9 maps, P/36(7-8). National Maritime Museum, Greenwich, London. (URL: https://www.rmg.co.uk/collections/objects/rmgc-object-541166 Date of access 20.01.2022).

Gasparrini, T. L. 1956. *Il Mappamondo di Fra Mauro.* Roma: Istituto poligrafico dello stato.

Goldschmidt, E. P. 1944. In *Geographical Journal* 103, 272–278.

Ibn Battuta, Muhammad ibn Abdallah. 1854. *Voyages d'Ibn Batoutah, texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Defrénary et B.R. Sanquinetti.* Vol. 2. Paris.

Mittarelli, G. B. 1779. *Bibliotheca codicum manuscriptorum monasterii S. Michaelis venetiarum prope Murianum una cum appendice librorum impressorum seculi XV.* Venetiis: Ex typ. Fentiana.

Nedashkovsky, L. F. 2004. Ukek: The Golden Horde city and its periphery. In *BAR IS.* 1222 Oxford: Archaeopress.

Ratti, A. 1988. In *Imago Mundi: a review of early cartography* 40. London: Imago Mundi Ltd. C/o King's College, 77–85.

Winter, H. 1962. In *Imago Mundi: a review of early cartography* XVI. Amsterdam: Nico Israel, 17–28.

Zurla, P. 1806. *Il mappamondo di Fra Mauro Camaldolese descritto ed illustrato da D. Placido Zurla dello stess' ordine.* Venezia.

About the Author:

Volkov Igor V. Candidate of Historical Sciences, Consultant to the General Director of Archeology in Construction LLC (Moscow, Russia); plany_2010@mail.ru.

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 900/908 562/569 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.243.248

КУРГАН 5 МОГИЛЬНИКА КРИВАЯ ЛУКА XVI И ПРОБЛЕМА АССИМИЛЯЦИИ МОНГОЛОВ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

© 2022 г. И.И. Дрёмов, Е.В. Круглов

Работа посвящена интерпретации одного из показательных золотоордынских захоронений второй половины XIV века в низовьях Правобережной Волги. Погребение в кургане 5 могильника Кривая Лука XVI было исследовано в 1976 г., введено в научный оборот Г.А. Фёдоровым-Давыдовым в 1984 г. и впоследствии не раз подвергалось научному анализу. Комплекс имеет как индивидуальные особенности, так и типичные признаки для кочевнических захоронений Золотой Орды – курган, ровик, инвентарь, северную ориентировку, гроб, восьмигранную конструкцию из брёвен, разрушение скелета. Его датировка по найденным в могиле монетам – вторая половина XIV в. Погребение, первоначально, рассматривалось в рамках тюркских традиций, но такие элементы погребального обряда и инвентаря, как северная ориентировка, конструкция из брёвен, разрушение скелета позволяют сделать вывод о его принадлежности к монгольской культурной традиции. К настоящему времени имеется ряд надёжно датируемых погребений с аналогичными признаками, позволяющих сделать вывод, что, как минимум, до конца XIV в. часть кочевых монголов не растворилась в тюркской среде, а сохраняла свои культурные традиции.

Ключевые слова: археология, Улус Джучи, кочевники, погребальный обряд, северная ориентировка, монголы, культурные традиции, язычество, буддизм.

KRIVAYA LUKA XVI, MOUND 5 AND THE ISSUE OF ASSIMILATION OF THE MONGOLS IN THE GOLDEN HORDE

I.I. Dremov, E.V. Kruglov

The work is concerned with the interpretation of one of the indicative Golden Horde burials of the second half of the 14th century located in the lower reaches of the right-bank Volga river. Burial in mound 5 of Krivaya Luka XVI burial ground was investigated in 1976, introduced into scientific discourse by G.A. Fedorov-Davydov in 1984, and then repeatedly subjected to scientific analysis. The complex has both individual features and typical signs of nomadic burials of the Golden Horde - mound, ditch, inventory, northern orientation, coffin, log structure, and destruction of the skeleton. It has been dated the second half of the 14th century according to the coins found in the grave. Initially, this burial was first considered within the framework of the Turkic traditions. However, such elements of the funeral rite and inventory as northern orientation, log structure and destruction of the skeleton allow to conclude that it belongs to the Mongolian cultural tradition. A number of reliably dated burials with similar features have been discovered. This allows us to conclude that some of the nomadic Mongols did not dissolve in the Turkic environment and kept their cultural traditions at least until the end of the 14th century.

Keywords: archaeology, Ulus of Jochi, nomads, funeral rite, northern orientation, Mongols, cultural traditions, paganism, Buddhism.

Курган 5 могильника Кривая Лука XVI был раскопан в 1976 г. Поволжской археологической экспедицией МГУ в Астраханском правобережье Волги (Дворниченко и др., 1976). Г.А. Фёдоров-Давыдов отметил своеобразие этого погребения, заключающееся в наличии вокруг могилы восьмиугольного деревянного сруба и ровика. Установлено, что между первоначальным погребением и сооружением насыпи кургана прошло некоторое время, за которое мягкие ткани распались и кости скелета были перемещены. Из ровика имелся «всход» на площадку. Между могилой и всходом зафиксирована яма без каких либо находок. Инвентарь погребения представлен предметами, типичными для кочевнических золотоордынских захоронений и включает наконечники стрел, кожано-берестяной колчан с орнаментированными костяными накладками, фрагменты одежды (Фёдоров-Давыдов, 1984). Отметим также наличие в могиле необработанного камня, железной чашечки и конуса, свёрнутого из листа железа размерами 4×7 см с прикипевшей к нему пластиной (Дворниченко и др., 1976, рис. 122), сведения о котором в публикациях были

утрачены. Датируется погребение второй половиной XIV в. по монете Бирдибека – не ранее 1359 г. Анализ особенностей данного памятника решается с привлечением этнографических, антропологических и нумизматических материалов погребений с конусами и позволяет сделать выводы об их специфике и этнокультурной принадлежности.

Этнокультурные интерпретации погребения

Г.А. Фёдоров-Давыдов рассматривал комплекс из могильника Кривая Лука XVI, 5/1 в русле проблематики «средневековых тюркских кочевников». Отмечая такие нетипичные для кыпчаков черты, как северная ориентировка погребённого, при отсутствии коня, он сопоставил его с сибирскими памятниками «часовенногорского типа» XIII–XIV вв. Он высказал предположение, что в монгольское время «сибирские племена, хоронившие своих мертвецов головой на север, переселились в степи Восточной Европы, но быстро там рассредоточились» (Фёдоров-Давыдов, 1984, с. 98, 101).

Вопрос о культурном, а тем более этническом определении памятников часовенногорского типа решался по-разному. А.А. Гаврилова, публикуя такие материалы, признала их монгольскую основу (Гаврилова, 1965, с. 73–78), Д.Г. Савинов отрицал существование памятников часовенногорского типа, так как они, по его мнению, не представляли собой единой группы и состоят из разнокультурных элементов (Савинов, 1977, с. 90–99). И.Л. Кызласов связывал часовенногорские погребения с кыпчакской группой населения (Кызласов, 2010, с. 149–158). Подробный обзор историографии памятников этого типа дан В.П. Костюковым, который отнёс их к найманам с их «биэтничностью», «не позволяющей однозначно определить их принадлежность то ли к тюркам, то ли к монголам...» (Костюков, 2007, с. 151–156).

В рамках тюркской культурной традиции комплекс из Кривой Луки XVI, 5/1 рассматривался Э.Д. Зиливинской (Дворниченко, Зиливинская, 2005, с. 281–283, 290; Зиливинская, 2009, с. 124, 128).

Иную точку зрения на этноконфессиональную принадлежность материалов комплекса из Кривой Луки XVI, 5/1 высказал П.В. Попов. Предположив, что погребение в течение некоторого времени до разложения мягких тканей тела было открытым, такой способ захоронения он сравнил с буддийской традицией выставления покойного на воздухе, как, например, это практиковалось прежде у калмыков. Такие особенности, как разрушение скелета, наличие монет, которые могли бы находиться во рту покойника, остатки ткани от покрывала, по его мнению, могут указывать на буддийскую традицию монгольского происхождения (Попов, 2011, с. 125, 126).

Бревенчатые конструкции

Е.В. Мыськов в монографии, посвящённой кочевникам Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды, насыпи с бревенчатыми сооружениями выделил в отдельную группу памятников. В качестве аналогии он указал на многогранные срубные юрты Алтая, которые были там привилегией зажиточной алтайской верхушки (Мыськов, 2015, с. 17).

В последние годы исследованы новые памятники со срубными сооружениями. В кургане Клин I в Ульяновской области брёвна прямоугольного сруба лежали по периметру могилы-кенотафа с многочисленным воинским инвентарём и с элементами буддийской атрибутики. Пустая яма без находок и проход в ровике также находились с северной стороны. В могиле имелся и железный конус (Курганный могильник Клин I).

В Самарском Заволжье в одиночном кургане Светлое Поле III под насыпью выявлена округлая конструкция из дубовых плах со следами глиняной обмазки и горения, лежавших в несколько рядов вокруг погребения с северной ориентировкой. С северной стороны был проход к могиле, с СВ стороны имелись две ямы без находок. Под насыпью находилось скопление из 16 конских черепов, частично раздавленных конструкцией из брёвен. Погребение было разрушено, но сохранился многочисленный инвентарь, включая предметы из драгоценных металлов и серебряные монеты хана Узбека 1322–1327 гг. (Сташенков и др., 2021).

Бревенчатые сооружения имеют прямые аналогии в этнографических материалах самой Монголии, где подобные срубы ставили над захоронениями нойонов, правителей областей (Козлов, 1949, с. 114; Жуковская, 1989, с. 165–170). Совпадение этнографических и археологических материалов доходит до деталей: ориентировки, наличия камня, ям без находок или площадок с северной стороны для «белых» жертвоприношений молоком, кумысом и т.д. Учитывая, что в дозолотоордынский период такие конструкции в степи отсутствовали, погребения с бревнами могут быть связаны лишь с монгольской культурной традицией (Дрёмов, Круглов, 2021, с. 151–152).

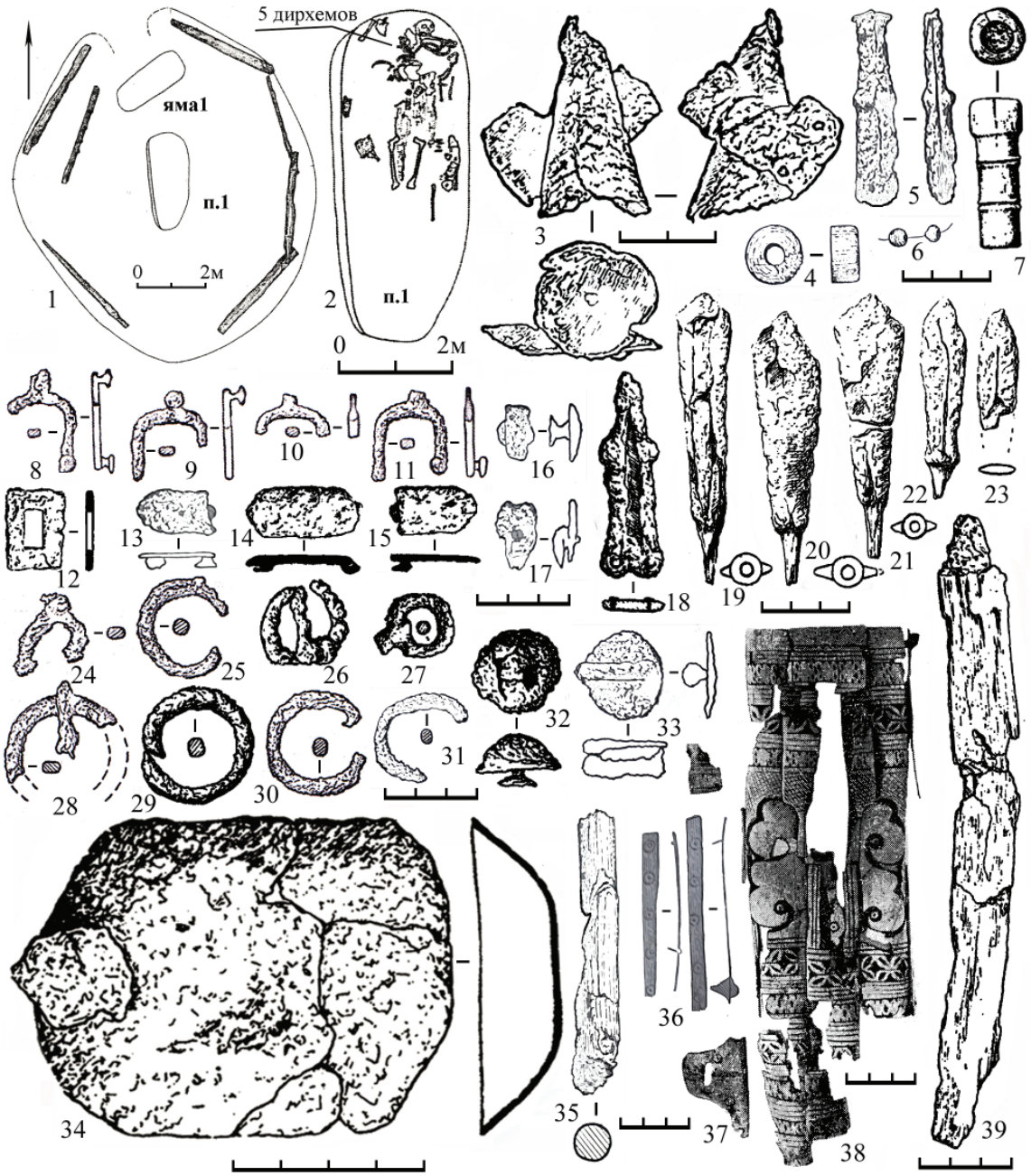


Рис. 1. Материалы кургана 5, Кривая Лука XVI: 1 – план кургана; 2 – план погребения; 3 – конус на пластинах; 4, 7 – костяные предметы; 5 – нож; 6 – пастовые бусы; 8-17, 24-33, 35 – детали сбруи; 18 – пинцет; 19-23 – наконечники стрел; 36-38 – детали колчана; 39 – кинжал. 3, 5, 8-35, 39 – железо; 4, 7, 36-38 – кость (по: Дворниченко и др., 1976, рис. 122; Фёдоров-Давыдов, 1984, рис. 1–4).

Fig. 1. Objects from mound 5, Krivaya Luka XVI: 1 – plan of the mound; 2 – plan of the burial; 3 – cone on plates; 4, 7 – bone objects; 5 – knife; 6 – paste beads; 8-17, 24-33, 35 – harness parts; 18 – tweezers; 19-23 – arrowheads; 36-38 – quiver fragments; 39 – dagger. 3, 5, 8-35, 39 – iron; 4, 7, 36-38 – bone (after Dvornichenko et al., 1976, fig. 122; Fedorov-Davydov, 1984, fig. 1–4).

Монгольские признаки

После введения в конце XX – начале XXI вв. в научный оборот материалов монгольских погребений Монголии, Алтая, Забайкалья, Тянь-Шаня и др. восточных территорий сравнение с ними золотоордынских погребений по таким признакам, как северные и северо-восточные (иногда восточные) ориентировки, каменные выкладки в курганах и над могилами, конструкции гробов, наличие и расположение костей овцы, привело исследователей к выводам о возможности их типологической близости, доходящей до полного совпадения (Иванов, 2019; Потёмкина, 2019).

Разрушение скелета в комплексе из Кривой Луки XVI, 5/1, при всей своей неопределенности, может быть сопоставлено с буддийской практикой, распространенной также и у монголов. Набор из железного конуса, прикипевшей к нему пластины и железной плошки также

является атрибутом захоронений монгольской культурной традиции (Дрёмов, Круглов, 2021). Е.П. Мыськов, изучив конусы из 27 погребений Нижнего Поволжья, рассмотрел их в качестве самостоятельной категории инвентаря и показал связь с монгольским погребальным обрядом (Мыськов, 2015, с. 227–228, 279). Авторами учтено уже более ста погребений с конусами, в том числе 78 могил с железными и около 30 захоронений с бронзовыми (Дрёмов, Круглов, 2021, с. 150, 161). В 8 случаях конусы находились непосредственно на пластинах, прикипев к ним, как это было и в Кривой Луке XVI, 5/1. Набор из железных конусов, пластин и плошек зафиксирован в 55 погребениях: с железными плошками – 21; с бронзовыми – 10; с серебряными чашами и ковшом – 6. Внутри плошек или под ними конусы с пластинами найдены в 12 комплексах. Взаимосвязь конусов с пластинами и плошками очевидна, а их взаимосвязь с такими элементами монгольского обряда, как ориентировка в северный сектор, наличие бревенчатых конструкций, площадок или надмогильных каменных выкладок, костей овцы, включая вертикально поставленную конечность барана, в разных сочетаниях достигает 70–80 %.

Антропологические данные:

Краниологические определения, выполненные специалистами, имеются по пяти комплексам с железными конусами. В дополнение к ним могут быть привлечены данные еще о пяти захоронениях из тех же могильников, но не имеющих в составе инвентаря конусов. Девять из захоронений имели ориентировку на север – северо-восток и ярко выраженные признаки монголоидности центральноазиатского типа. Антропологические определения погребенных с конусами, таким образом, также указывают на монгольскую принадлежность этих погребений (Дрёмов, Круглов, 2021, с. 157)

Выводы

Сопоставление материалов из Кривой Луки XVI, 5/1 с погребениями, имеющих аналогичные признаки, позволяет сделать вывод, что такие особенности, как наличие в кургане срубной конструкции; северная ориентировка погребённого; разрушение скелета; наличие конуса, сочетавшегося с пластинами и плошкой, являются характерными признаками монгольской культурной традиции. Они типичны для кочевников с выраженными монгольскими центральноазиатскими краниологическими параметрами и могут принадлежать потомкам монголов, пришедших в Восточную Европу в середине XIII в. Некоторая часть этих кочевников сохраняла свои культурные традиции до конца XIV в.

ЛИТЕРАТУРА

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1965. 143 с.

Дворниченко В.В., Смирнов А.С., Фёдоров-Давыдов Г.А. Отчет о раскопках курганов в Астраханской области в 1976 г. Москва, 1976 / Архив ИА РАН. Р–1. № 6719, 6719в.

Дворниченко В.В., Зиливинская Э.Д. Средневековые погребальные сооружения из могильника Кривая Лука в Астраханской области // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2005. С. 281–303.

Дрёмов И.И., Круглов Е.В. Железные конусы в погребениях Улуса Джучи: аспекты этнокультурной принадлежности // Нижневолжский археологический вестник. 2021. Т. 20. № 2. С. 149–168. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.7

Жуковская Н.Л. Два культовых объекта в северной Монголии // Новое в этнографии: (Полевые исследования). Вып. 1 / Отв. ред. С. И. Вайнштейн. М.: Наука, 1989. С. 160–171.

Зиливинская Э.Д. К вопросу о формировании погребальных сооружений населения Нижнего Поволжья в золотоордынское время // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2009. № 2. С. 119–139.

Иванов В.А. Монголы в составе кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды): по данным археологии // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 4. С. 636–651. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.636-651

Козлов П.К. Путешествие в Монголию. 1923–1926. Дневники, подготовленные к печати Е.В. Козловой. М.: ГИГЛ, 1949. 237 с.

Костюков В.П. Материалы к этнической ситуации в Южном Зауралье в Золотоордынское время // УАВ. Вып. 6–7. Уфа: Гилем, 2007. С. 151–156.

Курганный могильник Клин I. URL: http://rosarheolog.ru/kurgannyj-mogilnik-klin-1-kurgan-1 (дата обращения 21.04.2021).

Кызласов И.Л. Особенности появления аскизских изделий в Европе в XIII–XIV вв. // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 139–162.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.

Попов П.В. К вопросу о распространении буддизма в Золотой Орде (по данным археологических источников) // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды / Отв. ред. Д.В. Марыксин, Д.В. Васильев. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2011. С. 119–132.

Потёмкина Т.М. Монгольский погребальный обряд золотоордынских кочевнических захоронений // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 167–173.

Савинов Д.Г. О памятниках «часовенногорского типа» в Южной Сибири // Проблемы археологии и этнографии. Вып. I / Ред. М.И. Артамонов, Р.Ф. Итс. Л.: ЛГУ. 1977. С. 90–99.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф., Турецкий М.А., Газимзянов Р.И., Гасилин В.В., Хохлов А.А. Элитное погребение золотоордынской эпохи в Самарском Поволжье: человек, лошади и культовый комплекс // Stratum Plus. 2021. № 5. С. 309–333.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевнический курган XIV в. из Нижнего Поволжья (некоторые особенности погребального обряда средневековых кочевников) // Вопросы древней истории Южной Сибири / Отв. ред. Я.И. Сунчугашев. Абакан: Хакасский НИИЯЛИ, 1984. С. 98–108.

Информация об авторах:

Игорь Иванович Дрёмов, кандидат исторических наук, Областной центр экологии, краеведения и туризма (г. Саратов, Россия); iid57@yandex.ru

Круглов Евгений Викторович, секретарь Волгоградского регионального отделения «Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры» (ВРО ВООПИиК) (г. Волгоград, Россия); khasar@vlpost.ru

REFERENCES

Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen. (Kudyrge Burial Ground as a Source on the History of Altai Tribes)*. Moscow, Leningrad: the Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Dvornichenko, V. V., Smirnov, A. S., Fedorov-Davydov, G. A. 1976. *Otchet o raskopkakh kurganov v Astrakhanskoi oblasti v 1976 g. (Report on the Excavations of Burial Mounds in the Astrakhan Region in 1976).* Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS. R.1, inv. 6719, 6719 в. (in Russian).

Dvornichenko, V. V., Zilivinskaya, E. D. 2005. In Skripkin, A.S. (ed.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 7. Volgograd: Volgograd State University, 281–303 (in Russian).

Dremov, I. I. Kruglov, E. V. 2021. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 20 (2), 149–168 (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.7

Zhukovskaya, N. L. 1989. In Vainshtein, S. I. (ed.). *Novoe v etnografii (Polevye issledovaniia) (New Advancements in Ethnography (Field Studies)* 1. Moscow: "Nauka" Publ., 160–171 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2009. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya (Bulletin Moscow State University. Seria: History)* 2, 119–139 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2019. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 7 (4), 636–651. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.636-651 (in Russian).

Kozlov, P. K. 1949. *Puteshestvie v Mongoliiu. 1923–1926. Dnevniki, podgotovlennye k pechati E.V. Kozlovoi (Journey to Mongolia. 1923–1926. Diaries Prepared for Printing by E.V. Kozlova)*. Moscow: "Glavpoligrafizdat" Publ. (in Russian).

Kostyukov, V. P. 2007. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 6–7. Ufa: "Gilem" Publ., 151–156 (in Russian).

Kurgannyi mogil'nik Klin I (Kurgan burial ground Klin I). Available at: http://rosarheolog.ru/kurgannyj-mogilnik-klin-1-kurgan-1 (accessed: 21 April 2021). (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 2010. In Makarov, N. A., Koval', V. Yu. (eds.). *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: Novye arkheologicheskie issledovaniia (Rus' and Orient in 9th – 16th Centuries: Recent Archaeological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Nauka" Publ., 139–162 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period).* Volgograd: "RANKhiGS" Publ. (in Russian).

Popov, P. V. 2011. In Maryksin, D. V., Vasil'ev, D. V. (eds.). *Voprosy istorii i arheologii srednevekovykh kochevnikov i Zolotoi Ordy (Issues of the History and Archaeology of Medieval Nomads and the Golden Horde.)*. Astrakhan: Astrakhan State University Publ., 119–132 (in Russian).

Potemkina, T. M. 2019. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Kochevye imperii Evrazii v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy. V 2 kn. Kn. 1 (Nomadic Empires of Eurasia in Archaeological and Interdisciplinary Studies). In two wolumes. Vol. 1.* Ulan-Ude: Buryatia Scientific Science Center SB RAS Publ., 167–173 (in Russian).

Savinov, D. G. 1977. In Artamonov, M. I., Its, R. F. (eds.). *Problemy arheologii i etnografii (Issues of Archaeology and Ethnography).* 1. Leningrad: Leningrad State University, 90–99 (in Russian).

Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F., Turetsky, M. A., Gazimzyanov, R. I., Gasilin, V. V., Khokhlov, A. A. 2021. In Stratum Plus. (5), 309–333 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1984. In Sunchugashev, Ya. I. (ed.). *Voprosy drevney istorii Yuzhnoy Sibiri (The Issues of Ancient History of Southern Siberia).* Abakan: Khakassia Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute, 98–108 (in Russian).

About the Authors:

Dremov Igor I., Candidate of Historical Sciences, Archaeologist, Regional Center for Ecology, Local Studies and Tourism, Novouzenskaya St, 156, 410054 Saratov, Russian Federation, iid57@yandex.ru

Kruglov Evgeniy V., Secretary, Volgograd Regional Branch of the All-Russian Society for Protection of Monuments of History and Culture, Prosp. Lenina, 86, Office 502, 400005 Volgograd, Russian Federation, khasar@vlpost.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.249.263

НАКЛАДКИ АСКИЗСКОГО ТИПА ИЗ МОРДОВСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ №6 АТКАРСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2022 г. Д.А. Козлов

В статье рассматриваются материалы аскизского типа из погребения №6 Аткарского могильника, из раскопок под руководством С.Ю. Монахова 1979–80 гг. Это парное погребение мужчины и женщины, достаточно типичное для мордовских комплексов XIII–XIV вв., содержит богатый и разнообразный инвентарь, среди которого выделаются накладки и их обломки из железа в мужским комплексе. Подобные изделия находят стилистические и технологические аналогии на обширных пространствах Евразии, на территории государства Золотая Орда. Форма и технология их изготовления своими истоками связана с технологическими традициями аскизской культуры XIII–XIV вв. Исходя из своеобразия внешнего облика аткарских накладок, предлагается схема классификации накладок. Это позволит выделить их при систематизации из обширного массива железных накладок эпохи Средневековья. Для определения их функционального назначения подобных накладок в статье анализируется их месторасположение в комплексах погребального инвентаря. Судя по их находкам в погребениях, датированных монетами, время их распространения относится к рубежу XIII–XIV вв. Картографирование «символьных» накладок позволяет выдвинуть предположение, что их носители, возможно, принимали участие в летописных событиях, вошедших в историю по названием «Дюденевой рати».

Ключевые слова: археология, средневековье, Среднее Поволжье, Сибирь, мордовское парное погребение, Аткарский могильник, аскизская культура, Золотая Орда, гарнитура стрелкового набора, «Дюденева рать», Суздаль.

ASKIZ TYPE OF PLATES FROM MORDOVIAN BURIAL NO. 6 OF ATKAR BURIAL GROUND

D.A. Kozlov

The paper describes materials of the Askiz type from burial No. 6 of Atkar burial ground from the excavations supervised by S.Yu. Monakhov in 1979–80. This paired burial of a man and woman, rather typical of the Mordovian complexes of the 13th–14th centuries, contains a rich and diverse inventory, which in particular includes iron plates and their fragments from the male complex. Such products have stylistic and technological analogies in the vast spaces of Eurasia in the territory of the Golden Horde state. The form and technology of their manufacture are connected with the technological traditions of the Askiz culture of the 13th–14th centuries. Based on the peculiarity of the appearance of Atkar plates, a plate classification scheme is proposed. This will allow them to be distinguished during systematization from the vast array of iron plates of the Middle Ages. In order to determine the functional purpose of such plates, the author analyzes their location in the complexes of grave inventories. Due to the fact that they were discovered in burials dated by coins, the time of their distribution corresponds to the turn of the 14th century. Mapping of the 'symbolic' overlays allows to suggest that their carriers may have taken part in the chronicle events which are historically referred to as 'Dudenev's Army'.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Middle Volga region, Siberia, Mordovian paired burial, Atkar burial ground, Askiz culture, Golden Horde, shooting set, Dudenev's Army, Suzdal.

Материалы погребения №6 Аткарского могильника, исследованного под руководством С.Ю. Монахова в 1979–80 гг. и в научный оборот были введены в начале 1990-х гг. (Монахов, 1991, с. 167–188), но до сих пор не привлекали серьезного внимания исследователей. На наш взгляд это связано со значительным отставанием аналитических исследований по археологии мордвы, слабой или недостаточной опубликованностью материалов раскопок золотоордынского периода. Следует констатировать, что в изучении мордовских древностей золотоордынской эпохи мало что изменилось со времен выхода обобщающих работ Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1966, с. 9), чьи датировки и типологии используются до сих пор (Хронология… 2008, с. 151). Однако появле-

ния новых достаточно многочисленных материалов позволяет внести уточнения в ранее разработанные им схемы.

В ходе исследований по хронологии материальной культуры мордвы в эпоху Золотой Орды, наше внимание привлекли накладки из мужского погребения №6 Аткарского могильника. В данном погребении помимо вполне обычных для этой половозрастной группы мордвы, топора (рис. 1: 2), ножа (рис. 1: 8) и кресала (в публикации к сожалению отсутствует рисунок), присутствуют также наконечники стрел (рис. 1: 1), поясной набор из бронзовых накладок с прямоугольной пряжкой (рис. 1: 6), бронзовый котелок (рис. 1: 11), и украшения характерные для женского костюма – подкововидные застёжки (рис. 1: 3), застёжки-сюльгамы (рис. 1: 4), серебряный с позолотой перстень (рис. 1: 5). Интересной особенностью погребения является наличие захоронения головы коня под головой умершего мужчины, с кольчатыми удилами (рис. 1: 9) и положенными рядом с мужчиной стременами (рис. 1: 10). С левой стороны от бедра, были обнаружены целые и в обломках девять железных накладок с различимыми заклёпками на концах и остатками кожи (Монахов, 1991. с. 173) (рис. 1: 7).

Обнаруженные в мужском погребении железные накладки представлены двумя видами – в виде буквы «Х» и не ясной формы фрагментом, отчасти похожим на предыдущую накладку, но более вытянутых пропорций. На накладке в виде буквы «Х», на концах имеются остатки заклёпок, её размеры – 3,3× 4,1 см.

Аналогии данным накладкам имеются в ряде погребальных комплексов, обнаруженных на обширной территории от бассейна р.Чулым (Приобье) до Азовского моря, в пределах Золотой Орды (рис. 2) (Атлас… 2013. Карта «Золотая Орда во второй половине XIII века», с.24).

Бронзовая накладка сходной с аткарскими формы, обнаружена в п.1, к.2 у с. Молчановка (Синицын, 1959. с. 130, рис. 44. с. 131). Подобные накладки с фрагментами кожи были обнаружены в п.1, к.4 могильника Никольское (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, с. 76–78, рис. 57. с. 78). Фрагменты подобных накладок и железная накладка с кольцом, были найдены в рассеянном состоянии в п.1, к.3 Аглосского могильника (Гармашов, 2002, с. 207–209, рис. 1 с. 218). Н.И. Веселовским был изучен яркий погребальный комплекс п.1 к.1 Белореченского могильника. По его описаниям в «медном гробу» были расчищены фрагменты ремней с накладками сходных форм, но не из железа, а серебряные (Горелик, Дружинина, 2011, с. 39–63, рис. 11, с. 53, рис. 12, с. 55).

Железные накладки подобных форм зафиксированы в Приазовье в п.1 к.1 могильника Коллекторский (Чхаидзе, Дружинина, 2010, С. 117–120, рис. 5, с. 121). и в Прикубанье в п.2 к.1 могильника Бойкопонура-I (Чхаидзе…, 2019, с. 119–140, рис. 7, с. 137), в п.1 к.2 Новоорского могильника в Южном Приуралье (Матюшко, 2013. рис. 7, с. 113). Железные накладки со следами позолоты и золотой наконечник ремня были обнаружены в п.3 к.15 могильника Уркач I в Актюбинской области Казахстана (Бисембаев, 2003. рис. 11, с. 113). Весьма показательные материалы дали раскопки в Томской области. Подобные белореченским и иным формы накладок были обнаружены в п.1 к.52а курганного могильника у устья Малой Киргизки (Плетнева, 1997, с. 56–57. рис. 137–138, с. 299, 300). В той же области, в бассейне р. Чулым был раскопаны курганы, среди материалов которых в п.1 к.65 Змеинкинского могильника были представлены подобные накладки (Беликова, 1996, с. 36, рис. 54–55. с. 218, 219). В степях предгорий Алтая, в грунтовом погребении №15 могильника Осинки были также обнаружены целые и фрагментированные обломки накладок (Савинов…, 2008, табл. XIX. 11, 12 с. 47). Безусловно, представленные в данной работе материалы не исчерпывают фактическую научную базу по находкам подобных изделий. Например, как показывает недавняя публикация полевых описаний П.Д. Рау 1929 г. случайно разрушенного погребального комплекса у села Марианталь, с поясным набором из золота, там тоже были обнаружены мелкие железные накладки с позолотой (но как они выглядели, мы к сожалению не узнаем теперь никогда) (Малов, 2020, с. 196).

Все используемые для анализа комплекты подобных изделий представлены на Рис.3. Многие накладки этой серии имеют весьма выразительные формы, напоминающие буквы латинского и кириллического алфавитов – U, V, K, Y, X, C, T, Э и их в перевернутом виде, некоторые в виде математических символов - + и их сочетания, том числе с кольцами (O). Часть накладок имеет геометрические формы треугольника, круга, квадрата, трилистника и т.д., некоторые с закругленными сторонами и заклёпками. Иногда они представляют собой необычные сочетания в различных вариа-

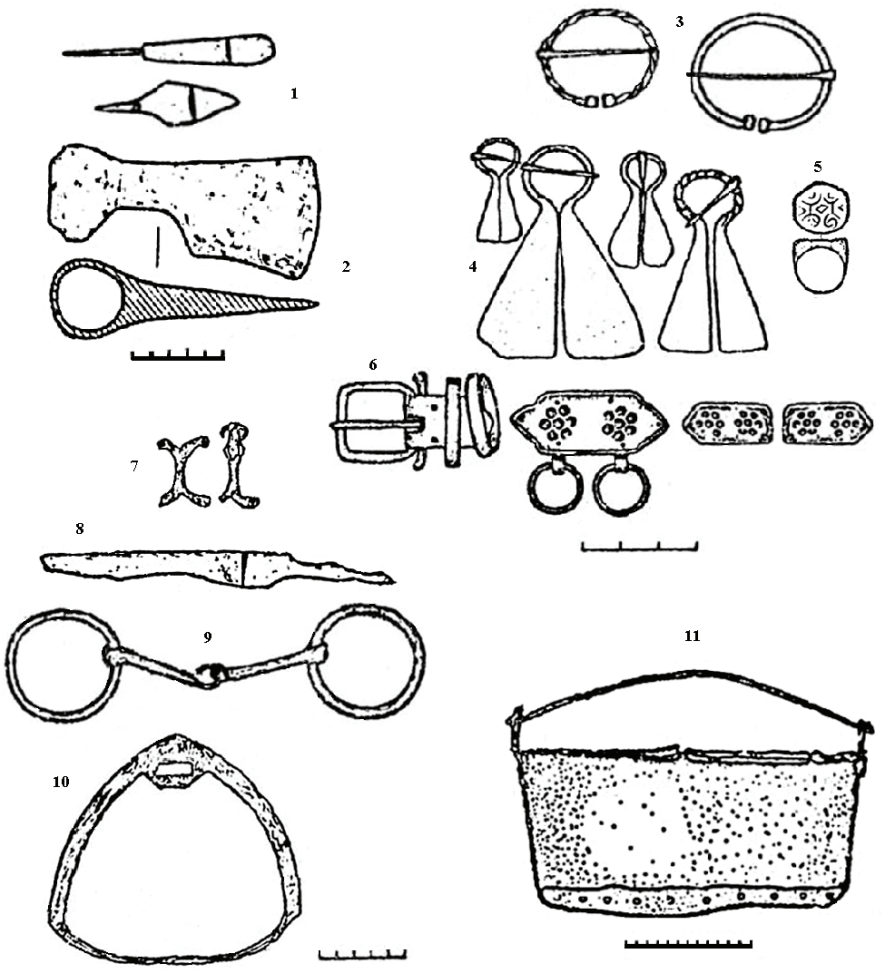


Рис. 1. Материалы из мужского комплекса погребения №6 Аткарского могильника (по С.Ю. Монахову, 1991): 1 – железные наконечники стрел; 2 – железный топор; 3 – бронзовые застёжки; 4 – бронзовые застёжки-сюльгамо; 5 – серебряный с позолотой перстень; 6 – поясной набор из бронзовых деталей; 7 – накладки из железа; 8 – железный нож; 9 – железные удила; 10 – железное стремя; 11 – медный котелок

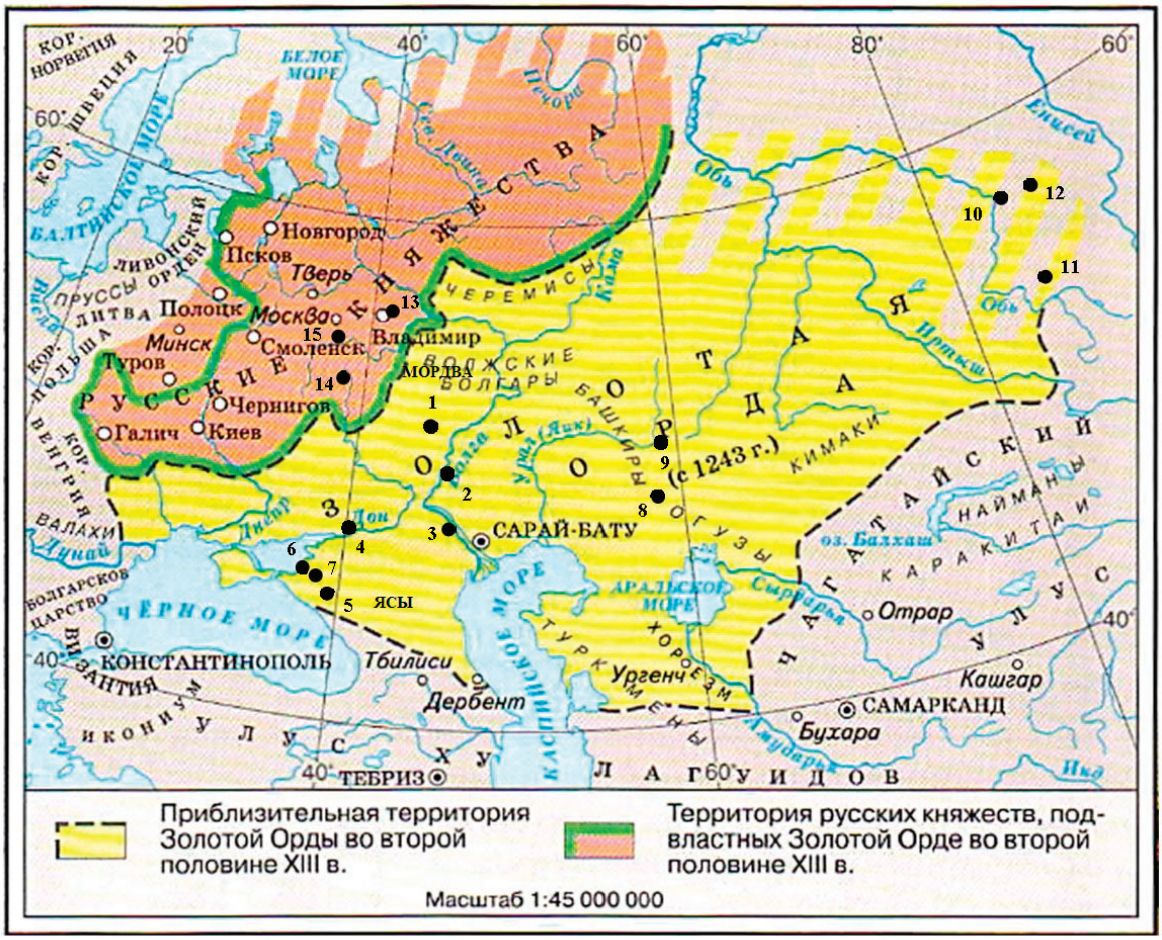
Fig. 1. Materials from the male complex of burial No. 6 of Atkarsky burial ground (after S.Yu. Monakhov, 1991): 1 – iron arrowheads; 2 – iron axe; 3 – bronze clasps; 4 – bronze clasps-sulgamas; 5 – silver ring with gilding; 6 – bronze belt set; 7 – iron overlays; 8 – iron knife; 9 – iron bits; 10 – iron stirrup; 11 – copper pot

циях: квадрат-Х, круг-Х, круг-Y и т.д. Часть колчанных крюков имея вогнутые стороны и удлиненные пропорции, украшены на тыльных сторонах «усами» выступов с заклёпками, также представляют собой сочетание геометрической фигуры с символом. Важной чертой является наличие специфических закруглений вокруг мест заклёпок, придающие их форме особый облик. Они являются важной морфологической характеристикой аскизских изделий и их подражаний и, по мнению И.Л. Кызласов, относятся к кругу изделий *производных от аскизских прототипов* (Кызласов, 2010. рис. 16, с. 155).

Для упрощения работы с данными изделиями, необходима классификационная схема, с помощью которой можно выявить те или иные сочетания, закономерности распространения и т.д. В работах И.Л. Кызласова и К.А.Руденко, накладки аткарского типа в отдельную группу не выделены. От имеющихся в классификациях разновидностей, данную группу отличает развитие «боковых выступов» по терминологии К.А. Руденко (Руденко, 200, с. 41), которые присутствуют на многих деталях. Накладка в виде буквы «Y» им отнесена к отделу Д – Фигурные, Тип 9 – «в виде подковки с небольшими розеточками на концах» (Руденко, 2001, с. 40, рис.XXIII.6. С.192). Исходя из этого основания, дополним и расширим данную типологию новыми таксонами, основанными на форме изделий этой группы:

«Отдел Д (Фигурные), Тип 9»:

Подтипы: а) буквенные (рис. 3: А.1; В.2, 3; Г.3; Д.2-4; Е.6-9; Ж.3, 4, 7; З.2-5 и т.д.); б) символьные (рис. 3. Ж.5, 6); в) геометрические: вп) простых форм (рис. 3. Е.3, 4; К.5;



● - археологический памятник

Рис. 2. Расположение на карте Золотой Орды в XIII веке, археологических памятников содержащих комплексы накладок аскизского типа или отдельные находки (использованные в работе): 1 – п.6 Аткарского могильника; 2 – п.1, к.2 у с. Молчановка; 3 – п.1, к.4 могильника Никольское; 4 – п.1, к.3 Аглосского могильника; 5 – п.1, к.1 Белореченского могильника; 6 – п.1, к.1 могильника Коллекторский; 7 – п.2, к.1 могильника Бойкопонура-I; 8 – п.3, к.15 могильника Уркач I; 9 – п.1, к.2 Новоорского могильника; 10 – п.1, к.52а курганного могильника у устья Малой Киргизки; 11 – п.15 могильника Осинки; 12 – п.1, к.65 Змеинкинского могильника; 13 – Суздаль; 14 – Вединец-1; 15 – Колтово-7.

Fig. 2 Location of archaeological sites with complexes of the Askiz type of plates or individual finds (used in the work) on a 13th century map of the Golden Horde: 1 – b. 6 of Atkarsky burial ground; 2 – b. 1, m. 2 at Molchanovka village; 3 – b. 1, m. 4 of Nikolskoye burial ground; 4 – b. 1, m. 3 of the Aglosskoye burial ground; 5 – b. 1, m. 1 of Belorechensky burial ground; 6 – b. 1, m. 1 of Kollektorsky burial ground; 7 – b. 2, m. 1 of Boykoponura-I burial ground; 8 – b. 3, m. 15 of Urkach I burial ground; 9 – b. 1, m. 2 of Novoorsky burial ground; 10 – b. 1, m. 52a of the burial mound at the mouth of the Malaya Kirghizka; 11 – b. 15 of Osinki burial ground; 12 – b. 1, m. 65 of Zmeinkinsky burial ground; 13 – Suzdal; 14 – Vedinets-1; 15 – Koltovo-7.

М.3, 4 и др.) и фп) фестончатые, с волнистыми краями (рис. 3: И.1-4, 12).

Подтипы как мы видим, нередко образуют между собой взаимные сочетания.

Виды: а-вп) буквенно-геометрические (рис. 3: Б; Д.1; Е.1, 2; И.11; К.6, 7 и др.); б-вп) символьно-геометрические (рис. 3: Г.5; К.4; М.2).

Разновидности: 1. С кольцом (рис. 3: З.3; К.4); 2. Без кольца (остальные).

Некоторые колчанные крюки имеют такие же как накладки характерные усы выступов на тыльной стороне щитка (рис. 3: И.7, 8).

Все застежки с Т-образной перекладиной и развернутой перекладиной (Кызласов, 2010. С.156), никаких дополнительных элементов не имеют (рис. 3: И.9, 11; К.8).

В комплексах с накладками аткарского типа встречается несколько видов рамчатых пряжек, в частности в п.1 к.1 Новоорского могильника, в п.1 к.3 Аглосского могильника, в п.1 к.1 Белореченского могильника (1896г.), в п.1 к.52а могильника у устья Малой Киргизки и в п.1 к.65 Змеинкинского могильника. В новоорском, аглосском и мало-киргизкинском комплексах представлены железные пряж-

ки с подтреугольной формой рамки (рис. 3: Г.4; И.10; К.1). На аглосском, белореченском и мало-киргизкинском экземплярах заметно то, что ось этих пряжек ещё и прогнута наружу. По нашим наблюдениям, подобной формы пряжки не встречались ранее и позднее данного периода и представляют собой его хронологический признак. В новоорском и белореченском комплексах имеются пряжки полукруглой формы, а в белореченском с выделенными углами (объединение подтреугольной и полукруглой форм) (рис. 3: З.1), в змеинкинском – овальной, с характерным фестончатым приемником (рис. 3: М.8), а в новоорском – с «усами» (рис. 3: И.10).

Определение места накладок аткарского типа в снаряжении и костюме, имеет некоторые особенности. Некоторые из них имеют размеры, препятствующие их размещению на ремне. Размеры накладки (рис. 3: Д.1) из п.1 к.1 могильника Коллекторский составляют 5×12 см. При этом основная часть деталей «накладок аткарского типа» (в том числе и в комплексе Коллекторского) имеет ширину в пределах в 2–3 см, что соответствует обычным параметрам поясов того периода. В п.1 к.2 у с. Молчановка на накладках зафиксированы остатки дерева.

На основе имеющихся описаний и планов погребений, попробуем установить, к какому атрибуту инвентаря относились накладки Типа 9, в том числе и в мужском п.6 Аткарского могильника. По предположению В.П. Левашевой накладки и обрывки ремней из п.1 к.1 Белореченского могильника (1896 г.), являются частью пояса, служившего для крепления колчана со стрелами (Левашева, 1953. с. 178). Однако М.В. Горелик и И.А. Дружинина интерпретировали их в качестве деталей пояса для крепления сабли (Горелик, Дружинина, 2011. с. 54). Судя по рисунку белореченского комплекса (Горелик, Дружинина. 2011. рис.1. 7, 9. с.40) (рис. 4: 2) и планам погребения 6 Аткарского могильника (Монахов, 1991. рис. 2.VIII. с. 171) (рис. 4: 1), п.1 к.4 могильника Никольское (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989. рис. 5, 6.а. с. 77) (рис. 4: 3), п.2 к.1 могильника Бойкопонура I (Чхаидзе…2019. рис. 5: 2. с.135) (рис. 4: 4), все накладки Типа 9 (аткарского) находятся возле колчанов или на их остатках, что подтверждает вышеназванную точку зрения В.П. Левашевой.

На накладке из молчановского комплекса имеется фигурный вырез в виде буквы «Т» с заклёпками на концах. Автор раскопок И.В. Синицын, отмечал, что этот вырез был и сквозь само дерево, то есть в него вставлялась другая деталь (Синицын, 1959, с. 130). Подобное соединение наглядно представлено на золотом поясном наборе из п.1 к.1 Белореченского могильника (1896 г.), где имеется накладка с крюком и накладка с Т-образным вырезом для соединения частей поясного набора (Горелик, Дружинина, 2011, рис.13.1, с. 56). Видимо подобное соединение имеет место и в новоорском комплекте, где соединены – Т-образная застёжка и накладка буквенно-геометрической формы (рис. 3: И.11).

Большую накладку из п.1 к.1 могильника Коллекторский (Чхаидзе, Дружинина, 2010, рис. 5: 1, с. 121) М.В. Горелик на своей реконструкции разместил на самом колчане (Горелик, 2010. рис. 6. с. 141), что на наш взгляд, вполне соответствовало действительности.

По-видимому, накладки Типа 9 в различных вариациях размещались как на ремнях, так и колчане, в том числе и с костяными орнаментированными пластинами, как в п.2 к.1 могильника Бойкопонура I (Чхаидзе… 2019. рис. 6. с. 136).

Хронология комплексов с накладками Типа 9. Аткарский погребальный комплекс (Монахов, 1991. с. 187), как и погребение 1 к.4 могильника Никольское датировано 2-ой половиной XIII–XIV вв. (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989. С. 78). Погребение №1 к.1 Белореченского могильника (1896 г.) датировано М.В. Гореликом и И.А. Дружинниной серединой – третьей четвертью XIV в., хотя сам набор стрелкового вооружения датирован ими более ранним периодом – концом XIII – первой третью XIV в. (Горелик, Дружинина, 2011, с. 57, 59). Комплекс п.1 к.1 могильника Коллекторский, датируется 1-й половиной XIV в. (Чхаидзе, Дружинина, 2010. с. 120). Датировка п.2 к.1 могильника Бойкопонура I, авторами публикации определяется в пределах 1-ой половины XIV в. (Чхаидзе… 2019. с.127). Комплекс п.3 к.15 могильника Уркач-I, в своей ранней работе А.А. Бисембаев датировал VIII-XI вв. (Бисембаев, 2003. с. 73–99), а в более поздней – XIII–XIV вв., отмечая при этом, что скорее всего, погребения были совершены во второй половине XIII в. (Бисембаев, Ахатов, 2019. с. 75). Погребение 1 к.2 Новоорского могильника, датировано на основе калачевидного кресала XI–XII вв. (Матюшко, 2013. с. 111). Сибирские материалы из п.1 к.52а могильника у устья Малой Киргизки, датируются Л.М. Плетневой в целом и неопределенно – XIII–XIV вв., с указанием на то, что большая часть погребений относится

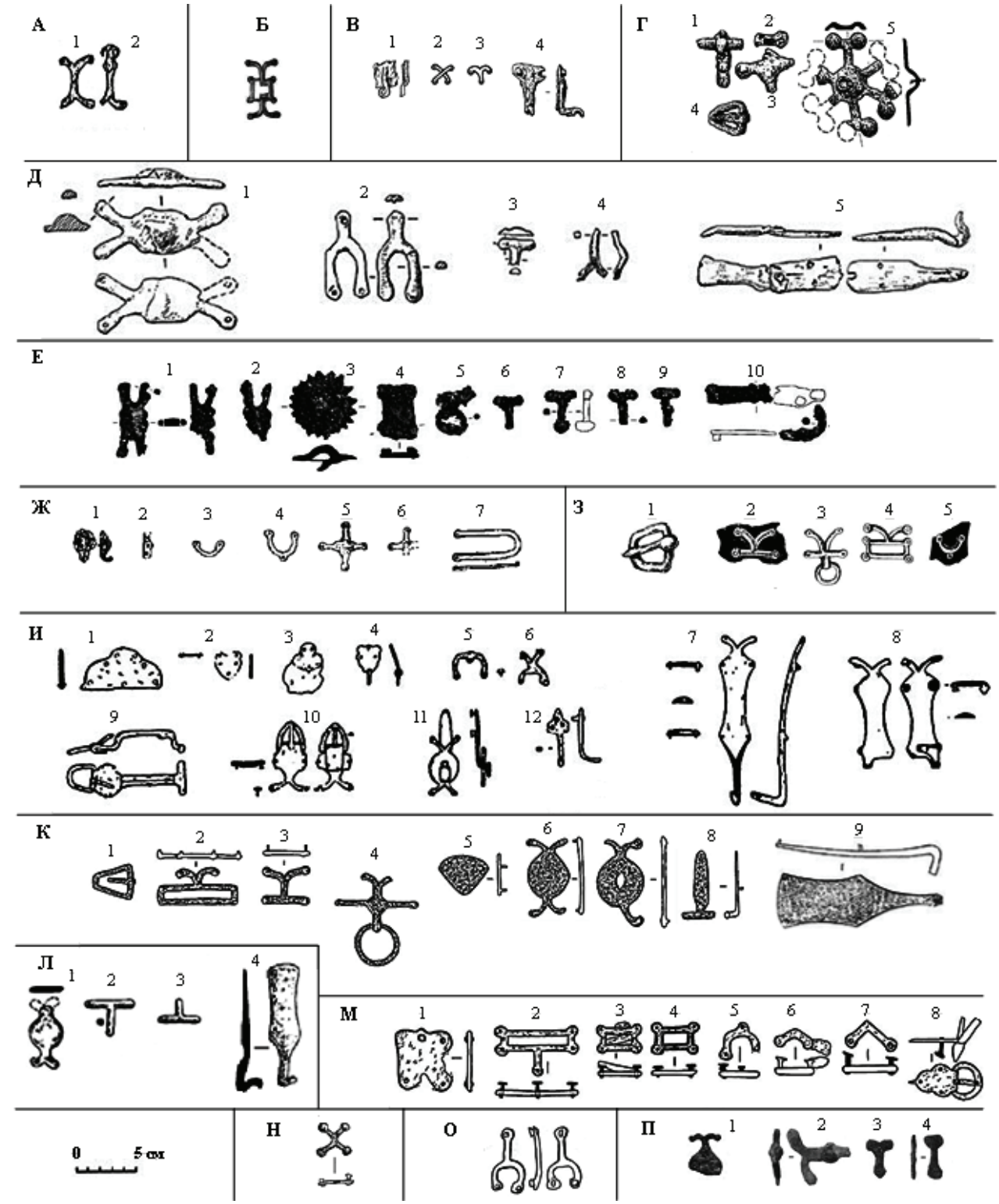


Рис. 3. Комплекты и находки накладок (использованные в работе): А.1,2 – п.6 Аткарского могильника (по С.Ю. Монахову, 1991); Б – п.1, к.2 у с. Молчановка (по И.В. Синицыну, 1959); В.1-5 – п.1, к.4 могильника Никольское (по В.В. Дворниченко, Г.А. Федороуву-Давыдову, 1989); Г.1-5 – п.1, к.3 Аглосского могильника (по А.И. Гармашову, 2002); Д.1-5– п.1, к.1 могильника Коллекторский (по В.Н. Чхаидзе, И.А. Дружининой, 2010); Е.1-10 – п.2, к.1 могильника Бойкопонура-I (по В.Н. Чхаидзе, А.В. Иванову, А.Г. Шереметьеву, 2019); Ж.1-7 – п.3, к.15 могильника Уркач I (по А.А. Бисембаеву, 2003); З.1-5 – п.1, к.1 Белореченского могильника (по М.В. Горелику и И.А. Дружининой, 2011); И.1-12 – п.1, к.2 Новоорского могильника (по И.В. Матюшко, 2013); К.1-9 – п.1, к.52а курганного могильника у устья Малой Киргизки (по Л.М. Плетневой, 1997); Л.1-4 – п.15 могильника Осинки (по Д.Г. Савинову, 2008); М.1-8 – п.1, к.65 Змеинкинского могильника (по О.Б. Беликовой, 1996); Н – селище Вединец-1 (по И.Л. Кызласову, 2010); О – селище Колтово-7 (по В.В. Сидорову, 2011); П.1-4 – Суздаль (по С.В. Шполянскому, 2019).

Fig. 3 Overlay sets and finds (used in the work): A.1,2 – b. 6 of Atkarsky burial ground (after S.Yu. Monakhov, 1991); Б – b. 1, m. 2 at Molchanovka village (after I.V. Sinitsyn, 1959); B.1-5 – b. 1, m. 4 of Nikolskoye burial ground (after V.V. Dvornichenko, G.A. Fedorov-Davydov, 1989); Г.1-5 – b.1, m.3 of Aglossky burial ground (after A.I. Garmashov, 2002); Д.1-5 – b.1, m.1 of Kollektorsky burial ground (after V.N. Chkhaidze, I.A. Druzhinina, 2010); E.1-10 – b. 2, m. 1 of Boykoponura-I burial ground (after V.N. Chkhaidze, A.V. Ivanov, A.G. Sheremetiev, 2019); Ж.1-7 – b. 3, m. 15 of Urkach I burial ground (after A.A. Bisembaev, 2003); З.1-5 – b.1, m.1 of Belorechensky burial ground (after M.V. Gorelik and I.A. Druzhinina, 2011); И.1-12 - b.1, m.2 of Novoorsky burial ground (after I.V. Matyushko, 2013); K.1-9 – b.1, m.52a of the burial mound at the mouth of the Malaya Kirghizka (after L.M. Pletneva, 1997); Л.1-4 – b. 15 of Osinki burial ground (after D.G. Savinov, 2008); M.1-8 – b. 1, m. 65 of Zmeinkinsky burial ground (after O.B. Belikova, 1996); H – Vedinets-1 village (after I.L. Kyzlasov, 2010); O – Koltovo-7 village (after V.V. Sidorov, 2011); П.1-4 – Suzdal (after S.V. Shpolyansky, 2019).

ко 2-й половине XIII – 1-ой половине XIV в. (Плетнева, 1997, с.111). Материалы п.1 к. 65 Змеинкинского могильника, О.В. Беликовой отнесены к позднему этапу, датированному XIII в. (Беликова, 1996, С.100). Таким образом, датировки гарнитур стрелковых наборов с накладками аткарского типа в основном находятся в пределах XIII-XIV вв. и если одни авторы считают их изделиями XIII в., то другие относят к 1-й половине XIV в.

Среди комплексов с накладками Типа 9 имеется датированное монетами. В п.1 к.3 Аглосского могильника были обнаружены монеты хана Узбека 1320–1330-х гг. (Гармашов, 2002. с. 208-210). Двулезвийное кресало этого комплекса (рис. 5: А1), также датируется 4-ой четвертью XIII – 1-ой четвертью XIV в. Аналогичное кресало зафиксировано в п.420 Кельгининского могильника, с монетами того же периода (1270-е гг., 1322–1325 гг.) (Вихляев, Пронин, 2016. рис. 130, 5. с. 323) (рис. 5: А2), а также в п.2 к.1 могильника Бойкопонура-I (Чхаидзе… 2019. рис. 8: 2. с. 138) (рис. 5: А3). Эти кресала имеют дуговидные лезвия с вырезом, повторяющим их контуры. Встречаются такие кресала и в культурном слое Великого Новгорода, где в Нутном раскопе датируются 1280–1300-ми гг. (Гайдуков, 1992, рис. 64, 5, с. 155).

На одном из поясных наборов из п.1 к.1 Белореченского могильника (1896 г.), имеются штампованные фигурные накладки без орнамента (Горелик, Дружинина, 2011. рис. 8: 3, 4. с. 50) (рис. 5: Б1). Подобные накладки, найдены вместе с костяными орнаментированными накладками от колчана в п.1 к.2 могильника Тасмола-IV датируются по монетам ханов Тохты 1309/10 г. и Узбека 1320-х гг. (рис. 5: Б2) (Кадырбаев, Бурнашева, 1970. рис. 2, 1, 5. с. 45). Эти накладки в свою очередь, также вполне могут иметь аскизское происхождение, так как подобная форма характерна для изделий древнехакасских мастеров – наносных султанов, наконечников и накладок (Кызласов, 1983. Табл.VIII.6. С.95; Табл. IX.23, 34, 35, 43. С.97 и т.д.).

В п.1 к.2 Новоорского могильника, обнаружен поясной набор с прорезными деталями (Матюшко, 2013. рис. 7: 31. с. 113) (рис. 5: В1-2), аналоги которому имеются в поясном наборе из Пятницкого раскопа Старой Руссы 2007 г. в пласте 16, датированном 1270–1290 гг. (Торопова, 2008. с.153-155, рис. 53: 1) (рис. 5: В3). Наконечник новоорского поясного набора имеет близкую стилистическую и морфологическую аналогию в аскизских древностях - в п.1 к.8 могильника Оглахты III (Кызласов, 1983, табл.IX.54, с. 97).

Комплексы п.1 к.1 могильника Коллекторский и п.1 к.1 могильника Белореченский (1896 г.) помимо гарнитуры стрелкового набора связаны ещё и наличием в обоих идентичных форм серебряных чаш с однотипным орнаментом (Чхаидзе, Дружинина, 2010. рис. 5: 15. с. 121; Горелик, Дружинина, 2011. рис. 14: 1. с. 58) (рис. 5: Г1-2).

Из 12 комплексов с «символьными» накладками в 9 присутствуют элементы конской сбруи – удила, стремена. Удила в основном представлены кольчатыми экземплярами с различного размера кольцами, а стремена – близкими разновидностями. В п.6 Аткарского могильника стремена имеют выгнутую подножку, закругленные выделенные углы, округлые бока и заострённый верх с выделенным путалищем для кожаного ремня (Монахов, 1991. рис. 3: 7. с. 172) (рис. 6: 1), по типологии Г.А. Федорова-Давыдова это тип ДII – арочные стремена (Федоров-Давыдов, 1966. рис. 1. с. 12). Е.П. Мыськов на материалах Волго-Донского междуречья относит их к группам AIIб и БIб2, отличающихся только формой путалища (Мыськов, 2015. табл.III, с. 59). Такие же стремена зафиксированы у всадников из п.2 к.1 могильника Бойкопонура I (Чхаидзе, 2019. рис. 10:1.с. 140) (рис. 6: 2), п.1 к.2 Новоорского могильника (Матюшко, 2013. рис. 7: 1. с. 113) (рис. 6: 3). Второе стремя из

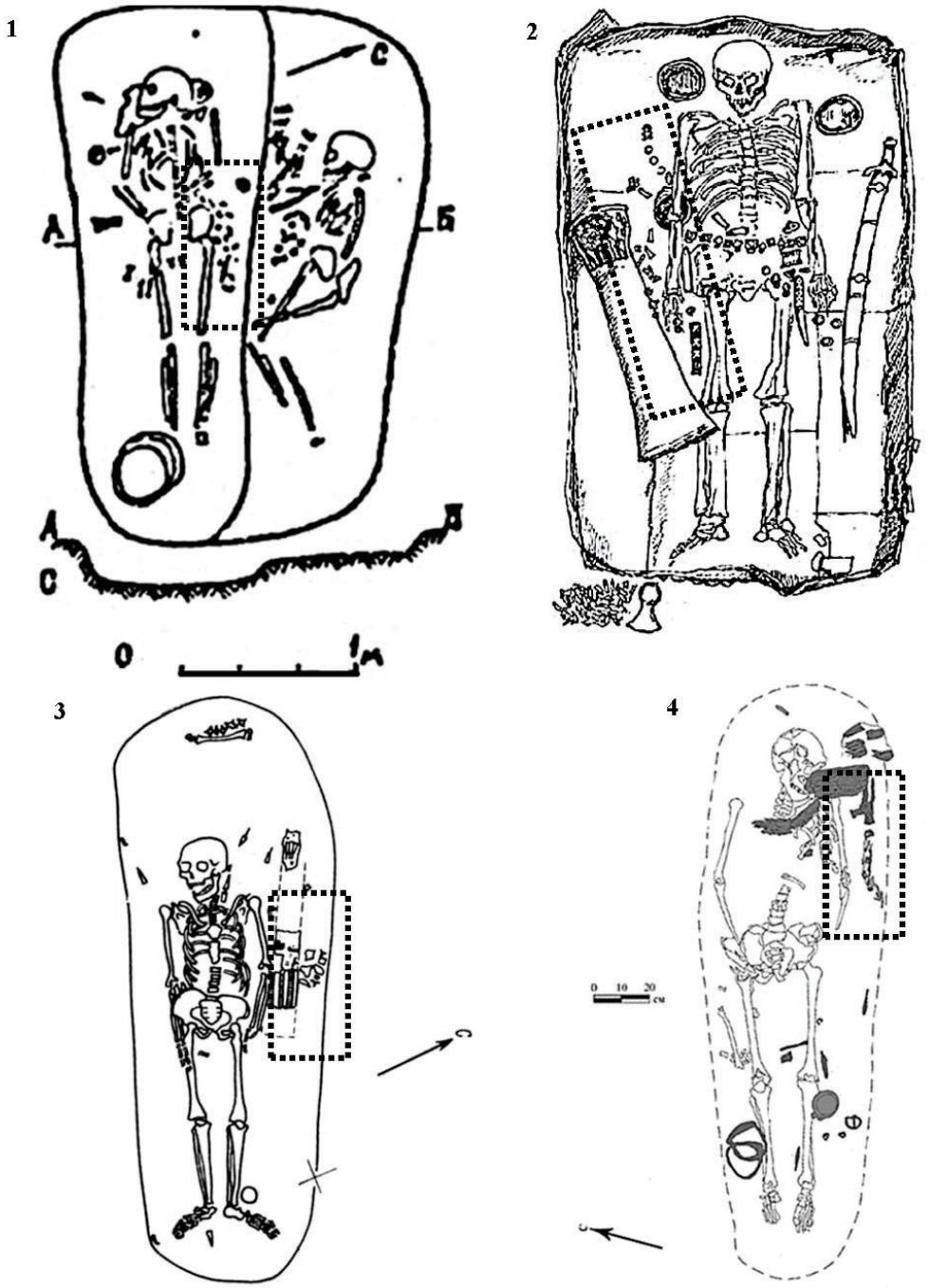


Рис. 4. Расположение деталей типа 9 в погребальных комплексах (местоположение обведено пунктирной рамкой): 1 – п.6 Аткарского могильника (по С.Ю. Монахову, 1991); 2 – п.1, к.1 Белореченского могильника (по М.В. Горелику и И.А. Дружининой, 2011); 3 – п.1, к.4 могильника Никольское (по В.В. Дворниченко, Г.А. Федороуву-Давыдову, 1989); 4 – п.2, к.1 могильника Бойкопонура-I (по В.Н. Чхаидзе, А.В. Иванову, А.Г. Шереметьеву, 2019).

Fig. 4. Location of type 9 parts in the burial complexes (with the location marked with a dotted box): 1 – b. 6 of the Atkarsky burial ground (after S.Yu. Monakhov, 1991); 2 – b. 1, m. 1 of Belorechensky burial ground (after M.V. Gorelik and I.A. Druzhinina, 2011); 3 – b. 1, m. 4 of Nikolskoye burial ground (after V.V. Dvornichenko, G.A. Fedorov-Davydov, 1989); 4 – b. 2, m. 1 of Boykoponura-I burial ground (after V.N. Chkhaidze, A.V. Ivanov, A.G. Sheremetyev, 2019).

Новоорского погребения, имеющее выгнутую подножку, закругленные углы и бока, округлый арочный верх (Матюшко, 2013. рис. 7: 5. с. 113) (рис. 6: 4), относится к другому типу – БIа2 (по Е.П. Мыськову), аналоги которому имеются в п.1 к.3 Аглосского могильника (Гармашов, 2002. рис. 1: 13. с. 218) (рис. 6: 5).

Таким образом, ***комплексы с накладками Типа 9,*** бытовали в достаточно узких хронологических рамках с ***4-ой четверти XIII***

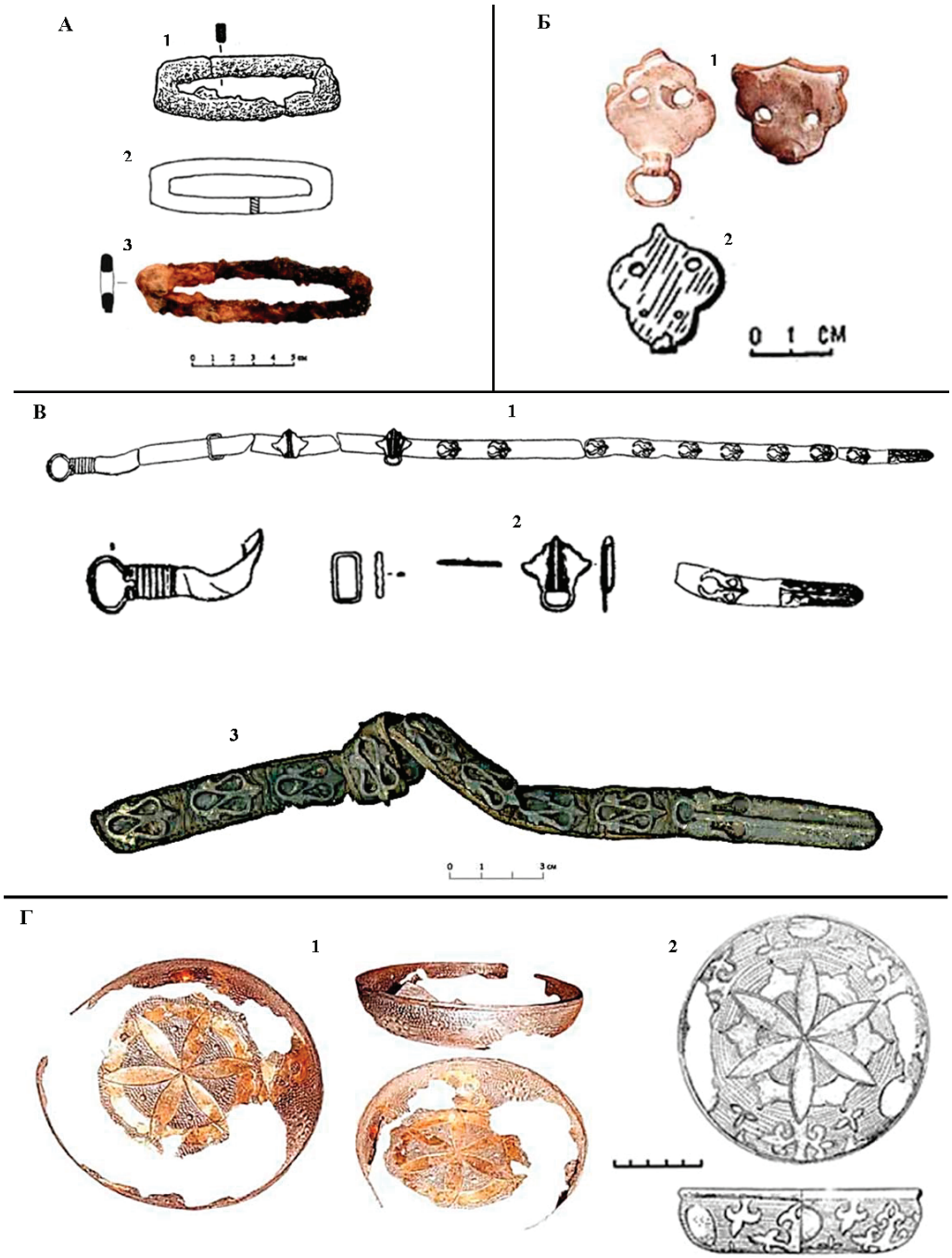


Рис. 5. Аналогии вещей из погребений с гарнитурами стрелковых наборов: А – кресала: 1 – п.1 к.3 Аглосского могильника (по А.И. Гармашову, 2002); 2 – п.420 Кельгининского могильника (по В.И. Вихляеву, А.С. Пронину, 2016); 3 – п.2 к.1 могильника Бойкопонура I (по В.Н. Чхаидзе…, 2019); Б – поясные накладки: 1 – п.1 к.1 Белореченского могильника (1896 г.) (по М.В. Горелику, И.А. Дружининой, 2011); 2 – п.1 к.2 могильника Тасмола IV (по М.К. Кадырбаеву, Р.З. Бурнашевой, 1970); В – поясные наборы: 1 – п.1 к.2 Новоорского могильника (по И.В. Матюшко, 2013); 2 – детали поясного набора п.1 к.2 Новоорского могильника крупнее (по И.В. Матюшко, 2013); 3 – г. Старая Русса, Пятницкий раскоп (по Е.В. Тороповой, 2008); Г – чаши: 1 – п.1 к.1 Белореченского могильника (1896 г.) (по М.В. Горелику, И.А. Дружининой, 2011); 2 – п.1 к.1 могильника Коллекторский (по В.Н. Чхаидзе, В.А. Дружининой, 2010).

Fig. 5. Analogies of items from the burials with shooting sets: A - steels: 1 – b. 1, m. 3 of Aglossky burial ground (after A.I. Garmashov, 2002); 2 – b. 420 of Kelgininsky burial ground (after V.I. Vikhlyaev, A.S. Pronin, 2016); 3 – b. 2, m. 1 of the Boykoponur I burial ground (after V.N. Chkhaidze…, 2019); Б - belt overlays: 1 – b. 1, m. 1 of Belorechensky burial ground (1896) (after M.V. Gorelik, I.A. Druzhinina, 2011); 2 – b. 1, m. 2 of Tasmola IV burial ground (after M.K. Kadyrbaev, R.Z. Burnasheva, 1970); B – belt sets: 1 - b. 1, m. 2 of Novoorsky burial ground (after I.V. Matyushko, 2013); 2 – enlarged parts of the belt set, b. 1, m. 2 of Novoorsky burial ground (after I.V. Matyushko, 2013); 3 – Staraya Russa, Pyatnitsky excavation site (after E.V. Toropova, 2008); Г - bowls: 1 – b. 1, m. 1 of Belorechensky burial ground (1896) (after M.V. Gorelik, I.A. Druzhinina, 2011); 2 – b. 1, m. 1 of Kollektorsky burial ground (after V.N. Chkhaidze, V.A. Druzhinina, 2010).

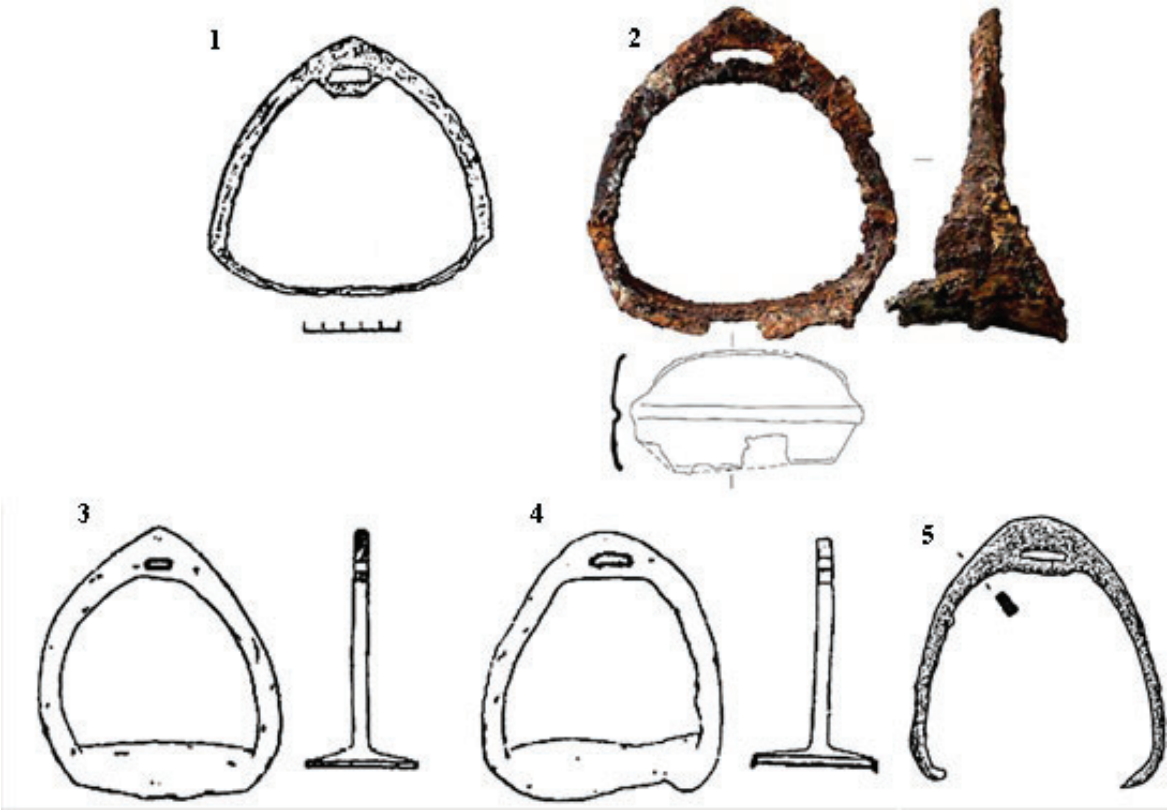


Рис. 6. Стремена из комплексов с гарнитурой стрелковых наборов: 1 – п.6 Аткарского могильника (по С.Ю. Монахову, 1991); 2 – п.2, к.1 могильника Бойкопонура-I (по В.Н. Чхаидзе, А.В. Иванову, А.Г. Шереметьеву, 2019); 3, 4 – п.1, к.2 Новоорского могильника (по И.В. Матюшко, 2013); 5 – п.1, к.3 Аглосского могильника (по А.И. Гармашову, 2002).

Fig. 6. Stirrups from the complexes with shooting sets: 1 – b. 6 of Atkarsky burial ground (after S.Yu. Monakhov, 1991); 2 – b. 2, m. 1 of Boikoponura-I burial ground (after V.N. Chkhaidze, A.V. Ivanov, A.G. Sheremetyev, 2019); 3, 4 – b. 1, m. 2 of Novoorsky burial ground (after I.V. Matyushko, 2013); 5 – b. 1, m. 3 of Aglossky burial ground (after A.I. Garmashov, 2002).

в. – по 1-ю четверть XIV в., что по К.А. Руденко соответствует хронологии 3-го этапа поступления аскизских вещей в Восточную Европу, датировка которого у исследователя более широкая – конец XIII – начало XV вв. (Руденко, 2001. с. 77). По хронологии И.Л. Кызласова, это «каменский» этап аскизских древностей – XIII–XIV вв. (Кызласов, 1983. с. 55–67), из которого, на основании представленных выше материалов, можно выделить отдельную хронологическую стадию.

Особым случаем, на наш взгляд, является комплекс п.1 к.5 могильника Кривая Лука XVI, где имеются U-образные «символьные» накладки, которые автор публикации датирует *временем сооружения кургана* по самой поздней монете хана Бердибека 1358/59 г. (Федоров-Давыдов, 1989. рис. 3: 6, с. 101, 103). Однако, данный погребальный комплекс представляет собой сложное, разновременное сооружение, создававшееся в несколько этапов. На первом этапе был похоронен взрослый мужчина с вещами в обычной грунтовой могиле, вокруг которой был построен поминальный комплекс, включавший ровик с проходом, ограду из обработанных бревен соединенных в лапу, яму. На втором этапе, могила мужчины была вскрыта, костяк частично разрушен, вещи разломаны и разбросаны (стремена, пряжки, ремни, нож и т.д.). После этого, над ней был насыпан курган, видимо меньшего размера, чем бревенчатая ограда. О промежутке времени, спустя которое был насыпан курган, свидетельствует то, что к концу 1350-х гг. деревянные конструкции пришли в ветхое состояние и частично сгнили (Федоров-Давыдов, 1989, с. 102, 106). При засыпке, часть из них в смещенном состоянии оказалась в насыпи кургана. Это ясно говорит о том, что со времен похорон мужчины, до насыпи кургана прошло какое-то продолжительное время, возможно не менее 15–20 лет и ритуальное разрушение и насыпь кургана проводились уже потомками умершего. Исходя из этого предположения, вполне возможно, что монеты появились в погребении не в период смерти мужчины, а во время ритуального разрушения его могилы родственника-

ми, как загробный «выкуп». Таким образом, стадии создания погребального комплекса п.1 к.5 могильника Кривая Лука XVI нам видятся следующим образом: 1) мужчина живший в 4-й четверти XIII в. – 1-й четверти XIV в. похоронен в грунтовой могиле и вокруг создан поминальный комплекс; 2) погребение ритуально вскрыто и частично разрушено, над ним насыпан курган в конце 1350-х гг. его потомками.

Данное предположение подтверждается и тем, что аналогичные вещи в середине XIV в. имеют иной облик (пряжки, стремена) и накладки Типа 9 среди них не встречаются, примеры тому комплексы п.1 из Саратова (Дремов, 1985. рис. 2. с.244), п.1 к.6 у с. Дмухайловка (Шалобудов, 1983. рис. 3. 1–28. с.27), п.2 к.3 у с. Миновка (Шалобудов, 1980, рис. 3-4. с.96-97), п.1 к.1 у с. Марки (Цыбин, 1986. рис. 3: 19–26. с.261) – все они датированы монетами второй-третью четвертью XIV в. (1350–1370-х гг.).

Сопоставляя датировку деталей Типа 9 и времени жизни воинов, носивших подобные гарнитуры стрелковых наборов – 4-я четверть XIII – 1-я четверть XIV в., получается, что у них они появились примерно в 1280–1290-е гг. В этот период в истории Золотой Орды происходит несколько важных событий, которые, как нам кажется, оказали на появление подобных изделий у воинов-кочевников и вассалов Золотой Орды серьезное влияние.

В 1291 г. в Золотой Орде ханом становится Тохта, сын основателя Золотой Орды хана Менгу-Темира. Начиная с 1292 г. он становится судьёй в жалобе русских князей на князя Владимирского Дмитрия Александровича. В 1293 г. Тохта собирает армию для карательного похода против своего вассала – Владимирского князя, которую возглавляет его брат Тудан. В её состав помимо воинов-кочевников и вассалов, входят и подчиненные русские князья с дружинами (городецкий, ярославский, смоленский, углицкий, белозерский). Это печально знаменитая «Дюденева рать», в результате похода которой было взято и сожжено 14 городов Владимирского княжества (Симеоновская летопись, 1913, с. 82–83).

Обратим внимание на то, что часть находок накладок Типа 9 происходит непосредственно с территории Владимирского княжества конца XIII в. Они обнаружены в культурных слоях: селища Вединец-1 (Кызласов, 2010. рис. 15: 10. с. 154) (рис. 2: Н), селища Колтово 7 – посада летописного города Колтеска (Сидоров, 2011, рис. 4: 7. с. 177) (рис. 2: О) и города Суздаль (рис. 2: П) (Шполянский, 2019. рис. 2: 12, с. 229, рис. 4: 10–12, с. 235), который был сожжен во время этого похода (Симеоновская летопись, 1913, с. 82). Эти факты позволяют предположить, что носители данных накладок участвовали в карательном походе 1293 г.

Мужчины с подобной гарнитурой стрелковых наборов безусловно относились к сословию воинов, так как при них обнаружены характерные для этого социального слоя вещи – оружие (почти везде наконечники стрел, топор в п.6 Аткарского мог., сабли в п.1 к.1 мог. Коллекторский, в п.1 к.1 Белореченского мог.), доспех (п.1 к.1 мог. Коллекторский), конская сбруя, поясные наборы (п.6 Аткарского мог., п.1 к.2 Новоорского мог.; п.3 к.15 мог. Уркач I) и котелок (п.6 Аткарского мог). По мнению И.Л. Кызласова «аскизская амуниция стала в Монгольском государстве XIII–XIV вв. одним из официальных признаков принадлежности к высшему классу общества» (Кызласов, 2010. с.149), что на исследуемом материале вполне очевидно.

В начальный период своего правления хан Тохта боролся с влиятельным темником Ногаем, с которым в союзе и был владимирский князь Дмитрий Александрович, бежавший к нему с семьей после разгрома. Новому хану была необходима поддержка, которую он, видимо, нашел среди конных воинов, носивших гарнитуру стрелковых наборов с накладками Тип 9, собранных из различных мест Золотой Орды, которые, видимо, стали частью «Дюденевой рати».

Вещи и их сочетания, обнаруженные в комплексах рассматриваемой группы, с гарнитурой стрелковых наборов Тип 9, обнаруживаются как по отдельности, так и во взаимных сочетаниях в различных погребальных комплексах на территории Золотой Орды. Примеров подобного множество. Так, фигурные накладки без орнамента от поясного набора из п.1 к.1 Белореченского могильника (Горелик, Дружинина, 2011, рис. 8. 3, 4. с. 50) имеют аналогии как в Восточной Европе (п.1 к.1 могильника Северное-2 (Ларенок, http://rostov-region.ru., рис. 4: 1, 2, 4), так и в Казахстане (п.1 к.2 могильника Тасмола IV (Кадырбаев, Бурнашева, 1970. рис. 2: 5, с. 45), п.1 к.1 могильника у пос. «25 лет Октября» (Арсланова, 1970. табл. I. 6-8, с. 56)). Стремена из п.2 к.1 могильника Бойкопонура I (Чхаидзе… рис. 10. 1. с. 140), имеют прямую аналогию в п.2 к.14 могильника Коллекторский, там в свою очередь имеется шлем с козырьком (Чхаидзе, Дружинина, 2010. рис. 6: 3, с.123),

который представлен также в целой группе воинских погребений Золотой Орды (Нарожный, Нарожный, 2013. с. 306–311). Чаша, обнаруженная в п.1 к.1 могильника Коллекторский и в п.1 к.1 Белореченского могильника (1896 г.), имеется в п.1 к.9 могильника Олень-Колодезь, где в свою очередь представлен комплекс женских украшений (Ефимов, 1999. рис.8. с.105) оружия и конской сбруи, в том числе арочные стремена близкие п.6 Аткарского могильника (Ефимов, 1999, рис. 9: 1, 2. с. 107.). Он же в свою очередь имеет много общего с комплексом женского п.1 к.1 могильника Вербовый Лог III (перстни, браслеты, стремена), где обнаружены детали конской сбруи аскизского типа (Власкин…, 2006. рис. 3: 1, 3. с. 15).

В научной литературе, посвященной аскизской тематике в Восточной Европе, высказываются идеи о необходимости детализации хронологии отдельных стилистических групп из массива археологических артефактов XIII–XIV вв. (Шполянский, 2019. с. 242, п.3), так как более дробной хронологии изделий аскизского производства и их подражаний пока не существует. В данной статье, на основе находок из мордовского п.6 Аткарского могильника и близких им стилистических и технологических аналогий, мы сделали попытку выявить подобную группу изделий, именуемых нами условно Тип 9. На основе датированных предметов и их взаимовстречаемости в комплексах данной группы, выявлен временной интервал периода жизни их носителей, это 4-я четверть XIII в. – 1-я четверть XIV в. Исходя из этого, мы предположили, что находки деталей подобных стрелковых гарнитур в культурных слоях поселений не случайны, особенно в землях Северо-Восточной Руси и связаны с военно-политическими событиями конца XIII в.

ЛИТЕРАТУРА

Арсланова Ф.Х. Погребения золотоордынского времени в Павлодарской области // Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. 2013. С. 200–203.

Атлас «История России с древнейших времен до XVI века». 6 класс. М.: ДИК, Дрофа, 2013. 48 с.

Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Томского гос. пед. университета, 1996. 272 с.

Бисембаев А.А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.). Уральск: Полиграфсервис, 2003. 232 с.

Бисембаев А.А., Ахатов Г.А. Элитные погребения периода Улуса Джучи, изученные в Актюбинской области // Поволжская археология. 2019. №2 (28). С. 61–77.

Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Хронология могильников населения I-XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Республиканская типография «Красный октябрь», 2008. 352 с.

Вихляев В.И., Пронин А.С. Средневековая мокша. Первые века вместе с Древней Русью. Материалы раскопок Кельгининского могильника в 1999–2001 гг. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2016. 356 с.

Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А. Погребение знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала / Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VI. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 232 с.

Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.: Эвтектика, 1992. 197 с.

Гармашов, А. И. О некоторых памятниках XIV в. в Аксайском районе // Аксайские древности / Отв. ред. Л.С. Ильюков. Ростов на Дону, 2002. С. 207–223.

Горелик М.В., Дружинина И.А. Уникальное погребение воина золотоордынского времени на реке Белой // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2011. №1 (2). С. 39–63.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья / Отв. ред. А.К. Смирнов. М.: Наука, 1989. С. 14–132.

Дремов И.И. Погребение воина с джучидскими монетами // СА. 1985. № 4. С. 243–245.

Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская археология. 1999. № 3–4 (4–5). С. 93–108.

Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З. Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 42–53.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. / САИ. Вып. Е3-18. М.: Наука, 1983. 128 с.

Кызласов И.Л. Особенности появления аскизских изделий в Европе в XIII-XIV вв. // Русь и Восток в IX–XI веках: новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН; Наука, 2010. С. 139–162.

Ларенок В.А., Ларенок П.А. Погребение кочевника-тюрка из могильника Северный-II. URL: http://rostov-region.ru/books/b./f00/s00/z0000011/st004.shtml (дата обращения 11.02.2022г.)

Малов Н.М. Погребение монгольского периода с золотыми вещами из окрестностей села «Мариенталь»: по отчётным документам Пауля Рау // Волго-Уральский регион от Древности до Средневековья / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Изд-во. Волгоград: ВолГУ, 2020. С. 194–201.

Матюшко И.В. Погребальный обряд кочевников XI-XIII вв. Степного Приуралья // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы …) / Отв. ред. С.Г. Кляшторный, В.А. Иванов, И.К. Загидуллин. Казань: Ихлас, 2013. С. 101–120.

Монахов С.Ю. Новые исследования грунтового Аткарского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 2 / Отв. ред. В.Г. Миронов. Саратов: СГУ, 1991. С. 167–188.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.

Нарожный В.Е., Нарожные Е.И. О группе кочевнических погребений золотоордынского времени со шлемами с козырьком // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 306–311.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань: Заман, 2001. 255 с.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (Басандайская культура). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.

Сидоров В.В. Колтово 7 – слобода города Колтеска // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. С. 173–188.

Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. 316 с.

Синицын И.В. Курганы у села Молчановка Николаевского района (Раскопки 1951-1952 гг.) // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. 1 / МИА. № 60. / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 130–138.

Торопова Е.В. Отчет об археологических исследованиях на Пятницком раскопе в г. Старая Русса Новгородской области в 2007 г. Великий Новгород. 2008. 248 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: МГУ, 1966. 276 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевнический курган XIV в. из Нижнего Поволжья (некоторые особенности погребального обряда средневековых кочевников) // Вопросы древней истории Южной Сибири / Отв. ред. Я.И. Сунчугашев. Абакан: Хакасский НИИЯЛИ, 1984. С. 98–108.

Цыбин М.В. Погребения средневековых кочевников X-XIV вв. в Среднем Подонье // СА. 1986. №. 3. С. 257–266.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Тяжеловооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2010. №1. С. 110–125.

Чхаидзе В.Н., Иванов А.И., Шереметьев А.Г. Погребения средневековых кочевников близ хут. Бойкопонура в Краснодарском крае // МИАСК. Вып. 17/ Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир-Краснодар: РИЦ АГПИ, 2019. С. 119–140.

Шалобудов В.Н., Андросов В.А., Мухопад С.Е. Раскопки курганов у с. Дмухайловка // Древности Степного Поднепровья III-I тыс. до н.э. / Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск: Днепропетровский гос. ун-т,1983. С. 19–27.

Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В. Кочевнические погребения Среднего Приорелья // Курганы Степного Поднепровья: сборник научных трудов / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1980. С. 90–97.

Шполянский С.В. Накладки из черного металла со средневековых памятников Суздальского Ополья // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 15. ИА РАН. М. 2019. С. 227–244.

Информация об авторе:

Козлов Дмитрий Александрович, аспирант, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук (НИИГН) при Правительстве РМ (г. Саранск, Россия), demetriy87@gmail.com

REFERENCES

Arslanova, F. Kh. 2013. In Arslanova, F. Kh. *Ocherki srednevekovoi arkheologii Verkhnego Priirtysh'ia (The Sketches of the Medieval Archaeology of the Upper Irtysh).* Series: Materaily i issledovaniia po arkheologii Kazakhstana (Materials and Researches on Archaeology of Kazakhstan). Astana: Branch of Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan in Astana, 200–203 (in Russian).

2013. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen (History of Russia since Ancient Times)* Moscow: "DIK","Drofa" Publ. (in Russian).

Belikova, O. B. 1996. *Srednee Prichulym'e v X–XIII vv. (Middle Chulym River Area in the 10th–13th cc.)* Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ. (in Russian).

Bisembaev, A. A. 2003. *Arkheologicheskie pamyatniki kochevnikov srednevekov'ya Zapadnogo Kazakhstana (VIII–XVIII vv.) (Archaeological Monuments of the Medieval Nomads of the Middle Ages of West Kazakhstan (8th – 18th centuries))*. Ural'sk: "Poligrafservis" Publ. (in Russian).

Bissembaev, A. A., Akhatov, G. A. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region archaeology).* 28 (2), 61–77 (in Russian).

Vikhliaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. I. 2008. *Khronologiia mogil'nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia (Chronology of the Burial Grounds of 1st — 14th Centuries in the Western Part of the Middle Volga Region)*. Saransk: "Krasnyi Oktiabr" Typography (in Russian).

Vikhlyaev, V. I., Pronin, A. S. 2016. *Srednevekovaya moksha. Pervye veka vmeste s Drevney Rus'yu. Materialy raskopok Kel'gininskogo mogil'nika v 1999–2001 gg. (The Medieval Moksha people. First centuries with the Ancient Rus'. Materials of excavations of the Kel'ginino burial ground in 1999–2001)*. Saransk: Mordovia State University (in Russian).

Vlaskin, M. V., Garmashov, A. I., Dode, Z. V., Naumenko, S. A. 2006. *Pogrebenie znati zolotoordynskogo vremeni v mezhdurech'e Dona i Sala (Burial of the Nobility of the Golden Horde Period at the Interfluve of the Don and Sal).* Series: Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo naslediia Severnogo Kavkaza (Materials for the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus). 6. Moscow: "Pamiatniki istorichesloi mysli" Publ. (in Russian).

Gaydukov, P. G. 1992. *Slavenskii konets srednevekovogo Novgoroda. Nutnyy raskop (Slavensky End of Medieval Novgorod. Nutny Excavation)*. Moscow: "Evtektika" Publ. (in Russian).

Garmashov, A. I. 2002. In Il'yukov, L. S. (ed.). *Aksaiskie drevnosti (Aksai Antiquities)*. Rostov na Donu, 207–223 (in Russian).

Gorelik, M. V., Druzhinina, I. A. 2011. In *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii (Batyr. Traditional Mi1itary Culture of the Peoples of Eurasia). 2* (1), 39–63 (in Russian).

Dvornichenko, V.V ., Fedorov-Davydov, G. A. 1989. In Smirnov, A. K. (ed.). *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdei i drevnie goroda Povolzh'ia (Treasures of Sarmatian leaders and ancient towns of the Volga region).* Moscow: "Nauka" Publ., 14–132 (in Russian).

Dremov, I. I. 1985. In *Sovetskaia Arkheologiya* (*Soviet Archaeology*) 4, 243–245 (in Russian).

Efimov, K. Yu. 1999. In *Donskaia arkheologiia (Archaeology of Don)* **3–4 (4–5), 93–108** (in Russian).

Kadyrbaev, M. K., Burnasheva, R. Z. 1970. In Kadyrbaev, M. K. (ed.). *Po sledam drevnikh kul'tur Kazakhstana (In the Wake of the Ancient Cultures of Kazakhstan).* Almaty: "Nauka" Publ., 42–53 (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 1983. *Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv. (Askizskaya Culture of South Siberia in the 10th –14th cc.).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E3-18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 2010. In Makarov, N. A., Koval', V. Yu. (eds.). *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: Novye arkheologicheskie issledovaniia (Rus' and Orient in 9th — 11th Centuries: New Archaeological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Nauka" Publ., 139–162 (in Russian).

Larenok, V. A., Larenok, P. A. *Pogrebenie kochevnika-tyurka iz mogil'nika Severny-II (Burial of a Turkic Nomad from Severny-II Burial Ground).* Available at: http://rostov-region.ru/books/b./f00/s00/z0000011/st004.shtml (accessed 11.02. 2022).

Malov, N. M. 2020. In Skripkin, A. S. (ed.). *Volgo-Ural'skiy region ot Drevnosti do Srednevekov'ya (Volga-Ural Region from Antiquity to the Middle Ages)*. Volgograd: Volgograd State University, 194–201.

Matyushko, I. V. 2013. In Kliashtornyi, S. G., Ivanov, V.A., Zagidullin, I.K. *Tiurkskie kochevniki Evrazii (kimaki, kipchaki, polovtsy ...) (Turkic Nomads of Eurasia (Kimeks, Kipchaks, Cumans...))*. Kazan: Ikhlas Publ. 101–120 (in Russian).

Monakhov, S. Yu. 1991. In Mironiov, V. G. (ed.). *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 2. Saratov: Saratov State University, 167–188 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period).* Volgograd: "RANKhiGS" Publ. (in Russian).

Narozhny, V. E., Narozhny, E. I. 2013. In Marchenko, I. I. (ed.). *Shestaia Mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia (Sixth International Kuban Archaeological Conference)*. Krasnodar: "Ecoinvest" Publ., 306–311 (in Russian).

Pletneva, L. M. 1997. *Tomskoe Priob'e v pozdnem srednevekov'e (po arkheologicheskim istochnikam) (Tomsk Ob River Region in the Late Middle Ages (Based on Archaeological Sources)).* Tomsk: Tomsk State University Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2001. *Tiurkskii mir i Volgo-Камье v XI–XIV vv.: Izdeliia askizskogo kruga v Srednem Povolzhье (Turkic World and the Volga-Kama Region in the 11th –14th cc.: Articles of the Askiz Range in the Middle Volga Kegion).* Kazanь: "Zaman" Publ. 141 (in Russian).

Savinov, D. G., Novikov, A. V., Roslyakov, S. G. 2008. *Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (Basandayskaia kul'tura) (Upper Ob region at the Turn of Epochs (Basandaika Culture)).* Novosibirsk: Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Sidorov, V. V. 2011. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of Scientific Seminar)* 7. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 173–188 (in Russian).

Simeonovskaia letopis' (The Simeon Chronicles) 1913. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XVIII. Saint Petersburg: M.A. Aleksandrov Publ. (in Russian).

Moshkova, M. G. 1960. In Krupnov, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in Archaeology USSR)* 60. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 130–138 (in Russian).

Toropova, E.V. 2008. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh na Piatnitskom raskope v g. Staraia Russa Novgorodskoy oblasti v 2007 g. (Report on Archaeological Studies at Pyatnitsky Excavation in Staraya Russa of Novgorod Oblast in 2007).*Velikiy Novgorod (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1984. In Sunchugashev, Ya. I. (ed.). *Voprosy drevney istorii Yuzhnoy Sibiri (The Issues of Ancient History of Southern Siberia).* Abakan: Khakassia Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute, 98–108 (in Russian).

Tsybin, M. B. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiya* (*Soviet Archaeology*) 3, 257–266 (in Russian).

Chkhaidzhe, V. N., Druzhinina, I. A. 2011. In *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii (Batyr. Traditional Mi1itary Culture of the Peoples of Eurasia).* (1), 110–125 (in Russian).

Chkhaidze, V. N., Ivanov, A. I., Sheremet'ev, A. G. 2019. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies on the Archaeology of the North Caucasus)*. 17. Armavir: Archaeological Research Centre of Armavir State Pedagogical Institute, 119–140 (in Russian).

Shalobudov V.N., Androsov V.A., Mukhopad S.E. 1983. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Drevnosti stepnogo Podneprov'ia (III-I tys. do n.e. (Antiquities of the Steppe Dnieper Region (3rd-1st Millennia BC))*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 19−27 (in Russian).

Shalobudov, V. N., Kudryavtseva, I. V. 1980. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Kurgany Stepnogo Podneprov'ya (Barrows of the Steppe Dnieper Region)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University Publ., 90–97 (in Russian).

Shpolyansky, S. V.2019. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)*. 15. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 227–244 (in Russian).

About the Author:

Kozlov Dmitry A. Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. L. Tolstoy, str., 3, Saransk, 430005, Russian Federation; demetriy87@gmail.com

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК. 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.264.271

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ГОРОД УКЕК ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2005-2021 ГГ.[1]

© 2022 г. Д.А. Кубанкин

На основании результатов полевых исследований начала XXI века были получены качественно новые результаты. С учетом данных предыдущих лет представлена основная информация об Укеке. Она включает сведения о площади памятника и сохранности культурных слоев. Отмечается функция переправы, а специфический рельеф местности, отличающий Укек от других волжских городов Золотой Орды, вероятно, отразился в названии города. Определены отдельные строительные традиции и ремесла, этнический и конфессиональный состав населения. По материалам керамики и монет выделен путь из Укека через Азак в Крым, Константинополь и Трапезунд, отмечены тесные связи с Мохши. Дается датировка культурных слоев города и выделяется период наивысшего административного расцвета, связанного с присутствием многочисленных предметов импорта и временем чеканки собственной монеты. Этот период предшествует времени, когда город достиг максимальной площади.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Укек, Азак, Мохши, Крым, Увекское городище, историческая топография, культурные слои, строительство, ремесло, этнический состав населения, торговый путь.

THE GOLDEN HORDE CITY OF UKEK BASED ON ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS OF 2005-2021[2]

D.A. Kubankin

The field studies of the early 21st century have provided qualitatively new results. The fundamental information on Ukek is presented with regard to data of the previous years of studies. This includes details of the monument area and the preservation of the cultural layers. It is highlighted that the city used to serve as a crossing site, and the specific terrain relief distinguishing Ukek from the other Golden Horde cities on the Volga was probably reflected in its name. Individual construction traditions and crafts have been determined, as well as the ethnical and confessional composition of the population. According to the ceramic and numismatic materials, the route from Ukek through Azak to Crimea, Constantinople and Trebizond has been identified, and close interrelations with Mohshi have been recorded. Dating of the city's cultural layers is presented, and the period of maximum administrative prosperity is determined as the one associated with numerous imported articles and the period of the city's own coinage. This period precedes the time of the city's maximum dimensions.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Ukek, Azak, Mohshi, Crimea, Uvek settlement, historical topography, cultural layers, construction, craft, ethnic composition of the population, trade route.

Увекское городище (город Укек), что на южной окраине Саратова, начали изучать во второй четверти XIX в. Долгое время основу коллекций составляли случайные находки, раскопки же здесь носили эпизодический характер. В 2000 г. вышла монография казанского археолога Л.Ф. Недашковского «Золотоордынский город Укек и его округа» (Недашковский, 2000. с. 3), в которой были обобщены данные письменных, нумизматических и многочисленных археологических источников, накопленных за предыдущий период. С небольшими дополнениями монография была издана на английском языке в 2004 г. (Nedashkovsky, 2004). На данный момент это самое полное исследование об Укеке, но материалы исторической топографии здесь практически не затрагивались.

С 2005 г. нами проводятся ежегодные археологические исследования Увекского городища. Заложено 15 раскопов общей площадью 2416 кв. м. Эти материалы существенно дополняют сведения о средневековом городе и его исторической топографии. В статье представляются основные результаты исследований.

Общая площадь городища с учетом некрополей составляет около 205 га (Недашков-

[1] Работа выполнена при поддержке Фонда президентских грантов. Заявка № 22-1-004661. «Проект Укек: популярно об археологии»

[2] The work was supported by the Presidential Grant Foundation, Application No. 22-1-004661. "Ukek Project: Popular Archaeology"

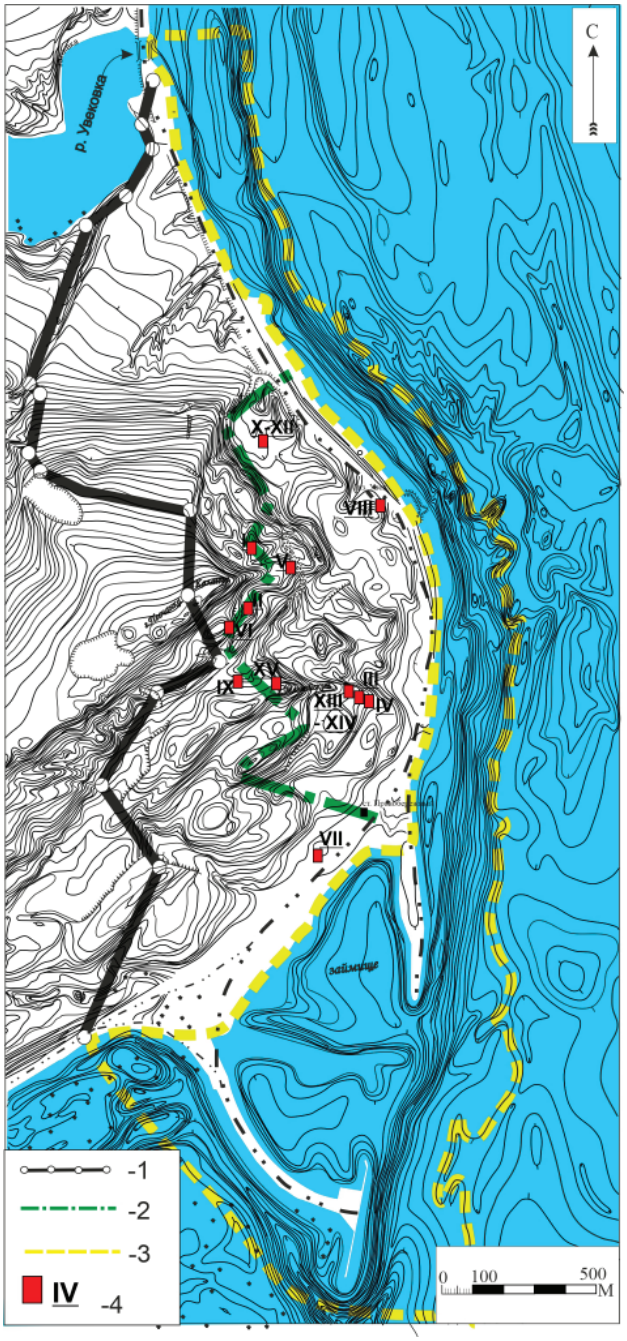


Рис. 1. План Увекского городища: 1 – границы городища, 2 - зона распространения сплошного культурного слоя, 3 – затопленная часть городища, 4 – раскопы Д.А. Кубанкина с порядковой нумерацией
Fig. 1. Plan of Uvek settlement: 1 – settlement boundaries, 2 – continuous cultural layer zone, 3 – submerged part of the settlement, 4 – D.A. Kubankin's excavation sites with sequential numbering

ский, 2000. с. 3). Прибрежная часть городища сильно разрушалась сначала Волгой, а затем Волгоградским водохранилищем. С учетом рельефа дна и архивных данных можно предположить, что затоплено около 90 га прибрежной территории. Вся территория памятника делится на зону сплошного распространения культурного слоя и значительно меньшую по размерам зону локального выхода культурного слоя (рис. 1), где пустыри чередуются с некрополями или обжитыми участками.

Сохранность золотоордынского слоя различная. Ни один объект не сохранился на поверхности до наших дней. Значительная площадь городища находится под застройкой частного сектора, а это значит, что раскопки во дворах ограничены площадью домовладения, постройками и прочими объектами. Поэтому редко удается проследить постройку или какой-либо крупный объект по всей площади. Как показали наши раскопки в центральной части городища (раскопы III, IV, XIII, XIV), культурный слой золотоордынского времени уничтожается полностью крайне редко. Обычно местные жители выравнивают свой участок, срывая возвышенные точки и засыпая понижения. Зачастую подобная картина по выравниванию территории наблюдается на раскопе как в золотоордынский период, так и в XX в. Большинство деревянных домов XX в. установлено без фундаментов, а перекопы связаны с траншеями под коммуникации, мусорными и выгребными ямами, колодцами, погребами. Следует отметить, что культурные слои городища слабо внешне различаются между собой и почти всегда содержат серую супесь как в слоях золотоордынского времени, так и в более поздних наслоениях.

Рельеф городища существенно отличается от более плоской поверхности большинства аналогичных волжских памятников. Город находился на высоком правом берегу Волги, а гора Увек является одной из самых крупных высот в окрестностях Саратова. От этой высоты в сторону Волги берег оползневыми цирками спускается вниз, и в итоге образуется удобный выход к воде. Вся площадь городища испещрена многочисленными холмами, возвышенностями и оврагами. Из-за этого образуется чрезвычайно пересеченная местность, нехарактерная для большинства джучидских городов Поволжья, а перепад высот от самой высокой точки до береговой линии Волги составляет около 120 м. Мы полагаем, что высокая гора, которая сейчас на картах называется Увек и под которой располагался средневековый город, дала название средневековому центру. В монгольском языке «укек» или «ўхэг» означает «удлиненный шкаф, ящик; массивная гора или крупная возвышенность с плоским верхом (в форме сундука)» (Молчанова, 1979. с. 324).

Казалось бы, пересеченная местность не подходит для строительства города. Но отно-

сительно удобный спуск к Волге, а также узкий участок коренного русла делают его удобным для переправы (Рубрук, 1997. с. 116; Поло, 1997. с. 193). Вероятно, здесь находилась переправа в одну из ханских ставок, располагавшихся на левом берегу Волги, напротив Укека (Коновалова, 2009. с. 125).

Мощность культурных слоев золотоордынского времени крайне различна. Наиболее масштабные напластования зафиксированы в центральной части городища (раскопы III, IV, XIII, XIV). Здесь слои золотоордынского времени достигают 200–300 см, без учета ям.

Следы построек сохраняются преимущественно в виде ленточных фундаментов. Нами было обнаружено одиннадцать построек. Все они возведены на ленточном фундаменте из камня (Кубанкин, Зозырев, 2021. с. 193–194). Как правило, это необработанный песчаник, который укладывали в траншею и трамбовали с влажным грунтом, т. н. «грязевой» раствор. Стены построек если и сохраняются, то в нижней части кладки, буквально на высоту в 10–30 см от фундамента. При раскопках чаще всего прослежены стены из жженого кирпича, реже из каменных блоков. Для декора используется поливной кирпич, резные каменные блоки, кашинные мозаичные панели и кашинная плитка. Среди каменного декора особенно выделяется фрагмент архитектурного блока со ценой терзания льва грифоном. Орнамент выполнен в технике высокого рельефа с выборкой фона. В качестве материала использован кварц-глауконитовый алевритовый песчаник, залежи которого встречаются примерно в 11 км от Укека (Кубанкин, Зозырев, 2021. с. 196–198).

В Укеке существовали постройки, имевшие черепичную кровлю. Впервые ее фрагменты встречены нами при раскопках христианского квартала в виде желобов-калиптер и плоских кирпичей-керамид с бортиками. По определению А.Н. Масловского, подобная черепица производилась в Укеке и, возможно, на Хмелевском селище. Особо интересна технология изготовления калиптер. Изначально на гончарном круге вытягивали глиняную трубу, которую нитью разрезали вдоль на две части. Четко видны незаглаженные изнутри следы вращения на гончарном круге и следы от срезания нитью. Черепица в Укеке производилась длительное время. Первый храм с глиняной кровлей датируется 1280–1300-ми гг., второй был построен приблизительно в 1330-х гг. В раскопе XV в западной части городища на исламском кладбище в районе Мамайского бугра нами были обнаружены следы разобранного кирпичного мавзолея. Среди кирпичного боя встречены керамиды. Не исключено их вторичное использование, но идея о черепичной кровле монументальных построек Укека все чаще находит свое подтверждение в материалах раскопок.

Помимо зданий из обожжённого кирпича был исследован дом из сырцового кирпича на неглубоком каменном фундаменте на раскопе VI (Кубанкин, 2015. с. Кубанкин, 2018. с. 48–49), а также забор и ограда вокруг ювелирного горна из сырцового кирпича на неглубоком каменном фундаменте на раскопе XIII. На северо-западной окраине было раскопано частично заглубленное в землю жилище с фахверковыми стенами (Кубанкин, 2012. с. 125, 131). Иногда при раскопках, особенно в христианском квартале, встречаются участки с хозяйственными ямами, даже с возможным подполом, но без следов построек. Вероятно, здесь стояли наземные постройки без фундаментов, например деревянные срубы.

Среди монументальных сооружений Укека известны мавзолеи, общественные бани, церкви, богатые усадьбы (Кубанкин, 2014; Кубанкин, 2014а; Кубанкин, 2015а). К сожалению, планировка города нами еще не восстановлена. Неизвестно, как располагались улицы, какой ширины были дороги. Удалось лишь проследить в северной части городища канаву шириной в верхней части 240–250 см, у дна – 70 см и глубиной 30–40 см. Стенки и дно сооружения были обмазаны слоем коричневой жирной глины толщиной 10–30 см. Вероятно, канава проходила вдоль улицы средневекового города. При раскопках 2018–2019 гг. (раскопы IX, X, XI) в слое глиняной обмазки стенок канавы найдены медные монеты 1340-х гг. На немецкой аэрофотосъемке 1943 г. эта канава «читается» на незастроенном участке и представляет собой линию не менее 248 м, к которой сходятся еще две улицы с подобными канавами. Можно предположить, что некоторые улицы Укека в северной части города в 1340–1350-е гг. были ориентированы практически по линии север-юг: от склона горы к Волге.

Еще одно гидротехническое сооружение было частично раскопано нами на склоне горы Увек (раскоп II). Внешне оно напоминало арык (средняя ширина 3,5 м, глубина – 1,5 м), дно которого представлено в виде округлых ям, расположенных с понижением друг к другу, соблюдая принцип сообщающихся сосудов. Предполагаем, что где-то возле

этого сооружения аккумулировались талые и дождевые воды с окрестной горы и, возможно, вода из расположенных рядом родников. Аккумулируемая техническая вода поступала в исследованный нами распределитель, а из него под напором шла вниз, в город. Таким образом, распределитель одновременно выступал в качестве водонапорного механизма. Находки из заполнения водоема представлены преимущественно фрагментами глиняной посуды, костями животных, встречены железные шлаки и сильно потертая медная монета, датируемая по аналогии 1325/26 г. (Кубанкин, 2012. с. 125, 130; Кубанкин, 2013, с. 182-189).

В процессе раскопок и последующего изучения массового материала удалось получить новые данные о ремесленном производстве в Укеке. А.Н. Масловским выделена керамика местного производства. Эти данные еще только планируется опубликовать, пока же остановимся на отдельных выводах. Производство было сконцентрировано преимущественно на красноглиняной неполивной керамике. Если поливную посуду и производили в Укеке, то она имела крайне небольшой процент. В местном производстве прослеживаются традиции гончаров с территории Волжской Булгарии, несомненен и небольшой приток мастеров с юга, нашедший отражение в более широком использовании красного ангоба. В начале XX в. на южной окраине городища был раскопан гончарный горн, в котором предположительно обжигали красноглиняные кувшины (Кротков, 2005. с. 205). Еще два горна были раскопаны Ф.В. Баллодом в 1919 г. Один из них, возможно, служил для обжига кашинных изразцов (Баллод, 1923 с. 77-80).

В наших раскопках в центральной части городища исследована нижняя часть металлургического горна, датированного 1270-ми гг. (Кубанкин, 2014. с. 388), Сохранившаяся часть представляет собой конструкцию яйцевидной в плане формы с узким вытянутым устьем, размерами 120×96 см. Стенки куполом сходятся к верху, где они разломаны. Горн выложен из камня и обмазан глиной, прокалившейся докрасна. Толщина стенок 28–30 см, максимальная высота – 67 см. В центре дна в материке выкопано чашевидное углубление для крицы шириной 28–32 см и глубиной от уровня материка 13 см. Чашевидное углубление при расчистке оказалось завалено комками светлой глины и слоем извести, использованной в качестве флюса при плавке. Под ними на дне лежал слой древесного осинового угля толщиной около 1 см (Кубанкин, 2014а. с. 145, 149). В этом же районе, но уже во второй половине XIV в. действовала ювелирная мастерская, к которой относились два полностью разрушенных глинобитных горна (раскопы XIII и XIV). Рядом были найдены шлаки железа и цветного металла, общим весом более 20 кг, заполнения литниковых каналов, обрезки меди и прочие следы работы с цветным металлом. Здесь же найдено 58 целых сфеоконусов. О литье чугуна свидетельствуют фрагменты земляной формы для литья котлов с вскипевшим чугуном и прилипшей к ней песком.

На различных раскопах встречаются следы косторезного производства. В прибрежной части на раскопе VIII были обнаружены костяные заготовки в виде пластин, раскроенные из лопатки мрс. На раскопе XIII среди многочисленных костных останков Л.В. Яворской зафиксированы «лощеные» кости, кости с отверстиями и затертостями верхней и боковых поверхностей трубчатых костей, что можно считать, по ее мнению, следами кожевенного производства.

Из письменных источников известно, что население золотоордынских городов было пестрым по своему этническому составу и исповедовало различные религии (Тизенгаузен, 1884. с. 306). К сожалению, не всегда это разнообразие прослеживается в материальной культуре. Мы можем лишь говорить о присутствии отдельных народов и делать предположения о его массовости. Например, находки в слоях Укека русской керамики позволяет утверждать, что на отдельных участках городища – в центральной и юго-восточной частях (раскопы III, IV, VII, XIII, XIV) – эта посуда достигает 26 % от общего объема керамических находок. На северо-восточном участке (раскоп VIII) с трудом переваливает за 1 %, на северо-западном (раскопы II, VI, X, XI, XII) и на западном (раскоп IX) участках не встречено ни одного фрагмента русской керамики. Очевидно, что так локализуются участки, где проживало значительное количество русского населения. Как правило, там же концентрируются находки предметов христианского благочестия, и здесь были частично изучены фундаменты двух христианских храмов (Кубанкин, 2014; Кубанкин 2014а).

Лепная мордовская посуда встречается на разных участках городища, но редко превышает 1 % от общего объема керамики на раскопе. На северо-западном некрополе (раскопы I и V) и на кладбищах в районе Мамайского бугра

(раскопы IX и XV), где расположены преимущественно исламские захоронения, имеется ряд погребений, которые антропологически близки к финно-угорскому населению (Евтеев и др. 88, 100), болгарский элемент прослеживается в самой традиции изготовления посуды. Мы склонны считать, что основными этническими компонентами Укека были болгары, русские и мордва. Для этих людей проживание в условиях лесостепи и степи, на реке было привычным.

Благодаря нумизматическим находкам и изучению керамики, найденной в Укеке, с установлением последующих центров производства, удалось восстановить путь из Укека в Азак, города Крыма и далее по морю в Константинополь, Трапезунд и прочие города. Важно отметить, что крымские монеты занимают по числу находок третье место в Укеке после чекана Укека и Мохши, если не считать столичные чеканы (табл. 1). Крымская посуда среди импортов занимает одно из первых мест, зачастую обгоняя нижневолжские центры производства, особенно для слоев XIII – первой половины XIV в. Если мы обратимся к керамическим импортам из христианского квартала (Кубанкин, Масловский, 2016. с. 107), то керамика Юго-Восточного Крыма занимает в процентном отношении второе место, уступая лишь трапезундским амфорам, которые также поступали в Золотую Орду преимущественно через Крым. О перемещении населения между Крымом и Укеком свидетельствуют не только медные монеты Причерноморья, находимые при раскопках волжского города, но и красноглиняный поливной тувак, произведенный в Юго-Восточном Крыму, найденный в Укеке и хранящийся в фондах Саратовского областного музея краеведения (НВСП 18130). А.Н. Масловскому удалось уже неоднократно обнаружить в материалах раскопок Азака фрагменты красноглиняной неполивной керамики Укека, что указывает на перемещение населения из Укека через Азак в Крым и подтверждается находками монет азакского чекана в волжском городе. Особо тесные связи были с мордовским центром в городе Мохши. После прекращения собственной чеканки в Укеке начинается денежное производство в Мохши, а монеты мордовского центра занимают первое место среди найденных в Укеке, если не учитывать столичные центры.

В материалах наших раскопок стабильно встречаются монеты 1270–1280-х гг., самые поздние относятся к концу 1360-х гг., либо имеют надчекан на монетах Азиз-Шейха 766 г.х. По данным разных лет сборов на Увекском городище, самые ранние монеты датируются 1250-ми гг., самые поздние – 1390-ми (Кубанкин, 2016). Наивысшего подъема город достиг на рубеже XIII–XIV вв. В это время здесь чеканят монету, культурные слои насыщены всевозможными импортами. Именно в этот период и отчасти во время правления Узбека в Укеке проживает или временно присутствует элита, чьи захоронения с многочисленным погребальным инвентарем относятся к разряду высшей монгольской знати. С приходом

Таблица 1. Таблица монет из раскопок Д.А. Кубанкина на Увекском городище 2005–2021 гг. с распределением по монетным дворам (за исключением чеканки столичных монетных дворов)

Table 1. Coins from 2005–2021 excavations by D.A. Kubankin at Uvek settlement classified by coinage sites (excluding the cases of metropolitan mints)

Монетный двор	Медь	Серебро	Всего
Мохши	25	10	35
Укек	1	12	13
Крым	7		7
Болгар	2	2	4
Исакчи	2		2
Азак	2	1	3
Хорезм	1	1	2
Маджар		1	1
Барджин	2		2
Константинополь	1		1
Трапезунд	1		1
Султанабад, Иран	1		1
Сивас, Сельджуки Рума	1		1
Всего	46	27	73

к власти Узбека город прекращает чеканить монету, постепенно уменьшается доля импортов в археологических комплексах. Административная власть этого центра существенно слабеет, но при этом растет площадь города и увеличивается число жителей, судя по многочисленным некрополям, опоясывающим разросшийся Укек.

Во второй половине 1360-х гг. он переживает упадок, характерный для большинства урбанистических центров Золотой Орды. Попытки связать этот упадок с природной катастрофой в виде гигантского оползня или даже газового взрыва (Иванов и др., 2005) нам кажутся необоснованными и оторванными от исторических процессов. При доказательстве привлекаются данные из «раскопов», которые имели площадь не более 6 кв. м и не были докопаны до материка, потому датировка слоев и их привязка к геологическим процессам вызывает много вопросов. В наших раскопах иногда фиксируются оползни, затронувшие джучидские постройки, но все эти явления не имели характера катастрофы, а фундаменты зданий успешно сохранились. Полагаем, что гибель Укека включена в общеисторический процесс, связанный с ослаблением централизованной власти в Золотой Орде. После «замятни» жизнь, возможно, постепенно восстанавливалась, но поражение Тохтамыша в 1395 г. окончательно подорвало этот процесс. Археологические объекты 1370–1390-х гг. в наших раскопках не фиксируются.

Подводя итог, отметим, что Укек возник на Волге в числе первых городов и существовал до конца XIV в. Помимо административной, он еще выполнял функцию переправы. Наивысшего расцвета Укек достиг на рубеже XIII–XIV вв., когда чеканил собственную монету, а его культурные слои, погребальные памятники и монументальные сооружения отражают присутствие здесь многочисленной элиты. С приходом к власти Узбека город перестает чеканить собственную монету. Достигнув максимальных размеров по площади и численности в 1330–1350-х гг., максимального экономического и административного могущества он все же добился в предыдущий период.

ЛИТЕРАТУРА

Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи». М.-Пг.: «Мосполиграф», 1923. 123 с.

Евтеев А.А., Кубанкин Д.А., Куфтерин В.В., Рассказова А.В. Антропологические исследования северо-западного некрополя Увекского городища // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2013. № 1. С. 88–103.

Иванов А.В., Браташова С.А., Сингатулин Р.А. Эколого-геологические аспекты гибели средневекового города Укека // Недра Поволжья и Прикаспия. 2005. Вып. 41. С. 56–68

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М.: Восточная литература, 2009. 226 с.

Кротков А.А. Увек - Саратовский по данным истории и археологии // Поволжский край. Археология, история, источниковедение Поволжья. Вып. 12 / Отв. ред. В.Н. Данилов. Саратов: СГУ, 2005. С. 201–212.

Кубанкин Д.А. Археологические раскопки на Увекском городище в 2005-2011 гг. // Археология восточно-европейской степи. Вып. 9 / Под ред. доц. В.А. Лопатина. Саратов: СГУ 2012. С. 124–138.

Кубанкин Д.А. Археологические раскопки на Увекском городище в 2008-2009 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2013. С. 179–191.

Кубанкин Д.А. Христианский квартал золотоордынского города Укек по материалам раскопок 2010–2013 гг. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 388–392.

Кубанкин Д.А. Археологические раскопки на Увекском городище в 2012-2013 гг. (предварительное сообщение) // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 12 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: ООО «ИППОЛиТ-XXI век», 2014а. С. 144–154.

Кубанкин Д.А. Изучение археологических объектов на территории Увекского городища в 2014 г. (предварительное сообщение) // Поволжская археология. 2015. №4 (14). С. 150–171.

Кубанкин Д.А. Историческая топография Увекского городища // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинёв: Stratum plus, 2015а. С. 243–254.

Кубанкин Д.А. Археологические исследования на Увекском городище в 2014-2017 гг. Основные итоги и перспективы // Археология Евразийских степей. 2018. №5. С. 48–53.

Кубанкин Д.А., Зозырев Н.Ю. Сырьевые источники строительных материалов округи Укека // Поволжская археология. 2021. №2 (36). С. 193–202.

Кубанкин Д.А., Масловский А.Н. Юго-западный вектор в керамическом импорте Укека (последняя треть XIII в. – первая половина XIV в.) // Историко-археологические памятники Золотой Орды на территории Саратовского Поволжья. Укек: прошлое, настоящее, будущее. Мат. межд. науч.-практ. конф. / Ред. Аблязов К. А., Кульпин-Губайдуллин Э. С., Рашитов Ф. А. Саратов: Научная кинга, 2016. С. 106–107.

Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979. 379 с.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.

Карпини Дж. ди Пьян деи. История монгалов / Джованни дель Плано Карпини. Путешествие в Восточные страны / Рубрук Гильом де. Книга Марко Поло: [переводы]. М.: Мысль, 1997. 461 с.: ил., карт.

Рубрук Г. Путешествие в Восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 192–380.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб: Типография Имперской Академии наук, 1884. 564 с.

Nedashkovsky L.F. Ukek: The Golden Horde city and its periphery / BAR. International Series, 1222. Oxford: Archaeopress, 2004. 253 p.

Информация об авторе:

Кубанкин Дмитрий Александрович, директор ГАУК «Исторический парк «Моя история», доцент Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского; kubankin2008@yandex.ru

REFERENCES

Ballod, F. V. 1923. *Privolzhskie "Pompei" (The Volga "Pompeii").* Moscow; Petrograd.: "Mospoligraf" Publ. (in Russian).

Evteev, A. A., Kubankin, D. A., Kufterin, V.V., Rasskazova, A. V. 2013. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XXIII. Antropologia*) (1), 135–141 (in Russian).

Ivanov, A. V., Bratashova, S. A., Singatulin, R. A. 2005. In *Nedra Povolzh'ya i Prikaspiya (Volga and Pricaspian Region Resources)* (41), 56–68 (in Russian).

Konovalova, I. G. 2009. *Vostochnaya Evropa v sochineniyakh arabskikh geografov XIII–XIV vv. (Eastern Europe in the Works of Arab Geographers of the 13th–14th Centuries*). Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

Krotkov, A. A. 2005. In Danilov V. N. (ed.). *Povolzhskii krai. Arkheologiia, istoriia, istochnikovedenie Povolzh'ia (The Volga Region. Archaeology, History, Source Studies of the Volga Region)* 12. Saratov: Saratov State Univrsity, 201–212 (in Russian).

Kubankin, D. A. 2012. In Lopatin V.A. (ed.). *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 9. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute, 124–138 (in Russian).

Kubankin, D. A. 2013. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 11. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 179–191 (in Russian).

Kubankin, D. A. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress at Kazan)* III. Kazan: "Otechestvo" Publ., 388–392 (in Russian).

Kubankin, D. A. 2014. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 12. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 144–154 (in Russian).

Kubankin, D. A. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 14 (4), 150–171 (in Russian).

Kubankin, D. A. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 243–254 (in Russian).

Kubankin, D. A. 2018. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. 48–53in Russian).

Kubankin, D. A., Zozyrev, N. Yu. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 36 (2), 193–202 (in Russian).

Kubankin, D. A., Maslovsky, A.N. 2016. In Ablyazov, K. A., Kulrin-Gubaidullin, E. A., Rashitov, F. A. (eds.). *Istoriko-arkheologicheskie pamiatniki Zolotoi Ordy na territorii Saratovskogo Povolzh'ia. Ukek: proshloe, nastoiashhee, budushchee (Historical and Archaeological Monuments of the Golden Horde in the Territory of Saratov Volga Region. Ukek: Past, Present, Future).* Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 106–107 (in Russian).

Molchanova, O. T. 1979. *Toponimicheskii slovar' Gornogo Altaia (Toponymic Dictionary of Gornyi Altai*). Gorno-Altaisk: "Gorno-Altaiskoe otdelenie Altaiskogo knizhnogo izdatelstva" Publ. (in Russian).

Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde City Ukek and its Suburbs).* Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

1997. *Plano Carpini* Istoriia mongalov (The history of the Mongols) Rubruk, Gil'om de *Puteshetvie v Vostochnye strany (The Journey to the Eastern Parts). Kniga Marko Polo (Book of Marco Polo).* Moscow: "Mysl" Publ. (in Russian).

Tizengauzen V.G. Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy. T. I. SPb: Tipografiya Imperskoi Akademii nauk, 1884. 564 s.

Nedashkovsky, L. F. 2004. *Ukek: The Golden Horde city and its periphery*. BAR. International Series, 1222. Oxford: Archaeopress.

About the Author:

Kubankin Dmiriy A. Director. "Historical Park Russia – my history". Shelkovichnaya Str., 17, Saratov, 410017, Russian Federation; Saratov State University. Astrakhanskaya St., 83, Saratov, 410012, Russian Federation; kubankin2008@yandex.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 902.21 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.272.279

РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВЕДОЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОКРЕСТНОСТЯХ УВЕКСКОГО ГОРОДИЩА В 2018-2019 ГГ.

© 2022 г. Р.Р. Валиев, А.Г. Ситдиков

В публикации представлены результаты археологических исследований на Увекском городище и его округе, проведенных Институтом археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан в 2018–2019 гг. В процессе археологических разведок исследовалось Увекское городище с целью локализации территории распространения культурного слоя, составлен новый инструментальный топографический план Увекского городища, с привязкой мест проведения раскопов. В округе средневекового города Укека локализованы два новых памятника археологии – Увекское I селище и Александровское I селище середины XIII–XIV вв., составлены их топографические планы, определена мощность культурного слоя и границы распространения археологического культурного слоя поселений.

Ключевые слова: археология, средневековье, культурное наследие, Увек, Саратов, городище, селище, Золотая Орда, культурный слой, раскопки, мусульмане.

RESULTS OF EXPLORATIONS IN THE VICINITY OF UVEK SETTLEMENT IN 2018-2019

R.R. Valiev, A.G. Sitdikov

The publication features the results of archaeological studies at Uvek settlement and its neighbouring area conducted by the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan in 2018–2019. During archaeological exploration, Uvek settlement was investigated in order to localize the territory of the distribution of the cultural layer, and a new instrumental topographic plan of Uvek settlement was compiled with references to the excavation sites. Two new archeological monuments were localized in the vicinity of the medieval city of Ukek, which are Uvek I settlement and Aleksandrovskoye I settlement of the mid-13th – 14th centuries, their topographic plans were compiled, the thickness of the cultural layer and the boundaries of the distribution of the archaeological cultural layer of settlements were determined.

Keywords: archaeology, Middle Ages, cultural heritage, Uvek, Saratov, ancient settlement, ancient village, Golden Horde, cultural layer, excavations, Muslims.

В 2018–2019 гг. Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ проводились археологические разведки на Увекском городище и его окрестностях в Саратовской области[1]. Район исследований находится на правом берегу р. Волги, на южной окраине г. Саратова.

Увекское городище является объектом культурного наследия федерального значения – «Золотоордынское поселение, позднее средневековье»[2]. Его границы и правой режим использования земельных участков в границах памятника установлены Приказом управления по охране объектов культурного наследия Правительства Саратовской области от 13.04.2016 г., где выделены две зоны охраны – «зона сплошного распространения культурного слоя» и «зона локальных выходов культурного слоя». Данные «зоны» соответствуют условным археологическим понятиям центральной части Увекского городища и его окраинам. Последняя включает в себя отдельные усадьбы, технические сооружения, некрополи и т.д., отделенные друг от друга участками без культурного слоя (Кубанкин, 2015, с. 150–152). Согласно паспорту памятника, «зона локальных выходов культурного слоя» установлена на базе карты Увекского городища, составленного Л.Ф Недашковским (Недашковский, 2000, рис.1). Границы городища определены на основании распространения подъемного материала, анализа картографических данных и письменных источников (Недашковский, 2000, с. 113).

В предшествующие годы в «зоне локальных выходов культурного слоя» раскопочные работы были сконцентрированы на участках, примыкающих с юга к «зоне сплошного распространения культурного слоя», где на двух оползневых буграх исследовались погребения, мавзолеи, горны и сырцовые постройки (Баллод, 1923, с. 73–82; Кротков, 1915, с. 111–113). Там же, в 2014 г. осуществлялись разведочные работы в виде закладки шурфов и проведения наблюдений во время прокладки коммуникационных траншей, которые

выявили 5 мусульманских захоронений XIII–XIV вв. (Кубанкин, 2015, с. 161–165). В 2007 г. и 2014 г. на юго-восточном склоне горы Каланча проведены отдельные рекогносцировочные исследования на границе двух зон. В «зоне сплошного распространения культурного слоя» зафиксирован культурный слой средней мощностью 40 см, вскрыты мусульманские погребения, фрагмент кирпичной кладки, остатки жилищ и гидротехническое сооружение (Евтеев, Кубанкин, 2009, с. 129–151; Кубанкин, 2013, с. 184–185; 2015, с. 164–168). Других археологических обследований на окраинах средневекового Укека не проводилось.

Работы экспедиции Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ в полевом сезоне 2018 г. были сконцентрированы на исследовании Увекского городища. В процессе работы произведена современная топографическая съемка памятника с использованием мультироторного беспилотного летательного аппарата DJI Phantom 4. На основе детальных аэрофотоснимков изготовлен ортофотоплан местности площадью около 200 га и подготовлена цифровая модель рельефа, точностью в плане и по высоте до 10 см. На топоплан памятника были нанесены визуально фиксируемые раскопы и шурфы (рис. 1). Кроме того, на основе сопоставления узловых точек, на изучаемую территорию привязан архивный аэрофотоснимок 1943 г., что позволяет проследить динамику изменения ландшафта памятника за последние 70 лет.

В целях уточнения границ городища и определения степени сохранности культурного слоя и объектов в зоне «локальных выходов культурного слоя» по периметру памятника заложены 19 шурфов общей площадью 26 кв. м и произведено 14 зачисток обнажений почвенных слоев. Шурфы размерами 2×1 м и 1×1 м закладывались на площадках между оврагами, на краю террас и на склонах коренного берега р. Волги – на местах с наибольшей вероятностью наличия культурного слоя или отдельных объектов Увекского городища. Кроме того, выбор мест закладки шурфов осложнялось высокой плотностью современной застройки и значительными изменениями прибрежных участков вследствие их активного освоения.

В ходе работ в зоне «локальных выходов культурного слоя» на местах закладки шурфов и зачисток культурный слой или отдельные культурные объекты не обнаружены. В шурфах с непотревоженными напластованиями под дерном залегает темно-серая супесь (иногда с включениями щебня), которая покоится на материковом суглинке или песке. В шурфах, заложенных на участках интенсивной застройки, напластования переработаны огородами до материка, или представлены современным балластом толщиной более 2 м. При наложении планов местности с немецкой аэрофотосъемкой 1943 г. выяснилось, что на участках со значительным по мощности современным балластом располагался овраг, засыпанный в 1959 г.

Культурный слой и находки обнаружены лишь в шурфе 10, который заложен на ровном участке склона коренной террасы занятого огородом на западной границе городища в зоне «сплошного распространения культурного слоя» на месте наибольшего сближения с зоной «локальных выходов культурного слоя». Мощность культурного слоя на данном участке составил 32–40 см. Сверху располагался слой огорода – темно-серая супесь (20–22 см), которая залегала на серой супеси с включениями щебня и угольков, толщиной 12–18 см – непотревоженном слое золотоордынского города Укека. Он покоился на светло-сером песчанистом материке. Находки с шурфа представлены двумя фрагментами золотоордынской красной круговой керамики и неопределенным железным предметом.

Исходя из результатов разведочных работ, не выявление культурного слоя на местах закладки шурфов и зачисток может характеризовать данные участки меж поселенческим пространством. Локализация отдельных построек с учетом современных условий затруднительно, и может быть достигнуто планомерными работами в этом направлении. Составление современного топографического плана может стать основой для систематизации данных по археологическому изучению Увекского городища, выявления планиграфических особенностей и обеспечения сохранности объекта.

В 2019 г. основное внимание и усилия экспедиции были направлены на исследование поселенческой структуры в ближайшей округе средневекового Укека. На территории Саратовской области локализуется 159 археологических объектов золотоордынского периода, куда кроме поселений, грунтовых и курганных могильников, включены местонахождения, отдельные находки монет и кладов (Недашковский, 2000). Среди поселений обозначены Увекские I–III селища, которые имеют лишь условную привязку, а именно направление

Рис. 1. Увекское городище, 2018 г. Топографический план с указанием маршрута разведок 2018 г. и расположения раскопов, шурфов, зачисток.

Fig. 1. Uvek settlement, 2018. Topographic plan indicating the route of 2018 exploration and the location of excavations, pits and clearings.

относительно устья речки Увековки или Увекского городища (Недашковский, 2000, с. 119, №№21–23, рис. 1). Они выделены на основе план-схемы Увекского городища, составленного Ф.В. Баллодом, на обоих берегах р. Увековки на небольшом удалении от железнодорожного моста через нее, пунктиром выделены участки «единичных находок монет и строительных материалов», а на юго-восточном склоне горы Каланча отмечен участок с кирпичными строениями (Баллод, 1923, с. 72, рис. 24). Других сведений об этих памятниках не имеется.

С целью локализовать данные памятники и выявить новые в окрестностях Увекского городища, главным образом, к северу и северо-западу от последнего проводились археологические разведки. Пешим маршрутом обследованы участки правого притока р. Волги – речки Увековка (Назаровка) и ее правого притока речки Черниха. Обследованная территория представляет собой задернованную, поросшую травой, кустарниками и деревьями (в том числе плодовыми) террасы коренного правого берега р. Волга. Фиксируется высокое современное антропогенное воздействие, которое прослеживается в значительной переработке местности и застройке промышленными объектами. В ходе разведок выявлены и локализованы два памятника археологии, один из которых отождествлен с Увекским I селищем, второй новый объект археологического наследия – Александровское I селище.

Увекское I селище располагается на южной окраине г. Саратова на мысовом выступе первой надпойменной террасы правого берега р. Волга, образованного двумя оврагами, вытянутыми по оси северо-запад – юго-восток. По дну южного оврага проложена автомобильная дорога с асфальтовым покрытием, по дну северного – из известняковых неотёсанных камней на цементном растворе сооружен водосточный канал. По подошве террасы по оси север – юг проходят железнодорожные пути. На расстоянии 80 м к западу от памятника располагается территория Саратовского НПЗ, в 210–220 м к югу юго-востоку находятся ж/д мосты через речку Увековку (Назаровка), в 800 м к северу – ж/д станция «Князевка» (рис. 2).

Территория памятника представляет собой относительно ровную площадку, частично задернованную, большей частью заросшую деревьями и кустарниками, в том числе плодовыми. На данной площадке ранее располагались дачные участки с жилыми и хозяйственными постройками, от которых на поверхности сохранились обветшавшие, руинированные и разобранные постройки и ямы от погребов. Подобные остатки построек располагаются и к западу и северу от памятника через асфальтовую дорогу, к тому же, на месте разрушенных дачных участков к северу от селища организована несанкционированная свалка мусора.

Памятник выявлен по подъемному материалу, обнаруженному в осыпи левого склона оврага, который состоял из фрагмента золотоордынского кувшина с мелкозернистым песком в тесте и стенкой древнерусского горшка с примесью в тесте мелкозернистого песка и карбонатов средних фракций.

С целью определения мощности культурного слоя и установления границ памятника заложены три шурфа размерами 1×1 м общей площадью 3 кв. м. Вследствие того, что площадка с запада, востока и юга имела естественные границы в виде склона оврагов и террасы, шурфы закладывались в северном направлении.

Шурф 1 располагался на краю первой надпойменной террасы коренного правого берега р. Волга. Мощность культурных отложений составила 42–54 см. Стратиграфия шурфа 1 выглядела следующим образом: под дерном мощностью 4-6 см залегала серая супесь с включениями известнякового щебня, мощностью 13–21 см. Данная прослойка является слоем огорода второй половины XX – начала XXI вв., частично переработавшей верхние напластования памятника. Под ней располагалась прослойка серой плотной супеси с включениями известнякового щебня и суглинка, мощностью 8–16 см. Прослойка содержала фрагменты золотоордынской керамики, и представляет собой непотревоженный культурный слой ордынского времени (середина XIII – XIV вв.). С данным слоем связан дневной уровень ямы, западная часть которой в шурфе оконтурилась в виде полукруга размерами 90×50 см. Ниже залегали погребенная почва (бурая плотная супесь с включениями известнякового щебня), толщиной 9–16 см, покоящаяся на материковом буром суглинке с включениями известнякового щебня.

Шурф 2 заложен на перешейке мыса, образованного вершинами оврагов, в 94 м к северу северо-западу от шурфа 1. В шурфе 2 под дерном мощностью 4–5 см располагалась серая супесь с включениями кирпичной крошки, углей и известнякового щебня, мощно-

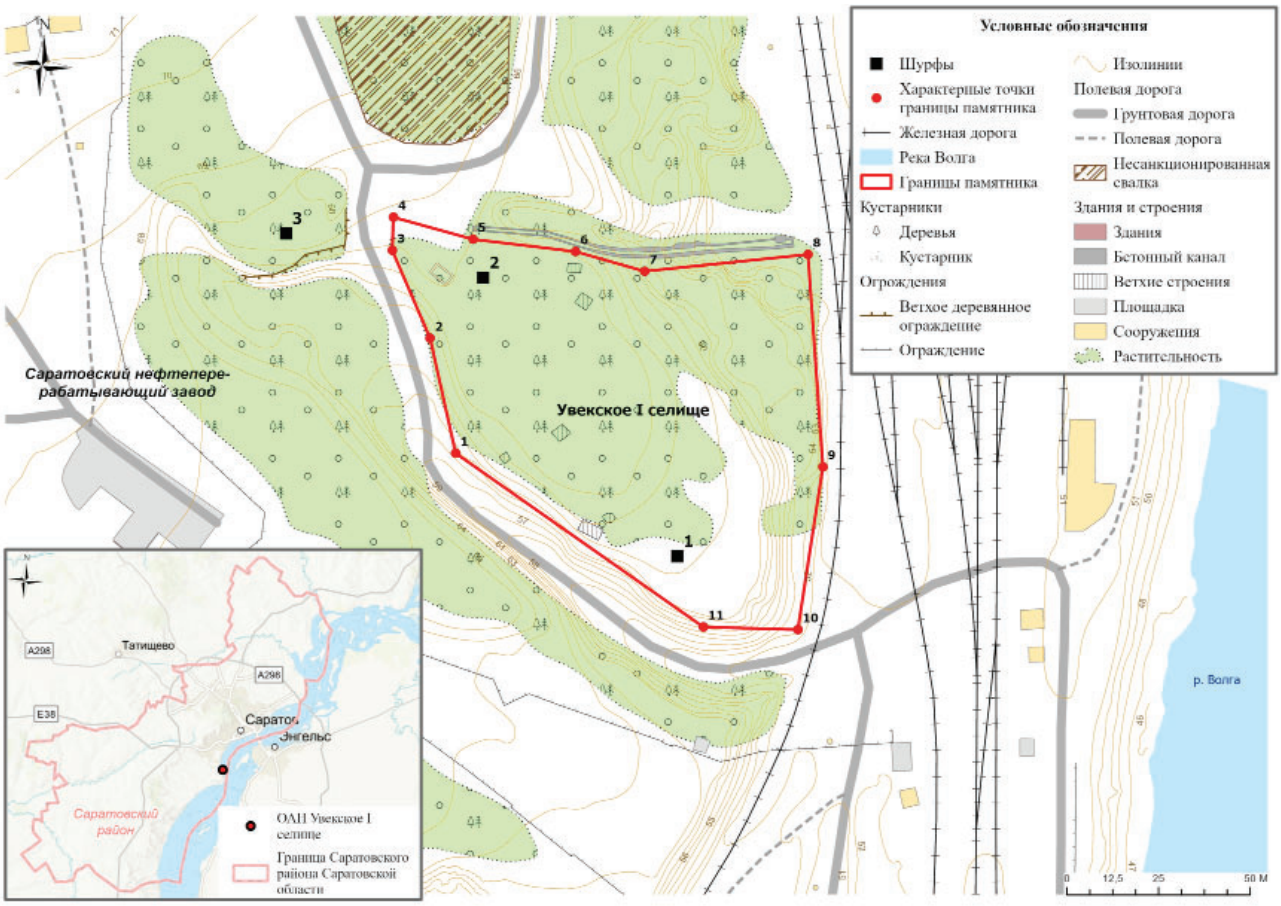


Рис. 2. Увекское I селище, 2019 г. Инструментальный топоплан.
Fig. 2. Uvek I settlement, 2019. Instrumental topographic plan.

стью 19–21 см (слой огорода). С прослойки происходит фрагмент красноглиняной золотоордынской керамики с красным ангобом внешней поверхности. Данный слой покоился на погребенной почве (бурая плотная супесь с включениями известнякового щебня), толщиной 11–22 см, залегающий на материковом буром суглинке с включениями известнякового щебня. Переработанный культурный слой составил 19–21 см.

Шурф 3 располагался на краю вершины оврага в 57 м к западу северо-западу от шурфа 2. В шурфе культурных отложений ранее слоя сада второй половины XX – начала XXI вв., представленной серой супесью с включениями кирпичной крошки и углей, мощностью до 20 см, не обнаружено.

Площадь Увекского I селища составляет 0,88 га. Памятник является золотоордынским селищем, датируемым серединой XIII – XIV вв., который перекрыт современным слоем (вторая половина XX – начало XXI вв.). Мощность культурного слоя памятника составляет 28–33 см.

Александровское I селище выявлено в процессе визуального обследования участка, где ранее было известно Александровское местонахождение (Недашковский, 2000. С. 131, №60). Он располагается в восточной части Саратовского района Саратовской области, в 0,45 м к востоку от восточной окраины с. Александровка и в 1,21 км к юго-востоку от восточного края платформы ж/д станции «Багаевка», в 0,32 км к югу от ограждения территории Саратовского завода по производству автоклавного ячеистого газобетона ДСК «ГРАС – Саратов» и 0,22 км к северу от северного края СНТ «Ласточка» на противоположном правом берегу пруда «Совхозный» (рис. 3).

Территория памятника представляет собой относительно ровную площадку, плавно понижающуюся на юг к руслу безымянной речки с запрудой. Она слабо задернована, частично заросла кустарниками, вдоль береговой зоны поросла деревьями. Данная площадка ранее распахивалась, от которых на современной поверхности слабо читаются следы борозд. К западу от памятника через проселочную дорогу, на береговой линии организована несанкционированная свалка мусора, к северу от селища по оси северо-запад – юго-восток протянут ЛЭП. По восточному, южному и западному краю селища проложены грунтовые дороги.

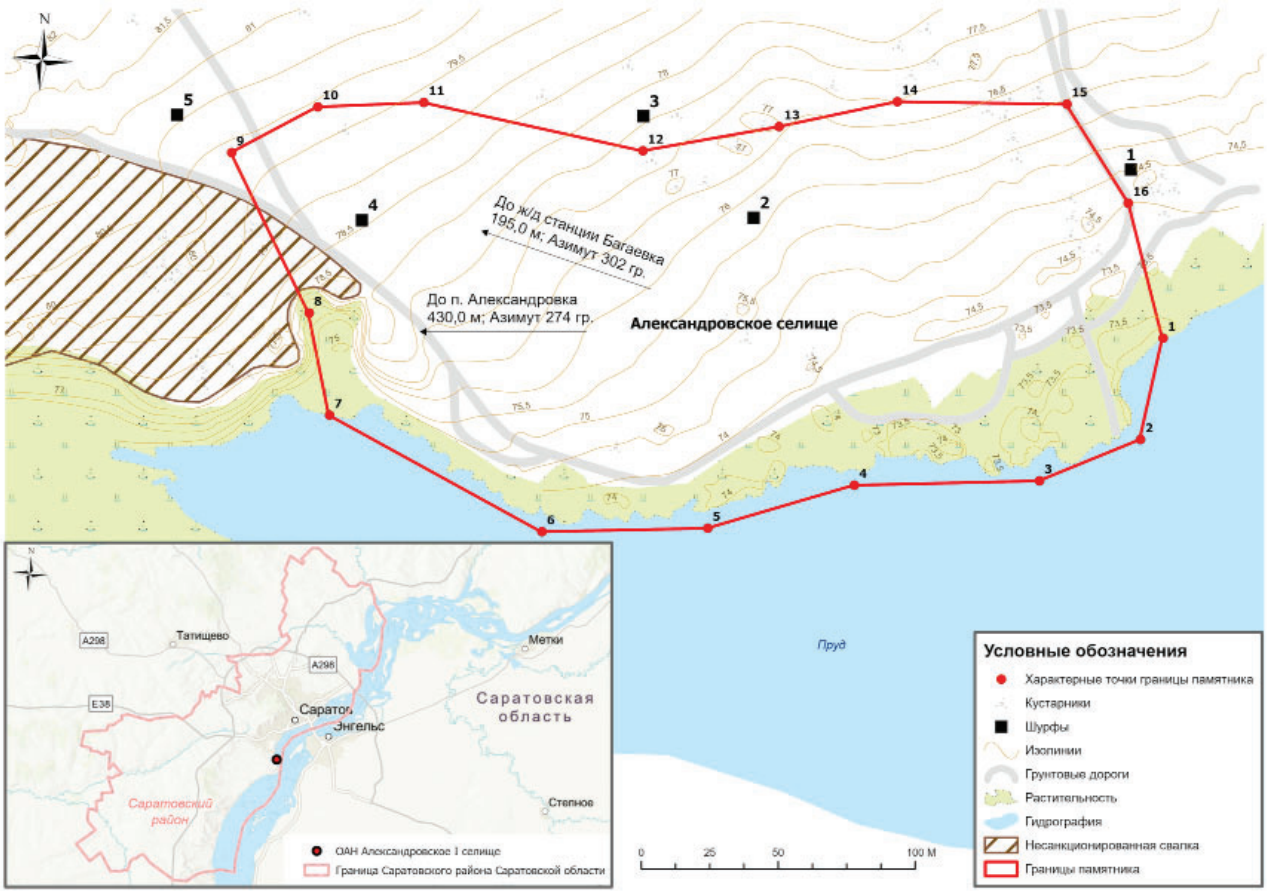


Рис. 3. Александровское I селище, 2019 г. Инструментальный топоплан.
Fig. 3. Aleksandrovskoye I settlement, 2019. Instrumental topographic plan.

Подъемный материал представлен многочисленными фрагментами типичной круговой красно-коричневой золотоордынской керамики. В хорошо отмученном тесте с мелкозернистым песком в редких случаях присутствуют примеси карбонатов и шамота. Некоторые фрагменты декорированы резной линией, волной, в одном случае на поверхность нанесен красный ангоб.

На памятнике с целью определения мощности культурного слоя и установления границ заложены пять шурфов размерами 1×1 м общей площадью 5 кв. м. Шурфы 1, 3 и 5, заложенные к востоку, северу и северо-западу от мест концентрации подъемного материала, культурного слоя не выявили.

В шурфе 2, заложенном в 102 м к северу от края пруда, частично переотложенный пашней культурный слой представлен темно-серой супесью с включениями известнякового щебня, мощностью 44–63 см. Единственная находка со слоя представлена фрагментом донца сосуда с примесями мелкого шамота в тесте.

Шурф 4 располагавшийся на расстоянии в 73 м к северу от его края пруда и 146 м к западу от шурфа 2, выявил следующую стратиграфическую ситуацию: под дерном толщиной 4–6 см залегала темно-серая супесь с включениями известнякового щебня, мощностью 22–26 см. Данная прослойка является слоем пашни XX – начало XXI вв. Ниже располагалась серая супесь с включениями известнякового щебня, мощностью 25-44 см, не содержащая находок. Вероятно, она является переходным горизонтом от культурного слоя к материку. С верхней границей данной прослойки связана яма 1, которая на плане фиксировалась в виде четверти круга с фиксируемым диаметром 78 см. Ее заполнение состояло из серой пестроцветной супеси с включениями суглинка и известнякового щебня, откуда происходит фрагмент красноглиняной золотоордынской керамики. Ниже покоился светло-желтоватый материковый суглинок с включениями известнякового щебня.

На основе шурфовки площадь Александровского I селища составила 4,18 га. Его размеры 315×135 м. Памятник является золотоордынским селищем середины XIII–XIV вв. Мощность культурного слоя памятника составляет 50–70 см, верхние горизонты которого переработаны пашней XX – начало XXI вв.

Таким образом, благодаря проведенным исследованиям 2018–2019 гг. выявлены два новых объекта культурного наследия – Увекское I селище и Александровское I селище середины XIII–XIV вв., а также составлен высокоточный инструментальный топографический план Увекского городища с локализацией раскопов и шурфов. Изыскания по определению сохранности культурного в зоне «локальных выходов культурного слоя», не выявили культурного слоя или отдельных культурных объектов на местах закладки шурфов и зачисток. В связи с этим, остается актуальным вопрос о распространении культурного слоя и сохранности отдельных объектов Увекского городища, что требует продолжения разведочных работ на окраинах средневекового Укека. Также установлена интенсивная переработка почвы в ходе хозяйственного освоения территории в XX–XXI вв., повлекшее значительное изменение ландшафта. Полученные данные позволяют скорректировать сведения о распространении культурного слоя, и выделить перспективные участки для дальнейших исследований золотоордынского Укека.

Примечания:

[1] Работы осуществлялись в рамках государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа» по отдельному пункту 1.30 «Проведение историко-археологических исследований в Увекском городище Саратовской области».

[2] Приказ МК РФ №3279-р от 07.10.2015 г. О регистрации ОКН федерального значения «Золотоордынское поселение, позднее средневековье (XIII–XV вв.) (Саратовская область) в едином государственном реестре ОКН (памятников истории и культуры) народов.

ЛИТЕРАТУРА

Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи». М.; Пг.: Мосполиграф, 1923.

Васильчиков А.А. Материалы к истории Увека // Труды СУАК. 1893. Т. IV. Вып. 1. С. 27–31.

Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. Ч. 1. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1771. 638 с.

Евтеев А.А., Кубанкин Д.А. Археологические раскопки северо-западного некрополя Увекского городища в 2005-2007 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 9. / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов, 2009. С. 129–151.

Кротков А.А. Раскопки на Увеке в 1913 году // Труды СУАК. 1915. Вып. 32. С. 111–133.

Кубанкин Д.А. Археологические раскопки на Увекском городище в 2008-2009 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11. / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2013. С. 179–191.

Кубанкин Д.А. Изучение археологических объектов на территории Увекского городища в 2014 г. (предварительное сообщение) // Поволжская археология. 2015. №4 (14). С. 150–171.

Леопольдов А.Ф. Статистическое описание Саратовской губернии. Ч. II. СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1839. 143 с.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.

Пономарев П.А. На развалинах города Укека, близ Саратова (Из путевых заметок) // Древняя и Новая Россия. 1879. №4. С. 321–335.

Саблуков Г.С. Остатки древности в с. Усть-набережном Увеке Саратовской губернии и уезда // ИОАИЭ. 1884. Т. III, С. 298–322.

Информация об авторах:

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); vrr80@yandex.ru

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, декан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), начальник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

REFERNCES

Ballod, F. V. 1923. *Privolzhskie “Pompei” (The Volga “Pompeii”).* Moscow; Petrograd.: “Mospoligraf” Publ. (in Russian).

Vasil’chikov, A. A. 1893. In *Trudy Saratovsko uchenoi arhivnoi komissii (Proceedings of the Saratov Scientific Archive Commission).* IV (1). Saratov, 27–31 (in Russian).

1771. *Dnevnye zapiski puteshestviia doktora i Akademii Nauk adyunkta Ivana Lepekhina po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva v 1768 i 1769 godu (Daily Notes of the Journey of the Doctor and the Academy of Sciences, Adjunct Ivan Lepekhin to Various Provinces of the Russian State in 1768 and 1769).* Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Evteev, A. A. Kubankin, D. A. 2013. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 9. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 129–151 (in Russian).

Krotkov, A. A. 1913. In *Trudy Saratovsko uchenoi arhivnoi komissii (Proceedings of the Saratov Scientific Archive Commission).* 32. Saratov, 111–133 (in Russian).

Kubankin, D. A. 2013. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 11. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 179–191 (in Russian).

Kubankin, D. A. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 14 (4), 150–171 (in Russian).

Leopoldov, A. F. 1839. *Statisticheskoe opisanie Saratovskoi gubernii (Statistical Description of Saratov Province).* Part 2. Saint Petersburg (in Russian).

Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde City Ukek and its Suburbs).* Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

Ponomarev, P. A. 1879. In Drevniaia i Novaia Rossia (Ancient and New Russia) 4, 321–335 (in Russian).

Sablukov, G. S. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* III. Kazan, 298–322 (in Russian).

About the Authors:

Valiev Renat R. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; vrr80@yandex.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.280.287

МАМЛЮКИ И ЗОЛОТАЯ ОРДА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕКСТИЛЬНОЙ НАХОДКИ 2021 ГОДА НА УВЕКСКОМ ГОРОДИЩЕ

© 2022 г. З.В. Доде

Предмет исследования – дипломатические взаимоотношения мамлюкских султанов с золотоордынсими ханами в свете практики подготовки посольских даров; цель исследования – культурно-хронологическая атрибуция новой текстильной находки и установление исторического контекста ее бытования; заключение: на основании реконструкции формы одежды из погребения на Увекском городище, соответствующей монгольским халатам, и определения происхождения полосатого шелка, вытканного в мастерских мамлюкского Египта, логично предположить изготовление посольских даров в соответствии со вкусами и традициями представителей иностранных посольств; отсутствие же интереса монголов к полосатым тканям, скорее всего, следует искать на антологическом уровне их мировосприятия.

Ключевые слова: мамлюки, Золотая Орда, археологический текстиль, посольские дары, основно-узорное ткачество по полотняному фону, оттиски печатей на текстиле.

MAMLUKS AND THE GOLDEN HORDE THROUGH THE PRISM OF TEXTILE FOUND AT UVEK SETTLEMENT IN 2021

Z.V. Dode

The subject of the study is the diplomatic relations of the Mamluk sultans with the Golden Horde khans in the light of the custom of preparing embassy gifts; the purpose of the study is the cultural and chronological attribution of a new textile find and the establishment of the historical context of its existence; conclusion: based on a reconstruction of the dress from the burial at Uvek settlement, which corresponds to Mongolian robes, and the determination of the origin of the striped silk woven in the workshops of Mamluk Egypt, it is logical to assume that embassy gifts were made in accordance with the tastes and traditions of the representatives of foreign embassies, whereas the lack of interest of the Mongols in striped fabrics should most likely be sought at the anthological level of their worldview.

Keywords: Mamluks, Golden Horde, archaeological textile, embassy gifts, basic pattern weaving on linen background, seal prints on textile.

Полевой сезон 2021 года принес саратовским археологам уникальную находку. После расчистки женского захоронения 2 в XV раскопе Увекского городища, во время снятия костяка в области центральной части скелета и плечевых костей был выявлен кусок спрессованных текстильных фрагментов, а в районе бедренных костей находились отдельные куски ткани небольших размеров.

При разборе текстильных находок были выделены несколько видов тканей, из которых выполнены халат, подкладка, воротник и манжеты, завязки. Сохранившиеся текстильные фрагменты были использованы для изготовления одного вида одежды.

Изучение технологических признаков увекских находок позволило выявить структуру тканей (вид переплетения – полотняное, саржевое) и текстильную технику (лампас, газ, основно-узорное ткачество по полотняному фону), текстильное сырье (культивированный шелк, дикий шелк, хлопок), красящие вещества (ализарин, пурпурин, кемпферол, кверцетин/лютеолин, индиго) и протраву (железо), определить состав металлических нитей (серебро, золото). Среди массива других известных золотоордынских текстильных находок технические признаки увекских тканей 2021 года (основно-узорное ткачество по полотняному фону; лампас с фоновой саржей 5:1; сочетание волокон дикого шелка и хлопка в сердечнике золотных нитей и нитях вышивки) являются уникальными и обозначают направление поиска текстильных аналогий. Среди известных золотоордынских текстильных находок из подобной полосатой ткани выполнен шелковый «кошелек» (6,5×8 см) с двумя серебряными монетами внутри, чеканенными в годы правления хана Узбека и датированными 1315/17 гг. (СОМК: СМК И№ 73030); он происходит из 2-го погребения, открытого в южной комнате каменного склепа Увекского городища, исследованного в 1913 г. П. Н. Шишкиным (Кротков, 1915.

с. 122). Обе полосатые ткани выполнены полотняным переплетением с дополнительной основой (основно-узорное ткачество по полотняному фону), нитями которой выткан узор с различными геометрическими мотивами, заключенными в пространство узких и широких вертикальных полос. Однако это сходство мало что прибавляет в понимании места изготовления этих тканей.

Основанием для культурной атрибуции увекской находки являются шелка с аналогичной структурой и похожей орнаментикой, обнаруженные за пределами владений Золотой Орды. На некоторых из них сохранились чернильные оттиски печатей, возможно, указывающие на центр производства. Подобные ткани выявлены в археологических памятниках Африки – в средневековых могильниках Мамлюкского Египта и христианской Нубии. Наиболее близкими текстильными аналогиями основной ткани халата являются предметы, хранящиеся в фондах музея декоративно-прикладного искусства Виктории и Альберта (Лондон, Великобритания). Это фрагмент шелковой туники и штанов, детская одежда из полосатого шелка, приобретенные музеем у Генри Уоллиса в 1898 году, и один фрагмент одежды из подобной ткани, переданные музею Дадли Б. Майерсом в 1900 г. (https://collections.vam.ac.uk/item/O358789/jacket-unknown). Из музейных книг поступлений следует, что эти текстильные предметы происходят из гробницы в Эль-Азаме, недалеко от Асьюта, в Верхнем Египте. Луиза Маки датирует детский комплект из музея Виктории и Альберта концом 13 в. (Macki, 2015; p. 258, Fig. 7.15), по аналогии с тканями, открытыми в середине XX века при раскопках нубийской христианской церкви в Джабаль Адда, к югу от Асуана. По заключению археологов, работавших на этом памятнике, группа христианских захоронений, содержавших текстиль, была совершена в церкви в конце 13 столетия (Millet, 1967. p. 59). На одном из обнаруженных здесь покрывал сохранился штамп, выполненный черными чернилами, содержащий надпись «al-Asyuti»; возможно, эта надпись указывает на изготовление ткани в христианском городе Асьют, в Верхнем Египте (Millet, 1967. p. 59; Hamdy, 1969. p. 276. Macki, 2015; p. 259), известным своими ткацкими традициями с раннего средневековья, и упоминавшийся арабским путешественником аль-Масуди (X в. 896–956 гг.), персидским поэтом и путешественником Насир-Хосровом (XI в. 1004–1088) и арабским ученым Закария ал-Казвини (XIII в. 1203–1283), восхищавшимся местными тканями, которые, по его словам, экспортировалась во всем мире и нигде нельзя было найти ничего, подобного им. По сведениям мусульманского ученого и путешественника Йакута аль-Хамави (XII–XIII вв. 1178/1180–1229), в Асьюте жило большое количество христиан и было 75 христианских церквей, в которых стояли ткацкие станки из Армении (Serjeant, 1972. p.109). Редкая для монгольского времени техника основно-узорного ткачества по полотняному фону и характерный ритм полосатого декора позволяют объединить египетские и увекские текстильные находки в одну группу и атрибутировать ее как продукцию ткацких мастерских мамлюкского Египта.

Декор ткани из увекского погребения состоит из последовательных вертикальных полос разного цвета и ширины, расположенных в определенном ритме. На широких и узких полосках шоколадно-коричневого цвета светлыми нитями основы выткан орнамент из геометрических мотивов. Реконструкция раппорта орнамента позволила установить оригинальную ширину ткани – 155 см, что с минимальными погрешностями соответствует египетским аналогам (152 см), и служит в пользу предположения об изготовлении увекского шелка на станках, использовавшихся в мамлюкских мастерских.

Не имея сюжетной основы, полосатый декор увекской ткани не теряет своей эстетической ценности. Важной ритмической составляющей организации текстильного убранства увекской ткани является ее колорит. На соответствующих участках вертикальных цветных полос нити основы были окрашены в желтый, фиолетовый и зеленый цвета. Желтый геометрический рисунок в широких и узких полосках отчетливо выделялся на их фиолетовом фоне, перемежающимся с вертикальными полосами зеленого и желтого. На средневековых персидских миниатюрах персонажи довольно часто изображены в полосатых одеждах, что свидетельствует о популярности полихромных полосатых шелков с геометрическими мотивами в элитных кругах Ильханата и указывает на хронологический период бытования подобных тканей, производившихся в различных ткацких центрах, функционировавших в конце XIII–XIV веков.

Среди текстильных фрагментов из увекского погребения отчетливо определяются

несколько деталей кроя и отделки одежды (нижняя часть правой полочки с фрагментом бокового клина и частью полотнища спинки; фрагмент левой полочки; сшитый из трех кусков фрагмент спинки с боковым клином; манжеты и воротник, изготовленные из шелкового лампаса фиолетово-красной гаммы, затканного плоскими золотыми нитями; завязки выполненные из одинакового шелкового газа). Сопоставление сохранившихся фрагментов с имеющимися археологическими аналогиями, позволило реконструировать выкройку изделия и восстановить его силуэт. Одежда, извлеченная из погребения, была сшита на монгольский манер и представляла собой халат с прямыми рукавами, сужающимися к запястью; левая пола перекрывала правую и крепилась на боку шелковыми завязками. Халат был посажен на шелковую монохромную подкладочную ткань полотняного переплетения. Края полочек и низ подола вкруговую обработаны подкладочной тканью. Подкладка скреплена с основной тканью вертикальными стёгаными швами (рис. 1).

На внутренней стороне подкладочной ткани частично сохранился оттиск печати, выполненный черными чернилами. Определяется его подпрямоугольная форма в виде рамки с фрагментом неясного изображения в центре, по периметру рамку обрамляет волнистая линия. Изображение на отпечатке пока не поддается идентификации и объяснению. Также неясно, к чему в действительности относится данная печать – к ткани, из которой выполнена подкладка, или к самому изделию. Штамп на ткани может быть как маркером текстильной мастерской и торговым знаком, так и обозначать государственное хранилище.

Импортные шелковые ткани поступали в Золотую Орду в результате хорошо налаженной торговли и благодаря дипломатическим подношениям. Рашид ад-Дин зафиксировал кредо торговой политики монголов, вложив его в речь Чингисхана, обращенную к шаху Хорезма, в которой особое место уделяется тканям: «Купцы той [вашей] стороны пришли к нам, и мы отправили [их] назад таким образом, как вы услышите. Кроме того, мы послали вместе с ними в те [ваши] страны несколько купцов привезти в нашу сторону диковинки ваших краев и получить редкостные ткани [производства] тамошних краев. <…> [Теперь], когда пределы близкие к нам, очищены от врагов и, полностью завоеваны и покорены <…> мы взяли бы на себя обязательства помощи и поддержки друг друга в бедственных событиях и содержали бы в безопасности дороги от гибельных происшествий, дабы купцы, от многократных посещений которых зависит благосостояние мира, передвигались бы со спокойной душой» (Рашид ад-Дин, 1952. Т.1 кн. 2, с. 188).

О торговле в Золотой Орде мамлюкским текстилем известно из сочинений арабских историков и государственных деятелей, освещавших дипломатические отношения двух государств. Эти документы не оставляют сомнения в изготовлении в султанских мастерских большого количества тканей в виде целых кусков и готовой одежды, предназначенных монгольским посланникам и сопровождающим их лицам (Эльмелик-Эннасыр, 1884. с. 262, 265, 267; Тизенгаузен, 1884. с. 327; Тизенгаузен, 1884. с. 438–439; Тизенгаузен, 1884. с. 447). Сквозь призму увекской находки некоторые из этих источников обретают новые смыслы и ставят вопросы о форме подарочных одежд, изготовлявшихся для иностранных посольств.

Детальный состав текстильных подарков, отправленных из Египта хану Берке в 1287 году, перечислил египетский историк шейх Ибн аль-Фурат (1334/1335 – 1404/1405 гг.), описавший ткани из мастерских Александрии и Дамьетты: «Эльмелик-Эльмансур возвратился из Телладжуля в земли Египетские, и во вторник 13 шевваля 686 года [21 нояб. 1287 г.] прибыли в Горный Замок подарки, которые были предназначены к отправке в степи Берке вместе с послами: 200 кусков великолепной, лучшей белой Александрийской материи с шитой каймой – из них 100 кусков с золотой каймой [содержавшей] титулы султана, и 100 с шелковой каймой, [содержавшей] также титулы [султана]; 100 кусков с шириною каймы в 4 пальца сложенных; 150 кусков полосатого аксамита или вроде аксамита красного, сделанного на [султанской] фабрике, с шитыми золотом прозвищами султана; 100 кусков прекрасной белой вошвы Александрийской работы, с шитыми золотом и шелком обыкновенными прозвищами; 100 кусков тоже вошвы Дамьетской работы, из ... белого с золотой и шелковой каймой» (Тизенгаузен, 1884. с. 362–363). Среди указанных тканей обращает внимание упоминание 150 кусков полосатого аксамита, производившегося в последней четверти XIII века в государственных ткацких мастерских. Это сообщение допускает возможность производства увекских и аналогичных им полосатых тканей не только в Асьюте, но и в других ткацких центрах мамлюкского Египта, однако

Рис. 1. Фрагменты правой полочки и манжеты с нижней частью рукава на шелковой шаблоне, соответствующем реконструированной выкройке, подготовленный для экспонирования на временной выставке.
Fig. 1. Fragments of the right front and cuff with the lower part of the sleeve on a silk template corresponding to the reconstructed pattern prepared for display at a temporary exhibition.

не позволяет напрямую связать их с упомянутой султанской фабрикой, о ткацких технологиях которой в документе говорится вскользь и очень размыто. Название «аксамит», использованное в русском переводе, вызывает сомнение и требует уточнения в тексте оригинала, поскольку переводчики не всегда адекватно передавали текстильные термины. Возможно, сам ал-Форат не был уверен в точности этого названия.

В контексте атрибуции увекской находки сведения письменных источников о выдаче иностранным послам и их женам соответствующей им одежды, вызывают размышления о характере подаренного платья. Кади Ибн абд-аз-Захыр, секретарь Египетского султана Эльмелик-Эззахыра Бейбарса сообщал, что в ноябре 1262 года послам царя Берке были принесены «такие одежды, какие приличествуют подобным им лицам» (Тизенгаузен,

1884. С. 58). Египетский историк Шихабеддин Абульаббас ан-Нувейри (1279–1333), рассказывая о прибытии этого татарского посольства ко двору Египетского султана, подчеркнул, что «Султан написал Сирийским наместникам чествовать их (Татар этих), снадбить их на пути провизией и выдать им и женам их одежду» (Тизенгаузен, 1884. с. 163–164). Нет сомнений в том, что подаренные наряды были сшиты из дорогих тканей. Загадкой остается их крой, определяющий пространственную форму, проще говоря, фасон одежды. Однако известные исторические прецеденты, связанные с конфликтными ситуациями, вызванными публичным облачением в чужое платье[1], а также изготовлением специальных варварских форм одежды для дипломатических подношений знатным инородцам[2], позволяют предположить аналогичную практику в Мамлюкском Султанате и допустить вручение монгольским послам платья, отвечающего их традициям и вкусам. Эту гипотезу подкрепляет следующее обстоятельство. Монгольский имперский костюм, обязательный для ношения всеми подданным великого хана, независимо от их этнокультурной принадлежности, являлся выражением лояльности власти. Для монгольских послов публичное облачение в чужое платье означало бы демонстрацию измены собственному правителю. В этой связи особенности сшитого на монгольский манер увекского халата, – редкая египетская ткань, высокое качество портновской работы, печать на внутренней стороне подкладки, уникальная на сегодняшний день ткань воротника (лампас; грунт – саржа 5:1, Z), дают возможность поставить вопрос о его изготовлении в мамлюкских мастерских.

В этой связи особую важность приобретает необходимость атрибуции чернильного оттиска на увекском халате (рис. 2). Нельзя исключать возможность того, что печать на подкладке указывает на текстильный центр изготовления ткани. Однако представляется, что ничем не примечательная шелковая ткань полотняного переплетения имеет гораздо меньше оснований быть маркированной, чем сам халат. Письменные источники свидетельствуют, например, о практиковавшимся в Ильханате клеймении одежды. Распоряжение Газан-хана метить одежды, поступавшие в государственные казнохранилища, было направлено для борьбы с их хищениями: «[Государь] повелел, чтобы изготовили определенное клеймо. И каждую одежду, которую доставляют в казну, тотчас же клеймят этим

Рис. 2. Чернильный отпечаток на внутренней стороне подкладки увекского халата.
Fig. 2. Ink print on the inside lining of an Uvek robe.

клеймом, чтобы [ее] не могли подменить», а «передаваемые деньги или одежду должны вручать немедленно, за казенной печатью» (Рашид ад-Дин, 1946. Т. III. с. 299). Однако основной вектор атрибуции печати на увекском халате указывает на необходимость поисков оттисков на мамлюкских текстильных изделиях. В том же нубийском некрополе, помимо целого куска ткани с клеймом, о котором говорилось выше, был обнаружен сшитый из мамлюкского дамаска красного и желтого цвета длинный кафтан, клейменный печатью египетских правительственных учреждений (Millet, 1967. p. 60). Детали об этом оттиске пока остаются невыясненными.

В заключение представляется необходимым отметить культурологический аспект увекской находки. В то время, когда средневековый восточный мир в изобилии использовал полихромные полосатые ткани, их оказывается крайне мало в золотоордынских погребениях, содержащих огромное число золотоузорных шелков с растительными и анималистическими орнаментами, как правило, свободно располагающимся по фону ткани. Поскольку монголы контролировали традиционные текстильные центры и организовывали собственное ткацкое производство на завоеванных территориях, редкость полосатых тканей в их быту может быть следствием несоответствия полосатого декора вкусо-

вым предпочтениям номадов. Полосатый орнамент структурирует плоскость и ограничивает пространство, что, как представляется, несовместимо с мироощущением кочевников. В номадической картине мира окружающее пространство ограничено только линией горизонта. Поэтому причину отсутствия заметного интереса монголов к полосатым тканям, скорее всего, следует искать на антологическом уровне их мировосприятия. Под таким углом становится понятным предпочтение кочевниками динамичных ассиметричных текстильных узоров симметрично организованным и статичным полосатым композициям и отчасти объясняет редкость полосатых тканей в золотоордынских погребениях.

Примечания:

[1] По данным Фазлуллаха аль-Астрабади, министр государства газневидов Ахмад Хуссан был казнен султаном Масудом за отступление министра от ислама, доказательство чему султан усмотрел в халате, врученном Ахмаду Хуссану правителем Египта: «Опять же, когда Султан Масуд стал королем, он сказал Ахмаду Хуссану: «когда ты возвращался [назад] из Мекки, благородный, ты надел халат чести, данный тебе собственноручно царем Египетским [пока] он был еретиком. Таким образом, ты также стал Батини, то есть, внешне Мусал – человек [и] внутренне язычник». И под этим предлогом был казнен им в Балхе» (Firishtah, 1908. P. 64). Ситуация, сообщенная аль-Астрабади, автором XIV в., не нова. Фирдоуси, создававший свое произведение на рубеже X-XI вв., описал в «Шах-намэ» более сложный конфликт, вызванный публичным облачением Хосрова II в халат, присланный ему византийским императором, в чем часть подданных шаха усмотрела отречение Хосрова от идей зороастризма и его переход в христианскую веру (Фирдоуси, 1957. С.856-860).

[2] Из книги Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора», посвященной дипломатическим тонкостям, известно, что подарочные одеяния для «знатных перебежчиков и для отсылки к знатным и великим инородцам», изготовленные в государственных мастерских, соответствовали сарацинской и египетской моде, и вкусам других варваров (Кондаков, 1906. С. 57).

ЛИТЕРАТУРА

Аджа’ иб ад-Дунйа (Чудеса мира): критич. текст, пер. с перс., введ., коммент. и указатели Л.П. Смирновой. М.: Наука: Восточная литература, 1993. 540 с.

Из летописи Ибншохбы Эласади // В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. С. 443–448.

Из сочинений Эльмакризи // В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. С. 417–442.

Из энциклопедии Эннувейри // В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. С. 128–171.

Из летописи Ибнельфората // В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. С. 351–364.

Из сочинения Ибнабдеззахыра // В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. С. 46–64.

Из летописи Ибндукмака // В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. С. 315–330.

Кондаков Н.П. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб.: Издание Императорской АН, 1906. 126 с.

Кротков А.А. Раскопки на Укеке в 1913 году // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 32. Саратов: Союз Печатного Дела, 1915. С. 111–133.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. с персидского А.К. Арендса, под ред. А.А. Ромаскевича, Е.Э. Бертельса, А.Ю. Якубовского. М, Л: Издательство АН СССР, 1946. 340 с.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Книга вторая. Перевод с персидского О.И. Смирновой. Примечания Б.И. Панкратова, О.И. Смирновой. Ред. проф. А.А. Семенова. М, Л: АН СССР, 1952. 316 с.

Фирдоуси. Шах-намэ // Перевод с таджикского (фарси) под ред. И. Брагинского и С. Шервинского. Составление и вступ. Статья И. Брагинского. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 976 с.

Из биографии султ. Эльмелик-Эннасыра // В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. С. 252–269.

Firishtah, Muhammad Qãsim Hindu Shãh Astarãbãdî. Translation of the Tarikh-i-Sultan Mahmud-i-Ghaznavi, or The history of Sultan Mahmud of Ghazni: (The text-book for the Higher Standard Examination by Captain Roos-Keppel, G (Georde Olof), Sir, 1866–1921; and Khan, Abdul ghani, Qazi. Lahor: Printed at the Anglo-Sanskrit Press, 1908. 65 p.

*Ahmad Hamdy, Wafiyya Izzy, Michael Rogers and And-al-Rauf Ali Yu*suf. Islamic Art in Egypt, 969–1517. Cairo: Ministry of Culture of the United Arab Republic, 1969. 336 p.

Louise W. Mackie. Symbols of Power: Luxury Textiles from Islamic Lands, 7th–21st Century. The Cleveland Museum of Art, 2015. 520 p.

Nicolas B. Millet, "Gebel Adda Preliminary Report, 1965-66. In Journal of the American Research Center in Egypt, 1967. P. 53–63.

Serjeant R.B. Islamic Textiles. Material for a History up to the Mongol Conquest. Beirut – Lebanon: Librairie du Liban, 1972. 263 p.

Информация об авторе:

Доде Звездана Владимировна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, ООО «Наследие» (г. Ставрополь, Россия); Zvezdana_dode@yahoo.com

REFERENCES

In Smirnova, L. P. (transl., comment. et al). 1993. *Adzha' ib ad-Dunya (Chudesa mira) (Wonders of the World)*. Moscow: "Nauka", "Vostochnaya literature" Publ. (in Russian).

Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: "Izdano na izhdivenie grafa S.G. Stroganova" Publ., 443–448 (in Russian).

Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: "Izdano na izhdivenie grafa S.G. Stroganova" Publ., 417–442 (in Russian).

Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: "Izdano na izhdivenie grafa S.G. Stroganova" Publ., 128–171 (in Russian).

Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: "Izdano na izhdivenie grafa S.G. Stroganova" Publ., 351–364 (in Russian).

Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: "Izdano na izhdivenie grafa S.G. Stroganova" Publ., 46–64 (in Russian).

Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: "Izdano na izhdivenie grafa S.G. Stroganova" Publ., 315–330 (in Russian).

Kondakov, N. P. 1906. *Izobrazheniya russkoy knyazheskoy sem'i v miniatyurakh XI veka (Images of the Russian Princely Family in Miniatures of the 11th Century)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Krotkov, A. A. 1915. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of Saratov Scientific Archive Commission).* 32. Saratov: "Soiuz Pechatnogo Dela" Publ., 111–133 (in Russian).

In Romaskevich, A. A., Bertel's, E. E., Yakubovskiy, A. Yu. (eds.). 1946. *Rashid-ad-Din. Sbornik letopisei (Rashid-al-Din. Collection of Chronicles)* 3. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

In Semenov, A. A. (ed.). 1952. *Rashid-ad-Din. Sbornik letopisei (Rashid-al-Din. Collection of Chronicles)* 2. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Firdousi. 1957. In. Braginskiy I., Shervinskiy, S. (eds.). *Shakh-name* Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury" Publ. (in Russian).

Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: "Izdano na izhdivenie grafa S.G. Stroganova" Publ., 252–269 (in Russian).

1908. *Translation of the Tarikh-i-Sultan Mahmud-i-Ghaznavi, or The history of Sultan Mahmud of Ghazni: (The text-book for the Higher Standard Examination by Captain Roos-Keppel, G (Georde Olof), Sir, 1866–1921; and Khan, Abdul ghani, Qazi.* Lahor: Printed at the Anglo-Sanskrit Press.

Ahmad, Hamdy., Wafiyya, Izzy., Michael, Rogers., And-al-Rauf, Ali Yusuf. 1969. *Islamic Art in Egypt, 969–1517.* Cairo: Ministry of Culture of the United Arab Republic.

Louise, W. Mackie. 2015. *Symbols of Power: Luxury Textiles from Islamic Lands, 7th –21st Century*. Cleveland: The Cleveland Museum of Art.

Nicolas, B. Millet. 1967 In *Journal of the American Research Center in Egypt,* 53–63.

Serjeant, R. B. 1972. *Islamic Textiles. Material for a History up to the Mongol Conquest.* Beirut – Lebanon: Librairie du Liban.

About the Author:

Dode Zvezdana V. Doctor of Historical Sciences, “Heritage” Ltd. Karl Marx, str., 56, Stavropol, 355017, Russian Federation; Zvezdana_dode@yahoo.com

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 902/903:2 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.288.294

ЖЕЛЕЗНЫЕ ИЗДЕЛИЯ С БАГАЕВСКОГО СЕЛИЩА (ЧАСТЬ 2)[1]

© 2022 г. Л.Ф. Недашковский, М.Б. Шигапов

В статье анализируются отдельные виды железных изделий с Багаевского селища второй половины XIII–XIV в., располагающегося в округе золотоордынского города Укека в Саратовском районе Саратовской области. Селище изучалось раскопками экспедицией Казанского университета под руководством Л.Ф. Недашковского в 2002–2003, 2006–2012, 2014–2016 и 2020–2021 гг. Площадь памятника 5,1 га, мощность культурного слоя местами достигает более 90 см. Монетные находки с поселения относятся к последней четверти XIII – началу 60-х гг. XIV в. В статье рассмотрены железные гвозди, скобы, пробои, иглы, шилья, черешки, фрагмент проволоки, звено цепи, пинцет, фрагмент орудия, скобель, серп, рыболовный крючок, фрагменты косы, пилы и неопределенные изделия. Данный комплекс характеризует материальную культуру золотоордынского села Нижнего Поволжья.

Ключевые слова: археология, сельские поселения, Золотая Орда, Багаевское селище, материальная культура, железные изделия.

IRON OBJECTS FROM BAGAEVKA SETTLEMENT (PART II)[2]

L.F. Nedashkovsky, M.B. Shigapov

Individual types of iron ware from Bagaevka ancient village of the second half of 13th–14th centuries located in the periphery of the Golden Horde city of Ukek in Saratovsky District of Saratov Oblast are analyzed in the paper. The ancient village was excavated during an expedition by Kazan University under the supervision of L.F. Nedashkovsky in 2002–003, 2006-2012, 2014–2016 and 2020–2021. The area of the monument is 5.1 hectares, and the thickness of the cultural layer in some places exceeds 90 cm. Numismatic finds from the site belong to the Golden Horde coinage of the last quarter of the 13th - the beginning of the 1360s. The paper considers iron nails, braces, shackles, needles, awls, petioles, wire fragment, chain link, tweezers, tool fragment, debarker, sickle, fishing hook, scythe fragments, saws and other undefined ware. This complex characterizes the material culture of the Golden Horde village of the Lower Volga region.

Keywords: archaeology, rural settlements, the Golden Horde, Bagaevka settlement, material culture, iron ware.

В статье мы продолжаем публикацию предметов материальной культуры с Багаевского поселения, сосредоточив внимание на некоторых категориях железных изделий.

Гвозди (рис. 1: 2, 28–29) на Багаевском селище были найдены в количестве 41 экземпляра. Изделия различаются размерами и формой. В сечении большинство гвоздей прямоугольные, у 14 предметов сечения квадратные (рис. 1, 1, 6, 8, 10, 13, 16-17, 20, 22, 24, 26, 28, 35-36), у одного изделия ближе к острию сечение треугольное (рис. 1: 1). По длине целые гвозди варьируют от 2,7 см (рис. 1: 6) до 10,3 см (рис. 1: 33), некоторые изделия сохранились фрагментарно. Шляпки гвоздей в большинстве своем прямоугольные или подпрямоугольные, хотя имеются и округлые (рис. 1: 13, 2, 29), иногда кончик изделия отгибался в сторону (рис. 1: 7, 9, 24, 32) или прижимался к стержню (рис. 1: 30). У 28 предметов шляпки сохранились, а у 13 не сохранились. Имеется значительное количество крупных гвоздей (рис. 1: 5–6, 8–9, 15–16, 18–21, 25–28, 30–38), имеющих в сечении размеры от 5×5 мм до 9×11 мм. Судя по данным металлографических анализов (Недашковский, Семыкин, 2014, с. 38) два гвоздя были откованы из кричного железа (рис. 1: 26, 32), а еще два (рис. 1: 34–35) – из сырцовой неравномерно науглероженной стали. Подобные гвозди встречаются на золотоордынских поселениях Древней Руси (Захаров, 2004, с. 210, табл. 315, рис. 207; Колчин, 1953, с. 124-126, рис. 97), Волжской Булгарии (Казаков, 1991, с. 65-66, рис. 25, 1-13, 35) и на Водянском городище (Егоров, Полубояринова, 1974, с. 76, табл. I, 4, 16–17).

Скобы (24 экз.) применялись для скрепления деревянных конструкций (рис. 2: 1–15, 17, 19–20, 26–27, 30–33). Изготавливались они из тонкой (шириной 3–11 мм и толщиной 2–8 мм) прямоугольной в сечении железной план-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00004.

[2] The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the research project No. 20-09-00004.

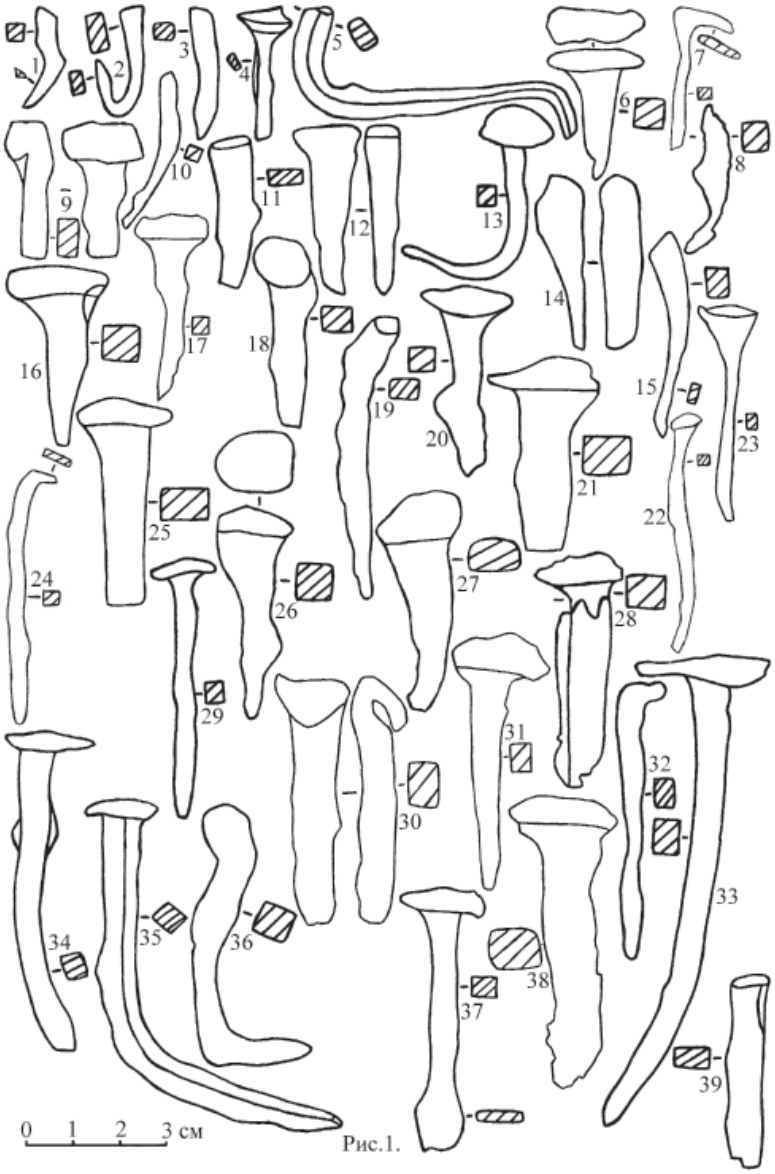


Рис. 1. Железные гвозди с Багаевского селища. Саратовский областной музей краеведения.
1-4,11-12,14,16,21,34-35,37,39 – раскоп I-2008: *1,11,14,16* – яма 9 (№ 113, -83 см; № 130, -100 см; № 135, -114 см; № 126, -109 см), *2-4,12,34-35,37,39* – культурный слой (№ 29, +3 см; № 60, -28 см; № 25, -33 см; № 57, -28 см; № 11, -23 см; № 28, -7 см; № 51, -33 см; № 34, -4 см), *21* – яма 16 (№ 137, -147 см); *5,8,28,32* – раскоп I-2009: *5,8,32* – культурный слой (№ 2, -23 см; № 4, -25 см; № 5, -19 см), *28* – яма 9 (№ 36, -88 см); *6,15,18,25-27,36* – раскоп I-2016: *6* – яма 37 (№ 34, -55 см), *15,26,36* – яма 42 (№ 58, -21 см; № 70, -134 см; № 66, -105 см), *18,25,27* – культурный слой (№ 18, -14 см; № 10, -7 см; № 30, -18 см); *7,22,24* – раскоп I-2010, яма 9 (№ 23, -59 см; № 36, -87 см; № 44, -59 см); *9* – раскоп I-2014, культурный слой (№ 8, -32 см); *10,23,30,38* – раскоп I-2012: *10* – яма 9 (№ 51, -41 см), *23* – культурный слой (№ 7, -22 см), *30,38* – яма 31 (№ 25, -101 см; № 26, -100 см); *13,20,29,33* – раскоп I-2007: *13,20* – яма 4 (№ 23, -23 см; № 26, -43 см), *29,33* – культурный слой (№ 7, -4 см; № 9, -2 см); *17,31* – раскоп I-2011, яма 9 (№ 15, -73 см; № 8, -69 см); *19* – раскоп I-2020, яма 45 (№ 38, -114 см).

Fig. 1. Iron nails from the Bagaevka settlement. Saratov Regional Museum of Local Lore.
1-4,11-12,14,16,21,34-35,37,39 – trench I-2008: *1,11,14,16* – pit 9 (No. 113, -83 cm; No. 130, -100 cm; No. 135, -114 cm; No. 126, -109 cm), *2-4,12,34-35,37,39* – cultural layer (No. 29, + 3 cm; No. 60, -28 cm; No. 25, -33 cm; No. 57, -28 cm; No. 11, -23 cm; No. 28, -7 cm; No. 51, -33 cm; No. 34, -4 cm), 21 - pit 16 (No. 137, -147 cm); *5,8,28,32* – trench I-2009: *5,8,32* – cultural layer (No. 2, -23 cm; No. 4, -25 cm; No. 5, -19 cm), *28* - pit 9 (No. 36, -88 cm).
6,15,18,25-27,36 – trench I-2016: *6* - pit 37 (No. 34, -55 cm), *15,26.36* - pit 42 (No. 58, -21 cm; No. 70, -134 cm; No. 66, -105 cm), *18,25,27* – cultural layer (No. 18, -14 cm; No. 10, -7 cm; No. 30, -18 cm); *7,22,24* – trench I-2010, pit 9 (No. 23, -59 cm; No. 36, -87 cm; No. 44, -59 cm); *9* – trench I-2014, cultural layer (No. 8, -32 cm); *10,23,30,38* – trench I-2012: *10* – pit 9 (No. 51, -41 cm), *23* – cultural layer (No. 7, -22 cm), *30,38* – pit 31 (No. 25, -101 cm; No. 26, -100 cm); *13,20,29,33* – trench I-2007: *13,20* – pit 4 (No. 23, -23 cm; No. 26, -43 cm), *29,33* – cultural layer (No. 7, -4 cm; No. 9, -2 cm); *17,31* – trench I-2011, pit 9 (No. 15, -73 cm; No. 8, -69 cm).
19 - trench I-2020, pit 45 (No. 38, -114 cm).

ки, концы которой загибались под прямым углом и заострялись. Длина скоб составляет от 1,6 до 11,1 см. Проанализированные скобы (Недашковский, Семыкин, 2014, с. 38) были изготовлены из кричного железа (рис. 2: 16) и из неравномерно науглероженной сырцовой стали (рис. 2: 3, 15). Аналогичные изделия найдены на древнерусских памятниках, в золотоордынских напластованиях Болгарского городища и на селищах Среднего Поволжья (Захаров, 2004, с. 208, табл. 295, рис. 190; Казаков, 1991, с. 65-66, 68, рис. 25, 14-23; Савченкова, 1996, с. 50-52, 54, табл. XI, рис. 21, 10-15).

Пробои (7 экз.) представляли собой массивные железные стержни с петлей, заостренные на конце (рис. 2: 16, 18, 21-25). Некоторые предметы изготовлены из дрота, сложенного вдвое, с петлей и двумя заостренными концами. Длина пробоев составляет от 3,3 см до 8,4 см, ширина 4–11 мм, толщина дрота 3–7 мм. Пробои могли использоваться для подвешивания котлов и как петли для замков. Судя по данным металлографического анализа (Недашковский, Семыкин, 2014, с. 38) два пробоя (рис. 2: 16, 23) были откованы из неравномерно науглероженной сырцовой стали. Подобные изделия известны на древнерусских памятниках и в Среднем Поволжье (Захаров, 2004, с. 208, табл. 293-294, рис. 189; Казаков, 1991, с. 65, 67-68, рис. 25, 24–30, 34, 26, 28, 30; Руденко, 2011, с. 148, рис. 29, 8–9; Савченкова, 1996, с. 50-51, табл. X, рис. 20, 1–6, 9).

Иглы (3 экз.). Длина от 2,7 см до 4 см (рис. 3: 1-3). В сечении иглы округлые, их диаметр 1-2 мм. Аналогии встречаются в Среднем Поволжье в материалах как домонгольского, так и золотоордынского времени (Казаков, 1991, с. 75, 78, рис. 30, 1; Савченкова, 1996, с. 39-40, рис. 13, 1-2).

Шилья (2 экз.), изделия представлены двумя типами.

Тип 1. Изделие длиной 7,3 см; сечение его сложное, на рабочем конце подквадратное 3×3 мм, в середине квадратное 6×6 мм, у черешка прямоугольное 2×4 мм (рис. 3: 4). Подобное шило было найдено на Старокуйбышевском городище (Казаков, 1991, с. 75, 78, рис. 30, 7).

Тип 2. Более крупный предмет длиной 10,3 см; сечение у рабочего конца округлое диаметром 5 мм, в середине прямоугольное 7×11 мм, у черешка прямоугольное 5×7 мм (рис. 3, 5). Подобные шилья известны в Среднем Поволжье и с древнерусских памятников (Казаков, 1991, с. 75, 78-79, рис. 30, 4–6; Савченкова, 1996, с. 39–40, рис. 13, 4–5).

Черешки (рис. 3: 6-7). Длина изделий 2,8 и 3,5 см. Черешки от орудий могут быть частями ножей или шильев.

Фрагмент проволоки (рис. 3: 8) имеет длину 4,3 см и диаметр 2 мм.

Звено цепи (рис. 3: 9). Длина изделия 6,6 см, его ширина 1,5 см. Цепи могли использоваться в скотоводстве в конских путах или в быту в цепных системах для подвешивания котлов. Подобные изделия встречаются на памятниках Древней Руси и Среднего Поволжья (Казаков, 1991, с. 67-70, рис. 26, 28–30, рис. 27, 1; Савченкова 1996, с. 18-19, рис. 3, 1-3).

Пинцет (рис. 3: 10). Длина 7,6 см, ширина 0,7-1,9 см, длина рабочей части 3,6 см. Подобные железные пинцеты найдены на памятниках Древней Руси и на I Измерском селище (Казаков, 1991, с. 90-91, рис. 33, 5; Колчин, 1953, с. 127–128, рис. 99, 10).

Фрагмент орудия (рис. 3: 11) имеет размеры 2,6×4,2 см. Предмет мог быть кончиком чересла.

Скобель (рис. 3: 12). Орудие для обработки дерева в виде дугообразной ножевидной пластины с сохранившимся фрагментом черешка. Длина изделия 7,3 см, ширина 2,4 см. Скобель был откован из двухполосной железо-стальной заготовки и подвергся мягкой закалке (Недашковский, Семыкин, 2014, с. 36). Аналогичные предметы были распространены на древнерусских поселениях, они встречаются и на памятниках Среднего Поволжья (Колчин, 1953, с. 112–114, рис. 75-76; Савченкова, 1996, с. 23-24, рис. 7, 1).

Серп (рис. 3: 13) являлся орудием уборки урожая. Рукоять составляет одну линию с осью начальной части клинка, сохранившаяся длина лезвия 8 см, его ширина 1,3–1,7 см. Серп был откован в технологии цементации (Недашковский, Семыкин, 2014, с. 39). Подобные серпы бытовали на памятниках Древней Руси, Среднего Поволжья и на Царевском городище (Казаков, 1991, с. 62, 64, рис. 23; Колчин, 1953, с. 89–95, рис. 53-56; Савченкова, 1996, с. 9, 11–13, рис. 1, 14–16; Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева, 1974, с. 96, 116, табл. III, 1).

Коса (рис. 3: 15). Сохранился ее фрагмент: длина 7,6 см, ширина 3,2 см, толщина до 4 мм. Подобные косы известны с древнерусских и средневолжских памятников (Казаков, 1991, с. 61, 64, рис. 22, 4–6; Колчин, 1953, с. 94-99,

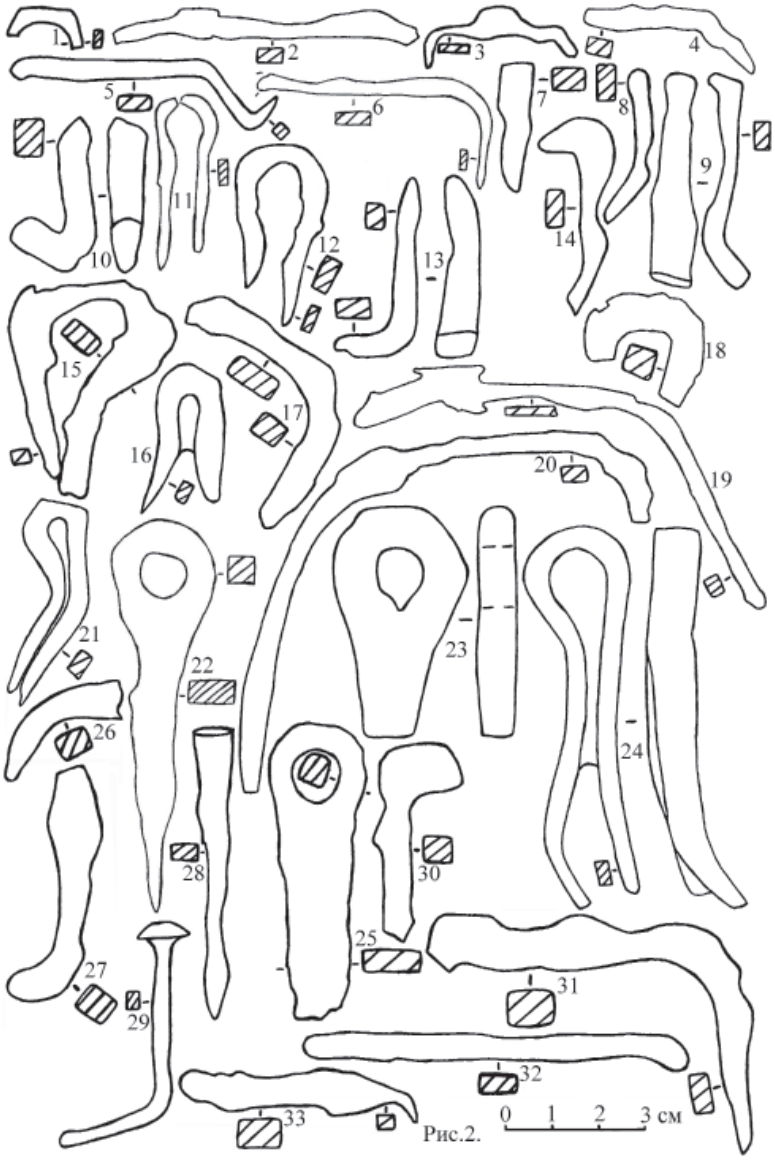


Рис. 2. Железные скобы (*1-15,17,19-20,26-27,30-33*), пробои (*16,18,21-25*) и гвозди (*28-29*) с Багаевского селища. Саратовский областной музей краеведения.

1,3,15,25 – раскоп I-2009, яма 9 (№ 41, -68 см; № 25, -61 см; № 51, -106 см; № 37, -79 см); *2,5,10,13,20-21,24* – раскоп I-2016: *2,21,24* – культурный слой (№ 19, -12 см; № 16, -13 см; № 4, +9 см), *5,13* – яма 42 (№ 63, -71 см; № 67, -104 см), *10,20* – яма 39 (№ 53, -121 см; № 43, -81 см); *4,18-19* – раскоп I-2012: *4* – яма 31 (№ 17, -51 см), *18* – яма 33 (№ 49, -42 см), *19* – культурный слой (№ 30, -16 см); *6,11,22* – раскоп I-2010: *6,11* – культурный слой (№ 13, -35 см; № 6, -37 см), *22* – яма 9 (№ 43, -102 см); *7-8,12,14,16-17,23* – раскоп I-2008: *7-8,12,14,17* – культурный слой (№ 7, -6 см; № 18, -25 см; № 12, -25 см; № 16, -22 см; № 24, -38 см), *16,23* – яма 9 (№ 121, -50 см; № 93, -69 см); *9* – раскоп I-2015, яма 37 (№ 4, -28 см).

26-27,30-33 – раскоп I-2020: *26* – яма 9 (№ 16, -38 см), *27* – яма 45 (№ 30, -42 см), *30-33* – яма 44 (№ 23, -27 см; № 24, -27 см; № 27, - 49 см; № 26, -46 см); *28-29* – раскоп I-2003, культурный слой (№ 3, -20 см; № 2, -40 см).

Fig. 2. Iron braces (*1-15,17,19-20,26-27,30-33*), shackles (*16,18,21-25*) and nails (*28-29*) from the Bagaevka settlement. Saratov Regional Museum of Local Lore.

1,3,15,25 – trench I-2009, pit 9 (No. 41, -68 cm; No. 25, -61 cm; No. 51, -106 cm; No. 37, -79 cm); *2,5,10,13,20-21,24* – trench I-2016: *2,21,24* – cultural layer (No. 19, -12 cm; No. 16, -13 cm; No. 4, + 9 cm), *5,13* – pit 42 (No. 63, -71 cm; No. 67, -104 cm), *10,20* – pit 39 (No. 53, -121 cm; No. 43, -81 cm); *4,18-19* – trench I-2012: *4* – pit 31 (No. 17, -51 cm), *18* – pit 33 (No. 49, -42 cm), *19* – cultural layer (No. 30, -16 cm); *6,11,22* – trench I-2010: *6,11* – cultural layer (No. 13, -35 cm; No. 6, -37 cm), *22* – pit 9 (No. 43, -102 cm); *7-8,12,14,16-17,23* – trench I-2008: *7-8,12,14,17* – cultural layer (No. 7, -6 cm; No. 18, -25 cm; No. 12, -25 cm; No. 16, -22 cm; No. 24, -38 cm), *16,23* – pit 9 (No. 121, -50 cm; No. 93, -69 cm); *9* – trench I-2015, pit 37 (No. 4, -28 cm); *26-27,30-33* – trench I-2020: *26* – pit 9 (No. 16, -38 cm), *27* – pit 45 (No. 30, -42 cm), *30-33* – pit 44 (No. 23, -27 cm; No. 24, -27 cm; No. 27, -49 cm; No. 26, -46 cm).

28-29 – trench I-2003, cultural layer (No. 3, -20 cm; No. 2, -40 cm).

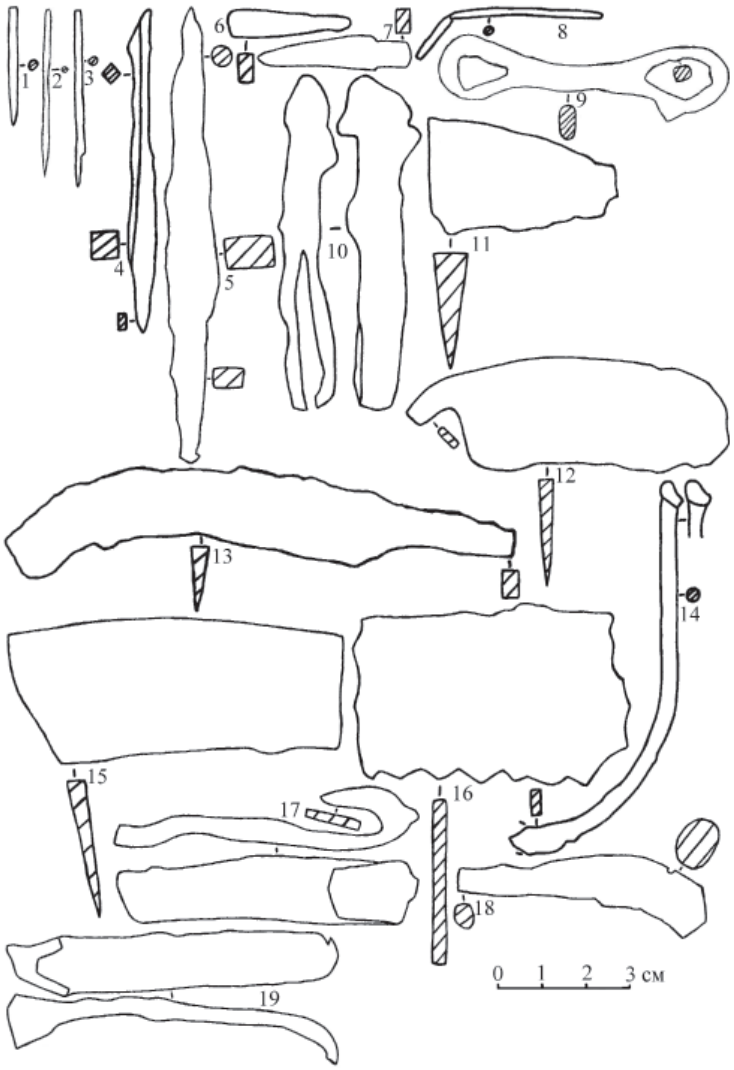


Рис. 3. Железные иглы (*1-3*), шилья (*4-5*), черешки (*6-7*), фрагмент проволоки (*8*), звено цепи (*9*), пинцет (*10*), фрагмент орудия (*11*), скобель (*12*), серп (*13*), рыболовный крючок (*14*), фрагменты косы (*15*), пилы (*16*) и неопределенные изделия (*17-19*) с Багаевского селища. Саратовский областной музей краеведения.
1,10,15 – раскоп I-2016: *1,10* – яма 42 (№ 42, -75 см; № 64, -86 см), *15* – культурный слой (№ 11, -14 см).
2,9 – раскоп I-2010: *2* – яма 9 (№ 31, -84 см), *9* – культурный слой (№ 20, -48 см); *3,5,7,17-18* – раскоп I-2012: *3,5,18* – яма 9 (№ 37, -18 см; № 45, -28 см; № 43, -24 см), *7* – культурный слой (№ 32, -17 см), *17* – яма 31 (№ 18, -65 см); *4,8,14* – раскоп I-2007: *4,14* – культурный слой (№ 21, -18 см; № 4, +13 см), *8* – яма 4 (№ 30, -75 см); *6,11-12,16* – раскоп I-2008: *6* – яма 9 (№ 62, -29 см), *11-12* – культурный слой (№ 74, -30 см; № 23, -4 см), *16* – яма 15 (№ 138, -143 см); *13* – раскоп I-2009, яма 9 (№ 46, -102 см); *19* – раскоп I-2011, яма 9 (№ 23, -81 см).
Fig. 3. Iron needles (*1-3*), awls (*4-5*), petioles (*6-7*), wire fragment (*8*), chain link (*9*), tweezers (*10*), tool fragment (*11*), debarker (*12*), sickle (*13*), fishing hook (*14*), fragments of scythe (*15*), saw (*16*) and undefined wares (*17-19*) from the Bagaevka settlement. Saratov Regional Museum of Local Lore.
1,10,15 – trench I-2016: *1,10* – pit 42 (No. 42, -75 cm; No. 64, -86 cm), *15* – cultural layer (No. 11, -14 cm).
2,9 – trench I-2010: *2* – pit 9 (No. 31, -84 cm), *9* – cultural layer (No. 20, -48 cm); *3,5,7,17-18* – trench I-2012: *3,5,18* – pit 9 (No. 37, -18 cm; No. 45, -28 cm; No. 43, -24 cm), *7* – cultural layer (No. 32, -17 cm), *17* – pit 31 (No. 18, -65 cm); *4,8,14* – trench I-2007: *4,14* – cultural layer (No. 21, -18 cm; No. 4, + 13 cm), *8* – pit 4 (No. 30, -75 cm); *6,11-12,16* – trench I-2008: *6* – pit 9 (No. 62, -29 cm), *11-12* – cultural layer (No. 74, -30 cm; No. 23, -4 cm), *16* – pit 15 (No. 138, -143 cm); *13* – trench I-2009, pit 9 (No. 46, -102 cm); *19* – trench I-2011, pit 9 (No. 23, -81 cm).

рис. 57-61; Савченкова, 1996, с. 9, 13, рис. 1, 17–18).

Пила (рис. 3: 16). Сохранился фрагмент в виде пластины с одним зазубренным краем, длина сохранившейся части изделия 6,2 см, ширина 4 см, толщина 3 мм. Подобные предметы встречаются на памятниках Древней Руси и поселениях Среднего Поволжья (Колчин, 1953, с. 115-118, рис. 81–85; Руденко, 2011, с. 99, рис. 16, *17*; Савченкова, 1996, с. 23–24, рис. 7, *2*).

Рыболовный крючок (рис. 3: 14) имеет длину 8,5 см. Сечение изделия округлое, диаметром 3 мм. Аналогичные крючки хорошо известны с древнерусских памятников, поселений Средней Волги, с Увекского горо-

дища и других золотоордынских памятников (Недашковский, 2002, с. 122-124, 126, рис. 1, 4-*13*).

Неопределенные изделия (рис. 3: 17-19). К ним отнесены предмет в виде загнутой на конце пластины (рис. 3: 17), округлый в сечении предмет в виде стержня (рис. 3: 18) и изделие в виде загнутой пластины с раскованным концом (рис. 3: 19).

Примечательно распределение гвоздей по площади раскопа I. В яме 9 (жилище) найдено 11 экз. (27%), в яме 42 (погреб) – 3 экз., в яме 4 (зерновая, соединенная с погребом) – 2 экз., в яме 31 (хозяйственная яма, соединенная с погребом) – 2 экз., в яме 16 (зерновая в створе ямы 9) – 1 экз., в хозяйственной яме 37 – 1 экз., в яме 45 (хозяйственная яма, соединенная с погребом) – 1 экз., в культурном слое найдено 20 экз. (49%) таких изделий. Более четверти гвоздей происходит из ямы 9, 20% - из погребов, а почти половина - из культурного слоя.

Гвозди являлись крепежным материалом, большое количество находок гвоздей в культурном слое и в сооружениях свидетельствует об интенсивном деревянном строительстве на поселении, следы деревянных сооружений выявлены при раскопках в виде древесного тлена и углистых прослоек. Население расположенного в степи Багаевского селища, очевидно, испытывало недостаток в строительном лесе, при строительстве использовались жерди и горбыль. Наряду с остатками деревянных конструкций, столбовыми ямами, находки значительного количества гвоздей и скоб возле ямы 9 (жилище-полуземлянка) на хозяйственных объектах усадьбы и вблизи них свидетельствуют о существовании наземных построек, связанных с жилищем.

В культурном слое найдено 9 скоб (38%), в яме 9 (жилище) – 4 экз., в хозяйственной яме 44 – 4 экз., в зерновой яме 39 – 2 экз., в яме 42 (погреб) – 2 экз., в яме 31 (хозяйственная яма, соединенная с погребом) – 1 экз., в хозяйственной яме 37 – 1 экз., в яме 45 (хозяйственная яма, соединенная с погребом) – 1 экз.

В яме 9 пробоев найдено 4 экз., культурном слое - 2 экз., в хозяйственной яме 33 – 1 экз.

Находки гвоздей и скоб в погребах, зерновых и хозяйственных ямах свидетельствует о том, что при возведении сооружений использовались деревянные конструкции (навесы, перекрытия, лестницы), для создания которых требовались металлические средства крепежа.

В культурном слое скоб и гвоздей найдено почти в два раза больше, чем в яме 9. При строительстве полуземлянки потребовалось существенно меньше таких средств крепежа, чем при возведении остальных сооружений усадьбы.

Примечательно, что в яме 9 найдено 4 пробоя, больше половины всех находок пробоев на селище. Найденные в жилище пробои могли использоваться в качестве замковых петель (замки также были найдены в жилище) и для кухонных нужд: подвешивания котлов над очагом, копчения мяса, рыбы и т.п. В хозяйственной яме 33 найден сломанный пробой, выброшенный за ненадобностью.

Иглы найдены в ямах 9 (2 экз.) и 42 (1 экз.), шилья – по одному в яме 9 и культурном слое. Звено цепи, скобель, коса, рыболовный крючок и фрагмент орудия обнаружены в слое, пинцет – в яме 42 (погреб), серп – в яме 9, пила – в яме 15 (хозяйственная в створе ямы 9). Большинство находок инструментов из сооружений происходят из жилища.

Гвоздей, скоб и пробоев на Багаевском селище найдено больше, чем на Хмелевском I селище (23 гвоздя, 9 скоб, 3 пробоя), на небольшом Константиновском селище (11 гвоздей), на селище Широкий Буерак (4 гвоздя) и на селище Колотов Буерак (1 гвоздь), взятых вместе.

На Хмелевском I селище были найдены два шила, как и на Багаевском, а также два звена цепи и коса, серп обнаружен на селище Широкий Буерак.

ЛИТЕРАТУРА

Егоров В.Л., Полубояринова М.Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в средние века / Отв. ред.: А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 39–79.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) / МИА. № 32. М.: Наука, 1953. 260 с.

Недашковский Л.Ф. Рыболовный инвентарь из Укека и его округи // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды ГИМ. Вып. 135 / Отв. ред. В.Л. Егоров, Ю.А. Зеленеев. М.: НИО ГИМ, 2002. С. 122–128.

Недашковский Л.Ф., Семыкин Ю.А. Результаты металлографического анализа изделий из черного металла с золотоордынских памятников Нижнего Поволжья (по материалам Хмелевского I и Багаевского селищ) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 31-43.

Руденко К.А. Города и села Булгарского улуса Золотой Орды (особенности материальной культуры) // Татарская археология. 2011. № 1–2(20–21). С. 32–151.

Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 5–88.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С. Гусева Т.В. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 89–131.

Информация об авторах:

Недашковский Леонард Федорович, доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

Шигапов Марат Баязитович, археолог-исследователь, ООО «Поволжская археология» (г. Казань, Россия); maratshigapov@gmail.com

REFERENCES

Egorov, V. L., Poluboiarinova, M. D. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 39-79 (in Russian).

Zakharov, S. D. 2004. *Drevnerusskii gorod Beloozero (The Old Rus Town of Beloozero)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X—XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Kolchin, B. A. 1953. *Chernaia metallurgiia i metalloobrabotka v drevnei Rusi (Domongol'skii period) (Iron and Steel Metallurgy and Metal Processing in Early Rus' (Pre-Mongol Period))*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nedashkovkii, L. F. 2002. In Egorov, V. L., Zeleneev, Yu. A. (eds.). *Povolzh'e i sopredel'nye territorii v srednie veka (Volga region and the neighbouring territories in the Middle Ages).* Series: Proceedings of the State Historical Museum 135. Moscow: State Historical Museum, 122-128 (in Russian).

Nedashkovkii, L. F., Semykin, Yu. A. 2014. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 156. Book 3. Kazan: Kazan State University, 31–43 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2011. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 1–2 (20–21), 32–151 (in Russian).

Savchenkova, L. L. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 5–88 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A., Vainer, I. S., Guseva, T. V. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 89-131 (in Russian).

About the Authors:

Nedashkovsky Leonard F. Doctor of Historical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

Shigapov Marat B. Povolzhskaya Archeologiya LLC. Nekrasova St., 28, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; maratshigapov@gmail.com

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.295.303

ФОРМИРОВАНИЕ НА НИЖНЕЙ ВОЛГЕ СТОЛИЧНОГО ЦЕНТРА УЛУСА ДЖУЧИ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ ХАНА УЗБЕКА (АНАЛИЗ НУМИЗМАТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА)

© 2022 г. Е.М. Пигарёв

В статье рассматриваются события, происходившие в Улусе Джучи после прихода к власти хана Узбека. На основе анализа нумизматических находок на золотоордынских памятниках Примокшанья и Нижнего Поволжья, выстраивается цепь мероприятий, предпринятых Узбеком в процессе борьбы с оппозиционной кочевой аристократией и в ходе проведения в государстве административной и религиозной реформ. Выделяется период пребывания ханской ставки с 1313 по 1321 гг. в Примокшанье и, связанное с этим, развитие нового административного золотоордынского центра Мохши. Определяется время полного укрепления власти Узбека и возвращение его в столичный регион в низовьях Волги (1321 г.). Также показаны этапы реализации проекта по изменению внутреннего устройства государства. Определены хронологические границы создания государственного мусульманского сакрального центра (комплекс мавзолеев у с. Лапас) и строительства новой золотоордынской столицы города Сарай (Селитренное городище), получившей при хане Джанибеке эпитет ал-Джедид (Новый). Опираясь на данные нумизматики, отмечается невозможность захоронения на ханском некрополе самого Узбека и ханов, пришедших к власти в Золотой Орде после него.

Ключевые слова: археология, Улус Джучи, Золотая Орда, хан Узбек, хан Джанибек, Мохши, Сарай, Сарай ал-Джедид, Селитренное городище, Лапасский комплекс мавзолеев, ханский некрополь, нумизматика.

FORMATION OF THE CAPITAL CENTER OF THE ULUS OF JOCHI IN THE LOWER VOLGA DURING THE REIGN OF UZBEK KHAN (ANALYSIS OF NUMISMATIC MATERIAL)

E.M. Pigarev

The paper is concerned with the events that took place in the Ulus of Jochi after the rise to power of Uzbek Khan. Based on an analysis of numismatic finds at the Golden Horde monuments of Moksha and the Lower Volga regions, a series of actions is determined, which were taken by the Uzbek in the process of combating the oppositional nomadic aristocracy and in the course of administrative and religious reforms in the state. The period from 1313 to 1321 during which the khan's headquarters stayed in the Moksha region and the related development of the new administrative Golden Horde center of Mokhsha are outlined. The time of the complete strengthening of Uzbek power and his return to the capital region in the lower reaches of the Volga (1321) is determined. The stages of the project to change the internal structure of the state are also specified. The chronological boundaries of the creation of the state Muslim sacred center (a complex of mausoleums near the village of Lapas) and the construction of the new Golden Horde capital city of Sarai (Selitrennoye settlement), which received the epithet al-Jedid (New) under Khan Janibek, are determined. Based on numismatic data, it is noted that Uzbek himself and the khans who came to power in the Golden Horde after him could not have been buried in the Khan's necropolis.

Keywords: archaeology, Ulus of Jochi, Golden Horde, Uzbek Khan, Janibek Khan, Mohshi, Sarai, Sarai al-Jedid, Selitrennoye settlement, Lapas mausoleum complex, Khan's necropolis, numismatics.

В середине XIII века практически сложилось политическое, юридическое и территориальное формирование золотоордынского государства, как самостоятельного ханства. В Золотой Орде в это время основой административно-территориального деления в наследство от имперского устройства сохранялась улусная система. Сущность ее составляло право членов правящей династии на получение от хана определенного улуса и территории для кочевья (юрта), за что владельцу было необходимо исполнять конкретные военные и экономические обязанности. Государство было разделено на 12 крупных административных единиц (улусов), составлявших владения членов правящей семьи Джучидов. В этом делении улус, располагавшийся вдоль левого берега Волги, составлял личный домен Бату. Там же располагались зимники кочевой ставки и первый административный центр

государства город Сарай. Каждая из крупных административных единиц подразделялась, в свою очередь, на более мелкие, во главе которых стояли кочевники соответствующих рангов. Эти административные единицы не представляли собой наследственных владений.

В 1313 г., после смерти хана Токты, ситуация в Улусе Джучи с приходом к власти Узбека кардинально меняется. Узбек-хан приходился племянником хану Токте и внуком хану Менгу-Тимуру. Сын Токты Иксар (Ильбасар, Илбасмыш), по протекции могущественного эмира Кадака, был объявлен ханом, при этом сам Кадак стал главным визирем. Но в январе 1313 года Узбек вместе с беклярибеком Кутлуг-Тимуром, прибыв из Ургенча, чтобы сказать близким покойного хана Токты слова утешения, убил Иксара и Кадака. После, при поддержке Кутлуг-Тимура и жены своего отца Баялун, Узбек захватил власть в Золотой Орде. Захват престола осуществлялся при поддержке сторонников ислама, представляющих интересы хорезмийской элиты, и сопровождался кровопролитием (Костюков, 2009, с.78; Почекаев, 2010, с.155; Селезнёв, 2009, с.199).

Согласно «Тарих-и шейх Увейс»: «… ордынский эмир Кадак хотел возвести на трон сына Тохты Илбасмыша, но Узбек и Кутлуг-Тимур прибыли из Хорезма и убили обоих (Абу Бакр, 1984, с.100). Воцарение Узбека осуществлялось при поддержке сторонников ислама. Выдвижению предшествовала оживлённая борьба, поскольку представители кочевой аристократии хотели иметь на ордынском престоле преемника Токты, сторонника традиционных порядков и тенгрианства. В результате Узбеку, вступившему на престол при поддержке происламских сил, пришлось восемь лет провести в северной части Дешт-и-Кипчака. В январе 1313 года Узбек-хан, с молодости исповедавший ислам, взошёл на трон. Вероятно, в 1321 году он, уже как глава государства, вторично принял ислам от потомка Баб Арслана Занги-Аты и его преемника Сеид-Аты. Баб Арслан был наставником Ахмеда Ясави, крупного суфия, идеолога среди тюркских племён.

Анонимный автор сочинения XV века «Шаджарат аль-атрак» (Родословие тюрков) сообщает следующее: «после восшествия на ханский престол до истечения 8 лет он проводил жизнь со всем своим илем и улусом в странах северного (арка) Дешт-и-Кипчака, так как (ему) нравились (вода и воздух) тех стран и обилие охоты (дичи). Когда с начала его султанства истекло 8 лет, то под руководством святого шейха шейхов и мусульман, полюса мира, святого Зенги-Ата и главнейшего сейида, имеющего высокие титулы, указующего заблудившимся путь к преданности господу миров, руководителя странствующих и проводника ищущих, святого Сейид-Ата, преемника Зенги-Ата, он (Узбек) в месяцах 720 года хиджры (12 II 1320–30 I 1321), соответствующего тюркскому году курицы, удостоился чести принять ислам» (Тизенгаузен, 1941, с.141).

Итак, после восшествия на престол, хан Узбек покидает нижневолжские степи (столичный регион Улуса Джучи) на долгих 8 лет. Вероятно, приход его к власти сопровождался достаточно длительным и интенсивным кровопролитием (возможно, именно с этим периодом можно связывать гибель 120 несогласных с его политикой Джучидов), поэтому процесс «примирения» с оппозиционной степной элитой не мог закончиться в короткое время. Узбек хан переносит ханскую ставку с нижневолжского ханского домена в северные земли, откуда он и расправлялся с внутренними врагами.

Где же располагалась ханская ставка Узбека? Одним из наиболее вероятных мест его пребывания может являться территория области Мохши, вблизи города Нуриджан (Наручат), появившегося в конце XIII – начале XIV вв. и занимавшего периферийное положение в золотоордынском мире. Значение и роль этого города в золотоордынской истории, к сожалению, еще очень слабо изучены как историками, так и археологами. Но уже тот факт, что в 1309 г. при хане Токте здесь начинает чеканиться общегосударственная серебряная монета, выделяет эту территорию среди других земель Улуса.

Верхнее Посурье и Примокшанье располагались в пограничной территории между зонами булгарского и русского влияния. Отсюда вели хорошие дороги на Русь, в Крым, к Волге на Укек (волжская переправа, старое месторасположение летних резиденций (ставок) золотоордынских ханов). Кроме того, Мохши располагался на землях Булгарского домена особого торгово-экономического анклава, имевшего устойчивые связи с Хорезмом. Это тоже не маловажный фактор, учитывая хорезмийское влияние и поддержку хану Узбеку.

Видимо, именно область Мохши хан Узбек сделал своей временной (на 8 лет) резиденцией, где через булгарскую торгово-мусульман-

скую элиту была налажена связь с его хорезмийскими ставленниками. Именно отсюда он занимался «русским вопросом», «чисткой» оппозиции и подготовкой своего возвращения на территорию ханского домена в столичное Нижнее Поволжье. Вероятнее всего, именно здесь ханом Узбеком совместно с идеологами из Хорезма происходила разработка и реализация плана дальнейшего преобразования государства.

Доказательством того, что область Мохши превратилась в важный административный центр Улуса Джучи, могут служить данные нумизматики. Чеканка монет в Улусе Джучи полностью контролировалась и регламентировалась ханской властью. Был определен четкий набор разрешенных весовых норм и мест чеканки.

Так, при Бату (639–653 гг.х.) серебряная монета чеканилась в Булгаре, при Берке (655-665 гг.х.) в Булгаре, Крыму и Сарае, при Менгу-Тимуре (665–681 гг.х.) в Булгаре, Крыму, Хорезме, Сарае и Укеке, при Туда-Менгу (682–686 гг.х.) в Булгаре и Крыму, при Тула-Буге (686–689 гг.х.) в Булгаре, Крыму, Хорезме и Сарае, при Токте (689–712 гг.х.) в Булгаре, Крыму, Хорезме, Сарае, Укеке, Маджарах и Мокши; при Узбеке (712–741 гг.х.) в Булгаре, Крыму, Хорезме, Сарае, Азаке и Мохши. Выпуски медных монет не производились. Они начинаются в первые годы правления Узбека в Хорезме (714 г.х.) и Мокши (717 г.х.), затем в Сарае (721 г.х.) и в 730-х гг.х. в других золотоордынских городах (Петров, 2018, с.155; Фёдоров-Давыдов, 2003).

С 713 г.х. в Мохши начинается практически ежегодный выпуск серебряной монеты различных номиналов и фракций. С 717 г.х. в Мокши чеканятся именные пулы Узбека, а с 731 г.х. (как и по всему государству) пулы становятся анонимными. В метрологическом отношении медный чекан Мохши полностью следовал метрологии столичных пулов (Голубев, 2012, №12-№84; Белорыбкин и др., 2021, с. 22–34). Именно чекан медной монеты может служить одним из свидетельств того, что в Мокши или его окрестностях располагалась ханская ставка Узбека с развитым мелкоторговым рынком.

Прошло 8 лет. За это время Узбеком и его сторонниками были частично или полностью уничтожены противники его политики. Вероятно, к этому времени им был подготовлен план дальнейших серьезных государственных преобразований, собраны материальные и людские ресурсы. Настало время возвращения ханской ставки в столичный нижневолжский регион Улуса.

Совершенно очевидно, что в основе всех преобразований лежала экономика – борьба за полный контроль на огромной территории над международными торговыми магистралями. После уничтожения основных политических противников Узбек провел еще две реформы. В результате первой изменился административно-судебный аппарат. В результате второй – была сведена к минимуму власть удельных Чингизидов, которых Узбек постепенно заменил на своих наместников, по сути улусная система в прежнем виде перестала существовать. Золотая Орда была поделена на четыре улуса (Сарай, Хорезм, Крым и Дешт-и-Кыпчак) и 70 тюменов (Почекаев, 2010, с. 156–158). Улусы возглавляли ставленники хана улусбеки, а тюмены (области) – эмиры, входившие в состав дивана.

Возвращение орды Узбека на Нижнюю Волгу в Сарай ознаменовалось выпуском медного пула 721 г.х. (м.д. «Сарай»), а принятие им ислама – выпуском дирхема 721 г.х. на монетном дворе Булгар ал-Махруса и дирхема 722 г.х. с обозначением монетного двора «Сарай ал-Махруса» (Фёдоров-Давыдов, 2003, с.167).

Наступило время, когда Узбеку необходимо было отблагодарить представителей хорезмийской группы, оказавшей ему помощь в утверждении на ханском престоле, и показать всему миру свою приверженность исламу. И первым шагом Узбека в этом направлении, стало строительство мемориального комплекса, расположенного у современного пос. Лапас Астраханской области.

На итальянской карте братьев Пицигани 1367 года, в части, относящейся к территории Нижнего Поволжья, отмечен пункт с латинской надписью «Гробницы императоров, умерших в районе Сарайской реки» (Чекалин 1889: рис. 17). Плано Карпини пишет: «В их земле существуют два кладбища. Одно, на котором хоронят императоров, князей и всех вельмож, и, где бы они ни умерли, их переносят туда, если это можно удобно сделать, а вместе с ними хоронят много золота и серебра. Другое — то, на котором похоронены те, кто был убит в Венгрии, ибо там были умерщвлены многие» (Путешествия… 1957, с. 33). Об этом же некрополе имеются сведения в «Книге путешествия» турецкого дипломата Эвлии Челеби, посетившего Нижнее Поволжье в 1665–1666 гг. Им приводятся следующие сведения: «Затем, после Астрахани,

на расстоянии дневного перехода по берегу Волги находится стоянка Бештепе – пять высоких гор правильной формы. Их верхняя часть – искусственная, это насыпные горы, наподобие трех священных гор, находящихся в Египте в окрестностях Гизы. Каждая из упомянутых пяти гор видна с расстояния трех дневных переходов» (ЭвлияЧелеби 1979: 134–135).

В научной литературе впервые описание памятника было сделано В.Л. Егоровым, предположившим, что в четырех крупнейших мавзолеях Лапаса погребены четыре хана-мусульманина: Берке (1257–1267), Узбек (1312–1341), Джанибек (1341–1357), Бердибек (1357–1359). Им же высказано мнение, что именно здесь находится место захоронения самого Бату и других золотоордынских ханов, не принявших ислама (Егоров, 2010, 117–118). Археологическое изучение памятника началось с середины 1990-х гг., с 2013 г. на памятнике проводятся неконтактные геофизические исследования (Пигарёв, 2019, с. 162).

Лапасский комплекс представляет собой остатки 14 архитектурных объектов, образующих две аллеи, ориентированные по линии СВ-ЮЗ. Данные магнитометрических исследований, которые на протяжении нескольких лет проводятся специалистами института археологии АН РТ, показывают, что вокруг каждого крупного мавзолея фиксируется наличие многочисленных меньшего размера погребенных объектов различного назначения (склепы, грунтовые могилы, вспомогательные сооружения), (Пигарёв, 2019а, с. 212–219). Среди этих объектов, сопровождающих мавзолеи, выделяются сооружения, которые, с большой долей уверенности можно обозначить как горны для обжига кирпича и иных строительных материалов.

К настоящему времени из научных публикаций известно о находках 377 экземпляров медных джучидских монет, 7 экз. серебряных джучидских монет, 2 экз. медных монет Ирана 720–730-х гг.х. (Гончаров, 2003, с. 239–242; Пигарёв и др., 2005, с. 149–150). Все, рассматриваемые нами, монетные находки были сделаны на территории поселения, расположившегося на левом берегу р. Малый Ашулук и получившего обозначение – «поселок строителей». Непосредственно на руинах конструкций мавзолеев монет не обнаружено.

В дальнейшем анализе мы будем рассматривать только медные золотоордынские монеты, т.к. серебряная монета чеканилась для хождения на всей территории государства, а медная монета чаще всего имеет локальное обращение. Кроме того, именно объем медной монеты в населенном пункте зависит, прежде всего, от количества населения в нем и от активности розничной торговли.

Комплекс медных монет, обнаруженных на поселении Лапасского комплекса, показывает,

Таблица 1. Монетные находки на Лапасском комплексе
Table 1. Coin finds at the Lapassky complex

№ п/п	Атрибуция монет с указанием типа	Кол-во, шт.
	Медные монеты	
1	Анонимный пул, Сарай, «звезда», 721 г.х.	20
2	Анонимный пул, Сарай, «сокол», 726 г.х.	23
3	Анонимный пул, Сарай, 16/даник, 731 г.х.	95
4	Анонимный пул, Сарай, «лев с солнцем», 737 г.х.	51
5	Анонимный пул, Сарай, «барс», без года (730-е)	6
6	Анонимный пул, Азак, «лев с солнцем», без года (730-е)	1
7	Анонимный пул, Сарай ал-Джедида, «двуглавая птица», 740-е гг. х.	31
8	Анонимный пул, Сарай ал-Джедида, розетка, 750-е гг.х.	20
9	Хызр хан, Сарай ал-Джедида, 762 г.х.	3
10	Хызр хан, Гулистан, 762 г.х.	1
11	Кильдибек хан, Сарай ал-Джедида, 763 г.х.	4
12	Анонимный пул, Сарай ал-Джедида, «зверь вправо», 768 г.х.	1
13	Анэпиграфичный пул, время Абдаллаха (770 г.х.)	1
14	Анонимный пул, Азак, «крылатое существо вправо», 783 г.х.	1
15	Анонимный пул, Сарай, «секира влево», 787 г.х.	2
16	Анонимный пул, Сарай ал-Джедида, «6-лучевая звезда», 791 г.х.	1
17	Анонимный пул, Сарай ал-Джедида, 794 г.х.	1
18	Анонимный пул, Сарай, «кувшин с чаркой», без года	2

19	Анонимный пул, без указания монетного двора, «павлин», без года	2
20	Анонимный пул, без указания монетного двора, «две рыбы в круге» по часовой стрелке, без года	2
21	Всего атрибутировано пулов	268
-	Не определены (судя по фактуре, большинство экземпляров являются пулами времени Узбека)	109
-	Всего медных монет Джучидов	377
22	Медные монеты Ирана, 720-730-х гг.х.	2
	Серебряные монеты:	
23	Сарай ал-Махруса, 710 г.х.	1
24	Мохши, 71? г.х.	1
25	Сарай, 717 г.х.	1
26	Сарай, 720-е гг.х.	2
27	Сарай ал-Джедида, 748 г.х.	2
Всего дирхемов Джучидов		7
28	Общее количество нумизматических находок	386

Таблица 2. Хронологическое распределение монет Лапасского комплекса
Table 2. Chronological distribution of coins of the Lapassky complex

№п/п	даты, гг.х.	кол-во,шт.	%
1	720-730	43	16,04
2	731-740	153	57,09
3	741-750	31	11,57
4	751-760	20	7,46
5	761-770	9	3,36
6	771-780	1	0,37
7	781-790	3	1,12
8	791-без года	8	2,98

Таблица 3. Распределение медных монет по времени правления ханов
Table 3. Distribution of copper coins by the time of the reign of the Khans

Хан, время правления	кол-во, шт	%
Узбек,712-741 г.х.	196	73,13
Джанибек, 741-758 г.х.	51	19,02

Таблица 4. Распределение монет хана Узбека по типам
Table 4. Distribution of Uzbek Khan's coins by type

№ п/п	тип монеты	кол-во, шт	%
1	721 г.х., «звезда»	20	10,2
2	726 г.х., «сокол»	23	11,73
3	731 г.х., 16 пул / даник	95	48,47
4	всего до выпуска 737 г.х.	138	70,4
5	737 г.х., «лев и солнце»	58	29,6

что активная жизнь на нем начинается с 721 г.х. (1321 г.), т.е. времени возвращения в Нижнее Поволжье хана Узбека. Интенсивность жизнедеятельности многократно возрастает к 731 г.х. (1331 г.), что может быть связано только с масштабным строительством, проходящем на этой территории. К 737 г.х. (1337 г.) количество населения поселка строителей резко сокращается, что может быть объяснено окончанием строительных работ и переездом большей части населения поселка, т.е. строителей, на другой объект. В период правления хана Джанибека активность жизни в этом населенном пункте продолжает снижаться и к его смерти практически полностью прекращается. Т.е. в 1340–1350-х гг. в поселке продол-

жала проживать какая-то незначительная группа населения, связанная, видимо, с охраной и благоустройством комплекса мавзолеев. В последующее время комплекс посещается паломниками для совершения обрядов или для подзахоронения к святым могилам своих усопших – об этом свидетельствуют единичные находки монет 1360–1390-х гг.

Строительство такого грандиозного комплекса, совершенного в середине правления хана Узбека, являлось тщательно продуманным мероприятием. Мавзолеи строились над могилами известных на тот момент личностей уже похороненных в этой местности или перевезенных сюда с других территорий. Естественно, что Узбек хан не мог строить мавзолей для себя «на будущее», это никак не связывается ни с монгольской, ни с мусульманской традициями. Также Узбек хан не мог строить столь значимые погребальные сооружения для своих потомков, т.е. для ханов Джанибека, Бердибека и других, пришедших к власти в Улусе после него.

Анализ археологических и нумизматических источников позволяет сделать следующие предварительные выводы:

1. Строительство комплекса мавзолеев проходило: во-первых, по единому, ранее сформированному проекту (четко оформленная планиграфия комплекса); во-вторых, одновременно (наличие отдельных строительных площадок у каждого мавзолея).

2. Строительство и оформление всего сакрального комплекса происходило в период правления хана Узбека, а именно, с 721 по 731 гг.х.

3. На протяжении последующих десятилетий вокруг каждого крупного мавзолея формировались, вероятно, родовые некрополи.

4. Ставится под большое сомнение захоронение на Лапасском комплексе как ханов, пришедших к власти после Узбека, так и погребение здесь самого хана Узбека.

5. Вполне вероятным кажется существование здесь или ханского некрополя (от Бату до Токты) или некрополя, где похоронены религиозные лидеры (суфии, шейхи и т.п.), превращенного ханом Узбеком в государственный мусульманский мемориальный комплекс.

Следующим шагом, завершающим реформы Узбека, было строительство новой столицы государства – города Сарай ал-Джедида (ныне Селитренное городище) – промышленного и торгового центра. На реализацию этого проекта были также направлены огромные ресурсы, что позволило завершить бо́льшую часть строительства в достаточно короткие сроки. Для этого на юго-восточной окраине города было организованно огромное, по средневековым меркам, производство по обжигу кирпича (так называемое «черепяное поле»). Новая столица строилась в традициях исламской архитектуры и по облику являлась типично мусульманским городом, со всеми ее необходимыми атрибутами: мечетями, медресе, банями, мавзолеями, караван-сараями. Ибн Арабшах писал о столице Дешт-и-Кипчака, что "это город мусульманской постройки, чудной крепости..." (Тизенгаузен В.Г., 1884, с. 460).

Археологические исследования, которые проводятся на Селитренном городище уже несколько десятилетий, полностью подтверждают выше представленную характеристику города, показали практически полное отсутствие в вещевом комплексе кочевнического материала и предметов, не относящихся к исламской культуре. Из этого можно сделать вывод, что город изначально создавался в канонах мусульманских традиций для мусульманского населения, а точнее – строился мусульманами.

За время исследований на территории Селитренного городища было обнаружено, обработано и опубликовано свыше 12 тысяч медных золотоордынских монет (Баллод, 1923, с.41; Кротков, 1930; Клоков, Лебедев, 2002, с.73-165; Рудаков, 2007, с. 225–37; Пигарёв, 2019 б, с. 103–106). Нас интересуют 1620 экземпляров (13,5%) из общей массы монетных находок, относящиеся ко времени правления Узбек хана. Монеты этого периода представлены 4 основными типами монетного двора Сарай: 721 г.х. («звезда»), 726 г.х. («сокол»), 731 г.х. (16 пул/данник), 737 г.х. («лев и солнце»).

В комплексе Баллода указан 421 экземпляр, относящийся ко времени Узбека, без детализации по типам и годам; у Кроткова присутствуют: 726 г.х. – 1 экз., 731 г.х. – 6 экз., 737 г.х. – 114 экз.; у Клокова и Лебедева: 721 г.х. – 2 экз., 726 г.х. – 2 экз., 731 г.х. – 17 экз., 737 г.х. – 225 экз.; у Рудакова: 721 г.х. – 2 экз., 726 г.х. – 2 экз., 731 г.х. – 77 экз., 737 г.х. – 480 экз.; в наших исследованиях встречено: 721 г.х. – 7 экз., 726 г.х. – 3 экз., 731 г.х. – 51 экз., 737 г.х. – 210 экз.

Суммируя, получаем следующие данные (здесь мы не учитываем комплекс Баллода) – монет хана Узбека 1199 экз. (100%), из них: 721 г.х. – 11 экз. (0,9%), 726 г.х. – 8 экз.

(0,67%), 731 г.х. – 151 экз. (12,6%), 737 г.х. – 1029 экз. (85,82%).

Анализ нумизматического материала показывает, что активизация розничной рыночной торговли на Селитренном городище, которую можно связать с начавшимся строительством новой столицы, начинается в 731 г.х. (1330/31 г.). Возможно, именно с этим событием можно связать выпуск медного пула 731 г.х. с обозначением монетного двора «Сарай ал-Махруса». Присутствие в комплексе монет типов 721 и 726 гг.х. вполне допустимо, т.к., вероятнее всего, эти монеты имели правомочное хождение на рынках нижневолжских поселений. Их небольшое количество, как раз и показывает, что основные строительные мероприятия происходили в конце 1320-х и самом начале 1330-х гг. Массовый выпуск нового типа монеты, чеканенной на монетном дворе Сарай в 737 г.х. (высочайшее повеление / лев и солнце), свидетельствует об окончании основного строительного периода и появлении активного внутригородского товарного рынка новой золотоордынской столицы.

С окончанием строительства новой столицы закончилась серия государственных реформ и преобразований, предпринятых ханом Узбеком. Был преобразован и по-новому сформирован нижневолжский столичный центр, в составе которого находились зимники кочевой ханской ставки, два столичных города – Старый Сарай (Аксарай) и Новый Сарай (Сарай ал-Джедида, получивший название во время правления хана Джанибека), и сакрально-мемориальный комплекс-некрополь, находящийся между ними.

Таким образом, анализ нумизматического материала, обнаруженного в ходе археологических исследований нижневолжских памятников золотоордынской эпохи, достаточно четко маркирует процессы, проходившие в столичном регионе Улуса Джучи во время правления хана Узбека.

Исходя из этого анализа, мы можем сделать следующие предварительные выводы:

1. После прихода к власти, из-за серьезного противоборства с кочевнической аристократией, хан Узбек покидает нижневолжский столичный регион на 8 лет, перенеся свою ставку в Примокшанье. Город Мохши в этот период становится одним из важнейших административных центров государства.

2. После нормализации обстановки внутри страны, в 1321 году хан Узбек принимает ислам, позиционируя его как официальную политику государства, и возвращается на Нижнюю Волгу в Сарай.

3. Подчеркивая свою приверженность исламу, Узбек в 1321 г. начинает оформление в мусульманских традициях сакрального мемориала – комплекса мавзолеев, строительство которого было, видимо, завершено к 1331 г. Поэтому, устоявшееся в науке мнение о погребении на Лапасском комплексе мавзолеев ханов Узбека, Джанибека и Бердибека, должно быть подвергнуто серьезному сомнению. Вопрос, кому могут принадлежать столь грандиозные сооружения, на настоящее время остается открытым.

4.На рубеже 1320–1330-х гг. начинается строительство новой мусульманской столицы Улуса Джучи, основные этапы которого были завершены, вероятно, к 1337 г. Полностью строительство города, в известных нам размерах, было завершено к началу 1340-х гг. И при хане Джанибеке столица (или монетный двор, находящийся в ней) получает новое название – Сарай ал-Джедида.

Несомненно, что появление новых письменных источников и археологических материалов, могут несколько изменить представленные выше выводы, но к настоящему времени, на наш взгляд, ситуация на Нижней Волге изменялась именно в такой последовательности.

ЛИТЕРАТУРА

Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари. Тарих-и шейх Увейс / Пер. М.Д. Кязимова и В. З. Пириева. Баку: Элм, 1984. С.100.

Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Казань: Издание Комбината Издательства и Печати в Казани, 1923. 102 с.

Белорыбкин Г.Н., Исконников Д.С., Мельниченко О.В., Винничек В.А., Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., Голубев О.В. Средневековый город Мохши. Пенза: ИРРПО, 2021. 252 с.

Голубев О.В. Чекан монет Мохши (каталог). Пенза, 2021. 48 с.

Гончаров Е.Ю. Анализ монетного материала с двух золотоордынских городищ // Древности. 2003. Вып. 36. С. 239–242.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 224 с.

Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда, город Сарай) // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3 / Гл. ред. П.Н. Петров. М.: Информэлектро, 2002. С. 73–165.

Костюков В.П. Историзм в легенде об обращении Узбека в ислам // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Вып. 1 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2009. С. 67–80.

Кротков А.А. Два собрания джучидских монет // Труды Нижне-Волжского общества краеведения. Вып. 37. Саратов: Издание Нижне-Волжского общества краеведения, 1930. 42 с.

Петров П.Н., Кравцов К.В., Гумаюнов С.В. Монеты Сарая первой половины 660-х гг.х./1260-х гг. // Золотоордынское обозрение. 2018. Т.6. № 1. С. 145–158.

Пигарёв Е.М., Скисов С.Ю., Лосев Г.А., Минаев А.П. Монетные находки с городищ «Красный Яр», «Лапас» и «Чертово городище» (Астраханская область 2001-2003 гг.) // Тр. Международ. нумизмат. конф. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков (I МНК – Саратов 2001; II МНК – Муром 2003) / Под ред. П.Н. Петрова. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 148–152.

Пигарёв Е.М. Предварительные результаты геофизических исследований комплекса мавзолеев у села Лапас Астраханской области // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 162–166.

Пигарёв Е.М. Результаты геофизических исследований ханских мавзолеев у села Лапас Астраханской области // Улус Джучи и Сарайшык – у истоков казахской государственности. Материалы Международной научно-практической конференции (10 октября, 2019 г.). Алматы, 2019а. С. 212–219.

Пигарев Е.М. Селитренное городище: история исследований / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 11. Йошкар-Ола: МарГУ, 2019. 244 с.

Почекаев Р.Ю. Ханы Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2010. 384 с.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Географгиз, 1957. 272 с.

Рудаков В.Г. Селитренное городище: хронология и топография. Дисс… канд. истор. наук. М.: МГУ, 2007. 484 с.

Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009. 232 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. М.-Л. АН СССР. 1941. 308 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.

Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье в XIV веке по картам того времени и археологическим данным // Труды Саратовской ученой комиссии. Т.2. Вып.I. Саратов, 1889.

Эвлия Челеби. Книга Путешествия Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. 290 с.

Информация об авторе:

Пигарёв Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, начальник, Учебно-научный археолого-этнологический центр Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола, Россия); научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); pigarev1967@mail.ru

REFERENCES

Abu Bakr al-Kutbi al-Akhari. 1984. *Istoriia sheihka Uveisa (The story of Sheikh Uweis).* Baku: “Elm” Publ., 100 (in Russian).

Ballod, F. V. 1923. *Stariy i Noviy Saray, stolitsy Zolotoy Ordy (Old and New Sarai, Capitals of the Golden Horde)*. Kazan: “Kombinat Izdatel'stva i Pechati v Kazani” Publ. (in Russian).

Belorybkin, G. N., Ikonnikov, D. S., Mel’nichenko, O. V., Vinnichek, V. A., Lebedev, V. P., Gumayunov, S. V., Golubev, O. V. 2021. *Srednevekovyi gorod Mokhshi (The Medieval Town Mokhshi).* Penza (in Russian).

Golubev, O. V. 2021. *Chekan monet Mokhshi (Mohsha Coinage).* Penza (in Russian).

D’yachkov, S. V. 2016. In *Drevnosti (Antiqquities)* 36, 239–242 (in Russian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv.* (*Historical Geography of the Golden Horde in the 13th– 14th Centuries*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Klokov, V. B., Lebedev, V. P. 2002. In Petrov, P. N. (ed.-in-chief). *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov (Antiquities of the Volga River Region and Other Areas)* IV = *Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings)* 3. Moscow: "Informelektro" Publ., 73–165 (in Russian).

Kostykov, V. P. 2009. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Politicheskaia i sotsial'no-ekonomicheskaia istoriia Zolotoi Ordy (XIII–XV vv.)». 17 marta 2009 g (Heritage of the Golden Horde. Proceedings of the International Scientific Conference "Political and Socio-Economic History of the Golden Horde (13th – 15th cc.)." March 17, 2009.)* 1. Kazan: "Fan" Publ., 346–357 (in Russian).

Krotkov, A. A. 1930. In *Trudy Nizhne-Volzhskogo obshchestva krayevedeniya (Proceedings of the Lower Volga Local History Society)* 37. Saratov: "Nizhne-Volzhskoe obshchestvo krayevedeniya" Publ. (in Russian).

Petrov, P. N., Kravtsov, K. V., Gumayunov, S. V. 2018. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 6 (1), 145–158 (in Russian).

Pigarev, E. M., Skisov, C. Yu., Losev, G. A., Minaev, A. P. 2005. In Petrov, P. N. (ed.). *Monety i denezhnoe obrashchenie v mongol'skikh gosudarstvakh XIII–XV vekov (Coins and Currency Circulation in the Mongol States of 13th–15th Centuries)*. Moscow: "Numizmaticheskaia literatura" Publ., 148–152 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2019. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Kochevye imperii Evrazii v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy. V 2 kn. Kn. 1 (Nomadic Empires of Eurasia in Archaeological and Interdisciplinary Studies). In two wolumes. Vol. 1.* Ulan-Ude: Buryatia Scientific Science Center SB RAS Publ., 162–166 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2019. In *Ulus Dzhuchi i Saraishyk – u istokov kazahskoi gosudarstvennosti. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (10 oktiabria, 2019 g.). (The Ulus of Jochi and Sarayshyk - at the Origins of Kazakh Statehood. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (October 10, 2019)).* Almaty, 212–219 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2019. *Selitrennoe gorodishche: istoriia issledovanii (Selitrennoe Settlement: Study History).* Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region)* (11). Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Pochekaev, R. Yu. 2010. *Khany Zolotoi Ordy (Khans of the Golden Horde).* Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).

Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts). 1957. Moscow: "Geografgiz" Publ. (in Russian).

Rudakov, V. G. 2007. *Selitrennoe gorodishche: khronologiia i topografiia (Selitrennoe Settlement: Chronology and Topography)*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow. Lomonosov Moscow State University(in Russian).

Seleznev, Yu. B. 2009. *Elita Zolotoi Ordy (Elite of the Golden Horde).* Kazan: "Fen" Publ. (in Russian).

Tiesenhauzen, V. G. 1941. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde)* II. *Izvlecheniia iz persidskikh sochinenii, sobrannye V. G. Tizengauzenov (Excerpts from Persian Writings collected by)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoi Ordy* (*Coinage of the Golden Horde*). Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).

Chekalin, F. F. 1889. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of Saratov Scientific Archive Commission).* 2 (1). Saratov: "Soiuz Pechatnogo Dela" Publ. (in Russian).

Evliya Celebi 1979. *Kniga puteshestviia. (Book of Travel.)*2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Pigarev Evgeniy M. Candidate of Historical Sciences. Mari State University. Ryabinin St., 8, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; pigarev1967@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.304.313

НАХОДКИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПИФОСОВ-КУВШИНОВ В ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ

© 2022 г. Д.С. Соловьёв, С.А. Котеньков

Статья вводит в научный оборот данные о раннесредневековой керамической таре, обнаруженной в ходе исследований Астраханского музея-заповедника и Института океанологии РАН на Семибугоринском археологическом комплексе в 2021 году, а также в фондах Астраханского музея-заповедника. Рассматриваемые сосуды относятся к так называемым пифосам-кувшинам салтово-маяцкого круга VIII–X вв. Подобные керамические изделия широко известны на хазарских памятниках Северного Кавказа, в низовьях Дона, Подонье, в Крыму, встречающиеся, как в виде целых форм, так и в многочисленных фрагментах. В статье подробно рассматривается морфология публикуемых сосудов, размерные параметры, очерчивается круг наиболее близких аналогий для каждого из них. Обсуждаются вопросы хронологии тарной посуды. Учитывая эволюцию гончарных традиций, главным образом, в процессе обжига керамики, повлекшие изменения её цвета с сероглиняного на красноглиняный, авторы датируют представленные красноглиняные нелощёные пифосы-кувшины кон. IX – нач. X вв. Обоснованы предположения об их изготовлении местными ремесленниками-гончарами, о чем свидетельствуют многочисленные находки обломков красноглиняной толстостенной посуды, брака керамического производства и керамического шлака. Публикуемые сосуды расширяют источниковую базу по раннесредневековой керамике дельты Волги.

Ключевые слова: археология, салтово-маяцкая культура, пифосы-кувшины, Астраханская область, лощение, орнамент, сероглиняная керамика, красноглиняная посуда.

EARLY MEDIEVAL PITHOS-JUGS DISCOVERED IN THE VOLGA DELTA

D.S. Soloviev, S.A. Kotenkov

The paper introduces into scientific discourse the details of early medieval ceramic containers discovered in the course of studies by the Astrakhan Museum-Reserve and the Institute of Oceanology of the Russian Academy of Sciences conducted at the Semibugorinsky archaeological complex in 2021, and deposited at the Astrakhan Museum-Reserve. The studied vessels belong to the so-called pithos-jugs of the Saltovo-Mayaki circle of the 8th–10th centuries. Such ceramic products are widely known from the Khazar monuments of the North Caucasus, in the lower reaches of the Don, the Don area and in the Crimea, found both in the form of whole items and numerous fragments. The paper examines in detail the morphology of the published vessels and their dimensional parameters, and outlines the circle of the closest analogies for each of the items. The issues of the chronology of container ware are discussed. Taking into account the evolution of pottery traditions, mainly related to the process of firing ceramics, which led to a change in its color from gray-clay to red-clay, the authors date the presented red-clay unpolished pithos-jugs the late 9th – early beginning 10th centuries. The assumptions about their manufacture by local artisans-potters are substantiated, as evidenced by numerous discovered fragments of red-clay thick-walled ware, defective ceramic products and ceramic slag. The published vessels expand the source base on the early medieval ceramics of the Volga delta.

Keywords: archaeology, Saltovo-Mayaki culture, pithos-jugs, Astrakhan region, polishing, ornamentation, gray-clay ceramics, red-clay ware.

В 2021 году сотрудниками Астраханского музея-заповедника и Института океанологии им. П.П.Ширшова РАН проводились археологические исследования в зоне Семибугоринского археологического комплекса Камызякского района Астраханской области. Памятник расположен в окрестностях сёл Семибугры и Бараний бугор по правому и левому берегам р. Болда, и включает в себя несколько археологических объектов: «Поселение и грунтовый могильник Семибугры», «Поселение Бараний Бугор», курганная группа «Сарай-Тобе». Первые изыскания на этой территории были проведены Л.Н. Гумилёвым в 1962–1963 гг. Исследователь упоминал в отчётах о находках у данных населённых пунктов погребений и большого количества фрагментов керамики хазарского времени (Гумилёв, 1962, с. 6–9; Гумилёв, 1966, с. 187–188).

Для проверки фактов обнаружения автором в этом районе «хазарской» керамики в 2019-2020 гг. были начаты археологические изыскания, результатом которых стало выявление первого в дельте Волги крупного хазарского поселенческого объекта VIII-X вв. Среди находок следует выделить арабский дирхем VIII в. и артефакты (керамика, изделия из металла и пр.), близкие по аналогии салтово-маяцкой культуре (Котеньков и др., 2020, с. 84; Соловьёв и др., 2021, с. 301-306).

В полевом сезоне 2021 г. в центре с. Бараний Бугор был заложен разведывательный шурф № 2. Стратиграфия шурфа демонстрирует однородные сменяющиеся слои суглинков и иловых прослоек - следов периодического затопления этой территории. На глубине 1,4 м, в суглинистой прослойке были обнаружены развалы двух крупных толстостенных красноглиняных сосудов, располагавшихся вплотную к друг другу. В процессе разбора развалов сосудов выявлены обломки керамических и стеклянных сосудов, кости человеческого скелета, фрагменты дерева, уголь. Керамические обломки находят аналогии с керамикой салтово-маяцкой культуры Хазарского Каганата. Вероятно, данный комплекс являлся хозяйственной ямой, входившей в комплекс жилой постройки. (Соловьёв, 2021, с. 32, рис. 22–23).

В ходе реставрации керамических изделий удалось, практически полностью собрать из обломков два красноглиняных пифоса-кувшина, составляющих одну из наиболее ярких групп керамического материала салтово-маяцкой культуры.

Эти сосуды для хранения жидкостей впервые были введены в научный оборот еще в середине XX века (Ляпушкин, 1958, с. 112). Но до настоящего времени продолжают оставаться дискуссионными многие вопросы, связанные с выяснением типологии, хронологии, а также точных центров производства этих сосудов.

Подобные находки в Астраханской области единичны, обнаружено всего три таких сосуда. В этой связи актуальным и оправданным представляется пополнение существующей источниковой базы новыми материалами.

В предлагаемой статье обобщаются и вводятся в научный оборот два пифоса-кувшина с Бараньего Бугра и аналогичный им сосуд, хранящийся в фондах Астраханского музея-заповедника. О месте находки данного пифоса-кувшина в Книге поступлений музея сохранилась следующая запись: «Амфора (Амфоровидный сосуд), украшенный по тулову чередующимися рядами прямых и волнообразных линий. Сосуд снабжен тремя вертикальными ручками. Найден в г. Астрахани, глина, Н (высота) -77 см, Д (диаметр) 35–40см» (Книга поступлений… без даты, л. 271).

Перейдем к характеристике самих сосудов.

Кувшин № 1 (рис. 1)

Морфология: плоскодонный кувшин с туловом «сферической» формы в верхней части, плавно переходящим к зауженному дну, поверхность покрыта двумя поясами орнамента в виде прочерченных по окружности концентрических желобков, между которыми нанесен орнамент в виде одинарной прочерченной волны синусоиды с наклоном влево. Следы лощения отсутствуют. Горло высокое, расширяется кверху, венчик слабо отогнутый, оформлен выраженный слив. Ручки подовальной в сечении формы. Одна ручка (не сохранилась) прикреплялась одним концом под венчиком к горлу, спускаясь другим концом на плечико. Еще две аналогичные ручки расположены примерно на середине высоты тулова. По их внешней стороне оформлены продольные гребни. Все ручки прикреплялись к стенкам сосуда при помощи керамического шипа, заготовленного на ручке, продетого через отверстие в стенке сосуда и тщательно заглаженного с внутренней части.

Глина: красно-оранжевый черепок, присутствуют крупнозернистый кварцитовый песок и небольшое количество измельченной раковины моллюсков.

Обжиг: окислительный, равномерный, высокого качества, выполнен в горне.

Метрические параметры: высота всего сосуда – 67,5 см, максимальный диаметр – 41,2 см, диаметр венчика – 14,8 см, диаметр дна – 17,1 см, высота горла – 11 см. Ориентировочный объем сосуда – 15–20л.

Наиболее близкие аналогии: Карнауховское поселение (Ляпушкин, 1958, с. 112, рис. 8: 1, 2; Florov, 1990, t. 1: 1–2); Сидоровский комплекс (Кравченко, 2020, рис. 190: 1).

Кувшин № 2 (рис. 2)

Морфология: плоскодонный кувшин с туловом «сферической» формы в верхней части, плавно переходящим к зауженному дну, поверхность которого покрыта двумя поясами орнамента в виде прочерченных по окружности концентрических желобков, между которыми нанесен орнамент в виде одинарной прочерченной волны синусоиды с наклоном влево. Следы лощения отсутствуют. Горло

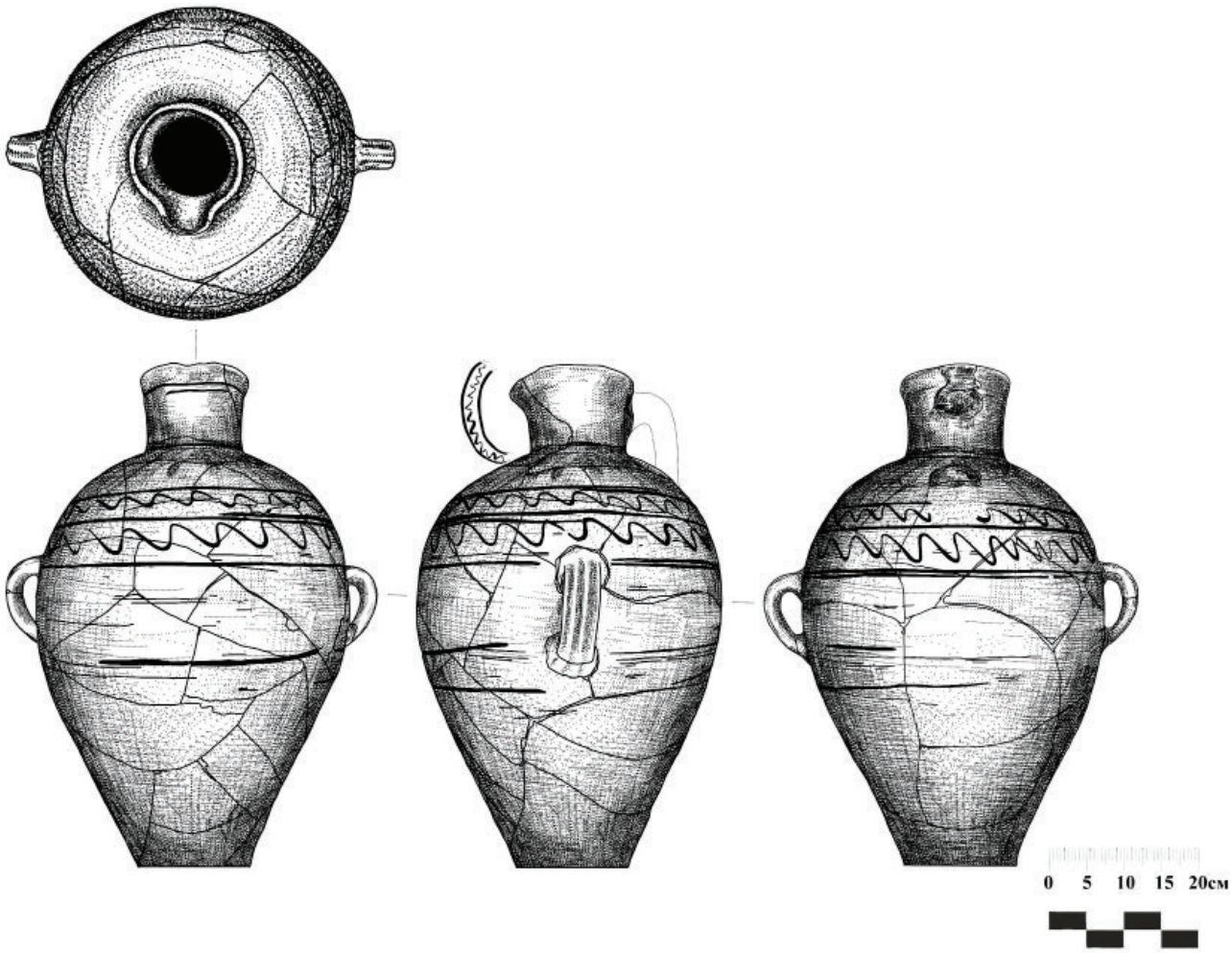


Рис. 1. Пифос-кувшин № 1, шурф № 2. Семибугоринский комплекс
Fig. 1. Pithos-jug No. 1, pit No. 2. Semibugorinsky complex.

высокое, расширяется кверху, венчик слабо отогнутый, оформлен выраженный слив. Ручки подовальной в сечении формы. Одна ручка прикреплялась одним концом в нижней части венчика к горлу, спускаясь другим концом на плечико. Еще две аналогичные ручки расположены примерно на середине высоты тулова. Ручки прикреплены к поверхности посредством примазывания.

Глина: красно-оранжевый черепок, присутствует крупнозернистый кварцитовый песок.

Обжиг: окислительный, равномерный, высокого качества, выполнен в горне.

Метрические параметры: высота всего сосуда – 74 см, максимальный диаметр – 44,1 см, диаметр венчика – 17,3 см, диаметр дна – 19,8 см, высота горла – 13 см. Ориентировочный объем сосуда – 15–20л.

Наиболее близкие аналогии: Карнауховское поселение (Ляпушкин, 1958, с. 112, рис. 8: 1, 2; Florov, 1990, t. 1: 1–2); Сидоровский комплекс (Кравченко, 2020, рис. 190:1).

Кувшин № 3 (рис. 3)

Морфология: плоскодонный кувшин, вытянутых пропорций, с туловом «сферической» формы в верхней части, плавно переходящим к зауженному дну, поверхность покрыта тремя поясами орнамента, выполненного с помощью четырехзубой гребенки. Верхний пояс расположен на месте перехода горла к плечику, представлен линейным орнаментом и вероятно, маскирует место технологического стыка горла и плечика, второй пояс расположен в средней части тулова, где между концентрическими линиями расположены фестоны аркой вверх. Ниже расположен орнамент, в виде крупных, широких волн, завершающийся в нижней части концентрическим линейным орнаментом. Следы лощения отсутствуют. Горло высокое, расширяется кверху, венчик округлый в сечении, слабо отогнут, оформлен выраженный слив. Ручки подовальной в сечении формы. Одна ручка прикреплена к горлу одним концом под венчиком, спускаясь другим концом на плечико. Еще две аналогичные ручки (сохранились фрагментарно) располагались, примерно на середине высоты тулова. Ручки прикреплены к стенкам сосуда посредством примазывания.

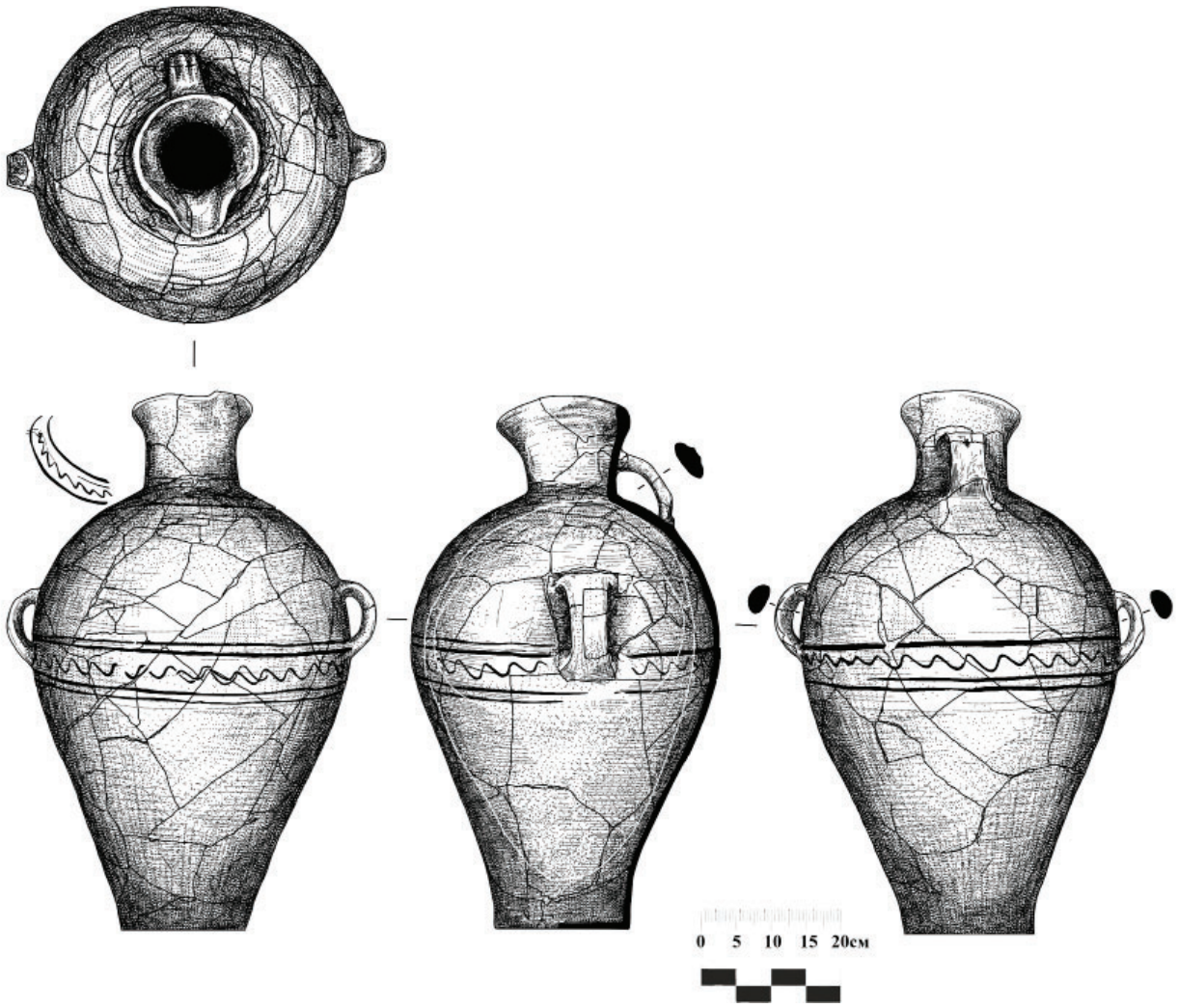


Рис. 2. Пифос-кувшин № 2, шурф № 2. Семибугоринский комплекс.
Fig. 2. Pithos-jug No. 2, pit No. 2. Semibugorinsky complex.

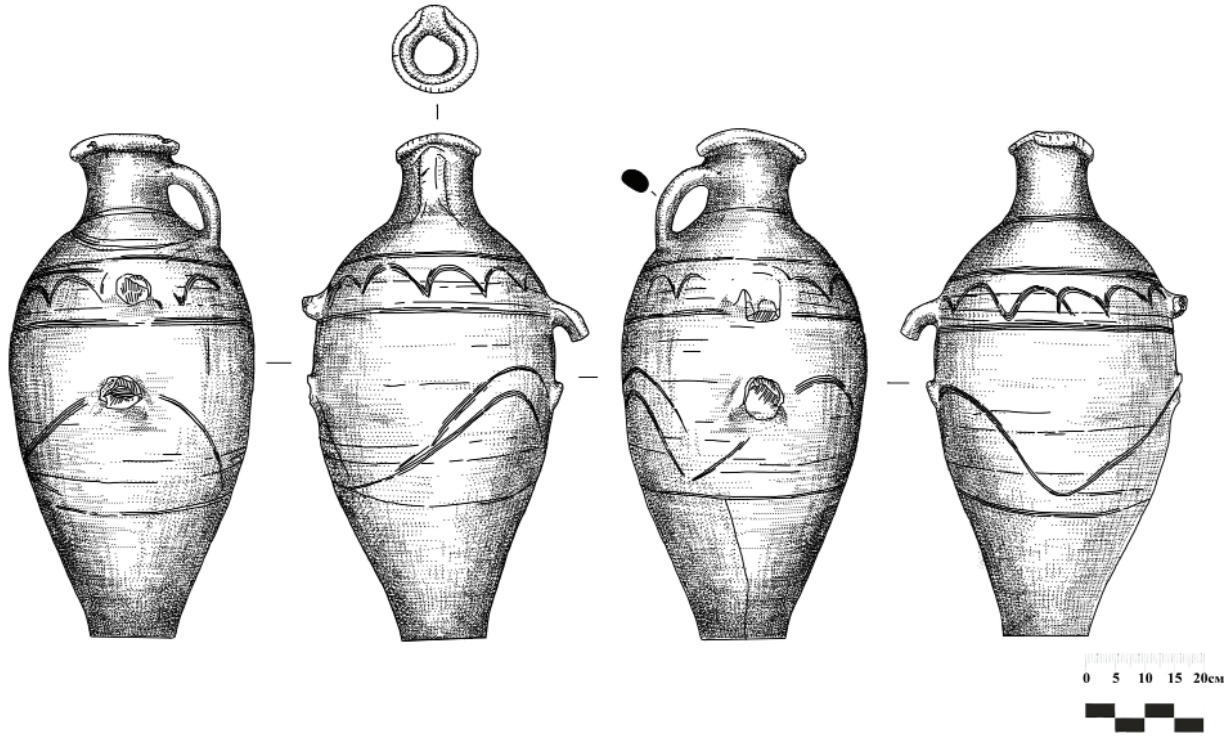


Рис. 3. Пифос-кувшин № 3, из фондов Астраханского музея-заповедника.
Fig. 3. Pithos-jug No. 3, from the funds of the Astrakhan Museum-Reserve.

Глина: красно-оранжевый черепок, присутствуют крупнозернистый кварцитовый песок, отощитель белого цвета (толченая раковина либо известь).

Обжиг: окислительный, равномерный, высокого качества, выполнен в горне.

Метрические параметры: высота всего сосуда – 79 см, максимальный диаметр – 40,5 см, диаметр венчика – 13 см, диаметр дна – 13,5 см, высота горла – 12 см. Ориентировочный объем сосуда – 15–20л.

Наиболее близкие аналогии: Карнауховское поселение (Ляпушкин, 1958, с. 112, рис. 8:1, 2; Florov, 1990, t. 1: 1-2); Сидоровский комплекс (Кравченко, 2020, рис. 190:1).

Данные сосуды-гибриды, схожие и с кувшином и с пифосом, бытовавшие на памятниках Хазарии кон. IX – нач. X вв. (Плетнёва, 1989, с. 139) имеют множество наименований: полупифосы-полукувшины, трехручные кувшины, пифосы с узким горлом кувшина, кувшины-пифосы, (Ляпушкин, 1958, с. 112, Плетнёва, 1967, с. 121–122; Плетнёва, 1981, с. 73; Плетнёва, 1989, с. 138), пифосы (Майко, 2020, с. 54) и даже горшки-корчаги (Баранов, 1990, с. 101)

Первоначально С. А. Плетнёва отнесла пифосы - кувшины к столовой керамике (Плетнёва, 1959, с. 217, рис. 6: 2). Позднее автор причислила их к тарной посуде. (Винников А. 3., Плетнёва С. А., 1998, с. 154–155, рис. 61: Г,Д)

Напомним, морфологические различия между пифосами и пифосами-кувшинами. Пифосы - горшковидные сосуды со сравнительно узкой горловиной, крутыми плечиками, на которые приходится наибольший диаметр сосуда и небольшим дном. Пифосы-кувшины отличает от них только горловина, оформленная в виде высокого горла со сливом. К горлу одним концом прикреплена ручка, спускающаяся другим концом на плечико. Еще две аналогичные ручки расположены примерно на середине высоты тулова (Плетнёва, 1989, с. 153–154).

Исследователями отмечено, что одни сосуды подвергались лощению и обжигались в темные цвета (черный, серый), другие оставлялись в естественном виде и обжигались в светлые тона (красный, палевый), но и в первом и во втором случае тулово орнаментировалось. Встречаются обломки сосудов со светло-желтой и оранжевой поверхностью (излом их серый) (Винников А. 3., Плетнёва С. А., 1998, с. 154). Орнамент состоял из нескольких поясов многорядной волны, располагаемых более или менее на одинаковом расстоянии один от другого, и широких врезных полос, размещенных преимущественно на плечиках. Лощение наносилось иногда в виде вертикальных или перекрещивающихся полос (Ляпушкин, 1958, с. 112). Лощением наносился на сосуды разнообразный узор, или же лощеные полоски сплошь покрывали тулово сосуда (Плетнёва, 1981, с. 73).

Центры изготовления этих сосудов существовали на территории Северного Кавказа, в низовьях Дона, Подонье, в Крыму. Ареал распространения их весьма обширен: сероглинянные пифосы-кувшины, покрытые вертикальным лощёным и волнистым орнаментом обнаружены на поселении Кордон-Оба в Крыму (Баранов, 1990, с. 101, рис. 35: 7; Майко, 2020, с. 54, рис. 5: 7), на Салтовском и Карнауховском поселениях, Левобережном Цимлянском (Ляпушкин, 1958, с. 112, рис. 8: 1, 2; Florov, 1990, t. 1/1-5) и Верхнечирюртовском городищах (Путинцева, 1957, с. 53–54. Табл. XLI. рис. 1), археологическом комплексе у с. Маяки на Северском Донце (Михеев, 1968, Табл. XIII, 1; Швецов, Кравченко, 1989; Ходжайов и др., 2012, рис.13: 2), Сидоровском археологическом комплексе (Кравченко, 2020, с. 103, рис. 189), в Дмитриевском могильнике в неглубоких ямках тризн (Плетнёва, 1989, с. 138, рис. 79), в Саркеле (Плетнёва, 1959, с. 217, рис. 6: 2). Фрагменты красноглиняного нелощёного кувшина найдены на Сидоровском археологическом комплексе (Кравченко, 2020, с. 103, рис. 190:1). В целом, данные сосуды встречаются на памятниках, расположенных недалеко от районов локализации производственных центров. К примеру, на Маяцком поселении подавляющее большинство обломков лощеной посуды принадлежит, как раз, тарной посуде: пифосам и пифосообразным кувшинам (Винников А. 3., Плетнёва С. А., 1998, с. 153, рис. 61). На данном поселении указанные сосуды изготавливались в четырёх мастерских (10 лет) (Винников А. 3., Плетнёва С. А., 1998, с. 155). Видимо, поэтому кувшины-пифосы распространены повсеместно на поселениях верхнего и нижнего Дона (Плетнёва, 1967, с. 122).

Как справедливо отметил А. Л. Якобсон, «производство крупных сосудов представляет трудоемкий процесс, а их высокая стоимость предполагает их изготовление не для рынка, а именно на заказ». Для их изготовления требовался не только большой опыт и мастерство гончара, но и огромные обжигательные печи,

порой для обжига только одного сосуда (Якобсон, 1966, с. 202). Не обходилось без разрушения кувшинов во время обжига, что подтверждают многочисленные находки разбитых тарных сосудов у гончарных мастерских на Маяцком городище (Винников А. З., Плетнёва С. А., 1998, с. 154-155.) Стандартизации этих сосудов почти не существовало – каждый мастер вкладывал в изготовляемые сосуды свою индивидуальность (Плетнёва, 1981, с. 73). Логично, что гончары, затратив огромное количество труда на выделку больших тарных сосудов – дорогих изделий, не стали бы дожидаться их реализации на рынке, а изготовляли их на определенного потребителя. В подтверждении данного предположения А. Л. Якобсон приводит письменный источник – византийские «Геопоники» (X в.), в котором приводятся факты посещения заказчиком мастерской для присмотра за процессом изготовления крупных сосудов: от контроля качества глины до проверки качества изготовленного сосуда (Якобсон, 1966, с. 202).

Принимая предположение об изготовлении данных сосудов исключительно на заказ, учитывая их высокую стоимость, едва ли можно допустить, что пифосы-кувшины из Семибугоринского комплекса стали бы перевозить в район дельты Волги на такие дальние расстояния от мест их производства (Северный Кавказа или низовья Дона).

Отметим, что в общем массиве находок на Семибугоринском комплексе выделяются красножгущиеся фрагменты керамики, происходящие от толстостенных сосудов (более 1 см), и самое главное, керамический брак данных сосудов, предположительно, пифосов. Обломков толстостенных красноглиняных и оранжево-глиняных найдено в изобилии, но фрагментарность материала не позволяет с полной определенностью отнести ряд фрагментов к сосудам рассматриваемого нами типа. Большое количество обнаруженного керамического шлака и брака керамического производства свидетельствует о том, что на данном археологическом объекте действовали производственные комплексы гончарного производства (Соловьёв, 2021, с. 302). Из вышесказанного можно сделать вывод, что данные кувшины могли быть изготовлены местными мастерами.

Среди мест изготовления данных сосудов на западной окраине салтово-маяцкого мира особняком стоят ремесленные центры в Поднепровье (Балке Канцирка и Мучех), которые хронологически относятся к более раннему времени. На этих объектах, у раскопанных горнов II-й пол. VII – нач. VIII вв. среди боя керамики наиболее многочисленны находки фрагментов, а также встречаются целые формы, исключительно, сероглиняных пифосов-кувшинов. Причём лощенных среди них не так много (Komar, 2018, fig. 1: 1; fig. 6: 1а, 1б), чаще нелощёные (Komar, 2018, p. 82). Данные сосуды по морфологии схожи с кувшинами хазарского круга. Но, по мнению О. В. Комара, традиция изготовления подобных сосудов была привнесена переселенцами с Северного Кавказа ранее, после 665 года. (Komar, 2018, p. 43) На «чуждость культуры этих гончарных центров местным традициям» и о наличии аналогий канцирской керамики на памятниках Северного Кавказа указывал и А.М. Обломский (Обломский, 2010, с. 20)

Несмотря на сходство морфологических признаков, из всего массива пифосов-кувшинов нам представляется возможным выделить два подтипа сосудов, различающихся по цвету керамики, наличию либо отсутствию лощения. Первый – это сероглиняные, покрытые лощением и декорированные зональным линейным орнаментом. Второй – красноглиняные, с аналогичным орнаментом, но без следов лощения. С.А. Плетнёва отмечала, что для городов характерны сосуды оранжевого обжига, для окраин серо-чёрный обжиг. По мнению автора, их объединят общий признак – лощеная поверхность (Плетнёва, 1981, с. 73). Но, как справедливо отметил В.С. Флёров, лощение использовалось не всегда. Им отмечены совершенные столовые сосуды (с наиболее плотным черепком), которые «несли небрежное лощение» и крупные формы (пифосы, корчаги), у которых нелощеными часто оставались нижние части тулова. (Флёров, 2017, с. 339). Аналогичную ситуацию, но с полным отсутствием лощения мы наблюдаем на стенках пифосов-кувшинов Симибугоринского комплекса.

Предлагаемая типология, на наш взгляд, позволяет уточнить и хронологические рамки бытования рассматриваемых материалов. С.А. Плетнёва отмечала, что цвет стенок тарных кувшинов изменялся с коричневатого в VIII-IX вв. на ярко-оранжевый в X-XI вв. (Плетнёва, 1967, с. 133). По мнению В.Н. Чхаидзе, формы салтовской лощеной керамики в целом весьма однообразны и стандартны, причем характерно, что они мало изменялись с течением времени (с середины VIII до середины X вв.). Единственным существенным новшеством, проникшим в эту отрасль

производства, был цвет керамики, указывающий на важные изменения процесса обжига. Традиционные серо и чернолощеные сосуды в конце IX — начале X вв. начали заменяться ярко-оранжевыми. (Чхаидзе, 2008, с. 200) Аналогичного мнения придерживается и А.Г. Атавин, выделивший оранжево-красную керамику Фанагории, которую датировал нач. X в. (Атавин, 1992, с. 188). В.В. Майко отмечал, что морфологически оранжево- и краснoглиняные лощёные сосуды Крыма повторяют формы стандартизированных серолощёных северо-кавказских изделий (Майко, 2013, с. 268) Уже в Таврике под воздействием местных традиций серолощёная аланская керамика несколько видоизменяется морфологически и теряет присущую аланскую систему орнамента (Майко, 2010, с. 232). Можно предположить, что отсутствие следов лощения на семибугоринских тарных сосудах также явилось традицией местных мастеров.

На основании вышеизложенного нам представляется возможным отнести данные три пифоса-кувшина к салтово-маяцкой культуре кон. IX – нач. X вв. Верхняя граница датировки совпадает со временем экологической катастрофы, произошедшей в дельте Волги в X в., и имевшей негативные последствия для жителей «Семибугоринского археологического комплекса».

Согласно теории Л.Н. Гумилёва о существовании «Хазарской Атлантиды» или «Прикаспийских Нидерландов», трансгрессия Каспийского моря X в. изменила хозяйственное положение волжской Хазарии, привела к затоплению хазарских поселений и столицы - г. Итиль, располагавшихся в дельте Волги. Население вынуждено было либо ютиться только на бэровских буграх, являвшихся островами, либо покинуть обжитые места и переселится вверх по течению реки (Гумилёв, 1966, с. 92-93). Данную версию подтверждает геоморфологический состав аллювиальных слоёв, перекрывающих культурные слои кон. IX – нач. X вв. на территории «Семибугоринского археологического комплекса», свидетельствующие о затоплении данных участком в связи с подъёмом уровня Каспийского моря в сер. X века (Макшаев и др., 2016, с. 219–220).

По нашему мнению, часть хозяйственной постройки, с пифосами-кувшинами, попавшая в зону шурфа, оказалась затопленной в указанный период и была погребена под слоями наносов. Давление толщи грунта на стенки данных сосудов и явилось причиной их разрушения. Судя по расположению «развалов» стенок сосудов, они были частично врыты в землю и, вероятно, не были изначально разбиты, а разрушились под давлением грунта. Технологической особенностью их изготовления являлся «метод ленточного или жгутикового налепа» и разрушение пифосов-кувшинов происходило по стыкам частей сосудов. Аналогичные случаи находок «развалов» сосудов в хозяйственных ямах встречаются при раскопках салтово-маяцких поселений и городищ (Михеев, 1964, с.13, 15; Кравченко, 2020, с. 76, 68). Вероятно, данное место проживания было в спешке покинуто людьми, которые не смогли забрать с собой эти дорогостоящие и необходимые в быту сосуды.

Рассмотренные в данной статье материалы расширяют источниковую базу по керамике поселений салтово-маяцкой культуры. Они могут быть использованы в будущем при разработке новых классификационных схем и исследованиях вопросов морфологии и метрологии тарной керамики Волжской дельты.

ЛИТЕРАТУРА

Атавин А.Г. Лощеная керамика средневековой Фанагории // Боспорский сборник. Вып. 1. / Ред. Я.М.Паромов. М., Архэ, 1992. С. 173–211.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.

Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: ВГУ, 1998. 216 с.

Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии (историко-географический этюд). М.: Наука, 1966. 191с.

Гумилев Л.Н. Отчет по Астраханской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1962 г. / ИА РАН. Р-1. № 2575.

Книга поступлений ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник» №3 (№№3704-6299). № госучета А73. № госкаталога 6757631. № предмета 4673. Без даты. Л. 271

Котеньков С.А., Соловьёв Д.С., Тимофеев А.А. Археологические исследования на бугре «Семибугры-I» в Камызякском районе Астраханской области в 2019 году// Сохранение и изучение

культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVI. / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: АлГУ, 2020. С. 81–86.

Кравченко Э.Е. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец / Археология Евразийских степей. 2020. № 4. 344 с.

Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона / МИА. № 62 Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 85–150.

Майко В.В. Лощеная керамика Салтово-Маяцких памятников Крыма. Анализ источниковой базы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 6 (72), № 3. 2020. С. 44–60.

Майко В.В. Лощеная оранжево-глиняная керамика салтовцев Таманского полуострова // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 267–268.

Майко В.В. Этнокультурные связи Крыма с Северным Кавказом во второй половине X-XI вв. (на примере лощеной керамики) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа (Магас, 26–30 апреля 2010 года) / Отв. ред. М.Б. Мужухоев. Магас: АЦ им. Е. И. Крупнова, 2010. С. 230–232.

Макшаев Р.Р., Бадюкова Е.Н., Лобачева Д.М., Штыркова Е.И., Тюнин Н.А., Котеньков С.А., Соловьев Д.С. Строение голоценовых отложений центральной части дельты р.Волги // Пути эволюционной географии: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора А.А.Величко (Москва, 23-25 ноября 2016 г.). / Ред. А.В. Панин, С.Н. Тимирева, Е.И. Куренкова, Ю.М. Кононовю М.: ИГ РАН, 2016. С. 217–220.

Михеев В.К. Отчет об археологических раскопках поселения у с. Маяки в 1964 г. // НА ИА НАНУ №1964/28

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985. 148 с.

Обломский А.М. О взаимоотношениях оседлого и кочевого населения лесостепного Поднепровья в VII в. н.э. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 2. / Ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. Великий Новгород – Старая Русса, 2011. С. 83–85.

Плетнева С.А. Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА. № 75 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 212–272.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с.

Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981а. С. 62–75.

Плетнёва С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.

Путинцева Н.Д. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1957 г. / РФ ИИЯЛ. ф. 3, оп. 3, д. 65. 1957.

Седикова Л. В. Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе // СА. 1995. № 2. С. 170–177

Соловьёв Д.С. Отчет об археологических разведках в Камызякском районе Астраханской области в полевом сезоне 2021г. // Архив Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника. № 5498.

Соловьёв Д.С., Котеньков С.А., Тимофеев А.А., Стукалов Г.В., КоваленкоА.В. Первые результаты исследований на поселении «Семибугры»// Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки: Материалы XVII Всероссийской научной конференции (г. Астрахань, 21 мая 2021 г.). Астрахань: АГУ, 2021. С. 300-306

Флеров В. С. Местная керамика Семикаракорской крепости // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 336–356.

Ходжайов Т.К., Швецов М.Л., Ходжайова Г.К., Фризен С.Ю. Население Подонцовья эпохи Золотой Орды (по материалам могильников у с. Маяки) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время. / Гл. ред. А.В. Евглевский.. Донецк: ДНУ, 2012.С. 125−192.

Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: ТАУС, 2008. 328 с.

Швецов М.Л., Кравченко Э.Е. Отчет о спасательных археологических исследованиях на памятнике у с. Маяки и пос. Донецкого Славянского р-на Донецкой обл. в 1989 г. // НА ИА НАНУ №1989/249. 22 с.

Якобсон А.Л. Средневековые пифосы Северного Причерноморья // СА. 1966. № 2. С. 189–202.

Florov V. S. Einige arten der polijerten Keramik der Saltovo-Majaki-Kultur // Die Keramik der Saltovo- Majaki Kultur und ihrer Varianten (Hg. Cs. Balint) Varia Archaeologica Hungarica. III. Budapest, 1990, s.113–135.

Komar, O. Archaeological and Archaeomagnetic Dating of Early Medieval Kantsyrka. Type Pottery // Archaeologia Bulgarica. XXII. 3. 2018. p. 39–70

Информация об авторах:

Соловьёв Дамир Сергеевич, старший научный сотрудник, ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник», (г. Астрахань, Россия); arheocentr@bk.ru

Котеньков Сергей Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт океанологии им. П.П.Ширшова РАН (г. Москва, Россия); s_kotenkov@mail.ru

REFERENCES

Atavin, A. G. 1992. In Paromov, Ya. M. (ed.). *Bosporskiy sbornik (Bosporus collection)* 1. Moscow: “Arkhe’ Publ., 173–211(in Russian).

Baranov, I. A. 1990. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia (saltovo-maiatskaia kul'tura) (Tauris in the Early Middle Ages (Saltovo-Mayaki Culture)).* Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

Vinnikov, A. Z., Pletneva, S. A. 1998. Na severnykh rubezhakh khazarskogo kaganata. Maiatskoe poselenie *(On the Northern Borders of Khazar Kaganate. Mayatskoe Settlement).* Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Gumilev, L. N. 1966. *Otkrytiye Khazarii (istoriko-geograficheskiy etyud) (Discovery of Khazaria (Historical and Geographical Study))*. Moscow: “Nauka” Publ (in Russian).

Gumilev, L. N. 1962. *Report on the Astrakhan archaeological expedition of the State Hermitage in 1962 (Report on the Astrakhan archaeological expedition of the State Hermitage in 1962)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, dossier 2575 (in Russian).

In *Kniga postuplenii Astrakhanskogo gosudarstvennogo obedinennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeia-zapovednika (Book of Receipts of the Astrakhan State United Historical and Architectural Museum-Reserve)*, No date. No. 3 (No. 3704-6299). State account number A73. State Catalog No. 6757631. Item No. 4673. 271 (in Russian).

Kotenkov, S. A., Solov’ev, D. S., Timofeev, A. A. 2020. In Tishkin, A. A., Semibratov, V. P. (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 26. Barnaul: Altai State University Publ., 81–86 (in Russian).

Kravchenko E.E. 2020. *Sidorovskiy arkheologicheskiy kompleks na r. Severskiy Donets (Sidorovsky Archaeological Complex on the Seversky Donets River)* In Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 4. Kazan. (in Russian).

Lyapushkin, I. I. 1958. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 62. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 85–150 (in Russian).

Mayko, V. V. 2020. In *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki.* (*Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Hystorical sciences. V.* 6 (72) (3). 44–60 (in Russian).

Maiko, V. V. 2013. In Marchenko, I. I. (ed.). *Shestaia Mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia (Sixth International Kuban Archaeological Conference)*. Krasnodar: “Ecoinvest” Publ., 267–268 (in Russian).

Maiko, V. V. 2010. *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov i kul'tur Severnogo Kavkaza XXVI «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza» (Problems of Chronology and Periodization of Archaeological Monuments and Cultures of the North Caucasus. The XXVI-th Krupnov’s reading. Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus)* Magas: Archaeological Center named after E. I. Krupnov. 230–232 (in Russian).

Makshaev, R. R., Badyukova, E. N., Lobacheva, D. M., Shtyrkova, E. I., Tyunin. N. A., Kotenkov, S. A., Solov’ev, D. S. 2016. In Panin, A. V., Timireva, S. N., Kurenkova, E. I., Konov, Yu. M. (ed.). *Puti evoliutsionnoi geografii Velichko (Trends of Evolutionary Geography).* Moscow: Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, 217–220.

Mikheev, V. K. 1966. *Otchet o arkheologicheskikh raskopkakh poseleniia u sela Maiaki v 1964. (Report on Archaeological Excavations near Mayaki Village in 1964.).* Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1964/28 (in Russian).

Mikheev, V. K. 1985. *Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata (The Don Region in Khazar Khaganate).* Kharkiv (in Russian).

Oblomsky, A. M. 2011. In Makarov, N. A., Nosov, E. N. (eds.). *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda. Velikii Novgorod – Staraia Russa (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Meeting. Veliky Novgorod – Staraya Russa)* 2. Saint Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 83–85. (in Russian).

Pletneva, S. A. 1959. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 75. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 212–272 (in Russian).

Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovo-maiatskaia kul'tura (From Camps to Towns. Saltovo -Mayaki Culture).* Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR) 142. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Pletneva S.A. 1981a. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 62–75 (in Russian).

Pletneva, S. A. 1989. *Na slaviano-khazarskom pogranich'e. Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks (In the Slavic-Khazar Borderlands. Dmitriev Archaeological Complex)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Putintseva, N. D. 1957. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v zone stroitel'stva Chiryurtovskoy GES v 1957 g. (Report on Archaeological Studies in the Construction Zone of the Chiryurtovskaya Hydroelectric Power Station in 1957).* Manuscript fund of Institute of History, Language and Literature. Fund 3, Inventory 3, dossier 65.

Sedikova, L. V. 1995. In *Sovetskaia Arkheologiia* (*Soviet Archaeology*) (2), 170–177 (in Russian).

Solov'ev, D. S. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Kamyzyakskom rayone Astrakhanskoy oblasti v polevom sezone 2021 g. (Report on Archaeological Exploration in Kamyzyaksky District of Astrakhan Oblast in the Field Season of 2021).* Archive of the Astrakhan State United Historical and Architectural Museum-Reserve, dossier 5498 (in Russian).

Solov'ev. D. S., Kotenkov, S. A., Timofeev, A. A., Stukalov, G. V., Kovalenko, A. V. 2021. In *Perekrestki istorii. Aktual'nye problemy istoricheskoy nauki (On the Crossroads of History. Current Issues of Historical Science)*. Astrakhan. Astrakhan State University, 300–306 (in Russian).

Flerov, V. S. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes).* (1), 336–356 (in Russian).

Khodzhayov, T. K., Shvetsov, M. L., Khodzhayova, G. K., Frizen, S. Yu. 2012. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 11. Donetsk: Donetsk National University, 125−192 (in Russian).

Chkhaidze, V. N. 2008. *Tamatarkha. Rannesrednevekovyi gorod na Tamanskom poluostrove (Tamatarkha. Early Medieval Town on the Taman Peninsula)*. Moscow: "TAUS" Publ. (in Russian).

Shvetsov, M. L., Kravchenko, E. E. 1989. *Otchet o spasate'nykh arkheologicheskikh issledovaniiakh na pamiatnike u sela Maiaki Slaviankogo raiona Donetskoi oblasti v 1989 g. (Report on Rescue Archaeological Studies at the Monument near Mayaki and Donetsky villages in Slavyansky District of Donetsk Region in 1989.).* Research Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1989/249. (in Russian).

Yakobson, A. L. 1966. In *Sovetskaia Arkheologiia* (*Soviet Archaeology*) (2), 189–202 (in Russian).

Florov, V. S. 1990. In *Arkheologiya Vengrii (Archeology of Hungary)* III. Budapest, 113–135 (in German).

Komar. O. 2018. In *Arkheologiya Bolgarii (Archeology of Bulgaria)*. XXII. 3. 39–70 (in English).

About the Authors:

Soloviev Damir S. SBIC AR «Astrakhan Museum-Reserve», Sovetskaya St. 15, 414000, Astrakhan, Russian Federation; arheocentr@bk.ru

Kotenkov Sergey A. Candidate of Historical Sciences, Shirshov Institute of Oceanology of RAS, Nakhimovskiy prospect, 36, Moscow, 117997, Russian Federation; s_kotenkov@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.314.325

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ НЕКОНТАКТНЫМИ МЕТОДАМИ ЛАПАССКОГО КОМПЛЕКСА МАВЗОЛЕЕВ

© 2022 г. В.Г. Бездудный, Г.Х. Вафина, И.Ю. Мирсияпов, Л.В. Овечкина, Е.М. Пигарев, А.Г. Ситдиков

В статье рассматриваются результаты магнитометрических исследований на комплексе ханских мавзолеев у с. Лапас Астраханской области, проведенных в 2018–2022 гг. Дается краткая предыстория памятника, приводятся сведения о комплексе мавзолеев в средневековой картографии и письменных источниках; представлена информация об археологических исследованиях археологического объекта. Приведены методики исследования, способов обработки и представления результатов геофизических исследований и геодезических работ. Показаны результаты магнитометрии на мавзолеях 1 и 4, позволившие выделить на каждом мавзолейном комплексе многочисленные погребенные объекты, относящиеся к средневековой погребальной архитектуре, некрополю и производству строительного материала. Сделаны выводы о количестве, назначении и состоянии сохранившихся конструкции и сооружений и их предполагаемых размерах. Сделано обоснованное на данных магнитометрии предположение о двух периодах функционирования исследованной части мавзолейного комплекса 1, где зафиксированы многочисленные конструкции более раннего этапа существования, перекрытыезданием и оградой мавзолея 1. Показана необходимость, целесообразность и результативность применения неконтактных методов исследования на археологических памятниках большой площади

Ключевые слова: археология, Лапасский комплекс мавзолеев, Золотая Орда, некрополь, гончарные горны, средневековая архитектура, естественно-научные методы, магнитометрические исследования, топографическая съемка.

PRELIMINARY RESULTS OF NON-CONTACT STUDIES OF THE LAPAS COMPLEX OF MAUSOLEUMS

V.G. Bezdudny, G.Kh. Vafina, I.Yu. Mirsiyapov, L.V. Ovechkina, E.M. Pigarev, A.G. Sitdikov

The paper discusses the results of magnetometric studies on the complex of Khan mausoleums near the village of Lapas in Astrakhan Oblast conducted in 2018–2022. A brief prehistory of the monument is outlined, information about the complex of mausoleums in medieval cartography and written sources is provided, and details of the archaeological studies of the archaeological site are presented. The methods of studying, processing and presentation of the results of geophysical studies and geodetic works are described. The results of magnetometric studies at mausoleums No. 1 and No. 4 are given, which made it possible to identify numerous buried objects related to medieval funerary architecture, necropolis and production of building material at each mausoleum complex. Conclusions are drawn about the number, purpose and condition of the preserved structures and buildings, and their estimated dimensions. An assumption based on magnetometry data is made about two periods of operation of the investigated part of the mausoleum complex No. 1, where numerous structures of an earlier stage of existence are recorded, overlapped by the building and fence of mausoleum No. 1. The necessity, expediency and effectiveness of the use of non-contact study methods at large archaeological sites are demonstrated.

Keywords: archaeology, Lapas complex of mausoleums, the Golden Horde, necropolis, pottery kilns, medieval architecture, natural scientific methods, magnetometric studies, topographic survey.

К северу от села Лапас Харабалинского района Астраханской области находится поселение золотоордынского времени, известное по официальным документам как городище «Ак-Сарай». К востоку от поселения расположены развалины мавзолеев различных размеров (рис. 1). Руины мавзолеев находятся на возвышенностях и представляют собой груды обломков обожженного кирпича, мелких фрагментов глазурованных изразцов и известкового раствора. Территория, занимаемая памятником, в природном отношении представляет собой всхолмленную слабозадернованную песчаную полупустыню.

Разрушение этих монументальных сооружений происходило в течение XVII – XIX вв.,

Рис. 1. План-схема расположения городища «Ак-Сарай» и комплекса мавзолеев (Дворниченко В.В., 1995 г.).
Fig. 1. Layout of Ak-Sarai settlement and mausoleum complex (Dvornichenko V.V., 1995).

в ходе строительства Астраханского кремля и Белого города. В настоящее время, развалины золотоордынских сооружений «укрыты» достаточно мощным слоем песка, что вкупе с отсутствием активной хозяйственной деятельности в этом регионе, остановило процесс их дальнейшего разрушения.

Местоположение некрополя отмечено на итальянской карте 1367 года братьев Пицигани с латинской надписью: «Гробницы императоров, умерших в районе Сарайской реки» (Чекалин, 1889, рис. 17) (рис. 2). Сведения об этом некрополе имеются, также, в «Книге путешествия» турецкого дипломата Эвлии Челеби, посетившего Нижнее Поволжье в 1665-1666 гг. (Челеби, 1979, с. 134–135).

В научной литературе впервые описание памятника было сделано В.Л. Егоровым, предположившим, что в четырех крупнейших мавзолеях Лапаса погребены четыре хана-мусульманина: Берке, Узбек, Джанибек, Бердибек (Егоров, 1985, с. 117–118).

Археологическое изучение территории у с. Лапас началось в 1995 г. Поволжской археологической экспедицией ИА РАН под руководством В.В. Дворниченко (Пигарёв, 1995; 1997, с. 21–22). В ходе этих работ было выявлено небольшое золотоордынское поселение, в котором, по нашему мнению, проживали строители и обслуживающий персонал ханских мавзолеев, и развалины четырнадцати погребенных объектов, пять из которых, являются остатками крупных архитектурных сооружений.

Поселение протянулось узкой полосой до 2 км вдоль берега р. Малый Ашулук. На его площади встречаются обломки керамики, кирпича, глазурованных изразцов, изделия из стекла, кости и железа. В северо-восточной части поселения зафиксировано скопле-

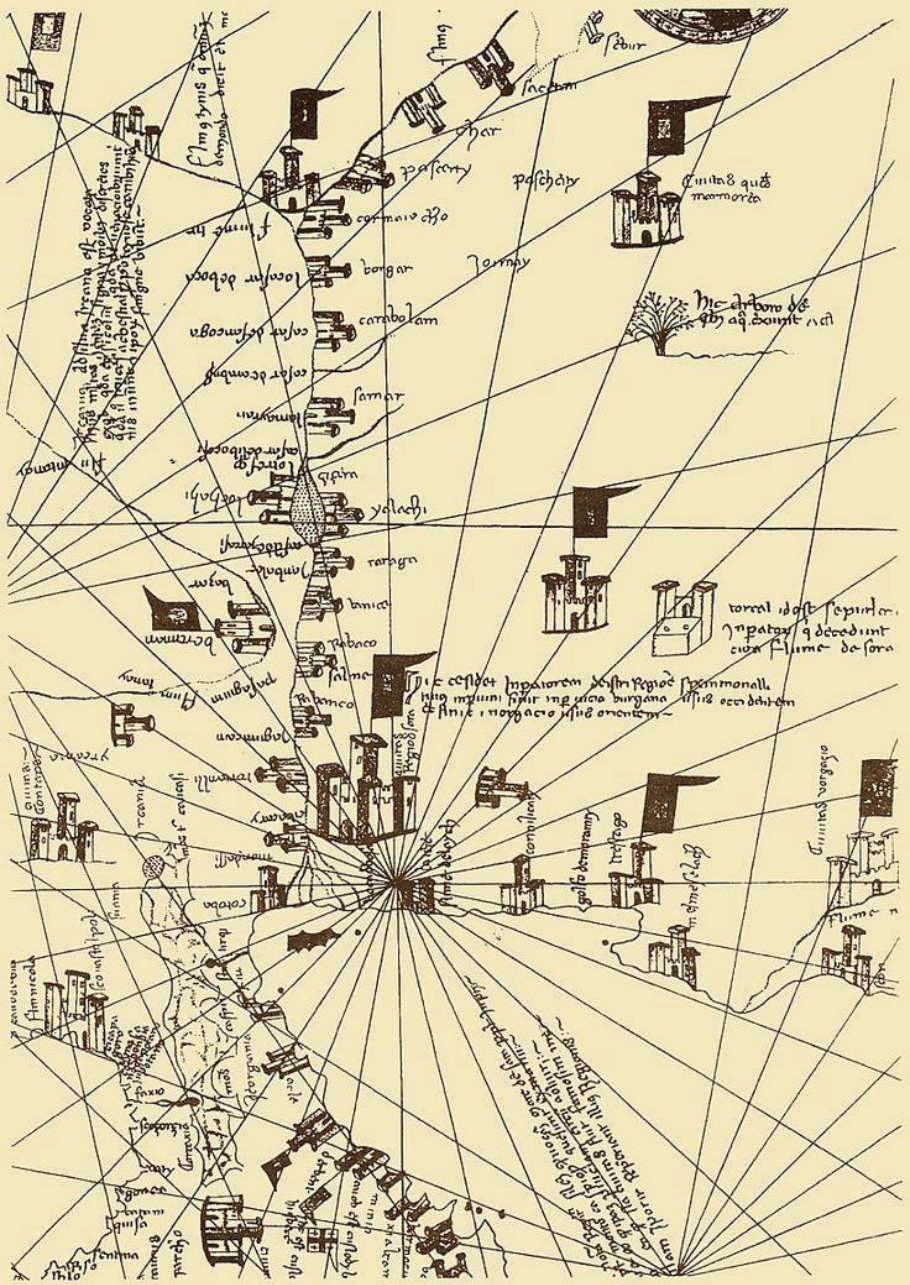


Рис. 2. Карта братьев Пицигани 1367 г. (фрагмент).
Fig. 2. Map of 1367 by the Pitsigani brothers (fragment).

ние пережженного кирпича и керамического шлака, сопла и тигли, что позволяет предположить о существовании здесь горнов для обжига кирпича (Пигарев, 1996, с. 11; Васильев, 2001,с.71). За годы исследований на поселении была собрана коллекция медных монет, которые датируют памятник первой половиной XIV в. (Васильев, 2001, с. 70; Пигарёв Е.М. и др., 2005,с. 149–150).

Крупные мавзолеи образуют как бы две «аллеи», вытянутых перпендикулярно к левому берегу реки Большой Ашулук. Дворниченко В.В. был составлен топографический план всего погребального комплекса и инструментальные планы всех отдельных его объектов. До настоящего времени этот материал являлся и является основой для изучения памятника (рис. 1; 4).

Масштабность и сложность археологического памятника показала необходимость использования современных неконтактных методов изучения погребенных объектов, предваряющих археологические исследования. В связи с этим, в 2013 г. специалистами ФГУП «ГНПРКЦ «ЦСКБ - Прогресс» была проведена работа по тематическому дешифрованию материалов (ДЗЗ), получаемых космическими аппаратами при проведении съемки земной поверхности, с целью выявления погребенных археологических объектов и уточнения их конфигурации. Исследованию подверглись мавзолеи №1, 2, 4. В ходе этих

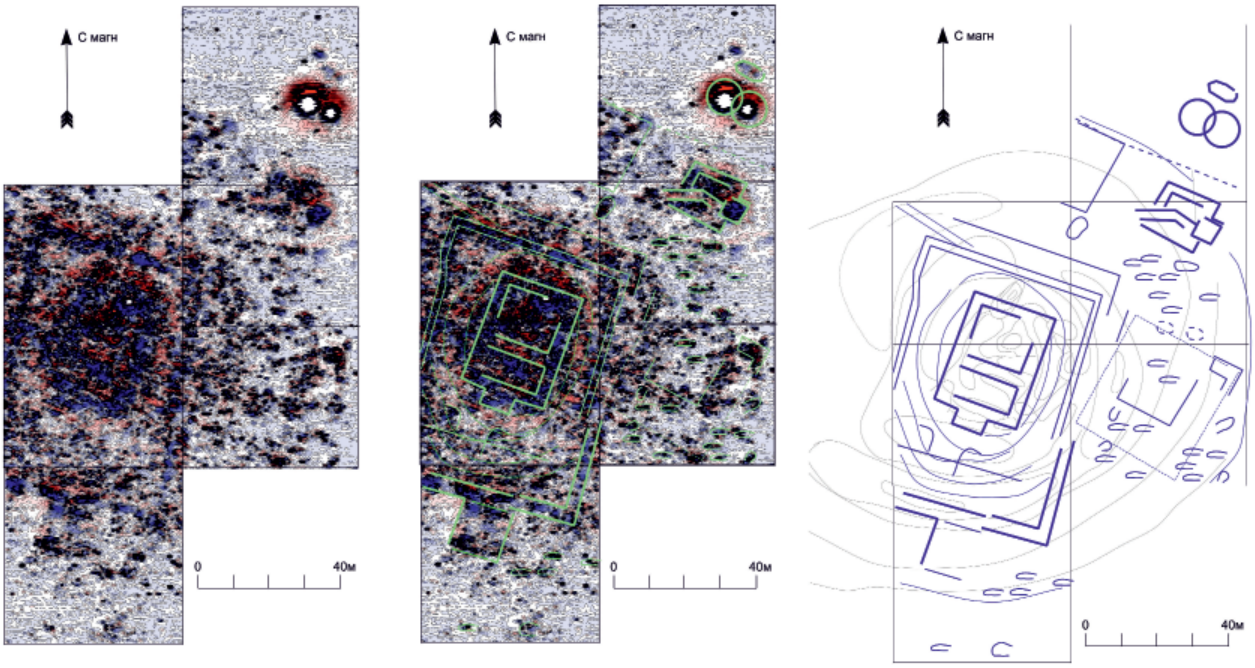


Рис. 3. Результаты магнитометрических исследований мавзолея №4 (Бездудный В.Г., 2018 г.).
Fig. 3. Results of magnetometric studies of Mausoleum No. 4 (Bezdudny V.G., 2018).

работ были определены примерные линейные показатели контуров и скорректированы размеры сооружений, выявлены особенности внутренних конструкций и ранее не зафиксированные остатки иных погребенных объектов (Пигарёв, 2014, с. 422–424). Использование методики ДЗЗ значительно расширило наше представление об археологическом памятнике.

Полученная ранее информация позволила приступить к новому этапу неконтактных методов изучения Лапасского комплекса. С 2018 по 2022 гг. Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ проводятся комплексные исследования некрополя с применением современных геофизических и геодезических методов.

В 2018 г., впервые на Лапасском комплексе, были проведены магнитометрические исследования мавзолея №4 (рис. 3). Магнитометрия, как геофизический метод достаточно широко и успешно применяется при исследовании различных памятников средневековья (Бездудный и др., 2018, с. 101–107; Бездудный и др., 2018а, с. 10–17; Бездудный и др., 2018б, с. 18-24; Бездудный, Кочкаров, 2015; Бездудный, Пигарёв, 2010, с. 100–105). Мавзолей 4 исследовался **6** участками, общей площадью магнитометрического исследования 13 000 м^2, в ходе которого было произведено 50685 физических наблюдений магнитного поля. Площадка геофизического исследования перекрывает центральную и восточную часть мавзолея. Остатки погребенного объекта находятся на выположенной насыпи высотой до 2 м от уровня дневной поверхности. Участки ориентированы по линии магнитный север – юг и образуют площадь единого покрытия. Итогом магнитометрических исследований мавзолея 4 стало распределение градиента магнитного поля на участках исследования. Была проведена прорисовка выявленных магнитометриейпогребенных археологических объектов с наложением на сводную магнитограмму, а также наложение прорисовок результатов магнитометрии на топографическую основу, сделанную В.В. Дворниченко в 1995 - 1997 гг.

Анализ полученных результатов, позволяет сделать несколько предварительных выводов:

- зафиксированы остатки кирпичного мавзолея 4, с сохранившимися элементами конструкций прямоугольной формы вытянутого по линии северо-востоку размерами 15×35 м. Он состоит из двух помещений с выраженной входной конструкцией с южной стороны;

- вокруг мавзолея зафиксированыостатки фундаментакирпичной ограды. Предполагаемые размеры ограды 80×55 м. С южной стороны ограды, на склоне искусственной насыпи, фиксируются остатки входной конструкции размером 15×15 м;

- к юго-востоку и северо-востоку от ограды мавзолея, зафиксировано множество всплесков магнитного поля, имеющие вытянутую

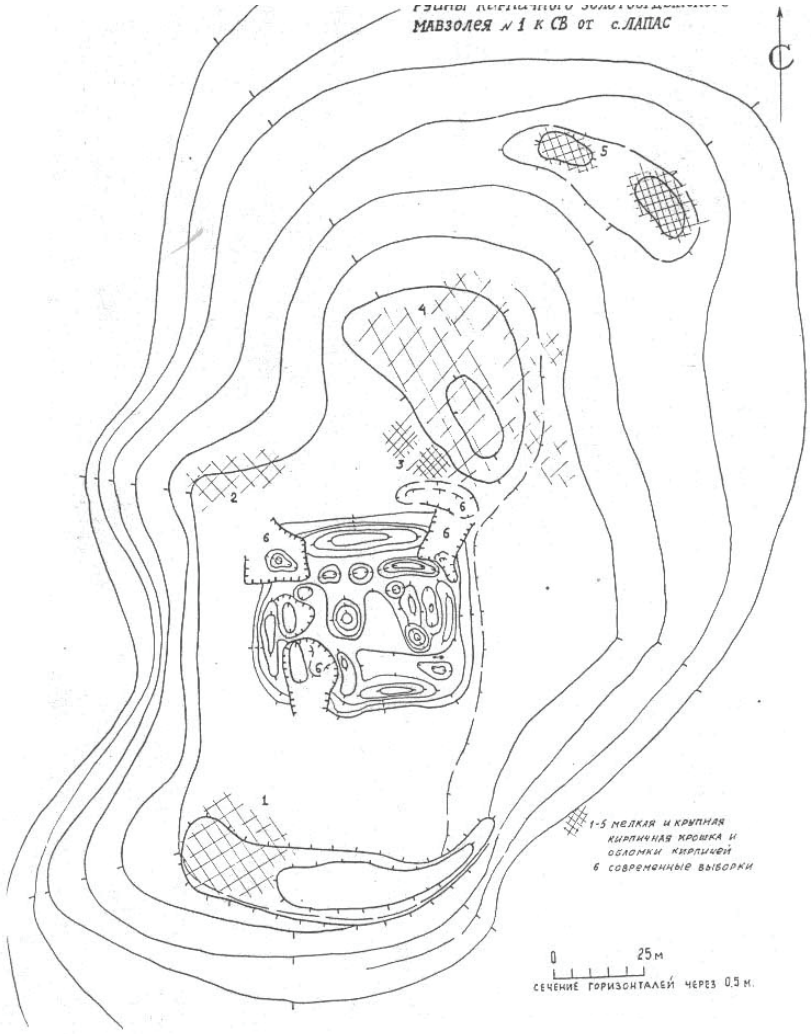


Рис. 4. Инструментальный план мавзолея №1 (Дворниченко В.В., 1995 г.).
Fig. 4. Instrumental plan of Mausoleum No. 1 (Dvornichenko V.V., 1995).

форму и ориентировку ЗЮЗ-ВСВ. Вероятно, магнитометрией зафиксированы могильные сооружения некрополя, образованного около мавзолея в более позднее время;

– в границах насыпи, к востоку от мавзолея 4, прослежены изменения магнитного поля упорядоченной формы, являющегося остатками еще одного сооружения квадратной формы размером 20×20 м; возможно, также окруженного оградой;

– к северо-востоку от мавзолея зафиксированы остатки комплекса сооружений. Они находятся в границах насыпи на ее северо-восточном склоне, предполагаемые размеры 15/18×15/18 м. Эти сооружения также относятся к комплексу, сформированному вокруг мавзолея 4 и ориентированные в одной оси;

– севернее мавзолея зафиксирован угол сооружения, большая часть которого осталась вне площади магнитометрического исследования;

– вне насыпи, на которой установлен мавзолей, к северо-востоку от его основной конструкции, зафиксировано два объекта, сильные всплески магнитного поля которых характерны для горнов обжига кирпича.

Пробное применение геофизических методов (магнитометрии) на мавзолее 4 в 2018 г. позволило получить достаточно данных, удостоверяющих, что на изучаемой площади находится большое количество археологических объектов, сохранивших свою структуру и основные конструктивные элементы. Эти исследование показали необходимость, целесообразность и перспективность продолжения геофизического изучения памятника.

Для продолжения начатых работ, в 2020–2021 гг. специалистами Института на основе карты высот и ортофотоплана исследуемой территории был построен топографический план участка комплекса (рис. 5; 6). Для его построения использовались БПЛА DJIPhantom 4 и ГНСС-оборудование SouthS82-V. В 2020 г. было получено 183 фотографии с высоты 75 м с общим охватом территории в 20,4 га. Для наиболее точного определения

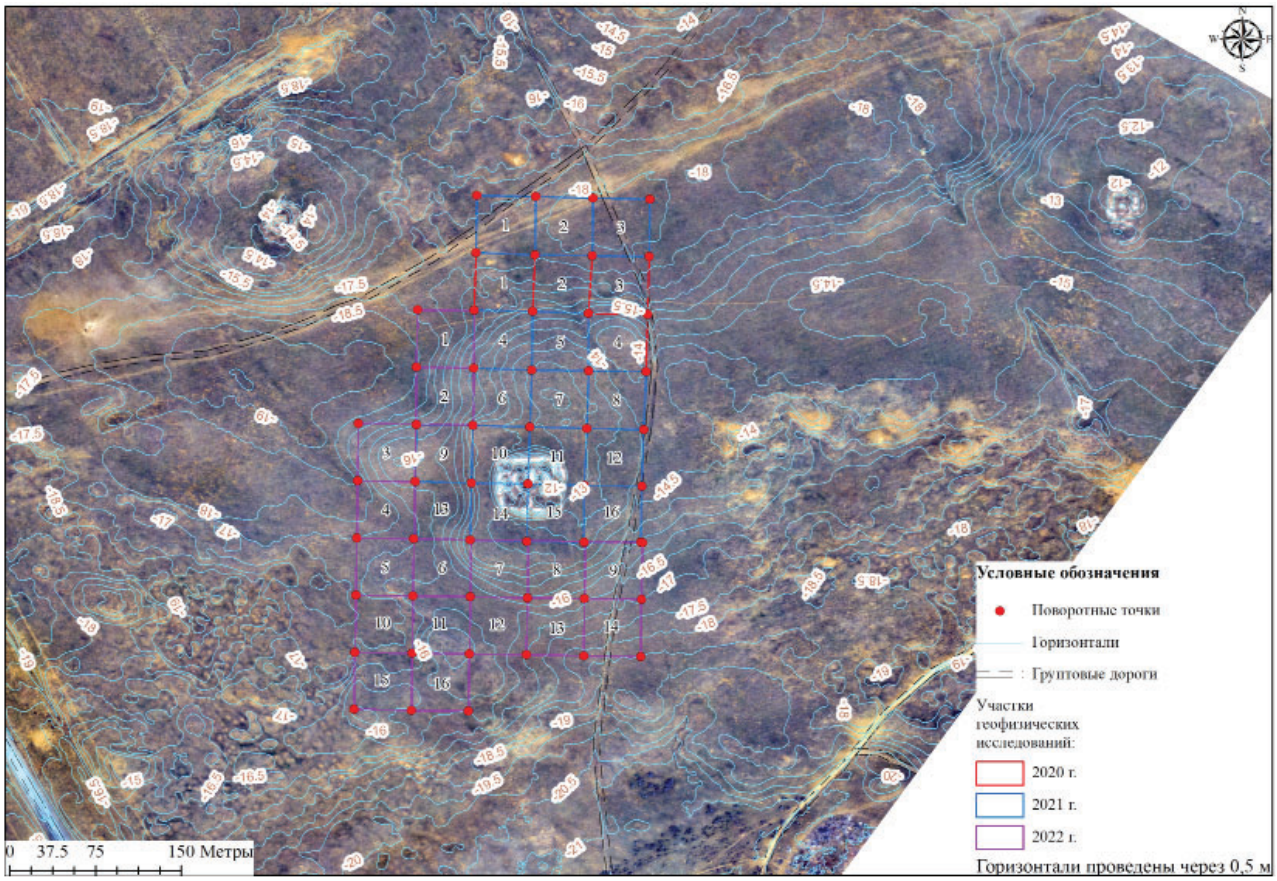


Рис. 5.Ортофотоплан участка Лапасского комплекса (Вафина Г.Х., Овечкина Л.В., 2022 г.).
Fig. 5. Orthophotoplan of the site of Lapas complex (Vafina G.Kh., Ovechkina L.V., 2022).

участков перспективных с точки зрения археологии сечение горизонталей топографического плана построено с шагом 0,5 и 0,25 м. В 2021 г. для получения топографической карты памятника в целом была сделана 2531 фотография с высоты 100 м с охватом территории в 436,4 га. С помощью тахеометра TrimbleM3 DR 5 была проведена разметка площадок для геофизических исследований (рис. 7).

В 2020–2022 гг. усилия магнитометрических исследований были сосредоточены на изучении мавзолея №1, имеющим максимальные размеры и, являющимся центральным объектом комплекса мавзолеев у с. Лапас.

Руины мавзолея находятся на выположенной насыпи высотой до 3м от поверхности (рис. 1; 4–8). Площадка магнитометрического исследования включает в себя участки магнитометрии №№ 1–34. Разметка участков происходила на основе анализа микро-топоплана, полученного при съемке БПЛА. В процессе исследования и получения предварительного магнитометрического результата происходила коррекция местоположений отдельных участков геофизического исследования. Участки ориентированы по линии магнитный север – юг и образуют площадь единого покрытия – 9 га.

В 2020 г. магнитометрией было исследовано 4 участка площадью 10 000 м^2 (произведено 36893 физических наблюдений магнитного поля), в 2021 г. было исследовано 14 участков площадью 40 000 м^2 (произведено 159 671 физических наблюдений магнитного поля), в 2022 г.было исследовано 16 участков площадью 40 000 м^2 (произведено 147 105 физических наблюдений магнитного поля). Общая площадь магнитометрических исследований составила 90 000 м^2.

Итогом магнитометрических исследований мавзолея 1 стало распределение магнитного поля на участках исследования. Адекватность получаемых данных подтверждена тем, что результаты магнитометрии разных участков и разных лет работы, стыкуются между собой. Для лучшей визуализации результата представлено несколько вариантов магнитограмм площади исследования.

Прорисовка выявленных магнитометрией погребенных археологических объектов в границах исследуемой площади с наложением/без наложения представлена на сводной магнитограмме (рис. 8).

Анализ полученных результатов 2020–2022 гг. позволяет сделать несколько предварительных выводов и предположений. Зафиксирова-

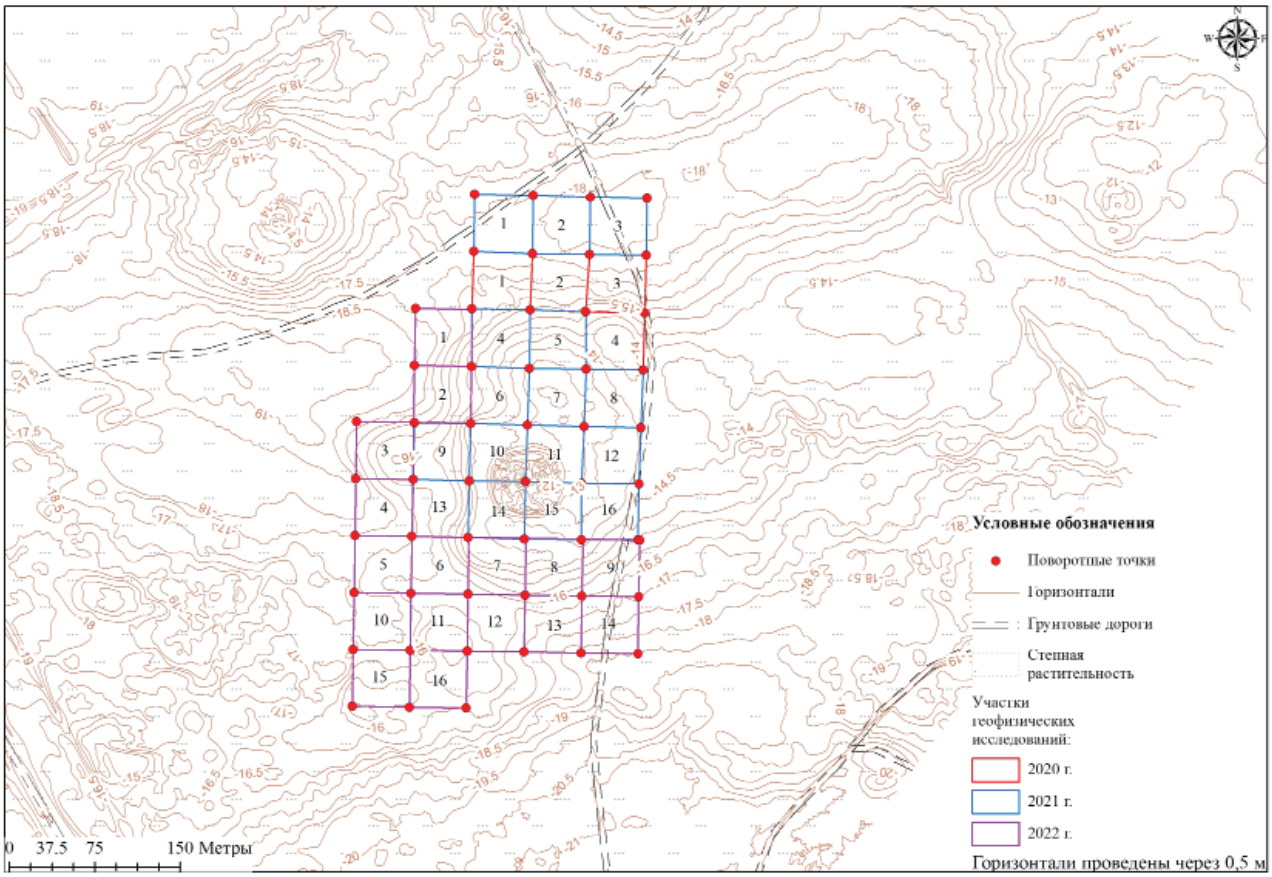


Рис. 6. Топографический план участка Лапасского комплекса (Вафина Г.Х., Овечкина Л.В., 2022 г.).
Fig. 6. Topographic plan of the site of Lapas complex (Vafina G.Kh., Ovechkina L.V., 2022).

ны остатки сохранившихся основных элементов кирпичных строений и конструкций мавзолейного комплекса №1 и сохранившиеся остатки фундаментов нескольких комплексов крупных сооружений прямоугольной формы. Ориентировка данного комплекса магнитный север – юг, с отклонением к западу 2 градуса.

Все выявленные объекты и зоны изменений магнитного поля разделены по общности ориентировкина две группы: группа А и группа В. Группа А с отклонением основной своей оси – 2 градуса к западу от магнитного севера (сам мавзолей), 16 градусов к западу от магнитного севера (производственный центр к северу от мавзолея) (рис. 9). Группа В с отклонением основной своей оси – от 35 до 45 градусов к востоку от магнитного севера (рис. 10).

Группа А. Центральная часть мавзолея с предположительными размерами 60×60 м имеет сложную многокамерную структуру. Отдельные помещения прорисованы достаточно условно, т.к. возможно искажение от неровной поверхности съемки. Фиксируется часть входных конструкций в центральную часть сооружения с юга, шириной – около 15 метров. Внешний контур мавзолейного комплекса (вариант №1, вариант №2) с условным размером 120×100 м, прямоугольной, либо более сложной формы. Контуры и конфигурация внешней ограды мавзолея требуют дальнейших уточнений.

Внутри общей ограды, в юго-западном её углу, четко зафиксирован фундамент круглой формы, с предполагаемыми внешними размерами 18–20 м. Возможно, симметрично ему, к востоку находится аналогичный объект (обозначен прерывистой линией). Требуются дальнейшие уточнения. В южной части внешней ограды зафиксирован входной комплекс, с предполагаемыми размерами 20×10 м.

Севернее центральной части мавзолея выявлен комплекс компактных объектов, который вероятно являлся производственной зоной. Объекты 1 и 2 прямоугольной формы, вероятно, являются горнами для обжига кирпича для строительства мавзолея. Размеры объектов 10×10 м. Объекты 3–5: один овальный или два слабо выраженных круглых объекта, размерами 20×10 м или 10×10 м. Эти выявленные объекты находятся на единой площадке, причем центр этой площадки, вблизи округлых объектов в магнитном плане выражен сильнее. Предположительно являют-

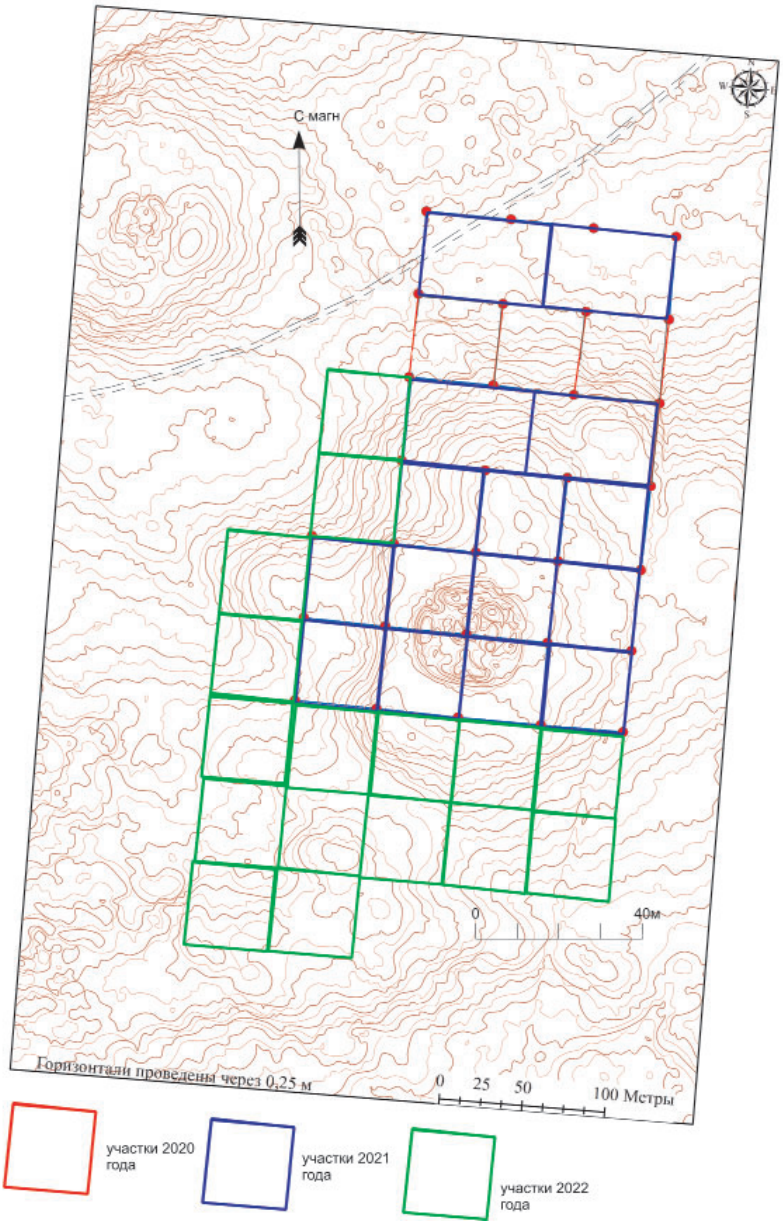


Рис. 7. Топографический план с площадкой для геофизических исследований на мавзолее №1 (Вафина Г.Х., Овечкина Л.В., 2020-2022 гг.).
Fig. 7. Topographic plan with a site for geophysical studies at Mausoleum No. 1 (Vafina G.Kh., Ovechkina L.V., 2020-2022).

ся ямами для обжига извести, с рабочей зоной обжига. Объекты 12, 12.1 выделены только по ориентировке, требуют проверки и подтверждения.

Группа В. Объекты 8–10 выражены в магнитном плане слабее, меньше размерами. Объект №8 предположительно сложной конфигурации, находится на производственной площадке группы объектов А (№№ 3, 4, 5). Является ли объект №8 отдельным сооружением, либо это отражение остатков производственной зоны пока, без дополнительных исследований, определить затруднительно. Объекты 9 выстраиваются в упорядоченные структуры. Возможно, это отражение небольших погребальных сооружений. Объект 10 размером 20×20 м расположен на месте северо-восточного угла центрального сооружения мавзолея №1, соосен с объектами группы В. Возможно, объект 10 является самостоятельным объектом другого строительного периода и налагается на часть основной конструкции мавзолея.

Отдельно в этой группе выделяются объекты №11 и №11.1. Они образуют площадку прямоугольной формы размером 90×100 м, ориентированной под 45 градусов к магнитному северу, с четкой границей юго–западного борта. В участки исследования полностью попали западный и южный углы площадки.

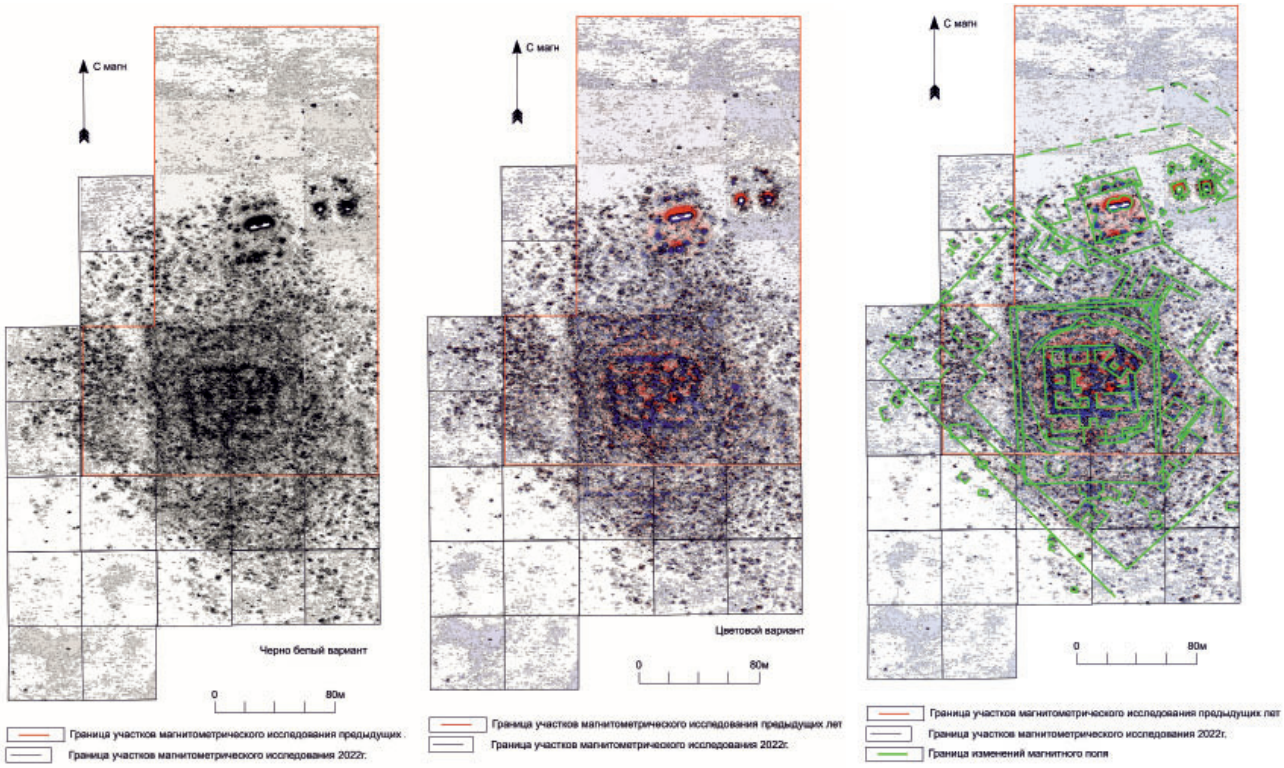


Рис. 8. Результаты магнитометрических исследований мавзолея №1 (Бездудный В.Г., 2020-2022 гг.).
Fig. 8. Results of magnetometric studies of Mausoleum No. 1 (Bezdudny V.G., 2020-2022).

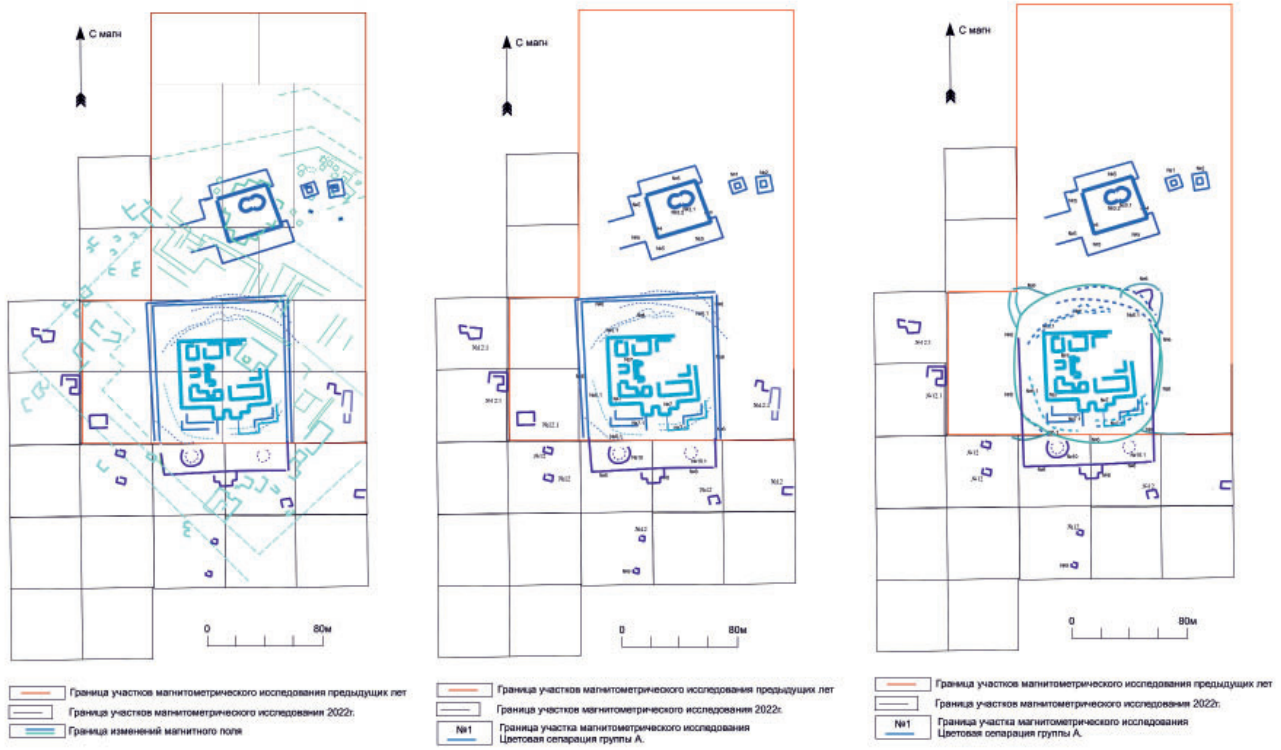


Рис. 9. Мавзолей №1: выявленные погребенные объекты группы А.
Fig. 9. Mausoleum No. 1: identified buried objects of group A.

Граница площадки в северном углу перекрыта сильными всплесками магнитного поля, предположительно, относящимися к мавзолейному комплексу №1. Граница выделена по интенсивности и плотности изменений магнитного поля. Стоит отметить, что грунт для предполагаемой подсыпки под строительство западного борта внешней ограды мавзолея 1, брался тут же, к западу от этой ограды. Косвенным доказательством этого может являться анализ микро-топоплана (наличие локального понижения) и «проплешина» от

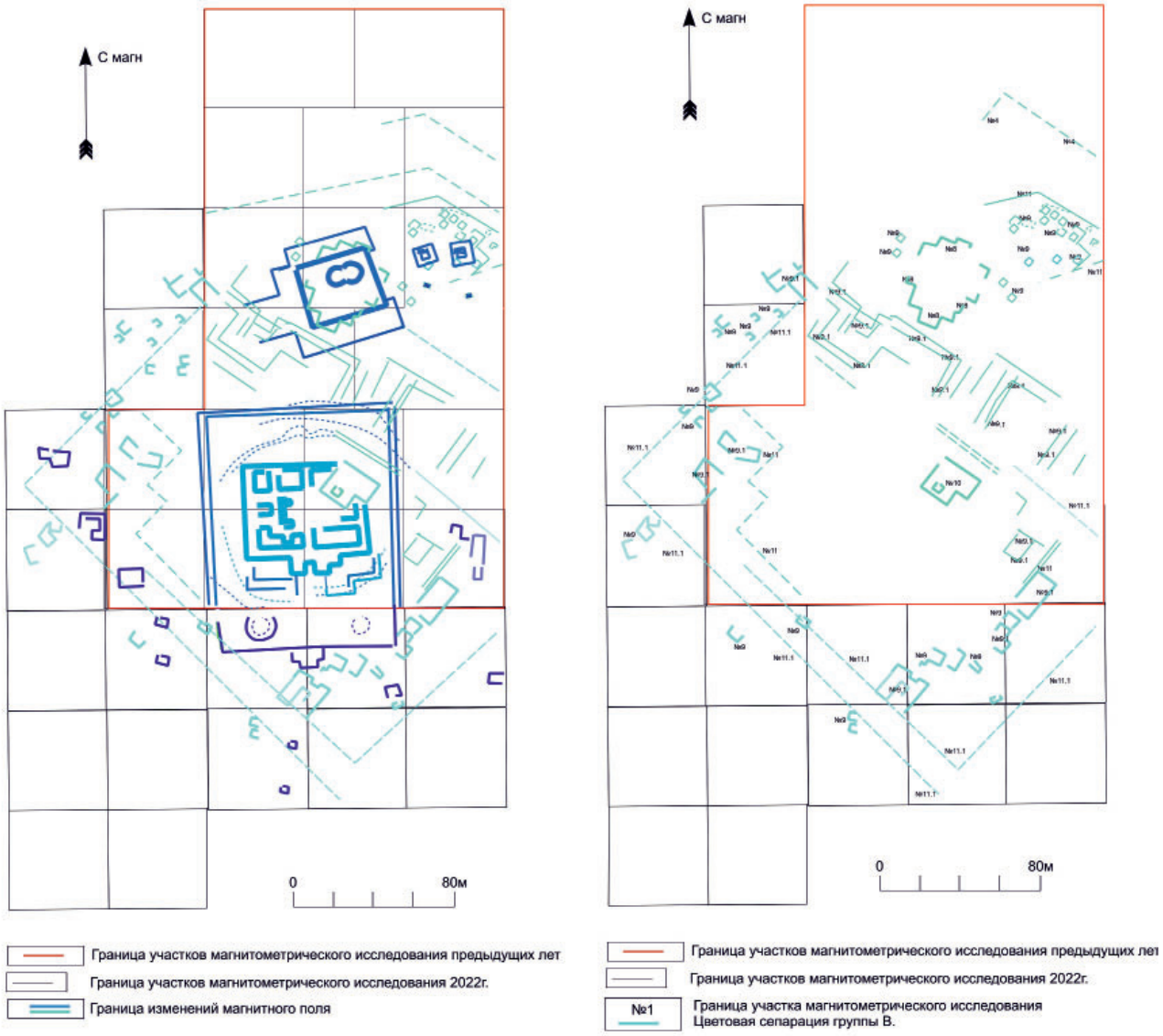


Рис. 10. Мавзолей №1: выявленные погребенные объекты группы В.
Fig. 10. Mausoleum No. 1: identified buried objects of group B.

всплесков магнитного поля около западной внешней стены мавзолея 1. Так же, это может быть косвенным доказательством разновременности строительства и существования объектов группы А и группы В, где группа А - более поздняя.

Анализ полученных результатов геофизических исследований на комплексе мавзолея 1 указывает, что магнитометрические исследования на большой площади (9 га) дают возможность оценить планиграфию памятника, его состав и конструктивные особенности. Выбранный и апробированный, в очередной раз, метод (магнитометрия) с успехом применим на всем комплексе Лапасских мавзолеев. На исследованном мавзолее 1 фиксируются остатки центрального сооружения сложной структуры, его ограды и входа с южной стороны, отдельных объектов и нескольких сооружений вне ограды мавзолея. Выявлены места производства строительных материалов для сооружения мавзолейного комплекса (горны для обжига кирпича и отжига извести).

Проведенные геофизические исследования позволяют нам уточнить представления по формированию этого известного археологического памятника и по-новому оценить его научный и культурный потенциал. Полученные результаты ставят вопросы о разработке методики для дальнейшего исследовании всего комплекса мавзолеев. Принимая во внимание огромную площадь некрополя и насыщенность его различными погребенными объектами, магнитометрические исследования могут скорректировать работу по подготовке исследования комплекса мавзолеев у с. Лапас археологическими методами.

ЛИТЕРАТУРА

Бездудный В.Г., Волков И.В., Марчук В.Н., Ситдиков А.Г. Комплексные геофизическое исследование участка Болгарского городища 2014-2017 гг. // Археология Евразийских степей. 2018. №5. С. 101–107.

Бездудный В.Г., Кочкаров У.Ю. Опыт применении геофизического исследований на Хумаринском городище в КЧР // Археология и Геоинформатика. Вторая международная конференция / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2015. С. 20–22.

Бездудный В.Г., Обухов Ю.Д., Ситдиков А.Г. Комплексные геофизические исследования средневекового памятника на северном Кавказе «Городище Маджар» 2016-2017 гг. // Археология Евразийских степей. 2018а. №5. С. 10–17.

Бездудный В.Г., Пигарев Е.М. Геофизические исследования на Селитренном городище // Астраханские краеведческие чтения. Вып. II / Ред. А.А. Курапов. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич. 2010. С. 100–105.

Бездудный В.Г., Шакиров З.Г., Ситдиков А.Г. Комплексные геофизические исследования 2015-2017гг. на Билярском городище // Археология Евразийских степей. 2018б. № 5. С. 18–24.

Васильев Д.В. Городище Ак-Сарай // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань: АГУ, 2001. С. 70–75.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.

Пигарёв Е.М. Отчет об археологических разведках по открытому листу формы №2 №327 в Харабалинском районе Астраханской области в 1995 г. / Архив ИА РАН №19473.

Пигарёв Е.М. Исследования золотоордынского городища у с. Лапас // Тезисы докладов первого международного симпозиума «Особо охраняемые территории и формирование здорового образа жизни» / Ред. В.И. Петров, Ю.В. Александров, К.Н. Кулик Волгоград,1997. С. 21–22.

Пигарёв Е.М., Скисов С.Ю., Лосев Г.А., Минаев А.П. Монетные находки с городищ «Красный Яр», «Лапас» и «Чертово городище». Астраханская область 2001-2003 гг. // Труды Международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Саратов, 2001. Муром, 2003 / Ред. П.Н. Петров. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 149–152.

Пигарёв Е.М. Предварительные результаты использования методики ДЗЗ на территории ханского некрополя у села Лапас Астраханской области // Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 422–424.

Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье в XIV в. по картам того времени и археологическим данным / Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Т.2. Вып. I. Саратов, 1889.

Эвлия Челеби. Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века): Перевод и комментарии. Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья / Сост. и отв. ред. А. Д. Желтяков. М.: Наука, 1979. 288 с.

Информация об авторах:

Бездудный Владимир Григорьевич, младший научный сотрудник отдела охранных исследований, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); lekt88@mail.ru

Вафина Гульнур Харисовна, младший научный сотрудник отдела геоинформационных технологий, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); vafina.gulnur5@mail.ru

Мирсияпов Ильнур Юсупович, заведующий отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); i_mirsiypov@mail.ru

Овечкина Людмила Викторовна, младший научный сотрудник отдела геоинформационных технологий, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); olv93@mail.ru

Пигарёв Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, начальник, Учебно-научный археолого-этнологический центр Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола, Россия); научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); pigarev1967@mail.ru

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, декан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), начальник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

REFERENCES

Bezdudny, V. G., Volkov, I. V., Marchuk, V. N., Sitdikov, A. G. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 101–107 (in Russian).

Bezdudniy V.G., Pigarev E.M. 2010. In Kurapov, A. A. (ed.). *Astrakhanskie kraevedcheskie chteniya* (*Astrakhan Local History Readings*) II. Astrakhan: "Sorokin Roman Vasil'evich" Publ., 100–105 (in Russian).

Bezdudny, V. G., Kochkarov, U. Yu. 2015. In Korobov, D. S. (ed.). *Arkheologiia i Geoinformatika. Vtoraia mezhdunarodnaia konferentsiia (Archaeology and Geoinformatics. Second International Conferenc*). Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy, 20–22 (in Russian).

Bezdudny, V. G., Obukhov, Yu. D., Sitdikov, A. G. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 10–17 (in Russian).

Bezdudny, V. G., Shakirov, Z. G., Sitdikov, A. G. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 18−24 (in Russian).

Vasil'ev, D. V. 2001. In *Arkheologiia Nizhnego Povolzh'ia na rubezhe tysiacheletii (Archaeology of the Lower Volga Region at the turn of the Millennium).* Astrakhan: Astrakhan State University, 70–75 (in Russian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Pigarev, E. M. 1995. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh po otkrytomu listu formy №2 №327 v Kharabalinskom raione Astrakhanskoi oblasti v 1995 g. (Report on Archaeological Exploration according to an Open Sheet No. 327 based on Form No. 2 in Kharabalinsky District of Astrakhan Oblast in 1995).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 19473 (in Russian).

Pigarev, E. M. 1997. In Petrov, V. I., Aleksandrov, Yu. V., Kulik, K. N. (eds.). *Osobo okhraniaemye territorii i formirovanie zdorovogo obraza zhizni (Specially Protected Areas and the Formation of a Healthy Lifestyle).* Volgograd, 21–22 (in Russian).

Pigarev, E. M., Skisov, S. Yu., Losev, G. A., Minaev, A. P. 2005. In Petrov, P. N. (ed.). *Monety i denezhnoe obrashchenie v mongol'skikh gosudarstvakh XIII–XV vekov (Coins and Currency Circulation in the Mongol States of 13th–15th Centuries)*. Moscow: "Numizmaticheskaia literatura" Publ., 149–152 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* III. Kazan: "Otechestvo" Publ., 422–424 (in Russian).

Chekalin, F. F. 1889. *Saratovskoe Povolzh'e v XIV v. po kartam togo vremeni i arkheologicheskim dannym (Saratov Volga region in the 14th Century according to Maps of the Specific Time Period and Archaeological Data).* Series: Trudy Saratovsko uchenoi arhivnoi komissii (Proceedings of the Saratov Scientific Archive Commission). 2 (1). Saratov (in Russian).

Chelebi, E. 1979. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti. (Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka*). *(Book of Travel. Crimea and the Neighbouring Regions. (Extracts from a Work by a 17th Century Turkish Traveler).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Bezdudny Vladimir G. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; lekt88@mail.ru

Vafina Gulnur Kh. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; vafina.gulnur5@mail.ru

Mirsiyapov Ilnur Yu. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; i_mirsiypov@mail.ru

Ovechkina Lyudmila V. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; olv93@mail.ru

Pigarev Evgeniy M. Candidate of Historical Sciences. Mari State University. Ryabinin St., 8, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; pigarev1967@mail.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия. Москва.
АЭ КФАН СССР – Археологическая экспедиция КФАН СССР
БГИАМЗ (БГИАЗ) – Билярский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (Билярский государственный историко-архитектурный заповедник)
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук.
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей.
ГАИМК – Государственная Академия материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМТР – Государственный музей Татарской республики
ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН
ДонНУ – Донецкий национальный университет
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук.
ИАК – Известия археологической комиссии
ИГАИМК – Известия Государственной Академии материальной культуры, Ленинград
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР
КНЦ РАН – Казанский научный центр Российской академии наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК – Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КФУ – Казанский федеральный университет
ЛЭП – Линия электропередачи
МАР ИААН РТ – Музей археологии ИА АН РТ.
МарГУ – Марийский государственный университет
МАРНИИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл
МАЭ – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИЦАИ – Международный Институт Центральноазиатских исследований, Самарканд
МХЭ – Материалы Хорезмской Экспедиции, Москва
НИР – Научно-исследовательская работа
НПЗ – Нефтеперерабатывающий завод
ОКН – объект культурного наследия
ПСРЛ – полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук.
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГУАК – Симбирская губернская учёная архивная комиссия
СМИЗО – Сборник материалов по истории Золотой Орды
СНТ – Садовое некоммерческое товарищество
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В. Алабина
СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия
Труды ТашГУ – Труды Ташкентского государственного университета, Ташкент
УКМ, УОКМ – Ульяновский областной краеведческий музей имени И. А. Гончарова
ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЧАЭ – Чувашская археологическая экспедиция

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря

№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года

№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года

№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года

№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года

№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year

Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year

Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year

Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year

Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year

Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором
Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Дата подписи в печать 14.05.2022
Дата выхода в свет 27.06.2022
Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 38,13
Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №
Свободная цена
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"
г. Казань, ул. Галактионова, 14
16+